

М. В. ФРУНЗЕ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1951

Михаил Васильевич Фрунзе был выдающимся деятелем партии Ленина—Сталина и советского государства, полководцем ленинско-сталинской школы, талантливым организатором и руководителем советских Вооруженных Сил.

Верный сын большевистской партии, любимец Красной Армии и советского народа, Фрунзе отдал всю свою жизнь делу борьбы за свободу и независимость Родины.

В речи над могилой верного друга и соратника товарищ Сталин говорил: «...в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей».

Фрунзе прошел суровый путь профессионала-революционера, большевика-подпольщика. В смертельной борьбе против царизма, против власти помещиков и капиталистов закалялась и крепла большевистская воля этого стойкого борца за коммунизм.

Революционная деятельность Фрунзе началась в 1904 году, когда он был студентом петербургского Политехнического института. Его активная работа среди студентов и тесная связь с рабочими Петербурга вскоре привлекли к себе вни-

мание полиции, и Фрунзе вынужден был уехать из Петербурга. Московская партийная организация, куда прибыл Фрунзе, летом 1905 года направила его на партийную работу в г. Шую.

Здесь, в Иваново-Вознесенском текстильном районе, Фрунзе окончательно сформировался как большевик и стал в центре руководства революционным социал-демократическим движением среди ткачей.

В годы первой русской революции Фрунзе являлся организатором и руководителем иваново-вознесенских рабочих. В декабре 1905 года, когда в Москве началось вооруженное восстание, Фрунзе с группой шуйских дружинников прибыл на помощь московским рабочим и вместе с ними участвовал в баррикадных боях.

Годы между первой и второй русскими революциями Фрунзе прожил в обстановке непрерывных гонений и репрессий со стороны царского правительства. За свою революционную деятельность он неоднократно подвергался арестам, дважды был приговорен к смертной казни, семь лет провел в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Но ничто не могло сломить могучего духа пламенного большевика. Наоборот, гонения и преследования еще больше закалили его волю и характер.

Находясь в сибирской ссылке, Фрунзе готовил себя и своих товарищей к предстоящим революционным боям. С этой целью он организовал среди ссыльных кружок военного дела, носивший название «Военной академии».

В 1915 году Фрунзе совершает побег из тюрьмы и некоторое время живет нелегально в Чите. Летом 1916 года он тайно уезжает из Читы в Европейскую Россию, на Западный фронт, и ведет активную революционную работу в действующей армии.

После Февральской революции Фрунзе, выполняя задание партии, развивает энергичную деятельность по сплочению солдат Западного фронта вокруг партии большевиков, готовит революционные силы белорусского народа к решающей битве за власть Советов.

В августе 1917 года партия снова направляет Фрунзе на руководящую работу в Иваново-Вознесенскую губернию,

в г. Шую, где он избирается председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем городской думы и уездной земской управы.

В дни Октябрьской социалистической революции Фрунзе принимает участие в разгроме сил контрреволюции в Москве.

В помощь московским рабочим и солдатам он направляет двухтысячный вооруженный отряд, в котором было 900 революционных солдат и рабочих г. Шуи.

В 1918 году Фрунзе возглавляет Иваново-Вознесенский губернский комитет партии, губисполком, а также Ярославский военно-окружной комиссариат, переведенный после подавления ярославского контрреволюционного мятежа в Иваново-Вознесенск.

В течение всего периода вооруженной интервенции, возглавлявшейся правящими кругами США, и в годы гражданской войны большевистская партия неоднократно посылала Фрунзе на исключительно ответственные и опасные участки, и Фрунзе всегда с честью выполнял порученное ему дело.

26 декабря 1918 года Фрунзе был назначен командующим 4-й армией, действовавшей на правом фланге Восточного фронта. Это был первый командный пост Фрунзе в Красной Армии.

31 января 1919 года Фрунзе прибыл в Самару и вступил в командование армией.

Вера в творческие силы народа, поднявшегося под руководством большевистской партии с оружием в руках на защиту своих завоеваний, против интервентов — США, Англии и других империалистических стран, огромный опыт политической борьбы, способность быстро и правильно ориентироваться в самой сложной обстановке, прекрасное знание военной истории и блестящий полководческий талант — все это позволило Фрунзе в самый короткий срок сделать 4-ю армию примером для всего фронта.

В период решающей борьбы против одного из злейших палачей русского народа, махрового контрреволюционера и монархиста Колчака, весной 1919 года молодой советский полководец, возглавивший командование армиями Южной группы Восточного фронта (в состав группы входили 4-я,

1-я, 5-я и Туркестанская армии), организовал и успешно провел контрнаступление против наступающих войск Колчака, стремившихся соединиться в районе Саратова с армией Деникина, который, как и Колчак, поддерживался американскими, английскими и другими империалистами.

План контрнаступления, предложенный М. В. Фрунзе и одобренный В. И. Лениным и И. В. Сталиным, представляет собой яркий образец советской стратегии и характеризуется глубиной замысла, оригинальностью, решительностью, смелостью и энергичностью действий. Успешное осуществление этого плана в корне изменило стратегическую обстановку на Восточном фронте и положило начало полному разгрому армий Колчака.

Суровая школа подпольной революционной деятельности и выдающееся военное дарование выдвинули Фрунзе в ряды крупнейших полководцев нового, социалистического государства.

19 июля Фрунзе был назначен командующим Восточным фронтом и находился на этом посту до полного завершения Челябинской операции, в результате которой фронт Колчака был разорван на две части: северные армии Колчака отходили в Сибирь, а южная армия под командованием генерала Белова на юго-восток, к Туркестану.

В начале августа 1919 года Южная группа Восточного фронта, по указанию ЦК партии, была выделена в самостоятельный Туркестанский фронт во главе с М. В. Фрунзе.

В результате искусной операции, проведенной Фрунзе, армия Белова была окружена и ликвидирована, связь между Советской Россией и Туркестаном восстановлена. Советские войска во главе с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым совершили грандиозный переход от оренбургских степей к горам Памира и знойным пескам Бухары. В исключительно сложных условиях многонационального Туркестана, умело осуществляя директивы Ленина и Сталина, Фрунзе успешно провел операции по ликвидации Семиреченского фронта и по освобождению Бухары от власти эмира. Войска, руководимые М. В. Фрунзе, одержали полную победу над американскими и английскими интервентами, их наемниками — русскими

белогвардейцами и многочисленными шайками басмачей. Народы Советских Республик Средней Азии никогда не забудут заслуг Фрунзе в деле освобождения их от гнета иностранных интервентов и в деле укрепления Советской власти в Средней Азии.

Гражданская война подходила к концу, но в пределах советской земли оставался еще опасный враг — один из кандидатов международного империализма в контрреволюционные «правители» России — «черный барон» Врангель. Большевистская партия, по предложению товарища Сталина, возложила осуществление разгрома Врангеля на М. В. Фрунзе. В боях против Врангеля Красная Армия проявила исключительный героизм и самопожертвование, покрыв свои знамена немеркнувшей славой. В операции по ликвидации находившегося у США на содержании Врангеля, на которого возлагали свои надежды американские, английские, французские и другие интервенты и белогвардейцы, во всем блеске проявился выдающийся полководческий талант Фрунзе. В середине ноября 1920 года остатки врангелевских войск были сброшены в Черное море. Над Крымом взвилось красное знамя республики Советов.

* * *

В первой же операции против Колчака, начатой в апреле и завершенной в июне 1919 года, проявились замечательные черты полководческого таланта Фрунзе. Настаивая на проведении этой операции, Фрунзе исходил из глубокого знания и правильного понимания сложной обстановки и потому был уверен в ее успехе. В период подготовки контрнаступления Южной группы со стороны военных спецов, ставленников Троцкого, были попытки убедить Фрунзе в том, что контрнаступление против наступающих войск Колчака не может принести успеха, так как для выполнения этой задачи якобы недостаточно сил. Однако Фрунзе путем умелой перегруппировки создал превосходство сил над противником на важнейшем направлении и, сосредоточив ударную группу войск в районе Бузулука, нанес точно рассчитанный фланговый удар по растянувшимся войскам противника, наступав-

шим от Бугуруслана к Волге, на Самару. Ход событий подтвердил правильность стратегического замысла Фрунзе.

Вся деятельность Фрунзе в годы иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны была пронизана несокрушимой верой в победу того дела, за которое героически боролась партия Ленина — Сталина, верой в силы народа и Красной Армии. Оценивая успехи советских войск в борьбе за каховский плацдарм, Фрунзе 15 октября 1920 года сообщал В. И. Ленину: «Эта неудача несомненно является началом крушения Врангеля. Не позднее чем через неделю начнется наше общее наступление, и сомнения в его победоносном исходе у меня нет». В другой телеграмме В. И. Ленину, посланной Фрунзе 26 октября, говорится: «Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 (октября) и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь».

Готовясь к той или иной операции, Фрунзе большое внимание уделял подбору и расстановке людей. Так, например, вместе с членом Реввоенсовета В. В. Куйбышевым Фрунзе возложил задачу удара по флангу противника на дивизию В. И. Чапаева, в котором он увидел талантливого народного самородка-военачальника. Чапаев оправдал это доверие: его дивизии принадлежит честь выигрыша боев с колчаковцами под Бугурусланом, Бугульмой, Белебеем и Уфой.

Уже в самом начале полководческой деятельности у Фрунзе сложилось правило, от которого он никогда не отступал: сначала проверь, изучи, а потом действуй. Относясь к военному делу по-ленински, по-сталински, Фрунзе с исключительной тщательностью готовил операции, уделяя много внимания вопросам разведки, анализу обстановки, изучению морального состояния войск противника и созданию необходимых материальных условий для обеспечения победы над врагом.

Если успех операции был связан с необходимостью риска, Фрунзе шел на него, тщательно взвешивая при этом целесообразность своих действий. Так, например, решив использовать политическую и моральную неустойчивость войск Врангеля в связи с поражением их в Северной Таврии, Фрунзе

форсирует начало операции по штурму перекопско-чонгарских позиций и переправе через Сиваш, хотя далеко еще не все приготовления к штурму были закончены и, в частности, не была подтянута наша тяжелая артиллерия. Расчет был на внезапность и на массовый героизм бойцов Советской Армии, горевших желанием быстрее покончить с Врангелем. Как известно, операция эта была проведена блестяще и закончилась ликвидацией преступного, грабительского нашествия интервентов и контрреволюции на Юге.

Фрунзе уделял очень много внимания вопросам снабжения армии, передвижения войск, создания боеспособных резервов и т. п.

Красной нитью проходит во всей полководческой деятельности Фрунзе забота о людях. Бойцы горячо любили и уважали за это своего командующего, в котором они видели не только выдающегося начальника, но и заботливого командира.

В решающие моменты операций Фрунзе часто появлялся на передовых позициях. Так было в боях под Уфой (8—9 июня 1919 года), когда личное присутствие Фрунзе в передовых цепях его любимого Иваново-Вознесенского полка помогло сорвать контратаку колчаковцев. Так было и в период штурма Перекопа и форсирования Сиваша, когда Фрунзе, находясь в боевых порядках войск, руководил ходом операции непосредственно на месте. В решающие моменты Фрунзе смело шел навстречу опасности, увлекая за собой бойцов, внося в их ряды подъем и уверенность в успехе.

Исключительное значение придавал Фрунзе дисциплине как важнейшему элементу воспитания войск. Будучи чрезвычайно дисциплинированным командиром, он требовал от всех без исключения подчиненных строгого соблюдения установленного в армии порядка, беспрекословного, быстрого и точного исполнения приказов и распоряжений. Особенно настойчиво добивался он понимания общей задачи всеми исполнителями. В его приказах основная цель действий всегда излагалась предельно четко и ясно, в форме, доступной каждому бойцу.

Фрунзе был крупнейшим военным деятелем, полководцем сталинского типа. Партия и Советское правительство высоко

оценили заслуги Фрунзе перед Родиной в годы гражданской войны, наградив его двумя орденами боевого Красного Знамени и почетным революционным оружием.

По окончании гражданской войны наша страна приступила к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Военный талант и организаторские способности Фрунзе нашли блестящее применение в условиях мирного строительства советских Вооруженных Сил.

До 1924 года Фрунзе работает командующим войсками Украины и Крыма и заместителем председателя Совнаркома УССР. В марте 1924 года он назначается заместителем председателя Реввоенсовета и Народного комиссара по военным и морским делам, а с апреля 1924 года на него возлагается также выполнение обязанностей начальника Штаба РККА и начальника Военной академии, носящей ныне его славное имя.

Менее чем через год, 26 января 1925 года, Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, по предложению товарища Сталина, сделанному на пленуме ЦК РКП(б), возложил на Фрунзе руководство Вооруженными Силами страны и утвердил его председателем Реввоенсовета Республики и Народным комиссаром по военным и морским делам.

Работая под непосредственным руководством товарища Сталина, Фрунзе проделал за два года огромную работу по перестройке Красной Армии, отдавая первостепенному государственному делу всю свою кипучую энергию.

Как известно, с окончанием гражданской войны угроза нового нападения империалистов на СССР не была исключена. «Мы кончили одну полосу войн, — говорил В. И. Ленин, — мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте»¹.

Предупреждение великого Ленина обязывало партию и Советское правительство неустанно укреплять обороноспособность страны. Однако тяжелое состояние народного хозяй-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 35.

ства, разрушенного войной и только что вступившего на путь восстановления, осложняло осуществление этой задачи.

Используя наши трудности, враги партии и советского народа — троцкисты и другие предатели — стремились подорвать диктатуру пролетариата и сорвать строительство социализма. Они пытались дезорганизовать переход Красной Армии на мирное положение, подорвать ее материальное обеспечение, сорвать боевую подготовку.

Назначенная в январе 1924 года специальная комиссия ЦК РКП(б), обследовавшая состояние Красной Армии, сделала следующий вывод: «Красной Армии, как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна»¹.

Главным виновником такого развала работы в армии был злейший враг партии и советского народа предатель Троцкий.

По докладу комиссии Центральный Комитет партии принял ряд срочных мер, направленных на укрепление Красной Армии. Троцкий был отстранен от руководства Красной Армией.

Выступая 19 января 1925 года на пленуме ЦК РКП(б), товарищ Сталин решительно потребовал усилить внимание к нуждам армии.

«Вопрос о нашей армии, о её мощи, о её готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий.

...Отсюда вывод: быть готовыми ко всему, готовить свою армию, обуять и одеть её, обучить, улучшить технику, улучшить химию, авиацию, и вообще поднять нашу Красную Армию на должную высоту. Этого требует от нас международная обстановка»².

Под руководством товарища Сталина наша партия наметила широкую программу военного строительства, в результате выполнения которой Красная Армия и Военно-Морской Флот должны были превратиться в полнокровные боевые

¹ К. Е. Ворошилов, Ленин, Сталин и Красная Армия. Статьи и речи. Партийное издательство, М., 1934, стр. 80.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 7, стр. 14.

организмы, способные отразить любое военное нападение на Советскую республику.

Руководящая роль в осуществлении этой обширной программы намеченных преобразований принадлежала М. В. Фрунзе, с именем которого связана так называемая «военная реформа».

Менее чем за два года, в течение которых Фрунзе возглавлял руководство Красной Армии, им была проделана огромная работа. «...Задачи, которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, — говорил о Фрунзе К. Е. Ворошилов, — открыли новую полосу в военном строительстве»¹. В эти годы был полностью реорганизован центральный аппарат Наркомвоенмора, разработаны новые штаты для армейских частей и начат перевод армии на единственно целесообразную и возможную в то время территориально-милиционную систему организации. Было также улучшено материальное положение военнослужащих, введена твердая система подготовки командных кадров и прохождения ими службы в армии.

Свою огромную государственную деятельность после гражданской войны Фрунзе непрерывно сочетал с глубокой военно-теоретической работой. Основные труды по военным вопросам были созданы им именно в это время. Статьи и речи Фрунзе, посвященные характеру будущей войны, роли экономики в войне, созданию и развитию новых видов оружия, проблемам высшего военного образования, намечали перспективу развития советских Вооруженных Сил на ряд лет вперед. И только преждевременная смерть, 31 октября 1925 года, прервала замечательную деятельность Фрунзе, направленную на воплощение в жизнь сталинской программы реконструкции Красной Армии и превращения ее в лучшую в мире армию, оснащенную всеми современными средствами борьбы.

* * *

Настоящий сборник избранных произведений Фрунзе охватывает период с 1918 по 1925 год включительно.

¹ К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, Партиздат, М., 1938, стр. 86.

Сборник открывается обращением Центрального Комитета партии ко всем членам партии, ко всем рабочим и крестьянам в связи со смертью М. В. Фрунзе и речью товарища Сталина на похоронах М. В. Фрунзе, а также статьей товарища Ворошилова «М. В. Фрунзе — друг и вождь Красной Армии» и другими материалами о Фрунзе, характеризующими его как выдающегося полководца, в лице которого сочетались замечательные качества политического деятеля и руководителя боевыми операциями Красной Армии.

Документы первых двух разделов сборника («1918 год» и «1919—1920 годы») относятся к периоду начала гражданской войны и связаны с деятельностью М. В. Фрунзе на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах.

Доклады и другие публичные выступления Фрунзе в эти годы, как правило, не стенографировались. Этим объясняется, что в этих разделах помещены только две статьи общего характера («Россия и Дальний Восток», «Красная Армия и ее задачи»), призывающие трудящихся Советской Республики укреплять Красную Армию. Весной 1918 года, непосредственно после начала англо-американской и японской интервенции в Советскую Россию (первый английский десант был высажен в Мурманске 9 марта, а первый десант японцев — во Владивостоке 5 апреля 1918 года), Фрунзе писал: «Выход только один — немедленная и энергичнейшая деятельность по организации наших вооруженных сил. До тех пор, пока Советская Россия их не создаст, она будет легкой и лакомой добычей всякого хищника... Мы должны быть сильны, чтобы с нами считались» (стр. 56)¹.

Значительно полнее в этих разделах представлена другая важная область творчества Фрунзе — документы, отражающие его полководческую деятельность². Документы сгруппированы по трем фронтам, которыми Фрунзе последовательно командовал.

Из документов по Восточному фронту, кроме приказов общего характера, включены три оперативных приказа (№ 021,

¹ Цифры в скобках означают страницы настоящего Сборника.

² Подробно эта деятельность М. В. Фрунзе освещена в сборнике документов «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» (Военное издательство, М., 1941, 472 стр.).

№ 022 и № 023). Приказы эти относятся к периоду подготовки контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта (1-й, 4-й, Туркестанской и 5-й), которой командовал Фрунзе.

Обстановка, в которой разворачивалось это замечательное стратегическое контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте, ярко охарактеризована самим Фрунзе. «Я припоминаю обстановку, в которой работал мой штаб в Самаре,— говорил М. В. Фрунзе в 1922 году. — Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге; мы едва удерживали Оренбург, окруженный с трех сторон; защищавшая его армия¹ все время стремилась к отходу; к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной; но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое.

В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, бывшего тогда в руках Вацетиса. Он стоял за продолжение отступления. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака» (стр. 191—192).

В публикуемых приказах подробно изложен план Фрунзе по нанесению решительного удара Колчаку. Наиболее характерной особенностью этого плана является воплощение в жизнь сталинского положения о значении выбора направления главного удара. Фрунзе наносит удар в общем направлении с юга на север, во фланг растянувшимся колчаковским войскам — «в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника... с целью окончательного разобщения этих кор-

¹ Оренбург защищала 1-я армия, командование которой, настроенное капитулянтски, упорно пыталось доказать «невозможность» защиты Оренбурга и необходимость его оставления (Ред.).

пусов и разгрома их по частям» (стр. 75). Это должно было обеспечить выход ударной группировки фронта в тыл основными силами Западной армии генерала Ханжина, наступавшей в направлении на Самару. Для выполнения плана контрнаступления Фрунзе создал ударную группу войск почти без всякой помощи извне, путем ряда быстрых перегруппировок, в результате которых ему удалось привлечь к контрнаступлению свыше 42 тысяч штыков и сабель, что составляло около двух третей всех сил Южной группы.

Контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта, организованное и проведенное под руководством Фрунзе в острой и напряженной обстановке, дало решительную победу Советской Республике. Колчаковский фронт был разорван на две части. Для организации разгрома этих группировок, в частности группировки, отходившей на юго-восток, к Туркестану, был создан новый, Туркестанский фронт, командующим которым был назначен Михаил Васильевич Фрунзе.

В командование Туркестанским фронтом, образованным из войск правого крыла Восточного и левого крыла Южного фронтов (1-я, 4-я и 11-я армии), Фрунзе вступил 18 августа 1919 года после разгрома Красной Армией стратегических резервов Колчака и когда уже стало ясно, что окончательный крах иностранной интервенции в Сибири является только вопросом времени. Этот этап полководческой деятельности Фрунзе представлен в Сборнике несколькими приказами, директивами и другими документами.

В сентябре 1919 года, когда окончательное поражение остатков колчаковских банд — так называемой Южной армии Белова — становилось фактом, Фрунзе в приказе № 150 войскам Туркестанского фронта писал: «Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи». 22 февраля 1920 года Фрунзе со своим штабом прибыл в Ташкент, после чего начались операции по непосредственному очищению Туркестана от интервентов, белогвардейцев и банд буржуазных националистов — басмачей. В приказе от 22 февраля, 23 мая 1920 года и других публикуемых в Сборнике приказах

дана яркая характеристика условий, в которых выполнялась эта сложная задача.

Борьба в Туркестане протекала в иных условиях, чем на Урале и в Сибири. Здесь фронта в узком смысле этого слова, т. е. рубежа, отделяющего две борющиеся враждебные группировки, не было; фронт был кругом, повсюду. Иностранная интервенция и гражданская война в Туркестане осложнялись своеобразием классовых, религиозных и национальных отношений между народами этой бывшей царской колонии, которые английские империалисты пытались использовать в своих захватнических целях. С помощью местных буржуазных националистов и белогвардейцев они стремились оторвать народы Туркестана от Советской России, поработить их и овладеть огромными естественными богатствами этого края. Используя отсталость восточных народностей, английская агентура и местные буржуазные националисты всячески разжигали чувство недоверия ко всему русскому. Осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, Фрунзе сделал очень много, чтобы помочь народам Востока увидеть в России «оплот и знамя своего освобождения от цепей империализма»¹, сделать для них Советскую власть близкой и родной.

Политическая и военная работа Фрунзе в Туркестане полностью отвечала указаниям партии и Советского правительства, изложенным 13 ноября 1919 года в специальном письме В. И. Ленина, с которым он обратился к членам комиссии ВЦИК и СНК по делам Туркестана. «Установление правильных отношений с народами Туркестана, — говорится в этом письме, — имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доньше угнетавшимся народам»².

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 237.

² В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXIV, стр. 531.

Выполняя это указание В. И. Ленина, М. В. Фрунзе и прибывший вместе с ним член Реввоенсовета В. В. Куйбышев успешно выполнили поставленную перед ними задачу.

К концу 1919 года вооруженным силам интервентов и белогвардейцев в Туркестане был нанесен ряд серьезных ударов, приведших в апреле 1920 года к ликвидации так называемого Семиреченского фронта, возникшего в борьбе с белогвардейскими бандами Анненкова и Бакича, остатки разбитых белогвардейцев бежали в Китай.

В августе 1920 г. в Бухаре вспыхнуло вооруженное восстание против феодальной власти эмира и его непосредственных хозяев — англичан. Восставшие обратились к Фрунзе за помощью. Фрунзе немедленно пришел на помощь восставшему народу Бухары. Была успешно проведена сложная и своеобразная Бухарская операция, существо которой изложено в публикуемых в настоящем Сборнике директивах от 12 и 25 августа. Операция эта была подготовлена в строжайшей тайне и осуществлена силами, значительно меньшими, чем силы, находившиеся в распоряжении эмира. Преодолев сопротивление противника, части Красной Армии быстро сосредоточились в районе Старой Бухары (столица эмира) и в результате ожесточенных трехдневных боев овладели укрепленным городом. Бухара стала народной республикой и вступила на путь социалистического развития.

Успех борьбы в Туркестане зависел прежде всего от осуществления правильной ленинско-сталинской национальной политики, которая неуклонно проводилась в жизнь Фрунзе и Куйбышевым. Яркое отражение этой политики мы находим, в частности, в приказе Фрунзе от 23 мая 1920 года. Характеризуя кратко работу, которую вели органы советской власти в Туркестане с целью вырвать массы из-под влияния басмачества, Фрунзе писал: «Басмачи не просто разбойники; если бы это было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, главные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, коих так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения...»

С басмачеством пора кончать... Эта задача ложится на вас, товарищи красноармейцы. Задача не так проста, как может показаться с первого взгляда. Трудность не в военном преодолении врага — это для нас не очень трудно, трудность в том, чтобы все многомиллионное мирное трудовое мусульманство поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним — священная задача и опора трудового народа» (стр. 101—102).

Фрунзе всегда придавал большое значение политической работе. Верный сын партии Ленина — Сталина, Фрунзе во всех своих действиях претворял в жизнь политику партии и благодаря этому успешно решал труднейшие военные задачи. В лице Фрунзе партия имела замечательного проводника ленинско-сталинской национальной политики в Туркестане.

Под руководством Ленина и Сталина Фрунзе удалось успешно решить такую сложную задачу, как массовое привлечение в ряды Красной Армии местного коренного населения Туркестана — одной из наиболее жестоко угнетавшихся колоний царизма. Непримируемость к классовым врагам, большевистская принципиальность, высокое личное мужество, чуткость и отзывчивость — все это сделало имя Фрунзе популярнейшим среди самых широких масс трудящихся Туркестана.

Бухарской операцией заканчивается деятельность Фрунзе в Туркестане. 21 сентября 1920 года Реввоенсовет Республики, по указанию партии и правительства, вынес решение о создании Южного фронта. Товарищ Сталин, которому была поручена организация фронта, предложил назначить командующим фронтом М. В. Фрунзе. В. И. Ленин поставил перед Фрунзе задачу: в кратчайший срок ликвидировать последнего белогвардейского ставленника иностранных интервентов на территории Советской Республики — барона Врангеля, удерживавшего Крым и Северную Таврию.

Публикуемые в Сборнике документы и статьи Фрунзе подробно освещают деятельность его на Южном фронте и подтверждают тот факт, что борьба с Врангелем представляла собой явление крупнейшего международного значения. В это

время американские, английские, французские, итальянские, а заодно с ними японские и другие империалисты всячески помогали Врангелю, стремясь сделать его армию основной вооруженной силой в их дальнейшей борьбе за уничтожение Советского государства, за раздел и закабаление России.

Ответом на директиву В. И. Ленина ускорить наступление на Врангеля, чтобы до зимы Крым был очищен от интервентов и белогвардейцев, явился приказ-воззвание Фрунзе к войскам Южного фронта.

«Здесь завязался новый узел интриг и козней, — говорится в этом приказе, — при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение... Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта» (стр. 113—114).

Прибыв на Южный фронт, когда полчища Врангеля вторглись на Правобережную Украину, Фрунзе немедленно предпринял решительный контрманевр, сорвал вражеский план и нанес ударной группе войск Врангеля тяжелое поражение.

Осуществляя план товарища Сталина, Фрунзе организовал и мастерски провел две операции в Северной Таврии и знаменитую Перекопско-Чонгарскую операцию, которые окончательно решили участь южной контрреволюции.

Публикуемые оперативные документы от 18, 19 и 26 октября относятся к периоду подготовки и проведения операции в Северной Таврии, остальные документы — к Перекопско-Чонгарской операции.

В этих документах М. В. Фрунзе мы находим чрезвычайно ясную постановку задач войскам, четкое планирование операции по этапам, указания о сосредоточении сил на решающих направлениях, точное изложение методов борьбы и одновременно с этим предоставление инициативы частным начальникам.

В операциях на Южном фронте с особой силой проявился полководческий талант Фрунзе — виднейшего представителя сталинской школы военного искусства.

При планировании и проведении операций Фрунзе исходил прежде всего из политических целей войны и опирался не на

отвлеченные теоретические положения, а на материальные возможности и моральное состояние вверенных ему армий.

Фрунзе всегда поддерживал живую связь с руководимыми им войсками. Это помогало ему непрерывно ощущать пульс боя и давать безошибочно указания войскам в решающие моменты развития сражения.

Военное искусство Фрунзе всегда было оригинальным, творческим, оно было лишено какого бы то ни было шаблона. Приводимые в Сборнике документы это прекрасно иллюстрируют.

Фрунзе умел глубоко вникать в детали военной обстановки и быстро реагировать на все ее изменения. Этому он учил и своих подчиненных. «...Искусство военачальника, — говорил он в заключительном слове по докладу о военно-политической подготовке Красной Армии в 1922 году, — должно проявиться в умении из множества разнообразных методов и средств избрать в каждом данном случае наиболее подходящий». Искусством этим сам Фрунзе владел в совершенстве.

Среди проблем, над теоретическим и практическим разрешением которых работал Фрунзе, на первое место должны быть поставлены общие вопросы военного строительства вооруженных сил социалистического государства. Эти вопросы освещены в таких его трудах, как «Единая военная доктрина и Красная Армия», «Военно-политическое воспитание Красной Армии», «Ленин и Красная Армия» и другие, которые касаются в общем всех основных вопросов советской военной идеологии.

Основные положения, на которых, по мысли Фрунзе, должно базироваться строительство Вооруженных Сил Советского государства, были сформулированы им в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», написанной в 1921 году, сразу же по окончании гражданской войны. Но еще до появления этой статьи М. В. Фрунзе совместно с С. И. Гусевым опубликовал тезисы, предложенные X съезду РКП(б) в качестве проекта резолюции по военному вопросу (см. «Реорганизация Красной Армии», стр. 136).

Положения, высказанные Фрунзе в этих двух работах, были потом развиты им в докладе на совещании командного

и комиссарского состава войск Украины и Крыма (1922 год), в речи на совещании военных делегатов XI съезда партии и в других печатных и устных выступлениях.

Одним из главных условий, обеспечивших успешное превращение нашей армии в первоклассный боевой организм, Фрунзе считал выработку единства взглядов по всем основным вопросам военного дела. «Красная Армия, — говорил он, — должна воспитываться и обучаться на основе единых понятий, единых взглядов по всем вопросам, связанным с ее деятельностью и задачами; это единство должно охватить и пропитать все стороны, все проявления ее жизни как в мирное, так и в военное время» (стр. 176).

Под «единой военной доктриной» Фрунзе понимал совокупность взглядов по организации, обучению и воспитанию армии, т. е. «принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны» (стр. 142).

Исходя из ленинского учения об империализме и из опыта гражданской войны, Фрунзе делал вывод, что империалистический лагерь не откажется от попытки уничтожить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и что поэтому Советское государство всегда должно быть готово к неизбежной и беспощадной войне не на жизнь, а на смерть. Поэтому, указывал Фрунзе, «энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи...» (стр. 151).

В связи с этим особый интерес представляют высказывания Фрунзе о будущей войне. В статье «Фронт и тыл в войне будущего» Фрунзе проницательно раскрывает характер будущей войны.

Так, например, Фрунзе считал, что в будущей войне границы между фронтом и тылом будут очень условны, так как современные войны ведутся не одной армией, а всей

страной в целом. В этой оценке роли «тыла», под которым Фрунзе понимал всю страну и все ее народное хозяйство, он исходил из оценки решающего значения роли тыла, данной товарищем Сталиным в период гражданской войны (например, в отчете о ликвидации Пермской катастрофы и в ряде других работ). «Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, — писал М. В. Фрунзе, — не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя может легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу» (стр. 253).

Великая Отечественная война Советского Союза полностью подтвердила известное сталинское положение о том, что экономически и морально крепкий тыл является одним из важнейших факторов победы, обеспечивших в ходе войны коренной перелом в пользу Советского Союза.

Утверждая необходимость «...организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы» (стр. 256), Фрунзе в ряде статей («Оборона страны и комсомол», «Учительство на помощь Красной Армии» и др.) обращается к широкой советской общественности с призывом готовить страну к обороне и к будущей войне.

Фрунзе предвидел, что «Война будущего в значительной мере, если не целиком, будет войной машин» (стр. 395), и в связи с этим исключительное внимание уделял вопросам оснащения Красной Армии передовой боевой техникой. Но вместе с тем Фрунзе предостерегал от переоценки роли военной техники, справедливо считая, что «все-таки решающая роль принадлежит не технике, — за техникой всегда находится живой человек, без которого техника мертва» (стр. 399).

Определяя направление боевого обучения и воспитания армии и учитывая решительный характер будущих военных столкновений, Фрунзе подчеркивал необходимость воспитания Красной Армии в наступательном духе: «Тактика Красной

Армии, — говорил он, — была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций» (стр. 206).

Однако, будучи решительным сторонником наступательных действий, Фрунзе, не терпевший догматизма, предупреждал против превращения нашей тактики в шаблон. Он считал, что в боевой практике может сложиться такая обстановка, когда отступление окажется неизбежным и даже выгодным, хотя бы для подготовки нового и решительного наступления. «...Наши красные командиры, — говорил Фрунзе, — должны воспитать себя и людей, подчиненных им, так, чтобы они рассматривали отступление как один из моментов в общем ходе наступательных операций» (стр. 193).

Говоря об общем характере действий, к которым должна готовиться Красная Армия, Фрунзе указывал, что будущая война, и прежде всего с нашей стороны, будет отличаться высокой маневренностью. Маневренность, подчеркивал он, должна войти в плоть и в кровь Красной Армии.

Признавая, что наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны, Фрунзе в то же время считал, что «основными чертами маневренной стратегии должна быть не формальная наступательность, а инициативность и активность, обеспечивающая успешный исход наступательной операции в ее основном существе. В работу воспитания войск должна входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить» (стр. 206).

Признавая, таким образом, законность оборонительных форм борьбы, Фрунзе подчеркивал, что «Никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности» (стр. 189).

Касаясь в той или иной связи вопроса о будущей войне, Фрунзе неизменно подчеркивал, что «мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову современной техники»¹.

¹ М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, стр. 91—92.

Вкладывая в дело преодоления военно-технической отсталости всю страсть большевистского руководителя, Фрунзе в своей практической деятельности уделял огромное внимание развитию авиации и противохимической обороне. По его инициативе были созданы такие массовые общества, как ОДВФ (Общество друзей воздушного флота) и Доброхим (Общество друзей химической обороны).

Будучи твердо уверен, что война будущего будет войной машин, Фрунзе особую роль отводил авиации. В годы второй мировой войны, например, авиация получила настолько широкое развитие, что без нее не обходилась ни одна более или менее значительная операция.

Наблюдая за развитием мотомеханизированных войск в армиях капиталистических стран, Фрунзе еще в 1921 году требовал всячески развивать бронетанковые силы, «хотя бы в ущерб и за счет других родов оружия»¹.

Но, уделяя такое большое внимание роли техники в войне будущего, Фрунзе предупреждал, что «доводить себя до гипноза перед ней тоже нельзя» (стр. 399), так как «победа будет решаться тем родом оружия, которое мы считали и считаем основным, главным, а именно — нашей пехотой»². И Фрунзе ставит вопрос об усилении пехоты артиллерией.

Строительство советских Вооруженных Сил в период до второй мировой войны и опыт Великой Отечественной войны подтвердили правильность взглядов Фрунзе на советское военное строительство. Так, например, сопоставляя вооружение нашей армии с вооружением капиталистических армий и отмечая отсталость Красной Армии в военно-техническом отношении, Фрунзе был глубоко убежден, что «нагнать наших будущих противников можно, данные для этого имеются» (стр. 371).

Все последующее развитие нашей социалистической экономики полностью подтвердило это. В результате выполнения сталинских пятилеток Красная Армия получила на вооружение первоклассную военную технику, что поставило ее и в тех-

¹ М. В. Фрунзе, Собрание сочинений, т. I, стр. 254.

² М. В. Фрунзе, Статьи и речи, Военное издательство, М., 1936, стр. 361.

ническом отношении неизмеримо выше любой из армий капиталистических стран. А характеристика, данная товарищем Сталиным современной войне как войне моторов, показывает, что роль техники в будущей войне М. В. Фрунзе оценивал верно.

Ход второй мировой войны и разгром гитлеровского империализма, вскормленного и впоенного американскими монополиями, подтвердили мысли Фрунзе о характере и длительности будущей войны. Расчет фашистской Германии на «молниеносную» войну против нашей Родины позорно провалился. Как блестящее предвидение звучат и сегодня слова Фрунзе относительно того, что даже в том случае, если обстановка сложится для нас неблагоприятно, «Надо считать абсолютно исключенной возможность нанесения нам смертельного удара в первый же период кампании при любом количестве врагов, которые выступают против нас».

Это утверждение Фрунзе было основано на глубочайшем убеждении в жизненности и непобедимости советского общественного и государственного строя.

Разработка Фрунзе основных положений единой военной доктрины была первой попыткой широкого научного обобщения опыта первой мировой и гражданской войн. Она явилась крупным вкладом в советскую военную науку.

* * *

Вопросы организации и подготовки Вооруженных Сил Фрунзе рассматривает в статьях «Берегите же революцию», «Четвертая годовщина», «Красная Армия прежде и теперь», «Больше внимания нашей Красной Армии» и др., публикуемых в настоящем Сборнике.

На основе изучения опыта первой мировой и гражданской войн Фрунзе пришел к выводу, что в будущей войне, в которую окажется втянутым Советский Союз, будет участвовать вся страна, армия же будет «только передовой, вооруженной частью всего народа, который должен быть подготовлен к ведению борьбы всей своей массой» (стр. 194). Исходя из этого, Фрунзе считал, что «В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего

периода может быть только постоянная Красная Армия» (стр. 157).

По окончании гражданской войны разрушенное войной народное хозяйство требовало на свое восстановление максимального количества средств и сил, и из-за крайне тяжелых экономических условий Советский Союз не мог держать многочисленную кадровую армию. Исходя из решений IX съезда партии, выполняя указания Ленина и Сталина по вопросам военного строительства, Фрунзе разработал и практически положил начало проведению в жизнь территориально-милиционной системы, которая давала возможность резко сократить численность армии в мирное время и подготовить значительные контингенты военнообученных кадров, не обременяя государственный бюджет непосильными расходами на содержание большой кадровой армии.

Однако Фрунзе считал, что переход к территориально-милиционной системе может совершаться только постепенно и что о полном отказе от кадровых частей на длительное время не может быть и речи. Наиболее целесообразной формой организации Красной Армии в то время Фрунзе считал смешанную кадрово-территориальную систему. Сущность ее заключалась в том, что наряду с сохранением некоторого количества кадровых соединений (в рамках штатов мирного времени) создавались территориально-милиционные части, в которых постоянные кадры (прежде всего все категории командного состава, включая младший) не должны были превышать 16—20 % штатов военного времени. Основная же масса рядовых и часть командиров территориально-милиционных частей содержалась в так называемом переменном составе и привлекалась к военному обучению лишь периодически, в порядке сборов при частях, и, кроме того, охватывалась междусборовой военной подготовкой по месту жительства.

Фрунзе придавал территориальной системе большое политическое значение, ибо она привлекала к активному участию в вопросах обороны государства партийные, советские и общественные организации и являлась лучшим «средством организованного советского влияния на крестьянство».

Переход к территориальной системе был основным содержанием военной реформы. Что касается самих территориальных формирований, то в 1925 году они составляли уже более половины Красной Армии.

Новая система организации Красной Армии просуществовала около 15 лет. Однако целесообразная и необходимая для своего времени (когда основой вооружения являлось ручное стрелковое оружие, а экономическая обстановка требовала максимального сокращения армии), эта система могла стать тормозом в условиях широкого развития и усложнения всего военного дела в целом. Благодаря возросшему экономическому могуществу нашей страны, которое явилось результатом успешного выполнения сталинских пятилеток, советские Вооруженные Силы к 1939 году полностью перешли на кадровую систему организации.

Одним из важнейших элементов военной реформы 1924 года было введение в Красной Армии единоначалия.

Партия с самого начала организации Красной Армии стояла на точке зрения необходимости единоначалия. Однако в период гражданской войны Красная Армия не имела еще необходимого числа своих квалифицированных командных кадров. Начав широкую подготовку пролетарского командного состава, Советское правительство вынуждено было привлечь в качестве командиров старых военных специалистов из бывшей царской армии. Полностью положиться на такой командный состав Советская власть не могла. Возникла необходимость введения института военных комиссаров, что и было сделано. Военные комиссары, будучи представителями партии и Советского государства в армии, осуществляли контроль за деятельностью старых военных специалистов, у которых к тому же, по вполне понятным причинам, отсутствовало «понимание духа, задач и методов нашей работы».

В результате комиссары, не ограничиваясь только политической работой, все глубже вникали в функции командования. Но если в условиях гражданской войны это было положительным явлением, сделавшим работу комиссарского состава «решающей в деле исхода гражданской войны», в но-

вой обстановке, сложившейся после гражданской войны, этот процесс, неизбежно связанный с известным умалением прав и функций командира, мешал превращению армии в боеспособный организм.

К 1924 году условия значительно изменились. Во-первых, партии удалось создать значительные командные кадры, вышедшие из среды рабочих и крестьян; во-вторых, сама армия стала значительно более однородной по своему социальному составу и, в-третьих, в связи с переходом на мирное положение в армии остался лучший командный состав, доказавший свою преданность партии и Советской власти.

Все это позволило приступить к широкому практическому осуществлению единоначалия, которое, как считал Фрунзе, представляет собой «сосредоточение в одном лице функций строевых, административных и хозяйственных... Что же касается функций партийного и политического руководства, — говорил он, — то партия оставляет их целиком в своих руках, в лице соответствующих партруководителей. Таким образом старый военный комиссар должен превратиться в партруководителя» (стр. 281). Здесь Фрунзе подчеркнул роль политорганов, которым он всегда придавал огромное значение, считая, что без них вообще немыслимо создание крепкой боеспособной армии социалистического государства.

«Политическая работа, — говорил Фрунзе, — была и всегда будет у нас основой нашего военного строительства. Партия играла и будет играть руководящую роль во всей нашей военной политике. Вне такой работы партии мы не мыслим себе укрепления военной мощи нашей страны, укрепления мощи, внутренней спайки, сплоченности и дисциплинированности нашей Красной Армии»¹.

Эти положения о решающем значении политической работы в деле воспитания наших Вооруженных Сил остаются незыблемыми и поныне.

* * *

Публикуемые в Сборнике статьи «Шестилетие военной академии», «Наказ журналу «Война и революция» и «Наше

¹ М. В. Фрунзе, Собрание сочинений, т. II, стр. 176.

военное строительство и задачи Военно-научного общества» отражают взгляды Фрунзе на задачи военной науки и высшего военного образования в Советском Союзе.

За короткий период, в течение которого Фрунзе возглавлял Академию, ее учебная и военно-научная работа значительно двинулась вперед.

Прежде всего были пересмотрены и изменены программы всех учебных дисциплин. Целью этого важнейшего мероприятия было — приблизить преподавание к реальным нуждам Красной Армии, помочь командным кадрам овладеть советской военной наукой, основы которой были заложены Лениным и Сталиным в годы гражданской войны.

Говоря о задачах и методах работы академии, Фрунзе в своей речи «Шестилетие военной академии» выдвинул требование воспитания не только хорошего техника, специалиста военного дела, но командира-общественника, ибо «Наш командир должен уметь ставить работу так, чтобы масса видела в нем не только технического руководителя, но и воспитателя» (стр. 291). Марксистский метод, указывал Фрунзе, должен стать «методом руководства во всех областях военно-научного знания» (стр. 293).

Претворяя эти мысли в жизнь, Фрунзе немало сделал для того, чтобы создать условия, в которых в последующие годы развернулись творческие силы советских командиров, вышедших из народа, воспитанных большевистской партией и под водительством величайшего полководца товарища Сталина покрывших советское оружие немеркнущей славой в битвах Великой Отечественной войны.

* * *

Среди произведений Фрунзе особое место занимает монография «Европейские цивилизаторы и Марокко».

Период, о котором идет речь в рассматриваемой работе Фрунзе, характеризовался подъемом национально-освободительного движения колониальных народов, и, естественно, война в Марокко представляла большой общеполитический интерес, ибо от исхода ее зависела «судьба африканской колониальной империи Франции» (стр. 457).

Национально-освободительная борьба риффов против испанских угнетателей и французских империалистов привлекла внимание Фрунзе и как пример того, что одного только военно-технического превосходства для победы недостаточно.

Наконец, война в Марокко, как считал Фрунзе, «представляет немалый и чисто военный интерес» (стр. 457), ибо она дала некоторый опыт применения главнейших технических средств борьбы (особенно авиации) в операциях довольно широкого масштаба.

Война риффов против колониальной эксплуатации закончилась в 1925 году победой французского империализма. Статья, к сожалению, не содержит полного анализа причин этого поражения, так как смерть оборвала работу Фрунзе над этой темой раньше, чем наступил конец борьбы в Марокко.

* * *

Фрунзе умер в возрасте 40 лет, в расцвете своих творческих способностей и возможностей. Но тот вклад, который он внес в дело обеспечения победы над врагами нашей Родины в годы возглавлявшейся американским империализмом интервенции и гражданской войны и в дело укрепления боеспособности наших Вооруженных Сил после гражданской войны, народы Советского Союза не забудут никогда. Не забудут Фрунзе советские офицеры и генералы, для которых его произведения всегда будут источником пополнения и расширения военных знаний и творческого вдохновения в их служении своей любимой социалистической Родине.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ КО ВСЕМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ

Товарищи!

От паралича сердца умер верный боец нашей партии, один из лучших ее сынов, тов. Фрунзе.

Тов. Фрунзе принадлежал к той славной, стальной гвардии большевиков, которая в глубоком подполье, под бичами и скорпионами царизма подрывала устои проклятого самодержавия; которая среди непроглядного мрака сумела организовать массы, сплотить ряды несокрушимой пролетарской партии, вести в бой революционные миллионы трудящихся; которая сумела руководить победой в битвах, еще невиданных в истории человечества; которая вела и ведет партию, а через нее весь народ, к великому строительству социализма.

Личная история Фрунзе, нашего дорогого боевого товарища, сердце которого перестало биться в ночь на 31 октября, есть отражение истории нашей партии, мужественной, беззаветно храброй, до конца преданной пролетариату, сросшейся всеми корнями с рабочими кварталами. Тов. Фрунзе с юных лет был на передовой линии огня. Первые мощные стачки пролетариата, московские баррикады 1905 года, долголетняя работа, снова и снова подпольная работа, вплоть до взрыва самодержавного режима — видели Фрунзе как неутомимого и бесстрашного борца. Баррикады великого Октября, бесчисленные фронты гражданской войны знали Фрунзе как своего

героя, не выходившего из линии огня, как одного из самых выдающихся организаторов пролетарской победы.

Не раз и не два уходил тов. Фрунзе от смертельной опасности. Не раз и не два заносила над ним смерть свою косу. Он вышел невредимым из героических битв гражданской войны и всю свою кипучую энергию, весь свой организаторский размах отдал делу нашего строительства, выдвинувшись в качестве вождя нашей победоносной Красной Армии.

И теперь он, поседевший боец, ушел от нас навсегда. Не выдержало его сердце, столько пережившее и бившееся такой пламенной, такой горячей любовью ко всем угнетенным. Умер большой революционер-коммунист. Умер наш славный боевой товарищ. Умер руководитель победоносных боев Красной Армии. Умер выдающийся ее строитель.

От имени всей нашей партии склоняем мы знамя Центрального Комитета перед прахом товарища Фрунзе.

Да здравствует наша партия, сыном которой был Фрунзе!

Да здравствует Красная Армия, которую строил покойный боец!

Центральный Комитет РКП(б)

31 октября 1925 г.

„Правда“ № 251 (3182), 1 ноября 1925 г.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА ПОХОРОНАХ М. В. ФРУНЗЕ

3 ноября 1925 г.

Товарищи! Я не в состоянии говорить долго, мое душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей.

Вот почему так скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе.

Товарищи! Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась еще одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым.

Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых кадров на смену старым.

Центральный Комитет Российской коммунистической партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе.

Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах.

„Правда“ № 253, 5 ноября 1925 г.

К. Е. Ворошилов

М. В. ФРУНЗЕ — ДРУГ И ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Прошел год со дня смерти незабвенного Михаила Васильевича. «Время — лучший врачеватель», — гласит пословица. Да, острота утраты, душевные раны, нанесенные внезапной смертью Фрунзе, становятся менее чувствительны, слабеют. Такова жизнь с ее законами. Но Михаил Васильевич принадлежит к разряду таких людей, жизнь которых оставляет глубокие, неизгладимые следы на бесконечно долгий период человеческой истории.

Прошел год, как не стало одного из лучших коммунаров, одного из наиболее талантливых самородков — военачальников и организаторов вооруженных сил восставшего пролетариата. Невзирая на то, что острота непосредственной утраты прошла, нам, его друзьям и соратникам по работе, его помощникам в тяжелой, но благодарной революционной деятельности, до сих пор не хочется верить, что этого незаурядного человека и этого милого сердечного товарища нет среди нас. Все, кому приходилось непосредственно общаться с Михаилом Васильевичем, начиная от красноармейца, рабочего и крестьянина и кончая ответственными работниками нашей партии и Советского государства, сохраняют о нем самые лучшие, самые светлые воспоминания. Да иначе и не может быть. Этот необыкновенно обаятельный, мягкий, добродушный человек производил буквально чарующее впечатление на всех соприкасающихся с ним не только в период передышки, но и в момент наиболее напряженной, даже изнурительной работы.

Никогда не забудут Михаила Васильевича рабочие Ивaнoвo-Вoзнeсeнскa, среди которых он политически вырос, оформился, выдвинулся в первые ряды партии пролетариата и стал впоследствии одним из ее лучших руководителей и вождей. Не изгладится из памяти его светлый облик у рабочих и солдат Минска, где Михаилу Васильевичу пришлось работать в начале 1917 г., в период окончательного развала царского режима и подъема волны революционного движения. Как своего родного, близкого друга и вождя, помнит Михаила Васильевича вся пролетарская и бедняцкая Украина, где он был не только высшим военачальником и организатором вооруженных сил, но также неизменным и постоянным советником и помощником во всем советском строительстве этой республики в тяжкие годы разрухи. Дорог и близок Михаил Васильевич также и всем рабочим Москвы, которые видели его в своих рядах в октябрьских боях 1917 г. и которые неоднократно слышали его впоследствии, соприкасаясь с ним на различных собраниях и митингах. Наконец, все трудящиеся Советского государства, все передовые рабочие и крестьяне за рубежом нашей страны будут чтить память Михаила Васильевича, как выдающегося борца и революционера, до конца преданного делу освобождения рабочего класса.

Михаил Васильевич Фрунзе, прежде чем стать одним из руководителей нашей партии и вождем Рабоче-Крестьянской Красной Армии, прошел суровый, тернистый жизненный путь. Тюремь, зверские избиения при арестах, царский суд, выносивший ему дважды смертный приговор, долгие месяцы тюремного заточения в ожидании смертной казни, каторга и ссылка, побег, скитания под чужими именами с риском каждую минуту быть схваченным царскими опричниками — все это не смогло сломить железной воли большевика-ленинца, сознательно отдавшего себя на служение великому делу освобождения человечества от капиталистического ига. Наоборот, тяжкие испытания закалили характер и волю пламенного революционера.

Михаил Васильевич вошел в историю как один из наиболее выдающихся полководцев и вождей Красной Армии. Он не был специалистом военного дела в обычном понятии этого

слова. Михаил Васильевич стал полководцем и вождем вооруженных пролетарских сил, пройдя тяжелую школу большевика-подпольщика, которая многое восполнила в пробелах специальных военных познаний этого незаурядного человека. Чудом может казаться, что вчерашний каторжанин, затравленный беглец и ссыльнопоселенец становится сперва образцовым военным организатором в должности ярославского окружного комиссара, а затем возглавляет самые ответственные операции по разгрому контрреволюционных сил, грозивших еще неокрепшему, хрупкому пролетарскому государству.

Михаил Васильевич был честнейшим и чистейшим человеком, и одно то обстоятельство, что он взялся за столь тяжелую, ответственную работу, может свидетельствовать о глубине его веры как в то дело, за разрешение которого он взялся, так и в свои силы, с помощью которых он должен был решить столь трудную задачу. Неудивительно поэтому, что непосредственный помощник Михаила Васильевича и один из крупнейших наших военных специалистов, работавший в этот период вместе и под руководством Михаила Васильевича, в своих воспоминаниях о нем говорит: «Вероятно, очень немногие знают, что он с первых же дней своего командования армией, т. е. значит с такой карьеры, которая по старому времени, по старой расценке приходила к концу военной жизни и военной работы бывших специалистов, он, вознесшись к ней, с первых же дней стал ее осуществлять в полном смысле слова блестяще, в полном смысле слова по правилам, законам военной науки, которая ему была отчасти теоретически быть может известна, но осуществлять которую ему позволяло его военное чутье... Дальнейшие события показали, чего стоит бугурусланский удар. Колчак посыпался по всему фронту, и в дальнейшем борьба с Колчаком явилась уже пожинанием лавров бугурусланской победы, продвижением с большими или меньшими силами и преследованием раненого и затравленного зверя».

Вот какими словами характеризует своего начальника этот виднейший военный специалист, бывший генерал старой царской армии, выдавший виды Ф. Ф. Новицкий. Можно было бы привести большое количество цитат из речей и статей очень компетентных людей, непосредственно наблюдавших изуми-

тельное, талантливое руководство Михаила Васильевича боевыми операциями на востоке.

Им задуманная, а затем блестяще проведенная операция воссоединения отрезанной и задышавшейся в тисках вражеского окружения небольшой революционной армии Туркестана с победоносными частями Восточного фронта только подтвердила и окончательно упрочила за Михаилом Васильевичем репутацию и славу подлинного полководца и организатора революционных побед.

Неудивительно поэтому, что в момент, когда последыш южной контрреволюции — барон Врангель, забаррикадировавшийся на Крымском полуострове и мечтавший о малиновом перезвоне московских колоколов, вылез из своей западни и начал развивать успешные операции против красных войск, ЦК нашей партии во главе с Владимиром Ильичем вспомнил о М. В. Фрунзе.

Наша партия и советское правительство поручили Михаилу Васильевичу труднейшую и почетнейшую задачу окончательного разгрома последней контрреволюционной, связанной тесными узами с западноевропейским империализмом армии Врангеля. Трудящиеся нашей страны, и не только нашей страны, но и всего мира, знают, как блестяще справился Михаил Васильевич с этой сложной боевой операцией. Ведь даровитого и энергичного белого полководца-барона окружали лучшие стратеги и военачальники старой, царской России. Бароном Врангелем и его помощниками были применены все достижения и средства военной науки и техники, чтобы удержать за собой захваченный ими Крым, но красные вооруженные силы, руководимые блестящим военным гением Михаила Васильевича, разметали сокрушительными ударами контрреволюционные войска, как карточные домики, и от вчерашней громкой боевой славы барона Врангеля и его генералов остались лишь одни жалкие воспоминания.

Михаил Васильевич, пламенный большевик, является истинным сыном великого российского пролетариата. Блестящие военные успехи, одержанные красным оружием, не кружат ему голову; он остается таким же спокойным, скромным человеком, с только одному ему присущей улыбкой и детски ясными,

прекрасными глазами. Он остается образцовым членом своей великой коммунистической партии, готовый выполнить всякую порученную ему работу и всякое дело, как бы оно ни было трудно. Всякая работа, данная ему партией, независимо от ее характера и объема, и всякое партийное дело, большое или малое, он выполнял со всем рвением и энтузиазмом, который является отличительной чертой подлинного партийца.

Большая гражданская война закончена. Михаил Васильевич становится во главе вооруженных сил, расположенных на Украине и в Крыму. Работы, и весьма тяжелой работы, непочатый край. Необходимо демобилизовать, распустить сотни и сотни тысяч рабочих и крестьян. А как это сделать, когда транспорт почти что бездействует, топливо отсутствует, железнодорожные линии занесены снегом, красные части в гарнизонах полураздеты, голодные, а по Украине бродят, как шакалы, банды Махно, Тютюника и бесконечное множество других шаек контрреволюции, разрушавших и без того разоренное хозяйство страны и срывавших советское строительство?

Михаил Васильевич не испугался этих трудностей. С присущими ему хладнокровием и верой в себя и дело он начинает вместе с другими товарищами огромную работу по демобилизации армии, по укреплению советской власти, по насаждению советской законности, по восстановлению хозяйства, добиваясь в короткий срок весьма значительных результатов. В то же время он начинает планомерную, по-фрунзенски задуманную работу по ликвидации принимавшего колоссальные размеры и ставшего величайшим бедствием в Советской Украине бандитизма. Как во всем, так и в борьбе с бандитизмом, т. Фрунзе не довольствовался только разработкой планов и общих директив. Он сам лично выезжает в места, наиболее зараженные бандитизмом, и непосредственно руководит борьбой с ним. Однажды в Полтавщине ему пришлось столкнуться с махновскими бандитами и только благодаря своему изумительному хладнокровию и истинной, некричащей храбрости и находчивости удалось избежать неминуемой гибели. Во многих местах простреленные шинель и шапка и раненый конь свидетельствовали о серьезности положения, в котором очутился Михаил Васильевич.

Советская Украина по достоинству оценила талант этого выдающегося человека. Михаил Васильевич объединял в своем лице одновременно командующего войсками Украины и Крыма и заместителя председателя Совнаркома Украины, причем гражданской работе он отдал немало сил и времени. Поездка Михаила Васильевича в борющуюся с империализмом Турцию Кемаль-паши в качестве представителя советского украинского правительства лишний раз свидетельствует о том огромном доверии, каким пользовался у украинских товарищей наш незабвенный друг Михаил Васильевич. Кемаль-паша и другие деятели новой Турции с большим уважением отзывались о Михаиле Васильевиче, видя в нем крупного военного и общественного деятеля Советского государства.

Наконец, партия в начале 1924 г. ставит Михаила Васильевича на ответственный пост заместителя председателя Реввоенсовета СССР. Это назначение явилось результатом обнаруженных крупных недочетов в состоянии и структуре вооруженных сил. Михаил Васильевич берется за чрезвычайно тяжелую и крайне необходимую работу реорганизации Красной Армии. Следуя своему постоянному плану («сначала ознакомься, изучи, а затем действуй»), он и в этой большой работе знакомится с данными, изучает их, а затем намечает и вырабатывает подробный план реорганизации как центральных и местных аппаратов Красной Армии, так и целого ряда других областей РККА.

В этой работе проходит весь 1924 год. Реорганизация заканчивается успешно, и ее результаты незамедлительно сказываются в уточнении работы органов управления, в четкости взаимодействий различных частей военного организма и в общем повышении боеспособности Красной Армии. Наряду с этим Михаил Васильевич ставит определенно и твердо вопрос о дальнейшем развертывании и укреплении территориального строительства. Ничто не могло сбить Михаила Васильевича с раз намеченного им и продуманного пути в своих начинаниях — ни кривые улыбки сомневающихся друзей, ни злобное шипение врагов, видевших в территориальном строительстве ликвидацию вооруженных сил, ни слабая приспособленность командного и политического состава к этому новому,

еще на деле не проверенному методу создания красных частей; всем этим пренебрегал Михаил Васильевич, твердо следуя намеченному пути. И в этой работе, так же как и во всем том, что он делал, он добился громадных результатов. Ныне мы можем сказать, что и в деле территориального строительства он был абсолютно прав. Наши территориальные части выросли в могучую организованную силу, ничем не уступающую кадровым частям нашей армии.

В январе 1925 г. Михаил Васильевич назначается народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Союза ССР. На этом ответственнейшем посту Михаил Васильевич продолжает свою энергичную работу по укреплению реорганизованных аппаратов военного ведомства, по улучшению качества работы в них, а также по поднятию обороноспособности как армии, так и государства в целом. Не место здесь перечислять всю ту огромную массу вопросов, которые были подняты и поставлены т. Фрунзе перед партией и правительством, из которых часть была проведена им лично, а другая часть проводится в жизнь ныне военным ведомством. Нужно только сказать, что громадные задачи, которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, открыли новую полосу в военном строительстве. Его заветы для нас, его товарищей, остаются и поныне незыблемыми и будут проводиться на пользу Рабоче-Крестьянской Красной Армии и нашего Советского государства.

Вехи, поставленные Михаилом Васильевичем на пути развития вооруженных сил нашего государства, будут и впредь служить нам указанием, в каком направлении следует идти к достижению целей, которые нам дороги, которым служил, для которых отдал все, что у него было лучшего в жизни, и самую жизнь М. В. Фрунзе.

Достойным памятником нашему другу, вождю Красной Армии и твердому большевику-ленинцу будет наша постоянная, неустанная работа по укреплению боевой мощи Красной Армии — этого оплота мирного труда нашего пролетарского государства.

НАД СВЕЖЕЙ МОГИЛОЙ

(ИЗ РЕЧИ ДМ. ФУРМАНОВА НА СМЕРТЬ ФРУНЗЕ В ШКОЛЕ ВЦИК)

Товарищи, из Иваново-Вознесенского района вышло много больших работников, но самым большим и самым любимым по всему району всегда — и в 1905 году, и позже, и теперь — был Михаил Васильевич Фрунзе.

Это была личность, к которой у нас в Иваново-Вознесенском районе отношение было совершенно исключительное, — и по деревням, и по текстильным фабрикам, даже и у городских обывателей и интеллигенции. Это одна из тех редкостных личностей, которые заслуживают любовь и привязанность как-то разом у всех...

Товарищи рассказывали, как они встречались с Фрунзе на всем протяжении революции, в годы гражданской войны, и раньше, встречаясь в подполье, относились с редкостным уважением, с особенной теплотой. И это именно потому, что он был не только большой политик, не только большой организатор, не только большой стратег, но он был и большой человек, человек просторного, прекрасного сердца, человек большого участия к человеческой жизни...

Товарищи, мы потеряли в нем не только прекрасного человека — это был и человек чрезвычайно разнообразных, богатейших дарований. Это был прежде всего большой организатор, большой политический деятель и большой хозяйственный работник; он был прекрасным военачальником и строгим, точным администратором. Ему не пришлось, правда, во время гражданской войны, развернуться широко во всех этих плоскостях, но в 1917 и 1918 гг., когда он руководил у нас губернским советом народного хозяйства в Иваново-Вознесенске или когда он был там председателем Губернского Исполнительного Коми-

тета,— он показал себя и крупным хозяйственным работником, понимающим и держащим на виду не только нужды нашего текстильного рабочего района, но понимающим и широчайшие общегосударственные нужды. Это была чрезвычайно разнообразно одаренная натура. И в какой бы области ни взялся он за работу, у него всегда находилась какая-то цепкость, какое-то особенное понимание, особенные способности ориентироваться, разбираться сразу в обстановке и брать, что называется, быка за рога. Он хозяйственник — и он на этом деле проявляет достоинства. Он военный работник — и он на этом деле выявляет талант. Он берется за какую-нибудь культурную работу, организует какой-нибудь техникум, тот, который, например, сейчас существует в Иванове,— и здесь он на своем месте.

В 1918 году, находясь еще в Иванове, он принимает меры к организации рабочих отрядов. Потом, на фронте, он вклинивает эти отряды в крестьянские дивизии, поднимает до предела их боеспособность и создает такие закаленные, железные дивизии, какою была, например, Чапаевская. Это относится, товарищи, уже к началу 19-го года. Положение, вы помните, было тогда какое. Колчак теснил наши армии почти до самой Волги, был в 40 верстах от Бузулука и в 60 — от Самары. Положение было чрезвычайно тяжелое, думали, что придется нам от Волги отходить.

На севере дебоширили английские налетчики. С юга напирала деникинщина: в железном кольце замкнулась Советская Россия. Туго приходилось тогда нам бороться: полегчает на одном фронте, на другом тяжелее, там подымется — здесь разруха. Положение было тяжелое! По Восточному фронту шел с победами адмирал Колчак — самый сильный руководитель белогвардейских армий. Тяжесть борьбы против колчаковских войск и пришлось вынести на плечах своих ответственному руководителю обороны — М. В. Фрунзе. Он за Волгу не отошел. Фрунзе мобилизовал, сомкнул 1-ю, 4-ю, 5-ю и Туркестанскую армии и сначала остановил передовые колчаковские разъезды, а потом и погнал врага на Уфу, на Челябинск, в Сибирь,— там Колчак и сгиб... Под Уфой разыгрались решающие бои. Уфа была центром, где сосредоточились наши надежды и надежды гонимого Колчака. Под Уфой мы

решительно испытывали крепость собственных войск. Пока гнали мы от Бузулука, Бугуруслана, Белебея передовые колчаковские разъезды, — это были как бы пробные наши шаги, мы еще с главной силой противника тогда не столкнулись. Ставился вопрос: как же, насколько мы будем сильны, когда столкнемся с основным колчаковским ядром?..

Под Уфу 7-го не пошли, пошли только в ночь на 8-е. 9-го Уфу взяли. И вот, в крупном, отчаянном этом бою, когда наши части одно время дрогнули и когда Фрунзе узнал, что на том берегу неладно, он переезжает туда, вплотную подъезжает к Иваново-Вознесенскому полку, и вдруг по цепи радостный, восторженный крик: «Фрунзе с нами! Фрунзе в цепи!» И в самую решительную минуту, когда нехватало патронов у солдат, когда надо было вырвать инициативу у противника — кинулись красноармейцы, сбили атаку, погнали врага, спасли положение. Вы знаете, товарищи, как в боевой обстановке важно уловить момент, переломить обстановку, схватить инициативу, а тут получилось как раз такое положение, что инициатива из наших рук выпала и попала неприятелю, нас оттеснили, и можно было ожидать тяжелого исхода. Вот тут-то личный пример Фрунзе и сыграл свою роль. Нельзя, конечно, сказать, что только этот личный пример спас все серьезное положение, но что он чрезвычайно повлиял на настроение полков, — это несомненно. Фрунзе вместе с Трониным кинулся в атаку. Тронину пуля пробила грудь. Утром девятого мы вступали в Уфу.

Я сейчас не смогу и не сумею, товарищи, перечислить вам колоритнейшие случаи из жизни Фрунзе. Мы как-нибудь займемся этим, в печати осветим его жизнь и расскажем про его героическую работу. Сейчас, здесь, мы только со скорбью делимся, товарищи, с вами теми летучими воспоминаниями, которые в эти траурные часы мелькнули случайно в памяти, — воспоминаниями об этом большом и прекрасном человеке, которого навеки с нами не стало. Как тяжело сознавать, что нет его, что где-то вот там, у великой гробницы вождя, у Кремлевской стены, вырастет новый бугорок земли и под ним вечным сном будет покоиться наш любимый Михаил Васильевич,

ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА М. В. ФРУНЗЕ

(ПЕРИОД С 31 ЯНВАРЯ 1919 г. ПО 2 ЯНВАРЯ 1921 г.)

	Год	Месяц	Число
Вступил в исполнение обязанностей командующего 4-й армией (приказ по армии № 40)	1919	Января	31
Находился в служебной командировке на фронте (приказы по армии №№ 44/13 и 77/31) с	1919	Февраля	7
по	1919	"	23
Находился в служебной командировке в г. Оренбурге в штабе 1-й армии (приказы по армии №№ 93/40 и 97/41 с	1919	Марта	3
по	1919	"	6
Находился в командировке на открытии Александровского моста (приказы Южной группы №№ 2/2 и 3/3) . . с	1919	"	27
по	1919	"	29
Назначен командующим войсками Юж-ной группы Восточного фронта (приказ РВС Восточного фронта № 313) .	1919	"	5
Вступил в исполнение обязанностей командующего Южной группой . . .	1919	"	17

	Год	Месяц	Число
Находился в служебной командировке на фронте для осмотра войсковых частей (приказы по Южгруппе №№ 33/26 и 34/27) с	1919	Апреля	23
по	1919	"	25
с	1919	"	30
по	1919	Мая	1
№№ 45/34, 46/35, 47/36, 48/37, 59/43 и 60/44 с	1919	"	3
по	1919	"	4
с	1919	"	9
по	1919	"	12
Находился в служебной командировке в штабе Восточного фронта (приказы №№ 61/45 и 62/46) с	1919	"	12
по	1919	"	15
Находился в служебной командировке на фронте (приказы по Южгруппе №№ 68/51 и 88/64) с	1919	"	22
по	1919	Июня	12
Находился в служебной командировке в штабе Туркестанской армии (приказы по Южгруппе №№ 93/68 и 102/73) с	1919	"	15
по	1919	"	20
Согласно постановлению Совета рабоче-крестьянской обороны от 13 июля 1919 г. назначен командующим Восточным фронтом	1919	Июля	13
Вступил в командование войсками Восточного фронта (приказ по фронту № 475)	1919	"	19
Находился в служебной командировке в полевом штабе РВСР (приказы армиям фронта №№ 564 и 580) . . . с	1919	Августа	6
по	1919	"	11

	Год	Месяц	Число
Согласно телеграмме главкома за № 1165 назначен командующим войсками Туркестанского фронта (приказ армиям Восточного фронта № 596)	1919	Августа	14
Отбыл к месту нового назначения (приказ армиям Восточного фронта № 613)	1919	"	15
Приказом главкома № 214 назначен командующим войсками Туркестанского фронта	1919	"	15
Прибыл и вступил в командование войсками Туркестанского фронта (приказ войскам Туркфронта № 5)	1919	"	18
Находился в служебной командировке в районе 1-й армии (приказы по войскам Туркфронта №№ 38 и 44) . . с	1919	"	26
по	1919	"	31
Находился в служебной командировке в районе 11-й армии (приказы по войскам Туркфронта №№ 51 и 84) . с	1919	Сентября	4
по	1919	"	13
Находился в служебной командировке в районе 1-й армии (приказы по войскам Туркфронта №№ 114 и 115) . с	1919	"	17
по	1919	"	21
Находился в служебной командировке в г. Москве по вызову главнокома (приказы по войскам Туркфронта №№ 120 и 143) с	1919	"	24
по	1919	Октября	2
Находился в служебной командировке в г. Москве (приказы по войскам Туркфронта №№ 282 и 290) . . . с	1919	Декабря	11
по	1919	"	20
Прибыл в Ташкент и вступил в командование всеми вооруженными силами, расположенными в пределах Туркестана (приказ по войскам Туркфронта № 77)	1920	Февраля	22

	Год	Месяц	Число
Находился в служебной командировке в районе 1-й армии (приказы по войскам Туркфронта №№ 104 и 164) с	1920	Марта	9
по	1920	Апреля	2
Находился в служебной командировке в районе 2-й Туркестанской дивизии (приказы по войскам Туркфронта №№ 168 и 196) с	1920	"	14
по	1920	"	27
№№ 293 и 319 с	1920	Мая	22
по	1920	Июня	2
Находился в служебной командировке в районе 1-й армии (приказы по войскам Туркфронта №№ 372 и 422) . с	1920	"	20
по	1920	"	29
(приказы по войскам Туркфронта №№ 601 и 633) с	1920	Августа	27
по	1920	Сентября	8
Сдал командование войсками Туркестанского фронта (приказ войскам Туркфронта № 637)	1920	"	21
Приказом РВСР от 21 сентября 1920 года за № 5512/оп и № 1240/ш назначен командующим армиями Южного фронта (приказ армиям Южфронта № 1/сек)	1920	"	21
Вступил в командование армиями Южного фронта (приказ армиям Южфронта № 31/оп)	1920	"	27
Находился в служебной поездке по фронту (приказы армиям Южфронта №№ 140/28 и 160) с	1920	Октября	25
по	1920	"	28
№№ 171, 203/а, 204 и 252 с	1920	Ноября	5
по	1920	"	13
с	1920	"	14
по	1920	"	24

	Год	Месяц	Число
Находился в служебной командировке в г. Москве (приказы армиям Юж-фронта №№ 260 и 280).	1920	Ноября	28
по	1920	Декабря	4
Приказом РВСР от 3 декабря 1920 г. за № 2660/532 назначен командующим всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченным Революционного военного совета республики (приказ командвойскукр № 1). . . .	1920	"	3
Вступил в командование всеми вооруженными силами на Украине (приказ командвойскукр № 1, § 2)	1920	"	6
Находился в служебной командировке в г. Москве (приказы командвойскукр №№ 50 и 4)	1920	"	22
по	1921	Января	3
Приказом РВСР 1920 г. за № 2882 переведен в Генеральный штаб (приказ командвойскукр № 12)	1921	"	2

ЦГАКА, Личное дело М. В. Фрунзе.

АВТОБИОГРАФИЯ М. В. ФРУНЗЕ

Я родился в 1885 г. в г. Пишпек Семиреченской области Туркестанского края. Отец мой — по происхождению крестьянин Захарьевской волости Тираспольского уезда Херсонской губернии. По национальности — молдаванин. При поступлении на военную службу был отправлен в состав туркестанских войск. По окончании военной службы остался в Семиречье, где служил фельдшером. Мать моя — из крестьян Воронежской губернии, переселившихся в 70-х годах в Семиречье.

Получивши начальное образование в школе, я поступил в гимназию в г. Верном, которую и окончил в 1904 г. По окончании гимназии поступил в Петербургский политехнический институт. Первое знакомство с революционными идеями получил ещё в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования. С первого года университетской жизни вступил в социал-демократическую партийную организацию. В первоначальном студенчестве сразу же примкнул к большевистскому (движению) течению.

С конца 1904 г. стал принимать активное участие в деятельности различных большевистских организаций. В начале 1905 г. стал работать в Иваново-вознесенском промышленном районе. Был одним из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков в 1905 г., охватившей весь

промышленный Иваново-вознесенский район. Был делегатом IV объединительного съезда РСДРП в Стокгольме от Иваново-вознесенского комитета. Был организатором Иваново-вознесенской окружной организации, а затем Иваново-вознесенского союза РСДРП, охватывавшего как городскую Иваново-вознесенскую организацию, так и весь Иваново-вознесенский промышленный район (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково, Родники, Юрьево, Южа и пр.).

Начиная с 1904 до начала 1907 г. неоднократно подвергался арестам. В начале 1907 г. был арестован в г. Шуе. Судился по обвинению в принадлежности к РСДРП (большевиков) и приговорен к 4 годам каторжных работ. Во время отбывания наказания был привлечён вновь по делу о вооружённом сопротивлении полиции. Был судим и приговорен к смертной казни. Ввиду полного отсутствия улик, явного нарушения ряда процессуальных форм, приговор Главным военным судом был кассирован, и назначен новый суд. Судился вторично и вновь был приговорен к смертной казни с заменой каторжными работами. Дали 6 лет каторжных работ с добавлением к прежнему сроку наказания. Отбывал наказание во Владимирской центральной, в Николаевской центральной и в Александровской центральной (в Сибири) каторжных тюрьмах. В связи с применением скидки вышел на поселение в конце 1914 г. в Верховенский уезд Иркутской губернии. Летом 1915 г. снова был арестован за создание организации. В августе 1915 г. бежал из тюрьмы и работал нелегально в Забайкальской области под фамилией В. Г. Василенко.

В конце 1915 г. совместно с несколькими товарищами создал большой еженедельный орган «Восточное обозрение» и был одним из редакторов его. Будучи обнаружен охранкой и по счастливому случаю спасшись от ареста, бежал в Россию. Под фамилией «Михайлов» попал на Западный фронт во Всероссийский земский союз. Работал здесь над созданием нелегальной революционной организации. К моменту Февральской революции стоял во главе подпольной революционной организации с центром в Минске и имевшей отделения в 10-й и 3-й армиях.

С начала Февральской революции стал одним из руководителей революционного движения в Минске, в Белоруссии и на Западном фронте. Провел разоружение минской полиции и жандармерии и стал начальником минской гражданской милиции. Был организатором Минского совета рабочих депутатов и постоянным членом исполнительного комитета. Был организатором советов крестьянских депутатов в Белоруссии, провел два съезда белорусского крестьянства. Был председателем советов крестьянских депутатов в Белоруссии первого созыва и председателем исполнительного комитета. Был членом президиума Всероссийского съезда крестьянских депутатов от Белорусской области. Был одним из организаторов съезда армий Западного фронта и в результате съезда был избран членом фронтового комитета армий Западного фронта. Был одним из редакторов большевистских газет, издаваемых в Минске («Звезда»). В корниловские дни совместным заседанием фронтового комитета и исполнительного комитета Минского совета был назначен начальником штаба революционных войск Минского участка.

С конца августа уехал в г. Шуя Владимирской губернии, где стал председателем совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Был избран председателем Шуйской городской думы и председателем Шуйской уездной земской управы. От г. Шуи был представителем на демократическом совещании в Петрограде.

В момент Октябрьской революции стал во главе вооруженных сил Шуйско-ивановского района и привел в Москву 30 октября двухтысячный вооруженный отряд из рабочих и солдат. Принимал непосредственное участие в октябрьских боях. С организацией Иваново-вознесенской губернии стал председателем губисполкома. Все время был председателем Шуйского уездного комитета партии и Иваново-вознесенского губернского комитета партии. Был делегатом на всех съездах советов, начиная со второго.

Был избран во Всероссийское учредительное собрание от Владимирской губернии от партии большевиков.

В течение весны и лета 1918 г. наряду с исполнением обязанностей председателя губисполкома и председателя губ-

компартии был губернским военным комиссаром и председателем губсовнархоза. После ярославского восстания был назначен окружным военным комиссаром Ярославского округа. В декабре 1918 г. получил назначение командующего 4-й армией на Восточном фронте.

В апреле 1919 г., в момент наивысшего развития наступления колчаковской армии и создавшейся угрозы Казани, Симбирску и Самаре, был назначен командующим четырьмя армиями южного участка Восточного фронта (4-я, 1-я, Туркестанская и 5-я). Организовал и провел удар во фланг наступавшим колчаковским армиям из района Бузулука, приведший к срыву наступательной операции Колчака и к быстрому отходу его армии на всем Восточном фронте.

Оставаясь командующим Южной группы, принял непосредственное руководство Туркестанской армией, действовавшей на уфимском направлении. Провел уфимскую операцию и переправой через реку Белую 7—8 июня разбил войска противника, защищающие подступы к Уфе, и 9 июня занял последнюю. За эту операцию награжден орденом Красного Знамени.

В конце июня получил назначение командующим всеми армиями Восточного фронта. Руководил операциями армий фронта до момента захвата нами Челябинска и перехода через Уральские горы по всему фронту.

В августе 1919 г., с разделением Восточного фронта на два направления (сибирское и туркестанское), был назначен командующим армиями Туркестанского фронта (11-я, 4-я, 1-я и войска в Туркестане). В течение сентября месяца провел операцию по окружению и уничтожению южной армии Колчака под командой генерала Белова. В результате операции были восстановлены связи с Туркестаном и обеспечен переход оренбургского казачества на сторону советской власти.

В течение декабря руководил операциями по ликвидации Уральского фронта, что и закончил в конце декабря со взятием нами г. Гурьева и занятием берегов Каспийского моря.

Оставаясь командующим армиями Туркестанского фронта, был назначен членом комиссии Всероссийского централь-

ного исполнительного комитета по делам Туркестана, а также членом комиссии Центрального комитета РКП по делам Туркестана.

С 15 февраля по август 1920 г. работал в Туркестане. Руководил операциями по ликвидации Семиреченского белогвардейского фронта. В конце августа руководил операциями по ликвидации бухарского эмирата и по созданию Бухарской народно-советской республики. В сентябре 1920 г. был назначен командующим армиями Южного фронта (против Врангеля). В последних числах ноября закончил операцию по ликвидации южно-русской контрреволюции занятием Крымского полуострова.

После ликвидации внешних фронтов был назначен уполномоченным Революционного военного совета республики на Украине и командующим всеми вооруженными силами на Украине. На ноябрьской Всеукраинской конференции был избран членом Центрального комитета коммунистической партии большевиков Украины.

Съездом советов Украины был избран членом Всеукраинского ЦИК. Был членом Всероссийского центрального исполнительного комитета всех созывов, начиная с третьего. На X съезде РКП был избран членом Центрального комитета РКП.

В настоящее время работаю на Украине в качестве уполномоченного Реввоенсовета республики и командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма.

[1921 г.].

М. В. Фрунзе, Избранные произведения. Воениздат, М., 1940 г.

1 9 1 8

РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ¹

Российской революции угрожает новая опасность, идущая на этот раз с востока. Во Владивостоке высажен вооруженный японский десант, что является прямым вызовом Советской России. Что последует за этим, двинутся ли японцы дальше к Благовещенску, Чите и Иркутску или ограничатся Владивостоком, — сказать пока трудно. Несомненно лишь одно, что японской высадкой Россия поставлена лицом к лицу с фактом открытого начала враждебных действий против нас на востоке.

Несомненно и то, что действия эти в недалеком будущем могут вылиться в страшный удар по нашей стране. Идут известия о лихорадочных военных приготовлениях японцев на Квантунском полуострове (б. наш Порт-Артур), о сосредоточении в Южной Манчжурии крупных военных сил и пр.

Наряду с этим усилилась провокаторская по отношению к России деятельность в Пекине, Харбине, и вообще по всей Манчжурии негодяев без чести и совести, вроде генерала Хорвата, офицера Семенова и прочих, действующих от имени кучки русских капиталистов ², собравшихся в Китае и замышляющих наводнить японскими и китайскими разбойничьими шайками нашу Восточную Сибирь. Дейтельно вербуются по-

донки китайцев и японцев; их снабжает оружием японское правительство, а обучением занимаются частью японские, а частью бывшие русские офицеры, вроде упомянутых Хорвата и Семенова. Таково положение дел, — что же делать?

Выход только один — немедленная и энергичнейшая деятельность по организации наших вооруженных сил. До тех пор, пока Советская Россия их не создаст, она будет легкой и лакомой добычей всякого хищника. Надо понять, что от этой опасности нас не спасут никакие мирные договоры, никакая уступчивость и миролюбие. Мы должны быть сильны, чтобы с нами считались. Разве считаются германские насильники с Брестским договором, уничтожая наш Балтийский флот и занимая ряд пунктов бесспорно российской территории? Нет, и не будут, пока не увидят вновь реальной силы, способной дать достойный отпор.

Теперь таковой нет, и единственной опорой для Советской России является соперничество между мировыми хищниками при дележе добычи. До сих пор лишь противоположность интересов Японии с Северо-Американскими Соединенными Штатами служила известной охраной на Дальнем Востоке неприкосновенности наших границ.

Факт соперничества нами должен быть использован, но строить только на этом свою внешнюю политику нельзя. Итак, если только мы действительно дорожим своими завоеваниями, дорожим возможностью использовать мирную передышку, добытую путем величайшего национального унижения и тяжких потерь, для залечивания ран, нанесенных войной, то надо сделать нашей очередной задачей организацию вооруженных сил. Пусть народ весь изморен, разорен и устал; пусть эта задача кажется не под силу при данных условиях... Мы ее должны разрешить, если вообще хотим жить и развиваться.

Пора сбросить с себя состояние безразличной и тупой апатии, пора все силы и средства отдать на служение трудовой, строящей новую жизнь, родине. Имушие классы... ею теперь не дорожат. Они звали ее защищать, когда она была страной кнута и нагайки, страной обирания и притеснения

большинства населения. А ныне они ее предают и продают... Тем больше становится наш долг, долг трудящихся классов не допустить этого.

Пусть же каждый рабочий сознает это, и пусть каждый приложит свое усилие к созданию Красной Рабоче-Крестьянской Армии.

В этом, и только в этом, спасение нашей страны и революции от всяких поползновений мировых хищников.

„Рабочий край“, № 35, 16 апреля 1918 г.

1 9 1 9 — 1 9 2 0

КРАСНАЯ АРМИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ

Одной из основных целей, которые ставит себе Великая российская революция, является прекращение навсегда войн между народами и уничтожение орудий их — в лице постоянных армий.

Между тем Советская Россия, разрушив до основания весь аппарат старой царской армии, как будто вновь целиком создает его в лице Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Стремясь к прекращению войн, она фактически ведет военные действия в целом ряде местностей.

Нет ли в этом положении внутреннего противоречия, не являются ли простым обманом со стороны советской власти ее мирные заверения?

В таком именно виде стараются изобразить военную политику социалистической России враги трудового народа. И, к несчастью, благодаря страшной культурной отсталости значительных слоев, главным образом, трудящихся, эти попытки иногда удаются.

Где же правда? Чего хочет в области военного дела советская власть? Почему она до сих пор ведет войну? Почему, распустив солдат по домам, она вновь призывает часть их под ружье?

Безусловной правдой является искреннейшее желание советской власти России немедленно положить конец не только

тем военным действиям, которые ведутся ныне, но и вообще всем будущим войнам. И это свое стремление трудовая Россия не раз обнаруживала, предлагая народам мир и их правительствам положить ружье. Доныне эти призывы не увенчались успехом. Почему же? Потому что почти всюду, кроме России, еще царит капитал. Капитал же ненасытен. Пока он силен, он готов грабить без конца, готов заливать кровью, опустошать огнем весь мир, лишь бы росли его барыши. Капиталисты — это те же разбойники. Внутри своей страны они пьют соки подвластных им детей труда, а вне — стараются как можно больше увеличить количество своих владений. Отсюда столкновения и войны.

И этот порядок до тех пор будет продолжаться на земле, пока трудящийся люд не сбросит со своих плеч паразитов-капиталистов и не установит царство труда.

Начало этому великому делу и положено русскими рабочими и крестьянами. Социалистическая Россия не хочет угнетать никого. Добровольно, без всякого принуждения извне, она позволяет определить рабочим и крестьянам каждой народности, входившей в состав государства Российского, желают ли они жить под общим красным знаменем Российской республики или хотят отделиться. Нет нужды, казалось бы, поэтому, и держать большую армию, так как нападать на другие народы мы не хотим.

Это было бы верно, если бы и другие народы поступали по-нашему. Но этого пока еще нет, и не одна пара хищных, завистливо-жадных глаз международных разбойников зарится на достояние русского народа. Обуреваемые страшной ненавистью к Советской России, отказавшейся платить им многомиллиардные долги царского правительства, не пожелавшей лить кровь своих солдат за интересы английских, французских, японских и американских банкиров, эти господа, пользуясь нашей временной слабостью, как хищные звери, рвут на части наше добро. На севере у Белого моря хозяйничают англичане, вырубают и отправляют наши леса в Англию; на Кавказе они же забрали Баку и лишили нас нефти и керосина; в Сибири орудуют японцы, вывозят к себе наше золото, пушнину, хлеб, скупая фабрики, копи, за-

воды и закабалая народ. В области войска Донского, под кровом союзников, на их деньги и их оружием, бывшие царские палачи-генералы и помещики работают над восстановлением царского режима в России.

Что же в случае удачи планов этих разбойников ожидает русских рабочих и крестьян? Полное закабаление эксплуататорами на долгие десятки лет, превращение России в колонию иностранного капитала, отнятие у народов всякой возможности устроить, наконец, жизнь к лучшему.

Такова обстановка, в которой вынужден жить сейчас русский народ. Немудрено поэтому, что мы почти задыхаемся, наполовину голодаем. Дальше жить так нельзя. Надо — либо разорвать ту петлю, которой сжимает шею русского народа банда своих и иностранных разбойников, либо сдаться на их волю и милость. Надо либо пробить дорогу к хлебу, нефти, хлопку, железу, либо умереть от истощения. Иных путей нет. Вот почему перед Советской Россией встал вопрос о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Этот вопрос не только поставлен, но на три четверти уже и разрешен. Наша родина уже имеет грозную армию, армию Красную, — ибо она призвана защищать интересы трудящихся, — армию рабочих и крестьян.

В этой армии все больше и больше крепнут порядок и дисциплина, ибо без них немыслимо никакое дело.

От старой царской армии она отличается не только тем, что она защищает другие цели, но и своим составом. В соответствии с тем, что власть в России принадлежит трудящимся, в Красной Армии тоже на командные посты стараются всюду поставить рабочих и крестьян. Их, конечно, нехватает, ибо при царских порядках о развитии народа не думали, и вот для скорейшей подготовки красных офицеров из среды рабочих и крестьян у нас открыт целый ряд новых военных училищ, так называемых «курсов командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Уже теперь по крайней мере три четверти командных должностей в армии замещены детьми труда. Работает в армии немалое число и бывших офицеров прежней армии. Чем яснее становятся грабительские планы наших бывших союзников по отношению к

России, тем больше участия в деле строительства Красной Армии принимают эти так называемые военные специалисты.

И результаты наших усилий уже сказываются. Волга с Казанью, Симбирском, Самарой, Уфой и другими городами уже возвращена Российской республике. На западе взяты Псков, Нарва, Юрьев, Рига, Могилев, Двинск, Минск, Вильно, Лида, на юге — Харьков. Таким образом, медленно, но неуклонно Красная Армия расширяет пределы царства труда и облегчает и укрепляет его положение. Необходимо, чтобы движение это шло неизмеримо сильнее. Необходимо, чтобы красное знамя вновь взвилось над богатыми хлебом и разного рода сырьем областями России: Уралом, Кавказом, Украиной и Сибирью. Когда это будет, тогда легко вздохнет русский рабочий и крестьянин, тогда поймет и увидит, какие неоценимые блага несет ему власть советская, власть трудящихся.

Вот почему Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил призвать народ к напряжению всех сил и средств в деле укрепления мощи нашей армии. Вот почему власть Советов зовет рабочего и крестьянина к жертвам. Даром ничего не дается. Счастье, право на вольную жизнь берутся с бою. Вот почему всякий трудящийся совершает непростительный грех и преступление как перед самим собой, так и перед всем трудовым народом, когда он не хочет помочь Рабоче-Крестьянской Армии.

В чем же может выразиться эта помощь? В очень многом. Тот, кто сам был на войне, знает, что значит воевать, а особенно в суровое зимнее время. Велики те жертвы, которые наши солдаты приносят на фронте делу родного народа. И обязанность наша их облегчить. Достатков у нас немного сейчас, но ими мы обязаны поделиться с армией. Надо сделать так, чтобы она была накормлена, одета, обута и вооружена.

Чем лучше будет чувствовать она себя в этом отношении, тем легче выполнит свой долг. А всё ли делает тыл, что может, для этого? Надо сказать: увы, нет. Когда дело доходит до жертв, мы ужасно туги на карман. Когда ввели 10-миллиардный военный налог, имевший целью помочь армии, разве не подняли ропот многие из крестьян? Слепцы

они не понимали, что изъятие из сундуков этих бумажных миллиардов в конечном счете им должно непосредственно даже принести пользу, повышая ценность денег. Разве не слышатся сплошные жалобы на тяготы по военно-конско-повозочной повинности?

Кто спорит, что это трудно, но оно необходимо, ибо без этого крестьянину и рабочему все равно крышка.

А ведь эти жалобы несутся в армию и там творят свое вредное дело, убивая энергию и мужество в сердце бойца.

Далее, каждый теперь понимает, что без порядка в армии, без дисциплины ничего не выйдет. Одним из зол, разъедающих армию, является дезертирство. Труссы, шкурники, подлые души оставляют своих братьев и бегут, отказываясь от выполнения своего долга перед народом. Везде ли встречают этих предателей дела трудящихся заслуженным ими образом? Презрением и принуждением к исполнению долга должна ответить им вся рабочая и крестьянская Россия.

Только таким путем мы можем оказать армии действительную помощь, можем добиться превращения ее в силу, грозную для всех врагов трудовой России.

Будет ли эта армия «постоянной», т. е. будет ли существовать и после прекращения военных действий? Немедленно по прекращении вооруженной борьбы армейцы будут распущены по своим родным местам, но это не значит, что наша родина останется без всякой защиты. Напротив, она через несколько лет будет так сильна, что вряд ли кому придет охота на нее нападать. Сила эта образуется от так называемого всеобщего военного обучения.

Всеобщее военное обучение является целью всей военной политики Советской России. Оно должно научить каждого гражданина Республики уметь владеть оружием и, стало быть, защищать свою страну. Это обучение должно идти так, чтобы по возможности не отрывать обучаемых от их работы, от их семейных очагов. Обучение должно производиться в волостях, селах, на фабриках и пр. При таких условиях каждый трудящийся не порывает связи с прежней жизнью, его не загонят на долгие годы в казармы и не будут выделять деревянную куклу, послушную велениям

господ. Из обученных будут формироваться резервные роты, батальоны, полки, бригады и дивизии на случай военных действий. Таким образом, постоянную военную службу будет нести лишь инструкторский (командный) состав, а все остальное население будет обучаться лишь определенное незначительное время. Этим путем у нас и подготавливается переход от постоянной армии к народной милиции. В настоящее время работа всеобщего обучения совершается с большим трудом. Нехватает продовольствия, обмундирования, военного снаряжения, оружия, не оборудованы помещения; наконец, и само население, измученное всякими невзгодами, не может относиться к делу обучения так, как следовало бы. И при всем том сейчас целые сотни крестьян и рабочих уже прошли школу предварительной военной подготовки.

Из сказанного теперь ясны задачи социалистической Российской республики в области военного дела. Они, стало быть, сводятся, с одной стороны, к созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как определенно организованной и могущей сейчас же действовать вооруженной силой, а с другой,—к подготовке, к созданию всеобщего ополчения трудящихся России.

В этом великом и трудном деле создания военной мощи первой в мире республики рабочих и крестьян советская власть вправе ожидать поддержки и помощи от всех, кто живет своим трудом. Великий почин сделан... Рубикон перейден... И как бы ни истекали злобой и желчью все те, кто жил трудом чужих рук, старое им не вернуть, не сесть вновь на шею рабочего люда. Нам трудно сейчас, во многом ощущается недостаток, много делается ошибок в строительстве новой жизни. Может ли быть иначе? Пусть здание социалистической России пока неказисто на вид, пусть не ощущается в нем тепла и уюта, о котором мечтают его строители,—ведь оно еще только строится, его окружают леса. Над этой постройкой трудятся миллионы мозолистых рук. И в этой постройке — залог успеха всей революции.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

ПРИКАЗЫ, ТЕЛЕГРАММЫ, ДОКЛАДЫ

(январь — июль 1919 г.)

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 4-й АРМИИ

№ 40/9

31 января 1919 г.

Приказом РВСР от 26 декабря 1918 г. за № 470 я назначен командующим 4-й армией³.

Вступая ныне в исполнение своих новых служебных обязанностей, я прежде всего обращаюсь к войскам армии с товарищеским приветом от имени рабоче-крестьянского правительства республики и ее верховного органа — Всероссийского ЦИКа.

Товарищи! Глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей России прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Не для захватов чужих земель, не для ограбления иноземных народов послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь на фронте решается сама судьба рабоче-крестьянской России; решается окончательно спор между трудом и капиталом. Разбитые внутри страны помещики и капиталисты еще держатся на окраинах, опираясь на помощь ино-

странных разбойников. Обманом и насилием, продажей родины иностранцам, предательством всех интересов родного народа — они все еще мечтают задушить Советскую Россию и вернуть господство помещичьего кнута.

Они надеются на силу голода, который выпал на долю центральных губерний вследствие отторжения от богатых хлебом окраин. Напрасные упования!

Сильные духом и верой в правоту своего дела рабочие и крестьяне России идут неуклонно своим путем, и они уже не одиноки в борьбе.

Трудящиеся массы Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины уже стали бок-о-бок с нами ⁴.

И это наше дело, товарищи, дело рабоче-крестьянской Красной армии! Еще одно-два усилия, и враг будет разбит окончательно.

Под сень красных знамен социалистической Советской России вернутся все ее окраины, и работники города и деревни возьмутся за мирный спокойный труд. Страна жаждет исцеления от мук голода и холода, она ждет хлеба и мира от своей армии.

Вступая ныне в командование 4-й армией, я уверен в том, что сознание важности и святости лежащего на нас долга близко сердцу и уму каждого красноармейца.

Невзирая на все попытки черных сил посеять рознь и смуту в ее рядах, армия должна пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю, должна проложить тем самым путь к постоянному прочному миру. Я надеюсь иметь в каждом из вас верного товарища и сотрудника по исполнению этой великой задачи, возложенной на нас страной. Чем дружнее будет наш напор, тем ближе желанный конец.

Я надеюсь, что совокупные усилия всех членов армии не дадут места в рядах ее проявлениям трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же проявления таких, суровая рука власти беспощадно опустится на голову тех, кто в этот последний решительный бой труда с капиталом явится предателем интересов рабоче-крестьянского дела.

Еще раз приветствую вас, своих новых боевых товарищей, и зову всех к дружной, неустанной работе во имя интересов трудовой России.

Командующий 4-й армией, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, бывший окружной военный комиссар Ярославского военного округа *Михаил Михайлов-Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны.
Сборник документов. Госиздат. М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 4-й АРМИИ № 76/30

23 февраля 1919 г. Николаевск.

Ровно год тому назад рабочие и крестьяне России решились создать Красную Армию. Не для завоевательных целей, не для нападения на другие народы, а лишь для защиты прав народных создавалась вооруженная рабоче-крестьянская сила. Враги трудового народа хотели лишить его плодов усилий и побед, хотели ввергнуть в старое ярмо. Только для отвращения этой опасности послала своих детей трудовая Россия под ружье. Своей Красной Армии вверила она судьбы всех трудящихся и в своих надеждах не обманулась. Среди невероятных лишений, терпя недостатки во всем, Красная Армия, сильная верой в святость своего дела, творит чудеса. Одно за другим уничтожаются гнезда контрреволюции; убиваются надежды врагов видеть у своих ног поверженных в прах детей труда. Час конечного торжества уже недалек. Наступления его ждет вся страна. И в этот торжественный день годовщины создания Красной Армии вся трудовая Россия живет думами с нами, товарищи. Она шлет вам свой сердечный привет и верит, что скоро увидит своих детей, возвращающихся к очагам под сенью победных красных знамен. Шлю свой привет и я вам, боевые товарищи. Еще одно-два усилия, и враг будет разбит окончательно. Смелее же вперед! Победа близка! Дело труда восторжествует. Утвердите его победу всей мощью ваших штыков. Дайте рабочему люду спокойно и мирно устраивать по своей воле, а не по указке врагов, новую жизнь. Победы, скорейшей победы ждет он от вас.

Да здравствует могучая Красная Армия, оплот и защита трудящихся! Да здравствует трудовая Россия, утверждающаяся на развалинах мира насилия республика трудящихся, царство социализма!

Командарм Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны.
Сборник документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА № 021

10 апреля 1919 г.

1. Противник, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части 1-й и 5-й армий, угрожая одновременно выходом в тыл левому флангу 5-й армии в районе Бугульмы и стараясь отрезать 1-ю армию от 5-й.

2. Согласно приказу командующего Восточным фронтом от 10 апреля за № 01161, в целях объединения действий против Уфимской группы неприятеля, в 12 часов 11 апреля, помимо 4-й и Туркестанской армий, мне подчиняются в оперативном отношении 1-я и 5-я армии и укрепленный район участка реки Волги от Ставрополя до Сызрани; все указанные армии составляют южную группу армий Восточного фронта.

Левее (севернее) нашей группы образована Северная группа в составе 2-й и 3-й армий под начальством командующего 2-й армией.

Кроме того, выделены особые отряды для непосредственной обороны Симбирска и Казани.

Разграничительной линией между Южной и Северной группами установлена: Бирск, Чистополь, устье реки Камы — все включительно для Северной группы.

3. Во исполнение указания командующего фронтом, войскам вверенной мне Южной группы ставлю задачу, — удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу.

Для выполнения при к а з ы в а ю:

1. 5-й армии, приведя войска в порядок с применением самых решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской железной дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма. Особое внимание обратить на обеспечение своего левого фланга, для чего путем перегруппировки образовать резерв в районе Бугульминской железной дороги.

Штабу армии оставаться в Бугуруслане.

2. 1-й а р м и и:

а) частями 20-й стрелковой дивизии удерживать противника примерно на фронте от Мелеуса, что на тракте из Стерлитамака в Оренбург, через Сеитово и Алешкино до Ратчино (Козанка) включительно;

б) из состава 24-й стрелковой дивизии: одну бригаду немедленно перебросить по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от железнодорожной станции Тоцкая для включения в ударную группу;

в) остальными частями 24-й стрелковой дивизии, путем активных действий против неприятеля в направлении на Бугульчан, задерживать продвижение противника и тем дать возможность сосредоточения ударной группе в районе Бузулука;

г) части 31-й стрелковой дивизии, временно включаемые в состав армии, теперь же направить в Бузулук для присоединения к своей дивизии;

д) штабу армии теперь же перейти в Бузулук.

3. Т у р к е с т а н с к о й а р м и и:

а) все наличные части 31-й стрелковой дивизии со 2-й бригадой 3-й кавалерийской дивизии, включенной в состав ударной группы, подчиняемые с получением сего командующему 1-й армией, перевести в его распоряжение по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от Бузулука, причем сосредоточение одной стрелковой бригады с конным полком и со штабом дивизии должно быть закончено не позже 18 апреля;

б) 1-й бригаде 3-й кавалерийской дивизии, подлежащей немедленному перемещению из Уральска и Бузулука в район Оренбург — Илецкий городок, совместно с местными формированиями образовать особую Оренбургскую группу под начальством командующего Туркестанской армией для прикрытия района Оренбурга;

в) 224-му стрелковому полку из состава 25-й стрелковой дивизии, расположенному в Илецком городке, продолжать временно оставаться в подчинении командующему Туркестанской армией.

4. 4-й а р м и и:

а) 22-й стрелковой дивизии с Киргизской конной бригадой и 221-м стрелковым полком продолжать выполнение прежней задачи по прочному обеспечению занятого района Уральской области;

б) 73-й бригаде 25-й стрелковой дивизии, включенной в состав ударной группы, выдвинувшись не позже 18 апреля на фронт Луговое — Безводновка (что в 40—50 верстах к северу от Бузулука), составить прикрытия района сосредоточения всей ударной группы;

в) 75-й бригаде 25-й стрелковой дивизии без 224-го стрелкового полка, включенной в состав ударной группы, продолжать перевозку в район Бузулука;

г) 74-й бригаде 25-й стрелковой дивизии оставаться в Самаре, составляя с формирующимися там войсками резерв всей Южной группы;

д) 73-я и 75-я бригады 25-й стрелковой дивизии, включаемые в состав ударной группы, подчиняются в оперативном отношении командующему 1-й армией с получением сего.

5. Ставя указанные выше задачи, требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение. Для достижения этого приказываю прежде всего водворить строжайший порядок в войсках и установить беспощадную ответственность по отношению забывших свой долг революционеров и борцов за благо и свободу трудящихся масс.

В целях возможности управлять войсками при чрезвычайно сложной наличной обстановке приказываю всем командармам и их штабам прежде всего всегда своевременно доносить о современном положении на фронте армии и также соседям, точно обозначать расположение всех частей, ясно указывать данные им задачи и, поскольку они выполнимы, непрерывно вести разведку, не теряя соприкосновения с противником для возможно более точной ориентировки в расположении его частей.

Реввоенсовет Южгруппы — Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ⁵ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

10 апреля 1919 г.

Солдаты Красной Армии!

Внимание трудовой России вновь приковано к вам. С затаенным вниманием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на востоке.

Здесь в лице Колчака помещиками и капиталистами ставится последняя ставка. Надежды богачей на прочих кандидатов в цари — украинского пана гетмана Скоропадского, донского атамана Краснова, царского генерала Деникина — разлетелись прахом. Геройские армии Южного и Украинского фронтов очистили почти весь юг России от банд белогвардейских разбойников и поддерживающих их французских, английских и греческих наемников.

Херсон, Николаев, Одесса, Крым вновь возвращены трудовой России.

Красное знамя развевается над всей великой российской равниной вплоть до берегов Азовского и Черного морей. Казалось, что отныне народ наш, истомленный непрерывной тяжелой борьбой, сможет свободно вздохнуть и приступить к мирному труду. Но момент торжества опять отдален временными неудачами нашего оружия на Востоке.

Чуя близость позорного конца, видя рост революции на Западе, где одна страна за другой поднимает знамя восстания, колчаковцы делают последние усилия. Собрав и выучив на японские и американские деньги армию, заставив ее слу-

шаться приказов царских генералов путем расстрелов и казней, Колчак мечтает стать новым державным венценосцем.

Этому не бывать. Армия Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не допустит торжества паразитов. Слишком велики жертвы, принесенные рабочим классом и крестьянством. Слишком много крови пролито ими, чтобы теперь, накануне своей полной победы, позволить врагу вновь сесть на плечи трудового народа.

Дело идет о его настоящем и будущем. Не место малодушию и робости в наших рядах перед лицом неудач. Эти неудачи временны и объясняются главным образом тем, что нам пришлось отвлечь часть сил наших на Южный фронт. Ныне наша задача близка к завершению, и глаза России вновь обратились к нам на восток.

Помощь идет. Вперед же, товарищи, на последний решительный бой с наемником капитала — Колчаком!

Вперед за счастливое и светлое будущее трудового народа!

Командующий войсками Южной группы
Восточного фронта — *Михайлов-Фрунзе*
Член Реввоенсовета — *Куйбышев*

М. В. Фрунзе, Собр. соч., т. I. Государственное издательство, М. — Л., 1929 г.

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДАРМАМ 1, 4, 5,
ТУРКЕСТАНСКОЙ И НАЧДИВУ 22
№ 01011

13 апреля 1919 г.

Во изменение приказа войскам Южной группы 021⁶.

Ввиду выяснившейся невозможности рассчитывать на сосредоточение в районе Бузулука частей 24-й дивизии для одновременных действий в составе ударной группы с 25-й дивизией начальствование ударной группы в составе 25-й и 31-й дивизий возлагается не на командарма первой, а на командарма Туркестанской, коему из Оренбурга перейти в Бузулук с годовой бригадой 31-й дивизии. Командарму 1 продолжать сосредоточение ударной группы из состава частей армии в районе Михайловское (Шарлык) для удара во фланг и тыл Бугурусланской группе противника одновременно

с Бузулукской ударной группой. Задача по обеспечению Оренбурга вместо командарма Туркестанской возлагается на командарма 1, в подчинение коему поступают 1-я кавалерийская бригада 3-й кавалерийской дивизии, 224-й стрелковый полк и местные части, составляющие гарнизон Оренбурга, и вооружаемые там рабочие. Командарму Туркестанской принять самые решительные меры к самой спешной перевозке частей армии в район Бузулука, к северу от коего сосредоточить обе дивизии ударной группы.

Командующей группой *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

№ 022⁷

19 апреля 1919 г., 20 часов.

1. Из перехваченных приказов противника видно, что против нашей 5-й армии в районе Бугуруслана наступает 3-й Уральский корпус, имея 6-ю Уральскую дивизию к северу от реки Кинель и к югу 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков в составе 25, 26, 27 и 28-го пехотных полков, 7-й артиллерийской бригады, 1-го Уральского гусарского полка, Егерского батальона и Оренбургской казачьей бригады.

Части этой дивизии 16 апреля должны были занять фронт к югу с дальнейшим выдвижением на железнодорожную станцию Подбельская — Кинельские, Городки — Чепурновка, Оренбургской казачьей бригаде указано продолжать наступление на железнодорожную станцию Толкай.

Кроме того, в состав 3-го Уральского корпуса, повидимому, входит Ижевская бригада, район расположения которой не выяснен.

В Стерлитамакскую группу противника входит 6-й корпус в составе 11-й и 12-й дивизий, причем к 12 апреля правый фланг 6-го корпуса, а именно 44-й пехотный полк с батареей, должен был занять Егорьевку (повидимому, селение, которое находится около 30 верст к юго-востоку от железнодорожной станции Абдулино).

Кроме того, из захваченного приказа по 45-му полку видно, что 12-я дивизия противника должна была выдвигаться на южный берег реки Дема в районе Богородское (Пономарево), Алябьево, Воздвиженское (ст. Никитино).

Судя по приказам, до 16 апреля между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника связь отсутствовала.

2. Во внимание к выяснившейся обстановке считаю необходимым с возможно большей энергией продолжать выполнение указанного мною оперативного плана, центр тяжести коего лежит в разгроме Бугурусланской группы противника, пока она не находится еще в тактической связи с 6-м корпусом, наступающим из района Стерлитамака.

В подтверждение и дополнение ранее отданных мною приказов предписываю:

а) 5-й армии, усиленной 74-й и 75-й бригадами 25-й стрелковой дивизии, не только остановить напор противника и дальнейшее его продвижение вдоль Бугульминской и Бугурусланской железных дорог, но контрударом оттеснить его, имея ближайшей задачей овладение районом Бугуруслана. Штарму оставаться в Кротовке.

б) Ударной группе под начальством командарма Туркестанской тов. Зиновьева, в составе 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии, 31-й стрелковой дивизии и Оренбургской казачьей бригады, сосредоточившись в районе к северу от Бузулука, перейти в решительное наступление в общем направлении на фронт — железнодорожная станция Заглядино — Бугуруслан, с целью совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его Бугурусланскую группу к северу, отрезав его от сообщений к Белебею.

Командующему ударной группой, пользуясь своей конницей, держать связь с нашей 1-й армией; вести разведку в промежутке между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника, порывая между ними связь, обеспечить правый фланг ударной группы и развивать возможно энергичные боевые действия в глубокий тыл 3-го Уральского корпуса противника, примерно в районе железнодорожной ст. Сарай Гир — железнодорожная станция Филипповка.

Штабу ударной группы (он же штарм Туркестанской)

находиться в Бузулуке. Командарму Туркестанской армии принять все меры к скорейшему сосредоточению всех частей армии из Оренбургского района в район Бузулука.

в) 1-й армии, минуя всякие препятствия, прекратить дальнейший отход и, перейдя теперь же в решительное наступление, сковать находящиеся перед ней части 6-го корпуса противника, дабы не дать им возможности войти в связь с 3-м Уральским корпусом и тем самым угрожать правому флангу ударной группы.

Помимо этого, на армию, в состав коей включаются 224-й стрелковый полк и 10-й кавалерийский полк, передвинутые в Оренбург из Бузулука, и все местные оренбургские формирования, возлагается обеспечение района Оренбурга путем создания особой Оренбургской группы. На эту группу возлагается обязанность в кратчайший срок сменить части Туркестанской армии, обеспечивающие до сих пор Оренбург с востока, и прикрыть погрузку этих частей, а именно: Орского и Бузулукского стрелковых и Орского, Айсановского и 2-го сверхштатного конных полков для немедленной переброски их из Оренбурга в район ударной группы. Штабу армии перейти в Сорочинское.

г) 4-й армии в составе: 22-й стрелковой дивизии, 9-го кавалерийского полка, Савинского стрелкового полка и Киргизской конной бригады, под общим командованием начальника 22-й стрелковой дивизии, продолжать выполнение прежней задачи по прочному удержанию занимаемого района Уральской области.

3. Командующим 5-й армией и ударной группой во исполнение этого приказа немедленно представить свои соображения и донести об окончании подготовки к предстоящей операции, после чего будет указано время для начала решительного согласованного наступления.

4. Всем командующим армиями возможно подробнее ежедневно доносить мне о подготовке к операциям, указывая расположение всех частей, боевой их состав и степень обеспеченности их всем необходимым.

Командующий Южной группой *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕМУ ВОСТОЧНЫМ
ФРОНТОМ
№ 01182

23 апреля 1919 г., 20 час.

На № 01364⁸. Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай Гир с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операция выполняется путем атаки на правом фланге 5-й армии двумя бригадами 25-й стрелковой дивизии в полосе между речками М. Кинель и Кутулук и частями 26-й дивизии севернее р. М. Кинель. Одновременно с этим на левом фланге 5-й армии производится частями 27-й дивизии атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью сковать противника и не позволить ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану.

Главный удар наносится с юга частями 31-й и одной бригадой 25-й стрелковых дивизий, которые составят ударную группу и, сосредоточившись в районе Дураковка (Озерье), Сергеевка, Кирилловка, Могутово и Подсолнечное, наносят удар во фланг и в тыл 7-й горной дивизии противника, имея задачей сбить его с железной дороги и отбросить к северу. Для охраны правого фланга ударной группы со стороны частей 11-й и 12-й дивизий противника и для оказания содействия левому флангу 1-й армии, путем удара во фланг противнику, наступающему на этот фланг, выдвигается в район Никольское, Боровка конная бригада.

1-я армия, упорно обороняя частями 20-й стрелковой дивизии и местными формированиями район Оренбурга и обеспечивая направление Стерлитамак, Оренбург на правом фланге, должна частями 24-й дивизии сковать находящиеся перед нею части и не допустить до тактического соединения с частями Бугурусланской группы противника путем упорной атаки имеющихся перед ее левым флангом частей противника.

4-я армия частями 22-й стр. дивизии должна продолжать упорную оборону района Уральска и железной дороги Уральск—Саратов.

В резерве группы остаются в районе Самара—Иващенко две бригады 2-й стрелковой дивизии, которые предполагается использовать для развития успеха.

Командгруппы *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат. М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА № 023

1 мая 1919 г.

Противник, пытавшийся овладеть Оренбургом, при наступлении как с севера, так и с востока и с юга, отброшен частями нашей Оренбургской группы и понес большие потери, в том числе свыше полутора тысяч пленными. На всем остальном фронте 1-й армии противник, в общем, пассивен; на левом фланге части 24-й стрелковой дивизии отбросили 12-ю дивизию противника в район Богородское (Пономарево).

Начавшееся 28 апреля общее наступление Туркестанской и правого крыла 5-й армии идет вполне успешно: части 1-й бригады 25-й дивизии разбили 11-ю дивизию противника, а части 2-й и 3-й бригад 25-й дивизии и 3-й бригады 26-й дивизии — 6-ю дивизию противника, отдавшего в наши руки много пленных и отступающего на север и частью на северо-запад.

В то же время противник собранным в районе Сергиевска кулаком теснит левофланговые части Бугурусланской группы 5-й армии.

Одновременно под напором превосходных сил противника Бугульминская группа 5-й армии вынуждена продолжать отход, выдерживая главный нажим на своем правом фланге.

На фронте 4-й армии противник, перерезав железную дорогу между Уральском и Деркуль и овладев Александров-Гаем, пока держится пассивно.

При содействии передаваемых мне подкреплений я решил: путем двойного охвата нанести удар противнику с целью уничтожения его группы, оперирующей в районе к юго-востоку от Сергиевска и стремящейся отбросить правую группу 5-й армии от ее сообщений с Самарой; после чего общими усилиями Туркестанской и 5-й армий отбросить Бугульминскую группу противника на север, отрезав ее от сообщений с Уфой. Для чего:

1. 1-й армии продолжать выполнение поставленных ей задач — удерживать район Оренбурга и активными действиями на своем левом фланге в общем направлении на север приковывать к себе части противника, группирующиеся в районе к юго-востоку от железнодорожной станции Абдулино, разграничительная линия между 1-й и Туркестанской армиями — Натальино (Плещеево), Абдулино, Белебей — для 1-й армии включительно.

2. Туркестанской армии, имея справа активно действующий заслон, продолжать самое энергичное и быстрое наступление главной своей массой в тесной связи с правым флангом 5-й армии в целях выхода во фланг и тыл Бугурусланской группы противника.

Оставив конную бригаду в районе железной дороги Бугуруслан — Белебей, выдвинуть все остальные части конницы для энергичных и быстрых действий в направлении на Бугульму с целью прикрытия правого фланга армии при дальнейшем ее наступлении и удара по тылу противника и его сообщениям.

Разграничительная линия между Туркестанской и 5-й армиями — Бугуруслан — железнодорожная станция Дымка — для Туркестанской армии включительно.

3. 5-й армии, в состав коей включаю 2-ю и 3-ю бригады 2-й стрелковой дивизии, приказываю: продолжая быстрое наступление своего правого крыла от Бугуруслана в общем направлении на северо-запад, использовать части 2-й дивизии для развития самых энергичных действий в охват правого фланга и в тыл 4-й Уфимской дивизии противника с целью не только остановить его нажим на юг, но путем окружения уничтожить его.

Для усиления Бугульминской группы 5-й армии в состав ее будут включены части, сосредоточиваемые штабом фронта в районе Мелекеса.

С прибытием этих подкреплений левой группы, 5-й армии перейти в решительное наступление с охватом левого фланга 8-й Камской дивизии противника в целях разобщения ее от частей 4-й Уфимской дивизии и тем самым обеспечения левого фланга 2-й дивизии, направляемой в район Сергиевска для глубокого охвата.

4. 4-й армии приказываю, овладев вновь Александров-Гаем, продолжать выполнение задачи по удержанию района Уральска и железной дороги на Покровск; с прибытием подкреплений перейти к решительным действиям с целью отбросить противника от железной дороги и Уральска.

5. Требую от всех армий самой кипучей энергии, быстроты и смелости при выполнении поставленных им задач, памятуя, что при создавшейся обстановке только в таких действиях залог нашего полного успеха.

Командующий Южной группой *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

№ 025 ⁹

6 мая 1919 г., 11 час. 40 мин.

Для обеспечения операций 5-й армии со стороны Уфы, как в направлениях на Белебей, так и вдоль Бугульминской железной дороги, а также с целью перерезать пути отхода противника от Бугульмы на Уфу, п р и к а з ы в а ю:

1. Туркестанской армии, сосредоточившись в районе Сарай Гир, перейти в наступление на Белебей, имея дальнейшей непосредственной задачей быстрый выход на Бугульминскую дорогу по тракту от Белебея на север. Поддерживать тесную связь с 5-й армией и конницей, обеспечить свой левый фланг, разведывая и действуя в направлении на Бугульму.

2. 1-й армии — 24-й дивизией перейти в наступление в тесной связи с Туркестанской армией в направлении на Шафраново, а 20-й дивизией — в направлении на Стерли-

тамак, обеспечив Оренбург, с выдвижением на линию Островная, Чернострожская и ст. Муранталова.

3. 5-й и 4-й армиям продолжать выполнение ранее поставленных задач.

4. Обращаю [внимание] на необходимость энергичных действий и требую поддержания самой тесной связи между армиями и дивизиями, с каковой целью соседним частям обмениваться делегатами.

Командующий Южной группой *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ КОМАНДАРМАМ 1, 4 и ТУРКЕСТАНСКОЙ № 01591

15 мая 1919 г., 22 час. 30 мин.

Противник, разбитый в районе Бугульмы, пытается оказывать сопротивление в районе Белебей, куда сосредоточиваются свежие подкрепления, состоящие главным образом из частей корпуса Каппеля. В Оренбургском и Уральском районах казачество прилагает все усилия для овладения Оренбургом и Уральском. На вверенную мне группу в составе 1-й, 4-й и Туркармии возложены задачи:

- 1) разбить Белебеевскую группу противника и
- 2) подавить восстания в Оренбургской и Самарской губерниях и Уральской области.

Для проведения Белебеевской операции, обеспечиваемой с севера 5-й армией, выдвигающей для этого одну дивизию на восток по железной дороге Бугульма — Уфа, из состава 5-й армии выделяется 25-я дивизия, включаемая с полуночи на 16 мая в состав Туркестанской армии; кроме того, из 5-й армии выделяется 2-я дивизия, коей приказано, составляя резерв группы, направляться из района Бугульма в район Купченсева, Суккулова, где она должна сосредоточиться к 19 мая. Для подавления восстания в мое распоряжение передаются: двухполковая особая Самарская бригада, 3-я бригада 33-й дивизии. Казанский мусульманский полк и 1-я кавалерийская дивизия.

П р и к а з ы в а ю:

А. Для выполнения Белебеевской операции:

1. Первой армии, обеспечивая Белебеевскую операцию продолжением энергичного наступления на Стерлитамак, левым своим флангом, действующим в тесной связи с Туркестанской армией, стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток, имея разграничительной линией с Туркестанской армией: Михайловка, железнодорожная станция Аксеново, Слак, Каипова, все для 1-й армии включительно.

2. Туркестанской армии, атаковав 31-й дивизией, совместно с левым флангом 1-й армии, противника с фронта, направить 25-ю дивизию севернее Белебея для глубокого охвата с целью отрезать противника от сообщений с Уфой, имея разграничительную линию с 5-й армией: Зайтава Ниж. Башниды, Константиновка, Яман Купыр, Санаевой, железнодорожная станция Усманова, все для Туркестанской армии включительно.

3. Всю наличную конницу немедленно бросить в тыл противнику с целью перехвата его сообщения с Уфой.

4. Так как имеются основания предполагать, что противник после целого ряда поражений не решится оказывать упорного сопротивления в районе Белебея, приказываю, учитывая эту возможность, развивать максимальную энергию при наступлении, причем особенную стремительность должны проявить конница и 25-я дивизия, имеющие задачу отрезать противника от Уфы.

Б. Для ликвидации противника в пределах Оренбургской и Самарской губерний и Уральской области и подавления восстаний:

1. Командарму 1 развить решительные действия с целью разбить и уничтожить противника, действующего в районе Илецкий городок, Оренбург. Для операции в районе Оренбурга, кроме Казанского мусульманского полка, выступающего 16 мая из Самары, путем соответственной перегруппировки на фронте 20-й дивизии выделить достаточные силы для выполнения поставленной задачи.

2. Командующему 4-й армией, развивая самые решительные действия, разбить Уральскую армию противника, восстановить железнодорожное сообщение Покровск — Уральск, овладеть Новоузенском и Александров-Гаем и подавить восстания в районе расположения армий в пределах Уральской области и Самарской губернии. Для выполнения этой задачи в состав армии, кроме 22-й дивизии, Савинского полка, отдельного отряда и полка «Красной звезды», включаются: а) 3-я бригада 33-й стрелковой дивизии, расположенная в районе Пугачева; б) Самарская особая бригада в составе двух стрелковых полков при шести легких срудиях, направленная 15 мая из Самары через Бузулук и Соболев на Уральск; в) 1-я кавалерийская дивизия, прибывающая в район Ершов; г) 279-й стрелковый полк, направленный через Бузулук и Соболев; д) Рязанский коммунистический полк, направленный из Самары через Б. Глушицу (Погановку) и Б. Черниговку в Ново-Озерный, что на тракте у р. Чеган.

3. Разграничительная линия между 1-й и 4-й армиями: Бузулук, Иртецкое, р. Утва, все для 1-й армии включительно.

Командующий Южной группой *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДОКЛАД КОМАНДОВАНИЮ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА № 0164

19 мая 1919 г., 2 часа 25 мин.

Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы. С другой стороны, усиливающееся движение поднявшегося казачества требует принятия немедленных мер для обеспечения Оренбургского и Уральского районов и железной дороги Самара — Оренбург. План действия 4-й армии на Уральском фронте мною представлен, и я ходатайствую о скорейшем вашем заключении по его содержанию; в настоящем же докладе я представляю на утверждение план действий на уфим-

ском и оренбургском направлениях. Проведение Уфимской операции мне представляется в следующем виде:

1. Для овладения районом Уфы назначается Туркестанская армия в составе 31-й, 25-й дивизий, двух бригад 2-й дивизии, 3-й кавалерийской дивизии и 24-й дивизии, объединяемых командованием Туркестанской армии.

2. Указанные дивизии наступают для овладения фронтом: Стерлитамак исключительно, Уфа включительно, причем 24-я дивизия, составляя правый фланг армии, направляется примерно на фронт р. Белая на участок пристань Табынск, устье р. Сим с целью охвата Уфы с юга и выхода в тыл. Одновременно с этим конница Туркестанской армии, стянутая к правому флангу армии, должна быть брошена впереди 24-й дивизии в район южнее Уфы для перехвата железнодорожных сообщений противника в глубском тылу. 25-я дивизия, составляя левый фланг армии, направляется для непосредственного овладения Уфой.

3. Операция прикрывается с севера 26-й дивизией, нацеливаемой на фронт Базилевка, Бирск, имея задачей овладение переправой у Ахлыстина с целью перерезать р. Белая для воспрепятствования передвижению по реке неприятельской боевой флотилии. Операция эта должна предшествовать овладению Уфой.

4. Уфимская операция обеспечивается справа и с тыла продвижением из состава 1-й армии одной бригады 20-й дивизии, направляемой для овладения районом Стерлитамака.

5. После овладения Уфимским районом, подготовляясь к ведению дальнейших операций, район Стерлитамака занимают башкирские части, развивающие отсюда свои действия для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону Советской власти и усиления Красной Армии. В это же время наличная конница Туркармии, при поддержке башкирских частей, и если позволит обстановка, и частей 24-й дивизии, направляется рейдом через Стерлитамак на Верхнеуральск в целях привлечения на нашу сторону оренбургского трудового казачества и усиления нашей конницы, без наличия которой в достаточном числе задача покорения казачьих областей чрезвычайно затруднительна.

Одновременно с Уфимской операцией необходимо начать операции в Оренбургском районе, что предполагалось бы выполнить следующим образом:

1. Вся операция возлагается на 1-ю армию в составе 20-й дивизии, войск Оренбургского района и отдельного отряда, действующего ныне к югу от железной дороги в районе Татищево, Сорочинское, Илецкий городок и усиливаемого 1-й бригадой 2-й дивизии.

2. Ввиду слабого и совершенно пассивного [поведения] противника на фронте к северу от реки Сакмара, полагалось бы достаточным весь участок от этой реки до района Стерлитамака, овладение коим возлагается, как указано выше, на одну из бригад 20-й дивизии, прикрыть другой бригадой 20-й дивизии.

3. Третью бригаду 20-й дивизии, ближайшую к Оренбургу, стянуть к югу и включить в состав войск обороны Оренбургского района, который нуждается в серьезной поддержке свежими силами, прибытие коих даст возможность перейти к активным действиям, ближайшей целью коих должно быть выдвижение к востоку и югу на расстояние не менее одного перехода, дабы дать возможность начать в Оренбурге вновь работу при условиях относительной безопасности.

4. Первую бригаду 2-й дивизии немедленно перевезти по железной дороге на ст. Хамалеевка и затем выдвинуть ее к югу. Командиру этой бригады подчинить все части, действующие ныне в районе 1-й армии западнее Оренбурга, поставив образованному отряду задачу надежно прикрыть железную дорогу на участке Оренбург—Бузулук и обеспечить поддержание порядка в районе к югу от железной дороги до р. Урала на участке до Иртецкое включительно.

5. После занятия Стерлитамака башкирскими войсками, освобождаемая бригада 20-й дивизии направляется в тот район 1-й армии, который будет наиболее нуждаться в поддержке.

6. В отношении Оренбургского района план действия пока ограничивается вышеизложенным, а для выполнения последующей задачи, имеющей целью прочное овладение всей областью с закреплением за нами района Орск, Актюбинск,

Илецк и восстановление сообщения с Туркестаном, потребуется предварительная работа по организации 1-й армии, в состав которой в настоящее время входит много импровизированных частей.

Изложенный план, требующий некоторой нсвой группировки войск и перераспределения дивизий в составе 1-й и Туркармии, влечет за собой необходимость коренной перемены персонального состава лиц высшего управления армиями, о чем мотивированный доклад представляется дополнительно на рассмотрение Реввоенсовета фронта.

Командующий Южной группой *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов, Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ № 012

30 мая 1919 г., 22 часа 15 мин., Бугуруслан

Противник, разбитый на фронте нашей армии, отходит на Уфу, где, повидимому, попытается оказать последнее сопротивление на линии р. Белой.

На фронте 1-й армии занят г. Стерлитамак, и левофланговые части 20-й дивизии займут не позже 4 июня участок р. Белой от Стерлитамака до Тюкунева, прикрыв с востока движение нашей армии.

На фронте 5-й армии попытка противника выйти нам в тыл, восточнее Мензелинска, окончилась полным поражением противника, — весь его десант (6 полков) разбит и сброшен в р. Белая. Армия продолжает энергичное движение и 4 июня выходит к р. Белой для овладения Бирском.

Ближайшая задача нашей армии — скорейшее овладение Уфой.

П р и к а з ы в а ю:

1. Дивизиям Туркестанской армии с рубежей, занятых согласно приказу 011, продолжать с утра 2 июня победоносное наступление и 4 июня достигнуть р. Белая, где подготовить немедленно переправу с целью нанести противнику последний удар и занять Уфу, для чего:

а) 24-й стрелковой дивизии по достижении р. Белая под-

готовить переправы на участке устье р. Сим, Кабакова для выхода в тыл Уфимского района и поддержки нашей кавалерии;

б) 2-й стрелковой дивизии (2-я и 3-я бригады) подготовить переправы через р. Белая на участке Вознесенское, Аксакова для ближайшего обхода Уфы с востока;

в) 25-й стрелковой дивизии, выйдя на участок от устья р. Дема до Красный Яр, огнем батарей прекратив всякое движение по реке и железной дороге в тылу города, стремиться взять Уфу с налета на плечах противника, принимая в то же время все меры к сохранению мостов и устройству переправ севернее Уфы для выхода в тыл города;

г) 3-й кавалерийской дивизии продолжать указанное движение и не позже 5 июня занять зав. Архангельский, чтобы 7 июня выйти в тыл противнику и перерезать железную дорогу на участке ст. Балашева — ст. Урмань.

2. Армейскому резерву — 31-й стрелковой дивизии к 4 июня перейти в район Казанское, Пономарева, Асанова, Сухарева, Нурлина, обеспечивая своим уступным положением левый фланг 25-й дивизии и движение на Бирск 26-й дивизии.

3. Разграничительные линии остаются прежние с включением участка от устья р. Уршак до Аксакова в район 2-й стрелковой дивизии.

4. Всем частям поддерживать взаимную боевую связь. Принять самые решительные меры к обеспечению постоянной технической связи со штабом армии.

5. Срочные донесения представлять строго к указанному времени: оперативные — к 10 и 19 часам, разведывательные — к 19 часам.

6. О получении настоящего приказа и отданных распоряжениях срочно донести.

Командующий Южной группой и Туркестанской армией *М. Фрунзе*.
М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНОЙ ГРУППОЙ и КОМАНДАРМАМ 3, 5 и 2

№ 03763

26 июля 1919 г.

На фронте 5-й и 3-й армий, несмотря на ввод противником новых дивизий, нами взяты Верхнеуральск, Челябинск,

Ирбит, Алапаевск, Верхотурье и продолжается дальнейшее преследование противника. На участке Южной группы в Астраханском районе противник проявляет активность по обоим берегам Волги в направлениях на Баскунчак, Черный Яр и Енотаевск. Ему удалось несколько потеснить наши части. На лбищенском направлении наше наступление развивается успешно. Также успешно идет наступление на Илецкий городок.

Севернее Оренбурга противник обнаруживает попытку выйти на тракт Оренбург — Стерлитамак. Задачи фронта остаются прежние, т. е.: 1) окончательно добить войска Колчака, оттесненные нами к границам Сибири; 2) в кратчайший срок ликвидировать сопротивление уральских, илецких и оренбургских казаков; 3) прочно обеспечивать за собой Астраханский район и железную дорогу Астрахань — Покровск.

Во исполнение изложенного п р и к а з ы в а ю:

1. Южной группе: продолжая выполнение задач, поставленных директивой № 263/с, своей левофланговой группой совместно с частями 5-й армии очистить от противника район южного Урала.

2. Пятой армии: а) теперь же направить всю 24-ю дивизию для совместных действий ее с левофланговыми частями Южной группы по очищению от противника района Южного Урала; б) остальными силами армии, продолжая неослабное преследование противника и отбрасывая его к югу от сибирской магистрали, овладеть в кратчайший срок районом Троицка, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Кустаная до Иковское.

3. Третьей армии: а) продолжая энергичное преследование противника, в самый короткий срок овладеть районами Шадринска и Туринска, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Иковское до Тобольска; б) при наступлении быть на уступе вперед по отношению к 5-й армии содействуя тем последней при ее продвижении вдоль сибирской магистрали; в) выделить одну дивизию во фронтовой резерв, расположив ее на участке железной дороги Екатеринбург — Богданович.

4. Разграничительными линиями устанавливаются между Южной группой и 5-й армией — завод Узянский, Темясева, отр. Губерлинский, все для Южной группы включительно; между 5-й и 3-й армиями — М. Шабурова, северный берег оз. Маян, Нижне-Петропавловское, Окуневское, все для 5-й армии включительно. О получении настоящей директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ

ПРИКАЗЫ, ДИРЕКТИВЫ, ТЕЛЕГРАММЫ, ДОКЛАДЫ

(август 1919 г. — август 1920 г.)

ПРИКАЗ ПО ТУРКЕСТАНСКОМУ ФРОНТУ № 5

18 августа 1919 г.

Сего числа я прибыл и вступил в командование Туркестанским фронтом.

Основание: приказ главкома от 15 августа № 214.

Командующий Туркфронтом *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

РАДИОГРАММА В ТАШКЕНТ ГЛАВКОМУ ВОЙСК ТУРКЕСТАНА

30 августа 1919 г.

Разбив в ряде боев Южную и Уральскую армии противника, наши войска отбросили их в район степи между Туркестаном и Европейской Россией. На-днях должно последовать занятие нами Орска и Актюбинска, что лишает противника последних опорных пунктов в районе казачьей области. По полученным сведениям, подтверждающимся данными

о последней группировке противника в районе Актюбинска и тракта Орск — Иргиз, противник решил отступать на Казалинск, имея в дальнейшем целью выход к берегам Аральского моря и Красноводску на соединение с англичанами. Для недопущения этого и окончательного уничтожения остатков разбитых белогвардейских банд, приказываю:

Первое. 1-й армии со всей энергией продолжать безостановочное преследование противника, имея ближайшей задачей овладение районом Ташкентской железной дороги до ст. Челкар включительно с городами Иргиз и Тургай. Учитывая слабую населенность края и огромные расстояния, преследование организовать по преимуществу кавалерией, используя для этого все наличные силы конницы в виде компактной массы. При проведении операции во-время стремиться охватить пути отступления к югу, для чего усилить Актюбинскую группу и форсировать ее передвижение; принять все меры к скорейшему восстановлению телеграфной железнодорожной связи в тылу армии.

Второе. Главкому войск Туркестана немедленно усилить во что бы то ни стало из резервов, а также и других направлений Казалинскую группу и перейти в наступление, имея в виду ближайшей целью занятие и прочное закрепление за нами ст. Аральское море и далее продвижение вперед, на встречу войскам 1-й армии.

Оперативные сводки посылать ежедневно по радио. Получение сего и об отданных распоряжениях донести.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Венидат, М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДАРМУ 4,
КОПИЯ — КОМАНДАРМАМ 1 и 11
№ 03437/оп.

22 сентября 1919 г.

Из оперативных сводок усматриваю необычайную легкость, с какой противник овладевает занимаемыми нами селениями, из чего заключаю, что эти сселения не укрепляются. Подтверждая мое словесное приказание о необходимости все занимаемые нами пункты немедленно укреплять, дабы иметь воз-

мѡжность упорно обороняться, предупреждаю, что для проверки этого мной будут командированы особо доверенные лица, и если окажется, что мои требования не выполняются, то помимо ответственности, к которой будет привлечено командование армией, непосредственно виновники будут предаваться суду и расстреливаться¹⁰.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА

№ 150

4 октября 1919 г.

Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи. Главные силы врага на нашем фронте разгромлены окончательно. Геройским полкам 1-й армии сдались в плен, частью перешли организованно, все части Южной (бывшей Дутовской) армии противника. Всего нами взято до 30 000 человек, с огромным количеством оружия и всякого рода снаряжения.

Это радостное известие вливает новую силу и мужество в сердца трудового народа.

Войска 4-й армии, сообщая вам эту радостную весть, я жду, что вы в свою очередь в ближайшие дни порадуете трудовую Россию новыми успехами.

Пусть не смущает вас ничтожный успех врага, сумевшего налетом кавалерии расстроить тыл славной 25-й дивизии и вынудить ее части несколько отойти к северу. Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 25-й дивизии тов. Чапаева и ее военного комиссара тов. Батурина¹¹.

Они пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа. Я ожидаю от всех войск 4-й армии строгого и неуклонного выполнения их революционного долга. Ожидаю, что их мощный, сокрушительный удар разобьет все надежды врага и отомстит за гибель своих вождей. Теснее смыкайте ряды, товарищи, крепче сжимайте винтовки в руках и смело впе-

ред на полуиздыхающего, но все еще дерзко сопротивляющегося, врага.

В увековечение славной памяти героя 25-й дивизии тов. Чапаева Революционный Военный Совет Туркестанского фронта постановляет:

1. Присвоить 25-й дивизии наименование «Дивизии имени Чапаева».

2. Переименовать родину начдива Чапаева гор. Балаково в гор. Чапаев.

Вечная слава погибшим борцам! Мщение и смерть врагам трудового народа!

Командующий Туркфронтом *М. Фрунзе*.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА

№ 03587/оп.

7 октября 1919 г.

Вы, доблестные войска 1-й армии, многомесячными усилиями в бездорожном районе, через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где ваши братья вели упорную борьбу за свою свободу, где был приготовлен для окруженной кольцом врагов Советской России столь нужный для нас хлопок, чтобы одеть нашу пролетарскую семью. Рядом упорных, славных боев вы овладели Орском, Актюбинском, Темиром и множеством других больших и малых пунктов, разбив наголову громадную армию противника, превосходившего вас численностью в несколько раз.

Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой Рабоче-Крестьянской Красной Армии дал вам славные победы. Вы захватили за последний месяц свыше 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов, большое количество другой военной добычи.

С напряженным вниманием и надеждой следила за вашими успехами вся Советская Россия, со страхом и трепетом следили за вами и наши враги — империалистические государства, чувствуя, что с вашей победой вольются нам новые силы, что мы несем освобождение нашим далеким братьям,

восточным народам, и скоро, скоро настанет конец владычеству шайки капиталистов.

Свершилось! Путь в Туркестан свободен! Совет Обороны РСФСР, высоко ценя услуги, оказанные Советской Республике вашей доблестной боевой работой, славные войска 1-й армии, постановил:

1) объявить вам в лице красноармейского и командного состава благодарность отечества;

2) выдать всему составу 1-й армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад жалованья.

Еще раз сердечно поздравляю вас с вашим блестящим успехом; твердо уверен, что вы навсегда закрепите свои победы там, в Красном Туркестане, куда теперь мы спешим на помощь нашим братьям.

Командующему 1-й армией приказываю сообщить настоящий приказ частям войск, участвовавшим в победоносном движении армии и убывшим теперь по новым назначениям.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА КОМАНДАРМАМ 1 и 4 № 03761

26 октября 1919 г., 16 час. 25 мин.

25 октября связь между фланговыми частями 4-й и 1-й армий восстановлена в районе Генварцевское, Кирсановское. Попытка противника рассеять фронт армий прорывом в наш тыл не удалась,— прорвавшиеся части отброшены за р. Урал. На участке 25-й дивизии противник отдельными отрядами занимает хут. Карташево, форпост Чижинский 3-й, Мартынов, имея главные силы в районе Янайский. Восточнее Уральска наступление противника на 1-ю бригаду 50-й дивизии отбито. На фронте Илецкой группы противник, разбитый на восточном берегу р. Утва, группируется в районе Нефорошанский. Дабы лишить противника возможности организоваться и продолжать сопротивление, необходимо теперь же отбросить его в степи, заняв всю населенную полосу по

обоим берегам р. Урала. Для выполнения операции Илецкая группа, в составе 49-й дивизии (7 полков) и Башкирской кавалерийской бригады, с 24 часов 26 октября временно включается в состав 4-й армии¹².

Штаб Илецкой группы расположить в Кирсановском, 211-й стрелковый и 1-й Татарский полки остаются в подчинении командарма 1. Во исполнение поставленной задачи при к а з ы в а ю:

Первое. Командарму 4 образовать на правом фланге ударную группу и перейти в наступление в общем направлении на юго-восток. Одновременно перейти в наступление по обоим берегам Урала, в общем направлении на Лбищенск и частями Илецкой группы — на Джамбейтинская ставка, с целью овладения указанными пунктами. Продолжать пополнение 1-й бригады 50-й дивизии и готовить ее к отправке на Астраханский фронт. Перегруппировку частей и подготовку произвести с расчетом начать наступление не позже 29 октября.

Второе. Командарму 1, продолжая обеспечивать районы Илецк, Актюбинск и Орск, ликвидировать оперирующие здесь банды противника. Овладеть укр. Уильское.

Третье. Разграничительной линией между 4-й и 1-й армиями назначаю: Илецкий городок, Полтавский, восточная окраина песков Кугузюк-куль, Илецкий городок, для 4-й армии включительно.

Четвертое. Помнить, что цель действия — лишить противника базы и тем принудить его отказаться от дальнейшей борьбы. На фронтальных участках при наступлении принять меры обеспечения от прорывов противника, пользуясь для этого шахматным построением. Каждая часть должна быть самостоятельно боеспособна и действовать в самой тесной боевой связи.

Пятое. До особого распоряжения снабжение частей 49-й дивизии и Башкирской кавалерийской бригады остается на обязанности 1-й армии. При передаче Илецкой группы, командарму 1 обеспечить группу всеми необходимыми средствами связи, о чем штабам войти в непосредственное соглашение.

Шестое. О получении настоящего приказа и отданных распоряжениях донести.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*

М. В. Фрунаев на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Всениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА № 126

2 ноября 1919 г.

Неоднократно наблюдалось, что боевые порядки представляют собой непрерывную цепь полка без всяких резервов; конница же сосредоточивается на флангах такого боевого порядка и служит как бы охранением его.

Подобное построение затрудняет маневрирование, а при охвате нашего фланга противником такой боевой порядок не в состоянии оказать противодействие.

Приказываю раз навсегда отказаться от подобных построений и принимать более нормальные боевые порядки, облегчающие маневрирование и противодействие разным неблагоприятным случайностям, и кроме того, начальникам всех степеней приказываю прочно организовывать охранение и обеспечение флангов, связь и непрерывную разведку конницей и пехотой, руководствуясь нижеследующими указаниями:

1. Боевой порядок роты состоит из: взводов, рассыпанных в цепь, б) взводов, оставленных в резерве, и в) охранения флангов.

Назначение цепи — вести огневой бой; назначение резерва — в случае надобности усиливать огонь цепи (выдвигая для сего взвод в цепь), противодействовать охвату и содействовать нанесению удара.

Назначение охранения — своевременно обнаруживать противника, покушающегося охватить наш фланг, и предупредить о том свою роту, дабы своевременно можно было бы принять соответствующие меры.

Сила цепи заключается в огне, а потому в цепь нужно назначать наибольшее число пулеметов, а число взводов — не

более двух, оставляя один в резерве как для нанесения удара, так и для противодействия случайностям.

В момент удара штыком охранение должно быть особенно бдительным, так как во время удара в штыки порядок более всего нарушается и появившийся на фланге какой-нибудь взвод противника может легко опрокинуть роту и из победителя сделать ее побежденной.

Цепь роты, при наличии в ней не менее 160 стрелков, должна быть прерывчатой, и между взводами, находящимися в цепи, должен оставаться промежуток; на ровной местности — до 1 200 шагов, а на пересеченной — такой, чтобы он весь находился под перекрестным огнем соседних взводов. При меньшем составе роты интервал должен быть меньше и на ровной местности может достигать до 600 шагов.

Ввиду того, что внимание взводов, ведущих огневой бой, будет приковано к фронту и в промежуток между взводами может проникнуть противник, то эти промежутки должны наблюдаться дозорами, посылаемыми командирами рот, на обязанности которых лежит своевременное предупреждение о накапливании противника против промежутков.

Интервалы на ровной местности допускаются до 1 200 шагов на том основании, что наша винтовка достаточно настильна и при стрельбе на 600 шагов траектория не подымается над линией прицеливания более 10 вершков, а следовательно противник, появившийся в середине интервала, будет поражаться губительным перекрестным огнем.

Место резерва — за более угрожаемым флангом (не прикрытым непроходимым пространством или соседними войсками). При одинаково угрожаемых флангах — за серединой.

Принимая во внимание вышеизложенное:

1) боевой порядок роты штатного состава может занять по фронту при двух взводах, рассыпанных в цепь, около 1 версты (на каждый взвод по 200 шагов и на интервал до 1 200 шагов);

2) боевой порядок батальона должен быть также прерывчатым и на местности ровной интервалы между ротными боевыми участками могут быть до 1 версты в том случае, если батальон имеет не менее 450 штыков; при меньшем же

составе интервалы должны быть меньше и могут доходить до 600 шагов, а на пересеченной — интервалы должны быть таковы, чтобы они простреливались перекрестным огнем соседних взводов.

2. Боевой порядок батальона состоит: а) из ротных боевых участков, б) батальонного резерва и в) охранения флангов.

Каждый ротный боевой участок должен состоять из взводов, рассыпанных в цепь, взводов, оставленных в резерве, и охранения своего фланга (вне зависимости от того, выслано охранение фланга батальона или нет).

Таким образом, порядок батальона штатного состава на местности ровной, допускающей обзор на большое расстояние, и при двухротных боевых участках, займет по фронту около 3 верст (на каждый ротный боевой участок около 1 версты и промежуток между боевыми участками тоже около 1 версты).

Само собой понятно, что все промежутки должны наблюдаться дозорами, высылаемыми в промежутки между ротными боевыми участками распоряжением командира батальона, а между взводами рот боевой линии — командирами соответствующих рот.

Ротные боевые участки должны быть в достаточной мере снабжены пулеметами.

3. Боевой порядок полка состоит из: а) батальонных боевых участков, б) общего резерва и в) охранения флангов.

Боевой порядок полка должен быть также прерывчатым и на ровной местности (при наличии 1350 штыков) при двухбатальонных боевых участках он может занять по фронту до 6 верст (батальонный боевой участок около $2\frac{3}{4}$ версты и промежуток до 1200 шагов); на пересеченной же местности промежутки будут меньше и с таким расчетом, чтобы они обстреливались перекрестным огнем соседних взводов, находящихся в цепи. Интервалы должны быть меньше также и в том случае, когда в полку число штыков меньше штатного.

Наблюдение за промежутками должно быть самое тщательное, для чего должны в них высылаться дозоры: в про-

межутки между взводами ротного боевого участка — распоряжением командира соответствующей роты; в интервалах между ротами батальонного боевого участка — командиром батальона и между батальонами боевого участка полка — командиром полка.

Таким образом, полк, имеющий штатное число штыков в боевом порядке и на местности ровной, может занять по фронту около 6 верст, а в глубину около 2 верст и будет состоять из четырех линий: 1-я линия — взводы, рассыпанные в цепь; 2-я — ротные резервы; 3-я — батальонные резервы и 4-я — полковой резерв.

Охранение флангов будет как бы в три линии: 1-я — дозоры, высланные от рот, находящихся в боевой линии, 2-я (несколько вперед и дальше от дозоров) — заставы от батальонного боевого участка и 3-я — заставы, высланные командиром полка для охранения всего боевого порядка полка.

Ротные, батальонные и полковые боевые участки также должны самостоятельно (распоряжением соответствующего начальника) охранять и свои тылы.

Разведка должна вестись непрерывно и с таким расчетом, чтобы разведчики были постоянно в соприкосновении с противником, для чего на большие расстояния (до одного перехода) к разведке привлекать конные части (команды конных разведчиков), а по мере сближения с противником (до полуперехода), когда конные части сосредоточивают разведку на флангах и тыле противника, надлежит на фронт высылать пеших разведчиков, которые, в свою очередь, по подходе боевого порядка к противнику версты на две, должны сосредоточить свою деятельность на флангах противника, разведка же на фронте переходит к боевым цепям.

При соблюдении всего вышеизложенного отпадает всякая опасность неожиданных охватов наших флангов, а в резерве будут достаточно сильные кулаки, которыми всегда сможем сокрушить сопротивление противника, противодействовать разным случайностям, а маневрирование будет облегчено.

Начальникам боевых участков, а равно и командирам полков надлежит помнить, что их назначение в бою — управлять,

а не драться, а потому их место — при своих резервах. Появляться же в первой линии надлежит только в тех случаях, когда является необходимость личным примером воодушевить свои части.

Во время ночных боев, когда стрельба не допускается, а огонь противника не может быть губительным, основание боевых порядков должно быть то же, что и при дневном бое. Построение же боевых порядков должно быть более плотным (цепи отсутствуют), интервалы меньше, связь всех частей между собой — цепочкой парных постов, и кроме того, все части должны находиться в зрительной связи между собой. Охранение — цепью дозоров. Разведка — исключительно пешая.

Командующий фронтом *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ КОМАНДАРМАМ 1 и 4 № 04246

30 декабря 1919 г., 14 час. 30 мин.

Наступление наших армий на гурьевском и красноводском направлениях развивается успешно. Противник, разбитый в ряде боев, отступает, теряя орудия, пулеметы и пленных. Дезорганизованные отдельные группы противника стремятся уйти на побережье Каспийского моря. Между Гурьевом и форпостом Александровский уральцами спешно подготавливается для отхода береговой пункт. Морем усиленно эвакуируются остатки армейских запасов из Гурьева и Красноводска. Войскам фронта на означенных участках ставлю последнюю задачу окончательного очищения от противника северного и восточного побережья Каспийского моря, для чего приказываю:

Первое. Командарму 4, энергично продолжая ликвидацию мелких банд противника, застрявших в районе оз. Джампыртль, Кара-тюба, Кизиль-куга¹³, перейти в решительное наступление на гурьевском направлении, широко используя для преследования противника конницу, и не позднее 15 января нового года овладеть Гурьевом.

Второе. а) Врид. командарма 1 теперь же двинуть организованный, согласно данным ранее приказаниям, экспедиционный отряд Оренбургского укрепленного района к побережью Каспийского моря и не позднее 15 января овладеть районом Жилая Коса и устье р. Эмба, стремясь отрезать путь отхода уральцев. б) Командарму 1-й Туркестанской¹⁴ энергично развивать наступление на Красноводск, выполняя поставленную ранее задачу.

Третье. Разграничительные линии прежние.

Четвертое. Наступление вести без всякой задержки.

Пятое. Вменяю в особую обязанность принять исключительные меры к сохранению нефтяных промыслов, не допуская уничтожения их противником.

Шестое. О получении приказа и отданных распоряжениях срочно донести.

Командующий Туркфронтом *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ

№ 65

5 января 1920 г.

Уральский фронт ликвидирован. Сегодня на рассвете кавалерия Н-ской¹⁵ армии, пройдя за три дня 150 верст, захватила последнюю вражескую базу — Гурьев и далее до берегов Каспия. Подробности выясняются. В глубине киргизской степи между Уилом и Калмыковском взят в плен штакор Илецкого¹⁶.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА

№ 1

22 февраля 1920 г.

Сегодня, 22 февраля, я с полевым штабом прибыл в Ташкент и вступил в непосредственное командование войсками, расположенными в пределах Туркестана.

Первая мысль и слово обращаются к вам, красные воины старых туркестанских формирований.

В беспримерно тяжелых условиях, отрезанные отовсюду и лишенные братской помощи рабоче-крестьянской России, отбивая бешеные атаки врага извне и внутри, вы были грозным и стойким часовым революции здесь, в Туркестане.

Совместно с войсками центральной России вы ликвидировали Актюбинский фронт и восстановили связь с центром. Вы разгромили контрреволюцию Закаспия и разбили грабительские планы английских хищников, протягивающих свои лапы к Туркестану. Вы крепко держали знамя революции в Фергане, разрушая козни врагов трудового народа, работающих здесь на английские деньги.

Вы без различия языка, религии и национальности объединились в братский военный союз рабочих, крестьянской и дехканской бедноты и спасли положение. Вы заслужили величайшую признательность социалистического отечества и пролетариата всего мира.

От имени высшего командования Российской Социалистической Федеративной Советской республики, от имени верховного органа ее Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я приветствую вас и именем Республики приношу сердечную благодарность за ваши труды на благо трудящихся.

Я приветствую и вас, войска центра, прибывшие во имя социализма на помощь работникам Туркестана. Приветствую вас как старых боевых соратников и горжусь тем, что и здесь, в долинах и горах Ферганы, в степях и пустынях Закаспия вы с честью поддержали свою боевую славу...

Командующий войсками Туркестанского фронта
и член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета —
Михаил Фрунзе-Михайлов

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ФЕРГАНСКОГО ФРОНТА

23 мая 1920 г.

Товарищи! Два с лишним года житница Туркестанского края — Фергана — является ареной кровавой борьбы. В то время, как в остальной России и Туркестане внутренняя война закончена полной победой рабочего класса, здесь она длится

и продолжает разорять область. Причины этого кроются в условиях развития здешнего революционного движения. К несчастью для революции, первые представители и организаторы советской власти в Фергане не сумели сплотить вокруг себя трудового населения области, состоя в значительной части из элементов, ничего общего с рабочим классом и его делом не имевших. Местная советская власть первое время своего существования сделала всё возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население, вместо привлечения к власти широких кругов рабочего и крестьянского населения—европейского и туземного. Руководящие органы власти захватывались и группами авантюристов, желавших половить рыбку в мутной воде.

Вместо национализации производства шел открытый грабеж не только буржуазии, но и средних слоев населения. Вместо защиты мусульманской бедноты от баев над ней чинились невозможные надругательства. Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников революции и трудового народа в орудие насилия над ними. На этой почве и создано то движение, которое известно под именем басмачества¹⁷. Басмачи не просто разбойники; если бы это было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, главные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, коих так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения.

После восстановления связи с центральной Россией в Туркестане началась лихорадочная работа по устранению всех прежних безобразий, стал преобразовываться аппарат власти, беспощадно стали изгоняться примазавшиеся грабительские элементы, стал наводиться порядок в войсках. Это быстро почувствовало население, и народ стал тянуться в сторону советской власти.

Вожди басмачей, успевшие своей борьбой приобрести большую силу и влияние, учли это и в большинстве признали советскую власть. Таким образом к весне текущего

года было, в основе своей, подточено и обессилено басмаческое движение, но, ослабленное, оно еще продолжает упорно держаться. Держатся все те, кому нет возврата в ряды трудящихся, те, которые привыкли к грабегам и насилиям, привыкли за счет беспощадно обираемого населения строить себе праздную и привольную жизнь, те, наконец, кто, опираясь на собравшиеся под их знаменем шайки, мечтал стать властителем, новым ханом.

Чувствуя потерю почвы под ногами, видя наступление новых порядков, при которых не может быть места произволу и насилиям, все эти бандиты делают сейчас последние усилия удержать страну в состоянии анархии, и, не имея оплота в местном населении, они ищут ее за рубежом в английском, афганском и бухарском золоте и оружии. Напрасные надежды — карающий меч Красной Армии рассеет эти попытки и кончит с ними раз навсегда.

С басмачеством пора кончать, пора железной метлой вымести из области всю нечисть и дать возможность народу заняться мирным трудом. Надо помнить вдобавок, что Фергана — главный поставщик хлопка, необходимого фабрикам для того, чтобы одеть население. Эта задача ложится на вас, товарищи красноармейцы. Задача не так проста, как может показаться с первого взгляда. Трудность не в военном преодолении врага — это для нас не очень трудно, трудность в том, чтобы все многомиллионное мирное трудовое мусульманство поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним — священная задача и опора трудового народа. Выполнения этой задачи ждет от вас социалистическое отечество.

Товарищи, я же, как ваш командующий, требую, чтобы каждым своим действием, каждым поступком как отдельные красноармейцы, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии; требую, чтобы я не слышал о безобразиях и насилиях и о грабежах, чинимых частями рабоче-крестьянской армии; требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благодарность оставляли вы за собой, проходя селения и кишлаки Ферганы, чтобы вами оказывалась всяческая помощь и содействие трудовому населению области без различия национальности. Только таким путем мы дадим понять

мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее. На основании изложенного п р и к а з ы в а ю:

1. Всем частям фронта, красноармейцам, командирам и комиссарам проникнуться сознанием важности поставленной задачи и решительными действиями в кратчайший срок ликвидировать остатки басмаческих шаек.

2. Действия вести смело и решительно, не давая время опомниться и выбивая врага из всех его убежищ.

3. Командирам отдельных частей и групп помнить о необходимости взаимной поддержки и выручки, оказывая таковую по первому требованию соседей и по своему собственному почину.

4. К мирному трудовому населению относиться по-братски, ограждая его от всяких обид.

5. За всякое поставляемое населением имущество, продовольствие, фураж и пр. обязательно расплачиваться, в случаях невозможности сделать это, немедленно выдавать форменные расписки за подписью командира и комиссара части с приложением печати.

6. Усилить в величайшей степени службу разведки и охранения, стойко выполняя все требования полевого устава.

7. Отступление от означенных требований рассматривать, как измену долгу перед социалистической революцией, и карать по законам военного времени.

Командующий войсками Туркестанского фронта *Михаил Фрунзе*
М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА

№ 3504 с.

12 августа, 1920 г., 11 час. 15 мин.

Победоносное движение красных армий на Западном фронте и нежелание Советской России отдать дело мира в руки капиталистов Западной Европы заставили Англию и Францию напрячь все усилия для того, чтобы застрашать нас и усложнить наше положение не только непосредственно на Западном фронте, но и на туркестанских границах. Разведка показывает, что существует определенное намерение наших

противников создать против нас союз Персии, Бухары и, если удастся, Афганистана, дабы затем, пользуясь еще неликвидированным басмаческим движением в Фергане, ударить по нас по всей южной границе. Они стараются провести свой план в жизнь как можно скорее, пока народные массы этих стран еще повинуются своим правителям и правительствам. А между тем революционное настроение среди этих стран все растет и даже начинает выливаться кое-где в открытое движение. Особенно остро обстоит в этом отношении дело в Персии, где уже идет открытая вооруженная борьба восставшего народа с правительством шаха, и в Бухаре, где можно ожидать революционного взрыва в самом близком будущем.

Указанная обстановка требует от нас особой бдительности на наших афгано-персидско-бухарских границах и постоянной готовности выступить активно, когда это потребуют интересы революции. В связи с ожидаемым выступлением бухарского народа на путь открытой борьбы со своим эмиром и его правительством **п р и к а з ы в а ю:**

Первое. Командарму 1-й из войск, состоящих в его распоряжении, создать Чарджуйскую группу в составе не менее одного пехотного полка, одного дивизиона Текинской конницы и одного дивизиона легкой артиллерии.

Командование группой возложить на командира 3-й бригады 1-й Туркестанской стрелковой дивизии с его штабом. С 24 час. 12 августа [ему] поступить в оперативное подчинение командующего Самарканд-бухарской группой. Кроме 4-го стрелкового полка, батальона 8-го стрелкового полка, артиллерийского дивизиона и кавалерийского дивизиона туркмен в состав Чарджуйской группы включить: а) отряд бухарских красных войск, б) отряд судов Аму-дарьинской флотилии, в) гарнизон гор. Чарджуй, г) гарнизон гор. Термез, д) гарнизон Керки. Отряд бухарских красных войск подчинить командованию Чарджуйской группы только в оперативном отношении, в административном отношении отряд остается самостоятельным. Довольствие отряда возложить на органы снабжения Чарджуйской группы. Отряд бухарских красных войск не позднее 14 августа стянуть в район гор. Чарджуй, где он должен быть приведен

в полную боевую готовность при всемерном содействии командарма 1-й и комбрига 3-й Отряд судов Аму-дарьинской флотилии должен к тому же сроку, т. е. к 14 августа, стянуться в Керки. Начальнику отряда принять все меры к скорейшему установлению радиосвязи между Термезом, Керки и Чарджуем.

Задача Чарджуйской группы: в момент, который будет указан в особом приказании командиру Чарджуйского отряда бухарских красных войск, занять г. Старый Чарджуй, действуя далее согласно данным ему лично мной инструкциям.

Одновременно с занятием Старого Чарджуя отрядом командир 3-й бригады 1-й Туркестанской стрелковой дивизии частью своих сил и частями сил Чарджуйского отряда занять г. Каракуль и железную дорогу до ст. Якка-Тут включительно, бдительно охраняя линию и железнодорожные сооружения от покушений и преграждая переход через полотно железной дороги как групп, так и одиночных вооруженных людей противника, обезоруживая всех и уничтожая сопротивляющихся. Для усиления гарнизона Чарджуя — поставить под ружье части Всевобуча, расположенные в гор. Чарджуе.

Отряду судов Аму-дарьинской флотилии — с момента, который будет указан дополнительно, наблюдать участок р. Аму-Дарья от Керки до Термез, не допуская никаких переправ на указанном участке, отражая огнем всякие попытки. В случае нападения на укрепления Керки или Термеза, огнем содействовать отражению противника.

Второе. Командующему Самаркандской группой распределить все подчиненные ему части на три отдельные группы:

А. Каганскую в составе всех частей, составляющих ныне гарнизон гор. Новая Бухара, ст. Каган, гор. Карши и расположенных по железнодорожной линии Каган — Карши. Временное командование группой возложить на Ново-Бухарского областного военкома. С прибытием же на ст. Каган подкреплений (отдельного фронтового отряда тов. Клементьева, 4-го кавалерийского полка, 1-го восточного мусульманского стрелкового полка) и тов. Клементьева со штабом — последнему вступить в командование всеми войсками Каганской группы. Ново-бухарскому областному военкому обратиться к исполнению обязанностей начальника гарнизона Новой Бухары, подчиняясь

со всеми военными учреждениями района тов. Клементьеву. Штаб группы образовать соединением оперативной части облвоенкомата и штаба фронтового отряда, причем обязанности начштаба группы возложить на военрука облвоенкомата.

Задача группы: по сосредоточении всех сил группы приступить к выполнению плана, переданного лично мною тов. Клементьеву.

Б. Катта-курганскую группу в составе 2-го интернационального кавалерийского полка и Катта-курганского отряда красных бухарских войск. Общее командование группой возложить на комполка 2-го интернационального кавалерийского со взводом артиллерии. Сосредоточение и приведение группы в боевую готовность закончить не позднее 15 августа.

Задача: в день и час, указанный особым приказанием, занять Хатырчи — Зиаэтдин, имея в авангарде Катта-курганский отряд красных бухарских войск и ставя дальнейшей задачей занятие Кермана.

В. Самаркандскую группу в составе: 3-го Туркестанского стрелкового полка, 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, отдельной Тюркской кавалерийской бригады и инженерной роты. Командование группой возложить на начдива 1-й кавалерийской.

Задача: по особому приказу разбить бухарские войска на шахризьябс-киتابском направлении и прочно занять район р. Кашка — Дарья.

Третье. Общее командование всеми группами, указанными в пунктах первом и втором настоящего приказа, объединить в руках ныне командующего Самарканд-бухарской группой. Все части групп, не находящиеся до сих пор в его подчинении, переходят в таковое с 24 час. 12 августа. План всей операции указан мной лично.

Четвертое. При проведении настоящей операции части 7-го пограничного полка, находящиеся в районе боевых действий, поступают в полное оперативное подчинение войсковых начальников данных участков. Войсковым начальникам по возможности не пользоваться пограничников как простую боевую силу, но назначать для охраны путей, застав, разведки и как проводников.

Пятое. Командарму 1-й усилить охранение и наблюдение афгано-русской и персидско-русской пограничных полос, обратив особое внимание на район Кушка — Серахс и Кушка — Тахта Базар.

Задача: быть в полной готовности в любой момент, в любом месте дать вооруженный отпор всякой попытке прорваться внутрь Закаспия неприятельским отрядам и партиям.

Шестое. Начальнику обороны дорог усилить охрану железной дороги на участке Катта-Курган — Якна-Тут (исключительно) согласно данным мною устно указаниям, обратив особое внимание на железнодорожные сооружения, имеющие важное значение. Для усиления охраны их использовать две этапные роты, которые должны быть переданы ему не позже 24 час. 12 августа.

Начальнику военных сообщений: при начале операции вся железнодорожная охрана поступает в оперативное подчинение командующего Самарканд-бухарской группой.

Седьмое. Начвоздухофлота к 6 час. (срочно) 17 августа сосредоточить в районе Нов. Бухара все наличные аппараты 25, 26 и 43-го авиаотрядов, где действовать согласно указаниям [командующего Самарканд-бухарской группой].

Восьмое. Отделу Всевобуча упрформа фронта к 24 час. 12 августа поставить под ружье всех железнодорожных служащих на участке Катта-Курган — Фароб, не нарушая и не прерывая интенсивной работы железной дороги.

С 24 час. 14 августа всех считать в оперативном подчинении местным начальникам, ведающим охраной железнодорожных участков.

Девятое. Начдиву 2-й Туркестанской стрелковой не позднее 14 августа передать на ст. Самарканд бронепоезд № 10 в подчинение комгруппы Самарканд-бухарской. На бронепоезд возложить охрану и оборону железнодорожного участка Зиаэддин — Малик включительно и содействие Катта-курганской группе. Бронепоезда №№ 23 и 28 и бронелетучку использовать для проведения операции группы, имея в виду в то же время охрану и оборону Якна-Тут — ст. Малик исключительно.

Десятое. Начальнику военных сообщений обеспечить подвижным составом предназначенные к переброске части. План переброски разработать и провести под личным наблюдением с таким расчетом, чтобы все перебрасываемые части прибыли в район Каган и срочно разгрузились к рассвету указанного дня; территорию Бухары пройти скрытно в течение ночи. Принять все меры к сохранению тайны переброски. Все эшелоны снабдить водой. Начальникам эшелонов беспрекословно и точно исполнять все требования начвосо в отношении погрузки, передвижения и выгрузки.

Одиннадцатое. Начснабу — снабдить все перебрасываемые части всеми видами довольствия с места, не допуская никаких задержек из-за снабжения в пути.

Двенадцатое. Начальнику санитарной части фронта немедленно приступить к развертыванию на ст. Ташкент эвакуационного пункта, готового не позже утра 17 августа приступить к работе.

Тринадцатое. Начупраформ принять все меры, чтобы 6-й Туркестанский стрелковый полк был теперь же пополнен комсоставом, вооружен, снабжен в полной мере и не позже 17 августа был готов по первому требованию к погрузке в эшелоны. Интенсивным порядком проводить закупку и пополнение частей коневыми средствами.

Четырнадцатое. О получении настоящего приказа немедленно донести. Срочно донести о занятии исходных пунктов Чарджуйской и Катта-курганской группами.

Командующий Туркфронтом *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА № 3667

25 августа 1920 г., 13 час. 00 мин.

В течение целых веков угнетаемый эмиром, алчным чиновничеством и богатеями бухарский народ восстал против своих поработителей и поднял знамя борьбы за свободу. Для оказания революционной братской помощи бухарскому народу в его борьбе с деспотией бухарского самодержца — во

исполнение моей директивы от 12 августа за № 3504 приказываю¹⁸:

Первое. Всем отрядам и частям Бухаро-самаркандской группы к вечеру 28 августа закончить боевую подготовку и в ночь с 28 на 29 августа начать активные действия.

Второе. Начальнику Чарджуйского отряда направить большую часть сил [красных бухарских войск] на Старый Чарджуй, который при помощи вооруженных повстанцев должен быть занят не позже 4 час. утра 29 августа. Оставив в Старом Чарджуе необходимый гарнизон [командиру Чарджуйского отряда красных бухарских войск] бросить свою кавалерию на переправы Наразым и Бурдалык, овладеть поименованными пунктами и установить зоркое наблюдение за путями из Старой Бухары на Керки и Термез, перехватывая беглецов и имея особой задачей захват эмира и членов старого бухарского правительства при их попытке скрыться в Афганистан. По получении известия о занятии Старого Чарджуя [начальнику Чарджуйской группы] немедленно двинуть остальную часть отряда красных бухарских войск (пехота и конница) с поддержкой нашего кавдивизиона, пехоты и артиллерии для овладения районом Кара-Куль, где принять охрану железной дороги до ст. Якна-Тут включительно, перехватывая беглецов из Старой Бухары. Особая задача — не пропустить эмира и членов его правительства. Общая задача Чарджуйской группы — содействие утверждению революционной власти по Аму-Дарье от хивинской границы до Термез включительно.

Боевому отряду Аму-дарьинской флотилии с десантным отрядом не позднее 28 августа перейти в район Керки — Термез, выполняя задачу, согласно прежней директиве. При выполнении задачи флотилии на границе, под страхом строжайшей ответственности, не допускать, во избежание политических осложнений, вызывающего и враждебного отношения к афганским подданным, переходящим мирным порядком реку.

Третье. Командарму 1-й — выполняя поставленную ранее задачу, в случае полного перерыва связи Чарджуя с Каганом и Самаркандом, принять общее руководство Чарджуйской группой, направляя ее действия в соответствии настоящему приказу.

Четвертое. Начальнику Каганской группы по получении известия о революционном перевороте в Старом Чарджое, немедленно двинуть части на Старая Бухара и Сатари-Махассе, где решительным и сокрушающим ударом уничтожить все военные силы старо-бухарского правительства и не позволять противнику организовать новое сопротивление. В бою преследовать полное уничтожение вооруженных сил противника, использовать все боевые средства для морального уничтожения противника, вселяя в него ужас и сознание невозможности какого бы ни было сопротивления. Особой задачей ставится — захват самого эмира и его правительства. Один из наиболее мощных бронепоездов (№ 28) использовать на Старо-бухарской ветке. Широко использовать авиаотряды в составе боевой эскадрильи для бомбометания, пулеметного обстрела и преследования противника. Аппараты к Кагану должны быть сосредоточены к 6 час. утра 29 августа распоряжением командующего Бухаро-самаркандской группой ¹⁰.

Пятое. Начальнику Катта-курганского отряда совместным наступлением красно-бухарских частей и 2-го Интернационального полка к рассвету 29 августа занять Хатырчи-Зиаэддин.

Шестое. Начальнику Самаркандского отряда к вечеру 28 августа частями отряда скрытно от противника занять исходное положение, отнюдь не ввязываясь в бой. С рассветом 29 августа перейти в решительное наступление на Китаб-Шахриязбс, разгромить войска эмирских ставленников и овладеть районами р. Кашка-Дарья до Гузара и Карши включительно.

Седьмое. Командиру 7-го стрелкового полка по особому приказанию начальника Каганской группы овладеть районом Карши-Гузар, имея общей задачей лишить остатки бухарских войск шахриязбского бека возможности уйти на Ширабад и в восточные горные бекства.

Восьмое. Всем отрядам поддерживать всеми средствами связь между собой. Своевременная ориентировка соседей возлагается на личную ответственность начальников отрядов. Все приготовления производить в строжайшей тайне.

Девятое. Мой резерв: 6-й Туркестанский стрелковый полк

и 3-й отдельный кавалерийский полк со штабригом отдельной кавалерийской статьи в пунктах по особому указанию. К началу операций я с полевым штабом буду в Самарканде.

Десятое. Переброску частей согласно прежнему плану начаво произвести с таким расчетом, чтобы закончить таковую не позже 6 час. утра 29 августа. В остальном руководствоваться приказом № 3504.

Одиннадцатое. Начальникам всех отрядов и частей помнить, что весь успех операции зависит от быстроты и решительности. Перед наступлением разъяснить всем красноармейцам смысл наступающих событий и потребовать от каждого выполнения революционного долга. На комсостав и комиссаров возлагаю особую ответственность за допущение произвола и насилий над мирными жителями, на помощь которым идут красные полки.

Двенадцатое. О получении настоящего приказа и расшифровании его срочно донести.

Командующий Туркфронтом *Фрунзе*

Член Реввоенсовета *В. Куйбышев*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

ПРИКАЗЫ, ДИРЕКТИВЫ, РАДИОГРАММЫ, ОБРАЩЕНИЯ, ТЕЛЕГРАММЫ

(сентябрь—ноябрь 1920 г.)

ПРИКАЗ АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА ²⁰

№ 4

27 сентября 1920 г.

Приказом Революционного военного совета республики я назначен командующим армиями Южного (врангелевского) фронта.

Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы.

Прежде всего передаю вам привет наших боевых товарищей только что оставленного мною Туркестанского фронта, где красные полки этого фронта, славно выполнив свои боевые задачи, стоят ныне грозной стражей рабочей России в далеких степях, пустынях и горах Азии у самого преддверия Индии.

Передаю вам привет и от имени верховного органа российской республики — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, красноар-

мейских и казачьих депутатов, а также от имени высшего командования российской Красной Армии.

Товарищи! Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но попрежнему крепкая духом, сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

Это тот самый барон Врангель, который, несмотря на крушение контрреволюционных затей своих черносотенных предшественников — адмирала Колчака, генералов Корнилова, Юденича, Деникина и др., все еще продолжает пробивать себе дорогу к царскому трону через горы рабочих и крестьянских трупов.

Это тот Врангель, который запродавал всю Россию — все железные дороги, рудники и другие богатства — французским ростовщикам и тем купил их подлую, кровавую помощь против родной страны.

Это тот барон Врангель, который в последние дни глубоко вонзил свой разбойничий нож в спину России, сорвав победный марш армий Западного фронта и наш мир с Польшей. В тот момент, когда наши красные полки стояли под Варшавой, когда белая Польша готова была подписать с нами мир, когда требовалась хотя небольшая поддержка с нашей стороны, дабы славно закончить борьбу, — в это самое время крымский разбойник наносит удар с юга, отвлекая все силы и средства страны, лишает нас возможности поддержать Западный фронт в решающий момент и тем вновь приводит к затяжке борьбы.

Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость

в борьбе с надвинувшейся вплотную волною пролетарского движения в их собственных странах.

На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчёты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счёты труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты; очередь за вами, товарищи.

Мне известно, что эту задачу нам придется разрешать в тяжелой обстановке разного рода недочетов и нехваток.

Это известно и всей России, напрягающей последние усилия, чтобы помочь фронтовикам. И тем не менее мы ее должны разрешить.

Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Именем республики обращаюсь к вам с горячим призывом дружно, как один, взяться за работу по устранению всех существующих в частях недочетов и по превращению их в грозную, несокрушимую для врага силу. Обращаюсь ко всем тем, в ком бьется честное сердце пролетария и крестьянина; пусть каждый из вас, стоя на своем посту, выявит всю волю, всю энергию, на которую только способен. Шкурников, трусов, мародеров, всех изменников рабоче-крестьянскому делу — долой из наших рядов! Долой всякое уныние, робость и малодушие! Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий армиями Южного фронта
и член Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета *Михаил Фрунзе-Михайлов*

Член Реввоенсовета Южного фронта
Сергей Гусев

ПРИКАЗ АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА

№ 39

5 октября 1920 г.

Для более успешного выполнения боевых задач Южного фронта находящиеся в боевом резерве 1-й истребительный авиадивизион в составе 1, 2 и 3-го истребительных авиаотрядов, 1-й боевой отряд воздушных кораблей «Илья Муромец», а также и находящиеся во 2-й Конной армии 38-й и 44-й разведывательные авиационные отряды объединить под командованием командира 1-го истребительного дивизиона под названием «Северной авиационной группы».

Находящийся в 6-й армии 2-й истребительный авиадивизион в составе 4, 5 и 6-го истребительных отрядов и 49-го разведывательного авиационного отряда объединить под командованием командира 2-го истребительного дивизиона под названием «Южной авиационной группы».

Начальники означенных авиагрупп, пользуясь правами начдивов, подчиняются в оперативном отношении: 1-й — командующему 2-й Конной армией, 2-й — командующему 6-й армией, в остальных отношениях подчиняются каждый своему соответствующему начальнику воздушного флота армии:

Командующ *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ

17/у. д.-с.

15 октября 1920 г.

Докладываю обстановку на фронте за истекшую неделю. С рассветом 8-го, переправой на правый берег Днепра у Хортицы своих лучших ударных частей, Врангель начал выполнение большого стратегического плана, сулившего при удаче полный разгром нашей ударной группы и делавшего (его) хозяином всего Черноморского побережья. В результате семидневных ожесточенных боев по всей линии фронта план этот ныне потерпел полное крушение.

Возможность врангелевского удара, и именно в той обстановке и направлениях, как это произошло фактически, нами была учтена заранее, и соответствующие предупредительные

меры были приняты. В связи с нашим нажимом с востока меры эти увенчались 14 октября крупными успехами наших войск.

В районе Марьинское, Грушевка, ст. Ток нами разбиты три кавалерийские дивизии и две пехотные, и противник в панике начал отход на левый берег Днепра, неся большие материальные потери. Веденная в этот же день фронтальная атака на Каховский плацдарм тоже кончилась поражением противника. Несмотря на ввод в бой 12 танков, 14 бронемашин и тяжелой артиллерии, наши войска удар выдержали и, перейдя в контрнаступление, отбросили противника в исходные позиции.

Всего за этот день нами взято, по приблизительному подсчету, около 20 орудий, 7 танков, много пулеметов и пр. Целиком уничтожено несколько пехотных полков. Наше преследование к переправам продолжается. Эта неудача несомненно является началом крушения Врангеля.

Не позднее чем через неделю начнется наше общее наступление, и сомнения в его победоносном исходе у меня нет.

Наш отход на восточном участке совершается, согласно моему приказу, в видах сохранения живой силы и способности к переходу в решительное наступление. Главная задержка в развитии операций происходит из-за железных дорог. В силу недостатка топлива ряд эшелонов стоит на путях. Надеюсь, что и в этом отношении, благодаря принятым по соглашению с гражданскими органами мерам, положение улучшится.

Командюж *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ВОЙСКАМ ЮЖНОГО ФРОНТА

18 октября 1920 г.

В середине августа текущего года красные полки Западного фронта подошли вплотную к Варшаве. Они стремились сюда, к центру польской шляхетчины, борясь за завоевание мира родной стране. В середине августа там шли решающие бои, и в это же время французский наймит Врангель ударил

по войскам крымского участка с юга. Вслед за первым ударом он наносит ряд других, давших ему значительные успехи. В основе этих ударов лежал простой расчет: пользуясь отвлечением наших сил на Западе, разбить по частям стоявшие против него полки, а затем, опираясь на помощь западноевропейских разбойников, попытаться наложить свое баронское ярмо на Россию.

В начале октября, окрыленный первыми успехами, он пытается разбить наиболее сильные наши части, стягивавшиеся в ударную группу за Днепром.

С рассвета 8 октября лучшие врангелевские дивизии переправляются сразу в нескольких местах через Днепр и обрушиваются на наши полки. Семь дней идут упорные кровопролитные бои. Наконец, исход их определяется. 14 октября под нашим дружным напором враг бежит, потерпев полное и решительное поражение. Этот день является днем перелома в общем ходе нашей борьбы с Врангелем. В этот день благодаря героизму, проявленному всеми армиями фронта, положено начало разгрому крымской контрреволюции.

Отмечаю особо доблестное поведение частей 46-й [дивизии] и приданных ей 85-й бригады, 3-й дивизии, Отдельной кавбригады и бригады курсантов, которые под общим командованием начдива 46 первые расстроили план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу александровским переправам противника и отвлекши на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего развития успеха в решающем никопольско-грушевском направлении.

Считаю долгом отметить дальше выдающуюся доблесть молодых конных полков 2-й армии, выказавших в открытом бою с крупными кавалерийскими частями врага высокие боевые достоинства.

После первых моментов смущения перед неожиданным напором врага они быстро стянулись в ударную массу, разделяя удар конного молота по зарвавшемуся врагу совместно с левофланговыми частями 6-й армии. В результате этого удара наша конница опрокинула и сбросила в Днепр все, что успело переправиться на правый берег.

Подчеркиваю также выдающуюся доблесть всех частей 6-й армии, своим левым флангом громивших неустанно врага на левом берегу, а центром сдерживавших его яростный удар по Каховскому плацдарму.

На этом последнем участке геройские войска 6-й армии не только отбили атаку врага, веденную при помощи 14 танков и 15 бронемашин, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей.

Наконец, отмечаю отличие и мужество, проявленное всеми остальными войсками 13-й армии Таганрогской группы, которые дружным ударом с востока отвлекли внимание и силы врага на себя и тем помогли одержать блестящую победу нашему правому флангу.

В итоге боевых действий за это время мы добились определенного перелома в общем ходе борьбы. Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный материальный ущерб, обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено: теперь остается его завершить. Нет ни малейшего сомнения в том, что это будет нами сделано и сделано в кратчайший срок.

Именем Республики объявляю войскам фронта благодарность за их проявленное мужество и поздравляю с первыми крупными успехами. Уверен, что в результате нашей дальнейшей работы участь Врангеля будет решена и красные знамена взвоятся на крымских высотах, этом последнем убежище российской контрреволюции.

Смело и бодро вперед!

Нанесите последний решающий удар!

Вперед — настал час великой и славной победы!

Да здравствуют красные полки армий Южфронта и их окончательная победа над врагом!

Командующий фронтом *Михаил Фрунзе-Михайлов*
Член Революционного Военного Совета *Сергей Гусев*

Прочестъ во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА

№ 0163/с., 507/оп., 92/ш

19 октября, 1920 г. 2 часа

Сообщаю для личного сведения командармов и для проведения предварительных перегруппировок общие соображения по предстоящей операции:

1. Ставлю армиям фронта задачу — разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров и захватить перешейки. Во исполнение этой общей задачи правобережная армия должна отрезать противнику пути отступления в Крым и наступлением на восток разбить резервы армии Врангеля в районе Мелитополя.

Задача левобережных армий — своими действиями привлечь возможно больше сил на свой фронт, не дав противнику возможности своевременно оттянуть таковые из-под удара в тыл нашими армиями правого берега Днепра.

2. Если противник не заставит нас начать раньше активные действия, то по времени распределяю задачи между армиями следующим образом: для отвлечения внимания противника сразу на восточный участок наступление начинает 13-я армия (предположительно 25 октября), через день (26/X) — группа Александровского направления, еще через день или два (27 или 28/X) — армии правого берега Днепра.

3. Задача 6-й армии: оставив на Днепре для наблюдения и обеспечения переправ не более одной дивизии, остальные силы армии (не менее четырех дивизий) сгруппировать для решительного удара в направлении на Перекоп и Сальково, имея при наступлении одну дивизию в резерве и одну уступом за правым флангом 1-й конной армии.

В частности, к началу наступления на Каховском плацдарме из четырех дивизий, предназначенных для наступления, должно быть сосредоточено не менее трех. Отдельную кавалерийскую бригаду подготовить для рейда в Перекопском направлении с задачей отрезать с тыла район Чаплинка и, если обстановка позволит, захватить Перекоп. Всей армии стремиться овладеть Крымскими перешейками на плечах отступающего противника.

4. Задача 2-й конной армии: до начала общего наступления (27/X) комбинированными переправами у Нижнего Рогачик и Никополя обеспечить себе к 27 октября исходное положение на левом берегу Днепра.

Дальнейшая задача армии — энергичным наступлением в юго-восточном и восточном направлениях, войдя правым флангом в связь с 1-й конной армией, разбить группирующиеся на фронте армии силы противника и выйти в район ст. Федоровка — Михайловка — Васильевка, имея в виду в дальнейшем — ударом в тыл Александровской и Пологской групп противника завершить его разгром.

5. Задача 1-й конной армии: в ночь на 26 октября сосредоточиться на правом берегу Днепра, в ближайших к переправе деревнях, где расположиться совершенно скрытно.

Командарму 6-й заблаговременно учесть приход 1-й конной армии и своевременно освободить необходимые ей деревни.

В ночь на 27 Конной армии переправиться на левый берег Днепра и быстрым движением выйти в район — северная оконечность оз. Молочное — ст. Федоровка, разгромить группирующиеся здесь резервы противника и, отрезав противнику пути отступления в Крым, преследовать его до полного уничтожения.

6. Задача группы Александровского направления и 13-й армии — энергичными действиями с первого дня наступления сковать на своем фронте противника, не дав ему возможности оттянуть часть сил для обеспечения отхода в Крым, и дальнейшим наступлением разбить его и опрокинуть на 1-ю и 2-ю конную армии. При этом командарму 13 объединить кавалерийские дивизии в одну группу и поставить ей задачу — движения в направлении на ст. Федоровка войти в связь с 1-й и 2-й конными армиями, завершить окружение противника и содействовать его уничтожению. Командарму 13-й учесть, что 23-я стрелковая дивизия будет передана в состав Александровской группы, а в состав армии включена партизанская армия.

7. Намечаю разграничительные линии: между 6-й и 2-й конными армиями прежняя и далее Верхний Рогачик — Веселое. Между 2-й конной и группой Александровского направления тесная граница с 13-й армией. Между группой Алексан-

дровского направления и 13-й армией ст. Ульяновка — Орехов — ст. Федоровка.

8. О получении донести...

Командующ М. Фрунзе

Член РВС С. Гусев

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮЖНОГО ФРОНТА № 002 П.Ш.

26 октября, 1920 г., 17 час. 00 м.

Ст. Апостолово

Противник на Александровском, Волновахском и Мариупольском направлениях продолжает отход на линию Мелитопольских укрепленных позиций. В районе Рубановка, Верхний Рогачик, Б. Белозерка, Веселы отмечено присутствие главных сил 1-го армейского корпуса, снятых с Александровского участка.

Перед фронтом 13-й армии было установлено присутствие всех частей Донского корпуса противника.

Перед фронтом 6-й армии группировка прежняя, причем танки, бронемашины и часть тяжелой артиллерии отведены противником в Армянский Базар.

Можно предполагать, что противник начал общий отход в Крым под прикрытием маневренных арьергардов.

Части 4-й и 13-й армий продолжают наступление согласно моей директивы № 0230/с 673/оп., причем к 12 час. 26 октября нами была занята линия Ново-Григорьевское — Омельник — Богатый — Пологи — Конские Раздоры — Бельманка — Берестовое — Ново-Спасское.

Части 6-й и 2-й конной с рассветом 26 октября приступили к наведению переправ в районе Никополя — Нижний Рогачик; последний пункт занят, причем захвачены пленные.

Части 1-й конной армии к вечеру 27 октября сосредоточиваются в районе Бериславля.

Войскам фронта ставлю задачу:

Во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным concentрическим наступлением всех

армий уничтожить его главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками.

Во исполнение чего приказываю:

1. Командармам 13-й и 4-й продолжать энергичное наступление на запад и юго-запад, сбивая аррьергарды противника и не позволяя ему отрываться от нас.

Командарму 13-й, разбив части Донского корпуса, не позднее 30 октября овладеть Мелитопольскими позициями на участке Мелитополь — ст. Федоровка. Армейскую конницу использовать для самого энергичного преследования противника, в случае его поражения и отхода.

Командарму 4-й, прорвав дружным ударом линию укрепленных позиций в районе Рейхенфельд — Михайловка — Орлянк, выйти не позже 30 октября на линию М. Белозерка — Тимошевка — ст. Федоровка. На линии Балки — Белозерка войти в связь с частями 2-й конармии. Обратить особое внимание на обеспечение своего левого фланга, для чего держать за ним не менее дивизии в резерве. При прорыве укрепленных позиций использовать в полной мере приданные армии броне- и авиачасти.

2. Командарму 2-й конной, заняв и прочно закрепив плацдарм Б. Знаменка — Днепровка — Елизаветовка, удерживать его за собой во что бы то ни стало. С утра 29 октября перейти в энергичное наступление на Серогозы — Калашинская и совместно с 6-й и 1-й конной армиями окружить и уничтожить главные силы противника, группирующиеся в этом районе.

3. Командарму 6-й, заняв и закрепив плацдарм Нижний Рогачик — Карайдубина, надежно обеспечить здесь и у Каховки наше исходное положение от активных попыток противника. С утра 28 октября главными силами армии перейти в решительное наступление на юг и разгромить части 2-го армейского корпуса противника. Ударную группу обеспечить заслоном не менее дивизии, выдвинутой на линию Дмитриевка — Константиновка — Горностаевка. Армейскую конницу стремительно бросить на Чаплинку в тыл противнику с за-

дачей отрезать ему отступление и на его плечах ворваться в Перекоп. Не менее одной дивизии иметь в резерве. 29 октября левым флангом армии совместно с 2-й конной перейти в решительное наступление на Рубановка — Серогозы, уничтожая противника, отходящего от Никополя, и обеспечивая рейд 1-й конной армии.

4. В случае обнаружения общего отхода противника на фронте 2-й конной и левом фланге 6-й, командармам 2-й и 6-й развить решительное наступление, не стесняя себя указанным выше сроком (29/X), имея главной целью не дать противнику уклониться из-под наших ударов.

5. Командарму 1-й конной, закончив в ночь с 27 на 28 октября переправу через Днепр у Каховки, стремительным маршем выйти 29 октября на фронт Аскания-Нова — Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман — Серогозы совместно с 6-й и 2-й конной окружить и уничтожить главные силы противника.

Иметь в виду при необходимости ударом на Чаплинку оказать содействие коннице 6-й армии в разгроме тыла противника. Особо выделенным боковым отрядом перехватить железную дорогу в районе Ново-Алексеевка.

6. Для энергичного содействия наступлению все авиасредства 6-й и 1-й армий объединить в руках общего начальника по указанию моего заместителя.

7. В случае неудачи попытки овладения Перекопом с налета, командарму 6-й немедленно приступить к подготовке артиллерийской и инженерной атаки перешейков.

8. Разграничительные линии:

а) между 6-й и 2-й конной армиями — Михаэльбург — Верхний Рогачик — почт. ст. Серогозы — все для 2-й конной включительно;

б) между 2-й и 4-й армиями — Балки — Менчкур — Калашинская — Калга — все для 2-й конной включительно;

в) между 4-й и 13-й армиями — прежняя.

9. О получении приказа срочно донести.

Командующий фронта Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат. М., 1941 г.

**ДИРЕКТИВА АРМИЯМ ЮЖНОГО
ФРОНТА
№ 0011/пш**

Ст. Апостолово.

5 ноября, 1920 г., 3 часа 15 минут.

Первый этап по ликвидации Врангеля закончен. Комбинированными действиями всех армий фронта задача окружения и уничтожения главных сил врага к северу и северо-востоку от Крымских перешейков выполнена блестяще. Противник понес огромные потери, нами захвачено до 20 тыс. пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и 2 000 вагонов и почти все обозы и огромные запасы снабжения с десятками тысяч снарядов и миллионами патронов.

Лишь отдельные части армий противника прорвались в Крым по Сальковскому перешейку, да небольшая группа укрылась за Перекопским валом. Всё северное побережье Сиваша занято нами; прорвавшись на Чонгарский полуостров, доблестные части 4-й армии совместно с героической конницей тов. Буденного стремятся на плечах отступающего врага овладеть переправами у Чонгарского и Сивашского мостов.

Наша Азовская флотилия не позднее 9 ноября должна прибыть к Геническу для содействия конечной операции.

Дезорганизованный и надломленный морально последним разгромом противника, укрывшись за естественными и искусственными укреплениями перешейков, в связи с растущим повстанческим движением в тылу, не в силах быстро оправиться и в случае нашего немедленного дальнейшего наступления будет не в состоянии оказать серьезного отпора.

Армиям фронта ставлю задачу — по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции.

Во исполнение чего приказываю:

1. Командарму 6-й, в оперативное подчинение которого с получением сего передаю повстанческую армию, переправившись не позднее 8 ноября на участке Владимировка — Строгоновка — М. Кугаран, ударить в тыл Перекопским позициям, одновременно атаковав с фронта и не позднее

10 ноября главными силами выйти на линию Копкары — Джелишай — Яланташ. Атаку производить решительно, сосредоточив для удара крупные силы. Иметь дальнейшей задачей решительное наступление на Евпаторию — Симферополь — Севастополь.

Повстанческую армию немедленно по получении приказа, переправив на участке М. Кугаран — Кат, бросить в тыл перекопских укреплений в общем направлении на Дюрмень (на тракте Перекоп — Симферополь). Оказать необходимое содействие в снабжении означенной армии патронами и средствами связи.

2. Командарму 2-й конной с получением сего поступить в оперативное подчинение командарма 6-й и, сгруппировав свою конницу в районе по его указанию, спешно приводить части в полную готовность для дальнейшего энергичного наступления на Севастополь, совместно с 6-й армией.

3. Командарму 4-й продолжать энергичное преследование разбитого противника, стремясь на его плечах ворваться в Крым и обеспечить плацдарм на южном берегу Гнилого моря. Быть готовым с утра 8 ноября перейти в решительное наступление на Симферополь — Феодосия. Иметь в виду удар во фланг и тыл противнику с организацией под защитой флотилии переправ пехотой и конницей через Сиваш от Арабатской стрелки [на] Джанкой Южн. (деревня, укрепленная против устья р. Салгир). Сводную стрелковую дивизию, оставляя в резерве фронта, перевести в район Геническ.

4. Начальнику морских сил Черного и Азовского морей не позднее 9 ноября сосредоточить флотилию к Геническу, имея задачей обеспечить с моря операцию 4-й армии и содействовать ей организацией необходимых десантов. Для последней цели без задержек собрать в районе Геническ все необходимые средства переправы.

5. Командарму 1-й конной спешно привести в порядок конницу и готовиться к переправе через Сиваш у Чонгарского полуострова вслед за пехотой 4-й армии.

6. Командарму 13-й до особого распоряжения 2-ю Донскую стрелковую дивизию задержать в настоящем ее районе.

7. Все операции по форсированию проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаки во что бы то ни стало до успешного конца, ибо при данных условиях открытая атака живой силой является наискорейшим и наилучшим средством разрешения вопроса.

8. Ввиду оторванности тылов отдельных армий и затруднительности условий снабжения, всем командармам оказывать соседям всемерное содействие за счет своих ресурсов.

9. Начальнику военных сообщений Южного фронта не позднее 8 ноября закончить работы по восстановлению железнодорожной линии Александровск — Сальково, имея в виду в дальнейшем главное базирование всех армий фронта на указанную линию.

10. Разграничительные линии:

а) между 6-й и 4-й армиями — Кир-Уйшун — Карач — Симферополь — все для 6-й армии включительно;

б) между 4-й и 13-й армиями — Мелитополь — ст. Юрицино — ст. Рыково — Геничеськ — все для 4-й армии включительно...

Командующий фронта *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА № 0032/п.ш.

Мелитополь.

10 ноября, 1920 г., 5 час. 20 мин.

Части 6-й армии к утру 9 ноября овладели штурмом Перекопским валом, Армянским базаром и, продолжая дальнейшее наступление, захватили к вечеру 9 ноября правофланговый участок Юшунской укрепленной позиции противника.

Части 1-й конной сосредоточены вблизи Перекопа, имея задачей оказывать энергичное содействие 6-й армии по овладению Юшунскими позициями и по разгрому Перекопской и Юшунской группы противника. Части 4-й армии продолжают подготовку к форсированию Чонгарского и Сивашского перешейков, предполагая закончить таковую к 13 ноября. Наша Азовская флотилия заперта льдом в Таганрог-

свой бухте и оказать помощи левому флангу 4-й армии не может.

Противник главные силы сосредоточивает на Перекопском направлении, где отмечено, кроме 13-й и 34-й пехотных дивизий, присутствие всего 1-го армейского корпуса и частей конкорпуса Барбовича.

П р и к а з ы в а ю:

1. Командарму 6-й продолжать энергичную атаку Юшунских позиций, вводя в бой последовательно резервы и заменяя ими отстающие части. Выйти в кратчайший срок и закрепиться прочно на указанном моей директивой № 0011/п.ш. рубеже.

С 24 час. 10 ноября повстанческую армию передать в подчинение командарма 2-й конной.

7-ю кавдивизию впредь до особого распоряжения числить в составе 6-й армии.

2. Командарму 2-й конной, оказывая самое решительное содействие 6-й армии по овладению нами Юшунскими позициями, сосредоточиться для дальнейшего наступления в районе Воинка — Магазинка — Байсары — Кипучая, имея на левом фланге временно приданную армии 46-ю стрелковую дивизию.

По сосредоточении на указанном рубеже совместно с частями 1-й конной армии перейти в стремительное наступление и, разбив части 1-й армии противника, выйти в тыл Чонгарской его группе в общем направлении на Джанкой — Курман — Кемельчи и далее на восток в район Карамин — Сейтляр.

3. Командарму 1-й конной немедленно по занятии нами Юшунских позиций, идя форсированным маршем, сосредоточиться в районе Джелишай — Бешеул — Аланташ. По сосредоточении перейти совместно с частями 2-й конной армии в энергичное наступление и, разбив 1-ю армию противника, выйти на железную дорогу Джанкой — Симферополь в районе Курман — Кемельчи — Новый Итак.

4. В дальнейшем обеим конным армиям иметь в виду самое энергичное преследование противника, ни в коем случае не допуская его посадки на суда.

5. Командарму 4-й быть наготове в любой момент к решительной атаке Чонгарского и Сивашского перешейков, произведя соответствующую группировку частей и учитывая невозможность развития нами крупных операций в Арабатском направлении. Теперь же энергичным артиллерийским огнем и усиленным бомбометанием с аэропланов демонстративно привлекать на себя внимание противника, облегчая этим задачу 6-й армии.

6. Командармам 4-й и 6-й с овладением перешейками немедленно развивать наступление в пределах своих разграничительных линий.

Командующего фронта *М. Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Всениздат, М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА ГЛАВКОМУ

№ 0034/пш.

10 ноября 1920 г., 22 часа, ст. Рыково

Вашу директиву за № 6622/оп. получил 9/XI в 21 час. 30 мин. Все, что намечено в ней, уже делается.

2-я конная сегодня к 12 часам сосредоточилась в районе Строгоновка — Владимировка. 1-я конная в полной готовности к выступлению, имея одну дивизию в районе Громовка — Сергеевка. Пехота 6-й армии вся сосредоточена в районе Перекопа, кроме 1-й дивизии, прикрывающей побережье; мною приказано и ее двинуть к Перекопу. Непрерывность операции в этом отношении, поскольку это позволяют наличные силы, обеспечена. Что касается 4-й армии, то только 46-я дивизия находится в двух переходах к северу от Салькова, что объясняется абсолютной невозможностью размещения частей южнее. При начале операции она всегда может быть своевременно подтянута, являясь третьеочередной. В связи с обстановкой на фронте 6-й армии 46-ю дивизию приказал перебрасывать к Перекопу, где на нее будет возложена задача: сменив левофланговую 15-ю дивизию, бить совместно со 2-й конной во фланг и тыл Чонгарской группы противника. В случае, если к моменту ее подхода Юшунские позиции еще не будут в наших руках, то она примет участие в овладении ими. Общий центр тяжести мною переносится на Перекоп, и в связи

с этим немедленно по овладении Юшунем я развертываю 1-ю конную на фронте Стар. Капкары — поселок Яланташ, а 2-ю — рядом, восточнее. Задача обеих армий — ударить в тыл Чонгарской группы в общем направлении на Джанкой — Новый Итак. Операция 4-й армии тормозится, как я докладывал, отсутствием тяжелой артиллерии (дивизионной), неприбытием самолетов и, наконец, отсутствием нашего фронта, сковывающем всякую нашу инициативу на Арабатском направлении, представляющем чрезвычайную важность. Начало активной операции 4-й армии намечалось моим приказом на 10/XI, но сейчас установил, что это невозможно по указанным выше причинам. Без поддержки авиации наша пехота, как показал ряд усиленных ночных поисков, будет нести огромные потери. В силу изложенного момент активных операций 4-й армии ставится мною в связь с развитием действий на фронте 6-й. Самостоятельно она сможет начать действовать не раньше 13/XI, к каковому сроку ожидается прибытие бронепоездов, тяжелой артиллерии и авиации. В случае же овладения Юшунем армия будет атаковать и без артиллерии и авиации. Объехав фронт всех армий, должен отметить чрезвычайно тяжелые условия расквартирования частей, особенно пехотных. Ряд полков вынужден ночевать под открытым небом без топлива и недостаточно обмундированным. В отношении 3-го конного корпуса я очень рад, что вы не берете его с фронта, ибо глубоко убежден, что при нашем стремительном наступлении никакие кубанские операции противника не удадутся, а наличие его при 4-й армии поможет с прибытием флота стремительно бить на Феодосию. Для облегчения операции необходимо: 1) срочное продвижение эшелонов с бронечастями и авиачастями в район станции Рыково; 2) немедленная подача для этого в достаточном количестве топлива в район Алексеевка — Мелитополь; 3) срочная присылка дополнительного обмундирования (шинелей и обуви): за истекшие недели многие полки оказались совершенно разутыми; 4) категорический приказ Командующего морскими силами итти на Геническ, где стоят четыре парохода противника; 5) посылка обещанного кожаного обмундирования, хотя бы в том количестве, которое уже заготовлено; 6) подача горю-

чего для бронеотряда, бензина для авиачастей в возможно большем количестве.

Настроение частей бодрое, и надеюсь, что в ближайшем будущем последняя задача фронта будет разрешена.

Командюж *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат. М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА ГЛАВКОМУ, КОПИЯ — В. И. ЛЕНИНУ № 0041/пш.

10 ноября 1920 г., ст. Мелитополь

Докладываю обстановку на фронте и о ближайших предположениях: 8/XI началось наступление 6-й армии на Перекоп. 10/XI должна была наносить удар 4-я армия, причем особое значение уделялось мною арабатскому направлению, где намечался удар 9-й стрелковой [дивизии], 3-го корпуса и 2-й Донской дивизии в резерве с переправой на полуостров при устье реки Салгир для удара во фланг и тыл Чонгарской группе.

Несмотря на отсутствие тяжелой артиллерии, авиации, бронеотрядов, оторванность тылов и прочее, операция, рассчитанная на моральный надлом и на расстройство противника, обещала верный успех. К сожалению, наступлению 4-й армии помешал ряд причин: 1) неприбытие 9/XI нашего флота, что в корне подрезало нашу инициативу на левом фланге; 2) спад воды в районе Чонгарского полуострова, что лишило нас возможности переправиться на собранных лодках и плотам [чем] облегчить лобовой удар; 3) отсутствие всякого противовеса артиллерии противника, бьющей наверняка по узким дамбам мостов и пресекающей попытки атак.

Наступление 6-й армии облегчилось отсутствием воды в западной части Сиваша и, совпав с моментом смены частей 13-й и 34-й дивизий 1-м армейским корпусом, стало развиваться относительно успешно. 15-я и 52-я дивизии переправились на Литовский полуостров и стали угрожать Перекопу ударом во фланг и тыл.

Противник перешел в контратаку дроздовцам и потеснил 52-ю дивизию до входа в полуостров, и только при поддержке

15-й дивизии удалось остановить к вечеру 8 его нажим и отбросить, причем было взято 300 пленных (это дало основание басне о сдаче двух дроздовских полков с комсоставом, чего совершенно не было на деле). К вечеру наше положение здесь стало весьма угрожающим в связи с прибылью воды в Сиваше, грозившей отрезать 15-ю и 52-ю дивизии. В момент операции я находился сначала при штабе 51-й, а затем при штадиве 15-й в Строгановке.

В связи с сложившейся обстановкой и возможностью контратаки к утру, я в 24 часа 8 отдал категорический приказ произвести немедленно ночной штурм Перекопа с ударом на Армянск частями 15-й и 52-й дивизий. Штурм увенчался успехом. Противник обороняется ожесточенно, и мы несем очень большие потери.

Несмотря на бодрое настроение нашей пехоты, продвижение совершается крайне медленно, и в данный момент я не могу сказать, будет ли армией теперь же выполнена задача по овладению Юшунскими позициями. Во всяком случае, в связи с бездействием нашего флота, чрезвычайной трудностью форсирования в лоб Чонгарских переправ и ввиду овладения нами Перекопом и Армянском, центр тяжести удара я переношу на Перекоп. В настоящее время вблизи его сосредоточена вся 2-я конармия, а на Литовском полуострове уже действует 7-я кавдивизия; туда же получила приказ двигаться 1-я армия, как только мы овладеем Юшунем.

Сегодня с рассветом направилась к Перекопу и 46-я дивизия, придаваемая мною временно ко 2-й конной армии, с задачей удара на Джанкой.

На подготовке операции крайне тяжело отражается отсутствие железнодорожной связи с тылом. Только сегодня ожидается вторичное исправление Александровского моста, что даст возможность улучшить положение.

Части войск, особенно 30, 51, 52 и 15-я дивизии, находятся все время под открытым небом без возможности согреться и при крайне недостаточном обмундировании. Особенно плохо с обувью, которая за дни быстрых маршей страшно истрепалась. Несмотря на все это, настроение частей бодрое и уверенное.

В связи со всем изложенным должен сказать, что задача овладения перешейком отнюдь еще не разрешена и может потребовать от нас крайне большого напряжения сил.

Указанное обстоятельство вынуждает меня настаивать на отмене вашего распоряжения о немедленной отправке 2-й дон-дивизии на Кавфронт. Если мы на-днях овладеем Юшунем, то, конечно, ее можно будет направить безотлагательно, до этого же считаю это несколько рискованным.

3-й конный корпус, кроме 7-й дивизии, вывести в резерв можно, и в крайнем случае, если вы это считаете необходимым, могу его послать немедленно на Кавказский фронт.

Мое личное мнение таково, что при условии форсирования нами перешейков всякая возможность кубанского десанта будет исключена. Поэтому для обеспечения дальнейшего стремительного наступления казалось бы необходимым держать на главном направлении такие силы, которые обеспечат овладение Крымом не свыше чем в 7-дневный срок по выходе на полуостров.

Еще раз убедительно прошу разрешения использовать аппарат 13-й армии, особенно снабжение, для 4-й... Точно так же прошу дать добавочные наряды на обмундирование (шинели, обувь, полушубки, теплое и нательное белье).

В случае вашего приказа о немедленной отправке 3-го корпуса на Кавказский фронт прошу заготовить для него в Ростове 2 000 лошадей с седлами, что даст возможность посадить на коней еще до 2 000 всадников. Сегодня ночью выезжаю в Харьков, ибо за порчей Александровского моста организовать должным образом связь из Мелитополя с Бериславлем пока не удалось.

Командюж *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ДИРЕКТИВА АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА

№ 0361/с, 1132/оп.

13 ноября 1920 г., 2 часа. Харьков

Рядом сверхчеловеческих усилий наша героическая пехота 6-й и 4-й армий овладела укрепленными позициями противника и, разбив защищавшие их войска, прорвалась вместе с конницей. Взято большое количество орудий, миллионы патро-

нов, броневики и танки и прочие трофеи. Противник в панике спешно отходит по двум направлениям: на Евпаторию, Симферополь, Севастополь и на Феодосию, Керчь.

Отход будет, повидимому, прикрываться сравнительно уцелевшей конницей противника. Не исключена возможность его попытки задержаться на линии Феодосия — Арабат, дабы обеспечить возможность переброски остатков войск на Кавказское побережье. Армиям фронта ставлю задачу — не позднее 20 ноября овладеть всей территорией Крыма, уничтожив последние остатки живой силы врага.

Для чего п р и к а з ы в а ю:

Первое. Командарму 6, обеспечив одной дивизией свой тыл в районе Перекопского перешейка, остальными силами армии энергично наступать в направлениях на Евпаторию, Симферополь, Севастополь и Ялта. Выделить особый отряд для очищения от противника выступа Крымского полуострова, что к северо-западу от Евпатории.

Второе. Командарму 4, обеспечив одной дивизией свой тыл в районе Сальково, Джанкой, Геническ, остальными силами армии наступать в направлении на Феодосию, Керчь. 3-й кавкорпус бросить через Карасубазар на Феодосию.

Третье. Командарму 2-й Конной с Повстанческой армией, по выходе на железную дорогу Джанкой — Феодосия в районе Сейтляр, стремительно преследовать противника в направлении на Феодосию, Керчь, ставя задачей ни в коем случае не допустить его посадки на суда в указанных пунктах и имея в виду овладеть г. Керчь не позднее 22 ноября. 46-ю стрелковую дивизию, после установления ею связи с частями 4-й армии, вернуть в распоряжение командарма 4.

Четвертое. Командарму 1-й Конной, после выхода на железную дорогу Джанкой — Севастополь в районе ст. Ташль-Даир, со всей энергией гнать противника в общем направлении на Симферополь, Севастополь, имея в виду овладение последним не позднее 19 ноября. Главной задачей ставлю уничтожение живой силы врага и недопущение его посадки на суда.

Пятое. Между 6-й и 4-й армиями устанавливаю разграни-

чительную линию — Агайман, Джанкой, Карасубазар, Туа́к, все для 4-й армии включительно.

Шестое. Начвоздухофлота Южфронта, после занятия нами ст. Джанкой, срочно образовать в районе последней передовую авиабазу, откуда организовать ежедневные налеты на порты Евпатория, Севастополь, Ялта, Феодосия и другие с задачей бомбометания, не давая противнику производить планомерную эвакуацию.

Седьмое. Доносить о результатах наступления за истекший день и своих предположениях на будущий день.

Восьмое. Передача настоящего приказа по всем адресам возлагается на скаюж²¹.

Девятое. О получении и отданных распоряжениях донести.

Командюж Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат. М., 1941 г.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕМУ МОРСКИМИ СИЛАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА

№ 0089/пш.

•

15 ноября 1920 г., ст. Мелитополь

Радио определенно указывает о затруднительном положении судов противника, вышедших в море и оказавшихся без запаса угля, пресной воды и сильно перегруженными. При таких условиях транспорты противника не смогут далеко оторваться от берега, и для наших подводных лодок открываются самые широкие возможности.

Приказываю развить самую энергичную работу подводных лодок и ликвидировать попытки противника ускользнуть морем из-под ударов наших армий.

Командюжфронта Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

РАДИОГРАММА ПРЕДСОВОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ,

ЦК РКП, ЦК РКПУ, РЕДАКЦИЯМ «ИЗВЕСТИЙ»,
«ПРАВДЫ» И ПО РАДИО ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ

№ 0093/пш.

15 ноября 1920 г., Мелитополь

Сегодня наши части вступили в Севастополь. Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южнорус-

ская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к залечиванию ран, нанесенных империалистической и гражданской войной. Революционный энтузиазм, проявленный Красной Армией в минувших боях, является порукой того, что и на поприще мирного строительства трудовая Россия одержит не менее блестящие победы. Красные армии Южного фронта шлют свой привет и поздравляют с победой рабочих и крестьян России и всего мира и всех вождей международной революции.

Командующего фронта *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ

№ 0097/пш.

16 ноября 1920 г., ст. Джанкой

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Командующего фронта *Фрунзе*

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. Воениздат, М., 1941 г.

1 9 2 1

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ²²

16. Одним из основных условий обеспечения максимальной мощи Красной Армии является превращение ее в единый организм, спаянный сверху донизу не только общностью политической идеологии, но и единством взглядов на характер стоящих перед республикой военных задач, способов их разрешения и методов боевой подготовки войск.

17. Это единство, образующее в своей совокупности на общей основе марксистского учения стройную систему военного мировоззрения Красной Армии и всей республики (единая военная доктрина — научная теория войны), является прочным основанием плана боевой подготовки страны, управления войсками и их вождения. Свое конкретное выражение оно должно найти во всех военных наставлениях, уставах и руководствах.

18. Задача выработки единой военной доктрины в условиях развивающейся мировой революции и в обстановке наиболее вероятных для ближайшего будущего гражданских и полугражданских войн не может быть возложена на узких специалистов военного дела. Правильное решение ее может быть дано лишь совместными усилиями как военных специалистов, так и всех политических работников, получивших до-

статочный опыт в деле строительства Красной Армии и в ее борьбе.

19. При предстоящей реорганизации Красной Армии этот момент должен быть особо учтен, и должна быть создана фактическая возможность превращения «мозга» армии, ее Генерального штаба, в военно-теоретический штаб пролетарского государства.

20. Одним из путей к этому должно быть: а) немедленное включение в состав лиц Генерального штаба наиболее крупных военно-политических работников; б) оживление деятельности самого института Генерального штаба и в) изменение методов подготовки будущих военных руководителей путем сочетания элементов широкого общенаучного образования с чисто военной подготовкой (военные факультеты).

21. Государственному издательству вменяется в обязанность срочное издание всех иностранных марксистских трудов по военным вопросам.

ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И КРАСНАЯ АРМИЯ

I

Одним из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой «единой военной доктрине».

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже не существующего журнала «Военное дело»; к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросам реорганизации Красной Армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело пока вперед не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным.

Характерна в этом отношении та разногласия мнений и взглядов, которая обнаружилась в статьях наших старых военных специалистов. Вышло буквально по пословице: «Сколько голов, столько и умов». По признанию крупнейших представителей военного мира, оказалось, что у нашего старого генерального штаба не существует никаких определенных взглядов по этому основному вопросу военной теории, и даже более того — нет ясного представления, в чем, собственно, состоит самый вопрос, нет умения правильно поставить его.

Этот факт, говорящий, прежде всего, о крайней скудости военно-теоретического багажа, доставшегося нам в наследство от старой армии, способен навести на грустные размышления по поводу дальнейших попыток в этом направлении. И надо признать, что в опасениях подобного рода, несомненно, есть некоторая доля основательности, но только известная доля.

Стоит только вспомнить ту общественно-политическую обстановку, в которой развивалась и работала мысль наших старших товарищей по военному делу. В атмосфере полицейско-самодержавного строя, с подавлением им всякой общественной и личной инициативы, на фоне нашей общей экономической и политической отсталости, при крайней рутине навыков и взглядов во всех сферах общественной деятельности, конечно, не могло быть и речи о каком-то широком научном творчестве.

Все эти уродливости особенно ярко сказывались в постановке нашего военного дела, где беспощадно в корне пресекалась пытливая мысль и подрезалась инициатива. Поэтому объективно никто не может ставить в вину старому генеральному штабу ту растерянность и беспомощность, которые обнаруживаются им по ряду вопросов. Тем не менее факт остается фактом, и считаться с ним приходится всем тем, кому дороги интересы нашей Советской республики и дальнейшее развитие и укрепление ее военной мощи.

Мы думаем, что на основе вновь создавшихся общественных отношений, в обстановке, не только позволяющей, но и прямо требующей от каждого честного гражданина выявля-

ния максимальной энергии и инициативы, сумеет быстро развиться и окрепнуть и наша военно-теоретическая мысль. Думаем, что среди старого генерального штаба найдется немало работников, способных совлечь со своего духовного «я» одежды ветхого Адама, не могущего мыслить иначе, как в пределах узких рамок и привычных представлений буржуазного мировоззрения, пропитанного духом мещанской тупости и косности.

В этой способности стряхнуть с себя остатки старой рутины, разобраться во всей сложности происходящих кругом нас явлений ломки старого мира, стать на точку зрения выдвигающихся на арену жизни новых общественных классов и заключается основное условие плодотворности теоретической работы наших товарищей специалистов. Практический же опыт, полученный многими из них в рядах Красной Армии, даст для этой работы достаточный материал.

Все это, взятое вместе с деятельностью только что выпускающего крылья молодого поколения наших военных работников, выдвинувшихся за время революционных войн из народных низов, дает полную уверенность в том, что в ближайшем будущем быстро сдвинется вперед дело осмысливания нашего военного опыта и выработка тех единых взглядов, которые должны лечь в основу боевой подготовки Красной Армии и отсутствие которых сейчас болезненно чувствуется в ней всеми нами сверху донизу.

Предлагаемая вниманию читателей статья является попыткой поставить вопрос о «единой военной доктрине» с точки зрения интересов рабочего государства и революции и наметить тот примерный путь, которым, как нам кажется, должна идти разработка вопроса.

II

Прежде всего, что представляет собою понятие «единая военная доктрина»? В чем практический смысл этой идеи?

Ответ на этот вопрос уже намечается при самом поверхностном взгляде на сущность современных войн, характер нынешних боевых задач и условий их разрешения.

Войны текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой имеют целый ряд характерных особенностей. В то время как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, или образовавшихся постоянные отряды, считавшие войны своей профессией, или же временно привлекавшихся в ряды войск для этих целей, теперь участниками войны являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы, — самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия и т. д. и т. д.

При этих условиях основному требованию военного искусства и науки — цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении — грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то время как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождей отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь об этом не может быть и речи. Между тем это единство, цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо. И они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда идет предварительная подготовка к ним, ибо, как общее правило, эта подготовительная работа как государства, взятого в целом, так и его военного аппарата сама играет решающую роль. Государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на обще-

государственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самих военных задач, так и на способы их разрешения.

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда она совершается планомерно, на основе положений, отчетливо сформулированных и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства Республики имеет учение о «единой военной доктрине». Оно должно, прежде всего, указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние? В зависимости от того или иного решения этого вопроса военной политики определяется и весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных войсковых соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием «единой военной доктрины».

Выше уже было отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия нет в нашей военной литературе. Но при всем разнообразии мнений, высказанных по поводу содержания понятия «единой военной доктрины», основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше, моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной Армии,

характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач.

Таким образом, можно было бы предположить такое определение «единой военной доктрины»: «единая военная доктрина» есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны.

Формулировка эта отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов, вопрос совершенно не в этом. Важно основное содержание понятия; что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса.

III

Установив общее логическое содержание «единой военной доктрины», перейдем теперь к вопросу о конкретном практическом содержании этого понятия в применении к реально существующим армиям в различных государствах.

В этом отношении особенно интересно остановиться на примере трех государств, обладающих вполне развитыми и воплотившимися в определенную форму вооруженными силами с ярко выраженными чертами единой военной идеологии (военная доктрина). Я имею в виду Германию, Францию и Англию. Начнем с первой.

Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощным военным аппаратом, стройной системой организации вооруженных сил и совершенно определенной военной идеологией, единой для руководящих элементов как армии, так и всей страны.

Основной чертой германской военной доктрины в ее технической части (т. е. чисто военной) является чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух. Идея активности, искание решения боевых задач путем энергичного, смелого и неуклонно проводимого наступления проникает все германские уставы и наставления для высших начальников. Эта же идея и определила собой структуру всего германского военного аппарата, выдвинув на первый план разработку оперативных проблем и создав в лице германского Большого штаба мощный и высокоавторитетный орган, руководящий всей деятельностью по разработке военных планов и по боевой подготовке войск. Воспитание и обучение всех войск шло в духе этой наступательной тактики и в конечном результате подготовило такую совершенную по своей структуре и подготовке военную силу, которая после, на полях гигантских сражений империалистической войны, выявила в полной мере свои выдающиеся боевые качества.

Спрашивается: чему или кому была обязана Германия наличием в ее распоряжении такой превосходной по качеству вооруженной силы?

Первый ответ на этот вопрос уже дан тем, что она воспитывала свою армию на основе «единой военной доктрины», построенной в соответствии с выводами военного искусства. Но это только первый ответ. Мы должны спросить дальше: а почему германская армия получила такую доктрину, почему она вся сверху донизу пропиталась ею, в то время как, например, в России ничего подобного не было, хотя теоретическое знание военного искусства имелось и здесь несомненно?

Ответом на это не может служить указание на исключительные военные дарования германских военных деятелей, будто бы силой своего гения открывших тайны побед и созданием германской военной доктрины поставивших свою армию на недостижимую высоту. Такое объяснение детски наивно, но его приходится отметить, ибо в статьях некоторых наших военных специалистов сплошь и рядом проглядывает стремление свести суть вопроса о создании военной доктрины к действиям и талантам отдельных выдающихся лиц

(см., например, такое определение: «военная доктрина есть пророческий глас военного гения» и тому подобная чепуха).

Основные черты германской доктрины отнюдь не являются случайным явлением; они целиком и в полной мере оказываются производными от общего строя германского быта и жизни эпохи до империалистической войны.

В самом деле, что представляла собою Германская империя к началу 1914 г.? Это было мощное экономически и политически капиталистическое государство с ярко выраженной империалистической окраской, государство, проводившее откровенно хищническую политику и, опираясь на свои материальные и культурные силы, стремившееся к мировой гегемонии. Наличие крупных конкурентов в лице других империалистических стран (Франция, Англия, Россия и др.), исторически раньше создавших государственно-национальные объединения и успевших захватить лучшие куски общемировой добычи, заставляет империалистическую Германию напрячь все силы свои в борьбе за мировое положение. Правящий в Германии буржуазный класс всю жизнь страны подчиняет этой основной государственной цели — победе над конкурентами.

Пресса, наука, искусство, школа, армия — все организуется и направляется буржуазией в одну точку. Буржуазии удастся развратить и подчинить своему влиянию даже значительные слои германского пролетариата — класса, объективно враждебного той хищнической линии поведения, которая проводилась буржуазией. И на этой почве, в этой атмосфере всеобщего преклонения перед армией и флотом, на основе активнейшей внешней политики, ставившей армии определенно наступательные задачи, не могло создаться никакой другой германской военной доктрины, кроме той, которую мы перед собой имеем. В личном составе генерального штаба и всей германской армии, в самой личности императора Вильгельма как нельзя лучше отразилась вся Германия самодовольных буржуа и помещиков, уверенных в своей силе и упоенных мечтами о мировом могуществе. «Германия превыше всего» — вот тот девиз, который отравлял сознание большинства германского народа в эпоху

империалистической войны. И верные этому девизу германские полки, уверенно следуя принципам своей доктрины, сокрушающим потоком ринулись на равнину Бельгии в 1914 г.

Первые же столкновения с армиями враждебных стран показали стратегическую и тактическую правильность положений германской доктрины²³.

Так обстояло дело в Германии. Основной вывод, который можно сделать отсюда, следующий: все военное дело данного государства вплоть до учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением всего уклада его жизни и, в конечном счете, его экономического быта, как первоисточника всех сил и ресурсов. Никогда германским генералам не удалось бы создать своей военной доктрины, и даже если бы это было сделано, они не сумели бы привить ее всей толще германской армии, если бы этому не благоприятствовали соответствующие условия германской жизни.

IV

Перейдем теперь к Франции.

Эта страна тоже является представительницей хищнического империализма. Так же как германская буржуазия, Франция всегда была готова захватить чужое добро и действовала в таких случаях ничем не хуже «милитаристской» Германии. Но в действиях французской буржуазии все же имелось существенное отличие от действий ее восточной соседки. В спорах с конкурентами из-за добычи недоставало ей той откровенной наглости и самоуверенности, которыми отличалась германская правящая клика. Стоит вспомнить лишь конфликты 1905, 1909 и 1911 гг. с той же Германией из-за Марокко и ту трусливую, хищную и изворотливую политику, которую проводила тогда Франция, цепляясь за ускользавшую из рук добычу и в то же время не имея решимости начать грызню.

Этот своеобразный характер французской внешней политики определялся общим экономическим и политическим положением «Третьей республики». Французская промышленность далеко отставала в своем развитии от промышленности

других передовых стран; французское население в течение ряда лет не обнаруживало тенденции роста, и фраза «население остается в стационарном положении» стала обычной характеристикой движения народонаселения Франции по данным ежегодного статистического отчета. Вместо открытого захвата чужих территорий, сопряженного с риском ввязаться в тяжелую борьбу, французский капитал искал других, более спокойных путей эксплуатации чужого труда, идя широко на сделки всякого рода с иностранным капиталом в целях мирного дележа добычи.

Этот оппортунистический, неуверенный в себе, в своих силах, чуждый активности дух французской буржуазии, стоявшей у руля правления, определял собою и общий характер французской военной политики. Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюренна²⁴ и кончая Наполеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой, наступательной стратегии и тактики, военная доктрина армии «Третьей республики» уступала германской. Ее отличало чувство неуверенности в своих силах, отсутствие широких наступательных планов, неспособность смело искать решения боя, стремясь навязать свою волю противнику и не считаясь с волей последнего. В своем положительном содержании сущность доктрины, на которой воспитывалась французская армия последней эпохи, заключалась в стремлении разгадать план противника, занять для этого выжидательное положение и лишь по выяснении обстановки искать решения в общем наступлении. Таковы были существенные черты французской военной доктрины, наложившей свой отпечаток на весь образ действий французской армии в минувшую войну, особенно в первый, маневренный ее период.

Здесь особо следует подчеркнуть, что по своим индивидуальным дарованиям французские полководцы вряд ли уступают германским. Помимо того, многие из них теоретически стояли на точке зрения не своей, а именно германской доктрины с ее духом величайшей активности. И при всем том общего духа французской армии, всего ее внутреннего строя и характера господствовавших в ней взглядов на методы раз-

решения боевых проблем они изменить не могли, так как это являлось отражением более могучих факторов, чем усилия отдельных лиц.

Таким образом, пример Франции еще более подтверждает все то, что было сказано нами по вопросу о доктрине в связи с Германией. Военный уклад данного государства, характер господствующих в военной среде взглядов и настроений и, наконец, самое содержание принципов военного дела определяются всем строением жизни данного народа и, в частности, существом и характером того общественного класса, который в данное время стоит у власти.

Что касается Англии, то пример ее любопытен в том отношении, что в силу географических и исторических особенностей ее положения внимание правящего класса было направлено не на сухопутную армию, а на флот. Англия являлась и является по преимуществу колониальной державой. Эксплоатация колоний была главнейшим источником обогащения британской буржуазии, и поддержание колониального господства составляло ее главнейшую военную задачу. В связи с этим обеспечение господства над морем приобрело для английского капитала значение вопроса жизни и смерти. Эта идея и стала основным руководящим принципом английской военной доктрины. Конкретно это вылилось в обязательную для всех английских правительств минувшей эпохи формулу: иметь флот, равный соединенным флотам двух сильнейших морских держав. До последнего времени эта программа неуклонно осуществлялась, но теперь, с появлением на арене конкуренции такого соперника, как Соединенные Штаты Америки, положение изменилось, и энергия английской буржуазии должна будет искать какую-либо новую формулу, обеспечивающую ее захватническую политику.

Несколько слов о военной доктрине русской армии времен царизма.

После всего, что было сказано выше о нашей военной доктрине, самая постановка этого вопроса может показаться странной; но доктрина, хотя и неоформленная, в царской армии все-таки была, и хотя она ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном примере

Можно показать теснейшую связь учения о войне с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилась к триединой идее — православия, самодержавия и народности, — вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она в наших руководящих наставлениях являлась простым заимствованием у иностранных оригиналов, большей частью лишь в ухудшенном издании; но и в этом своем виде доктрина являлась мертворожденным детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава, но и ее высшим руководителям²⁵. Здесь ярко сказалось все беспримерное убожество, вся внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен. В самом деле, армия всегда была предметом особого попечения царей, и тем не менее эта самая армия в их руках оказалась никуда не годной силой.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы по интересующему нас вопросу.

Первый из них — это уже неоднократно повторенная нами мысль о том, что военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной и целиком определяется общими условиями жизни этого государства.

Второй — что характер военной доктрины, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его.

Третий — основное условие жизненности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые каходятся в его распоряжении.

Четвертый — доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, в сведении их в систему и в приведении их в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Пятый — основной теоретической задачей работников рабоче-крестьянской Красной Армии должно явиться: изучение характера окружающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение как в отношении материальных, так и духовных предпосылок; изучение особенностей строительства Красной Армии и применявшихся в ней методов борьбы; согласование с требованиями военной науки и искусства всех тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи.

V

Какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии?

Чтобы ответить на это, обратимся прежде всего к анализу нашего государства.

По своему характеру, по своей сущности наша родина представляет собой государственное образование совершенно нового типа. В отличие от всех остальных государств, существующих сейчас на земном шаре, РСФСР является единственным в мире государством, где господство принадлежит труду. Начиная с октября 1917 г., когда рабочий класс России, поведя за собой широкие массы трудового крестьянства, вырвал власть из рук крупной и мелкой буржуазии, мы живем в рабоче-крестьянском государстве, где руководящая роль у рабочего класса.

Основная идея и смысл пролетарской диктатуры сводятся к задаче уничтожения капиталистических производственных отношений и замены их строем, основанным на началах общественного владения средствами производства и планомерного распределения продуктов этого производства. Идея эта находится в непримиримом противоречии с основами существования остальных государств мира, где пока всюду царит капитал.

Диктатура пролетариата означает самую беззаветную, самую беспощадную войну класса трудящихся против класса властителей старого мира — буржуазии, которая, опираясь на

силу всего международного капитала, на силу и прочность своих международных связей и, наконец, на стихийный консерватизм мелкобуржуазных масс, является грозным и могучим врагом вновь нарождающегося мира. Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть; войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Внешняя форма этих взаимоотношений в зависимости от меняющихся условий и хода борьбы может видоизменяться; состояние открытой войны может уступить свое место какой-либо форме договорных отношений, допускающих до известной степени мирное сожительство враждующих сторон. Но основного характера взаимоотношений эти договорные формы изменить не в состоянии. И нужно вполне осознать и открыто признать, что совместное параллельное существование нашего пролетарского Советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно ²⁶.

Буржуазия с энергией, удесятеренной фактом ее свержения хотя бы в одной нашей стране, в предчувствии надвигающейся на нее гибели, не может успокоиться, пока не уничтожит очага, являющегося рассадником и источником опасности ее всемирному могуществу. При первом удобном случае волны буржуазного, капиталистического моря, окружающие наш пролетарский остров, вновь ринутся на него, стремясь смыть все завоевания пролетарской революции. И в то же время пламя революционного пожара все чаще и ярче вспыхивает в разных странах буржуазного мира, и грозный топот готовящихся к штурму его пролетарских колонн говорит о каких-то попытках и с другой стороны. Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может.

Отсюда получается следующий вывод: сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца и, в первую очередь, каждого члена руководящей государственной жизнью коммунистической рабочей партии должно быть пропитано той мыслью, что наша страна попрежнему нахо-

дится в положении осаждаемой крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи, что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой только и может идти успешно дело строительства наших вооруженных сил.

Этот момент всенародного сознания неизбежности и важности военных задач, лежащих перед государством, является первым и самым важным элементом в будущей единой военной доктрине Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Здесь следует отметить еще одну особенность, отличающую доктрину армии рабочего государства. Так как буржуазии всех стран приходится навязывать трудящимся массам по существу чуждые им военные цели, то это достигается при помощи всевозможных ухищрений, строящихся либо на возбуждении низких инстинктов толпы (жажда мести, самый дикий национальный шовинизм и пр.), либо на массовом обмане. Стоит лишь вспомнить, например, историю с «ключами от святых мест», византийское наследство (Россия)²⁷, идею рванша (Франция)²⁸ и пр.

Для рабочего государства, каковым является Советская Россия, никакой необходимости в этих средствах обмана нет. Классовая заинтересованность трудящихся в победе революции и идея их международной солидарности, как средство обеспечения победы, являются вполне достаточными для создания крепчайшей связи для целей общей борьбы. Имеются ли налицо данные для того, чтобы этот элемент стал живой составной частью мировоззрения широких трудящихся масс России? Несомненно, да. Запасов духовной энергии у борющегося за свое освобождение рабочего класса вполне достаточно; необходимо лишь, чтобы затрата их производилась в соответствующем направлении и с достаточной планомерностью и систематичностью. Средством для достижения этого должна быть организованная в государственном масштабе военная пропаганда.

Органом, разрабатывающим все связанные с этим вопросы, должен стать ПУР, а проводником в жизнь их — все органы народного образования под общим руководством Главполитпросвета. Только такая постановка работы может создать такую же благоприятствующую укреплению военной мощи Республики среду, которая имелаась в Германии. Роль германской школы в этом деле достаточно хорошо известна. Стоит лишь вспомнить ставшую знаменитой фразу о том, что «честь победы под Садовой и Седаном²⁹ принадлежит германскому школьному учителю». Надо, чтобы честь победы мировой революции, совершающейся на наших глазах, тоже досталась нашему школьному и внешкольному учителю и пропагандисту.

Что касается конкретного общественно-политического содержания этой части будущей нашей доктрины, то оно целиком дано нам в готовом виде в идеологии рабочего класса — в программе Российской коммунистической рабочей партии. Прежняя формула царской армии «православие, самодержавие и народность» уступила свое место идеям революционного коммунизма, советской власти как специфической формы пролетарской диктатуры, международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной Армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс и, продолжаясь дальше в этом же направлении, должна нам подготовить единую, крепко спаянную сверху донизу единством политической идеологии вооруженную силу.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, наряду с углублением и расширением политической работы на низах, является работа по приобщению к общей красноармейской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разьединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной Армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть оттуда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного со-

става Красной Армии стать членами коммунистической партии. Но это значит — добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовались полная спайка и взаимное понимание.

VI

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т. е. должны ли они быть строго оборонительного характера или Красная Армия Республики должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление, — из всех предшествующих соображений вытекает совершенно определенный ответ.

Общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, класса, стремящегося к победе над всем буржуазным миром, не может не быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными ресурсами только своей страны, то пределы этой активности становятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей нынешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона, только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение». Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к наступлению на капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом, в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой наступательной линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть

не одна Россия, а целый ряд и других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и способности их рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником.

Классовый характер предстоящих столкновений, обеспечивающий содействие нам в интересах общего дела всех пролетарских элементов, в значительной мере уничтожает отрицательное значение приведенного выше указания на тяжелое экономическое положение нашей страны. Стало быть, пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе, как главное его оружие, будет наступать и Красная Армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций.

Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной Армии боевому опыту, то увидим, что по существу она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны. Можно сказать даже, что порой эта активность у нас, переливаясь через край, граничит с неумением учесть данные конкретной обстановки настоящего дня и не подвергнуться опасности чрезмерного риска.

Все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло.

Указанный выше активный характер грядущих военных столкновений предъявляет целый ряд практических требований нашему Генеральному штабу. Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная Армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка старого света.

Между прочим, подготовка нашего командного состава должна включать в себя знание не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров

военных действий. Здесь перед военным аппаратом вообще раскрывается огромная по своим размерам и значению перспектива подготовительной работы.

Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы, несомненно, будем слабее наших противников³⁰. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства, должны искать путей, могущих хотя бы до известной степени уравновесить эту невыгодную для нас сторону.

VII

Некоторые средства для этого имеются. Первым и важнейшим из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступать на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы и пр., представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т. е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной Армии должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер, дает в этом отношении богатейший материал для изучения.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств инженерная оборона и нападение, играющие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Вспомогательная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к тому, чтобы служить вспомогательным средством для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение ее искусственного укрепления, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра, — вот область приложения сил и средств этого

порядка. В частности, роль и значение крепостей в будущих наших операциях будут совершенно ничтожны. За счет крепостей гораздо целесообразнее будет усилить полевые войска³¹.

Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Опять-таки опыт нашей гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизан в Сибири, борьба в казачьих областях, «басмачество» в Туркестане, «махновщина» и вообще бандитизм на Украине и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны», повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас.

В связи с тем же маневренным характером наших будущих операций стоит вопрос о пересмотре под этим углом зрения роли и значения в современном бою кавалерии. Позиционный характер минувшей империалистической войны в умах у многих создал представление о том, что конница, как самостоятельная активная сила, особой роли играть уже не может и должна отойти на второстепенное место.

Правда, опыт гражданской войны вновь дал блестящие образцы самостоятельных действий конницы как с нашей стороны, так и со стороны нашего противника и вернул ей былое значение, но известно, что опыт только гражданской

войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех.

По нашему глубокому убеждению, в будущих операциях красной коннице будет принадлежать чрезвычайно важная роль, а посему забота о ее подготовке и развитии должна являться одной из первейших наших обязанностей.

В целях же наилучшей подготовки ее к выполнению боевых задач должно быть обращено особое внимание на изучение колоссального опыта гражданской войны и выработку на основе этого изучения специальных наставлений для старших кавалерийских начальников.

VIII

В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная Армия. Это вытекает из всего, что говорилось об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующим постановлением X съезда Российской коммунистической партии и последующими правительственными декретами. Переход к милиционной системе на основе Всеобщего допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной Армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной Армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общежития. Конечно, при данном уровне развития производительных сил пропаганда полного уравнивания командного состава с рядовой массой неосуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной Армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии Рабоче-Крестьянского Советского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из ее характера. Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской спайки и взаим-

ного понимания армейских верхов и низов, которые являются главнейшим залогом физической и духовной мощи Красной Армии.

При строевом обучении элемент муштры в Красной Армии должен отойти на самый задний план; при этом самое понятие «муштры» совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т. е. в смысле чисто механического, с присоединением суровых мер воздействия, обучения элементам строя, не может быть и речи. Нам не к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показательной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичности при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении характерные особенности нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время как всякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной Армии должна базироваться не на страхе наказания и голом принуждении, а на добровольном, сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав.

Чем должна поддерживаться дисциплина? Во-первых,

сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием. Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его политического и технического руководства, укреплением веры красноармейской массы в полное соответствие начальников своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная Армия, — дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применению их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто без всяких принудительных мер добьется полного подчинения своей воле.

Таковы в общих чертах должны быть основные элементы той военной доктрины, на основе которой должно происходить развитие и укрепление мощи Советской федерации. Для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наставления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы и особенно ее командной части. Мне кажется вполне целесообразным основные практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы основным катехизисом Красной Армии.

Вот примерный круг общих идей, которые, мне кажется, должны стать близкими всем, занимающимся разработкой вопросов военной теории в ее общей части. Несомненно, изложенное является лишь попыткой поставить вопрос и вызвать к нему соответствующее внимание. Что же касается его разрешения, то это может явиться лишь результатом длительной и упорной работы военно-теоретической мысли на основе коллективного опыта.

Остается выразить самое горячее пожелание, чтобы разработка вопроса о доктрине Красной Армии заняла и в нашей литературе и в нашей практической деятельности

такое место, которое по праву должно ей принадлежать в силу особого ее значения для дела строительства вооруженных сил Республики.

„Армия и революция“, № 1, июль 1921 г.

БЕРЕГИТЕ ЖЕ РЕВОЛЮЦИЮ

(КРАСНАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ)

В этот торжественный для нас день великого Октябрьского переворота я хочу говорить не о той роли, которую сыграла Красная Армия в деле защиты его завоеваний и утверждения советской власти. Она известна всем: память о страданиях, жертвах и героических подвигах этой первой в мире рабоче-крестьянской организованной вооруженной силы живет крепко в сердцах и сознании всей нашей советской семьи. Я буду говорить не о славном прошлом Красной Армии, а о ее настоящем и будущем.

Присматриваясь к текущей практике нашей внутренней жизни, нельзя не заметить одного чрезвычайно резко бросающегося в глаза явления. Это — крутой перелом и поворот в психике рабочей массы в отношении оценки значения армии для настоящего и будущего страны. Перелом этот характерен не только для широких кругов беспартийных рабочих; в равной степени это следует отметить и в отношении самого вождя рабочего класса — коммунистической партии. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь обратить внимание на взаимоотношения между гражданскими учреждениями и аппаратом Красной Армии, на нередкие факты невнимательного, а подчас грубо небрежного отношения к ее нуждам и запросам, на недостаточную заботливость местных органов в деле устройства и обеспечения возвращающихся домой героев славной борьбы. Все это говорит об одном, а именно: партия и рабочий класс в своей массе перестроились духовно на мирный лад; в их внутренней оценке современного положения страны явно преобладает момент уверенности в его прочности и устойчивости.

Наблюдая процесс этой духовной демобилизации и ярко чувствуя все неисчислимые гибельные последствия его для

нашего будущего, хочется крикнуть изо всех сил: «Товарищи рабочие, берегитесь! Время отдыха и спокойного труда для нас еще не настало. Враг окружает нас со всех сторон и зорко следит за каждым шагом; будьте всегда готовы к бою и вы».

В самом деле, сто́ит бросить самый беглый взгляд на наше международное положение, чтобы убедиться в его крайней неустойчивости, убедиться в наличии угрожающей нам постоянной опасности нападения.

Нужно ли доказывать прежде всего, что существование Федерации социалистических советских республик, среди окружающего их буржуазного мира является вопиющим органическим противоречием?

Неужели не ясно, что мысль о возможности их длительного параллельного существования равносильна вере в возможность безвредного друг для друга соединения воды и огня? Состояние борьбы между пролетариатом и буржуазией вытекает из самого существа этих классов. Поэтому совершенно неизбежно это состояние между нами и окружающим нас капиталистическим миром.

До победы революции, хотя бы в части других стран, наша родина будет находиться в положении осаждаемой крепости. Всеми ли в нашей партии, не говоря уже о рабочем классе в целом, это усвоено? Делаются ли из этого надлежащие выводы в нашей практической деятельности? К сожалению, далеко нет. И в этом — величайшая опасность для революции.

Надо сказать прямо, что делу укрепления нашей военной мощи уделяется недостаточно внимания; надо признать, что если так будет продолжаться и впредь, то в момент решения тяжбы с оружием в руках мы рискуем оказаться в положении неизмеримо слабейшей стороны.

Многим ли известны те величайшие успехи, которые сделала военная техника за минувшие годы? Известно ли, что все буржуазные страны с лихорадочной поспешностью реорганизуют свои вооруженные силы на основе всех новейших открытий и усовершенствований? Известно ли, например, что Франция, являющаяся нашим упорным врагом, обладает уже воздушным флотом во много тысяч аэропланов? Что

в случае войны ею немедленно разворачивается воздушная армия в десятки и десятки тысяч человек?

Все ли знают, что уже существуют аэропланы, вооруженные артиллерией, несущие десятки человек экипажа, поднимающие сотни тонн полезного груза, аэропланы, развивающие скорость до 350 километров в час и с радиусом действий от 1½ до 2 тысяч километров?

Знают ли наши совнархозники о том, что в авиационной промышленности Франции занято 180 000 рабочих, тогда как еще в 1916 г. их было всего 8 000?

Многим ли известно, что в армиях буржуазных стран в распоряжении артиллерии находятся орудия, выбрасывающие снаряд на расстояние сотни и больше километров, причем снаряд весит до 5 тонн? Что в них же вводятся в употребление ядовитые газы, превосходящие силой своего действия во много раз все составы, применяющиеся в империалистической войне? Знают ли все товарищи о том, что буржуазия стран-победительниц, готовясь к грозному бою со своим классовым врагом, стремится создать армию, являющуюся послушным орудием в ее руках?

Что, например, Франция уже сейчас четвертую часть своей армии образовала из полудиких народностей Северной и Западной Африки? А для удержания их в повиновении провела закон об образовании кадра бессрочных солдат (профессиональных бойцов) в 100 тысяч человек, подбираемых из элементов, наиболее для нее надежных и подкупаемых особыми привилегиями?

Не следует ли нам крепко призадуматься относительно возможности легкого разложения такой армии путем пропаганды и агитации? Не нужно ли нам, если мы действительно хотим победить, в случае войны центр внимания направить на обеспечение возможности физического подавления противника? Спрашивается, что же можем мы противопоставить этой технике противника?

Вопрос почти не нуждается в ответе. Наша техническая отсталость с каждым днем становится все более и более угрожающей. Не нужно особенно обольщать себя и успокаиваться ссылками на опыт гражданской войны. Не следует

забывать, что он в значительной степени односторонен. В ходе гражданской войны мы имели дело с противником — или равным нам в техническом отношении, или если и превосходящим, то незначительно. То же относится и к войне с Польшей. Что же касается грядущих столкновений, то этот момент технического превосходства может оказаться решающим и не в нашу пользу, несмотря на все мужество и доблесть Красной Армии. Чтобы избежать этого и сделать Красную Армию действительно мощным орудием обеспечения как нашего мирного строительства, так и мировой революции, ее нужно во что бы то ни стало поднять в техническом отношении. Никто, понятно, не может претендовать на то, чтобы вся страна попрежнему жила и работала для нужд Красной Армии. Это и невозможно и не нужно. Надо лишь серьезно поставить вопрос об удовлетворении ее потребностей в снабжении и своевременном вооружении. Все это делается возможным по мере дальнейшего сокращения ее численности.

Без некоторых жертв не обойтись. Но гораздо лучше известные жертвы теперь, чем полное крушение впоследствии. Особенно важную роль в грядущих столкновениях будет играть воздушный флот. Такого у нас не имеется, ибо нельзя же серьезно считать флотом те несколько сотен аппаратов, которые среди наших летчиков известны под названием «гробов». Только исключительная доблесть и мужество нашего летного состава позволяют пользоваться ими.

Создание и развитие нашей авиационной промышленности являются делом первейшей государственной важности. «Пролетарий, на воздушного коня!» — вот очередной лозунг, который должна бросить стране коммунистическая партия.

Дальше, при организации промышленности, при выработке сельскохозяйственных планов, не должно упускаться из виду, что мы живем в боевой обстановке, и поэтому планом должен быть предусмотрен немедленный переход к работе на нужды войны. В течение трех лет войны мы в этом отношении выработали целый ряд практических приемов и навыков и создали особый аппарат. С переходом на мирные рельсы этот аппарат ликвидирован, и, поскольку

можно наблюдать, весь приобретенный опыт не закрепляется и может пойти насмарку. Следует помнить, что перестраиваться заново в условиях непосредственной борьбы будет очень трудно и, может быть, даже губительно.

О нашей военной подготовке. Мы создали отряды особого назначения³². По своей идее — это резервная армия, которая должна в будущем объединить вокруг себя на милиционных началах все пролетарское население. Сокращение численного состава Красной Армии, диктуемое нам общими условиями жизни, в свою очередь, требует максимального усиления нашей работы по подготовке ее резервов. Мы должны стремиться к постепенному превращению всей трудящейся массы в вооруженный народ. Для этого надо, чтобы обучение частей особого назначения и вообще вся их деятельность получили немедленно должный размах. Этого, к сожалению, сейчас почти незаметно. Сплошь и рядом эта столь важная сторона нашей военной подготовки превращается в никчемную и недостойную игру в солдатики. Это опять-таки в значительной мере вытекает из того, что партийные организации не чувствуют всей важности и ответственности этого дела.

Одного словесного признания недостаточно; нужна упорная систематическая работа, опирающаяся на глубокое сознание ее полезности и необходимости. Наконец, в отношении постоянной части Красной Армии, в отношении всего ее аппарата должны проявляться всеми величайшая заботливость и предусмотрительность. Нужно, чтобы красноармеец чувствовал вокруг себя ту атмосферу внимания и любви, которая даст ему силу перенести всяческие лишения и достойным образом подготовиться к выполнению своего воинского долга. В деле боевой подготовки Красная Армия сделала крупные успехи. Это доказали наши осенние маневры. Эти успехи могут быть и будут еще значительнее. В этой своей работе Красная Армия ждет помощи и поддержки от всех пролетариев и крестьян.

Знамя социальной революции, поднятое нами в Октябрьские дни, крепко держится в наших руках. Кровью сотен тысяч и миллионов борцов окрашен стяг. Этот стяг реет

пока только над нашей страной. Он должен победить всюду. Наша задача, наш долг — собрать энергию страны в единый клубок и направить его в любой момент в нужную сторону.

Вечная память погибшим борцам!

Мы же идем к новым победам...

„Коммунист“, № 251, 7 ноября 1921 г.

ВРАНГЕЛЬ

Четвертой и последней (Колчак, Деникин, Юденич, Врангель), возглавляющей российскую контрреволюцию, фигурой является барон Петр Врангель.

Его репутация, как одного из виднейших представителей белого лагеря, впервые начинает создаваться на Кубани и Тереке в течение конца 1918 г. Поставленный во главе Кавказской армии, Врангель развивает кипучую деятельность и в короткое время успевает создать из контрреволюционных элементов казачества и бежавшей на юг огромной массы белых серьезную военную силу. Одновременно с этим под его руководством шла энергичная работа по организации и объединению всех недовольных советской властью местных элементов Северо-кавказского края.

В результате этой работы мы теряем на Северном Кавказе одну позицию за другой, и, в конце концов, наши войска Северо-кавказского фронта, потеряв почти всю материальную часть и понеся огромный урон (главным образом от болезней) в людском составе, с трудом пробились к концу 1918 г. в район Астрахани.

Эта операция, а также последовавшее за ней занятие белыми всей Ставропольской губернии и восточной части Области войска донского, вплоть до Царицына, составили Врангелю репутацию энергичного, смелого и решительного боевого начальника, а также идейного организатора. Ликвидация нами к началу 1920 г. деникинского фронта открывала Врангелю новые перспективы дальнейшего возвышения.

Еще в 1919 г., в самый разгар ожесточенной борьбы с наступавшими с севера нашими войсками, барон Врангель выступает в качестве соперника и конкурента тогдашнему

главе южно-русской контрреволюции — Деникину. В руководящих верхах белого лагеря разгорается ожесточенная борьба за власть, полная взаимных интриг, подкопов и сплетен. Здесь ярко выявилось все внутреннее разложение российской белогвардейщины. Вместо тесно сплоченного, организованного и сознающего свою социальную силу класса буржуазии мы видим отдельных претендентов на власть, действующих в своих личных целях и не сдерживаемых в склоке между собой организованным воздействием представляемого ими класса.

Общая обстановка благоприятствует Врангелю. Разгром армии, потеря Новочеркасска, Ростова, а в марте 1920 г. и Кубани с Екатеринодаром и Новороссийском окончательно дискредитирует Деникина в глазах уцелевших от разгрома белых войск. Как обычно бывает в подобных случаях, на него взвалилась главная вина за понесенные поражения. Последовавшая за этим ожесточенная склока и грызня в «высших сферах» белого лагеря закончилась, под давлением Антанты, отказом от власти генерала Деникина передачей им всех своих прав барону Врангелю.

В апреле 1920 г. последний становится, таким образом, «правителем юга России» и главнокомандующим всеми вооруженными силами. Начинается новый, но в то же время и последний и заключительный аккорд долгой и кровавой борьбы труда с капиталом в России. К этому моменту в руках белогвардейцев оставался только ничтожный клочок российской территории — Крымский полуостров. Сюда в конце декабря 1919 г. и в начале января 1920 г., под прикрытием судов Черноморского флота, сумели отойти войска средней группы Деникина, находившиеся под командой генерала Слащова. После использования всех стратегических и тактических возможностей, создаваемых фактом господства на море и трудностью вторжения в Крым с суши, генералу Слащову удается в результате упорных сражений в течение января, февраля и марта 1920 г. удержаться на Перекопском и Сивашском перешейках. Это дало возможность перевести весной 1920 г. в Крым остатки белых войск из Кубани и Одесского района и обеспечить сохранение и развитие нового центра

активной контрреволюции. Нет сомнения, что этому в значительной мере помогла недостаточная оценка нами оперативно-политической важности и Крымского направления. Для действий на подступах к Крыму первоначально были выделены совершенно недостаточные силы, что и привело вместо быстрого овладения им сначала к длительному беспомощному топтанию на месте у перешейка, а впоследствии к отходу на север и необходимости нового, огромного напряжения наших сил.

Сделавшись главнокомандующим белой армией и главой правительства, барон Врангель, начиная с апреля месяца, развертывает в Крыму колоссальнейшую работу. Расправившись прежде всего решительно с оппозицией со стороны ряда генералов, в свою очередь метивших в «правители», Врангель, опираясь на помощь Антанты, взялся за реорганизацию всего военного аппарата.

Число крупных войсковых соединений сокращается; освободившиеся благодаря этому людские и материальные ресурсы идут на пополнение остальных частей. Упраздняются многочисленные мелкие части. Производится тщательный подбор командного состава как старшего, так и низшего, причем не обращается внимание на чины и возрастной ценз. С тыловых учреждений снимается в строй кадровое офицерство. Путем суровых репрессивных мер (до массовых повешений включительно) производится основательная чистка всего состава армии. Так, в ставке генерала Слащова целыми днями на виду у всех болтались на виселицах трупы повешенных им офицеров, чиновников и солдат.

Щедрые подачки союзников позволяют улучшить обмундирование, питание армии и снабжение ее материальной частью. В результате этой лихорадочной деятельности Врангелю удастся превратить разложившиеся, деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным командным составом войсковые части. К началу июня 1920 г. эта реформаторская деятельность в основных чертах заканчивается, и в распоряжении Врангеля оказывается внушительная боевая

сила, приблизительно в 30 000 штыков и сабель. С этой армией в начале июня месяца он и переходит от обороны к наступлению.

6 июня в 10 часов утра у юго-западной окраины озера Молочное, в районе к югу от г. Мелитополя, высаживается в качестве десанта армейский корпус генерала Слащова. Движение десанта по большаку села Кирилловка — Мелитополь ставит под удар единственную коммуникационную железнодорожную линию Сиваш — Мелитополь — Александровск, одновременно создавая величайшую угрозу левому флангу всего нашего боевого расположения, тянувшегося от г. Геническа до Перекопа и Хорлов по северному побережью Сивашского озера. С рассветом 7 июня тяжелая и легкая артиллерия белых открыла ураганный огонь по нашим укрепленным позициям на крымских перешейках и, разрушив их, подготовила штурм своей пехоте, которую поддерживают многочисленные броневики, танки и бронепоезда. Вся линия нашего фронта опрокидывается, и командование белых обеспечивает себе плацдарм на континенте для развития дальнейших действий.

Только по линии р. Днепр (начиная от устья до г. Николая) — Днепровские плавни — Ногайск окончательно останавливаются наши части и приступают к подготовке дальнейшей борьбы.

В связи с изменением стратегической обстановки меняется и характер ближайших целей боевых операций с нашей стороны. Занятое нами охватывающее положение по отношению к армии белых позволяет первоначально поставить задачу уничтожения белых войск к северу от перешейка и потом уже овладение Крымом. Эта идея и становится руководящей для последующих наших операций. Что касается Врангеля, то его задачей являются дальнейшее расширение занятой им территории и подготовка сил и средств для окончательного доведения борьбы до конца. Особенное внимание обращается им на области с казачьим населением — Дон, Кубань, Терек. В течение лета 1920 г. организуются и выполняются две десантные операции, имеющие целью поднятие восстания на Дону и Кубани и захват этих областей. Первый десант, во главе с полковником Назаровым, произво-

дится на побережье Азовского моря в районе Таганрога; второй под начальством генерала Улагая на побережье Кубани. Обе попытки, после некоторых первоначальных успехов, кончаются крахом, и большинство высадившихся гибнет. Остатки перевозятся обратно в Крым, и борьба, таким образом, опять локализуется к северу от перешейков.

Наступление поляков, начавшееся весной, в значительной степени облегчило задачи Врангеля. Отвлечение наших сил на польский фронт не позволило быстро собрать достаточные силы и ликвидировать в самом начале внезапно выросшую угрозу новой серьезной контрреволюционной опасности.

Две наших попытки разгрома армии Врангеля в Северной Таврии, предпринятые в июле и августе, кончаются неудачей. После этого принимается решение подготовить для ликвидации врангелевщины вполне достаточный кулак и тогда уже обрушиться на него. В сентябре месяце из состава Юго-западного фронта выделяется Южный фронт. Начинается интенсивная подготовка общего наступления. Врангель, чувствуя надвигающуюся опасность, со своей стороны развивает кипучую боевую деятельность. Неблагоприятная для белых политическая обстановка, создавшаяся с заключением нами перемирия с Польшей, заставляет Врангеля на время отказаться от выполнения широких планов и в ожидании более благоприятной обстановки поставить задачей обеспечение занимаемого им положения. Им принимается правильное решение достичь обеспечения путем активных отдельных операций, ставящих своей целью уничтожение наших сил по частям, недопущение перегруппировок и срыв нашей наступательной операции крупного решающего масштаба.

Сентябрь 1920 г. и начало октября заполнены, как раз, операциями подобного рода. В середине сентября Врангелем наносится сильный удар на севере в Александровском направлении. В результате ряда упорных боев наши части, прикрывающие это направление, опрокидываются и к 20 сентября с большими потерями, оставив г. Александровск, переправляются на правый берег Днепра. С занятнем станции Синельниково Врангелю открывается беспрепятственный путь на север, где у нас не было тогда совершенно войск. Но, не

соблазняясь этим, его дальнейший удар направляется на восток, против наших частей, прикрывающих подступы к Донбассу. В общем итоге бои в этом направлении окончились с несомненным тактическим перевесом на стороне белых, но в то же время с полным удержанием нами способности к активной деятельности. Повидимому, Врангелем здесь была допущена известная переоценка своих успехов. Об этом заставляет думать начало третьего удара, предпринятого лучшими его силами 8 октября в западном направлении на правый берег Днепра. Удар этот мог быть предпринят лишь при наличии абсолютной уверенности в том, что никакой серьезной опасности ни с севера, ни с востока не угрожает. Это оказалось неверным, и в результате — бои на правом берегу Днепра 8—14 октября в районе Кичкас — Никополь — ст. Ток — Грушевка кончились полным поражением Врангеля.

Именно в этот момент определилось стратегическое крушение Врангеля. Удайся ему этот удар, тогда поколебалось бы всё наше положение на Правобережьи, и стягивавшиеся здесь ударные массы могли бы быть опрокинутыми. Конечно, этим исход борьбы в пользу Врангеля не решался, но самый процесс ликвидации мог затянуться на неопределенно долгое время.

С момента же крушения этой попытки разгрома нашей правобережной группы стало ясно, что песенка Врангеля спета. Инициатива из его рук уходит окончательно, он едва успевает совершить соответствующие перегруппировки, как началось наше последнее решающее наступление, предпринятое всеми силами фронта.

Начавшись 25 октября нажимом с востока и севера, поддержанное далее 20 октября ударом от Никополя, оно завершается стремительным наступлением от Каховки, ведущимся в двух направлениях: к югу на Перекоп и к северо-востоку для окружения всех войск, действовавших к северу от перешейков. К 3 ноября генеральное сражение закончилось. Только ядро врангелевской армии проскользнуло в Крым, всё остальное или осталось на месте боя, или попало к нам.

8 ноября начинается заключительный аккорд «врангелиады». Наши части начинают штурм Перекопа и Чонгара.

11-го мы врываемся в Крым. 13-го садятся на суда последние остатки белой армии, во главе с Врангелем, и этим кончается страшная и грозная эпопея вооруженной борьбы труда с капиталом.

Оглядываясь сейчас на минувшие дни славной борьбы и пытаясь дать им историческую оценку, невольно приходишь к выводу, что в лице Врангеля и руководимой им армии наша родина, несомненно, имела чрезвычайно опасную силу. Во всех операциях полугодичной борьбы Врангель, как командующий, в большинстве случаев проявил и выдающуюся энергию и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то и о них приходится дать безусловно положительный отзыв.

Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым 2 и 3 ноября. Окруженные нами со всех сторон, отрезанные от перешейков, врангелевцы всё-таки не потеряли присутствия духа и хотя бы с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров. Тем более чести приходится на долю славных борцов Южного фронта, сумевших раздавить опасного и сильного врага. Как раз год прошел со времени героических событий борьбы с защитниками южно-русской контрреволюции; год с тех пор, как заглохли последние раскаты пушечной пальбы на полях Северной Таврии и в теснинах Перекопа и Сиваша. По всему лицу великой Советской земли рассеялись герои-бойцы, решившие участь Врангеля. Вероятно, каждый из них вспомнит былое, вспомнит о жертвах и страданиях Красной Армии, бившейся за счастье трудового народа. Пусть же и к ним, героям-бойцам, отнесутся с должным вниманием и любовью рабочие и крестьяне. Пусть память об этих днях, совпадающая с памятью о великой Октябрьской революции, послужит новой связью, новым скреплением всей рабоче-крестьянской семьи и ее вооруженной силы в одно великое, могучее, непреодолимое целое. Пусть также вспомнит каждый из нас о тех десятках тысяч бойцов, которые закрыли глаза навсегда в дни славных сражений, которые жизнью и кровью своей закрепили торжество труда.

Вечная память и слава им всем!

Еще два слова о Врангеле. Он всё еще жив. Живы и целы и остатки его армии. Рассеянные по разным странам Балканского полуострова, они продолжают сохранять военную организацию в ожидании удобного момента для новых попыток переворота. У всех их порваны связи с трудовой жизнью; это типичные наемные банды, которым нечего терять, которым живется плохо теперь и которые надеются все приобрести в случае удачи контрреволюции. Об этом нужно твердо помнить и нужно быть готовыми в любой момент в самом зародыше раздавить возможную опасность. Да послужит нам в этом отношении добрым уроком история врангелевщины, которую так легко могли бы уничтожить в зародыше и которую с таким трудом и с такими неоценимыми потерями для нас пришлось преодолевать на деле. Пусть еще и еще раз каждый рабочий, каждый крестьянин подумает о том, что время полного отдыха, свободного от всяких внешних угроз, еще не настало.

Враг на-чеку. Будем же на страже и мы.

„Коммунист“, № 251, 7 ноября 1921 г.

1 9 2 2

ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА

Четвертая годовщина Красной Армии... Как много радостно-горячих мыслей, бодрящих и ярких надежд и уверенно-крепких настроений невольно рождается в сознании от этих слов...

В момент полного распада старых государственных связей, в обстановке отчаянной хозяйственной разрухи, всеобщего утомления и усталости после империалистической войны получила свое начало первая, и пока единственная в мире, Рабоче-Крестьянская Армия.

Кипучая, неиссякаемая энергия пролетарского класса, его железная воля «к власти» как средству уничтожения буржуазного мира дали ей организующую идею и определили смысл ее бытия. Живая помощь рванувшейся к новой жизни деревенской бедноты облекла армию плотью и кровью десятков миллионов рабочих земли и тем придала ей несокрушимую силу.

И с тех пор незыблемо, как скала, стоит и крепнет все больше и больше вооруженная мощь рабоче-крестьянской страны. И пока крепок союз работников города и деревни (а он прочен и крепок, несмотря на все старания врагов его надломить), будет крепка и сильна рожденная этим союзом Красная Армия, часовой Советской земли, живое воплощение его прочности и неразрывности.

Суровы и тяжки пути революции. Миллионы преград бросает перед ней явно умирающий, но все еще крепкий старый капиталистический мир. Судорожно мечется он в поисках выхода из им самим созданного порочного круга всеобщего обнищания, озверения, вражды и ненависти. В рамках старого мира этого выхода нет. Вот почему уверенно и мерно шагает вперед пролетарская рать. Вот почему в сознании и сердце ее нет сомнений и страха даже тогда, когда пелена тумана, сотканного из буржуазной хитрости, коварства, лжи и злобы, порой застилает пути.

В ее грядущей конечной победе сомнений нет. Это столь же необходимо и неизбежно, как неизбежна была в общем ходе истории победа Рабоче-Крестьянской Армии на поле брани, победа измученной, истерзанной, голодной и нищей России над страшной мощью до зубов вооруженной Антанты.

Итак, вперед и смелей за работу — по городам, деревням, штабам и полкам, по фабрикам, шахтам, заводам. Пусть эта работа ускорит наш путь к полной победе мира трудящихся; пусть пятая годовщина настанет в момент их торжества и вне и внутри.

Позади мы оставили цепи, —
Впереди нас ожидает весь мир.

„Армия и революция“, № 2, 1929 г.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ КОМАНДНОГО И КОМИССАРСКОГО СОСТАВА ВОЙСК УКРАИНЫ И КРЫМА И ФЛОТА ЧЕРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ 1 МАРТА 1922 г.

После ликвидации внешних фронтов, когда Красная Армия получила возможность впервые более или менее свободно вздохнуть, сейчас же в наших рядах стало наблюдаться чрезвычайно сильное оживление военно-теоретической мысли. Ряд совещаний командного состава, происходивших в различных уголках нашего социалистического отечества, ряд статей, которые появляются на страницах быстро развившейся военной прессы, говорят о наличии глубочайшей по-

требности подвести итоги пережитому прошлому, дабы сделать оттуда выводы на потребу завтрашнего дня. Правда, особых практических результатов от этой работы и опыта пока было немного. Иначе, впрочем, и быть не могло, ибо минувший 1921 год, который Красная Армия провела в условиях относительного затишья, был целиком занят работой по ее реорганизации и сокращению. Эта работа, как вы знаете, происходила в неимоверно тяжелых условиях. Она требовала от нас выявления всей нашей энергии, всех наших сил и поэтому не оставляла времени для исправления прежних недочетов в деле боевой подготовки наших войск, в деле улучшения их качественного состава.

Только теперь, в 1922 г., когда нашу реорганизационную работу в основных чертах можно считать законченной, мы можем вплотную подойти к вопросам боевого воспитания и обучения наших бойцов. Эта возможность уже учтена нашим главным командованием, бросившим недавно клич о том, что наступивший 1922 год должен стать годом обучения, «учебы» Красной Армии. В этом году мы должны восполнить все пробелы нашей боевой подготовки, должны из тех молодых возрастов, которые находятся сейчас в рядах армии, создать квалифицированную военную силу, сознательную политически и в то же время стоящую на уровне современных военных требований. Перед нами сейчас же возникает вопрос о тех условиях, которые необходимы для того, чтобы с этой задачей справиться наилучшим образом. Для всех тех, кто соприкасался с жизнью армии, кто знаком с пробелами в деле ее подготовки, не подлежит сомнению, что одним из первых и главных условий успешного проведения такой работы является создание более или менее благоприятной материальной обстановки. В этом отношении до последнего времени дела у нас были далеко не блестящими, и, несмотря на ряд принятых мер, они оставляют и теперь желать много лучшего. Улучшение условий казарменной жизни, питания и общего снабжения всегда будет играть решающую роль и требует поэтому сосредоточения внимания и усилий не только правительственного аппарата в целом, но прежде всего, и самой Красной Армии и ее командного состава.

Следующим важным условием для успешного хода работы воспитания является наличие в армии единых взглядов по всем основным вопросам военного дела. Это единство взглядов, которое должно создать в армии единство мысли и воли, превратить ее в мощную, крепко спаянную организацию, является обязательной предпосылкой планомерной работы воспитания и обучения.

Сумму этих взглядов на характер лежащих перед армией военных задач, способ их разрешения и пр., — взглядов, устанавливающих в своей совокупности единое военное мировоззрение, принято называть военной доктриной.

Некоторые товарищи находят слово «доктрина» не особенно удачным, так как с ним сразу же связывается представление о чем-то неподвижном, догматическом и шаблонном. Дело, конечно, не в названии; мне тоже кажется, что это слово не особенно правильно и недостаточно отчетливо дает представление о том комплексе идей, который связан для меня с понятием о единстве взглядов в армии. От «доктрины» действительно веет чем-то доктринерским, противоположным тому духу творчества, инициативы и активности, которые как раз должны быть наиболее характерным свойством доктрины нашей армии. Важным представляется существо дела, а оно сводится к следующему:

- 1) Красная Армия должна воспитываться и обучаться на основе единых понятий, единых взглядов по всем вопросам, связанным с ее деятельностью и задачами;

- 2) это единство должно охватить и пропитать все стороны, все проявления ее жизни как в мирное, так и в военное время.

Жизнь армии складывается из двух моментов: политического и чисто военно-технического.

К политическому относится все то, что вытекает из связи Красной Армии с общим строем нашего государства и нашего социального быта. Сюда относится, в первую очередь, определение характера основных военных задач, лежащих перед нами, установление основ военного строительства, внутреннего быта армии, характера взаимоотношений между со-

ставными ее элементами и, наконец, политического воспитания каждого бойца как гражданина Советской республики.

С другой стороны, под моментом чисто военно-техническим я понимаю все те вопросы, которые связаны с боевой подготовкой войск, с конкретными формами войсковой организации, методами и приемами вождения войск и пр.

Определив, таким образом, основу, на почве которой должны производиться воспитание и обучение армии, мы, естественно, должны, прежде всего, спросить себя: существует ли эта основа в Красной Армии в настоящее время?

На этот вопрос мы можем дать совершенно определенный и точный ответ.

Несомненно, в области основных взглядов Красная Армия представляет собою спаянный и сплоченный во всех частях организм. Таким организмом она, по существу, была с первых шагов своего существования. Это совершенно понятно, так как организация и характер вооруженных сил страны теснейшим образом связаны с характером общего социального быта и, в частности, с природой общественного класса, стоящего у власти. И если мы обратимся к нашей политической работе, если присмотримся к тому, что я называл политической частью нашей военной идеологии, то здесь мы увидим полную законченность, определенность и ясность.

Красная Армия была создана рабоче-крестьянским государством, руководимым волей рабочего класса. Эта воля осуществлялась через единую коммунистическую партию. Рабочий класс и его партия имели перед собой совершенно определенные политические задачи как в области внутренней ориентировки, так и в области ориентировки международной. Наше пролетарское государство в строе других стран является государством совершенно иного типа. Свою основную задачу оно видит в изменении всего фундамента старого буржуазного мира, в создании совершенно новых общественных отношений и установлении новых общественных связей. В силу этого между ним и остальными государствами мира существует глубочайшее органическое противоречие, которое неизбежно должно толкать эти два типа государств на борьбу друг с

другом. Для рабочего класса и его партии бесспорным является то, что о длительном мирном совместном существовании этих разных типов государств, двух разных типов общественных строев, не может быть и речи. Единственным возможным для них положением является состояние антагонизма и борьбы. При этом совершенно необязательно, чтобы эта борьба имела форму открытых вооруженных столкновений. Она может принимать и другие формы, но основная сущность взаимоотношений от этого ни в малейшей степени не изменяется. Всегда и во все моменты своего существования эти государства будут находиться в состоянии непрекращающейся, ожесточенной, упорной борьбы!

Это основное положение, вытекающее из сущности рабочего государства, из всей сущности его идеологии, должно было, естественно, найти свое отражение и в принципах, положенных в основу строительства его вооруженных сил. И можно сказать, что Красная Армия с первых шагов своего существования явилась живым воплощением этих идей, живым воплощением принципа пролетарской диктатуры, принципа новой пролетарской государственности.

Все дальнейшее содержание нашей военно-политической работы вытекало отсюда. Та борьба, которую мы вели с идеологией враждебных нам общественных группировок, все ее разнообразные формы и методы целиком вытекали из сказанного. Таким образом, в области политической идеологии Красной Армии мы имеем перед собой определенное единство, определенную цельность и определенную законченность.

Основные вопросы, которые вправе и обязан поставить себе каждый красноармеец и каждый командир, желающий быть достойным своего назначения, сводятся в этой области к следующему: для чего, для каких целей мы сформировали, создали и укрепляем теперь нашу Красную Армию, какова природа этой армии, как она должна быть построена, чтобы наилучшим образом удовлетворять своему назначению.

На эти вопросы мы имеем от нашей пролетарской государственности совершенно определенный и точный ответ. Он дан уже в том постановлении рабоче-крестьянского правительства, которое впервые объявило необходимость создания

Красной Армии. Из этого декрета мы, прежде всего, узнаем, что основной задачей Красной Армии являются обеспечение и защита пролетарской диктатуры от покушений внутренней и мировой контрреволюции. Задача эта может быть выполнена лишь с такой армией, которая по своему составу и духу будет действительно пролетарской. Отсюда — строгое проведение классового принципа в Красной Армии.

На принципе пролетарской классовой армии пролетарского государства не может быть и не будет армией народной в старом смысле этого слова. Она должна быть армией рабочих и крестьян, т. е. трудовых классов, держащих в пролетарском государстве власть в своих руках. Около этого пункта, как вы знаете, в первые моменты существования Красной Армии развернулась ожесточенная политическая борьба. И наш старый командный состав, пришедший к нам из старой царской армии, в большинстве своем лишь с величайшим трудом мог порвать с привычным прежним представлением и стать на точку зрения новых взглядов. Он стоял за принцип армии народной. Практически же этот принцип означал господство эксплуататорских классов. Представителям мировоззрения рабочего класса суть вопроса была совершенно ясна. Мы отнюдь не хотели скрывать ни от себя, ни от других истинной сущности наших целей. Мы всегда говорили открыто и прямо, что наша армия есть армия пролетарская, что она должна состоять из трудящихся элементов. Идеи единого народа для нас не существовало, и наша армия обязана защищать интересы именно тех, которые ее в своей массе образуют.

По существу, постановка вопроса нашими политическими противниками была той же самой. Никогда в прежнее время никакой народной армии не существовало и существовать не могло. Так называемые народные армии любой эпохи по существу являлись армиями, представлявшими интересы не народа, а господствующих классов. Слово «народный» было лишь проявлением политического лицемерия этих классов, которым нельзя было открыто сказать, что, например, армия царская была армией царей и помещиков. Для рабочего класса, имеющего за собой живую симпатию широких масс,

никакой надобности в этом обмане нет. Мы знаем, что открытое признание характера нашей армии может только сблизить и скрепить с нами широкие народные массы. Поэтому мы с самого начала резко и определенно поставили вопрос о создании не какой-то мифической «народной» армии, а армии пролетарской, армии рабочих и крестьян.

Те политические идеи, которые должны были сделать из солдат этой армии сознательных бойцов за рабоче-крестьянское дело, были нам даны целиком идеологией рабочего класса — программой коммунистической партии³³. Эти идеи пришли на смену тому, что вдалбливалось прежде в головы солдат царской армии. Вы все это помните. Это были принципы православия, самодержавия и народности. Этим принципам мы противопоставили свои, пролетарские: учение революционного коммунизма, международной солидарности всех трудящихся и советской власти как специфической формы пролетарской диктатуры. Таким образом, в области политической жизни на смену старой идеологии умирающего буржуазного мира пришла новая идеология — пролетарская. Идеология нового класса, ставшего у власти, нашла свое отражение и во внутреннем быту Красной Армии. Понятие о дисциплине изменилось. Вместо механического подчинения, основанного на страхе и насилии, создается дисциплина солдата-гражданина, сознающего внутренне необходимость подчинения. Служебные перегородки значительно стираются, и Красная Армия является самой демократической армией в мире.

Таким образом, в этой части нашего военного мировоззрения ничего неясного, ничего неопределенного для нас быть не могло, и все эти положения нашли более или менее законченное выражение во всех тех наставлениях, приказах, постановлениях и декретах, которые были опубликованы за время существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Здесь остается лишь завершить работу систематизацией всего сделанного и дальнейшей разработкой деталей.

Не совсем так обстоит дело с другой частью нашей доктрины, с ее военно-технической частью.

Здесь нужно, прежде всего, признать, что ни о каких об-

щих для всех взглядах не могло быть и речи уже потому, что у многих работников не успели еще сформироваться самые взгляды. До известной степени так обстоит дело, пожалуй, еще и сейчас. Поэтому нашей настоятельной задачей является скорейшее подведение итогов прошлого опыта именно в этой части.

Все элементы этой половины нашей военной доктрины имеются; они заключаются в опыте красных командиров, в опыте всей Красной Армии, взятой в целом, и нам теперь нужно лишь все эти отдельные части и элементы свести в единое целое, обобщить их, воплотить в определенные формы и затем провести через наши наставления, уставы и военно-учебные программы. Тогда мы получим недостающие нам для правильной работы по подготовке армии единство, законченность и стройность.

Первым вопросом, возникающим здесь перед нами, является то, каков будет характер военных столкновений, предстоящих нам в ближайшем будущем. Вопрос этот заключается в себе две стороны: политическую и чисто военную, техническую. По первой части ответ вытекает из того, что уже было сказано по поводу характера нашего пролетарского государства. Красная Армия, как указывалось выше, создавалась для утверждения пролетарской диктатуры. Что ей угрожало? Угрожало, во-первых, внутреннее контрреволюционное движение помещичьего и буржуазного класса. Это — первая причина, заставившая нас приступить к созданию армии и открытию боевых действий. Помимо этого, существованию пролетарской государственности угрожал и продолжает угрожать международный капитал. Мы в любой момент должны быть готовы к отражению нападения с его стороны. И не только к этому. Отнюдь не исключена возможность такой обстановки, при которой пролетарскому государству, быть может, придется взять почин действий на себя. Об этом прямо говорит уже упоминавшийся мною декрет российского рабоче-крестьянского правительства, установивший в качестве одной из задач Красной Армии поддержку пролетарской революции в Европе.

Стало быть, если общая международная обстановка будет

такова, что помощь, оказываемая извне, может дать решающие политические и военные результаты, то эта помощь должна быть и будет оказана.

Каков же будет характер, с чисто военной точки зрения, этих столкновений? Наиболее удачным термином для обозначения столкновений этого рода является термин революционных войн. Что такое революционная война? Это война, которую ведет страна, произведшая революционный переворот, страна, ставшая в непримиримые социальные, экономические и политические противоречия со старыми государствами, еще сохраняющими свою прежнюю сущность. Такие войны вела, например, Франция после своей великой революции. Такие же войны, вероятно, придется вести и нам в том случае, если мы станем объектом враждебного нападения или если международная обстановка вынудит нас самих взять почин действий на себя.

Революционные войны характеризуются тем, что в них в значительной степени стираются общенациональные признаки и моменты и выступают моменты классовые. Война революционная есть, по существу, война классовая. Здесь будут бороться не нация с нацией, не народ с народом, а определенные общественные классы, имеющие сторонников в обоих враждебных лагерях. В зависимости от степени созревания революционного процесса этот классовый характер будет проявляться с большей или меньшей яркостью или выпуклостью. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Красная Армия в больших или меньших размерах, но обязательно будет иметь сторонников и друзей по ту сторону фронта. Указанное обстоятельство приводит к тому, что самые условия военных операций будут в значительной степени разниться от того, что имело место в минувшую империалистическую войну.

Благодаря искусной и умелой политической обработке буржуазным странам во время минувшей войны удалось создать полностью или почти полностью единство в настроениях народных масс; удалось создать такую обстановку, при которой была исключена возможность осложнений внутреннего порядка и нарушения этим единства национальной обо-

роны. Может ли сохраниться это положение и теперь? Все то, что мы знаем о внутренних процессах, происходящих во всех странах мира, об их хозяйственном и политическом положении, говорит решительно за то, что такое положение абсолютно невозможно, что всякая война одного государства с другим будет связана с неизбежным обострением классовой борьбы внутри государства, что это обострение может вылиться в форму открытого вооруженного движения трудящихся масс против существующего режима.

Поэтому характеристика, данная мною этим будущим революционным войнам, вполне вытекает из современного мирового положения. Таков первый вывод, который мы должны сделать в отношении характера наших будущих столкновений. Этот вывод заставляет нас соответствующим образом вести и работу по организации наших вооруженных сил, по их боевой подготовке.

Раз мы не сможем политически оставаться на положении только обороны, то и наша Красная Армия должна быть и технически и психологически подготовлена для разрешения задач всякого рода. Она должна быть подкована на все ноги. Вы знаете все, что в данный момент, при данных условиях международной обстановки, никто в Советской России не помышляет о развитии каких-либо активно-наступательных операций. Все наши желания и наши задачи сводятся к тому, чтобы всячески избежать опасностей войны, чтобы работать мирно над воссозданием разрушенного империалистической и гражданской войнами нашего хозяйства. Самым верным средством обеспечить мир является укрепление мощи Красной Армии. Такова практическая задача настоящего дня.

Но, работая всемерно над претворением этой задачи в жизнь, Красная Армия и, в частности, мы, красные командиры, руководящие ее боевой подготовкой, должны вести работу так, чтобы Красная Армия всегда была действительным орудием защиты пролетарских интересов в мировом масштабе.

Теперь я перейду к содержанию тех стратегических и тактических идей, которые должны лечь в основу боевого воспитания наших командиров и бойцов.

Гражданская война, как вы все знаете, характеризуется наличием в ней ряда моментов, резко отличающих ее от войн минувшей империалистической эпохи. Наиболее характерными из них являются величайшая маневренность и величайшая подвижность всех операций гражданской войны. В области тактики широкое применение имела практика образования ударных массовых кулаков. Затем проявлялось яркое стремление искать решения путем энергичных наступательных операций. Эти моменты, наряду с теми особенностями внутреннего быта и организации Красной Армии, которые вытекают из изменившегося существа нашего государства, дают многим повод думать, что и в области методов боевых действий нами создано что-то новое, еще невиданное и неизвестное миру, что мы создали в процессе нашей борьбы новую тактику и стратегию, что мы опрокинули принципы старого военного искусства.

Нужно сразу же сказать, что такая оценка является совершенно неверной. Конечно, в принципе правильно то, что раз в известном государстве произошел радикальный переворот, раз у власти стал новый общественный класс, раз изменилась природа внутренних общественных взаимоотношений, то этот переворот должен найти свое отражение во всех других областях жизни, и, в частности, в области военного дела. Из сказанного выше о природе и характере нашей Красной Армии уже видно, как сказался этот переворот в военном деле. Если мы посмотрим на общую физиономию Красной Армии, на сплоченность верхов и низов, командного состава с рядовой красноармейской массой, на существующую в ней систему дисциплины и пр., то мы ясно увидим всю разницу между нею и армией любой буржуазной страны. Что же касается области стратегии и тактики, то здесь, по моему мнению, мы не можем отметить наличия каких-либо глубоких, радикальных изменений. Я думаю, что в случае укрепления пролетарского государства, в случае полной эмансипации рабочего класса, конечно, будут неизбежные изменения и в этой области. На это указывали наши великие учителя Маркс и Энгельс.

Между прочим, я должен заметить к вашему сведению,

что Энгельс, который был одним из основателей научного социализма, был также и крупным военным и всегда живо интересовался вопросами военного дела. В наследство от него нам достался целый ряд трудов, к сожалению, плохо нам известных, так как небольшое лишь количество из них переведено на русский язык. Энгельс указывает, что в результате социального переворота произойдет переворот и в военной науке, что рабочий класс, взяв власть в свои руки, сумеет дать новое содержание военным взглядам и сумеет создать новые методы в области тактики и стратегии³⁴. Но все это возможно лишь на почве колоссального расцвета техники. На первых же порах существования пролетарской власти рабочий класс должен будет пользоваться всем тем наследством, которое достанется ему от старого режима, и будет бороться его методами и приемами.

Мы знаем все, что тактика и стратегия в своей прикладной части менялись с изменением рода оружия. Всякая тактика соответствует определенной исторической эпохе; если изменяется род оружия, вводятся новые технические усовершенствования, то вместе с этим меняются и формы военной организации и методы вождения войск. Имеет ли это место в применении к Советской России?

В настоящий момент — ничего подобного. Напротив, мы имеем перед собой не рост нашей техники, а даже некоторый регресс, не расцвет и увеличение наших производственных сил, а некоторое, несомненно временное, но все-таки их ослабление.

Поэтому ничего принципиально нового Красная Армия в области тактики и стратегии не внесла и вынуждена пользоваться в своей борьбе теми методами, той техникой и теми приемами, которые существуют и существовали в прежнее время.

Но вместе с тем явившийся результатом революции ряд особенностей в методах борьбы Красной Армии, несомненно, есть. Я имею в виду изменение самого человеческого материала в рядах Красной Армии. Революция чрезвычайно сильно изменила его состав и характер. Мы имеем сейчас в Красной Армии руководство за пролетарским элементом,

мы имеем армию действительно рабоче-крестьянскую. Это изменение солдатского и особенно командного материала должно было сказаться и сказалось и в способах боевых действий, применявшихся Красной Армией.

Рабочий класс представляет собой класс по преимуществу революционный, класс в величайших размерах активный, класс, который стремится к совершению невиданного миром переворота. Эта классовая особенность проявляется в величайшей активности, инициативности, в способности к организации, объединению и к действиям большими организованными массами как у отдельных его представителей, так и у всей пролетарской массы, взятой в целом. Здесь имеется существенная разница между психологией рабочих, с одной стороны, и крестьян — с другой. Эта разница резко сказалась в боевой практике нашей Красной Армии.

В противоположность рабочему классу, способному к организованным массовым действиям, крестьянство, живущее в совершенно других социальных условиях, не может похвалиться этим качеством. Крестьянство, распыленное, разбросанное по отдельным уголкам, привыкшее действовать либо в одиночку, либо совершенно небольшими массами, выявило соответствующие черты в методах военных действий. Крестьянство — отец партизанщины. Партизанщина же есть не что иное, как военное выражение психологического уклада нашего крестьянства. Крестьянин выступает на поле брани потому, что он борется против опасности контрреволюции, но крестьянин не может по своей внутренней природе, по своему внутреннему укладу быть сторонником методов борьбы, требующих массового объединения, массовых организаций.

И мы видим как на всем протяжении существования Красной Армии шла борьба этих двух начал. Мы знаем как трудно было рабочему классу при его слабой численности преодолеть партизанские настроения и подготовить основу для новой тактики. Но в отношении Красной Армии, как она отлилась в итоге нашего боевого опыта, нужно сказать, что крестьянская идеология руководящей роли не имеет. Внутри Красной Армии в полной мере царит дух пролетариата. Организация, методы борьбы, цели — все пропитано

чувствами и настроениями рабочего класса, хотя он в рядах армии далеко не составляет большинства.

Этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется в значительной мере то, что маневренность с ее величайшей подвижностью нашла такое широкое применение в боевом опыте Красной Армии. Правда, мы не должны переоценивать это обстоятельство; ясно, что маневренный характер операций зависел не от этих внутренних качеств классовой природы пролетарских элементов, руководящих армией, но от ряда чисто объективных условий. Ведь маневренность операций наблюдалась не только с нашей стороны, но и со стороны наших противников! Это объясняется чисто объективными моментами: величиной театров военных действий, безграничностью наших земельных пространств и т. п. Армии той и другой стороны не соответствовали по своей численности территории, и, конечно, уже это одно принуждало воюющие стороны прибегать к подвижным действиям и искупать недостаток количества маневренностью действий ударных групп. Но, повторяю, наряду с этими чисто объективными условиями здесь, несомненно, роль, и притом очень крупную, играли моменты, вытекающие из классовой природы Красной Армии, из духовных свойств руководящих ею пролетарских элементов.

Следует отметить, что в самой природе гражданской войны, как войны классовой, уже существуют данные, требующие максимального развития решающих операций маневренного типа. Это вытекает из того, что гражданская война, как война классовая, должна быть решающей по преимуществу. В случае национальной войны, государства, стремясь к полному разгрому, на худой конец могут примириться и с половинчатыми результатами. Они могут ограничиться достижением определенных преимуществ и заключить соглашение, устанавливающее возможность дальнейшей мирной связи. Совсем не то при войне классовой, при войне гражданской, — исходом ее может быть только полный разгром одной стороны; половинчатые решения, раз война началась, невозможны. Это обстоятельство, несомненно, точно так же нашло свое отражение в стремлении обеих сторон добиться цель-

ного и законченного решения. Здесь нельзя было остановиться на полпути. Нужно было победить полно и всеобъемлюще.

Вот те моменты, с одной стороны, чисто объективные, а с другой — вытекающие из существа классовой, гражданской войны и самой природы участвующих в ней сторон, которые должны были сказаться на общем ходе наших операций и методах борьбы. Спрашивается: насколько этот принцип маневренности, так ярко сказавшийся в гражданской войне, может найти применение в будущих наших революционных войнах?

На этот вопрос мы должны дать ответ, исходя из тех же самых предпосылок, которые я излагал. Мы должны вспомнить, что революционная война хотя и не будет точной копией войны гражданской, но в значительной степени будет приближаться к ней.

Момент объективный, в виде наличия большой территории, сохраняет и здесь свое значение почти полностью. Таким образом, рисуя объективные условия будущей войны, мы должны сказать, что все то, что сказывалось на определенном характере операций Красной Армии в минувшую гражданскую войну, в той или иной степени будет оказывать свое действие и впредь. Поэтому, даже отвлекаясь от вопроса о том, насколько целесообразен с чисто военной точки зрения маневренный характер операций, мы должны сказать, что такой характер для будущих операций будет неизбежен, ибо он определяется основными, решающими моментами, лежащими вне нашей воли и вне нашего воздействия. Но и с точки зрения военной целесообразности, по моему мнению, не может быть ни малейшего сомнения в том, что маневренность должна войти в плоть и в кровь нашей Красной Армии.

На обучении и подготовке Красной Армии и ее командного состава к быстрому и смелому проведению марш-маневров должно быть построено дело нашего боевого воспитания. Следует иметь в виду, что только маневренность позволит нам искупить недостаток нашей техники. Мы должны всегда помнить, что, несмотря на все стремления к достижению технического совершенства, сравняться с нашими противниками в этом отношении мы будем не в силах, и здесь принцип ма-

невренности, подвижности и активности в значительной степени даст нам возможность уравновесить наши шансы. Таким образом, и с точки зрения целесообразности и с точки зрения объективной необходимости, Красная Армия, готовясь к будущей войне, должна будет особенно культивировать свои маневренные качества.

Но и здесь нельзя пересаливать через край. В нашей среде встречаются лица, которые думают, что, утвердившись на принципе маневренности, мы можем совершенно махнуть рукой на все то, что связано с так называемой позиционностью, что вытекает из опыта империалистической войны. Такой вывод, конечно, является величайшим заблуждением и чреват большими опасностями для Красной Армии. Такое голое и такое резкое противопоставление этих принципов вообще является неправильным. Никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности. Самое обеспечение маневра требует уже в известной обстановке и при известных условиях применения позиционных приемов. Поэтому ознакомление Красной Армии с этими формами борьбы является настоятельной необходимостью для каждого красного командира.

Правильным будет лишь тот вывод, что позиционные формы войны с характерным для них длительным состоянием неподвижности и устойчивости линий фронта ни в коем случае не могут быть основными, преобладающими формами наших ближайших столкновений.

В самом деле, если мы посмотрим, на какой почве и почему выросли позиционные формы войны, то мы увидим, что такой почвы в условиях наших будущих войн не имеется.

Позиционность создавалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линий фронта.

Поэтому и с точки зрения объективной возможности и с точки зрения военной целесообразности принцип позиционности как преобладающая форма военных операций для нас является исключенным. Но, повторяю, это отнюдь не служит поводом для командира Красной Армии отказаться от необходимости в полной мере ознакомиться с этими способами борьбы. На нашей западной границе, где театр военных действий будет менее значительным по размерам и где в случае необходимости нам придется обеспечить маневренные действия неподвижным стоянием и защитой на определенных позициях, нам весьма и весьма пригодятся те знания, которые дает опыт минувшей империалистической войны.

Таким образом, вывод получается такой, что основной преобладающий характер наших будущих операций будет маневренный. Но вместе с тем эта самая маневренность требует широкого и полного знакомства с позиционными формами ведения войны. Вообще здесь нужно каждому красному командиру твердо усвоить, что самым опасным делом для нас является рутинерство, увлечение какой-нибудь определенной схемой и каким-нибудь определенным методом. Красный командир должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением. Сущность этого метода сводится к тому, что для нас не может быть ничего абсолютного и застывшего; все течет и изменяется, и всякое средство, всякий метод может найти свое применение в известной обстановке. Искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время.

Другим моментом, характеризующим действия нашей Красной Армии, является их наступательность. Я уже отмечал причины, вызывающие необходимость при известных условиях наступательного характера наших операций. Сейчас я буду говорить лишь об относительной целесообразности наступления и обороны с точки зрения чисто военной. Существует взгляд, что и с этой точки зрения наступление на основании опыта империалистической войны не представ-

ляет преимуществ перед обороной и что не следует культивировать духа наступательности как составной части военного мировоззрения каждого командира и каждого рядового. Такого рода взгляды особенно стали развиваться в результате минувшей империалистической войны. Так, во Франции колоссальные потери в результате первоначальных наступательных операций французской армии заставляют многих представителей военного мира Франции, а также и гражданского мира поднять вопрос о пересмотре старых взглядов в этом отношении. Упорно стала проводиться и выдвигаться идея, что оборона, если ее только проводить планомерно и сознательно, имеет даже преимущества над наступлением.

Вопрос этот для нас чрезвычайно важный и коренной; от ответа на него зависит весь характер боевого воспитания нашей Красной Армии. Я лично принадлежу к числу тех, которые не согласны с только что охарактеризованными мною настроениями и взглядами. Уже Маркс в своей брошюре о гражданской войне во Франции говорил, что наступление является самым лучшим видом обороны. Не правы те, кто думает, что наступление может действовать на психологию противника, лишенного средств или очень слабого, а на противника, сознающего свою силу, атака не производит угнетающего впечатления. Каждый из нас на своем личном опыте знает, как инициативный, хотя гораздо более слабый противник путает все расчеты врага, расстраивает его планы и одерживает победу.

Поэтому я считаю необходимым со всей решительностью бороться с такого рода настроениями. Я считаю, что нападение действует всегда на психологию противника тем, что уже одним этим обнаруживается воля более сильная.

Я сам из своего собственного опыта могу привести массу примеров, подтверждающих правильность этого. Приведу два случая. Один относится ко времени моего пребывания на Восточном фронте, когда мне пришлось командовать Южной группой армий фронта против армии Колчака, двигавшегося к Симбирску и Самаре. Я припоминаю обстановку, в которой работал мой штаб в Самаре. Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге; мы едва удерживали Оренбург,

окруженный с трех сторон; защищавшая его армия все время стремилась к отходу; к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной; но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое.

В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, бывшего тогда в руках Вацетиса. Он стоял за продолжение отступления³⁵. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака. Надо пережить и перечувствовать всю тяжесть положения атакуемого, чтобы понять, какое преимущество имеет наступление перед обороной.

Другой случай — из борьбы с Врангелем. Он был всегда слабее нас; Красная Армия была, несомненно, сильнее его, но что же мы видим на деле? Сохраняя инициативу на своей стороне, производя постоянно наступления в том или ином направлении, он долго срывал нашу подготовительную работу, не давая возможности собраться с силами для нанесения решающего удара и даже одерживая крупные победы. Я вспоминаю один момент, когда мы готовились к последней решительной операции. Врангель в первых числах октября вновь попытался сорвать подготовку. Переправив ударную группу на днепровское правобережье в районе Александровска, он ударил по 2-й Конной армии и приданным ей частям пехоты.

Несмотря на то, что этот удар я ожидал и для отпора были стянуты превосходные силы, все-таки первоначально мы потерпели ряд крупных неудач. Для нас должно было быть ясно, что сторона, держащая инициативу, сторона, имеющая в своем распоряжении момент внезапности, часто срывает волю противника и этим самым создает более благоприятные

для себя условия. Военный критик говорит: «В конце концов побеждает тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы». Это совершенно верно, но дело в том, что момент атаки и наступления сам является составной частью этой силы. Самая атака, самое нападение усиливает атакующую сторону и дают ей больше шансов на успех. Я утверждаю, что атака и наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны. Наше мнение и наши взгляды должны быть в этом отношении определенными и решительными.

Два слова относительно наступательных действий из опыта империалистической войны 1918 г. Я держу сейчас в руках французскую книгу «Три года в Главной французской квартире»³⁶. Стоит лишь бегло просмотреть ее, чтобы еще раз убедиться в колоссальном преимуществе наступательной тактики. Здесь мы читаем, как волнуются французские штабы, не зная, где будет место решительной атаки. Немецкое наступление 21 марта и второе 27 мая³⁷ в отношении пунктов атаки были полной неожиданностью для французов и англичан, и в результате для них создалось почти катастрофическое положение.

Конечно, никакого догматизма у нас быть не может. Те выводы, которые получаются из нашего опыта, не являются чем-то абсолютным. Всегда может создаться такая обстановка, при которой отступление неизбежно или даже необходимо и полезно. Поэтому наши красные командиры должны воспитать себя и людей, подчиненных им, так, чтобы они рассматривали отступление как один из моментов в общем ходе наступательных операций. Отступление может оказаться нужным для того, чтобы создать лучшую обстановку для подготовки нового и решительного наступления. Здесь нужно считаться с сущностью дела, а не с внешними формами. Нужно считаться с основной целью операции. Что касается способов и приемов ее проведения, то здесь все комбинации в конечном итоге дают определенный и решительный результат.

Из последующих докладов вы познакомитесь с тем, какими средствами располагает современная техника. Я хочу лишь отметить то действие, которое технический момент должен оказать на самые принципы тактики и стратегии. Мно-

гое здесь, несомненно, придется пересмотреть под новым углом зрения. Многие должны предстать перед вами в новой обстановке, и с этой точки зрения наши старые уставы, наставления и т. д. должны подвергнуться самому коренному пересмотру. Это — первое. Второе, что вытекает отсюда, — это необходимость укрепления еще в мирное время самой тесной связи Красной Армии со всем тылом страны. Армия является только передовой, вооруженной частью всего народа, который должен быть подготовлен к ведению борьбы всей своей массой. Это положение вытекает из всего опыта гражданской и империалистической войн и сохраняет всю свою силу для всех операций, предстоящих нам в будущем. Для того, чтобы страна была готова к этому, необходимо заранее провести целый ряд предварительных работ; необходимо, выработать соответствующие мобилизационные планы для нашей промышленности, для сельского хозяйства; нужно мобилизовать для военных целей научную деятельность и т. д.

Только при наличии этих условий Красная Армия может рассчитывать на одержание решительных успехов в своих будущих войнах. В отношении связи с наукой у нас чувствуется особенно большой пробел. Представители науки в будущем будут играть, может быть, более важную роль, чем все мы, взятые в целом. К открытиям в области химии, механики нужно относиться как к решительным поворотным моментам в общем ходе военных действий. Сейчас наше внимание должно быть направлено к тому, чтобы с людьми науки установить самую тесную связь, чтобы эта связь являлась подготовительной силой в период нашей мирной деятельности и чтобы в момент новой войны все практические выводы были нами использованы в полной мере.

Есть еще и другие выводы. Я указывал вам здесь на маневренность и подвижной характер наших будущих операций; крупная роль будет принадлежать в этих условиях партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе, а отдельные группы войск планомерно и систематически воспитывать в духе подготовки к этим действиям. Другое средство, могущее при-

годиться в борьбе с техникой, — это широкая подготовка войск к ведению ночных действий. Ночные операции считались всегда важным моментом в общем ходе боевых действий; при новых завоеваниях техники роль ночных действий должна возрасти еще больше. Действия ночью позволят нам ослабить значение нашей технической отсталости. Если мы не ограничимся теми указаниями, которые существовали до сих пор в деле подготовки войск к ночным действиям, и если мы разработаем тщательную программу воспитания и обучения войск, если, наконец, мы сумеем провести в жизнь эти начала, то на театре будущих военных действий мы сумеем создать выгодную для нас обстановку и с большей надеждой на успех будем бороться с техническим превосходством нашего противника.

Я уже отметил необходимость заняться пересмотром наших программ, наших наставлений и уставов военного обучения. Эта работа и должна привести к созданию того самого единства в области методов ведения войны, которое сейчас настоятельно необходимо. Нам нужно будет эти наставления и уставы переработать на основе коллективного опыта Красной Армии, пересмотреть под новым углом зрения, создавшимся на почве изменившихся условий борьбы, и тогда эти уставы явятся систематизацией всего нашего опыта и спаяют армию в единый организм.

Кончая свой доклад, я перейду к некоторым практическим задачам, вытекающим из изложенных выше положений и из настоящей обстановки.

Из того вывода, который я сделал в отношении связи науки и Красной Армии, вытекает необходимость немедленного принятия всех мер к оживлению работы военно-теоретической мысли и привлечения к этой работе представителей науки. Навстречу этому идет самодеятельность в рядах Красной Армии, проявляющаяся в создании так называемых военно-научных кружков. Эти кружки уже образованы почти при всех учебных заведениях и различных курсах. Существуют уже также общества, которые являются объединениями более широкого и более глубокого характера. Таким, например, в Харькове является «Общество ревнителей воен-

ных знаний». С задачами его вас познакомят в особом докладе. Эта инициатива должна быть широко подхвачена. Необходимо развивать работу таких обществ, связывать их между собой и с имеющимся в Москве военно-научным центром и, таким образом, создать условия для широкого развития нашей военно-теоретической мысли.

В деле военно-политического воспитания Красной Армии мы должны обратить внимание на необходимость слияния двух линий: линии чисто военной и политической. Я думаю, что одним из наших громадных недостатков является то обстоятельство, что эти две линии не сливаются вместе, а идут параллельно. Конечно, в данный момент мы не сможем ставить вопрос радикально. Но, отказываясь от мысли немедленного разрешения этого вопроса в плоскости введения единоначалия, я считаю абсолютно необходимым, чтобы всякая практическая деятельность проходила под лозунгом всемерного слияния этих двух областей. Каждый беспартийный командир Красной Армии должен сознать, что он является командиром армии в Советской Республике, армии рабочих и крестьян. Из этого он должен делать соответствующие выводы. Он не должен рассуждать так, как раньше рассуждали и до сих пор рассуждают некоторые товарищи, а именно: «Я являюсь военным спецом и мое дело — вопросы технического порядка; политика же меня не касается». С этим пора давно покончить. Это не значит, что каждый красный командир должен быть членом коммунистической партии. Этого сама партия не желает и не допустит. Но в то же время абсолютно необходимо, чтобы каждый командир был действительно красным командиром, чтобы он интересовался вопросами политического характера, так как дело воспитания Красной Армии и ее обучения трудно разделить на резко разграниченные области — политическую и военную.

Воспитать красноармейца — это значит одновременно бить и на политическую и на военно-техническую стороны. Конкретно мне кажется, что такого рода принципиальная линия должна будет выразиться в целом ряде практических мер. Мы сейчас имеем уже богатую военную литературу. До сих пор у нас было так, что политическая часть велась от-

дельно и военная также. Нужно стремиться к тому, чтобы наша литература проводила разом и те и другие мысли, нужно сливать издания. К этому нас толкает и недостаточность наших ресурсов. Так мы дадим и командиру и политработнику возможность в одном месте извлекать для себя то, что им нужно как сознательному гражданину и как сознательному бойцу.

Клубную работу следует тоже вести в таком же направлении. У нас обыкновенно считают клуб местом обсуждения исключительно политических вопросов. Между тем вопросы военной техники не менее важны и для всякого политработника и для красноармейца. Однако они не находят себе здесь места и идут по другой линии, что глубоко ошибочно и является пережитком старых, отживающих взаимоотношений. С этим нужно покончить. Нужно сделать так, чтобы беспартийный командный состав принял участие в этой работе. Нужно сделать так, чтобы здесь, в клубе, освещались и ставились вопросы и военно-технического порядка и таким образом проводилась идея цельного боевого воспитания наших красноармейцев. Конкретной задачей, которая сейчас вплотную вырисовывается перед нами, является подготовка красноармейца и со стороны политической и со стороны военной.

Работа по боевому и политическому воспитанию Красной Армии должна привлекать сейчас особое внимание. В области общей подготовки лозунги уже даны руководством, заявившим, что к 1 мая каждый красноармеец должен быть вполне грамотным человеком. Это не должно остаться на бумаге. В области боевой подготовки мы должны поставить задачу сделать к летнему времени из каждого красноармейца квалифицированного бойца. Мы не можем обольщать себя надеждой, что каждый красноармеец при такой трудной обстановке, как сейчас, превратится в командира взвода, но стремиться к этому мы, безусловно, должны.

Вот та практическая конкретная программа текущего дня в деле боевой и политической подготовки, которая сейчас стоит перед нами.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи, я должен начать с выражения некоторого удивления по поводу того, что приходится в нашем собрании защищать положение о необходимости для командного состава, для верхов и для низов единства взглядов. И я только рад тому обстоятельству, что представителями противного взгляда явились все-таки лица, не руководящие непосредственно нашими воинскими частями, так как каждый командир, большой или маленький, всегда на своем опыте чувствовал величайшую тяжесть от того, что у нас нет достаточного взаимного понимания, нет такого взаимного понимания с соседом, а у низших нет такого понимания, общего единства взглядов с высшими начальниками. При таких условиях никогда, конечно, не может быть и речи о том, чтобы наши боевые действия давали те результаты, каких от них ожидает страна, и мне думается, что только тогда, когда мы добьемся установления этой взаимной духовной связи и спайки, только тогда наша Красная Армия на самом деле превратится в мощную и сильную военную организацию. Пока этого не будет, Красная Армия, при всем своем энтузиазме, порыве и революционном настроении, не в состоянии будет сделать то, что могла бы сделать при иных условиях.

С другой стороны, быть может, я несколько неудачно поставил вопрос, и сделанный мною доклад возбудил в некоторых товарищах сомнения, о которых на самом деле не может быть и речи. Неудачная постановка коренится в том, что военную доктрину, это самое единство военного взгляда, единство военной идеологии, некоторые товарищи рассматривают как попытку создать какой-то своеобразный военный катехизис, кодекс правил, и потом, на основании этого кодекса, делать все остальные выводы, касающиеся и нашей стратегии, и нашей тактики, и порядка обучения наших войск и т. д.

Быть может, я сам погрешил и в своей статье³⁸, и в своем докладе, несколько неудачно формулировав то, что считаю ценнейшим и необходимейшим делом для улучшения нашей военной работы. Я считаю необходимым, чтобы мы устано-

вили на основе нашего коллективного опыта определенные выводы и принципиальные положения и этими выводами и положениями пропитали наши уставы, наши руководства и наши наставления. Ни для кого не секрет, что сейчас единомыслия тактического и стратегического у нас нет. У нас есть уставы и наставления, оставшиеся от старых времен и подновленные в первый год существования Красной Армии. Но ни эти уставы, ни наставления не считаются сейчас военными работниками приемлемыми, и вопрос об их пересмотре, о пропитании их новым содержанием является результатом происшедшего у нас за это время величайшего революционного переворота. Эта необходимость сознается всеми и каждым, об этом-то я и считаю своим долгом твердить постоянно, твержу и теперь.

Мы собственных наших уставов и наставлений по целому ряду вопросов совершенно не имеем, а между тем наличие новых форм, выдвинутых нашей практикой и опытом гражданской войны, требует ответа на возникшие вопросы, а до сих пор такого определенно оформленного ответа нет.

С другой стороны, я утверждаю, что ответ этот у нас есть, но есть у нас только на местах, у всего состава нашей Красной Армии, в коллективном опыте гражданской войны. Этот коллективный опыт нужно собрать, свести воедино, и тогда на этой основе у нас получится известное его обобщение, известное единство взглядов, которое поможет воспитанию красных войск в определенных правилах.

Возражая на это, Петровский говорит, что нужно считаться с тем, что современная жизнь отличается чрезвычайной неустойчивостью; всякая попытка создать среди этого хаоса какой-то синтез является вредной и опасной.

Такого рода вывод совершенно неправилен. Конечно, мы живем в эпоху чрезвычайно меняющихся событий, вихрем чередующихся одно с другим, но и в этом вихре событий имеются более или менее устойчивые и постоянные элементы. Один из товарищей уже указывал на эти элементы, эти элементы действительно существуют и не могут не быть.

Об абсолютном постоянстве и устойчивости говорить, конечно, не приходится. Ничего абсолютного и постоянного,

неизменного нет. Это первое положение нашей марксистской теории. С этой точки зрения мы подходим к рассмотрению всех окружающих нас явлений. Поэтому, не имея в виду создания каких-либо неизменных, окаменелых, постоянно устойчивых положений, мы все же должны искать в окружающем нас хаосе однородные явления, обобщать их в единое целое и попытаться осмыслить окружающие нас явления, иначе мы перед ними потеряемся и не разберемся, скатимся в область вредного практического эмпиризма. Вопрос о необходимости отыскания некоторых обобщающих моментов — это вопрос вполне разрешимый, законный и естественный, и разрешение его поможет нам приблизить и разрешение военных задач.

Теперь относительно Дегтярева. Он указал, что я в своей статье о военной доктрине, благодаря неправильной постановке вопроса, попал в непроходимые дебри, делая такие ужасные выводы, что принцип наступления и принцип маневренности влияют на самую структуру Красной Армии и пр. Ничего подобного на самом деле нет. Наоборот, вы здесь слышали выступление Ольшанского и Осадчего, которые, говоря о характере будущих наших операций, заявляют, что структура наших дивизий отличается тяжеловесностью и громоздкостью. Уже один этот факт говорит, что товарищи предвидят в будущем коренную ломку. Для того, чтобы бороться на огромной территории, когда обширные пространства не дают возможности действовать крупными соединениями, будут нужны, быть может, не дивизии и корпуса, а бригады и полки. Если мы возьмем Туркестан, то там уже и старая царская армия имела специальную организацию. Этот вопрос совершенно понятен для каждого красного командира, и естественно сам собой напрашивается. Отсюда ясно, что по вопросам военной организации сейчас никакой окончательной структуры в основу Красной Армии взять нельзя.

Взаимоотношения между разными родами оружия рожают и другой вопрос: как мы мыслим себе наши будущие столкновения? Во Франции сейчас существует определенный уклон в сторону переоценки технических методов борьбы, хотя и нельзя говорить, что французская военная доктрина

пришла к признанию принципа позиционности. Французская армия считает руководящим основным принципом также принцип наступательный, принцип маневренный и, исходя из него, пытается строить дело создания и воспитания своей армии. Но наряду с этим, когда мы переходим от общих принципиальных взглядов к структуре армии, как таковой, к соотношению между родами оружия, то видим здесь другую картину — колоссальное преобременение французской армии новой формации элементами техники. Батальонам придаются танковые взводы, ротам придается огромное количество пулеметов, автоотряды придаются целыми войсковыми соединениями и т. д. В конце концов, соотношение между количеством штыков и бойцов других родов войск, артиллерии, авиации и бронечастей в современной французской дивизии неизмеримо отличается от соотношения, имевшего место прежде: число штыков сильно уменьшилось за счет увеличения числа бойцов других родов войск. Связано это или нет с положением страны? Конечно, связано. Разумеется, французское командование в этой структуре своих войсковых соединений действует под влиянием опыта минувшей империалистической войны на французской территории. Там война приняла ярко выраженный позиционный характер, причем техника играла колоссальную роль за счет вытеснения элементов живой силы, и в результате этого получился определенный психологический сдвиг, уклон в сторону переоценки элементов мертвой техники. Кроме того, действуют и другие условия, коренящиеся в самой классовой природе французского государства. Французская буржуазия прекрасно знает, что пролетарское движение во Франции растет, она видит в его лице определенную угрозу и поэтому заранее старается обеспечить себе мощное орудие для обслуживания своих классовых интересов в лице современной французской армии. Хотя эта армия и называется армией народной, но это не народная армия, и скоро станет армией наемников в полном смысле этого слова. По последним французским законам 25% ее состава, а по последним данным даже еще больше, будет состоять из чернокожих всякого рода. Другие 25% должны быть образованы из элементов,

являющихся представителями государственного буржуазного класса, и только остальная половина пока будет комплектоваться за счет собственно французских граждан. Это говорит нам о том, что классовая природа государства находит свое определенное выражение и в организационных формах армии страны.

Вот те факты, которые непреложно доказывают самую живую внутреннюю связь, существующую между природой государства, с одной стороны, и взглядами на основные положения, должностующие лечь в основу вооруженных сил, — с другой стороны.

Вот те замечания, которые я хотел сделать по поводу развернувшихся здесь прений. Отрадным для меня моментом я считаю в этих прениях следующее обстоятельство. Здесь присутствуют военные специалисты — старые кадровые офицеры, офицеры старой царской армии, которые в наших рядах, бок о бок с нами, провели много лет и вместе с нами боролись за утверждение диктатуры пролетариата. Здесь присутствуют и политические работники, члены коммунистической партии, и я вижу, как в нашем обмене мнений тесно переплетались вопросы чисто политические с вопросами военными. Это уже колоссальное завоевание. В своем докладе я уже отметил, что нам нужно стремиться, чтобы военные специалисты, как таковые, как обломок какого-то отмершего государственного строя, прекратили свое существование, чтобы их не было у нас, а были только военные работники, одни — партийные, другие — беспартийные, но все являлись бы военными работниками рабоче-крестьянской Красной Армии, верными интересам пролетарской государственности. Обмен мнений, который здесь развернулся, является сейчас живым доказательством возможности и необходимости такого направления нашей военной работы, при которой и чисто военные специалисты с интересом принимали бы участие в обсуждении вопросов политического порядка, а с другой стороны, наши политические работники научились бы в полной мере сознавать всю необходимость для них ознакомления с вопросами военной теории и практики в узком смысле этого слова. От этого будет только одна польза делу.

Теперь я скажу несколько слов по поводу выступления т. Васильева. Я знаю т. Васильева, но должен сказать не в обиду ему, что его выступление является чисто юмористическим. Что он нам сказал? Никакой доктрины, никакого единства взглядов не требуется, ибо они заменяются коммунистической партией, марксистской средой. Больше ничего. Я могу только сказать, что можно быть очень хорошим коммунистом и очень хорошим марксистом и в то же время скверным командиром, потому что недостаточно одного коммунистического знания, знания партийной программы и даже хорошего знания марксистской теории, чтобы быть в курсе военных вопросов, в курсе военной теории и практики. Их надо изучать и знать, а если мы подойдем к ним вплотную, то мы увидим, что сама марксистская теория требует от нас внимательного изучения военного дела, обязывает нас знать, с чем мы имеем дело, разобраться сначала в этих явлениях, а потом уже делать соответствующие выводы. Таким образом, такая постановка вопроса отнюдь не противоречит марксистской идеологии.

На этом я закончу свои ответы товарищам, принимавшим участие в прениях.

Свою точку зрения я попытался сейчас набросать в следующих положениях, которые предлагаю вашему вниманию. Работу эту я проделал наспех, и может быть здесь будут некоторые неудачные формулировки, но это вещь поправимая, а существо дела, мне кажется, изложено мною более или менее правильно.

Тезисы мои следующие:

1. Минувший год был годом сокращения и реорганизации армии. Эта работа, требовавшая колоссальных затрат сил и энергии военных работников, почти не оставляла возможности заниматься качественным улучшением армии. Только теперь, с окончанием в основных чертах реорганизационной работы, открывается возможность подойти вплотную к «учебе», т. е. воспитанию и обучению наших бойцов.

Это воспитание и обучение должны производиться на основе единых, проникающих всю толщу армии взглядов по основным вопросам, касающимся задач Красной Армии, основ

ее строительства и методов ведения боевых операций. Совокупность этих взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений и преподаваемых Красной Армии в уставах, приказах и наставлениях, и дает армии необходимое ей единство воли и мысли.

2. Это единое военное мировоззрение не должно рассматриваться как окаменелая догматическая система, устанавливающая раз навсегда определенные положения. Это есть не что иное, как систематизация военного опыта определенной исторической эпохи и с точки зрения интересов определенного класса. Выводы этого опыта имеют лишь относительную ценность и только в свойственных данной эпохе экономических и социально-политических условиях.

3. Выработка этого единого мировоззрения рабоче-крестьянской армии началась уже с первых шагов ее существования. В ходе дальнейшей практической работы выкристаллизовались и определились все основные элементы военной системы пролетарского государства, вытекающие из его специфической классовой природы. На основной вопрос: «для какой цели и какую армию мы строим» — дан исчерпывающий и проверенный опытом ответ: «мы строили и строим классовую армию трудящихся для защиты пролетарской революции от буржуазно-помещичьей контрреволюции, натиска мирового империализма и для поддержки грядущей социалистической революции в Европе».

4. Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром — с другой, делает неизбежным столкновение и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим, задачей политического воспитания Красной Армии являются поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепиться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии, в живых и общедоступных формах.

5. В связи с этим характером поставленных перед нею целей Красная Армия будет выполнять в дальнейшем свое

боевое назначение в условиях революционной войны, либо защищаясь против нападения империализма, либо выступая совместно с трудящимися других стран в совместной борьбе. И в той, и в другой роли Красная Армия будет являться орудием защиты пролетарских интересов не только своей страны, но и всего мира. В этом ее сила и мощь.

Указанный характер возможных грядущих столкновений диктует Красной Армии необходимость быть готовой к выполнению своих задач на любом оперативном направлении, на любом участке возможного будущего международного фронта.

6. Обладая полной ясностью и определенностью в отношении политических элементов своего мировоззрения, Красная Армия имеет неотложную задачу переработать опыт гражданской войны, а равно и войны империалистической под углом зрения новых материальных факторов войны и преследуемых рабоче-крестьянским государством общеполитических целей.

До сих пор нашей революции приходилось вести борьбу теми же основными методами военной тактики и стратегии, которые практиковались и в армиях буржуазных стран. Но произведенное революцией изменение характера и живой силы Красной Армии, передавшее руководящую роль внутри ее пролетарским элементам, нашло свое отражение в характере применения общих приемов тактики и стратегии.

7. Наша гражданская война носила по преимуществу маневренный характер. Это являлось результатом не только чисто объективных условий (огромность театра военных действий, относительная малочисленность войск и пр.), но и внутренних свойств Красной Армии, ее революционного духа, боевого порыва, как проявлений классовой природы руководящих ею пролетарских элементов и самой природы классовой войны, как таковой.

8. Условия будущих революционных войн будут представлять ряд особенностей, приближающих эти войны к типу гражданских. В связи с этим, основной характер этих войн, несомненно, будет маневренный. Поэтому наш комсостав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования и подвижности, а вся Красная Армия должна быть под-

готовлена и обучена искусству быстро и планомерно производить марш-маневры.

9. Маневр — не самоцель. Он лишь одно из средств к достижению основной цели — победы путем уничтожения организованной вооруженной силы врага и овладения его жизненными базами.

10. Маневренность отнюдь не исключает позиционных форм войны. Напротив, правильное маневрирование немислимо без широкого использования позиционных средств борьбы на определенных особо важных рубежах. Объективно мало вероятным, а по существу невыгодным для нас явилось бы лишь увлечение позиционными методами, как основной формой борьбы. Этот метод, при характерной для него устойчивости и неподвижности линии фронта, даст всегда перевес стороне, обладающей более мощной техникой. Поэтому основными чертами маневренной стратегии должна быть не формальная наступательность, а инициативность и активность, обеспечивающая успешный исход наступательной операции в ее основном существе. В работу воспитания войск должна входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить.

11. Тактика Красной Армии была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций. Это вытекает из классовой природы рабоче-крестьянской армии и в то же время совпадает с требованиями военного искусства. «Наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны, ибо тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли более сильной, чем воля последнего». (Полевой франц. устав 1921 г.).

12. В связи с вышеизложенным, в общей системе наших военных средств, инженерная оборона и нападение, игравшие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии отходят на второстепенное место. Их назначение — быть вспомогательным средством для операций полевого характера.

13. При воспитании и обучении командного состава, а также в организации всего аппарата управления, мы должны стремиться к тому, чтобы обеспечить за нашими методами и аппаратом максимальную упругость и гибкость, делающие возможным применение всех доступных средств и форм борьбы. Все может быть хорошо в свое время и на своем месте, и искусство военачальника должно проявиться в умении из множества разнообразных методов и средств избрать в каждом данном случае наиболее подходящий. Военная теория не может дать ему никакого готового шаблонного решения; она может служить лишь руководящим, направляющим началом.

14. В связи с развитием военной техники, явившимся результатом империалистической войны, насущной задачей текущего дня является поэтому пересмотр всех наших уставов, программ и наставлений на основе систематизированного коллективного опыта Красной Армии и появления на сцене новых материальных средств борьбы.

Вместе с этим, наряду со стремлением достичь возможно большего технического совершенствования и сравняться в этом отношении с нашими врагами, мы должны использовать и подготовить все другие средства борьбы против превосходящей техники противника. Такими средствами, наряду с маневренностью и подвижностью, должны явиться: во-первых, широкое применение партизанских действий, заранее подготовленных и обеспеченных соответствующей организацией мирного времени, и, во-вторых, обучение и подготовка наших войск к ночным действиям в самом широком масштабе.

15. Конкретная программа воспитания и обучения Красной Армии на ближайший период времени сводится:

1. К полной и наискорейшей ликвидации безграмотности.
2. К превращению каждого красноармейца в сознательного гражданина, знающего свое место в Советской республике и свои задачи в отношении окружающего нас мира врагов.
3. К достижению максимальной военной квалификации бойцов.

4. К закреплению духовной связи командного состава армии с ее низами.

5. К окончательному устранению деления командного состава на спецов и неспецов путем создания единой семьи верных пролетарской государственности военных работников.

Вот те положения, которые вытекают из существа сделанного мною доклада и которые, как мне кажется, могут быть нами приняты как руководящие начала в работе при рассмотрении наших наставлений, приказов, положений, и изучая которые, наша Красная Армия получит то единство взглядов, то понимание обстановки, которое превратит всю ее в мощный, крепко сколоченный единой мыслью и волей аппарат.

М. В. Фрунзе, Собр. соч., т. I. Государственное издательство, М.—Л., 1929 г.

ОСНОВНЫЕ ВОЕННЫЕ ЗАДАЧИ МОМЕНТА

ИЗ ДОКЛАДА И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА НА СОВЕЩАНИИ ВОЕННЫХ
ДЕЛЕГАТОВ XI СЪЕЗДА РКП(б)

1. ДОКЛАД

Свой доклад, товарищи, я хочу начать с замечания о том, что мне в значительной мере приходится не столько спорить, сколько стараться рассеять те недоразумения и взаимное непонимание, которые явились результатом некоторой неясности, неточности и недоговоренности в формулировках и тем порождали представление о наличии каких-то глубоких принципиальных разногласий. На самом же деле, многое из того, что внешне принимает форму таких расхождений, по существу является спором из-за слов, отдельных выражений и формулировок.

Начнем с термина — «единая военная доктрина». В связи с ним и вокруг него и разгорелась та самая дискуссия, продолжением которой является наше настоящее собрание.

Что понимал под этим термином лично я, когда выступил в печати со статьей, посвященной этому вопросу? Определенный круг идей, охватывающих основные вопросы военного дела и дающих пути их разрешения с точки зрения интересов нашего пролетарского государства.

Все эти вопросы я разбивал на две части: политическую и техническую. Противопоставлял ли я этот круг идей, как особое учение, особое мировоззрение нашему общему марксистскому методу? Ничего подобного. Для меня дело шло исключительно о необходимости подведения некоего теоретического итога в области военного дела, как одной из составных частей нашего социального опыта, причем эту работу я никогда не мыслил себе иначе, как на основе и при помощи этого марксистского метода. И когда я прочел статью Троцкого «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство», я думал, что всякий дальнейший спор в этой формально-логической части решен и решен в пользу так называемых «доктринеров». В самом деле, на стр. 13 в своей брошюре Троцкий, перечислив все элементы, которые по его мнению, должны войти в состав понятия «военная доктрина» и которые целиком, только в несколько иной группировке, совпадают с тем, что говорил я, пишет: «Нужно ли, чтобы у правительства, у руководящей партии, у военного ведомства по всем этим вопросам были определенные воззрения? Ну, разумеется, нужно...» и дальше: «другими словами, военное ведомство должно иметь руководящие начала, на которых оно строит, воспитывает и реорганизует армию».

Именно об этом я и говорил. Таким образом никакого спора и сомнения в необходимости «военной доктрины», как видите, нет и быть не может. Теперь о самом названии. Многим не нравится слово «доктрина». Не скажу, чтобы оно было мне особенно по душе, так как с ним невольнo связывается представление о чем-то застывшем, догматическом, неподвижном. Но ведь суть не в этом. Я согласен принять любое другое слово для выражения комплекса идей, который был установлен выше...

Троцкий в своем докладе указал на ряд статей, которые были посвящены вопросу о доктрине за последнее время. Но этим история вопроса далеко не исчерпывается. Впервые у нас в России заговорили о необходимости некоей общности взглядов в области основных начал при воспитании и обучении войск после неудачной для нас русско-японской войны. В ряде статей, появившихся на страницах тогдашних военных

органов, — «Русский инвалид», «Разведчик»³⁹ и пр.—отстаивалась та мысль, что одной из видных причин неудач русской армии в Манчжурии было отсутствие у командного состава единых общих для всех частей взглядов на характер и методы ведения операций. В одних округах части воспитывались так, в других — иначе, и в результате при совместных действиях на поле битвы обнаружилось разноречие и несогласованность. Но дальше разговоров и разговоров весьма кратковременных дело не пошло. Наверху эту критику нашли опасной, и последовало «высочайшее» повеление: «Разговоры прекратить и заняться изучением уставов».

После империалистической войны, вновь выявившей те же недочеты подготовки армии, разговоры о «военной доктрине» вспыхнули с новой силой. Начиная с 1918 г., на страницах «Военного дела», а также и других наших военных журналов появляется ряд статей на эту тему. При всем разнообразии подходов к вопросу было ясно одно, что потребность в определенном объединении, систематизации военного опыта явно назрела и требовала разрешения. В пользу необходимости этой работы выступил и я. В каком же положении находится дело в настоящее время?

Повторяю, что в области методологической вопрос решен, и никаких разногласий я не вижу.

Что же касается содержания ответов, даваемых по различным вопросам, охватываемым понятием «военная доктрина», то здесь некоторые разногласия есть. В политической части доктрины они связаны с одним моментом, а именно, как должно происходить воспитание Красной Армии, — в духе ли подготовки к возможному наступлению, или исключительно на почве оборонительной.

Я должен сказать, что в этом отношении боюсь отрицательных последствий, если мы станем на точку зрения Троцкого. Здесь надо различать два момента. Один момент — актуальности, действительности, и другой — планомерной систематической работы по воспитанию. С точки зрения первого момента я считаю вреднейшей, глупейшей и ребячьей затеей говорить теперь о наступательных войнах с нашей стороны. Если мы будем трубить об этом в газетах, на широких

собраниях и т. д., то это будет глупо и вредно для дела, и марксист на это пойти не может. Но тут есть другой момент — планомерная, систематическая работа. Она ведется коммунистической партией среди рабочего класса и крестьянства, а нашими политическими работниками и командным составом — в своих частях. Должны они или не должны говорить о том, что в известной обстановке, при известных условиях мы можем пойти в наступление за пределы нашей земли? Я отвечаю — должны. Наш комсостав и армия должны это знать. Нельзя в этой части воспитание вести в духе оборончества.

Напомню пример из истории нашей партии. После окончания неудачной революции с 1905 г. у нас создалось сильное ликвидаторское движение, которое выразилось в форме борьбы за так называемые «урезанные лозунги», а именно: борьба за отказ от вооруженного восстания, за повседневные практические задачи и пр. и пр. Как поступили большевики? Сняли ли они свой лозунг? Нет, они не сняли. Они попрежнему остались на платформе вооруженного восстания, но в тогдашней обстановке этот лозунг был не актуальным. Этого я только и хочу. Я хочу не шуметь, не трубить, не кричать, но хочу, чтобы каждый красноармеец в этом направлении пропитывался пролетарской идеологией, и особенно, чтобы этим пропиталось ядро армии — командный состав.

Если будем в армии говорить только об обороне, то это будет неверно. Свою мысль могу подтвердить еще одним примером. Наша армия с революционным оборончеством уже знакома. Вы помните, что после Февральской революции наши меньшевики и эсеры заняли именно такую позицию, бросив лозунг, «не наступать», но если на нас нападут, то обороняться и обороняться активно. Мы знаем, какие результаты получились от этой позиции активной обороны. Я боюсь, чтобы с нами не получилось подобной же истории. Помимо данного момента, по всем остальным вопросам политической части «военной доктрины» никаких разногласий не существует...

Теперь перехожу ко второй части наших военных взглядов — части военно-технической. Троцкий в информационном

докладе съезду и в разговоре со мной указал на две ошибки в позиции, занятой украинским совещанием командного состава. Одну ошибку он подробно характеризовал в своем нынешнем докладе, а на другой остановился мало, очевидно, за недостатком времени.

Первая ошибка состоит в том, что мы неправильно формулируем наши стратегические и тактические положения. Причем, как это видно из его речи на нашем партийном съезде, в основе этой ошибки лежит идеализация прошлого опыта Красной Армии.

Я думаю, что Троцкий глубоко неправ. Можно ли говорить, что мы, командиры-коммунисты и политический состав, идеализируем опыт Красной Армии? Если посмотреть на наше совещание, на наши съезды, взять хотя бы последний съезд командного состава Украины, то мы увидим, что обвинять нас в чрезмерном преклонении перед прошлым не приходится. Напротив, мы говорили, что у нас в прошлом масса промахов, что мы были плохо подготовлены, что нам нужно учиться, учиться и учиться. Этот лозунг учебы раздается сейчас во всех частях, так что сознание недостатков нашей подготовки у всех налицо. Мне кажется, что Троцкий в области недостатков чересчур перегибает палку в другую сторону. По его словам выходит так, как будто мы ничего решительно в области военного дела особенного не сделали, что с точки зрения правильности наших операций у нас дело было из рук вон плохо, что никаких особенных успехов, с точки зрения военного искусства, мы не имели, не показали, не проявили. Я полагаю, что эти утверждения прежде всего объективно неверны, а психологически по своим последствиям просто вредны. Уж если говорить объективно, то гораздо лучше идеализировать наш прежний опыт, чем его недооценивать.

Во время речи Владимира Ильича на съезде, как раз в том месте, где Владимир Ильич говорил о «комчванстве», мне Троцкий говорит: «Вся речь Владимира Ильича бьет вас». И точно так же во время речи Ларина, когда он указывал, что профсоюзники и коммунисты спасли наше производство, и поэтому их нужно хвалить, а не ругать, Троцкий

опять сказал мне: «Вот ваша позиция». Я ему ответил, что считаю эту аналогию неправильной. По моему мнению, Владимир Ильич вовсе не говорит против моей позиции. Что он сказал? Что в области хозяйственного строительства мы до сих пор делали ляпсусы, что мы ничего не знаем и даже не знаем собственного незнания, что мы теперь будем проверять нашу работу не проверочными комиссиями, а кто выдержит, победит, тот, значит, и прав. Ну, а разве в области военного дела мы не имели самой жгучей и самой острой проверки, проверки не через ЦКК и прочие комиссии, а на деле, на фактах, проверки кровью и железом? Разве мы не выдержали этой проверки? Разве мы не доказали, что в области военного дела пролетариат, действительно, крепко стоит на ногах? Я утверждаю без всякой идеализации, что в армии нас за нос никто не водил. Правда, были отдельные мелкие случаи подобного рода, но дело не в них, а в общем характере нашей работы в армии. И здесь, как общее правило, я это говорю смело, нас за нос не водили, ибо коммунистическая партия и рабочий класс держали и держат армию крепко в своих руках. Поэтому аналогия между нашей хозяйственной деятельностью и военной здесь не верна.

В военном деле мы сделали достаточно много... И если бы в других областях нашей работы и в частности в области хозяйственного строительства мы добились таких же успехов, как на фронте военном, то наше дело было бы в шляпе. Идя на хозяйственный фронт, мы как раз ссылались на наши военные успехи. Мы говорили — там мы победили, мы три года дрались с рядом государств и взяли верх, поэтому и здесь мы можем справиться. Поэтому я думаю, что эта аналогия не верна. И то, что Троцкий называет идеализацией, является на самом деле совершенно правильной оценкой роли, которую сыграли пролетарский командный состав и коммунистическая партия, как руководящий элемент в нашей Красной Армии.

Перехожу теперь к нашим принципам стратегии и тактики. Прежде всего несколько слов о так называемой пролетарской доктрине. Я не являлся и не являюсь сторонником той идеи, что мы создаем особую пролетарскую стратегию

и тактику. Когда на страницах покойного «Военного дела»⁴⁰ появилось несколько статей товарищей-коммунистов, которые заявили, что мы произвели в военном деле полный переворот, что нами опрокинуты все старые принципы и создана новая стратегия и тактика, то для меня это было только смешно. Я никогда не стоял и не стою на этой позиции, поэтому все возражения в эту сторону идут мимо цели. Дело не в этом. Правда, вообще говоря, пролетариат, взяв власть в руки и организовав пролетарское государство, по моему мнению, должен наложить неизбежно известный отпечаток на способы ведения войны. Троцкий, повидимому, считает это вряд ли возможным вообще. По крайней мере, так он написал мне в записке, которыми мы обменялись на вчерашнем нашем совещании. На это я могу ответить следующей цитатой из одной статьи Фридриха Энгельса под заглавием «О перспективах войны Франции против Священного союза»⁴¹. Энгельс говорит:

«Современная военная тактика, таким образом, предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства и составляет военное выражение эмансипации. Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны. Это ясно. Можно даже определить, какой характер материальных основ будет лежать в основе новой системы ведения войны. Но столь же далеко, как голые завоевания политического господства современным пестрым, частью составляющим хвост других классов, пролетариатом, отстоят от действительной эмансипации пролетариата, состоящей в уничтожении всяких классовых различий, так же далеко будут отстоять начальные попытки нового ведения войны, ожидающейся революции от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата» (стр. 13). И дальше на стр. 14 мы читаем: «...величайшей важности открытия Наполеона в науке военного дела не могут быть устранены путем чуда. Новая военная наука должна быть в такой же степени необходимым продуктом новых общественных отношений, как созданная революцией и Наполеоном представляла результат данных революцией новых условий. Но как и в пролетарской революции по отношению к индустрии речь идет не о том, чтобы уничтожить паровые машины, а о том, чтобы увеличить их количество, так то же самое в системе ведения войны задача заключается не в уменьшении подвижности и массового характера армии, а в их усложнении».

Я с Энгельсом вполне согласен, поэтому я и думаю, что, так как наш пролетариат в сугубой степени носит в себе те недочеты, о которых упоминает Энгельс, т. е., что он слаб,

дезорганизован, что он действует в крестьянской стране и пр., то, разумеется, никакого переворота в смысле создания самостоятельной пролетарской тактики и стратегии быть не может, ибо для этого нет основы — улучшения производства, развития производительных сил. Поэтому считаю в принципе эту вещь в будущем не только возможной, но и неизбежной⁴². Для настоящего момента, при настоящих условиях, об этом нам говорить не приходится. И поэтому в основном мы вели войны теми же методами и способами, которыми действовали и буржуазные армии.

Но все-таки мне кажется, что факт создания новой пролетарской государственности... не мог не отразиться на всем нашем военном деле и в частности на ведении войны. Взять хотя бы организацию нашей Красной Армии и ее политотделов, их роль как особого рода оружия, порой более мощного, чем винтовки и пушки. Наконец, внутреннюю структуру армии, новые идеи о дисциплине, отношение командного состава и рядовых и пр. и пр., — во всем этом ярко отразился тот факт, что во главе Красной Армии стояли пролетарские элементы. Что касается стратегии и тактики, то в основе они те же самые, мы ничего принципиального, нового дать не могли. Мы брали старое и брали не по-ученому, а просто из практики, и учились у наших специалистов под их руководством. Но в отношении характера применения методов было кое-что и новое, не в том смысле новое, что оно не бывало никогда и нигде, но новое сравнительно с тем, что было в старой российской армии предшествующей эпохи.

Маневр — особенность будущих революционных войн

Троцкий говорит, что маневренность, подвижность, так ярко проявившаяся в нашей гражданской войне, не может быть связываема с тем, что во главе Красной Армии оказались пролетарские элементы. По-моему, это не совсем так. Возьмем старую царскую армию. Кто стоял во главе ее? Российское дворянство. Что такое было наше дворянство? Распавшийся экономически класс: дезорганизованный, выбитый из классовой позиции, он не мог ничего сделать... А теперь,

что такое мы, наша большевистская партия — партия рабочего класса? Мы — партия класса, идущего на завоевание мира...

Что такое война? Продолжение политики... Поэтому мы можем сказать, что вхождение в Красную Армию пролетарских элементов, красных командиров отразилось на характере ведения наших операций, и если вспомнить некоторые наши операции с их нередкими случаями расхождения красного командного состава и специалистов, то мы увидим, что красный комсостав внес в армию смелость, инициативность и решительность. Поэтому я полагаю, что эти черты маневренности, решительности, наступательности были связаны не только с объективными условиями военных действий, чего никто не отрицает, но с тем, что во главе Красной Армии оказались элементы, пропитанные активной идеологией рабочего класса. Еще несколько слов о маневренности. В резолюциях украинского совещания командного состава делается попытка подвести итоги войны, обобщить опыт гражданской войны и сопоставить его с опытом империалистической войны. И в результате этого сопоставления мы видим, что в одном случае превалируют моменты маневренности, подвижности, а в другом — позиционности, неподвижности. И на основной практический вопрос о характере возможных будущих операций наше совещание дает определенный ответ: конечно, будут преобладать элементы маневренности и подвижности. Откуда это вытекает? Из самого характера наших возможных будущих войн. Они будут приближаться по типу к нашей гражданской войне. Чем обуславливалась позиционность империалистической войны? Тем, что весь тыл представлял единое целое, и две страны, как стена, идут друг против друга⁴³.

При известном равенстве сил, при большом количестве армий создается известное равновесие на более или менее продолжительное время. Может ли быть так и в настоящее время? Поскольку наш общественный прогноз считается правильным, постольку мы должны признать, что такой устойчивой линии фронта быть не может, так как у каждой страны будут союзники по ту сторону фронта, а этот факт убивает неподвижность. В доказательство возможности позиционных

форм, как преобладающих, Троцкий привел Рурский бассейн и Парижскую Коммуну. Я должен сказать, что эти примеры доказывают как раз обратное. Если революция в Германии решит применить метод отстояния в Рурском бассейне, то она неизбежно погибнет: без хлеба она вынуждена будет быстро капитулировать. Парижская Коммуна — это совершенно нехарактерный пример для большой гражданской войны. Здесь — захват одного города, правда крупного, а все остальное в руках противника. Но о чем же говорит и он? Хлеб надо было подвозить, так что с самого начала были условия, обрекающие Парижскую революцию на гибель, если только коммунары не найдут в себе решимости сразу двинуться за город.

Я не знаю, как упустил из виду Троцкий критику Карла Маркса, который говорит, что величайшей ошибкой парижских коммунаров было именно то, что они не решились наступать. Я считаю, что это безусловно правильно. Кто считает, что в момент гражданской войны надо окопаться, тот глубоко ошибается. Конечно, доктринером здесь быть нельзя. Может быть такая обстановка, что к восставшей стране придет другая страна на помощь, и при таких условиях оборона может стать выгодной. Но абсолютизмом, доктринерством мы вряд ли грешим и такую оборону всегда допускаем. Поэтому я полагаю, что основным характером для будущих революционных войн будут маневренность и подвижность, что отнюдь не исключает необходимости подготовки к позиционным методам. Из этого положения приходится делать и практические выводы. Возьмем роль крепостей. Понятно, при наших ресурсах и средствах говорить о развитии крепостной системы не приходится, но тем не менее мы и теперь, несмотря на ограниченные средства, кое-что выделяем для нужд крепостной обороны.

Все — для наступления

Теперь о наступлении. Троцкий сказал, что мы в конце концов пришли к подражанию французскому уставу и что, чем скорее мы это место выкинем из своих резолюций и своих

мыслей, тем лучше не только для нас, но и для Красной Армии. А я скажу Троцкому, что чем скорее он выкинет из своей брошюры на стр. 25 все эти рассуждения «*Journal de Débat*», прославляющие оборону, тем будет лучше. И теперь здесь, когда я читаю такую вещь (я не знаю, чей это курсив: автора или издателя), то надо сказать, что мы боимся, что Красная Армия будет воспитана на неправильных основах. Тут говорится так: «одним фактом наступления еще не обеспечивается успех. Оно бывает успешно, когда для него собраны всевозможные средства, превосходящие средства противника, ибо в конце концов побеждает всегда тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы...» Это такие вещи, о которых смешно говорить, а тем паче подчеркивать курсивом. Для кого же не ясно, что всегда побивает сильнейший? Но ведь сила-то складывается из целого ряда моментов, и одним из них как раз является момент наступления, момент взятия на себя инициативы. Возьму пример наступления на германско-французском фронте, который приводил Троцкий. С первым я плохо знаком. Что же касается германских наступлений мартовского, майского, и июльского⁴⁴, то я хорошо с ними знаком. Я очень жалею, что с собой у меня нет замечательной книги под заглавием «Три года в главном штабе французской армии»⁴⁵. Надо прочесть там страницу, посвященную самочувствию французских штабов перед наступлением. Они знали, что немцами наступление готовится, но где и когда будет удар — не знали, и в результате и в марте и в мае немцы их поразили неожиданностью места своего удара. Немцы ударили там, где французы не ожидали. И в результате колоссальные прорывы и успехи. Что касается неудачи июльского наступления, то оно мало показательно, так как решающую роль здесь сыграл факт значительного численного и материального перевеса на стороне французов и их союзников.

Поэтому я считаю, что эта ссылка ни в малейшей степени не доказывает того, что принцип оборонительности, как таковой, может быть поставлен на одну доску с принципом наступательным. То, что я предполагаю, и то, что приняло

наше командное совещание, сводится к следующему: мы отнюдь не отрицаем отступательных операций, но мы рассматриваем отступление, как часть наступления. Допущение идеи отступления, как таковой, отступления абсолютного, оторванного от идеи перехода в наступление, по нашему мнению, быть не должно. Отступление — понятие, целиком входящее в понятие наступления. Я отступаю на 100—200 километров с тем, чтобы на известном рубеже, в известный момент, мною намеченный, перейти в наступление. Это надо сказать прямо и твердо, тем более, что в этом отношении не только французский, но и наш полевой устав говорит приблизительно то же самое. Поэтому для меня особенно удивительно, почему Троцкий считает нужным спорить по этому вопросу, зафиксированному даже нашим старым уставом.

Теперь перехожу к обвинению во второй ошибке, заключающейся в том, что мы отвлекаем внимание и командного состава и всей Красной Армии от конкретных, эмпирических задач, что вместо того, чтобы бороться с неграмотностью, с несмазанными сапогами, с вошью и пр., мы занимаемся общими вопросами. Мы все признаем это. Надо смазывать сапоги, надо бороться с вошью: солдат с вошью — это полусолдат. Все это великолепно. И тем не менее я считаю ошибочным бросать такой лозунг в качестве главного лозунга, потому что это вопросы общегосударственного порядка, вопросы, которые не могут быть разрешены средствами Красной Армии и в ее пределах. В самом деле, как бороться с вошью, когда нет мыла? Как бороться с несмазанными сапогами, когда нет ваксы? Тут красный командир ничего не может сделать, потому что это вопросы неразрешимые. Правда здесь только в следующем — если у нас есть мыло и есть бани, но командир не принимает никаких мер, и солдаты все же со вшами и грязные, то это вина его.

Но требовать невозможного, и это требование выдвигать главным лозунгом — звучит просто насмешкой.

Когда мы ставим вопрос о твердом бюджете, твердой численности армии и пр. и ставим это перед всем государством, то делаем правильно. Только при решении этих вопросов со стороны государства борьба с неграмотностью

и с несмазанностью сапог может быть реально осуществлена, а раз этого нет, то эта борьба является беспредметной. Это — первое замечание. Второе замечание — это то, что нельзя останавливать внимание только на низах армии. Лозунг создания хорошего отделенного командира — великолепный лозунг и ближе всего и правильнее всего отвечает общему нашему укладу. Конечно, если низы будут крепки, хороши, то даже при отсутствии хороших командиров наверху они свое дело сделают. Это правильно. И я с этим согласен. Но кто воспитает нам отделенного командира? В том-то и дело, что их некому сейчас воспитать, потому что наши старшие командиры, начиная с более низших должностей и кончая даже командующим фронтом, сами требуют над собой порядочной работы. Как же подойти к этому делу? Нужно ли нам бросать эту сторону дела? Нет, нельзя. Отсюда наш крик, чтобы обратить самое серьезное внимание на подготовку высшего и среднего комсостава и этим создать условия для образования хороших взводных и отделенных командиров.

Мы намечаем вехи для центральной уставной комиссии

Вот та линия мыслей, по которой мы идем. В процессе этой работы осмысливания нашего предшествующего опыта и происходит создание нашей настоящей военной доктрины Красной Армии. И я считаю большой своей заслугой, что вокруг этих вопросов развернулся такой оживленный спор. В процессе его мы получим обоснованные и правильные формулировки тех положений, которые должны лечь в основу нашего обучения и подготовки нашего бойца. Троцкий как-то сказал мне: «Вы говорите об уставах, об их переработке и т. д. Но вы ничего не предложили, чего же вы хотите?» Я должен сказать, что лично не считал себя способным предложить новые готовые решения, новые формулы; я отстаивал лишь необходимость приступить к их разработке нашими общими совместными усилиями, в частности — такая работа при моем штабе все время шла: целиком переработали кавалерийский устав, перерабатываем устав строевой пехотной службы и пр. Затем составили проект наставления для авиа-

ционных начальников. Таким образом из этого неполного перечня видно, что мы что-то делаем...

Мы теперь намечаем основные вехи будущей большой работы, осуществление которой должен дать коллективный опыт, который мы получаем из работ наших совещаний в центре и на местах, нашей печати и пр. Задача же центральной уставной комиссии — собрать этот опыт и провести его через наши уставы, наставления, руководства и программы. Вот чего мы хотим и что, мы надеемся, будет сделано.

2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи, к сожалению, развернувшиеся прения почти не дали материала, направленного против моих положений, поэтому я вынужден остановиться только на нескольких замечаниях, сделанных мне. Петровский упрекнул меня в том, что у меня есть стремление обязательно выдумывать общую формулу, тогда как это противоречит духу марксизма. Конечно, если понимать под формулой то, что понимает Петровский, то это, действительно, будет неправильно. Но я не ставлю так вопроса. Я отнюдь не думаю создать какую-то окаменелую догму, я имею в виду лишь необходимость некоторых обобщений, некоторых общих итогов. Нужно ли нам такое обобщение в нашей практике? Конечно, нужно. Оно нужно и в области хозяйственной, и в области военной: мы не можем обходиться без известных обобщений, известных формул, охватывающих определенный круг вопросов и помогающих нам ориентироваться в разнообразии явлений. Только в этом вопросе и в этом смысле такие обобщения нам нужны и в военном деле.

Петровский говорит, что никаких отвлеченных формул, справедливых на все времена и для всяких гражданских войн, быть не может. Совершенно верно. Но следует ли отсюда, что в них нет ничего общего, ничего типического? Опыт нашей гражданской войны дал нам в этом отношении целый ряд фактов, которые нужно изучать для того, чтобы свести их в систему. Я обращаю особое ваше внимание на необходимость для нас изучения опыта гражданской войны. Если бы

даже эта война не дала нам решительно никаких плюсов с точки зрения улучшения военного искусства, как такового, никакого прогресса военных знаний и т. д., то, все равно, мы обязаны были бы изучать ее самым детальным образом. Почему же? Да потому, что по такому типу войны гражданские будут развертываться, и, может быть, в них будет иметь место не прогресс, а регресс с точки зрения успеха военного дела. И мы обязаны поделиться нашим опытом с пролетариями других стран, так как это поможет им правильно ставить задачи войны. Теперь по поводу отношения Петровского к тем тезисам, которые обсуждались на Украинском совещании состава. Он принимал участие в дебатах и с некоторыми формулировками был несогласен. Тем не менее против них он не голосовал. И, внося некоторые поправки, присоединился целиком. Два слова по существу сделанных им поправок. Одна из них очень любопытна. У нас имеется пункт, что основной задачей войны является достижение победы путем уничтожения организованной живой силы врага. Петровский предложил поправку: «Уничтожения или нейтрализации». Против такого рода формулировок я встаю самым решительным образом. Внося поправку, Петровский, между прочим, ссылается на Троцкого, говоря, что он, несомненно, одобрит ее. Мне кажется, что такого рода формулировка есть проявление чистейшей воды меньшевизма. Это то самое ликвидаторство, которого я опасаясь при требованиях оборонительной постановки политических и военных вопросов.

Еще об использовании методов буржуазной стратегии

...Я начал свой доклад с указания на то, что вопрос о военной доктрине с формально-логической стороны считаю решенным совершенно... Далее я бы хотел ответить Троцкому и Тухачевскому, указывающим на неправильность формулировки в пункте 6-м постановления Украинского совещания. Этот пункт толкуют так, что, мол, прежде мы действовали методами буржуазными, а теперь будем создавать новые методы, методы пролетарской стратегии. Здесь виновата несколько неясная формулировка. Основная мысль была

такова: до сих пор в основном мы дрались методами буржуазной стратегии, но уже на этой прошлой борьбе отразился пролетарский характер нашего государства. Я пояснил, как я понимаю эту связь. Это — иной характер применения методов... В Красной армии у нас нехватало иногда, может быть, технических знаний, планомерности, выдержанности, но были решительность, смелость и широта оперативного замысла... Это наше свойство я ставлю в связь с классовой природой ставших во главе Красной Армии пролетарских элементов...

Я должен еще раз отметить, что основные вопросы нашей доктрины я считаю разрешенными. Наше внимание должно быть направлено на внедрение их в сознание всей толщи нашей Красной Армии и ее комсостава. Считаю, что эти общие взгляды должны быть проведены через наши уставные руководства; считаю, что эту работу надо вести наряду с подготовкой наших отделенных командиров. Далее я считаю обвинение в идеализации опыта нашей Красной Армии неправильным. Никакой идеализации нет, а есть лишь желание подвести итоги этому прошлому, несомненно ценному и важному. Повторяю, что гораздо вреднее становиться на другую точку зрения — точку зрения умаления заслуг коммунистических элементов внутри армии, умаления заслуг того командного состава, который, безусловно, вынес и вынес с честью тяжесть борьбы на своих плечах. Я считаю, что необходимо поставить вопрос об оживлении деятельности наших уставных комиссий как в центре, так и на местах. Только таким путем мы можем благополучно завершить нашу работу.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I. Государственное издательство, М.—Л., 1929 г.

ПАМЯТИ ПЕРЕКОПА И ЧОНГАРА

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

Сейчас, когда пишутся эти строки, — 3 ноября.

В этот день, два года тому назад, завершился отходом врангелевских войск за крымские перешейки первый акт кровавой трагедии, известной под именем борьбы с южно-рус-

ской контрреволюцией. Невольно мысль переносится к этим незабвенным дням, становящимся уже историческим прошлым, и в сознании одна за другой всплывают картины этого, одного из наиболее драматических периодов истории нашей борьбы.

Армии Южного фронта, выполнив с успехом поставленную им первоначальную задачу — разгрома живых сил противника к северу от перешейков, к вечеру 3 ноября стали вплотную у берегов Сиваша, начиная от Геническа и кончая районом Хорлы.

Началась кипучая, лихорадочная работа по подготовке форсирования Чонгарского и Перекопского перешейков и овладения Крымом.

Так как вследствие стремительного продвижения наших армий вперед и неналаженности новых линий связи управление войсками из места расположения штаба фронта (гор. Харьков) было невозможно, я с полевым штабом и членами Реввоенсовета выехал 3 ноября на фронт. Местом расположения полевого штаба мной был намечен Мелитополь, куда мы и поставили задачей добраться в кратчайший срок.

Задача эта была не из легких. Дело в том, что белые, отступая, сожгли и взорвали все железнодорожные мосты, и восстановить их, несмотря на все применявшиеся старания и героические усилия ремонтных отрядов, так скоро было нельзя. В результате уже перед Александровском пришлось бросить поезд и двигаться дальше на автомобилях. Но и этот способ передвижения оказался ненадежен, так как в районе Васильевки (к югу от Александровска), вследствие отсутствия переправы через реку Янчокрак, пришлось машины оставить и двигаться дальше по способу пешего хождения.

Еще в Александровске мной было приказано подать из Мелитополя паровоз с вагоном, и в ожидании его мы расположились на ближайшей от реки станции.

Ждать пришлось немало, так как весь железнодорожный путь до Мелитополя был в разрушенном состоянии, затем нехватало топлива и топить приходилось, чем попало. Но, наконец, так долгожданный паровоз явился, и вся наша

компания расположилась в вагоне, взятом из только что отбитого от белых бронепоезда.

К Мелитополю подвигаемся очень медленно. Всюду по дороге — следы разрушений, огромные массы брошенного белыми военного имущества: снаряды, пушки, лафеты, сломанные повозки и пр. Поздней ночью с грехом пополам добираемся до Мелитополя.

Отдав необходимые организационные распоряжения по налаживанию связи с армиями и дождавшись наших автомобилей, мы трогаемся дальше с целью лично ориентироваться в обстановке на местах и объехать штабы всех армий.

До ст. Большой Утлюг доехали по железной дороге, а отсюда двинулись на машинах, ибо дальнейшему продвижению поездов мешал взорванный на р. Большой Утлюг железнодорожный мост.

У самой станции находились огромные пакгаузы, в значительной части заполненные хлебом, пшеницей и ячменем. За мостом и перед ним — груды обломков вагонов, паровозов и всякого военного имущества и снаряжения. Здесь, как оказалось, белыми было взорвано и сожжено несколько составов с боевыми припасами, вывезти которые они не успели вследствие стремительного продвижения вперед нашей конницы (3-го кавалерийского корпуса).

Маршрут был намечен следующий: ст. Юрицыно, ст. Юзкуя (местопребывание штаба 3-го кавалерийского корпуса), Геническ и ст. Рыково (полевой штаб 4-й армии).

Дорога все время идет по ровной, лишь местами пересекаемой неглубокими балками, местности ярко выраженного степного характера. Населенные места — сравнительно редки. Сама дорога была в превосходном для езды состоянии. Уже несколько дней как стояла ясная довольно морозная погода, и о распутице, которой я так опасался при начале нашего наступления, не было и помину.

Все проселочные дороги, шедшие в направлении с севера на юг, полны следов только что разыгравшихся кровавых событий. Прежде всего бросилось в глаза огромное количество павших лошадей. Вся степь, и особенно вблизи дороги, буквально была покрыта конскими трупами. Я, помню, несколько

раз принимался считать, — сколько трупов проедем мы в течение 2 — 3 минут, — и всякий раз получал цифры, начинавшиеся десятками. При виде этих кладбищ ближайших друзей нашего пахаря как-то особенно больно становилось на душе, и перед сознанием вставал вопрос: каково-то будет впоследствии и как будем справляться мы с фактами такой колоссальной убыли конского состава.

Участок железной дороги от ст. Большой Утлюг и вплоть до ст. Рыково представлял картину хаотического разрушения. Почти на всем протяжении он был забит остатками многочисленных железнодорожных составов, выброшенными белыми с севера, но не успевшими проскочить в Крым. Большинство из них было уничтожено огнем и взрывами, но большое количество и уцелело. Многие составы продолжали гореть, и оттуда то-и-дело раздавались глухие снарядные взрывы и треск взрывающихся патронов. Все пространство, на протяжении 15—20 сажен от пути, было усеяно гильзами от патронов и снарядов разных калибров.

К вечеру 8 ноября приезжаем на ст. Рыково.

Станция сплошь забита вагонами. Станционные постройки сильно пострадали: это место было свидетелем целого ряда боевых схваток. Полевой штаб армии с командармом 4-й и членом Реввоенсовета помещался в комнатке одной из сравнительно уцелевших станционных построек.

В штабе шла кипучая работа. Надо было прежде всего обеспечить размещение частей и их снабжение. Задача же эта при сравнительно слабой населенности района, отсутствии или крайнем недостатке фуража, полном отсутствии топлива, отсутствии — местами (весь Чонгарский полуостров и целый ряд районов, прилегающих к Сивашу) даже питьевой воды — была необычайно тяжелой. К этому надо добавить установившуюся необычайно холодную погоду — морозы доходили до 10°, тогда как огромное большинство войск не имело теплого обмундирования, вынуждено в то же время сплошь и рядом располагаться под открытым небом.

Такова была внешняя, материальная обстановка, в условиях которой шла с напряженной энергией работа по подготовке последнего решительного наступления.

Наряду с этим штабу приходилось спешно проводить реорганизацию частей. Некоторые дивизии, крайне ослабленные предыдущими боями, имели почти одни тылы. В это же время другие, наспех перекинутые на фронт с разных сторон, не имели достаточной материальной части и положенных обслуживающих аппаратов. Ввиду этого, согласно отданным мной указаниям, спешно производилось слияние некоторых частей. Вообще говоря, с военной точки зрения, такая мера, особенно в разгаре боевых операций, является нецелесообразной, ибо не дает времени вновь сливающимся элементам освоиться друг с другом и слиться в единое органическое целое. Но при создавшейся обстановке и особенно при обилии скопившихся на ограниченной территории войсковых частей, штабов и учреждений эта мера являлась вполне целесообразной.

И, наконец, шла самая энергичная работа по подготовке штурма Чонгарского перешейка.

Для этой цели все время по ночам производились поиски наших разведывательных отрядов на тот берег, причем отряды переправлялись через Сиваш или на лодках, или наскоро сколоченных плотках; со всех сторон побережья и, главным образом, из Геническа свозились перевозочные средства (лес, лодки и пр.), совершенно отсутствовавшие в намеченных для удара районах; устанавливались береговые батареи для прикрытия штурма, приводились в оборонительное состояние позиции и пр.

Чтобы оценить всю грандиозность производившейся работы, надо, как я уж отметил, помнить, во-первых, что никаких технических средств у войск под рукой не было, и, во-вторых, что работу эту производили люди в условиях страшной стужи, полураздетые и разутые, лишенные возможности хотя где-нибудь обогреться и не получавшие даже горячей пищи и питья. Дело в том, что налицо были лишь боевые части; что же касается войсковых тылов, технических средств и пр., то все это оставалось далеко в тылу, ввиду полной невозможности поспеть за полками при том темпе нашего наступления, который имел место, и при абсолютном отсутствии перевозочных средств.

Только небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта позволяли не только совершать невозможное, но и делать то, что почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец и командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там конец всем лишениям...

В этот период времени (1—5 ноября) фронтовое командование уделяло очень большое внимание левому флангу нашего боевого расположения, занимавшемуся войсками 4-й армии (от Генического до района Воскресенска, что, примерно, на середине общего протяжения Сиваша).

Это вытекало из общего плана намечавшейся операции.

Как известно, Крым соединяется с материковой частью тремя пунктами: 1) Перекопским перешейком, имеющим около 8 верст ширины, 2) Сальковским и Чонгарским мостами (первый железнодорожный), представляющими ниточки мостовых сооружений, возведенных частью на дамбе до 8 метров шириной и протяжением до 5 верст, и 3) так называемой Арабатской стрелкой, идущей от Генического и имеющей протяжение до 120 верст при ширине от полуверсты до 3 верст.

Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. Начатые постройки еще в период Добровольческой армии Деникина, позиции эти были с особенным вниманием и заботой усовершенствованы Врангелем. В сооружении их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные орудийные заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи,—все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки открытой силой.

Наиболее сильно укреплены были участки Перекопский и Чонгарский, особенно первый, имевшие по несколько укрепленных линий, богато вооруженных тяжелой и легкой артиллерией и пулеметами.

На Перекопском перешейке наши части 6-й армии, еще до 30 октября, развивая достигнутый в боях к северу от перешейков успех, овладели с налета двумя укрепленными линиями обороны и г. Перекопом, но дальше продвинуться не смогли и задержались перед третьей, наиболее сильно укрепленной линией так называемого Турецкого вала (земляной вал высотой в несколько сажен, сооруженный еще во времена турецкого владычества и замыкавший перешеек в самом узком его месте).

Между прочим, в тылу этой позиции на расстоянии 15—20 верст к югу была возведена еще одна полоса укреплений, известная под именем Юшунских позиций.

На Чонгаре мы, овладев всеми укреплениями Чонгарского полуострова, стояли вплотную у взорванного Сальковского железнодорожного моста и сожженного Чонгарского.

Таким образом, при определении направления главного удара надо было выбирать между Чонгаром и Перекопом. Так как Перекоп, в силу большей ширины, открывал более широкие возможности в смысле развертывания войск и вообще представлял больше удобства для маневрирования, то, естественно, наш решающий удар был нацелен сюда.

Для выполнения его были предназначены дивизии 6-й армии. В непосредственном тылу 6-й армии и, отчасти, 4-й были сосредоточены конные массы 1-й и 2-й конных армий.

Но так как, с другой стороны, здесь перед нами были очень сильные фортификационные сооружения противника, а также, естественно, здесь должны были сосредоточиться его лучшие части, то внимание фронтового командования было обращено на изыскание путей преодоления линии сопротивления противника ударом со стороны нашего левого фланга.

В этих видах мной намечался обход по Арабатской стрелке Чонгарских позиций с переправой на полуостров у устья реки Салгира, что в верстах в 30 к югу от Геническа.

Этот маневр в сторону в 1732 г. был проделан фельдмаршалом Ласси. Армии Ласси, обманув крымского хана, стоявшего с главными своими силами у Перекопа, двинулись по Арабатской стрелке и, переправившись на полуостров в устье Салгира, вышли в тыл войскам хана и быстро овладели Крымом.

Наша предварительная разведка в направлении к югу от Геническа показала, что здесь противник имел лишь слабое охранение из конных частей.

Оставалось обеспечить операцию со стороны Азовского моря, где действовала флотилия мелких судов противника, иногда подходившая к Геническу и обстреливавшая там наше расположение. Эта задача была возложена мной на Азовскую флотилию, стоявшую в Таганроге.

Командующему флотилией приказано было идти на Геничesk. Приказ должен быть выполнен не позднее 8 ноября. К сожалению, наш флот не явился. Как оказалось, он не мог пробиться через льды, сковавшие, благодаря наступившим морозам, Таганрогскую бухту. Напротив того, неприятельская флотилия продолжала навещать район Геническа и тем мешала всяким операциям в этом направлении.

Лично обрекогносцировав все побережье и убедившись, что на скорое прибытие нашего флота надежд нет, время же не терпело, я с величайшим сожалением отказался от намерения использовать для удара Арабатскую стрелку. Если бы наш флот смог прибыть своевременно, то нет ни малейших сомнений в том, что из Крыма армия Врангеля не ушла бы. Как бы то ни было, но ныне приходилось возлагать все надежды на прямую атаку в лоб Перекопских и Чонгарских позиций.

В связи с изложенным, решающим направлением отныне являлось исключительно Перекопское, и туда направилось наше главное внимание.

5 ноября на ст. Рыково мною отдается директива, согласно которой на войска 6-й армии (51, 52, 15-я и Латышская дивизии) возлагалась задача не позднее 8 ноября, переправившись на участке Владимировка — Строгоновка — Малый Курган через Сиваш, ударить во фланг и тыл Перекопских

позиций, одновременно атакуя с фронта Турецкий вал. Для обеспечения операций и немедленного развития успеха в подчинение командарма 6-й были переданы 2-я конная армия в составе трех кавалерийских дивизий, одной бригады и группы повстанческих войск Махно, насчитывавшей около 2000 бойцов при большом количестве пулеметов. 6 ноября я выехал лично в район расположения частей 6-й армии. Попутно мы объехали штабы 1-й и 2-й конных армий, где непосредственно подробно договорились с командованием этих армий относительно плана и способа проведения в жизнь намеченной операции.

7 и 8 ноября мы провели в расположении частей 6-й армии, 8-го, около 4 часов дня, захватив с собой командующего 6-й армией, мы приехали в штаб 51-й дивизии, на которую была возложена задача штурма в лоб Перекопского вала. Штаб стоял в селе Чаплинке. Настроение в штабе и у начдива было приподнятое и в то же время несколько нервное. Всеми сознавалась абсолютная необходимость попытки штурма и в то же время давался ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить немалых жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнимости приказа о ночном штурме в предстоящую ночь. В присутствии командарма мною было непосредственно, в самой категорической форме, приказано начдиву штурм произвести.

Надо признать, что действительно на войска дивизии возлагалась задача неимоверной трудности. Нужно было без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки, на самом узком пространстве и по абсолютно ровной, лишенной всяких следов местности, атаковать сильно укрепленную позицию.

Отдав все необходимые указания, мы двинулись дальше по направлению к Перекопу. Были уже сумерки. Когда мы приблизились к берегу Перекопского залива, поднялся туман, закрывший на расстоянии нескольких шагов все предметы. На юге и юго-востоке непрерывно раздавался грохот оружейной пальбы. Подвигались мы довольно медленно, с каждым шагом вперед пушечная канонада становилась все слышнее и

слышнее. Скоро впереди и вправо от нас мы стали различать огневые вспышки орудийных залпов.

Линия неприятельского расположения обнаруживалась непрерывными снопами лучей прожекторов, старавшихся пронзить мрак и раскрыть движение наших частей. На огонь противника отвечали сильным огнем и наши батареи, расположенные перед Перекопской позицией.

Приезжаем в линию расположения резервных полков 51-й дивизии. В них идет подготовка к последнему решающему акту. Настроение у красноармейцев спокойное и лишь несколько приподнятое. Полки ждут приказа двигаться на подкрепление своих товарищей, занимающих передовые исходные для атаки позиции. Холодно. Огни разводить запрещено. Даже курить приказано, тщательно укрываясь. Озябшие красноармейцы прыгают на месте, стараясь хоть сколько-нибудь согреться. Едем дальше, наталкиваемся на новые части: это подходящие к полю боя полки армейского резерва — Латышской дивизии.

Огонь со стороны противника усиливается, отдельные снаряды попадают в район дороги, идущей по северному берегу Сиваша, по которой едем мы. Впереди и несколько влево от нас вспыхивает сильный пожар. Это — неприятельские снаряды зажгли скирды соломы у какого-то хуторка возле с. Перво-Константиновка.

Ближайшей своей целью мы ставим добраться до ст. Владимировка, где стоит штаб 52-й дивизии. Приезжаем; наконец, в штаб дивизии. Начдива 52-й в штабе нет. Он со своими полками уже переправился в город через Сиваш и ведет бой в районе деревни Кара-Дженай, что к юго-востоку от Перекопского вала. Части дивизии переправились еще ночью с 7-го на 8-е и энергично проведенной атакой на рассвете овладели укреплениями так называемого Литовского полуострова. Развивая свое наступление дальше во фланг и тыл Перекопским позициям противника, дивизия после первых успехов натолкнулась в районе Кара-Дженай на упорное сопротивление противника, бросившего в контратаку одну из своих лучших дивизий — Дроздовскую, подкрепленную отрядом бронемашин. По отрывочным сведениям, поступившим в штадив, можно

было сделать тот вывод, что части дивизии несколько отброшены назад и обороняются на линии, составляющей южную границу Литовского полуострова. Бой идет непрерывно с предыдущей ночи. Бойцы все время не ели, имеются жалобы на полное отсутствие питьевой воды. Все обозы находятся на северном берегу, и о налаживании хоть сколько-нибудь сносного снабжения в условиях боя не может быть и речи.

Очень выгодным для нас обстоятельством, чрезвычайно облегчившим задачу форсирования Сиваша, было сильное понижение уровня воды в западной части Сиваша. Благодаря ветрам, дувшим с запада, вся масса воды была угнана на восток, и в результате в ряде мест образовались броды, — правда, очень топкие и вязкие, но все же позволявшие передвижение не только пехоты, но и конницы, а местами даже артиллерии. С другой стороны, этот момент совершенно выпал из расчетов командования белых, считавшего Сиваш непроходимым, и поэтому державшего на участках наших переправ сравнительно незначительные и притом мало обстрелянные части, — преимущественно из числа вновь сформированных.

В результате первых боев была сдача нам в плен целой Кубанской бригады ген. Фостикова, только что прибывшего из Феодосии. Ознакомившись с обстановкой и отдав все вызывавшиеся ею распоряжения, мы поехали дальше в штаб 15 дивизии, стоявшей в с. Строгановка.

В штаб добрались уже к полуночи. Начальник дивизии точно так же был при своих полках, уже закрепившихся на южном берегу Сиваша и выдержавших там яростные контратаки противника.

Из поступивших за ночь и за день донесений было ясно, как правильно поступали мы, решившись идти на штурм без всяких проволочек и даже не дождавшись прибытия отставшей сзади тяжелой артиллерии. Противник совершенно не ожидал такого быстрого удара с нашей стороны. Уверенный в безопасности, он к моменту нашей атаки производил перегруппировку войск, заменяя на Перекопском направлении сильно потрепанные части своих 13-й и 34-й дивизий 2-го армейского корпуса дроздовцами, марковцами и корниловцами

из состава своего лучшего 1-го армейского корпуса. В результате часть позиций занималась еще прежними гарнизонами, а часть новыми, еще не успевшими даже ознакомиться с местностью.

Бои на участке 15-й дивизии протекали успешно. Ею было захвачено несколько орудий, и части дивизии, не встречая особого сопротивления, продвигались вперед. Так же, как и в 52-й дивизии, главным неудобством были оторванность от обозов и полное отсутствие воды, фуража и провианта по ту сторону Сиваша.

Не больше чем через полчаса после нашего приезда в дивизию с линии связи, проложенной через Сиваш к боевому участку, поступают донесения о повышении уровня воды, начинавшей медленно затапливать брод. Проверили, оказалось действительно так. Положение создавалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного и тогда полки 15-й, а вслед затем и 52-й дивизии окажутся отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принимать самые решительные меры, — иначе все дело могло погибнуть.

Таковыми мерами явились следующие мои распоряжения, отданные к немедленному исполнению: 1) подтверждение немедленной атаки в лоб частями 51-й дивизии Перекопского вала под угрозой самых суровых репрессий в случае оттяжки в исполнении; 2) мобилизация всех жителей селений Строгановки, Владимировки и пр. для предохранительных работ на бродах; 3) приказ 7-й кавалерийской дивизии и Повстанческой группе, стоявшим в 10 верстах от Строгановки, сейчас же садиться на коней и переправляться через Сиваш для подкрепления 15-й и 52-й дивизий.

Отдав изложенные распоряжения и установив наблюдение за их исполнением, мы решили оставаться в Строгановке впредь до выяснения обстановки.

Примерно в 3 часа ночи в Строгановку прибыла 7-я кавалерийская дивизия, которая после осмотра тотчас же была отправлена к боевым линиям. Вода за это время уже сильно испортила брод, но переправа все же еще была возможна. Часам к 4 явились и махновцы. Вызвав к себе их командующего Каретникова и начальника штаба, фамилию которого

сейчас не помню, я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час.

Видимо махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь, быть может, какой-нибудь ловушки. Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часам к 5, удалось и их переправить к месту боя.

В это же время я получаю донесение из штаба 51-й дивизии, переданное через штадив 52-й, о том, что части 51-й дивизии в 3 часа 30 минут пополуночи овладели штурмом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский базар. Прочитал донесения, и с плеч словно гора свалилась. Правда, это еще не означало окончания задачи, ибо дальше путь в Крым преграждали сильные Юшунские позиции и главная развязка всей операции должна была произойти там, но все же со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком две дивизии, отрезываемые водами Сиваша. Теперь являлась возможность установления с ними связи по твердому грунту, что резко улучшало всю обстановку.

Дав директиву командованию 6-й армии об энергичном продолжении дальнейшего наступления, я со спокойной совестью направился отдохнуть.

На другой день, убедившись, что события на фронте 6-й армии развиваются нормально, мы выехали к ст. Рыково, в штаб 4-й армии, дабы ускорить наш удар отсюда и тем не дать противнику возможности обрушиться всеми силами на Перекопское направление.

В Рыково приехали поздно ночью. Здесь узнал, что наше продвижение к югу от Геническа по Арабатской стрелке, начавшееся 8 ноября и протекавшее вполне благополучно, было ликвидировано огнем нескольких подоспевших судов противника. Двигавшийся в авангарде полк 9-й стрелковой дивизии, подвергнувшийся ожесточенному обстрелу, не имея никакой возможности укрыться от огня на узенькой и совершенно открытой стрелке, был вынужден с большими потерями отойти назад.

В районе мостов заканчивались спешные приготовления полков 30-й стрелковой дивизии к ночному штурму. Настроение полков было выше всяких похвал. Переданное мною частям сообщение о взятии 6-й армией Перекопа еще более подняло настроение и вызвало горячий дух соревнования.

...Через несколько часов начался знаменитый ночной штурм полками 30-й дивизии Чонгарских позиций противника. Утром 11 ноября, после кровопролитного боя, части дивизии уже были на том берегу и, опрокинув противника, стремительно наступали на Джанкой.

Так решилась участь Крыма, а с ним и судьба всей южнорусской контрреволюции.

Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии. Но досталась она нам дорогой ценой. Кровью десяти тысяч своих лучших сынов оплатили рабочий класс и крестьянство свой последний, смертельный удар контрреволюции. Революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертоносного огня.

Память об этих десяти тысячах красных героев, легших у входов в Крым за рабочее и крестьянское дело, должна быть вечно светла и жива в сознании всех трудящихся. Если нам теперь легче, если мы, наконец, окончательно закрепили торжество труда не только на военном, но и на хозяйственном фронте, то не забудем, что этим мы в значительной мере обязаны героям Перекопа и Чонгара. Их незабвенной памяти посвящаю эти строки и перед ними склоняюсь обнаженной головой.

„Октябрьская революция“.
Харьков, ноябрь 1922 г.

1 9 2 3

КРАСНАЯ АРМИЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Красная Армия празднует свой пятилетний юбилей. В связи с этим ей приходится подвести итоги своему прошлому, посмотреть, чем она была и чем стала, и познакомить со всем этим широкие трудовые массы нашего Советского Союза.

Такой смотр своих сил очень кстати. Кстати не только потому, что такие вещи вообще всегда полезны для налаживания работы, но и в силу особенностей современного международного положения, требующих от нас особой бдительности в отношении внешней обороны страны.

Пять лет для истории — срок небольшой. Но так как они приходятся на период грандиознейших социальных сдвигов и революционных бурь, то и темп жизни в них был совершенно иной, а стало быть, иными были и содержание, разнообразие и глубина проделанного за это время опыта. В частности, в деле военного строительства мы пережили целый ряд глубочайших изменений и превращений, делающих современную Красную Армию во многих отношениях не похожей на то, чем она была хотя бы 2—3 года тому назад.

Изменения эти касаются и ее состава, и организации, внутренней жизни, внешних функций и боевой деятельности.

При всем многообразии этих изменений, их кажущейся, а порой и действительной, противоречивости, хаотичности и пр. мы все же неуклонно шли вперед по пути улучшения. Основной линией развития было движение от стихийности и беспорядочности к сознательности и организованности масс и улучшению военного руководства.

В многочисленных воспоминаниях наших белых противников, посвященных первым этапам борьбы красных и белых, боевым действиям красных, в противоположность белому лагерю, приписывается планомерность, строгая обдуманность, целесообразность руководства и организованность выполнения. Этим, главным образом, по их мнению, объясняется успех и Октябрьского переворота и дальнейшей вооруженной борьбы. На деле, конечно, было далеко, если не сказать совсем, не так.

Эта характеристика совершенно правильна в отношении нашего политического руководства. Мы действительно прекрасно знали, чего хотим и как к этому идти. Но не так было в области чисто военной борьбы. Здесь нам пришлось действовать в качестве новичков и учеников. И если бы какой-либо белый генерал заглянул, хотя бы в момент красновского похода на Питер, в наши тогдашние военные центры, то и там, в отношении организации управления, он нашел бы картину, похожую на рисуемые ими картины белого лагеря.

На самом деле с нашей стороны боролась и побеждала сама охваченная революционным энтузиазмом масса. В конечном итоге действительно получалась картина известной стройности и организованности. Но все это достигалось стихийно проявлением самодеятельности рабочей и крестьянской массы, успевавших выдвинуться на опасных местах организаторов и бойцов, сплошь и рядом без всяких указаний и руководства сверху.

У белых же ничего подобного не было.

Но всего этого оказалось мало, когда противник со своей стороны выдвинул в бой организованную силу. С этого времени начинается формирование массовой регулярно организованной силы. К концу борьбы на внешних фронтах мы

имели уже вполне организованную и правильно руководимую армию. Армия эта оказалась вполне способной блестяще разрешить задачу военной обороны Советской республики.

Но, оглядываясь назад, приходится признать, что успехи нам достались страшно дорогой ценой. Объясняется это, во-первых, недочетами снабжения, затем большими пробелами в военной выучке рядовой армейской массы и ее командного состава и, наконец, нашей технической отсталостью. Чтобы избежать этого в будущих военных столкновениях, мы, исходя из опыта прошлого, должны выставить в поле многочисленную, массовую Красную Армию, удовлетворительно снабженную, с хорошо подготовленным старшим и низшим командным составом и с достаточным техническим оборудованием.

Удовлетворяет ли этим требованиям Красная Армия в ее нынешнем состоянии? На этот вопрос сейчас приходится пока дать отрицательный ответ. Советское общественное мнение должно, прежде всего, дать себе отчет в том, что в своем нынешнем 600-тысячном составе Красная Армия не является постоянной регулярной армией в том смысле, как это имело место, например, в отношении старой царской армии. Она представляет собой только кадр, т. е. ядро, около которого должны сомкнуться миллионные рабочие и крестьянские пополнения. Кадр этот настолько слаб, что не в состоянии пропустить через свои ряды даже всей массы призывной молодежи.

Ежегодно несколько сот тысяч призывников у нас должно остаться без всякой военной подготовки, если мы не сумеем найти каких-либо иных путей к разрешению этой задачи. Пути эти открываются в переходе части наших войсковых соединений на милиционные начала и в широком использовании Всевобуча. Все это означает, что уже теперь, в момент мирного существования, центр тяжести военной подготовки в значительной мере переносится на весь наш партийный и советский аппарат в целом. Одна Красная Армия с этой задачей не справится.

Вообще следует усвоить мысль, что воевать будет не Красная Армия, а весь народ, а потому он и должен к этому быть подготовлен.

В отношении снабжения армии и ее технического оборудования приходится отметить, что все это целиком зависит от общего хозяйственного положения Республики. Пока что наши ресурсы очень и очень невелики, особенно по сравнению с нашими возможными противниками.

Вопрос этот стоит чрезвычайно остро, и, считаясь со складывающейся мировой обстановкой, нам, очевидно, необходимо, даже с известным ущербом для общехозяйственного развития, нажать в направлении скорейшего развития военной промышленности. Это будет во всяком случае для государства много выгоднее и дешевле, чем спешная и, конечно, несвоевременная перестройка всей промышленности на нужды обороны с началом военных действий, последствием чего явится почти немедленное создание тяжких материальных условий для всего населения.

Особенное внимание нужно обратить на развитие почти отсутствующих у нас авиационной и химической промышленности. Война в воздухе и химическая война будут в значительной мере решать судьбу грядущих столкновений. В целях приобретения технических навыков и массовой подготовки летного состава было бы очень хорошо привлечь к органической работе по развитию советской авиации нашу молодежь. Это можно было бы сделать удобнее всего в форме шефства со стороны комсомола не только над морским, но и над авиафлотом. Несомненно, что пролетарская молодежь со своим энтузиазмом и энергией сумеет дать огромный толчок развитию авиации и поможет превращению ее из предмета ведения узкого круга специалистов в общенародное дело.

Что касается выучки Красной Армии, то здесь мы можем похвастаться довольно значительными успехами. Красный комсостав, почти исключительно рабоче-крестьянский по своему социальному положению, далеко шагнул вперед. Интерес к делу огромный, и Республика может ожидать и дальнейших успехов. Но здесь имеется все-таки и довольно значительное «но». Оно сводится к факту продолжающегося тяжелого материального положения командного состава и особенно так называемого административно-хозяйственного персонала. Несмотря на некоторые улучшения, положение, по

сравнению с гражданскими органами, продолжает оставаться острым, и это заметно отражается на всей военной работе.

Наша задача в области выучки теперешнего состава Красной Армии сводится к тому, чтобы всякий боец, пришедший в ее ряды, мог в дальнейшем быть командиром отделения. Выполнение этой задачи, вполне реальной по существу, но требующей крайне напряженной работы командиров и политических работников, мыслимо лишь при предоставлении последним условий, дающих возможность целиком отдаваться этому делу, а не искать посторонних заработков.

И эти условия страна во что бы то ни стало должна дать.

Поступающий в армию рабоче-крестьянский молодец является прекраснейшим боевым материалом. Степень политической сознательности, жажда знания и работоспособность — поразительные. Таким образом, с этой стороны дело подготовки хорошего кадра обеспечено.

В заключение, я хотел бы ответить на один вопрос, с которым ко мне не раз обращался ряд товарищей: можем ли мы с надеждой на успех драться с серьезным противником при нынешнем положении страны и армии?

Мой ответ:

Если на нас нападут, несомненно, да. Факторы, определившие нашу победу в прошлом, будут действовать за нас и теперь. Кое в чем мы их даже пополнили. Но борьба в этих условиях будет для страны невероятно тяжела, и победа будет стоить больших жертв. А отсюда и наша задача: твердо продолжать наш мирный курс и теперь же для обеспечения его пойти на ряд жертв, т. е. со стороны государства дать Красной Армии возможность выполнить ее долг перед страной малой кровью.

„Коммунист“, № 2, 1923 г.

1 9 2 4

ПРИВЕТ ПУРу

К ПЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПУРа

Роль, которую сыграла в успехах Красной Армии полит-работа, общезвестна. В ее лице наша армия получила новое оружие, которое в величайших размерах укрепило и увеличило ее боевую мощь.

Кто вносил элементы порядка и дисциплины в ряды создававшихся под гром пушечных выстрелов наших молодых красных полков? Кто в часы неудач и поражений поддерживал мужество и бодрость бойцов и вливал новую энергию в их пошатнувшиеся ряды? Кто налаживал тыл армии, насаждал там советскую власть и создавал советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед? Кто своей настойчивой и упорной работой разлагал ряды врага, расстраивал его тыл и тем подготавливал грядущие успехи?

Это делали политические органы армии, и делали, надо сказать, блестяще. Их заслуги в прошлом — безмерны.

Эти заслуги целиком связаны с той ролью, которую они играли в общем строе и в системе нашей партийно-политической работы.

Являясь органами коммунистической партии в армии, политорганы были непосредственными проводниками тех настроений энергии и энтузиазма, которыми горела партия, и той уверенности в победе, которую носил в себе рабочий класс.

Бесспорным организатором наших побед является Российская коммунистическая партия. Эта задача была возможна благодаря созданию сети политорганов, охвативших армию сверху донизу и спаявших ее в одно целое, связанное единством настроений и чувств. Поэтому честь организации победы принадлежит и нашим политорганам. И эту честь в пятую годовщину существования высшего политического органа армии — Политического управления Реввоенсовета Союза — Красная Армия в полной мере им воздает.

Могут сказать: так было прежде, но будет ли так же и дальше? Сохранит ли в будущем политическая работа в армии то место, которое она имела в минувшей гражданской войне?

Я отвечаю категорически: несомненно, да.

Где бы ни пришлось вести в будущем военную борьбу Союзу Советских Республик, эта борьба всегда будет носить классовый, революционный характер. В той или иной степени, в тех или иных размерах, порою больше, порою меньше, но эти столкновения неизбежно будут носить на себе черты нашей минувшей гражданской войны. Поэтому и политработа целиком сохранит свое место и значение. Она попрежнему будет являться новым, добавочным родом оружия, страшным для всякого из наших врагов.

Пусть же политработники армии изучают глубже опыт минувшей войны. Пусть улучшают и совершенствуют дальше свои методы и тем увеличивают боевое значение своего рода оружия, а тем самым и мощь всей Красной Армии. Красная Армия знает и ценит роль политработы и отводит ей почетное место в своих рядах.

Красная Армия шлет горячий привет ПУРу и всем его органам и желает дальнейшего укрепления и процветания политработы, как важнейшего оружия нашего Союза.

„Красная Звезда“, № 89, 18 апрелл 1924 г.

ЗАДАЧИ АКАДЕМИКОВ В АРМИИ

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА,
ПОСВЯЩЕННОМ 4-МУ ВЫПУСКУ ЕЕ СЛУШАТЕЛЕЙ, 1 АВГУСТА 1924 г.

Известие о сегодняшнем дне несомненно радостным эхом прозвучит по всей нашей советской земле. Радость эта вполне понятна, так как в вашем лице, в лице новых более чем сотни молодых строителей, вышедших из рабоче-крестьянских низов, мы в одной из областей нашей советской работы — в области военного дела — получаем мощную и крепкую поддержку. Вы знаете, что одной из самых крупных преград в деле социалистического строительства, в деле наших успехов являлось отсутствие во всех областях советской работы людей, вполне подготовленных для той высокой задачи, которую история поставила перед нами. И только шаг за шагом с величайшими усилиями и с большими материальными жертвами нам удастся возместить этот пробел. Мы, представители Красной Армии, можем с гордостью сказать, что от всех других областей нашей советской работы мы не только не отстаем, а, пожалуй, идем впереди их. Мы можем сказать, что, пожалуй, ни в одной из других областей советской работы дело руководства, дело управления не поставлено так прочно и крепко, как это имеет место в Красной Армии. Одна маленькая цифра, говорящая о вашем должностном и партийном составе ⁴⁶, является доказательством того, что наше рабоче-крестьянское государство в лице 4-го выпуска Красной Военной академии получает тот кадр работников, тот кадр вождей и организаторов, в которых так нуждаются страна и армия. В связи с этим всеми вами должно ясно сознаваться, насколько большая и серьезная ответственность лежит на вас. Вы не должны забывать, что вы очень и очень многим обязаны своей рабоче-крестьянской социалистической республике. Вы должны помнить хорошо о том, что дело подготовки кадра военных организаторов, вышедших из рабоче-крестьянской среды, организаторов, крепчайшими кровными узами связанных со всем делом нашего социалистического строительства, — подготовка этих организаторов достается нам с большими материальными жертвами.

Вы знаете, что на низших ступенях народного образования нам приходится идти на чрезвычайно большие жертвы, нам приходится считаться с отсутствием возможности поднять на нужный уровень дело народного просвещения. Мы считаем, — и я думаю, что здесь не ошибусь, если это скажу, — что в момент великой борьбы, открытой схватки и подготовки к самому бою нельзя было думать о том, чтобы всю массу трудовых низов поднять на должную высоту, а приходилось прежде всего заботиться о том, чтобы было кому эти многомиллионные массы вести в бой. Отсюда для вас vyplывает задача: помня всегда об этом, стараться вернуть стократно стране те затраты, которые сделаны на вашу подготовку; помнить о своей обязанности быть в любом месте вашей работы центром, организующим творческую деятельность; работать так, чтобы каждый из вас, где бы он ни работал, куда бы ни являлся давал толчок всей дальнейшей работе, делался источником новых достижений, нового движения вперед.

Мы все прекрасно понимаем, что выполнение этой роли является делом далеко не легким. Вы должны вернуться в атмосферу довольно-таки серенькую, в атмосферу обыденщины, обывательщины, с ее рутинной, с ее будничными крохоборческими интересами. И несомненно, что эта обстановка, эта атмосфера будет являться величайшим препятствием для достижения тех целей, о которых я сейчас вам говорю. Но плох будет тот из вас, кто впадет в уныние, кто впадет в состояние апатии. Настоящий вождь-революционер, вождь-организатор именно и будет испытан здесь, в этой практике, в этом опыте повседневной будничной работы. И претендовать на роль настоящего красного генштабиста, настоящего организатора и вождя Красной Армии может только тот из вас, кто с этой обстановкой сумеет справиться, не даст ей подчинить себя и сумеет сам работать и других вести за собой.

Об этом последнем вы должны точно так же постоянно помнить. «Все течет, все изменяется», — говорил еще древний философ Гераклит. Обстановка изменяется чрезвычайно быстро, на наших глазах. Двигается вперед наука, движется в том числе и наша военная наука. Мысль, если только она

не будет укреплять себя, если только она не будет следить за всеми достижениями, которые имеют место в области военного строительства, — она сама станет немощна, она сама станет бесплодна. Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа, вынесенного из стен академии, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, к пополнению своего теоретического и практического багажа, — только тот не отстанет в военном деле, будет идти впереди и, быть может, поведет за собой десятки и сотни других людей.

Вы должны, дальше, отдать отчет себе в том, что на вас лежит чрезвычайно высокая ответственность в связи с особым положением нашей страны, с особым значением всей нашей работы. Волею исторического процесса СССР — а первоначально РСФСР — был поставлен во главе мирового революционного движения, и вышло так, что в нашей отсталой некультурной стране рабочий класс, первый между пролетариатом всех других стран и народов, захватил власть в свои руки и организовал новое рабочее государство. В связи с этим на плечи нашего государства, на плечи коммунистической партии, ведущей это государство, и на плечи наши с вами — руководителей Красной Армии, ее Красного Генерального штаба — ложатся совершенно особые задачи, выходящие далеко за пределы узких национальных рамок.

Вы все, несомненно, отдадите себе отчет в том, что полного укрепления внутреннего и внешнего положения нашего Союза, полного укрепления завоеваний нашей Октябрьской революции, полного укрепления фундамента социалистического строительства можно ожидать только тогда, когда бок о бок с нами станет пролетариат крупнейших стран мира. До тех пор пока этого нет, мы не можем свое положение считать сколько-нибудь обеспеченным. Отсюда наша первая задача: неустанно наблюдать не только за тем, что творится внутри нашей страны, но и за тем, что делается вне ее. Рабоче-крестьянский Красный Генеральный штаб должен с особенным вниманием, с особенной серьезностью следить за тем, что делается за рубежом нашей советской земли.

Красный Генеральный штаб выполнит свою задачу только тогда, когда сумеет подняться над точкой зрения национально-государственной. Мы с вами должны осознать себя как потенциальное ядро, как потенциальный центр более широкого Красного Генерального штаба. На нас с вами лежит задача помочь пролетариату тех стран, которые еще не сумели победить своего классового врага внутри себя, — помочь им победить этого врага. Вы видите, насколько широким и многообъемлющим представляются с этой точки зрения задачи нашего Красного Генерального штаба. Вы видите, какое колоссальное требование предъявляет нам и наше международное положение. И, чтобы стать на высоту этих задач, нам с вами придется проделать работу колоссального значения и объема.

Я должен вам открыто здесь сказать, что настоящего Красного Генерального штаба мы еще не создали. Одного того факта, что по своему социальному составу, по своим настроениям он крепко, кровно связан с революцией, с делом рабочего класса, еще недостаточно. Чтобы быть настоящим Красным Генеральным штабом, нужно обладать полнотой тех знаний, всего того умения, которое необходимо для военного руководства революционным пролетарским движением. Необходимо, чтобы мы могли отчетливо и конкретно выполнить любую поставленную нам задачу. Можем ли мы с вами это сделать сейчас? Нет, совершенно не можем. Мы не могли этого сделать до сих пор, и это я объясняю не недостатком желания тех, кто до сих пор стоял во главе Красной Армии, руководил ее мыслью, ее борьбой, ее успехами, — не недостатком желания, а недостатком знаний, главным образом недостаточной теоретической подготовкой. Благодаря этому нашему недостатку знаний, нашей неподготовленности мы до сих пор еще не можем сказать, что достигли полного уточнения и уяснения того, каким путем надо вести дальше нашу военную работу. Нам придется еще работать над этим, несмотря на то, что после ликвидации фронтов прошло значительное количество лет.

Вот те пробелы, те недостатки, пополнения которых ожидает от вас Красная Армия, ожидает военное руководство, ожидает вся наша рабоче-крестьянская республика.

Вы являетесь первым выпуском, который был поставлен в более или менее благоприятные условия. Ваши предшественники имели для своей учебы обстановку ненормальную, им приходилось учиться наспех, они часто отрывались на сторону ⁴⁷, и вообще условия далеко не благоприятствовали мирной, вдумчивой, кропотливой, научной работе. В этом отношении вы являетесь более или менее счастливым исключением, а отсюда и надежды на вас возлагаются большие, отсюда высокая ответственность, которая ложится на вас. Вы должны будете в своей деятельности показать, что эти ожидания не обманчивы; поскольку государство вам дало возможность подковать себя, пополнить свои теоретические познания, вы должны будете показать, на что вы способны, сумеете полностью, на все 100% оправдать доверие, оказанное вам, оправдать ожидания, связываемые с вами.

Я должен еще отметить, что работа ваша, помимо уже отмеченных мною моментов, будет встречать ряд препятствий материального порядка. Я должен вам заранее сказать, что рассчитывать на крупные достижения в деле улучшения материального положения Красной Армии в целом, ее командного и политического состава в частности, мы в предстоящем году не можем. Наши надежды были более широки, но с тех пор, как выяснилось, что неурожай, постигший ряд местностей и губерний нашего Советского Союза, наносит значительный удар нашему общегосударственному благосостоянию, надежды на крупные материальные улучшения в значительной степени поблекли. Это перед нами ставит чрезвычайно тяжелую и ответственную задачу — путем напряжения воли, путем напряжения всей нашей энергии добиться того, чтобы не только не остаться на уровне, на котором мы сейчас с вами стоим, но чтобы сделать большое и серьезное продвижение вперед. Объективные данные для этого, несомненно, есть. Что касается субъективных данных, то я думаю, что нисколько не ошибусь, если скажу, что в вашем лице рабоче-крестьянское государство в этом отношении имеет такую группу строителей, которых никакие препятствия, никакие лишения не остановят и которые сумеют достойным образом выполнить возлагаемые на них ожидания,

Дальше я хотел бы перед вами остановиться еще на двух моментах в вашей будущей работе.

Вы знаете, что мы давно уже усвоили твердый курс на переход к так называемому единоначалию. Институт комиссаров, который мы создали в момент революционной борьбы и который являлся могучим орудием в руках пролетарского государства в деле выполнения поставленных перед Красной Армией боевых задач, мы считали временным. Мы считали, что когда создадутся условия, обеспечивающие продвижение на руководящие командные посты людей, вышедших из низов, людей, тесно связанных с рабоче-крестьянской средой, людей, которые могут выполнять роль не только технических руководителей, но и руководителей политических, — когда создадутся эти условия, то этот институт, принесший громадную неоценимую услугу, должен будет отмереть.

К сожалению, мы должны отметить, что подготовка этих условий у нас шла не так быстро, как мы бы того хотели. Это зависит от целого ряда причин, но в общем и целом эта задача перед нами остается. Эта задача должна быть нами выполняема постоянно в процессе нашей работы. В связи с тем, что по вопросу об единоначалии у нас в последнее время шло много разговоров, Реввоенсовет считает своим долгом сказать вам, что курс на единоначалие в полной мере признается основным курсом в нашей внутренней военной политике. Реввоенсовет считает своей обязанностью, поскольку налицо оказываются благоприятные условия для единоначалия, это неуклонно проводить в жизнь.

От вас, кто достаточно подкован практически и теоретически и кто достаточно подготовлен для роли политического руководителя, — от вас теперь в значительной мере зависит, чтобы проведение этого курса сделалось более быстрым, чем до сих пор. Своим собственным поведением, своей работой вы должны доказать полную возможность этого перехода в более широком масштабе. Вы должны для этого прежде всего выполнять ту директиву, которая давно уже дана Реввоенсоветом, но которая, к сожалению, не в полном объеме осуществляется. Я имею в виду втягивание всего командного состава, и партийного и беспартийного, наряду с политработ-

никами, в нашу партийную — армейскую и общепартийную работу. Если вы наряду с вашими техническими функциями — функциями военного руководства — не будете забывать об этой задаче, то тем самым вы наилучшим образом обеспечите скорейшее проведение этого намеченного и подтвержденного Реввоенсоветом Союза курса.

Другим вопросом, на котором я хотел остановить ваше внимание, является вопрос об отношениях между партийной и беспартийной частью нашего командного состава. Дело в том, что в последнее время, в связи с проведенной нами внутри армии реорганизацией, в связи со значительным обновлением командного состава как центральных органов, так и местных, у некоторой части нашего беспартийного командного состава создалось представление о том, что Реввоенсовет Союза и наше государство вступили на путь совершенно иной принципиальной политики в отношении Красной Армии, что они вступили на путь отказа от сотрудничества с беспартийными специалистами, на путь замещения их партийцами.

Конечно, тот, кто сколько-нибудь способен разобраться в той линии поведения, которая проводилась и проводится Реввоенсоветом и Российской коммунистической партией, тот ясно понимает, что такое представление ни в какой степени не соответствует действительности. Но, к сожалению, не все могут разобраться, не все могут дать себе ясный отчет в этом. Поэтому я считаю долгом заявить, что такое представление, если оно у кого-нибудь имеется, является абсолютно неверным. Конечно, в нашем государстве, где организующей идейной силой является коммунистическая партия, ответственные руководящие посты, естественно, занимают членами этой партии. Но эта партия не секта, никогда сектой не была и никогда в секту не превратится. Это есть действенное объединение людей, которые наиболее ярко сознают характер задач, лежащих перед рабочим классом, которые готовы свой ум, свои способности отдать на дело служения рабочему классу, на дело укрепления революции, которые не останавливаются ни перед какими препятствиями во имя достижения тех целей, кои поставил перед собой рабочий класс. Но эта группа наряду

с теми правами, которые вытекают из этого ее характера, обладает рядом колоссальнейших обязанностей, — обязанностей, которые объективно создают даже для значительной части рабочего класса невозможность быть в рядах партии. Но это не исключает необходимости самого тесного сотрудничества с теми социальными группами, которые могут быть полезны для дела социалистического строительства, и члены партии совершенно не оправдали бы своего названия, если бы хотя на один миг подумали, что задачи создания настоящей социалистической республики, задачи правильного руководства трудящихся масс они могли бы выполнить, опираясь на собственные партийные силы. Если бы так кто-нибудь подумал, он тем самым перестал бы быть коммунистом, ибо коммунист прежде всего марксист, а, как марксист, он понимает, что такого рода точка зрения является сектантством, отнюдь не отвечающим марксистскому пониманию наших задач.

Задача каждого коммуниста в рядах нашей Красной Армии сводится к тому, чтобы вокруг всей массы беспартийных, которая была, есть и будет гораздо большей, чем партийная, чтобы вокруг этой массы создать такую атмосферу коммунистического влияния, чтобы беспартийные теснейшим образом связали свою работу с работой и судьбами коммунистической партии. Ни о каких перегородках между партийными и беспартийными, желающими честно служить Советской власти, здесь не может быть и речи. Сейчас я могу сказать, что наш будущий командный состав сверху донизу имеет право называться Красным командным составом рабоче-крестьянской Красной Армии. Я не знаю сейчас никаких исключений из этого правила, и каждый военный работник, какой бы пост он ни занимал, партийный он или беспартийный, имеет полное право на уважение как со стороны своих сослуживцев и подчиненных, так и со стороны рабоче-крестьянских масс.

Вот та линия работы, которой должна следовать партийная часть товарищей вашего выпуска, а беспартийная должна со своей стороны помочь этому организующему влиянию партии, стараться помочь созданию такой атмосферы сотрудничества, которая хоть бы и не под флагом партийного зна-

мени, но под общим флагом нашего красного революционного знамени объединяла бы всю Красную Армию в общую, единую мощную силу.

Реввоенсовет Союза рассчитывает, что ваш выпуск, наиболее подготовленный во всех отношениях для военной работы, в этом направлении сумеет оправдать наши ожидания и ожидания коммунистической партии.

Вот те общие замечания, которые я вам хотел сделать в тот день, когда вы прощаетесь со стенами своей «*alma mater*», когда вы выходите на широкий путь самостоятельной творческой деятельности в рядах Красной Армии.

Вам надлежит еще помнить о том, что международная обстановка за последние дни говорит нам о возможностях новых, более широких, чем обычные мирные текущие наши задачи. То, что на наших глазах совершается в ряде балканских стран, тот оборот, который принимают разговоры, ведомые между собой представителями крупнейших империалистических стран Европы,— все это говорит совершенно ясно о том, что Европа может стать ареной величайших потрясений⁴⁸. Конечно, совсем не обязательно, чтобы все это произошло в самом ближайшем будущем, но безусловно правильным является то, что крот истории работает именно в этом направлении. Совершенно правильным является и то, что мы с вами не должны замыкать свою мысль в узкие рамки текущей повседневной работы, мы должны подниматься над нею, должны помнить, что, может быть, скоро настанет момент, когда все достижения в нашей повседневной работе придется проверить на полях сражения.

Вам, красным генштабистам, нашему ядру Красной армии, особенно это надлежит помнить и всю свою волю, всю энергию направить на то, чтобы темп нашей работы на низах изменился, и чтобы, несмотря на ограниченные средства, которыми мы обладаем, мы все-таки дали возможность Красной армии почувствовать себя крепкой на ногах, сделать наше оружие более острым, более действенным. В этом смысле, я полагаю, каждый из нас сумеет выполнить свою задачу и сумеет в полном объеме оправдать ожидания Реввоенсовета Союза. Этим я заканчиваю свое приветствие вам.

ФРОНТ И ТЫЛ В ВОЙНЕ БУДУЩЕГО

Основным и важнейшим выводом из опыта минувшей империалистической войны 1914—1918 гг. является переоценка вопроса о роли и значении тыла в общем ходе военных операций.

Положение, гласящее, что «исход войны будет решаться не только непосредственно на боевом фронте, но и на тех линиях, где стоят гражданские силы страны», стало теперь ходячей аксиомой. Опыт войны показал, что достижение целей войны в современных условиях стало делом значительно более сложным, чем прежде. Современные армии обладают колоссальной живучестью. Эта живучесть целиком связана с общим состоянием страны. Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя может легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу.

С другой стороны, до невероятных размеров возросли трудности обеспечения мобилизационной готовности армий. Необходимые для этого средства определяются не сотнями миллионов, а миллиардами рублей. Таких цифр, разумеется, не сможет выдержать никакой бюджет, даже самой богатой страны.

Наконец, в этом же направлении действует и быстрый прогресс современной военной техники. То, что признается наиболее совершенным сегодня, завтра становится уже устаревшим и не обеспечивающим успеха. Отсюда — нецелесообразность и прямая опасность колоссальных финансовых затрат на заготовку мобилизационных запасов. Центр тяжести переносится на соответствующую организацию промышленности и вообще всего хозяйства страны.

Из изложенного вытекает неизбежность пересмотра и самих принципов стратегии. При столкновении первоклассных

противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения⁴⁹.

Вывод этот, правильный в основном, должен быть дополнен поправкой, вытекающей из классового характера будущих войн.

Сущность этой поправки заключается в том, что при глабоком обострении классовых противоречий моральная устойчивость определенной воюющей стороны может оказаться очень слабой и не выдержать действия первого серьезного военного удара. Особенно характерным в этом отношении будет положение воюющих сторон противоположного по классовому строению типа. Например, столкновение какой-либо буржуазной страны с нашим Советским Союзом. Очевидно, что в результате сильного военного удара с нашей стороны могли бы развязаться руки у стихии классового пролетарского движения в противной стороне, мог бы стать возможным захват власти рабочим классом, что означало бы автоматическое прекращение войны.

Несомненно, что такого же рода рассуждение применимо и по отношению к нам, поскольку внутренние враги рабоче-крестьянской государственности могут поднять голову. Этим объясняется, между прочим, тот факт, что обломки старой вооруженной белогвардейщины (врангелевцы) и прочие продолжают до сих пор пользоваться известным покровительством со стороны правительств буржуазных стран.

Таким образом, из изложенных выше рассуждений для нас отнюдь не вытекает необходимость абсолютного отказа от стратегии молниеносных ударов (эта стратегия, кстати сказать, не отмечается и буржуазными государствами). Напротив, чем сильнее будет обострение классовых противоречий в стане врагов, тем больше шансов и данных на успех и выгодность именно этой стратегии. Но при всем этом необходимость подготовки к длительной и упорной войне для нас всегда сохраняет обязательную силу. Поскольку дело идет о

столкновении двух различных миров, это означает схватку не на жизнь, а на смерть. Врагов у рабоче-крестьянской Республики много, и поэтому борьба при всяких условиях будет длительной.

Таким образом, связь фронта с тылом в наши дни должна стать гораздо более тесной, непосредственной и решающей. Жизнь и работа фронта в каждый момент определяются работой и состоянием тыла. И в этом смысле центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад — в тыл.

В этом же направлении действует и другой момент, связанный с развитием военной техники и с усовершенствованием средств истребления. Превращение авиации в решающий род войск, усовершенствование химических средств войны, возможное использование инфекционных микробов и пр. и пр., — все это, по существу, опрокидывает самое представление о «фронте» и «тыле» в старом понимании этих слов.

Фронт в смысле района, непосредственно охваченного военными действиями, теряет характер прежнего живого барьера, преграждавшего врагу доступ в «тыл». Если не полностью, то, во всяком случае, в значительной своей части (в зависимости, главным образом, от размеров территории данной страны) тыл теперь совмещается с фронтом. Отсюда — новые задачи и новые методы подготовки обороны страны и, в частности, новая роль самого тыла как прямого участника в деле борьбы. Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время.

Подготовка эта должна иметь целью, во-первых, бесперебойное снабжение фронта всем необходимым для ведения боевых операций; во-вторых, обеспечение самого тыла всем, что нужно для поддержания на должном уровне его рабочей энергии и моральной устойчивости. Так ставится эта задача во всех современных мировых державах, стремящихся дать ей практическое разрешение.

Для нас эта проблема — проблема организации советского государства на случай войны — представляет исключи

тельное значение. Огромность нашей территории, сравнительная редкость населения, недостаточная железнодорожная сеть, слабое развитие промышленности, общая техническая отсталость и т. д. и т. д. — все это ставит нас в крайне невыгодное положение в смысле мобилизационной готовности по сравнению с возможным врагом.

Средством, обеспечивающим планомерное проведение мобилизации страны, должна была бы быть наша постоянная армия. Но на этот счет никто в нашем Союзе не должен создавать себе никаких иллюзий. В своем стремлении облегчить для населения военное бремя мы дошли до крайних пределов. В 1924 г. мы сократили армию еще на 50 тыс. человек, и, таким образом, вместо прежних 610 тыс. у нас остается всего 560 тыс. человек. А так как из этого числа значительная часть приходится на тыловой аппарат, на всяких «обслуживающих», то на долю собственно боевых элементов армии остается еще более ничтожная цифра. При таком положении ясно, что постоянной армии в истинном смысле этого слова, т. е. достаточной наличной вооруженной силы, готовой принять на себя удары врага, у нас нет. У нас есть только кадры, только остов будущей армии, да и то недостаточно сильный.

Отсюда — настоятельная, жгучая и неотложная задача: усилить общую работу по подготовке страны к обороне; организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы. Путь к этому лежит в усвоении твердого курса на военизацию еще в мирное время работы всего гражданского аппарата. Что это должно означать, — мы сейчас увидим.

Задача подготовки страны к обороне в современных условиях далеко не укладывается в рамки наличных возможностей армии и одного военного ведомства. Задача эта должна стать делом всей страны, всего советского аппарата. Дело на первый взгляд может показаться невыполнимым. Это неверно. Трудности здесь, правда, очень большие, но как раз при характере нашей государственной власти преодолеть их нам будет легче, чем кому бы то ни было.

Вот несколько примеров, указывающих то направление, по которому теперь же должна идти эта работа.

Подготовка командного состава. До сих пор она лежала исключительно на военном ведомстве. Для этой цели существует целая сеть военно-учебных заведений всевозможных типов, специальностей и рангов. Удовлетворительна ли такая система? Вряд ли. Во-первых, она обходится очень дорого; во-вторых, подготавливаемых для целей войны (командный состав резерва) все равно недостаточно.

Может ли эта задача быть разрешена иначе? Несомненно, может...

...Работа Комиссариата народного просвещения должна быть поставлена так, чтобы ею полностью учитывались и обслуживались нужды обороны. Необходима военизация ее на всех ступенях и во всех разветвлениях.

Возможно, что среди известной части работников просвещения проявится испуг перед такого рода «милитаризмом». Это докажет лишь наличие в них мелкобуржуазно-сентиментальных настроений и полное непонимание существа и характера стоящих перед Республикой рабочих и крестьян задач. Глубокое принципиальное противоречие, существующее между природо Советского Союза и остальным, буржуазно-капиталистическим миром, рано или поздно должно вылиться в форму открытого решительного столкновения. Факты современной международной жизни являются ярким доказательством этого. Нельзя уверенно говорить, что в результате организуемого теперь Англией противосоветского блока⁵⁰ явится в ближайшем же будущем новая интервенция. Но можно и должно со всей решительностью утверждать, что вообще такое столкновение неизбежно. Инициатива нападения будет принадлежать не нам. Поскольку дело касается нас, мы могли бы спокойно выжидать результатов одних наших культурно-хозяйственных успехов. Рано или поздно, но это неизбежно привело бы к торжеству социалистических идеалов и в других странах. Но наши противники вряд ли дадут нам возможность мирного социалистического строительства, которое несет угрозу самому существованию капитализма. А поэтому наша задача — твердо, последовательно и не-

уклонно готовиться к этой борьбе, готовить условия нашей победы.

Важнейшим из этого рода условий является надлежащим образом поставленная и направленная работа наркомпросов союзных республик. В результате этой работы армия должна получить культурного, грамотного и политически воспитанного воина-гражданина. Когда это будет достигнуто, то это на девять десятых предрешит исход любого грядущего столкновения. Каждый успех в этом направлении в настоящем бесконечно облегчит всю работу во время самой войны. Конкретной программой ближайшего года должна быть поставлена задача ликвидации неграмотности призывного контингента. До сих пор ее приходилось решать в армии, что связано с огромным ущербом для остальных задач. Она может и должна быть разрешена Наркомпросом до момента призыва.

Другая ближайшая задача должна заключаться во включении в программы начальных и средних школ минимального курса военных знаний и военного воспитания. Особенно это важно в отношении к деревне, поставляющей главную массу вооруженной силы. В настоящее время этот контингент благодаря своей малокультурности, а подчас прямой безграмотности представляет не особенно хороший боевой материал в условиях современного боя. Эти недостатки должны быть восполнены соответствующей постановкой дела воспитания, начиная со школьной скамьи. Роль нашего учительства в этом отношении безмерна. С небольшими дополнительными усилиями оно может принести колоссальную услугу делу обороны страны.

Другой пример — обоз. Потребность в нем мобилизованной армии будет огромна. Думать о заготовке мобилизационных запасов за счет бюджета военного ведомства — чистейшая иллюзия, ибо его ресурсов нехватает на удовлетворение даже текущих неотложных нужд. Да и самая система заготовки такого мобилизационного запаса крайне непрактична ввиду дороговизны последнего. Но нужды мобилизации могли бы быть вполне удовлетворены, если бы наши хозяйственные органы вместо неосуществимой задачи создания та-

ких запасов поставили себе целью выработку и широкое распространение среди крестьянства повозок таких типов, которые, вполне удовлетворяя хозяйственным требованиям населения, в то же время были бы годны и для военных целей. Введение системы поощрительных мер и широкая поддержка этого начинания армией, несомненно, обеспечили бы успех делу.

Еще пример. У нас начинает развиваться *тракторостроение*. Как известно, трактору на полях будущих битв придется играть очень крупную роль. Помимо всем уже известных «танков», гусеничный трактор имеет широкое применение и в других областях военного дела: так, например, в ряде стран предпринимается перевод артиллерии с конной тяги на тракторную. При нашей бедности думать о заготовке всей этой техники в мирное время исключительно для нужд армии было бы праздным занятием. Но добиться того, чтобы типы тракторов, применяющихся для мирных целей, удовлетворяли одновременно и определенным минимальным военным требованиям, — дело вполне осуществимое и необходимое.

Особо важную роль в ходе военных действий играют средства связи и транспорта. По существу вся мобилизационно-подготовительная работа в этой области лежит вне сферы действия военного ведомства. Обеспечить армию военного времени мобилизационными запасами имущества связи и транспорта за счет государственного бюджета — утопия, и утопия вредная. Все это должно быть подготовлено в процессе нормальной мирной работы соответствующих наркоматов. Работа необходимый уклон уже получает. Некоторые результаты, особенно по части связи, у нас уже имеются налицо. По целому ряду производств мы уже освобождаемся от господства заграницы. Нужно еще энергичнее, еще шире двигаться и дальше этим путем. Нужно установить и закрепить организационно еще более тесную связь между указанными комиссариатами и соответствующими отделами и управлениями военного ведомства. Эти последние должны стать мобилизационно-инструкторскими штабами в отношении первых.

Такая «военизация» вполне выполнима, но при двух обязательных условиях: во-первых, при ясном осознании тылом — и прежде всего гражданским аппаратом — своей роли в будущей войне и необходимости заблаговременной к ней подготовки и, во-вторых, при установлении живой непосредственной связи военного аппарата с аппаратом гражданским. Связь эта должна быть закреплена организационно — путем вхождения представителей армии в соответствующие гражданские органы и учреждения, применительно к специальности первых.

Особо важная роль в этом отношении падает на наших хозяйственников. Они должны помнить о том, что война вызовет мобилизацию всех экономических ресурсов страны — промышленных, сельскохозяйственных и финансовых, которые должны быть организуемы, координируемы и управляемы такой же стратегией, какая направляет операции чисто боевых сил.

Руководители наших трестов и комбинатов, директора наших фабрик и заводов во всей своей мирной деятельности должны исходить из этих перспектив. При каждом новом начинании — хозяйственном, культурном и пр. — следует всегда задаться вопросом: а в каком соответствии результаты этого начинания будут находиться с делом обеспечения обороны страны? Нет ли возможности, без ущерба для мирных потребностей, сделать так, чтобы здесь обеспечивалось и достижение определенных военных задач?

С другой стороны, наши военные хозяйственники должны пересмотреть образцы принятых теперь для армии мирного, и особенно военного, времени предметов снабжения. Надо стремиться к максимальному использованию тех образцов, которые являются предметами широкого потребления в мирное время и, стало быть, массовое производство которых уже налажено. Здесь можно и должно поступаться всеми деталями, не имеющими решающего значения для дела. Возможность массового получения их в военное время без всяких дополнительных усилий и затрат вполне искупает втростепенные недостатки.

Понятно, нельзя требовать от всех наших хозяйственников такой подготовки, такого знания военного дела, кото-

рые бы автоматически обеспечили выполнение этих требований. Помочь в этом, прежде всего, — задача военного ведомства. Военное ведомство обязано при помощи определенных организационных форм работы аппаратов, а также через посредство различных общественных организаций (Общество друзей воздушного флота, Доброхим, ВНО и т. п.) влиять на характер и направление работы хозяйственных органов.

Наконец, *вопрос о мобилизации промышленности и вообще хозяйства страны*. Опыт империалистической войны в этом отношении дал богатый материал. Наша гражданская война, в свою очередь, внесла ряд ценнейших данных, вытекающих из особенности структуры нашего государства. Приходится пожалеть, что этот наш опыт очень мало освещен в соответствующей послевоенной литературе. Работа наших снабженческих органов — Чусоснабарма⁵¹ и опродкомармов⁵², — помимо большого исторического значения, имеет огромный практический интерес.

Сугубая важность систематической, планомерной и тщательной разработки и подготовки вопроса промышленной мобилизации ясна для всех. Между тем приходится констатировать, что в этом отношении нами сделано пока чрезвычайно мало. Работа должна быть поставлена так, как она ставится в генеральных штабах в отношении чисто боевых элементов войны. Должен быть составлен такой же оперативный план развертывания хозяйства страны во время войны, какой мы разрабатываем для войск. В этом плане должны быть точно учтены и все наши потребности и все наши ресурсы. Должно быть обеспечено правильное и бесперебойное снабжение и фронта и тыла. Эта работа невероятно сложна, но она и нужна и осуществима. Следует заметить, что осуществление ее у нас чрезвычайно облегчается государственным характером основных отраслей нашей промышленности; в этом наше огромное преимущество перед буржуазными странами, и было бы непростительно не суметь использовать это преимущество должным образом.

Труды, посвященные разработке этой важнейшей темы, у нас почти совершенно отсутствуют. Но это долгие не должно продолжаться. Следует пожелать, чтобы разработка

этих вопросов заняла подобающее место в нашей военной и гражданской печати. Это, прежде всего, — дело наших снабженцев. Им я хотел бы еще и еще раз напомнить, чтобы они поскорее и порадикальнее разделились с остатками взглядов канувшей в вечность эпохи. Задача снабженцев — не только распределять между частями готовое: это дело весьма несложное, было бы только что распределять. Центр тяжести их работы — в заготовке. Заготовка находится в руках гражданских и государственных органов. Забрать все это дело просто и прямо в свои руки — утопия. Нужно, стало быть, как-то иначе подойти к делу, так, чтобы не только быть в курсе всего, что «там» делается, но влиять на характер самого производства, исходя из потребностей обороны. При этом снабжение должно иметь в виду не только удовлетворение текущих потребностей армии, но ничуть не в меньшей степени обеспечение ее мобилизационными запасами. По части подготовки последних надо хорошенько усвоить ту истину, что центр нашего внимания должен быть перенесен на определенную постановку соответствующих областей промышленности. Наши довольствующие управления должны поставить себе неуклонной задачей обеспечение органической взаимной связи со всем промышленным миром страны, равно как и связи с миром научно-техническим. Эта связь не должна ограничиваться центральными органами, — она должна быть проведена и на местах. Исключительной важности роль выпадает здесь на долю наших территориальных частей. Они должны, прежде всего, не дожидаясь подталкивания сверху, прочно связаться с местным аппаратом, упорно проводя намеченную выше линию.

Всякая продуктивная работа мыслима лишь при наличии соответствующей организации, навыков, сноровки и методов. Работа того огромного масштаба, схематический набросок которого я давал выше, требует этого в усиленной степени. Хорошими организаторами мы не особенно богаты. Вся практика нашей работы грешит тысячами всевозможных недостатков. При этом многое — результат отнюдь не неумения, а простой безалаберности, разгильдяйства и отсутствия систематичности. Отсюда — наши слабые успехи во многих

областях, несмотря на колоссальные возможности. Осуществление намеченной выше программы весьма облегчается государственным характером основных элементов нашего хозяйства. Было бы вопиющим преступлением, если бы мы при наличии таких возможностей не сумели поставить дело обороны Советского Союза на должную высоту. Необходимо лишь наличие доброй воли как со стороны гражданских работников, так и работников военвеха, и затем — планомерная, систематическая, упорная работа.

Только при таком подходе дело мобилизации страны для нужд обороны будет и у нас поставлено как следует.

* * *

Значение «тыла», т. е. подготовки всего хозяйственного и государственного аппарата страны, ставит серьезнейшие задачи перед работниками гражданских учреждений — в смысле учета потребностей будущей войны и приспособления производства к запросам последней — и перед работниками военного ведомства в деле установления теснейшей связи с соответственными гражданскими ведомствами. Вместе с тем эта исключительно важная роль тыла ни в коем случае не уменьшает, а, напротив, во много раз увеличивает задачи и заботы постоянных армейских кадров.

Проблема воспитания и обучения миллионных резервов при непрерывном усложнении военного дела и сравнительно коротком сроке службы; проблема наилучшей организации войск при современном состоянии техники и при наших реальных технических возможностях; задача повседневной проверки и неуклонного совершенствования основ военного дела под углом зрения будущей массовой войны; наконец, установление в Красной Армии твердого тона четкой, систематической и безотказной работы мельчайшего винтика, — все эти задачи должны быть разрешены не кем иным, как самой Красной Армией, для того, чтобы будущая мобилизация дала возможность с наименьшей затратой энергии создать сильную, стройную армию войны.

Вот почему на постоянный состав Красной Армии — прежде всего, конечно, на командный, политический, админи-

стративно-хозяйственный состав — ложится особенно большая ответственность. Каждая ныне существующая частица Красной Армии в случае войны имеет довольно значительный множитель, который, будучи приведен в действие, во много раз увеличит и ее достоинства и ее недостатки. Это должен учесть начальствующий состав Красной Армии и работать усердно, работать творчески, ибо от его работы в очень и очень значительной мере зависит победа наша, победа международного пролетариата в нашем грядущем столкновении с капиталом.

М. В. Фрунзе, На новых путях, изд. „Всенного вестника“, 1925 г.

ДАЕШЬ КОНЯ!

К ПЯТИЛЕТИЮ 1-й КОННОЙ АРМИИ

Вряд ли найдется такой глухой уголок Советского Союза, куда бы не дошел слух о подвигах этой славнейшей из славных частей Красной Армии.

Оружие ее играло решающую роль во многих важнейших кампаниях времен гражданской войны. Деникин, белополяки, Врангель, Махно — одних этих имен достаточно, чтобы судить о роли 1-й Конной в истории наших революционных войн. К сожалению, мы еще не имеем написанной подробной истории 1-й Конной. Это очень жаль: в нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе, в своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии с ее достоинствами и недостатками.

Недаром поэтому имя 1-й Конной так популярно в самых широких рабоче-крестьянских низах.

История 1-й Конной представляет огромный интерес в чисто военном отношении.

Ее операции войдут навсегда блестящими страницами в историю конницы. Эти операции служат предметом изучения не только у нас. Им уделяется много внимания и за рубежом. Та роль, которую сыграла конница и, в частности, 1-я Конная в ходе нашей гражданской войны, показала, что хоронить этот род оружия как самостоятельную силу еще рано.

Ряд выдающихся заграничных военных авторитетов забил отбой в отношении оценки конницы как отживающего рода оружия. В противоположность такой оценке, нашедшей свое отражение в наставлениях и уставах, вышедших непосредственно после империалистической войны, мы чаще и чаще слышим голоса, требующие восстановления значения конницы как самостоятельной силы на полях будущих битв. Так, например, совсем недавно во французской военной газете «La France Militaire» от 25 сентября 1924 г. в одной из статей, посвященной как раз разбору действий 1-й Конной в польскую войну, мы читаем:

«Из указанного вытекает ясно, какая огромная роль была сыграна Конной армией. Между тем достигнутые ею результаты — еще не все, что могло бы быть ею сделано при некоторых условиях. . .»

И далее:

«Случаи боев в конном строю холодным оружием были нередки. При успехе они давали результаты, неизмеримо превосходившие численность сил, введенных в бой, что говорит о всем значении этого способа действий против противника, деморализованного или застигнутого врасплох».

Что касается нашей Красной Армии, то такая оценка конницы и ее будущей роли у нас укоренилась прочно и незыблемо. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в войне будущего, — конечно, считая это «будущее» не десятилетиями, — в условиях наших театров военных действий Красной коннице будет принадлежать почетная и видная роль.

Пусть же развивается и крепнет наша Красная кавалерия! Пусть традиции славной Конной армии всосутся в плоть и кровь всех поколений!

Итак, хоронить конницу рано. Напротив, надо подумать и работать над дальнейшим ее укреплением. Здесь первое дело — конь. К сожалению, в этом отношении у нас дело обстоит очень и очень неблагоприятно. До мировой войны Россия славилась своими неисчерпаемыми конскими ресурсами. Советский Союз получил в наследство лишь жалкие остатки этих богатств. Число конных заводов катастрофически уменьшилось. Работа в них далека от совершенства. Количество кровных лошадей, исчислявшееся прежде сотнями тысяч, теперь определяется сотнями. И хуже всего то, что

процесс восстановления этой области хозяйства совершается угрожающе медленно. Этого терпеть в дальнейшем нельзя. Темп работы надо ускорить. Надо не допускать самообольщения мыслями, что нам в скором будущем удастся сесть на «механического коня». Это было бы прекрасно. «Улита едет, но... когда будет?». Не скоро, еще очень не скоро трактор вытеснит крестьянскую лошадуку. И точно так же далек от нас тот час, когда мы в армии вместо коня сядем на трактор, автомобиль и мотоцикл. Всякая война ближайшего периода будет в этом отношении базироваться, главным образом, на старых, испытанных средствах. Поэтому лучшим подарком для Красной Армии в целом, лучшим ознаменованием годовщины славной Конной армии было бы принятие и воплощение в жизнь лозунга: «Дашь коня!»

„Правда“, № 261, 16 ноября 1924 г.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА⁵⁸

(В СВЯЗИ С РЕОРГАНИЗАЦИЕЙ 1924 г.)

1924 год войдет в историю Красной Армии как год реформы.

Почти весь он прошел под знаком ломки старых организационных форм аппаратов управления и войсковых частей и пересмотра самых основ их деятельности. Ряд существенных преобразований коснулся всех важнейших сторон жизни Красной Армии и многое в них повернул по-иному. Жизнь армии во многих отношениях будет развиваться сейчас иными путями. Вполне уместно поэтому дать общую оценку проделанной в этом году работы, подвести ее важнейшие итоги и наметить связанные с этим основные линии дальнейшей деятельности.

Какие причины заставили Реввоенсовет Союза пойти на эту глубокую и широкую реорганизационную работу?

Этих причин было несколько. Первая из них — общее экономическое положение государства.

Наш государственный бюджет является той решающей силой, которая накладывает свой отпечаток на все стороны государственной деятельности, в том числе и на деятельность

военную. Мы должны были, считаясь с общим положением государства, уложить свой бюджет в 395 миллионов рублей (ныне, как известно, бюджет увеличен до 417 миллионов рублей). К рамкам, которые нам даны по этому бюджету, мы неизбежно должны были приспособлять все свои планы и предположения. В наследство от предшествующего года нам досталось тяжелое материальное положение армии и флота. Нужно было во что бы то ни стало хотя бы сколько-нибудь повысить содержание командного и политического состава, улучшить довольствие войск и условия их быта. Между тем финансовые возможности этого в рамках установленных для бюджета военного ведомства цифр и при условии сохранения прежнего положения и прежней организации были ничтожны. Нужно было поэтому решиться на серьезную внутреннюю ломку, для того чтобы хотя этим путем освободить часть ресурсов для вышеупомянутых целей. Эта работа и вылилась в форму: 1) отказа от призыва в минувшем году полностью всего подлежавшего включению в части молодого контингента (недопризыв — около 100 000), 2) максимального сжатия штатов всех тыловых (управляющих) органов и 3) дальнейшего сокращения (на 50 000) численности Красной Армии.

Второй причиной, толкавшей к проведению реформы, являлась необходимость внесения большей плановости и системы в работу военного аппарата. В этой части у нас было совсем неблагоприятно. Сокращение армии, производившееся все послевоенные годы, шло толчками, вызываемыми главным образом финансовыми соображениями. Все это в конечном счете создало большую путаницу и невязку многих сторон нашей работы. В частности наши организационные планы как мирного, так и военного времени были недостаточно согласованы с общими материальными ресурсами государства. Как пример этого, можно указать хотя бы наметившуюся у нас организацию нашей пехоты («машинизированная рота»), которая совсем не была увязана с нашими реальными техническими ресурсами. Нужно было по всей линии провести согласование отдельных частей военной работы и, в частности, организационную структуру армии привести в соответствии с нашей экономикой.

К этой же области мероприятий следует отнести шаги, предпринятые в отношении искоренения в армейской жизни многих остатков периода «военного коммунизма», шедших вразрез с нашей современной жизнью: например, чрезмерная централизация снабженческого дела, бесплатное пользование услугами других ведомств (перевозки, связь и пр.) и т. д.

И наконец, последней причиной, между прочим, давшей непосредственный толчок всей реформе, была необходимость придать армии более устойчивый и постоянный характер, ликвидировать текучесть ее состава, установить строго регулируемые законом условия ее жизни и деятельности и произвести более энергичное освежение и омоложение руководящего командного состава за счет выдвижения молодых сил.

Главная трудность заключалась в обеспечении того, чтобы реорганизационная работа, несмотря на сокращение общей нормы едоков, не ослабляла нашей обороноспособности.

Вся эта работа теперь в основном закончена. Общая оценка ее дана декабрьским пленумом Реввоенсовета СССР в следующих словах: «Реорганизация проведена своевременно и оправдала себя на опыте первых месяцев работы. Несмотря на тяжелые условия сокращенного бюджета, все мероприятия проведены с полным учетом повышения боеспособности и мобилизационной готовности Красной Армии и Флота».

Пути реорганизации

Наша реорганизационная работа пошла прежде всего в направлении максимального сжатия наших штатов, максимального сокращения всего, что не является абсолютно необходимым для работы. Здесь первым объектом нашего внимания явились наши управляющие органы. Большими сокращениями в этой области мы достигли ощутительных результатов как в смысле сбережений в нашем общем бюджете, так и в сокращении норм едоков.

Затем, параллельно с этой работой, для того, чтобы Красная Армия не пострадала в своей боевой готовности, мы должны были прибегнуть к пересмотру всей нашей войсковой организации. Делая это, мы должны были исходить из умень-

шенного числа едоков по сравнению с тем, которым мы располагали до сих пор.

Каковы же результаты всех этих мероприятий с точки зрения нашей мобилизационной готовности?

По убеждению Реввоенсовета, результаты получились неплохие. Количество войсковых соединений мы не сократили, а, наоборот, по ряду дивизий мы добились увеличения числа существующих ныне единиц, главным образом специальных родов войск. С точки зрения развертывания армии обстановка не только не стала хуже, чем была прежде, но в некоторых отношениях имеются даже серьезные улучшения.

Другое достижение заключается в усилении технической мощи нашей армии. До последнего времени в нашей армии и пехота и конница, по сравнению с армиями наших возможных противников, являлись крайне слабыми в отношении вооружения артиллерией. По сравнению, например, с польской армией мы имели превосходство со стороны поляков в два с лишним раза. Примерно то же самое соотношение было и с румынской армией, не говоря уже об армиях таких государств, как Франция и Англия. В настоящее время по количеству не уступаем ни польской артиллерии, ни артиллерии армий других наших соседей. Мы создали полковую артиллерию, добились увеличения цифры орудий в дивизионной артиллерии и, наконец, несколько увеличили корпусную артиллерию. Проведенные мероприятия дали нам серьезные улучшения, делающие нашу армию военного времени более сильной и боеспособной.

Далее, мы пересмотрели штаты наших дивизий и полков. Здесь нам пришлось пойти на некоторые сокращения. Сокращение коснулось прежде всего обслуживающего тылового персонала в каждой части. Но все же здесь есть и серьезный минус. Он состоит в том, что нам пришлось пойти на значительное ослабление стрелковой мощи кадров наших постоянных (кадровых) дивизий, хотя наряду с этим мы несколько усилили кадры территориальных дивизий, что является по сравнению с прошлым крупным шагом вперед. Однако упомянутая мера в отношении кадровых дивизий нами допущена лишь как временная необходимость. Новая организация построена так, чтоб при первой же материальной возможности

без всякой ломки возможно было произвести увеличение кадров постоянных дивизий, что особенно нужно для приграничной полосы. Это является задачей следующего года.

При реорганизации пехоты мы стремились к созданию так называемой «реальной» пехоты. Сущность организации, принятой теперь, сводится к тому, что мы приняли за основу, с некоторыми изменениями, штат нашей прежней «машинизированной роты». Этот штат является образцом для нормальной организации всей нашей пехоты. Положительное значение этой реформы станет понятным, если мы вспомним, что до настоящего времени мы единой, однообразной организации пехоты не имели. Каждый пехотный полк у нас состоял из одной так называемой «показной роты» и восьми рот старого стрелкового типа. Показная рота была вооружена по-новому (правда, в значительной мере и это было только в теории), по-новому организована и применительно к этому обучалась на основах новых тактических методов (групповой бой). Остальные же роты действовали по старой тактике. Таким образом, у нас не было и не могло быть ни единой организации, ни однообразной тактики. Создание нынешней «реальной» пехоты положило конец этому абсолютно недопустимому положению.

Затем мы ввели ряд изменений в структуре технических войск. Саперные части мы свели к более крупным соединениям и так же поступили с железнодорожными войсками. Мы это сделали для того, чтобы создать более удобные и нормальные условия для обучения войск — более крупный организм облегчает обучение. Крупным шагом вперед по сравнению с прошлым является значительное усиление войск связи. Всего этого, конечно, далеко еще недостаточно. Задача дальнейшего укрепления технической мощи армии и флота остается перед нами в полном объеме и на будущее.

Вот важнейшие мероприятия в области реконструкции войскового организма.

Что касается форм и структуры аппаратов управления, то здесь нам по отношению к центру и местам пришлось ввести лишь некоторые поправки. Эти поправки сводятся к следующему.

Как известно, центральный аппарат был разделен на ряд управлений: штаб рабоче-крестьянской Красной Армии, управление РККА, инспекторат, управление снабжения, воздухо-флот, морской флот, политическое управление, санитарное управление и ветеринарное управление. В основном эта организация сохранилась и теперь с той разницей, что из состава инспектората изъято управление военно-учебных заведений, подчиненное непосредственно Реввоенсовету, и, во-вторых, сам инспекторат влит в штаб РККА с передачей некоторых функций главному управлению РККА. Практика показала, что самостоятельное существование инспектората является нецелесообразным ввиду того, что, с одной стороны, создается разрыв с работой штаба, а с другой стороны, разрыв с работой управления РККА. Для улучшения положения военно-учебных заведений необходимо было приблизить их непосредственно к Реввоенсовету. Это — важнейшие организационные поправки.

Затем следует ряд поправок более мелкого свойства, как коснувшихся внутренней жизни центральных управлений. Они имели своею целью внутренние, более целесообразные перегруппировки, на основе определившегося опыта работы. Все эти перегруппировки дали нам возможность упростить работу и одновременно получить экономию в 1700 пайков.

Что касается аппаратов местного военного управления, то там внесены поправки, главным образом в отношении наибольшего сокращения аппарата, обслуживающего армию. Эта реорганизация, давшая нам определенную экономию, в общем и целом не может отразиться болезненно на общем положении Красной Армии и на системе ее управления. К сожалению, нам до сего времени не удалось осуществить одно мероприятие, которое эту реформу органов местного военного управления держит в незаконченном виде. Я имею в виду реорганизацию губвоенкоматов. Эта реформа Реввоенсоветом была разработана, но до сих пор не проведена вследствие того, что вопрос о губвоенкоматах является вопросом, захватывающим нашу советскую конституцию. Можно надеяться, что в ближайшем будущем этот вопрос будет разрешен в том смысле, как его наметил Реввоенсовет Союза, т. е. на началах уничтожения губвоенкоматов и создания вместо них территориальных округов.

Таким образом наши основные достижения в части реорганизации армейского аппарата сводятся к следующему.

Созданы твердые организационные формы для дальнейшей работы. Период пересмотра и ломки закончен. Несмотря на общее уменьшение численности, армия значительно усилена в отношении основных кадров, численности артиллерии, технических войск и автоматического огня пехоты. Сжатие коснулось главным образом обслуживающего и тылового аппарата. Боеспособность армии и флота выросла.

Военизация гражданских органов

Попутно с этим вопросом следует коснуться той основной линии, которая намечается в деле нашего военного строительства на дальнейшее время. Нами намечен целый ряд организационных мероприятий, направленных в сторону установления более крепкой связи частей армии с нашим тылом, с нашим гражданским аппаратом. Линия, прежде четко отделявшая фронт от тыла, в будущих войнах станет трудно уловимой. Наша будущая большая война должна будет вестись всей страной, всем государственным аппаратом. Опыт гражданской войны говорит о том, что если бы в лице Совета Труда и Оборона мы не имели органа, который охватывает все стороны нашей советской жизни, то мы вряд ли вышли бы победителями из той схватки, перед которой нас поставил ход нашей революции. Поэтому, подготавливаясь к будущей войне, которая, несомненно, будет войной не на живот, а на смерть, мы должны будем учесть этот опыт уже в теперешней повседневной, текущей работе. Мы уже теперь должны будем наметить такие условия, которые позволили бы нам в момент мобилизации сразу перейти на военное положение всем фронтом, и не только фронтом военным, но и гражданским.

Мы имеем в настоящее время армию, которой будет совершенно недостаточно для такой войны. В рамках этой армии мы ни в коем случае не можем осуществить всех тех задач по подготовке обороны, которые перед нами поставит будущая военная обстановка. Программу нашей военной работы мы должны будем пересмотреть под углом зрения освобождения военного ведомства от всех обязательств и всех задач,

которые могут быть осуществлены гражданскими органами. При теперешнем числе едоков и при теперешнем количестве наших войсковых единиц мы не можем пропустить через армию всего контингента лиц, подлежащих обучению. Здесь должна притти на помощь вневойсковая подготовка. То же самое относится к подготовке командного состава армии. Того, что могут дать наши военные школы, абсолютно недостаточно для целей большой войны, и тут на помощь армии должен притти Наркомпрос. Ему надлежит в ближайшее время озаботиться вопросом о соответствующей постановке дела образования в нашей высшей и средней гражданских школах.

Эта линия строительства усвоена сейчас всеми крупными буржуазными странами. Везде и всюду бюджетные соображения в первую очередь толкают государства к тому, чтобы изыскивать дешевые пути подготовки командного состава во вневойсковом порядке. Это дело широко поставлено, между прочим, в Соединенных Штатах и Франции. В Японии проект военизации средней и высшей школ является предметом большой политической дискуссии. Эти факты говорят за то, что в общем и целом эта линия строительства при тех кадрах, которыми располагают государства, является абсолютно неизбежной и необходимой. В Красной Армии по сравнению с армиями наших возможных противников мы имеем определенные преимущества. Благодаря углубляющейся и развивающейся классовой борьбе, переход к такого рода методам вневойсковой подготовки сулит большие осложнения для буржуазных армий. У нас же, при той связи, которая существует между партией и рабоче-крестьянским тылом, эти опасности если и не устраняются целиком, то во всяком случае в значительной степени смягчаются. Вот почему мы гораздо свободнее можем идти на военизацию населения, в частности через органы Наркомпроса. Такая же связь, как с Наркомпросом, может и должна быть установлена с общими гражданскими наркоматами: Народным Комиссариатом Путей Сообщения, Наркомпочтелем, ВСНХ, Наркомземом и т. д.

Ближайшая задача работников различных областей нашего военного дела — выяснить, с какими именно гражданскими органами, наиболее близкими им по роду деятельности, в ка-

ких формах и в каком виде желательно установление такой связи. Только систематическое и планомерное заблаговременное проведение в жизнь этого курса на «военизацию» гражданских органов обеспечит Советскому Союзу, даже при нашей незначительной по численности кадровой армии, полную обороноспособность. Необходимость теснейшей связи военного аппарата с гражданским диктуется также тем местом и значением, которое приобретают в системе нашей обороны территориально-милиционные формирования. Обеспечить их надлежащую боевую и политическую подготовку можно лишь при самом близком и непосредственном участии в этой работе всего советского и партийного аппарата. Это участие должно охватить в первую очередь сеть наших низовых органов, в особенности в деревне.

За последнее время перед нашей партией и перед органами правительства в центре и на местах поставлен со всей широтой вопрос о нашей работе в деревне. Та информация, которая получается с мест, заставляет всех нас, и в частности военных работников, очень чутко и внимательно относиться к тем выводам, которые получаются на основании анализа настроений деревни. Имеется целый ряд фактов, говорящих об определенном политическом оживлении среди крестьянской массы, — говорящих о том, что крестьянство политически оформляется, что крестьянство сейчас упорно стучится во все двери, чтобы дать выход своим потребностям и обеспечить защиту своих интересов во всех органах, нами создаваемых. Эти факты говорят о том, что нам, военным работникам, приходится вопрос о расширении военной работы во вневойсковом порядке ставить сугубо осторожно, проводя общую линию строительства наиболее правильно и целесообразно. Нужно уметь учитывать все те сложные обстоятельства, которые складываются на местах, и делать из этого учета правильные практические выводы. И здесь первый вывод сводится к тому, чтобы в новом для нас деле милиционного строительства, в деле терформирований, организации допризывной подготовки и вневойскового обучения вообще мы оказались бы не одни, а получили бы мощную поддержку партийного, советского и профессионального аппарата.

Территориально-милиционные формирования

В деле милиционно-территориального строительства мы давно уже вышли за рамки «только опыта». К настоящему времени половина всей нашей армии переведена на территориальные основы. В дальнейшем эта практика должна получить еще большее развитие, ибо наши нынешние так называемые кадровые дивизии при их слабом составе по существу также будут носить характер милиционных. Сказанное ясно определяет место территориальных частей в общей системе нашего военного строительства. Линия развития вооруженных сил Союза совершенно явственно определилась как переход к системе милиционно-территориальной армии с относительно сильными кадрами для основного рода войск (пехота) и сохранением характера постоянных, регулярных частей за остальными родами войск, в особенности техническими.

Принципиальная оценка предшествующего опыта нашего милиционного строительства дана декабрьским пленумом Реввоенсовета Союза в следующих словах: «В процессе опыта территориальных формирований и вневойсковой подготовки мы имеем глубокое достижение, с одной стороны, в том отношении, что терсистема в целом получила свое принципиальное признание в рабоче-крестьянских массах, с другой стороны, углубление ее дает все основания рассчитывать, что эта система в соединении с существующими кадровыми частями безусловно гарантирует создание боеспособных частей и обеспечение обороноспособности Союза».

Вывод этот базируется на следующих данных:

1. Территориальные дивизии по своей мобилизационной готовности не уступают дивизиям кадровым.

2. Тот переменный состав, с которым мы имеем дело до сих пор (ранее проходивший военную службу), в отношении боевой подготовки стоит несколько не ниже переменного состава кадровых частей.

Что же касается переменного состава, не проходившего службы, то он пока что зарекомендовал себя не плохо в отношении как интереса и способности к изучению военного дела, так и дисциплины.

3. Допризывная подготовка делает большие успехи.

4. Отношение к терсистеме со стороны населения вполне положительное, что, между прочим, видно из ничтожности процента неявки переменников.

Итак, опыт говорит, что в общем и мы идем правильным путем; но тот же опыт показал, что на этом пути перед нами стоит целый ряд огромных затруднений, преодоление которых потребует от всей страны самых серьезных усилий. Нельзя закрывать глаза на то, что даже при нормальных условиях работы тердивизии по боевой подготовке в первое время войны неизбежно будут ниже дивизий кадровых того состава, который имеется в большинстве иностранных армий. Недочетов же в постановке работы в терчастях масса.

Главнейшими из них являются: во-первых — слабая подготовка переменного командного состава, во-вторых — неудовлетворительное районирование, затрудняющее постановку работы на должную высоту в период между сборами, в-третьих — недостаточная материальная обеспеченность командного и политического состава для работы между сборами, в-четвертых — неурегулированность вопроса с питанием допризывников, в-пятых — недостаточное внимание к этому делу со стороны гражданских органов и, наконец, необходимость затраты значительных сил и энергии на преодоление затруднений, связанных с несовершенством советского аппарата в деревне и неудовлетворенностью многих запросов крестьянства. Последний момент — самый важный. Жизненность и целесообразность всей системы целиком связана с ним. Но тот курс нашей политики в деревне, который сейчас проводится твердой рукой, несомненно обеспечит нерушимость и крепость союза рабочих и крестьян и тем самым подведет твердый фундамент и под нашу систему организации вооруженных сил Союза.

Остальные недочеты носят по преимуществу характер технических препятствий; возможности их устранения есть, и они должны быть устранены в ближайшем будущем. Несмотря на крупные успехи, мы все же полной и решающей проверки опыта территориально-милиционного строительства еще не имеем. Это — дело ближайшего года. Во всяком случае нам еще и еще раз приходится отметить необходимость уделения

работе в терчастях самого серьезного внимания со стороны гражданских, партийных и советских органов и работников. Опыт говорит, что такое внимание, несмотря на категорические директивы ЦК партии и партсъезда, оказывалось далеко не везде. В результате мы имеем в отношении выучки и дисциплинированности терчастей довольно пеструю картину: в одних губерниях, где работа протекала при едином, дружном фронте военного и гражданского аппарата, результаты хороши, в других же — не совсем удовлетворительны. Страна должна знать, что «территориальное строительство составляет основу вооруженных сил Союза» (из резолюции пленума Реввоенсовета). Выводы из этого очевидны. Основной же вывод для военного ведомства получается такой: продолжать далее самым внимательным образом изучать данные опыта, работу вести не вширь, а вглубь, укрепляя то, что уже есть, раздвинуть рамки работы в сторону добавочной, всесторонней проверки достоинств и качеств милиционных формирований (пробные мобилизации и пр.).

Национальные формирования

Проведенная реорганизация коснулась и вопроса о национальном моменте в строительстве вооруженных сил Союза ССР.

Принципы национального строительства в Красной Армии, установленные еще XII съездом РКП(б), в основном сводятся: 1) к организации отдельных войсковых частей и 2) к постановке работы среди нацменьшинств, в духе постановлений съезда, в частях со смешанным национальным составом.

Наша Красная Армия никогда не рассматривалась нами как армия «российская», армия одной национальности. Ее ядро, основу всей ее мощи составляла и составляет великорусская народность. Но это не снимало и не снимает со всех других национальностей Союза права и обязанности защищать с оружием в руках советскую землю. Долг этот равномерно и на началах полного равенства должен распространиться в конечном счете даже на те народности, которые прежде воинской повинности не несли.

Этими путями и шла практика национального строительства в Красной Армии и Флоте. В ряде республик и областей мы имеем уже целый ряд национальных частей (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан, Карелия и пр.). Теперь очередь за республиками Востока. В силу объективных причин (неподготовленность населения к военной службе, отсутствие национального командного и политического состава, недостаток средств и пр.) в этих республиках нами до сих пор сделаны пока еще только первые шаги.

Утвержденная правительством пятилетняя программа развития национального строительства⁵⁴ намечает ряд конкретных мероприятий по созданию национальных формирований в Туркестане, в Узбекистане (с автономною Таджикскою республикою), в Киргизистане (в том числе и Кара-Киргизия), в республике Бурято-Монгольской, на Северном Кавказе и, наконец, в Татарии и Башкирии. Программа частью обеспечивается за счет общих ресурсов Красной Армии и Флота, частью потребует ассигнования дополнительных средств и увеличения норм едоков. Это относится к республикам на территории бывшего Туркестана, в состав которых вошли прежние Бухара и Хива с их контингентами, не включенными в общесоюзную норму и жившими за счет средств этих государств.

В результате осуществления намеченной программы национальные контингенты займут в Красной Армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность. Это заставляет нас заранее предъявить к ним ряд требований. Национальные формирования для нас — не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это — серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства и определяемая основными принципами нашей внутренней и международной национальной политики. Строить армию иначе мы не можем. Поэтому республика вправе требовать от нас создания таких частей, которые бы целиком и полностью удовлетворяли всем современным боевым требованиям. Такими, и никакими другими, и должны быть наши национальные части. Долг партийных и советских органов соответствующих республик учесть это требование и помочь нам осуществить эту задачу.

Выработкой пятилетней программы в эту область нашей военной работы отныне внесены ясность, четкость и определенность.

Личный состав армии и флота. Единоначалье

Становым хребтом армии, основой ее военной мощи является командный и политический состав. Первые годы существования Красной Армии главную массу командиров составляли остатки офицерского корпуса старой царской армии, привлеченные нами к делу военного строительства. Это был совершенно необходимый этап в процессе создания вооруженной силы нашего рабоче-крестьянского государства. Но, разумеется, перед советским правительством и коммунистической партией всегда стояла задача скорейшего создания корпуса красных офицеров из рабочих и крестьян. С каждым последующим годом положение дел в этой области становилось лучше и лучше. Проведенная в этом году реорганизация дала возможность, в связи с относительным сокращением управляющего аппарата армии, сделать еще более энергичный шаг вперед в направлении улучшения социального состава командиров. Можно смело сказать, что в настоящее время командный состав армии и флота и в социальном и в политическом отношении представляет однородную массу. Ядро его состоит уже не из представителей буржуазно-помещичьих групп, а из крестьян и рабочих (вместе составляют до 85 %). Еще важнее то обстоятельство, что это ядро прочно утвердилось на всех командных высотах внутри армии и флота вплоть до самых сложнейших и требующих максимальной подготовки и знаний постов. В частности, нами созданы уже солидные кадры красного генерального штаба. Произведен ряд выпусков квалифицированных красных специалистов по различным отраслям военного дела (артиллерия, инженерное дело, связь, авиация, химия и пр.).

Таким образом теперь Красная Армия и Флот являются в полном смысле этого слова рабоче-крестьянскими. В этой части задачи нашей военной политики мы можем считать полностью выполненными.

Несколько хуже обстоит дело с технической подготовкой нашего красного комсостава. Несмотря на колоссальную работу, сделанную по подготовке нового и переподготовке старого командного состава, мы далеки еще от того, чтоб свои задачи в этой области считать разрешенными.

Значительная часть наших командиров все еще не вполне соответствует тем требованиям, которые предъявляются современным состоянием военного дела. Большой сдвиг сделан последними выпусками наших нормальных школ. Они уже подошли к минимальным нашим требованиям. Отзывы о работе этих выпусков в частях в большинстве случаев хорошие. Но это все же только первые шаги. От наших соседей с Запада мы все еще отстаем. Перед нашей нормальной военной школой попрежнему стоит задача выработки вполне годного, культурного и образованного рабоче-крестьянского командира. Этой же задаче посвящена деятельность нашей сети курсов усовершенствования, военно-научных обществ и т. п. Настроение учиться в армии есть. Это является залогом того, что в ближайшие годы мы окончательно ликвидируем остатки нашей образовательной немощи и дадим армии нужного ей командира. Но с этим делом надо спешить. Надо учиться, учиться и учиться.

В связи с изменением социально-классовой физиономии командного состава открылась возможность практического осуществления принципа единоначалия. Единоначалие в армии, как организационный принцип, всегда рассматривалось нами как технически наиболее целесообразная форма строительства. Но одного технического подхода в этих вопросах недостаточно. Мы строили и строим классовую армию. Отсюда вытекает необходимость внимательного учета классового момента при выборе той или иной из организационных форм.

В момент острой гражданской войны, не имея собственного технически подготовленного командного состава, пролетарская революция не могла обойтись без услуг специалистов, оставшихся нам в наследство от старого режима. Но элементарные соображения классового порядка требовали создания таких организационных форм, которые обеспечили бы лояльность в отношении Советской власти этих в огромном большинстве

своим фактически представителей чуждого лагеря. Этой необходимости полностью и целиком удовлетворял введенный в армии и флоте институт комиссаров.

Институт этот в общем ходе гражданской войны сыграл огромную роль. Его первоначальная функция, сводившаяся к роли «ока советского государства», скоро под влиянием естественно развивавшихся событий расширилась, и наш военный комиссар превратился в организатора и администратора. Этот процесс неизбежно связывался с известным умалением прав и функций командира, особенно когда этот последний был беспартийным. Тут налицо выплывает уже обратная сторона медали, командир постепенно теряет ценнейшее свойство всякого хорошего командира: волю и способность к принятию самостоятельных быстрых решений. Явление это по ряду данных стало довольно обычным для Красной Армии.

Спрашивается: не позволяет ли современная обстановка внести соответствующий корректив в положение комиссарского института? На этот вопрос декабрьский пленум Реввоенсовета, в полном согласии с директивами партийного центра, дал положительный и точный ответ. Этот ответ говорит о своевременности и необходимости скорейшего осуществления ряда мер по практическому осуществлению единоначалия в армии. В самую постановку вопроса о единоначалии внесена исчерпывающая ясность.

Под единоначалием, по смыслу принятого решения, следует понимать сосредоточение в одном лице функций строевых, административных и хозяйственных. Это значит: единоначальником может быть и любой беспартийный командир. Что же касается функций партийного и политического руководства, то партия оставляет их целиком в своих руках, в лице соответствующих партруководителей. Таким образом старый военный комиссар должен превратиться в партруководителя. Высшим и наиболее желательным типом единоначалия будет совмещение в одном лице функций как строевых, так и партруководства. Но такое совмещение требует от командира таких свойств и качеств, которые найдутся далеко не у всякого даже партийного командира. В перспективе же, разумеется, этот тип единоначалия будет являться венцом наших достижений.

Такова сущность принятых по этому вопросу решений. Что касается темпа их осуществления, то этот вопрос получил исчерпывающее разрешение в изданной недавно специальной инструкции, содержащей точную и определенную программу соответствующих мероприятий.

Очевидно, что не везде и не сразу проведение этой программы будет целесообразно. Всякая спешка в таком серьезном деле была бы ошибкой, тем более что и спешить без оглядки пока нет никаких оснований. Нужно, в частности, конкретно наметить план разумного использования в различных ответственных должностях освободившейся части комиссарского состава, этого носителя ценнейших навыков и традиций Красной Армии. ПУР'у эта задача и поставлена, как самая насущная. Места в армии найдутся с избытком. Это задача деликатная, но объединенными усилиями командного и политического состава всей армии мы ее разрешим безболезненно.

Что касается нашего красноармейского молодняка, то он, по общим признаниям, по своему культурному и политическому развитию стоит неизмеримо выше призывников-новобранцев старой царской армии. Тяга к учебе, к наилучшему использованию военной службы в целях подготовки себя для будущей работы характерна для огромного большинства новобранцев. Есть и отрицательные стороны, например: значительный процент неграмотных (до 20%), есть случаи недостаточно серьезного отношения к военному делу, к военной учебе и т. п., но они представляют единичные явления и тонут в общей массе несомненно положительных фактов. Таким образом наш молодняк и в политическом и в чисто военном отношении представляет прекрасный материал для выработки настоящего бойца-гражданина.

Прохождение службы. Переход к нормальной системе укомплектования. Материальный быт армии

Крупнейшим недостатком, тяжело отражавшимся на внутренней жизни армии, являлось отсутствие твердых законоположений, регулирующих порядок прохождения службы. Вне этих положений немыслима никакая планомерная, систематическая работа. Поэтому одной из основных задач Наркомвоен-

мора в текущем году была скорейшая выработка и издание соответствующих законов. Важнейшими из этих законов, изданных в истекшем году, являются: правила о прохождении службы командным составом, основные положения об отбывании воинской повинности, закон о льготах при призыве и т. д.

Изданные правила регламентируют определенный порядок назначения на командные должности, устраняют незаконный элемент случайности при перебросках и переводах, неправильные смещения с должностей и т. д. Это открывает всему командному составу возможность спокойного и уверенного выполнения своего служебного долга.

Переход к нормальной системе укомплектования стал фактом с осени 1924 года, когда был закончен призыв новобранцев 1902 года. Этим мероприятием заложен прочный фундамент для всей дальнейшей жизни и работы армии. Им, в частности, наносится сильнейший удар текучести — этому злу, которое за предшествующие годы разъедало весь организм армии, срывая всякую возможность планомерной работы.

Результаты указанных мер уже сказываются. Текучесть резко сократилась. Работа начинает приобретать все более и более систематический характер, командный и политический состав становится увереннее в себе и в своем дальнейшем служебном продвижении.

В отношении перехода к нормальной системе укомплектования, к сожалению, следует заметить, что к весне 1924 года нельзя было еще полностью обеспечить этого. В связи с необходимостью часть новобранцев 1902 года призвать в войска весной 1924 года, а часть — осенью (причем эти части были неравномерны), придется при призыве 1903 года провести еще ряд дополнительных мероприятий, которые уже окончательно обеспечат нормальность укомплектования. Главные основы во всяком случае заложены, и заложены прочно.

Реввоенсовет Союза, решаясь на те сокращения и реорганизацию армии, о которых я говорил, считался, между прочим, с одним чрезвычайно важным обстоятельством — с необходимостью улучшить материальное положение как красноармейцев, так и командного и политического состава. Мы это про-

делали в два приема. Летом 1924 г. мы провели для младшего и среднего командного состава и для некоторых категорий наших рабочих поднятие ставок по производственным тарифам, а 1 ноября того же года ввели в жизнь новую тарифную сетку, по которой в среднем повышается материальный уровень нашего командного и политического состава на 28—30%. Это, конечно, еще не все, что мы хотели бы провести в жизнь. Но и это уже очень и очень большой шаг вперед, особенно если принять во внимание общую линию, которую проводят сейчас наше государство, партия и профсоюзы в отношении заработной платы.

Таким образом только для одной Красной Армии мы добились определенного исключения, которое явится главнейшим условием, обеспечивающим нормальную обстановку военного строительства. Это положение является одним из звеньев целого ряда мероприятий, направленных к улучшению материального положения Красной Армии.

Мы подняли содержание красноармейцу с 35 коп. до 1 руб. 20 коп. При распределении нашего бюджета мы обратим серьезное внимание на то, чтобы ассигновать нужные средства на все статьи, связанные с бытом Красной Армии. По сравнению с прошлым годом мы ассигновали больше на статьи расходов по содержанию казарм и топлива; обмундирование для Красной Армии в настоящем году будет получено полностью, кроме постельных принадлежностей, где придется терпеть еще некоторый недостаток. В отношении продовольствия проведен принцип децентрализации снабжения, что уже дает благотворные результаты. Мы устранили задержки в отношении выплаты заработной платы.

Все эти мероприятия в общем и целом привели к заметному улучшению бытовых условий армии, но вопроса в целом все же они не решили. Задачей текущего года является проведение ряда дополнительных мер в этом направлении.

Вопросы воспитания и обучения

Общее улучшение условий жизни и работы армии открыло возможность постановки на твердую почву дела ее воспитания и обучения. По существу мы только теперь по-настоящему

можем взяться за учебу. В прежние годы, с их текучестью личного состава, тяжелыми материальными условиями существования, отсутствием твердого порядка прохождения службы и пр., мы фактически были лишены всякой возможности строить армию, как настоящую боевую силу. Только теперь эта возможность открылась в достаточных размерах, и сейчас армия, пополненная до полного штатного состава, всем фронтом взялась за учебу. В связи с изменением к лучшему всей обстановки наша требовательность как к командирам, так и к красноармейцам возрастает до 100 %. Все, что военнo-служащий обязан сделать согласно соответствующим уставам и наставлениям, он должен дать, и никаких оговорок и ссылок на обстоятельства, помешавшие ему это сделать, у нас быть не должно. Те жертвы, на которые пошло наше государство в отношении улучшения бытовых условий Красной Армии, дают государству право предъявлять требования об исполнении работы на 100 %. Поэтому мы должны при воспитании Красной Армии, начиная от рядового и кончая красным командиром, это требование выполнить полностью и целиком.

Но дело не только в «объективных» условиях. В жизни армии проявились такие дефекты в деле воспитания, которые зависят целиком от неправильного подхода к делу. Важнейшим из таких недочетов является неправильность взглядов среди части командного и политического состава на методы воспитания и на самое понятие «дисциплина». В ряде частей (это особенно относится к территориальным формированиям) командный и политический состав проявил к красноармейцу недостаточно выдержанный подход. Во многих случаях вместо твердого и категорического требования выполнения служебного долга имеет место беспринципное «подыгрывание» к красноармейской массе, желание проявить свой исключительный «демократизм».

Этот «демократизм» является грубейшим извращением всех и всяких основ в дисциплине нашей Красной Армии. Приказ есть приказ. Уговаривания и увещания к выполнению приказаний сами по себе суть грубейшие нарушения дисциплины. Между тем кое-кто из наших командиров и политработников по этой части очень и очень грешил. Практика сборов

в некоторых территориальных частях показала, что правильное представление о воинской дисциплине отсутствует даже у многих коммунистов. Партийным организациям на местах следует этому вопросу уделить особое внимание. Проявления некоторой распушенности имеются, и их следует немедленно устранить продуманными, твердыми и решительными мерами.

В общей постановке вопроса политического воспитания армии нам следует сделать гораздо большее, чем прежде, ударение на политико-воспитательной работе. Мы несколько больше, чем следовало, сбивались на культурническую работу в ущерб политико-воспитательной. В условиях современного состояния Красной Армии, с ее, несомненно, значительно выросшим в общекультурном отношении рядовым красноармейским составом, это — определенный недостаток. Все вдумчивые работники армии утверждают, что перед нами опасность отставания политико-просветительной работы от темпа культурного развития красноармейца. Нашу работу просвещения мы должны поставить так, чтобы получить и красного советского гражданина и красного воина. При этом я особое ударение хотел бы сделать на второй части этой формулы. Дело в том, что мы иногда слишком увлекаемся задачами гражданского порядка и забываем, что наш долг — прежде всего заботиться о выработке из крестьянина, призванного в армию, хорошо обученного и воспитанного красного воина.

Морской флот

У некоторых товарищей, в связи с недостатком у нас средств, является мысль, что лучше сосредоточить все наше внимание на сухопутной армии. Такая точка зрения крайне ошибочна. Ставить крест над своим морским строительством нам нет никаких оснований. Наоборот, в связи с намечающимися переговорами с Францией и с возможной перспективой возвращения тех судов, которые были забраны Врангелем и находятся сейчас в Бизерте, имеются основания полагать, что наш флот увеличится.

Независимо от ближайшей перспективы развития флота, Реввоенсовет твердо и незыблемо стоит на той точке зрения, что флот нам крайне необходим, что мы должны его развивать

и дальше. Я недавно познакомился с положением дела в Чёрноморском и Балтийском флоте и вынес определенное заключение, что по части внутреннего укрепления флота дело обстоит хорошо; сравнительно с прошлым годом мы сделали гигантский шаг вперед. В отношении боеспособности, в отношении улучшения командного состава нужно констатировать, что мы достигли многого, и эти наши достижения нужно развивать и двигать дальше.

Мы упираемся сейчас в основной вопрос — программу нашего морского судостроительства. Действующие суда флота устарели; большинство из них выйдет из строя в ближайшие годы. Таким образом перед нами во весь рост встает необходимость немедленно приступить к постройке новых судов. Очевидно, это нам и придется сделать со следующего бюджетного года. Рамки программы будут зависеть от размеров наших бюджетных ассигнований, но во всяком случае они не перейдут грани, устанавливаемой примерным составом нашего нынешнего наличного флота. В связи с отсутствием у нас желания вести агрессивную морскую политику мы, по всей вероятности, даже при самых благоприятных бюджетных условиях ограничимся программой постройки мелких судов оборонительного характера⁵⁵.

Армия и техника

Основные организационные вопросы внутреннего строительства освещены и вырешены. Это открывает для военного ведомства возможность вплотную подойти к вопросам улучшения военной техники и расширения военной промышленности. Эти вопросы в дальнейшем должны будут стоять в центре нашего внимания. В отношении техники у нас особенно велики недостатки. Для того чтобы сравняться с армиями наших возможных противников, нам нужно сделать гигантские усилия. Кое-что в этом направлении уже начато. Так, по части самолетостроения мы уже стали довольно прочно на ноги. Теперь очередь за моторами. Начало, и начало недурное, этому делу тоже положено; но главная работа еще впереди. Армия ждет братской помощи со стороны советской техники и советской науки. Мы должны во что бы то ни стало освободить себя

от зависимости заграницы. Товарищи инженеры, техники, химики, решающее слово за вами!

Развитие военной промышленности должно быть отныне предметом особого внимания со стороны армии и всего государства. Усложнение международного положения требует уделения особого внимания вопросам обороны Союза. В центре же этих вопросов стоит создание промышленности, обеспечивающей армии возможность выдержать борьбу с любым противником. Этой промышленности у нас сейчас нет. Наш долг создать ее в ближайшие годы.

Таковы основные итоги работ по реорганизации. К этому следует добавить, что среди всего руководящего командного и политического состава как в центре, так и на местах существует полное единство взглядов и на характер задач строительства армии и на методы их осуществления. Армия и Флот продолжают работу по дальнейшему укреплению внутренней спайки своих рядов на основе великих заветов ленинизма и под руководством коммунистической партии. Это дает основания заявить, что Советский Союз в деле защиты своих интересов будет иметь в лице Красной Армии и Флота вполне надежное и мощное орудие.

М. В. Фрунзе, На новых путях, изд. „Военного вестника“, 1925 г.

ШЕСТИЛЕТИЕ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
7 НОЯБРЯ 1924 г.

Мы — не каста, а ветвь советского организма

Товарищи, наше сегодняшнее заседание посвящено чествованию шестой годовщины нашей Военной академии. Событие это является не последним среди ряда других фактов, свидетельствующих об упрочении завоеваний Октября и об общем укреплении советской государственности.

Во всех государствах, основанных на общественном неравенстве и раздираемых внутриклассовыми противоречиями, исход борьбы классов всегда решался и решается, в конечном счете, вооруженной силой. Поэтому господствующие клас-

сы всех времен и народов всегда уделяли особое внимание этой силе и, в частности, весьма тщательно следили за тем, чтобы руководство ею целиком и полностью находилось в их руках. Доступ в эту область общественной деятельности, доступ к военному знанию, к военному искусству для народных низов был закрыт. Само военное дело облекалось покровом своеобразной таинственности и недоступности для понимания простых умов. Все это, конечно, делалось для того, чтобы создать из военного искусства, из военной науки своего рода «табу»⁵⁶ для непосвященной «черни» и, таким образом, закрепить господство эксплуататорских групп. В результате такого подхода фактическое руководство военным делом и монополия на военное знание принадлежали сравнительно очень ограниченной группе лиц, представляющих замкнутую касту. Так было прежде, так и теперь во всех крупнейших буржуазных странах.

Большинству здесь присутствующих памятна та организация, которую представлял собой генеральный штаб старой царской армии. Это была узко кастовая группа, тщательно подбиравшаяся из среды дворянства и благодаря своему диплому претендовавшая на руководство всем военным делом.

Октябрьская революция наряду с целым рядом других вещей не оставила без внимания и эту сторону нашей государственной жизни. Весь старый уклад был опрокинут совершенно, и на его развалинах шаг за шагом стал воздвигаться фундамент новой, советской военной жизни. Самой характерной чертой того здания, которое сейчас создано нами, является самая тесная, самая глубокая связь руководящих военных верхушек со всей толщей армии, а через нее — и со всем нашим общественным советским организмом. Эта связь с низами характерна для постановки работы внутри Военной академии — учреждения, предназначенного для подготовки красного рабоче-крестьянского штаба.

Наша академия — рабоче-крестьянская

Вообще в области военного строительства мы можем похвастаться серьезными достижениями. Это объясняется не

особыми талантами и заслугами военных работников, а тем, что в ходе революции объективная обстановка выдвигала на первый план военные задачи.

Этим объясняется то, что сейчас рабочий класс и крестьянство фактически держат в своих руках руководство всем военным делом в нашем Советском Союзе. Рабочий класс и крестьянство могут считать себя в настоящий момент полными хозяевами и того учреждения, которое является высшим центром военно-научной жизни. По составу слушателей наша Военная академия в полном смысле слова является рабоче-крестьянской: 72% слушателей принадлежит к рабочему классу и крестьянству, остальная часть падает на трудовую интеллигенцию.

Наша профессура представляет собою цвет того, что мы имеем в рядах армии. Здесь в течение целого ряда лет в моменты отчаянных гражданских схваток отбиралось лучшее из того, что досталось в наследство от старого режима. Всё это проверялось в горниле гражданской войны, проверялось длительной совместной работой, и мы можем сейчас сказать, что в лице нынешнего своего профессорского и преподавательского состава мы имеем в полном смысле этого слова рабоче-крестьянский аппарат.

Командир РККА должен быть не только техником, но и общественником

В области своей внутренней жизни и деятельности, во всем, что связано с учебными планами, методами преподавания, программы и пр., мы за эти последние годы также шагнули далеко вперед. Военная академия является вполне сложившимся, прочно ставшим на ноги организмом, заслужившим почетное признание всей армии.

Но, упоминая об этих положительных фактах, мы не можем сказать, что нами достигнуты все задачи, которые мы себе ставим в отношении нашего военно-научного центра.

В чем же я считаю незаконченной нашу работу?

Во-первых, в части технической подготовки того командного состава, который выходит из стен академии. Нам надо

работать и очень много работать, для того чтобы достичь того уровня, на котором стоят в этом отношении западно-европейские буржуазные армии.

Но подготовка хорошего техника, специалиста военного дела — только одна сторона задачи. Нам нужен командир, который был бы не только техником, но и общественником во всем высоком значении этого слова.

Обстановка военной работы в Советском Союзе глубоко отлична от тех условий, с которыми привыкла иметь дело буржуазно-военная мысль. Военная работа у нас теснейшим образом переплетается с работой всего нашего гражданского аппарата: Советами, профессиональными союзами, кооперацией, партией. В отличие от буржуазных армий, исповедующих принцип «армия вне политики», мы всю силу нашей Красной Армии, всю ее мощь строим как раз на широко и глубоко развитой политпросветительной и политвоспитательной работе. Таким образом, в нашем строительстве многие из буржуазных методов совершенно неприменимы. Стоит вспомнить дальше о том широком развитии, которое получила у нас практика территориально-милиционного строительства, чтобы убедиться, насколько отличны наши пути строительства и какие высокие требования предъявляют они к командиру Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Наш командир должен уметь ставить работу так, чтобы масса видела в нем не только технического руководителя, но и воспитателя.

Вопрос о единоначалии

Комсостав нашей армии не однороден. Прежде всего, он делится на партийных и беспартийных. Те и другие одинаково прочно и крепко связаны с нашей рабоче-крестьянской государственностью. И те и другие имеют перед собой одинаковые служебные перспективы, и тем не менее положение их внутри армии и флота все-таки является различным. Наднях в резолюциях последнего пленума Революционного военного совета Союза были намечены точно и ясно перспективы дальнейшего строительства Красной Армии, связанные с ролью нашего командного состава. Сущность намеченной ли-

нии заключается в твердом решении последовательного перехода к осуществлению принципа единоначалия. Но этот принцип, в зависимости от обстановки, будет осуществляться разнообразно. В отношении беспартийного командира он сведется к концентрации в его руках функций строевых, административных и хозяйственных. Что же касается функций политического руководства, то они будут не у него, а у соответствующих органов партийного и политического руководства. Такого рода единоначалие, обеспечивая полный простор в линии строевой и хозяйственной, все-таки является неполным. И только тогда, когда эта функция будет находиться в руках одного лица, мы будем иметь полное и наиболее желательное осуществление системы единоначалия.

Будет ли это у нас когда-нибудь полностью, — мы сказать не можем. Мы можем и должны лишь сказать, что для старшего командного состава, для тех, кто готовится к роли ответственных руководителей армии, сама собой вытекает задача — тесно связаться не только с нашим государственным аппаратом, но и с той организацией, которая руководит и этим аппаратом и всей нашей жизнью, т. е. с нашей коммунистической рабочей партией.

Вероятно, единоначалие в последнем смысле слова не будет широко распространенным явлением, ибо для осуществления этих функций политического и партийного руководства мы предъявляем и будем предъявлять самые строгие требования. Этим требованиям может удовлетворить далеко не каждый не только из беспартийного командного состава, но и из партийцев. Вот почему преобладающим типом нашего единоначалия на дальнейшие годы строительства, вероятно, будет являться первый указанный мною тип.

Но при всем том задача Военной академии, т. е. того центра, который готовит руководящие верхушки армии, должна заключаться в подготовке командира и начальника не только в первом указанном мною смысле, но и во втором, и я подчеркиваю — особенно во втором. Нам придется поставить работу так, чтобы весь состав, выходящий из стен Военной академии, представлял собой тип командира-общественника самой высокой квалификации. Во всей своей массе,

беспартийный и партийный, он должен во всяком случае ознакомиться самым глубоким и серьезным образом с методами изучения общественных явлений, и в частности изучения военного дела, которые нам дает марксистская теория и дополняющее учение Маркса — учение Ленина. Вся наша программа и учебный план на этот год и в дальнейшем будут строиться так, чтобы облегчить разрешение этой задачи, которую я считаю одной из основных.

Марксистский метод должен стать руководящим в военной науке

В этой части перед нами почти непечатый край работы. И работа эта осложняется тем, что налицо у нас нет марксистски подготовленного преподавательского состава. Подготовку такого состава я считаю следующей нашей очередной задачей. Хотелось бы выразить пожелание, чтобы в следующие годы Военная академия во всех областях своей работы превратилась в рассадник военно-научных знаний и чтобы марксистский метод стал методом руководства во всех областях военно-научного знания.

Необходимо учение, необходима длительная практика в применении этого метода, и здесь наши взоры с надеждой обращаются на подрастающее поколение военно-научных работников, воспитывающихся в недрах Военной академии и в наших военно-научных кружках. На долю этих молодых работников нам надо отнести заботу о том, чтобы их усилиями этот пробел был восполнен, по возможности, в самый короткий срок.

Тучи над советским горизонтом

Наше сегодняшнее празднество, товарищи, совпало с очень серьезным поворотом в международной обстановке.

Над советским горизонтом вновь начинают сгущаться тучи. Вы следите за прессой и видите, что у буржуазных государств всё крепче и крепче начинает укореняться мысль о том, что в отношении Советского Союза, может быть, следует вновь пересмотреть линию поведения в сторону возврата

к старым методам прямого нажима. Застрельщиком этой идеи является государство, с которым мы еще недавно заключили специальный договор дружбы и с которым у нас установилась довольно тесная экономическая связь. Я имею в виду Англию.

Созданное в результате последних выборов нынешнее английское правительство консерваторов совершенно резко, определенно и грубо прямолинейно ведет политику, явно враждебную интересам Советского Союза.

С первых же дней принятия власти новое правительство разрывает договор, заключенный его предшественником. Посылает затем ноту по поводу известной истории с подложным письмом. Далее мы имеем такие факты, как выступление одного из членов кабинета, Черчилля, с предложением правительству полного разрыва с Советским Союзом, аннулирования самого акта признания и так далее.

Пока что эта последняя точка зрения английским кабинетом в целом отвергнута. Но самая возможность постановки подобного рода вопросов является фактом крупнейшего политического значения.

Сейчас английский министр иностранных дел Чемберлен находится в Париже и затем предполагает поехать в Рим. Мы имеем первые сведения о характере тех бесед, которые он ведет с Францией, и видим, что в числе других вопросов, подлежащих урегулированию, не последнее место занимает вопрос о выработке единой линии, единого фронта политики капиталистических стран в отношении Советского Союза.

Если мы учтем далее ту кампанию лжи, ту кампанию измышлений, которая сейчас бешено развивается против нас на страницах всей зарубежной буржуазной прессы, если мы учтем попытки того же английского правительства объединить во враждебный нам блок наших ближайших западных соседей, то перед нами невольно может возникнуть вопрос: не стоим ли мы под угрозой сокращения нашей мирной передышки?

В последние годы под влиянием внутренних и внешних успехов во всех кругах советской общественности и даже в самой Красной Армии сильно укрепились мысль о том, что

то состояние мира, которое мы обеспечили ценой величайших жертв, является делом очень прочным и устойчивым. Нелишне напомнить, что такого рода пацифистские настроения мало, если не сказать резко, отвечают фактическому ходу событий. Развитие внутриклассовых и национальных противоречий неизбежно обостряет наши взаимоотношения с буржуазным миром. В частности, те острые формы, в которые выливается борьба рвущихся на свободу миллионов колониальных рабов (Судан, Египет, Персия, Индия, Китай), делают международное положение особенно напряженным. И не случайностью является тот факт, что застрельщиком в борьбе против нас является Англия, это самое крупное и самое типичное рабовладельческое государство.

В современной обстановке места пацифистским иллюзиям у нас быть не должно.

Конечно, из тех фактов, о которых я говорил, нельзя сделать совершенно определенного вывода о том, что против нас готовится открытое вооруженное выступление. Такой вывод не отвечал бы действительному положению вещей. Но задуматься над этим явлением мы обязаны, и во всяком случае мы не можем считать себя застрахованными и от этой опасности.

Есть немало данных за то, что политика активизма против нас вряд ли увенчается успехом. Целый ряд глубоких противоречий разделяет страны буржуазного мира. Стоит вспомнить лишь о том колоссальном политическом возбуждении, которое создалось в Японии в связи с известием о предположенных в Тихом океане маневрах американского флота.

Стоит вспомнить дальше о тех противоречиях, которые раздирают крупнейшие страны западноевропейского континента — Англию и Францию, — противоречиях, связанных с политикой в Африке, в Азии, в Центральной Европе, чтобы увидеть, насколько трудна для мирового капитала попытка объединить все буржуазные страны в единый фронт борьбы с Советским Союзом.

Поэтому мы не очень опасаемся возможности организации такого единого враждебного нам фронта в ближайшем будущем. Но пытаться ущемить нас на том или другом на-

правления, тем или другим способом можно и без организации всеобщего единого фронта. Поэтому мы должны тщательно следить за ходом развертывающихся мировых событий и быть наготове к самым худшим для нас комбинациям.

В частности, мы, военные работники, должны в полной мере усвоить лозунг наших юных пионеров. Так же как и они, на возможный возглас: «будь готов», мы должны твердо и уверенно ответить: «всегда готовы». Ведь на самом деле весь наш Советский Союз вместе с Красной Армией является своего рода пионером. Мы вторглись в старый мир как новое, страшное для него явление. Самим фактом нашего существования мы подрываем его основы, разрушаем его устойчивость и тем вселяем в его представителей чувство жгучей ненависти, безумного страха и закоренелой вражды ко всему советскому.

Вот почему, если мы будем считать не месяцами, а годами и десятилетиями, то мы должны будем прийти к выводу о невозможности длительного сосуществования этих двух принципиально совершенно различных друг другу миров. Вот почему быть в полной готовности является нашей всегдашней заботой и нашей всегдашней обязанностью.

Красная Армия едина, как и наша коммунистическая партия

Воинственные настроения, все больше и больше укрепляющиеся в лагере наших врагов и друго-врагов, видимо, в значительной степени поддерживаются и некоторыми фактами, касающимися нашей внутренней жизни.

Буржуазная и наша белогвардейская зарубежная пресса уделяет сейчас огромное внимание той литературной дискуссии, которая развернулась на страницах нашей партийной печати. С этой дискуссией связывается целый ряд заманчивых надежд и упований. Многим уже наяву и во сне грежится близость советского «термидора»⁵⁷, лелеется мечта о возможности крутого поворота, крутого излома той политики, которая до сих пор осуществлялась коммунистической партией. Я заговорил об этом потому, что такого рода на-

дежды и упования, в частности, направляются в нашу сторону, в сторону Красной Армии. Высказываются затаенные надежды на то, что Красная Армия окажется ненадежным орудием в руках советской власти, что она не пойдет за политическим руководством той партии, которая руководит советским кораблем.

Конечно, на все эти разговоры мы можем только улыбнуться. Надо не иметь никакого представления ни о механизме нашего советского аппарата, ни о внутренней механике жизни Красной Армии и Флота, чтобы предаваться подобного рода мечтам. Наша сила и мощь — в работе всего рабоче-крестьянского коллектива, руководимого единственным вождем и организатором — Российской коммунистической рабочей партией. Никто и ничто не может строить и проводить своей политики как в стране, так и в армии помимо партии и без нее. Пока крепка и едина партия, несокрушим Союз Советских Республик. Ну, а в этом отношении дело у нас из года в год становится лучше и лучше.

Элементы, представляющие оппозицию всех рангов и видов, были прежде гораздо многочисленнее, их голоса раздавались гораздо внушительнее. Если мы отойдем на три года назад и вспомним время «профсоюзной дискуссии», то увидим, что картина разброда и внутренней борьбы даже при жизни нашего руководителя Ленина была гораздо глубже. С тех пор положение неуклонно изменялось в сторону создания все большей и большей крепости, все большего и большего единства и монолитности в партийных рядах. Наилучшим ответом на эти предвкусения и ожидания международной белогвардейщины является та демонстрация внутренней спайки, которая дается сейчас всей шестисоттысячной массой коммунистической партии. Никакого разброда, никакого шатания. Партия свое слово сказала, и за будущее мы можем быть совершенно спокойны.

Совершенно естественно поэтому, что, обращаясь к нашей Красной Армии и Флоту, мы и там видим ту же картину. Красная Армия в полном соответствии с общим укреплением политической жизни страны представляет картину все большей и большей внутренней спайки, все большего и большего

единства. Еще год тому назад положение в этом отношении было гораздо хуже, чем сейчас. За год мы многому научились. Политический опыт растет.

Хозяйственное укрепление СССР

Цифры и факты из области нашей хозяйственной жизни дают уверенность в том, что та линия политического укрепления, которая сейчас мною отмечалась, обеспечена и в дальнейшем. Несмотря на то довольно глубокое потрясение, которое в наше хозяйство внес недород этого года, мы имеем факт колоссального подъема во всех областях хозяйственного строительства. Во всех областях хозяйственного строительства мы перешагнули через те грани, какие наметили себе. Это, повторяю, было при том потрясении, которое создал неурожай. Что же мы будем иметь при относительном благополучии с урожаем?

У нас, несомненно, будет картина такого роста, такого подъема, который превзойдет все наши самые оптимистические расчеты и ожидания.

Теперь для всех очевиден факт, что мы без всякой помощи извне становимся на ноги, наше хозяйство ширится и крепнет. Вот почему у нас не может быть никаких сомнений в отношении дальнейших перспектив нашего развития. Мы можем не бояться никого из наших возможных врагов. Мы уверены, что единого фронта, который, конечно, был бы очень опасен для нас, нашим врагам создать не удастся. Мы знаем, что и в лице трудящихся масс Западной Европы и Америки и в лице шестисотмиллионных масс народов Востока мы имеем могучих союзников.

За работу!

Вот почему мы свой советский корабль поведем вперед с той же уверенностью и твердостью, с которой вели его до сих пор, и вот почему, строя наши вооруженные силы, мы спокойно ждем возможности военного испытания для нас.

Оно будет решающим. Будем делать все возможное, чтобы эту опасность отдалить как можно дальше, но будем в то

же время готовы встретить ее лицом к лицу. Это требует от нас одного: работы, работы и еще раз работы.

И в Военной академии и в рядах Красной Армии сейчас с большей силой, с большей энергией, чем когда бы то ни было, должен раздаться этот лозунг: «Все за работу!».

Пробелов в боевой подготовке у нас немало. Есть они и в Военной академии, которая, тем не менее, уже теперь является центром военно-научной мысли, является учреждением, к которому обращаются взоры командного состава всей армии.

Пусть же и жизнь и работа в ней закипят с удвоенной силой!

Я убежден, что все мы, здесь сидящие, и весь состав нашей Красной Армии, безразлично — партийный и беспартийный, в настоящее время представляем такую единую дружную семью, что мы можем быть уверены в успехе этой работы.

Да здравствует же наша Военная академия — рассадник военно-научных знаний, освещенных учением Маркса и Ленина!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия и да здравствует ее политический вождь — Российская коммунистическая партия большевиков!

Красная Армия знала и знает только этого вождя. С ним и за ним она шла и идет. С ним и за ним она обеспечит торжество коммунизма во всем мире.

„Красные зори“, № 12, декабрь 1924 г.

ВОПРОСЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Высшее образование у капиталистов и у нас

Во всех государствах, основанных на общественном неравенстве и раздираемых внутриклассовыми противоречиями, исход борьбы классов всегда решался и решается в конечном счете вооруженной силой. Поэтому господствующие классы всех времен и народов всегда уделяли особое внимание этой силе, и, в частности, весьма тщательно следили за тем, чтобы

руководство ею целиком и полностью находилось в их руках. Доступ в эту область общественной деятельности, доступ к военному знанию, к военному искусству для народных низов был закрыт.

Это, с одной стороны, неизбежно вытекало из того, что военное искусство по необходимости всегда было искусством передовым, всегда опиралось на последние достижения науки и техники и предъявляло к своим специалистам довольно высокие требования. А так как культура в классовом обществе является монополией господствующего класса, то именно из этого класса и рекрутировались военные специалисты-командиры.

С другой стороны, именно эта область капиталистической культуры — область военного знания — в силу своего исключительного значения особенно ревниво охранялась господствующим классом от проникновения «чуждых элементов» — командиров из среды трудящихся.

В результате такого подхода и в соответствии с тем, что в буржуазных государствах господствующие классы составляют ничтожное меньшинство населения, фактическое руководство военным делом и монополия на военное знание принадлежали сравнительно ограниченной группе лиц, представлявшей замкнутую касту. Так было прежде, так и теперь во всех крупнейших буржуазных странах.

Всем памятна, например, та организация, которую собой представлял генеральный штаб старой царской армии. Это была узко-кастовая группа, тщательно подбиравшаяся из среды дворянства и благодаря своему диплому претендовавшая на руководство всем военным делом.

Октябрьская революция беспощадно разбила весь старый аппарат буржуазного господства, в том числе и военный аппарат. На его развалинах шаг за шагом стал воздвигаться фундамент новой советской военной жизни. Самой характерной чертой для того здания, которое сейчас создано нами, является самая тесная, самая глубокая связь руководящих военных верхушек со всей толщей армии, а через нее и со всем нашим общественным советским организмом. Эта связь с низами характерна для постановки работы и внутри Воен-

ной академии, — учреждения, предназначенного для подготовки красного рабоче-крестьянского штаба.

В деле военного строительства мы можем похвастаться серьезными достижениями. Это объясняется не особыми талантами и заслугами военных работников, а тем, что в ходе революции объективная обстановка выдвигала на первый план военные задачи и привлекала к ним внимание партии, внимание рабочего класса и крестьянства.

Благодаря этому в настоящее время рабочий класс и крестьянство фактически держат в своих руках полное руководство всем военным делом в нашем Советском Союзе. Рабочий класс и крестьянство могут считать себя в настоящий момент хозяевами, в частности, даже Военной академии — того учреждения, которое является высшим центром военно-научной жизни. По составу слушателей наша Военная академия в полном смысле слова является рабоче-крестьянской: 72% слушателей принадлежат к рабочему классу и крестьянству, остальная часть падает на трудовую интеллигенцию.

90% приема 1924 года являются членами коммунистической партии. Это — факт весьма отрадный, конечно, в определенном смысле слова. Он является отрадным потому, что эти 90% нового нашего приема представляют собой лучшую, наиболее энергичную, наиболее инициативную часть нашего рабоче-крестьянского элемента Красной Армии. Но, конечно, тот партийный билет, который каждый из нас имеет, ни в коем случае не должен рассматриваться, как средство облегчения служебной карьеры. Руководители Красной Армии и наше правительство и руководящая страной коммунистическая партия так никогда дела не рассматривали и никогда рассматривать не будут. Партийный билет налагает как раз новые, чрезвычайно серьезные обязанности, и одной из этих обязанностей является долг партийца и в армии вообще и в стенах нашей академии в частности втягивать в круг своего идейного влияния всю остальную беспартийную массу товарищей, сделать так, чтобы создалась действительно единая дружная семья, в которой всякий беспартийный чувствовал бы себя тепло и удобно, в которой он сознавал бы, что перед ним открываются такие же перспективы, служебные и иные, такие

же возможности, какие лежат перед партийным. И в этом — одна из первейших обязанностей, лежащая перед партийными слушателями нашей академии.

Наша профессура представляет собою цвет того, что мы имеем в рядах армии. Здесь в течение целого ряда лет, в моменты отчаянных гражданских схваток, отбиралось лучшее из того, что досталось в наследство от старого режима. Все это проверялось в горниле гражданской войны, проверялось длительной совместной работой, и мы можем сейчас сказать, что в лице нынешнего своего профессорского и преподавательского состава мы имеем вполне советский аппарат.

Это — немалое завоевание для республики Советов. Но наши стремления этим еще не ограничиваются. Наша дальнейшая задача должна заключаться в том, чтобы весь нынешний состав профессуры еще глубже, еще крепче связал себя с делом пролетариата. Связь советскую, служебную мы должны дополнить связью идеологической. Только в этом случае мы будем иметь до конца свой пролетарский аппарат. Пока такой глубокой, органической идейной связи на базе марксизма и ленинизма у нас нет. Вполне понятно, что задача создания ее — вещь весьма деликатная и тонкая. Установление ее в конечном счете должно явиться результатом дружных усилий двух сторон: старой профессуры, вставшей прочно на платформу Советской власти, и молодого, подрастающего поколения военно-научных работников. Для успеха работы обе стороны должны проявлять величайший такт, терпимость и умение понять друг друга. Отсюда — необходимость серьезной постановки изучения марксизма и ленинизма в наших высших школах военного знания. Это изучение диктуется и рядом других соображений.

Марксизм и ленинизм в военной учебе

Классовый состав нашей высшей военной школы сам по себе достаточно красноречиво говорит о том, чьим интересам служит наш командный состав, наша Красная Армия. Но для того, чтобы интересам рабочих и крестьян служить наилучшим образом, еще недостаточно одной принадлежности к пролета-

риату и крестьянству и даже самой беззаветной преданности интересам трудящихся. Для этого мало, с нашей точки зрения, и одного овладения техникой военного искусства — того, что требуется от командира в буржуазных армиях.

Обстановка военной работы в Советском Союзе глубоко отлична от тех условий, с которыми привыкла иметь дело буржуазно-военная мысль. Военная работа у нас теснейшим образом переплетается с работой всего нашего гражданского аппарата: советами, профессиональными союзами, кооперацией, партией. В отличие от буржуазных армий, лицемерно провозглашающих принцип «армия вне политики», а на деле втягивающих в политику лишь небольшие круги наиболее реакционных, наиболее преданных господствующему классу офицеров, — мы всю силу нашей Красной Армии, всю ее мощь строим как раз на широко и глубоко развитой политпросветительной и политвоспитательной работе. Таким образом, в нашем строительстве многие из буржуазных методов совершенно неприменимы. Стоит вспомнить дальше о том широком развитии, которое получила у нас практика территориально-милиционного строительства, чтобы убедиться, насколько отличны наши пути строительства и какие высокие требования предъявляют они к командиру рабоче-крестьянской Красной Армии.

Наш командир должен уметь ставить работу так, чтобы масса видела в нем не только технического руководителя, но и воспитателя. Но это возможно только в том случае, если наш командир будет иметь достаточно широкий политический кругозор, чтоб он умел разбираться во всем том сложном и непрерывно меняющемся переплете классовых и национальных сил, который показывает нам живая действительность и который неизбежно должен интересовать самые широкие массы нашей рабоче-крестьянской Красной Армии.

Кроме того, нельзя забывать о той исключительной роли, какую играет политическая работа в военное время, о том значении, какое политическая работа имела в обеспечении нашей победы в прошлом и какое она, несомненно, должна будет сыграть в достижении будущих побед.

Короче говоря, для того, чтобы наш командир рабоче-крестьянской Красной Армии стоял на должной высоте, как командир совершенно своеобразной армии социалистической революции, — для этого нужно, чтоб он в совершенстве овладел методом марксизма и ленинизма. А это в свою очередь возможно обеспечить лишь в том случае, если вся работа высшей военной школы будет проникнута духом марксизма и ленинизма, если марксистское и ленинское освещение получают все основные военные дисциплины, если изучение ленинизма будет поставлено на подобающую высоту. Это изучение имеет громадное значение не только в расширении общей подготовки слушателей, не только в расширении их познаний, как членов партии, но изучение ленинизма, семинарии по ленинизму представят колоссальный интерес с чисто военной точки зрения.

Ленинизм — это та совершенно новая струя, которая внесена в учение о классовой войне. В части военной, соприкасающейся с нами, мы в целом ряде трудов товарища Ленина имеем такого рода положения, правила и принципы, которые имеют полную аналогию с нашей военной работой. Стратегия и тактика могут быть с полным основанием перенесены из области чисто военной в область чисто политическую. Это учение ленинизма представляет из себя квинт-эссенцию тех стратегических взглядов и взглядов тактических, которыми руководилась наша большевистская партия в своей борьбе с капитализмом. В классовой борьбе имеется стратегия, имеется тактика как элементарная, так и общая, и только тот, кто усвоит себе существо этой стратегии рабочего класса, может быть руководителем борьбы рабочего класса за его освобождение. С другой стороны, несомненно, что характер будущих войн будет резко отличаться от войн предшествующей исторической эпохи. Серьезные потрясения буржуазного капиталистического мира — вот этот фактор будет играть большую роль при выработке стратегического плана будущих кампаний, при выработке тех правил тактики, которые мы будем практиковать на полях будущих сражений и будущих кампаний. Стратегия, являясь высшим обобщением военного искусства, должна учитывать не только чисто военные элементы, как

численность армий и т. д., но должна учитывать и моменты политического характера. Только тот, кто обладает всеми этими познаниями, может претендовать на роль руководителя Красной Армии в условиях будущих военных столкновений. Таким образом, семинарии по ленинизму, изучение основ ленинизма не вызываются одним только желанием расширить общий кругозор, но являются естественным обязательным дополнением в изучении нашего чисто военного курса стратегии и курса общей тактики.

Для нынешнего поколения военных работников эта мысль в особых доказательствах не нуждается. Положение, установленное еще 100 лет тому назад Клаузевицем⁵⁸ и гласящее, что «война — просто продолжение государственной политики другими средствами», получило особенно яркое и наглядное подтверждение в нынешнюю эпоху пролетарской революции, когда политика и стратегия так тесно переплелись между собой, что их разделение может быть проделано лишь путем сложного теоретического анализа. Блестящий образец современного стратегического и тактического искусства, понимаемого с этой более широкой точки зрения, нам дает товарищ Ленин. Вот почему изучение ленинизма, этой теории и практики марксизма эпохи пролетарской революции, должно играть такую большую роль в деле чисто военного воспитания.

Учебное дело

Рабоче-крестьянский состав Военной академии сам по себе представляет огромное революционное завоевание. Но необходимо помнить, что рабочий класс и крестьянство, это — те классы, которым только революция, да и то лишь после победы на фронтах, дала возможность приобщиться к культуре, к знанию. Это обстоятельство не может не отразиться на постановке учебного дела в академии. Кто познакомится с теми требованиями, какие предъявляют к своим слушателям французская, английская или японская академии⁵⁹, тот увидит, насколько мы отстали от этих академий, как много нам придется работать, чтоб их догнать. Во всяком случае с известной отсталостью нашего состава в отношении общего и специально военного образования мы не можем не считаться. Именно

вследствие этого нам пришлось, например, отказаться от самостоятельной разработки стратегических тем.

Однако, несмотря на это, учебные планы академии все расширяются на основе опыта мировой и гражданской войны. Так, например, с 1924/25 учебного года расширено освещение административных вопросов в цикле стратегии. Этот цикл дополнен вопросами организации тыла. Почему? Ответ на это дается всем опытом последней мировой войны 1914—1918 гг. Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах, организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немислимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций. Между тем эта область вопросов до сих пор нами изучалась в цикле административных наук, хотя по своей природе в условиях ведения большой войны она должна быть тесно связана со стратегией.

Если мы посмотрим вообще на те уклоны, которые создаются в области военного дела в современных условиях, то мы должны будем признать, что центр тяжести мало-по-малу от оператора переходит к организатору. Я лично думаю, что теперь уже удачный исход военных операций, исход войны в гораздо меньшей степени зависит от правильного оперативного руководства, чем от правильной постановки организации тыла и всего того, что подготавливает ведение военных операций. По крайней мере, на три четверти все дело решается предварительной работой, строго продуманной на основании совершенно точных данных. Конечно, вся эта работа при плохом оперативном руководстве результатов не даст, но центр тяжести все же переносится все больше и больше сюда. Вот почему это новшество — перенесение вопросов организации тыла в цикл стратегии — нами должно быть признано совершенно своевременным, правильным и вполне отвечающим всему тому уклону, который мы сейчас имеем в области военного дела.

Другим новшеством, принципиально связанным с первым, является введение у нас новой кафедры — кафедры военной промышленности. Мы сделали пока что только робкий шаг

в этом направлении. Я называю его робким потому, что связь военного дела, связь успешного ведения военных операций с хозяйственным состоянием страны, и в первую очередь с состоянием ее промышленности, для всех нас очевидна. Хозяйственное положение страны и, в частности, положение ее промышленности определяет собою те основные моменты, которые будут играть решающую роль в том или ином исходе операций. Оно определяет, во-первых, качество бойца; страна, экономически развитая, обладающая хорошо развитой промышленностью, даст бойца такого, который будет стоять на высоте современных требований к нему. Во-вторых, оно определяет собою технику — наше оружие, определяет возможность маневрирования, ибо в экономически отсталой стране со слабо развитыми путями сообщения маневренная способность армии будет чрезвычайно низка.

Таким образом, вы видите, что вся наша стратегия, вся наша тактика находится в самой теснейшей связи с хозяйственным состоянием страны, и наша цель — поставить изучение этого элемента наших военных операций так, чтобы будущие руководители армии были основательно ознакомлены с состоянием страны под углом использования всех хозяйственных возможностей для войны. Такая постановка изучения хозяйства вытекает из всего характера современного военного дела. Мы сделали первый шаг потому, что говорим сейчас о кафедре военной промышленности только в стенах академии, говорим об изучении хозяйственного дела внутри нашего аппарата. Мне думается, что в дальнейшем придется постановку этого дела расширить. Работу этой кафедры надо ставить так, чтобы она явилась тем организующим идейным центром, который даст, с одной стороны, живейший толчок Красной Армии к изучению хозяйства под углом зрения организации обороны, а с другой — привлечет к этому делу и наши гражданские хозяйственные органы, научно-исследовательские организации и пр.

В 1924/25 учебном году более широко, чем до сих пор, поставлено изучение опыта нашей гражданской войны.

Несколько лет тому назад по части сравнения оценки опыта гражданской войны и войны империалистической в на-

шем военном мире существовали довольно значительные разногласия. Часть наших военных работников, главным образом в лице бывших офицеров старой армии, склонна была недооценивать опыт гражданской войны, считая, что ничего нового и заслуживающего внимания в военное искусство он не внес.

С другой стороны, новое поколение работников, вышедших из недр гражданской войны, расценивало этот опыт диаметрально противоположно: они склонны были искать в нем ключ к решению всяких проблем, могущих представиться перед нами в будущем.

Если мы отбросим в сторону преувеличения обеих точек зрения и возьмем существо спора, то истина, несомненно, окажется не на стороне первых. Очень возможно, что оценка, даваемая первой группой, опыта гражданской войны с точки зрения классического военного искусства и правильна.

Условия гражданской войны, в частности ее экономической базы, в общем и целом были таковы, что ни о какой новой стратегии и новой тактике, в смысле новых, неизвестных старому военному искусству или принципиально отличных от него методов, не может быть и речи. И все же сторонники этой точки зрения к истине гораздо менее близки, чем те, кто придавали опыту гражданской войны преувеличенное значение, ибо существо дела не в этом. Ошибка первых заключается в неверном подходе к делу. Ведь все относительно: пусть гражданская война с «отвлеченно-теоретической» точки зрения представляла даже, как утверждают некоторые, понижение военного искусства, тем не менее практически этот опыт подлежит самому полному и тщательному изучению, ибо наши формы борьбы отвечали определенным историческим условиям, которые будут характерны для всей наступившей с победой Октября современной эпохи пролетарской революции.

Чем отличается эта эпоха? Она отличается именно тем, что момент классовой борьбы приобретает огромное значение; его удельный вес неизмеримо вырос. Этот момент в будущем будет играть все большую и большую роль. Можно утверждать, что вряд ли будущее даст нам примеры чисто национальных войн⁶⁰.

Классовая борьба настолько глубоко раздирает современные буржуазные государства, что в чистом виде национальная война является теперь делом невозможным. Всякая будущая война будет войной классовой. В частности для нас, для Союза Советских Социалистических Республик, всякая большая война, которую нам придется вести, будет в той или иной форме, в той или иной степени связана с проявлениями борьбы классов как в лагере наших противников, так возможно и у нас самих. В связи с этим, во-первых, почти все «старое» в опыте гражданской войны встает перед нами под другим углом зрения и требует иного подхода и иных методов решения, а во-вторых, многое является действительно новым, например: формы организации вооруженных сил (политработа), требования к тактике и стратегии, вытекающие из характера и природы советского государства и т. д.

Поэтому теоретически и практически для нас чрезвычайно важно поставить дело изучения опыта гражданской войны на должную высоту.

Сейчас мы обладаем большой, растущей все больше и больше, инициативной группой военных работников, которая знает опыт гражданской войны, которая очень близка к нему и которая может уже теперь эти вопросы разрабатывать так, как этого требует военное дело. Требования, которые нам предъявляет современная обстановка, еще более это подчеркивают: мир продолжает кипеть; везде мы имеем проявление народного движения; и национальная и классовая борьба расширяется и растет, не сегодня-завтра обстановка может нам предъявить совершенно конкретные требования. Вот почему это новшество является своевременным. Кроме того, оно является вполне осуществимым для нас. Я думаю, что мы с ним даже сильно запоздали. Ведь не следует забывать, что наш опыт нужен не только для нас одних. Он практически, жизненно необходим для тех отрядов пролетарской армии, которые готовятся ко вступлению в бой с классовым врагом.

• Факультеты военной академии

В области организационной мы имеем в этом году тоже чрезвычайно крупное новшество в виде создания особого снаб-

женческого факультета. Это мероприятие является первым проявлением того общего курса, который мы проводим во всей нашей политике военно-учебного дела. Старая царская армия с точки зрения подготовки страны к обороне, с точки зрения создания и выработки всех потребных элементов, начиная от рядового бойца и командира и кончая всеми материальными ресурсами — эта армия представляла собой — я бы сказал, употребляя здесь экономический термин, — замкнутое домашнее хозяйство. Внутри себя, в себе самой она имела все элементы и все средства для разрешения стоящей перед страной задачи подготовки к войне. Этим объясняется то, что в области военного дела все те учреждения, которые необходимы были для подготовки любого специалиста, кончая специалистами самых тонких областей, как инженеры, техники и пр., — все это создавала для себя сама армия.

Опыт империалистической войны, в которой приняли участие многочисленные массы, показал, что такого рода метод подготовки к войне неудовлетворителен. Он показал полную недостаточность ресурсов одного военного ведомства. Он доказал необходимость вовлечения в дело обороны всей страны, а не только той ее части, которая призвана в войска. И эти выводы из опыта империалистической войны нами полностью усвоены. Сейчас центр тяжести подготовки страны все больше и больше должен быть обращен на весь наш тыловой гражданский аппарат. Если мы не сумеем эту мысль внедрить в среде этого нашего гражданского тыла, этого нашего гражданского аппарата, то мы рискуем оказаться не на высоте тех требований, которые поставит нам будущая большая война. Связь фронта с тылом стала более тесной, и уже в мирное время эта связь должна быть соответствующим образом закреплена. И в будущем мы не только в области подготовки наших снабженцев, но и во всех областях военной работы хотим добиться такой постановки, при которой бы подготовка и командного состава и всех других элементов войны велась всем советским аппаратом.

Одним из путей к этому явится приспособление наших высших учебных заведений к выпуску красных командиров.

Мы хотим добиться такого положения, чтобы студент, окончивший высшее учебное заведение, получил довольно солидную военную подготовку. Мы хотим провести военизацию страны в смысле подготовки всех условий, обеспечивающих быстрый и безболезненный переход ее на военные рельсы уже теперь.

Создание нашего снабженческого факультета связано с отказом от формирования нами специальных военных школ, которые вырабатывали бы узких техников этого дела. Мы хотим в своих руках оставить только подготовку того сравнительно ограниченного круга лиц, которые будут держать в своих руках руководство снабженческим делом, которые будут не только снабженцами-специалистами, но и обладать большой стратегической подготовкой, большим административным кругозором. Эту задачу мы должны оставить за собою потому, что она не может быть выполнена другими. Что касается техники снабженческого дела, его производственной стороны, то эта задача может и должна выполняться не Красной Армией, а органами Наркомпроса.

Рассматривая таким образом наш снабженческий факультет, мы, естественно, не хотим ограничивать слушателей его возможностью служебного продвижения только по снабженческой линии. Я считаю вполне возможным, что из этого факультета у нас будут выходить товарищи, вполне пригодные для занятия и командных должностей. Конечно, это будет не сплошным явлением, но все-таки, как вполне возможная и закономерная вещь, нами должно быть заранее учтено.

Затем, некоторые изменения нами проведены в области подготовки работников для других стран на нашем восточном отделении. До сих пор у нас было так, что здесь мы готовили вообще работников для работы за рубежом, не только для себя, для нужд Красной Армии, но и для нужд гражданских органов, в частности для НКВД. В соответствии с общей линией, которую мы проводим, это абсолютно ненормально. Работников для зарубежной работы мы должны готовить в широком масштабе в соответствующих высших гражданских учебных заведениях. Что же касается нашей военной потребности, то она должна достигаться несколько иным методом.

Нам нужны работники за границей, но работники, прежде всего обладающие очень высокой военной подготовкой. Поэтому мы решили, что здесь, на восточном военном факультете, у нас будут товарищи, которые имеют уже достаточную военную подготовку. О том, насколько важна эта работа, сейчас нет нужды говорить. Это ясно из всей международной обстановки, из тех событий, которые совершаются вокруг нас, которые имеют место сейчас в Китае, в Персии, в Турции и в целом ряде других восточных стран.

От ВАКа к курсам усовершенствования

Высшие академические повторные курсы были созданы в целях ответа на ярко выявившуюся потребность переподготовить, дать соответствующие знания тому комсоставу нашей Красной Армии, который вышел из ее низов, из рабочего класса, из крестьянской массы. Поднявшись наверх, часто на самые высшие ступени служебной иерархии благодаря своей энергии, военным дарованиям и преданности революционному делу, этот комсостав является ценнейшей частью богатого наследства эпохи гражданской войны. Обладая колоссальным практическим опытом, являясь носителем славнейших боевых традиций, эта часть командного состава по справедливости должна являться основным ядром комсостава Красной Армии. Но наряду с перечисленными достоинствами у нее был и крупнейший пробел в виде отсутствия достаточной теоретической подготовки. Надо было принять меры к тому, чтоб этот комсостав подковать основательнее, дать ему возможность в добавление к тем ценным качествам, которыми он обладал, приобрести соответствующие теоретические познания и таким образом сделать его еще более ценным для Красной Армии.

Идя навстречу этим потребностям, Реввоенсовет Союза создал в 1921 г. высшие академические повторные курсы. Эта мера явилась увенчанием большой работы, которая задолго до этого уже проделывалась на местах. Взять хотя бы тот округ, которым я командовал, — Украинский военный округ. Сейчас же по окончании войны мы создали целую сеть повторных курсов. Эти курсы были рассчитаны для переподготовки среднего и высшего комсостава до командиров бригад включи-

тельно. То же делалось и в других округах. Высшие академические курсы явились увенчанием всей этой работы.

Поставленная созданием этих курсов задача была нелегка. Командный состав, прошедший и пропускаемый сейчас через них, отличается большой разношерстностью в смысле общей подготовки. Есть лица, которые имеют более или менее основательные специальные военные познания и значительное общее развитие, но попадаются и такие товарищи, — между прочим, вовсе не из худших, — которые не имеют ни общей, ни специальной военной подготовки. Это чрезвычайно осложняло и осложняет работу курсов, ибо приходится приспособлять преподавание к самому разнообразному уровню.

Несмотря на эти трудности, поставленную задачу все же можно считать решенной удовлетворительно.

ВАК пропустил почти весь высший комсостав Красной Армии и в текущем году эту свою работу заканчивает. Результаты ее огромны. Высший комсостав Красной Армии несомненно вырос значительно и стал гораздо более однородным по своей подготовке. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что эта подготовка является идеальной. ВАК для многих мог дать только толчок, первый заряд, который надо было дополнять дальнейшей самостоятельной работой. Нет никакого сомнения, что наиболее здоровая часть из отсталых товарищей крепко намотала себе на ус это обстоятельство и по окончании ВАК'а упорной работой над собой путем индивидуального самообразования, путем энергичной работы в ВНО сумела подняться еще выше.

С окончанием работы ВАК'а нынешнего созыва можно считать, что переподготовка основного кадра высшего комсостава нашей Красной Армии закончена. Государство дало им все, что было возможно, и теперь дело их самих позаботиться о расширении своего багажа.

При оценке комсостава в вопросах служебного продвижения для Реввоенсовета Союза решающим моментом являлся и будет являться факт боевых заслуг. Предпочтение будет отдаваться тем, кто выдвинулся снизу, кто имеет большой боевой опыт, сохранив свежесть сил. Это должны хорошенько понять наши молодые командиры-академики. Факт академиче-

ского диплома сам по себе особой роли не играет. И во всяком случае, он не может идти в сравнение с зачетом крупных боевых заслуг. Поэтому первое место в рядах Красной Армии — заслуженному командиру-боевику.

Но, с другой стороны, мы ни на минуту не должны упускать из виду, что ничто не стоит на одном месте, все идет вперед, и тот командир, который будет поживать на лаврах, рассчитывать только на свои старые заслуги и не будет на этом основании идти вперед в деле своего образования, усовершенствования, — этот командир поддержки с нашей стороны не встретит.

Опыт показывает нам, что военное дело уже после войны страшно быстро идет вперед. Нужно все время следить за тем, что делается и у нас и в других странах, нужно постоянно развивать, обогащать свои познания, ибо в противном случае, с одним опытом гражданской войны, мы в случае столкновения с хорошо вооруженным противником можем оказаться в трагическом положении. Поэтому необходима упорная систематическая работа над своим самообразованием, и это — обязанность всех без исключения командиров. Тот, кто этого делать не будет, очень скоро окажется за флагом, и в этом случае должен будет пенять только на себя самого.

Так вопрос стоит не только для командиров, прошедших высшие академические и другие повторные курсы, — это в равной степени относится и к тем, кто получил более систематическое военное образование — высшее академическое и в нормальных школах. Работа над собой, над увеличением своего военного и политического багажа обязательна для каждого командира Красной Армии.

Реввоенсовет, со своей стороны, придет в этом деле на помощь комсоставу Красной Армии. Наряду с высшими школами дополнительной подготовки, созданными нами для каждого рода войск, намечено создание высших курсов усовершенствования, через которые будет пропускаться старший комсостав, окончивший ВАК и Военную академию. Это будут краткосрочные курсы, существующие при Военной академии и опирающиеся на ее аппарат. Срок преподавания на этих курсах будет уменьшен по сравнению с ВАКом, программа су-

жена и приспособлена главным образом к задаче освежения познаний комсостава. Большинству военных работников приходится жить и работать в самых глухих углах нашего Союза; поэтому такие курсы, как средство приобщения отстающих к работе центра Красной Армии, к работе нашей военной мысли, к ознакомлению со всем тем новым, что имеется в других армиях, будут иметь большое значение. Таким образом, эти курсы не будут учебным заведением в прямом смысле слова, а именно только курсами усовершенствования.

Практически постановка вопроса о курсах усовершенствования отмечает важный этап в развитии Красной Армии. Организация курсов усовершенствования, которые, по всей вероятности, начнут функционировать с осени 1925 года, показывает, что от комсостава разношерстного, импровизированного, наспех сколоченного мы сделали шаг — и большой шаг — вперед по пути к созданию единого, должным образом подготовленного комсостава, стоящего на высоте требований современной войны. И это завоевание тем особенно ценно, что улучшение узковоенной квалификации комсостава нами достигнуто не путем отбора более подготовленных, более культурных, но социально чуждых нам элементов, а достигнуто оно одновременно с улучшением социального состава наших командиров, путем повышения военной квалификации наших лучших рабоче-крестьянских командиров, имеющих большой стаж гражданской войны, и в значительной части и империалистической войны. Основная наша задача — получить рабоче-крестьянский комсостав, стоящий вполне на высоте современных требований военного искусства, — таким образом, на пути к выполнению. Но она далеко еще не достигнута. Впереди предстоит еще большая работа для того, чтобы мы могли сказать, что комсостав Красной Армии по технической подготовке не уступит командному составу любой буржуазной армии. Сейчас этого еще нет. Но это должно быть, и это будет в недалеком будущем.

1 9 2 5

УЧИТЕЛЬСТВО НА ПОМОЩЬ КРАСНОЙ АРМИИ

РЕЧЬ НА ВСЕСОЮЗНОМ УЧИТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ 12 ЯНВАРЯ 1925 г.

Я взошел на эту трибуну для того, чтобы передать вам привет от имени тех рабочих и крестьян, которые сейчас стоят под ружьем на страже советской земли. Ваш съезд и те съезды и конференции, которые предшествовали ему, являются предметом величайшего интереса и внимания со стороны всего состава Красной Армии.

Ваш съезд должен очень много дать и в деле обороны нашей страны.

Ваш съезд протекает в такой момент, когда вновь возможно обострение международных отношений. Мы знаем, что, независимо от наших усилий, возможно вооруженное столкновение с окружающими нас врагами.

Красная Армия ждет больших и плодотворных результатов сдвига, который обнаруживается среди толщи нашего народного учительства.

Обороноспособность страны зависит не только от одной Красной Армии.

Война — та, которую пережили народы в последнее время, и та, которую будем мы переживать, если дело до этого дой-

дет, — потребует неизбежного выступления на поле брани многочисленных масс населения; ее будут вести не отдельные части армии: ее будут вести народы. И самая подготовка к этой войне потребует величайшего напряжения всех промышленных, всех хозяйственных, всех культурных сил страны. Подготовкой страны к обороне, таким образом, не может заниматься одна армия, а ею должен заниматься весь народ в целом, без всяких исключений.

С другой стороны, величайшие технические изобретения, применение сложнейших орудий на полях сражений приводят к тому, что старые понятия «фронт» и «тыл» опрокидываются. Сейчас уже на пограничной линии мы не будем иметь такого положения, которое позволяло бы спокойно работать, думая, что впереди есть линия рабоче-крестьянских полков. Благодаря применению и широкому развитию авиации, росту применения химических средств борьбы, такая линия «не фронта» уже не будет иметь места, и даже далеко отстоящие от линии фронта места смогут стать объектом враждебного нападения. Все это вызывает необходимость еще более широкого внимания и серьезной подготовки к обороне республики со стороны всех слоев трудящегося народа. А в этом деле — в деле организации обороны в этих условиях — ваша роль, роль нашего сельского учительства и учительства в целом, чрезвычайно огромна.

Каждый из нас должен понять, что для того, чтобы успешно вести борьбу с теми техническими средствами, которыми сейчас вооружаются буржуазные армии, требуется в каждой войне величайшая сознательность, требуется величайшая культурность, и та сторона, которая не сумеет в этом отношении заложить все необходимые основы еще в мирное время, неизбежно обречена на неудачу во время войны. Эту мысль еще в 1905 году очень ярко выразил товарищ Ленин. Это было сказано после русско-японской войны, столь бесславно окончившейся для русского царизма.

Если мы имеем такую характеристику для того времени, то в условиях, когда за истекшие 20 лет техника войны еще более усложнилась — вспомним успехи авиации и химии, — это требование станет более понятным и необходимым.

Что же Красная Армия может ожидать от учительства в этой подготовке для дела обороны? Мы ожидаем, что наши учителя, и в первую очередь учителя на селе, станут центром военной пропаганды, станут тем ядром, около которого будут группироваться все остальные силы деревни. Мы уверены, что наши учителя смогут дать населению представление о той обстановке, какая может сложиться во время войны, сумеют сделаться инициативными проводниками элементарных военных знаний в гущу населения.

Дальше, надо считаться с тем, что вообще культурный уровень народов нашего Союза еще очень и очень невысок. Вот вам две цифры, которые говорят, какое положение мы имеем даже в теперешней Красной Армии, как вы знаете, немногочисленной. Призывной контингент последних годов, например 1902 года, на одну пятую часть, т. е. на 20%, оказался неграмотным, несмотря на то, что мы вели специальный отбор.

Если мы возьмем отдельно национальные республики, то там положение еще более тяжелое. Мы, как известно, ведем политику создания национальных частей, национальных формирований, и что же мы видим среди народностей нашего Советского Союза? Даже в такой сравнительно более культурной среде, как народы Грузии, Армении, Азербайджана и у тюрков, положение в этом отношении очень печально. Во время призыва первого комплекта в Грузии оказалось 50% неграмотных, в Армении — 85%, в Азербайджане — и того более.

Из всего этого ясно, что без общей помощи, без величайшего, сильнейшего и энергичного содействия народного учительства, без его вмешательства в это дело мы не сможем заложить крепкие основы и, следовательно, дать крепкое, мощное вооружение нашим красным силам. Вот почему задача, лежащая перед вами, является чрезвычайно ответственной не только с точки зрения общекультурных достижений, но и с точки зрения подготовки нашей обороны.

В настоящее время мы уже не менее 50% наших частей перевели на положение так называемых территориально-милиционных частей. Это положение означает, что мы будем нашу

рабоче-крестьянскую молодежь отрывая от производительного труда на небольшие промежутки времени. Это уже является началом перехода к той системе всенародного вооружения, которая была намечена несколько лет тому назад партийным съездом⁶¹. Но вам надо понять, что переход к этой системе, безопасный с военной точки зрения и полезный для всей страны, может быть осуществлен только тогда, когда будут иметься налицо все необходимые к этому предпосылки, а самой важной предпосылкой для этого является, в первую очередь, поднятие культурности населения, а затем и политическое воспитание народных масс.

Здесь Красная Армия рассчитывает на то, что народные учителя широким фронтом пойдут на дело ликвидации культурной и политической неграмотности среди населения и создадут этим путем такое положение, при котором военное ведомство само, без всякого страха и опасения, сможет осуществлять все организационные мероприятия, которые оно намечает в области сокращения тягот военной службы для населения.

Территориальная система может тогда явиться крупным фактом в нашей повседневной жизни, когда мы будем иметь молодое поколение, грамотное и культурно и политически.

Мне хотелось бы, чтобы вы, товарищи учителя, к моменту проведения следующего нашего призыва, т. е. к осени наступающего 1925 года, выполнили уже часть этой общей программы. Мне хотелось бы, чтобы к осени 1925 года вы провели такую работу, чтобы ни один новобранец, явившийся в ряды наших красных полков, не оказался неграмотным ни в смысле культурном, ни в смысле политическом. Этим вы сослужите колоссальную службу делу обороны страны.

Эта задача вполне возможна и выполнима, ибо в ряде наших губерний она уже была поставлена и уже выполнена. Таким образом, стоит только вашему съезду вынести соответствующее постановление и твердо решить, чтобы эта минимальная часть работы учительством была выполнена, и она будет выполнена.

Затем военное ведомство ожидает от вас, чтобы вы в свою общую работу включили вторую задачу — подготовку

дальнейшего сокращения сроков службы в частях Красной Армии. Мы установили сейчас двухгодичный срок службы, но никто не зарекается на том, чтобы сохранить этот срок навсегда и не сокращать его далее. И если вы шагнете вперед по пути подготовки молодого контингента и сумеете дать нам политически и культурно грамотного новобранца, то мы сможем еще дальше сократить сроки службы в рядах Красной Армии.

Это сослужит громадную службу всему нашему рабоче-крестьянскому Союзу и в то же время это принесет колоссальную пользу делу укрепления нашей военной мощи. Это — примерная работа, которая сейчас разворачивается перед вами. Я напому вам о необходимости для вас стать центром всей нашей общекультурной, военной и воспитательной работы.

Мы имеем целый ряд организаций, привлекающих и организующих общественное мнение вокруг вопроса обороны. Мы имеем такие организации, как Доброхим, Общество друзей воздушного флота, Военно-научные общества, вокруг которых мы предполагаем и далее объединять силы трудящихся масс. Мне хотелось бы, чтобы ваш съезд положил начало широкому участию учительства в этих обществах. Если народный учитель проникнется сознанием громадной важности работы всех этих организаций, если он поведет за собою массу сельского населения и подведет прочный фундамент под деятельность этих организаций на местах, прежде всего в деревне и на селе, то этим дело обороны Советского Союза будет на 99% обеспечено прочно и крепко. Даже буржуазная мысль всегда должным образом расценивала роль учительства в деле военной подготовки. Мне сейчас вспоминается изречение одного из крупнейших германских политиков, князя Бисмарка, сказанное им о роли учительства и ставшее поговоркой в Германии. После окончания франко-прусской войны 1870—1871 гг., давшей блестящую победу германскому оружию, Бисмарк сказал: «Войну выиграли сельские учителя». Он, несомненно, был в значительной мере прав, ибо сельское учительство в Германии задолго до войны повело серьезную подготовку народных масс, которая значительно обеспечила успех деятельности германских войск.

Германское учительство той эпохи воодушевлялось идеалами бесконечно более узкими, чем те цели и идеалы, к которым стремимся мы. Мы сейчас идем широким рабоче-крестьянским фронтом на борьбу против эксплуатации, против социального неравенства, на борьбу за создание нового социалистического общества, в котором человеческая личность получит возможность гармонического развития. Мы боремся против всякой нищеты и всякого страдания. Воодушевленные этими целями и идеалами, наши народные массы вместе с вами, народные учителя, смогут сделать несравненно больше, чем сделали учителя Германии, пример которых я вам приводил.

Я, заканчивая свое приветственное слово, хотел бы выразить нашу надежду на то, что мы так поведем дело, что будущие истории освободительного движения человечества смогут сказать, что наш Союз рабоче-крестьянских республик своей победе в борьбе с буржуазно-капиталистическим миром был обязан прежде всего самоотверженной и героической работе наших сельских учителей.

Этому красному советскому учительству, идущему широким фронтом к делу осуществления советского строительства, — наш горячий братский привет и пожелание успехов в деле грядущего строительства.

„Красная звезда“, № 10, 13 января 1925 г

ЛЕНИН И КРАСНАЯ АРМИЯ

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА, ПОСВЯЩЕННОМ
ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Товарищи! В настоящем собрании, я думаю, мне нет необходимости останавливаться на доказательстве правильности того положения, что война есть продолжение политики. Опыт империалистической войны и еще больше опыт нашей гражданской войны, опыт эпохи пролетарской революции самым наглядным, самым убедительным образом доказывают его правильность.

Когда мы вглядываемся и в положение нашего Советского Союза и в положение других государств, мы видим, как с каждым днем область политики все теснее и теснее перепле-

тается с областью военной деятельности. Одно переходит в другое. Стратегия в узко-военном смысле этого слова является частью стратегии политической.

Поэтому нам при изучении вопросов, интересующих нас как военных деятелей, нужно быть в курсе всей совокупности проблем, составляющих существо революционно-пролетарской борьбы, и — как вывод отсюда — нам нужно окунуться во всю область политической деятельности как внутренней, так и международной. Здесь, в этой области, мы найдем ключ ко многим вопросам чисто военного порядка и найдем средства, которые нам помогут разобраться в нашей узко-специальной военной деятельности.

С этой точки зрения для нас представляют колоссальнейший интерес стратегия и тактика пролетарского движения вообще, т. е. те методы, те способы, при помощи которых рабочий класс ведет свою подготовительную работу к борьбе, начинает решительный бой, захватывает власть и, наконец, после победы борется за сохранение и укрепление своего классового господства.

Стратегия и тактика пролетарской борьбы и есть, товарищи, то, что мы с полным правом можем назвать *ленинизмом*.

Ленинизм есть осуществление и развитие того учения, которое было создано Марксом и Энгельсом. Но ленинизм — это своеобразное применение марксистской теории; это не голое повторение тех положений, которые были выдвинуты К. Марксом и Ф. Энгельсом, — это есть дальнейшее развитие этих положений, расширение и обогащение их как теории классовой борьбы. Ленинизм есть стратегия и тактика рабочего класса, это есть учение о руководстве борьбой рабочего класса, учение о том, как рабочий класс должен действовать, чтобы обеспечить свою победу⁶².

Поэтому-то в силу той связи, которую я отметил, связи, существующей между областью военной деятельности и областью деятельности политической, связи, которая особенно наглядна в переживаемую нами эпоху революционной пролетарской диктатуры, нам и важно до самого основания, до самой глубины быть знакомыми с сущностью ленинизма — этой «стратегией» и «тактикой» пролетарской борьбы.

Политическая стратегия базируется на учете основных моментов движения масс, на учете борющихся классовых сил. Она изучает соотношение между этими силами, изучает их удельный вес и характер и, наконец, учтя моменты времени и пространства, намечает соответствующий стратегический план политической борьбы.

Для того чтобы быть хорошим стратегом, одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобратся во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы⁶³.

Вот этим-то свойством, этой способностью интуиции в величайшей степени был одарен наш покойный вождь товарищ Ленин.

Когда берешь его произведения, — а я сегодня перелистал книгу за книгой все томы его трудов, останавливаясь, главным образом, на статьях, имеющих то или другое отношение к Красной Армии и военному делу, — когда даже бегло проглядываешь его речи, статьи, письма и прочее, то еще и еще раз поражаешься той колоссальной силе интуиции, тому глубокому проникновению в глубь, в самое существо всех явлений, которое характерно для товарища Ленина на протяжении всей его революционной деятельности. За самыми редкими исключениями, мы можем сказать, что его оценки и прогноз грядущих событий отличались невероятной глубиной и прозорливостью. Поэтому изучение политической стратегии товарища Ленина для всех нас должно представлять величайший интерес.

Мы одержали победу, мы имеем сейчас пролетарскую диктатуру, но, прежде чем получить советское государство с диктатурой труда, мы прожили очень большую полосу длительной подготовки и предварительной борьбы.

Мы можем с точки зрения политической стратегии разделить нашу революционную борьбу на три этапа: период до 1917 г., до Октябрьской революции, когда мы занимались накоплением революционных сил, формировали кадры буду-

шей пролетарской армии, готовились к борьбе; второй период — время непосредственной борьбы, Октябрьское восстание, и последний период — это борьба за удержание диктатуры в руках рабочего класса ⁶⁴.

Во всех этих трех периодах революционной деятельности российского пролетариата мысль товарища Ленина как руководителя, как стратега на каждом шагу давала себя чувствовать самым ярким образом. И нам и будущему поколению революционеров товарищ Ленин дает блестящие образцы стратегического и тактического искусства. Его руководство представляет из ряда вон выходящий по своей гениальности пример вождения масс в бой.

Я сейчас останавлиюсь на моменте подготовки нашей революции.

Для того чтобы одержать победу, необходимо было подготовить соответствующие средства, подготовить ту армию, которая пойдет на штурм твердынь своего классового врага. Первая задача, которая стояла перед организатором будущих побед рабочего класса, заключалась в том, чтобы подготовить кадры этой революционной пролетарской армии.

Товарищ Ленин в первые же годы своей деятельности, еще в самом начале 900-х годов, совершенно ясно отдавал себе отчет о характере и формах организации этих кадров. Уже тогда в его уме имелась картина всей той работы, которую должна проделать революционная партия пролетариата для подготовки условий будущих побед. Эта картина была во всех подробностях изложена в его многочисленных статьях и брошюрах этой эпохи.

Товарищ Ленин с самых первых шагов своей деятельности считал, что мы должны готовить армию закаленных борцов, армию, которая будет чужда всякого сомнения, страха, армию, которая будет спаяна самой суровой и жесткой дисциплиной. Отсюда — огромное значение, которое он придавал организационному вопросу. Организационный вопрос в его представлении отнюдь не был делом второстепенного порядка. По его мнению, тот, кто ошибался в области организационных проблем, сводил на-нет свои даже самые правильные мысли, положения и взгляды во всех других областях политической

деятельности. Ход его мыслей по организационному вопросу прекрасно иллюстрирует следующая маленькая справка.

На-днях опубликован сборник «О Ленине и ленинизме», в котором помещен ряд воспоминаний, очерков и статей, посвященных памяти товарища Ленина. Там есть маленькая статейка, принадлежащая перу одного из виднейших бывших вождей меньшевизма, Мартынова. Бывшим называю его потому, что он с позапрошлого года состоит в рядах Российской коммунистической партии.

Мартынов рассказывает в этой статейке, занимающей всего полстраницы, о своей встрече с товарищем Лениным в 1901 г. за границей. Говорит о том, как они зашли в какой-то ресторанчик и повели беседу на все темы, которые были живо-трепещущими для тогдашнего российского революционера-эмигранта. Говорили о задачах пролетарской революции и рабочего класса, о целях его борьбы, об основных моментах, которые должны лечь в основу программы социал-демократической рабочей партии, о тактике этой партии и т. д.

«И вот, — говорит Мартынов, — мы с товарищем Лениным по всем этим пунктам оказались солидарными, по всем пунктам мыслили одинаково. Но вот он меня в конце беседы спрашивает:

— А как вы относитесь к моему организационному плану?»

Мартынов отвечает:

— Я, — говорит, — считаю его неправильным; вы хотите создать партию наподобие какой-то македонской четы. Этого принципа не знает ни одна из социал-демократических партий Запада, не знают его и российские социал-демократы.

В ответ на это Ленин ему заявил:

— Значит, в этом пункте со мной не согласны?

— Да.

— Ну, раз так, тогда нам вообще с вами больше разговаривать не о чем.

«И с тех пор, — кончает свою статейку Мартынов, — наши дороги разошлись на долгие годы».

Вы знаете, что именно этот вопрос наметил глубокий раз-дел российского рабочего движения на две ветви: ветвь мень-

шевистскую и ветвь большевистскую. Товарищ Ленин выстав-
лял такие организационные принципы, которые должны были
сплотить действительно боевую революционную партию, ко-
торые должны были извлечь из недр рабочего класса все то
активное, твердое и выдержанное в революционной борьбе,
что там имелось, и из этой лучшей, отборной части рабочего
класса создать авангард пролетарского движения. И эта за-
дача товарищу Ленину блестяще удалась. В лице коммунисти-
ческой партии (большевиков) пролетариат нашего Союза
получил закаленные железные кадры революционной армии.

Ленинская стратегия и тактика революции в ту эпоху вы-
текали из определенной оценки «текущего момента», т. е.
тогдашней обстановки и перспектив ее развития. Эта оценка
вытекала в свою очередь из общей оценки роли пролетариата
в классовой борьбе. Как же расценивалась эта обстановка
товарищем Лениным?

Ближайшая стратегическая цель заключалась в низверже-
нии самодержавия и создании демократической республики.
Основной силой, которая должна была обеспечить победу,
являлся рабочий класс; рабочий класс должен был повести
за собой крестьянство. Врагом с точки зрения классового
анализа, данного товарищем Лениным, являлось самодержа-
вие, опиравшееся на поместное дворянство и имевшее в ре-
зерве готовую за малейшие уступки переметнуться на его
сторону либеральную буржуазию.

Отсюда вытекала и тактика пролетарской революционной
партии; она, по мнению Ленина, по его оценке, должна была
заключаться в том, чтобы не дать возможности этой либе-
ральной буржуазии, фактически могущей послужить и впо-
следствии действительно послужившей опорой самодержавия,
укрепить свое влияние на мелкобуржуазные массы и особенно
на крестьянство. Это была тактика борьбы рабочего класса
за гегемонию над крестьянством, над мелкой буржуазией.

Вы видите, как здесь намечается тактическая линия.
Товарищ Ленин берет существо каждого класса, выявляет его
физиономию и природу, определяет, куда он может идти,
может ли бороться за те или иные цели, и на основании этого

строого классового учета строит тактику и стратегию пролетарской партии.

Все эти почти 20 лет, которые протекали с конца 90-х годов до момента Февральской революции, в полной мере оправдали правильность его стратегической оценки и правильность тех тактических выводов, которые из нее вытекали и служили основой стратегической цели. Стратегическая оценка и стратегический план были раз навсегда даны для всего этого периода нашего революционного движения. Что касается тактических выводов, то, конечно, они менялись. Тактика — часть стратегии, ей подчиненная и от нее зависящая. Тактика имеет дело не с событиями, охватывающими большие промежутки времени, — она имеет дело с меняющимися условиями данной конкретной исторической обстановки, и поэтому тактика может и должна подвергаться изменениям. И в самом деле, мы видим, как менялась пролетарская тактика в течение этого периода при неизменности основной стратегической линии.

Вот 1905 год. 9 января происходит стихийное массовое выступление пролетариата. Какова же была тогда тактика нашей ленинской партии? Это была тактика натиска, решительного наступления на самодержавие. Мы выкинули лозунг вооруженного восстания и всю нашу пропаганду, агитацию и организационную работу строили, исходя из подготовки условий его победы.

Столкновение 1905—1906 гг. кончается победой самодержавия и тех классовых групп, которые шли за ним. В результате этого обстановка меняется, начинается период депрессии. Меняется и тактика пролетарской партии. Сохраняя всю свою революционную сущность, пролетарская партия большевиков переходит к другим способам, другим методам борьбы: вместо тактики бойкота I Государственной думы, вместо тактики открытого осуществления лозунга вооруженного восстания, товарищ Ленин зовет партию к участию в работе Государственной думы, зовет партию к систематической работе по организации революционных масс.

Должен вам сказать, что это изменение тактики не сразу было воспринято всей массой тогдашних большевистских кадров. Многие товарищи считали эту новую тактику оппортуни-

стической, видели в ней измену основной революционной идее большевизма. Организовалось целое течение под названием «отзовизма». Возглавлялось оно не состоящим ныне в рядах нашей партии экономистом Богдановым. Тогда он был в рядах нашей партии и занимал довольно видное положение. «Отзовисты» стояли за отзыв нашей фракции из Государственной думы и за продолжение тактики бойкота. Как показала история, товарищ Ленин был целиком прав.

Дальше. Приближается момент империалистической войны. Товарищ Ленин благодаря своей гениальной проицательности сразу же ориентируется в соотношениях основных социальных сил, дает совершенно правильную оценку наступающего периода и на основании этого намечает соответствующую тактическую линию. И мы опять видим, как все его предвидения оправдываются; мы видим, что в России происходит Февральская революция; видим, что в полном соответствии с его прогнозом обострение классовых противоречий идет дальше и подготавливается великая Октябрьская победа.

Здесь, товарищи, опять не лишне отметить, что в рядах нашей партии тоже не сразу, не с первого же момента, произошел после Февральской революции сдвиг в сторону новых оценок, в сторону постановки новых задач. Товарищ Ленин первые дни не был у нас, он был за границей, и когда он появился в Петрограде, тогда на первых порах большинство руководящих большевистских кругов не сразу смогло воспринять его оценку и те выводы, которые из нее вытекали. Не сразу был воспринят переход от старой стратегической линии, которая заключалась в лозунге «демократическая революция, демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», к лозунгу «диктатура рабочего класса и беднейшего крестьянства».

Это объясняется тем, что позиция товарища Ленина означала кардинальную переориентировку, переоценку основных движущих сил и намечение новой стратегической линии. Прежняя цель — низвержение самодержавия — достигнута; пролетариат перестраивается для боя за диктатуру пролетариата. Февральская революция, которая дала Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с преобладанием партий

соглашателей, меньшевиков и эсеров, фактически и явилась осуществлением нашего старого лозунга демократической революции. Революционная пролетарская партия должна была двигаться дальше, ибо основная задача заключалась не в низвержении самодержавия, а в уничтожении классового господства буржуазии.

В чем заключалась эта ленинская переоценка политических ценностей? Она заключалась в том, что вне партии пролетариата (большевиков), по мнению Ленина, других революционных партий в новой ситуации уже не было, что фактически меньшевики, эсеры и др. являлись опорой диктатуры буржуазии и что линия пролетарской политики, линия пролетарской стратегии должна была идти путем изоляции этих партий от крестьянства.

Задача борьбы за крестьянство, но уже не против царизма, не против крупной буржуазии, а против партий мелкой буржуазии, против меньшевиков и эсеров, выдвигалась на первый план.

По этой линии и стала разворачиваться деятельность большевистской партии. Последующие события блестяще оправдали эту оценку. Они привели к тому, что к началу октября коммунистическая партия приобрела решающее влияние в Советах рабочих и солдатских депутатов и чрезвычайно увеличила свое влияние среди крестьянских масс, чем и была заложена основа для Октябрьской победы.

Чрезвычайно интересно проследить теперь роль товарища Ленина во время этого величайшего события в нашей революционной истории, но уже не как стратега и тактика-политика, а как чисто боевого руководителя-оператора.

Товарищ Ленин и здесь проявил совершенно исключительное чутье и умение. Хотя, спасаясь от ареста, он не жил тогда в Петрограде, тем не менее оценка обстановки, которую он давал в ряде писем и записок в ЦК, и его конкретные предложения поражают своею правильностью во всем существенном, поражают глубиной мысли товарища Ленина. В своих указаниях он не только намечал общую линию той тактики, которая должна была проводиться нашим Центральным

Комитетом, но он эту общую линию конкретизировал, воплотил в определенные практические планы.

В тот момент, как вам известно, в наших рядах появилось некоторое колебание. Некоторым товарищам казалось, что мы чересчур форсируем события; казалось, что период подготовки, накопления и собирания сил еще не закончен. И вот здесь-то выступает на сцену товарищ Ленин, который выставляет ряд положений, доказывающих с несомненной убедительностью необходимость и неизбежность немедленного вооруженного восстания. Он дает анализ соотношения классовых сил, взвешивает роль каждой политической партии, взвешивает удельный вес, роль и влияние нашей партии, учитывает роль и силу Советов и в результате этого тщательного анализа приходит к выводу, что момент наступления, безусловно, на- зрел.

В этих своих выводах он, прежде всего, опирается на те теоретические положения, которые нам остались в наследство от Энгельса и Маркса. Товарищ Ленин, как настоящий революционер, в учении Маркса и Энгельса особенно тщательно выбирал и подмечал все то, что подчеркивало революционную сущность марксистской теории, все то, что давало какие-либо указания относительно путей и методов проведения решительной схватки и соответствующей этому подготовки пролетарских сил.

Отправным пунктом для товарища Ленина служили следующие строки К. Маркса, посвященные восстанию:

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партии, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 года достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца (буквально: считаться со всеми последствиями этой игры). Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета» (Маркс имеет в виду самый «трудный» случай восстания: против «прочной» старой власти, против неразложившейся под влиянием

революции и колебаний правительства армии); «если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены, надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контр-революция в Германии», нем. изд. 1907 года, стр. 118. Цитируется по Ленину, т. XXI, стр. 280—281).

Приведя эту цитату в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 г., Ленин следующим образом развивает эти мысли:

«Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для него нужны: 1) нарастание революции в общенациональном масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т.-е. тех, кто не вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него» (Ленин, т. XXI, стр. 282).

Установив неизбежность и необходимость немедленного вооруженного восстания, он набрасывает дальше тактический план его проведения.

Вот несколько выдержек из других его статей, посвященных этой же теме.

Еще в 1906 г. в статье, озаглавленной «Уроки московского восстания», он писал:

«Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротнорешительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отно-

шению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку» (Ленин, т. X, стр. 51—52).

И далее там же:

«Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе» (Ленин, т. X, стр. 53).

Я не могу отказать себе в удовольствии процитировать еще несколько выдержек из его сочинений, которые наиболее ярко характеризуют взгляды Ленина по вопросу подготовки и организации восстания. Беря за отправной пункт изложенные мною выше взгляды Маркса и Энгельса, накануне Октябрьского восстания Владимир Ильич пишет:

«Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.*

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы» (Ленин, т. XXI, стр. 320).

Это — цитата из его письма Центральному Комитету коммунистической партии, озаглавленного: «Советы постороннего».

Здесь говорится об основном положении — стратегическом и тактическом, — о том, что надо выбрать самый чувствительный пункт в расположении врага и на этом пункте сосредоточить свои главные ударные силы.

Товарищи, в этом вопросе Центральный Комитет с товарищем Лениным не разошелся, и результат последующих событий блестяще оправдал все те положения, все те тактические выводы, которые делались товарищем Лениным.

Мы победили. Наступила эпоха пролетарской диктатуры. Обстановка вновь радикально изменилась. Опять требуется произвести стратегическую переоценку положения, требуется взвесить те силы, которые участвуют в игре, — как те, на которые мы рассчитываем, так и те, которые могут выступить против нас. Эта переоценка товарищем Лениным делается, и намечается новый этап нашей политической стратегии, этап, который сводится к постановке новой цели. Цель — расширение нашей революции, укрепление диктатуры пролетариата в нашей победившей стране путем этого расширения, путем ее распространения на другие страны.

Основной стратегический план — превращение нашей изолированной революции в революцию всемирную. Силой, которая должна сделать этот переворот, является пролетариат капиталистических стран, опирающийся, с одной стороны, на победоносный пролетариат Советского Союза, с другой — на революционное движение колониальных и полуколониальных народов.

Наша тактика должна была заключаться в том, чтобы использовать выход из войны для накопления сил, для укрепления внутренней мощи Советской республики, в ожидании того момента, когда развитие и обострение революционного

движения ослабят капиталистический лагерь и создадут условия, благоприятствующие переходу пролетарской армии в решительное наступление. Такова новая фаза нашей политической стратегии, которая началась после победоносной Октябрьской революции.

Это — общая стратегическая линия. Как же осуществлялось ее применение на практике?

Здесь я должен особо остановить ваше внимание на том периоде, который связан с выходом нашим из войны и с заключением мира с Германией. Отступать умело, в порядке гораздо труднее, чем наступать. Здесь, в этом отступательном периоде нашей пролетарской стратегии, еще раз проявилась гениальность и прозорливость товарища Ленина как *стратега*. Он с величайшей проницательностью сумел уловить суть событий и старался направить пролетарскую республику по правильному пути.

К сожалению, товарищи, верхи нашей партии тогда не были еще так пропитаны чувством всеохватывающего доверия к своему вождю, как это было впоследствии. К сожалению, многие виднейшие, крупнейшие представители партии пошли против решений, предлагавшихся товарищем Лениным⁶⁵. Я говорю — к сожалению, потому, что события еще раз блестяще доказали правильность его позиций и негодность, ничтожность позиций его противников.

Товарищ Ленин, давая общую оценку положения, создавшегося в результате Октябрьской победы, конечно, исходил из необходимости расширения базы нашей революции. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что говорить об окончательном закреплении советской государственности, о закреплении победы труда в нашей стране можно только тогда, когда рядом с нами станут хотя бы несколько крупнейших западноевропейских государств. Но Владимир Ильич видел и то, что сейчас момент решительной схватки не созрел; сейчас нам нужно думать о накоплении сил, сейчас наша задача — создать такую обстановку, которая позволила бы нам в решающие моменты столкновения явиться во всеоружии. Отсюда конкретная задача дня: выйти из войны и взяться за подготовку вооруженных сил, за укрепление нашего хозяйства.

Переговоры с Германией, открывшиеся в Бресте, выявили, конечно, лицемерие германского империализма, выявили его хищническую природу, его стремление использовать наше положение и вырвать как можно больше уступок от нас. Условия мира, которые нам предлагались, несомненно, были тяжкими, были грабительскими. Невзирая на это, товарищ Ленин с самого начала твердо и безоговорочно, без всяких колебаний сказал: Надо эти условия принять, надо этот мир подписать, надо это сделать потому, что мы таким путем получим возможность отдохнуть, собраться с силами. Мы должны это сделать, этого требуют от нас элементарные правила стратегии. Подписывая мир, мы совершаем стратегическое отступление. Надо идти на это даже если это будет связано с отказом от части нашей территории, так как, совершив это отступление, мы получаем возможность собраться с силами, чтобы потом нанести новый удар в более благоприятной обстановке.

Вот как работала стратегическая мысль Ленина, и вот то решение, которое отсюда вытекало.

К сожалению, как я отметил, товарищ Ленин своего решения сразу провести не мог. У нас нашлось много горе-стратегов, которые выдвигали вместо заключения мира идею революционной войны. На этой точке зрения стояли так называемые «левые коммунисты». Вот характеристика этой позиции, данная товарищем Лениным в статье «О революционной фразе»:

«Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой» (Ленин, т. XXII, стр. 262).

Было и другое течение, возглавлявшееся Троцким, которое исходя, по существу, из той же самой оценки, что и «левые коммунисты», выставляло формулу «не мир и не война»: Брестского мира не подписывать, но и войны не вести.

Тов. Ленин, при поддержке основного ядра работников партии, обрушился на эти положения с самой беспощадной и самой суровой критикой. Он доказывал, что это есть пози-

ция мелкобуржуазного интеллигента, который не имеет настоящей революционной выдержки, который не умеет по-настоящему маневрировать и действовать и преклоняется перед фразой, не учитывает реального соотношения сил и склонен верить в такого рода вещи, которые, по существу, ничем и никак не доказуемы. Например, как Троцкий, так и «левые коммунисты» в своей аргументации выдвигали, между прочим, соображения о том, что немцы на нас наступать не будут, потому что там тоже зреет пролетарская революция и рабочий класс этого не позволит. Некоторые факты, указывающие на такую возможность, действительно были, но эти факты чрезмерно переоценивались. Товарищ Ленин заявлял, что это предположение не доказуемо: он заявлял, что германский империализм пока что очень силен: «этот зверь», как он фигурально выражался, «способен прыгать очень быстро». История этот спор разрешила тоже в пользу товарища Ленина. В докладе VII съезду РКП о Брестском мире товарищ Ленин подводит следующий итог этому спору:

«...Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, — когда мы в любой город приходим, провозглашаем советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила...» (Ленин, т. XXII, стр. 322).

К сожалению, так как эти споры в наших рядах заняли порядочно времени, так как все-таки большинства в Центральном Комитете за немедленное подписание мира не получилось, то мы имели потом германское наступление, потеряли Латвию, Эстонию, Белоруссию и Украину, а вместе с этим потеряли на сотни миллионов военного имущества: артиллерии, пулеметов, снарядов, всякого обмундирования и т. д., т. е. все те элементы, которые были нам так нужны для скорейшего восстановления нашей военной мощи.

Вот, товарищи, ряд моментов нашего пролетарского движения, выявляющих с яркой наглядностью величайшие

качества товарища Ленина как руководителя пролетарской революции, как руководителя не только в области чистой политики, но политики, переходящей в вооруженную борьбу, в восстание, а затем и в гражданскую войну. В этой части товарищ Ленин выявил себя гениальнейшим стратегом и тактиком.

Но, товарищи, эти же самые свойства его как военного и революционного деятеля проявились не только в области стратегии и тактики революционной борьбы, — они проявились решительно во всем остальном.

Организация имеет тесную связь с тактикой и стратегией. Формы организации вооруженных сил находятся в самой тесной связи с тактикой вооруженной борьбы. В этой части, в вопросах организации пролетарской революционной армии, позиция товарища Ленина отличалась теми свойствами, теми чертами, которые должны характеризовать позицию всякого марксиста-революционера. К решению этих вопросов он подходил, учитывая то, что рабочий класс и революционная партия рабочего класса не должны связывать себе руки признанием какой-нибудь одной определенной формы борьбы и определенной формы организации. Нужно ко всему этому подходить с классовой оценкой, надо взвешивать все с точки зрения интересов пролетарского революционного движения. Это и есть высший критерий, и всякая форма тактики и организации может под этим углом зрения представляться в разном виде, в одной обстановке — в положительном, а в другой — в отрицательном. Это — первое требование, исключающее всякий догматизм и схоластику.

Второе принципиальное положение — это историчность марксизма, это абсолютное требование, чтобы мы к оценке методов борьбы и форм организации подходили с точки зрения выяснения их соответствия с данной обстановкой места и времени. То, что под классовым пролетарским углом зрения было целесообразно в одно время, через некоторое время делается неправильным, нецелесообразным.

Какие же формы организации под этим углом зрения намечал товарищ Ленин для строительства нашей вооруженной силы в условиях победоносного пролетарского государства?

Для него, прежде всего, было ясно, что надо разделаться со старой царской армией, которая внутренне разложилась, которая из силы, поддерживающей вновь созданный порядок, превращалась в реальную угрозу для него. Вот характеристика этой армии, данная товарищем Лениным на VII съезде:

«... Это — больная часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тяготы этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию — это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом...» (Ленин, т. XXII, стр. 321).

Эта армия подлежала немедленной ликвидации. Это решение, по настоянию товарища Ленина, и принимается партией. Что же надо было создать на место этой старой царской армии? Надо ли было приступить к созданию постоянной армии или же переходить на систему милиции? Какие перспективы дальнейшего строительства рисовались товарищу Ленину?

Мы имеем от той эпохи целый ряд документов, которые совершенно ясно говорят нам о тех взглядах, которые были у Ленина по этим вопросам.

Принципиально товарищ Ленин стоял за создание рабоче-крестьянской красной милиции. Эту свою точку зрения он подчеркивал неоднократно. Он не раз говорил, что нет нужды держаться за постоянную армию, так как постоянная армия не только с политической, но и с военной точки зрения особой ценности не представляет. Он считал, что все необходимые гарантии, и с точки зрения обороны страны и с точки зрения возможности активных действий, могут быть получены и при системе народной милиции, поголовного вооружения рабочих и крестьян, включая даже женщин. В статье «Войско и революция», написанной еще в 1905 г., он говорит:

«Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной мили-

ции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной и в наступательной войне. Пусть лицемерная или сентиментальная буржуазия мечтает о разоружении. Пока есть на свете угнетенные и эксплуатируемые, — мы должны добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию. Только при условии этого преобразования свободой воспользуются на деле миллионы трудящихся, а не одни лишь горстки эксплуататоров» (Ленин, т. VIII, стр. 397).

В 1917 г. по тому же вопросу он пишет:

«...Заменишь старые органы угнетения, полицию, чиновничество, постоянную армию всеобщим вооружением народа, действительно всеобщей милицией — вот единственный путь, гарантирующий страну в наибольшей степени от восстановления монархии и дающий возможность идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению всей государственной властью» (Ленин, т. XX, стр. 204).

Эта точка зрения, по существу, у него остается и после победы рабочего класса.

Но, стоя на ней, Владимир Ильич отнюдь не забывал о тех предпосылках, о которых я говорил: он учил, что в текущей обстановке, требовавшей немедленного создания боеспособных частей, осуществить это сразу, разумеется, невозможно, что надо идти другим путем. И вот мы, по его предложению, вступаем на путь формирования добровольческих отрядов.

Дальше, когда ход внутренних и международных событий поставил нас перед неизбежностью борьбы с внутренней контрреволюцией и с ее пособниками за рубежом, выяснилась необходимость усиления темпа строительства наших вооруженных сил. Товарищ Ленин выступает с требованием расширения военной деятельности, военного строительства и выбрасывает лозунг создания милиционной армии к весне 1918 г.

Вскоре ухудшение нашей международной обстановки, накопление контрреволюционных сил, усиление контрреволюционного нажима, а наряду с этим приближение германской революции заставляют его бросить другой лозунг — создания трехмиллионной армии. Это делается в начале октября 1918 г. В этот момент товарищ Ленин исходил уже из другой предпосылки; он считался уже не только с тем, чтобы создать силу, необходимую для расправы с контрреволюцией,

но, учитывая нарастающее революционное движение в Германии, исходил из перспектив приближающегося захвата власти рабочим классом не только в национальном, но и в мировом масштабе. Он считал, что трехмиллионная армия является минимумом, который мы должны будем создать для обеспечения революции.

Затем, по инициативе товарища Ленина, на IX съезде нашей партии принимается известная резолюция о переходе к милиционному строительству. Ход событий до сих пор еще не дал возможности осуществить этот переход в намечавшихся съездом размерах. Мы двигаемся весьма осторожно, но не потому, что мы подвергли принципиальному пересмотру позиции, на которые стали Ленин и партия, но потому, что мы, оставаясь верными не букве, а духу ленинского учения, учитываем реальную обстановку и темп нашего военного строительства ставим в зависимость от нее.

Вот взгляды Ленина по этому вопросу.

Теперь мне хотелось бы остановиться еще на некоторых моментах хотя и меньшего значения, но все же весьма важных для дела нашего военного строительства.

Вы знаете, что в последнее время нам приходится с особенной силой подчеркивать моменты дисциплины. Это подчеркивание в особенности вызывается нашим частичным переходом на милиционно-территориальные рельсы. Создание внутренней спайки частей, их дисциплинирование, являющееся главным фактором их боевого воспитания, в территориальных войсках встречают большие затруднения. Здесь необходим глубоко продуманный и взвешенный подход, необходима специальная подготовка командного и политического состава и рядовой массы. И в этом отношении взгляды и подход товарища Ленина к вопросам дисциплины сохраняют для армии всю свою актуальную силу и значение.

Как же товарищ Ленин подходил к этим вопросам?

Как вы знаете, он всегда был сторонником дисциплины, и наилучшим доказательством этого является внутренняя структура его детища — нашей большевистской партии. В большевистской партии дисциплина является более суровой и более строгой, чем дисциплина военная. Это в значи-

тельной степени сложилось под влиянием тов. Ленина. Но Ленин и наша партия вместе с ним достигли этого отнюдь не какой-то специальной муштровкой своих членов, не какой-то особой их тренировкой, а правильной постановкой самого вопроса о дисциплине. В чем же заключался этот правильный подход?

Ответ на это вам лучше даст сам товарищ Ленин. Я сейчас процитирую одно место из его брошюры «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где он с исчерпывающей теоретической ясностью и глубиной подвергает анализу понятие дисциплины.

Товарищи, этот анализ понятия «дисциплины» и ее предпосылок дан в применении к революционной партии. Но он полностью и целиком может и должен быть перенесен и на Красную Армию. Командному и политическому составу Красной Армии при внедрении дисциплины в ее ряды необходимо всегда помнить об этих трех условиях, приведенных Лениным и являющихся единственным залогом крепкой и сознательной дисциплины.

Задан вопрос: чем держится дисциплина в революционной партии пролетариата, в чем она проявляется и чем подкрепляется? Он отвечает:

«... Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с не пролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, не осуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, во фразу, в кривлянье. . .» (Ленин, т. XXV, стр. 174).

Первое условие — это самоотверженность и стойкость командного и политического состава; второе условие — сохранение живой, органической связи этого командного состава с красноармейской массой, и третье — чтобы эта красноармейская масса видела на практике, на деле правильность нашего

руководства. Только наличие этих условий дает ту почву, на которой боевое воспитание армии принесет должные результаты и приведет к созданию крепкой, сплоченной, сознательной, революционной, дисциплинированной вооруженной силы.

Только идя этим ленинским путем, мы сможем получить настоящую, крепкую, железную дисциплину в рядах Красной Армии.

Сказанное не исключает, конечно, необходимости применения некоторых элементов того, что у нас называют муштровкой. Опыт говорит, что не все военные работники умеют правильно подходить к вопросам дисциплины; у нас нередко наблюдается отношение к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку, как к чему-то вредному, неревolutionному и ненужному. Это — абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем порядке. Добиваться этого порядка мы должны, и здесь совершенно неизбежны известные элементы муштры и административного нажима. Слово «муштра» многим кажется страшным, но это в значительной степени предрассудок. Сейчас приходится часто отмечать, что необходимой дисциплины строя у нас нет, а она, безусловно, должна иметь место. Ленинский подход не в том, чтобы пренебрегать необходимыми внешними элементами дисциплины, а в том, чтобы эти внешние элементы не делать основой дисциплины.

Товарищ Ленин имел случай коснуться и другого вопроса, который сейчас является злободневным для нашей Красной Армии, для нынешнего этапа нашего строительства. Я имею в виду вопрос о единоначалии, который сейчас является одним из жгучих вопросов нашего строительства и около которого теперь жизнь Красной Армии в значительной степени вращается.

Нам весьма бесполезно вспомнить о том, каково было принципиальное отношение товарища Ленина к этому вопросу. Это необходимо для тех, кто совершенно не по-ленински, не по-марксистски, бессознательно, а иногда и сознательно, проявляет колоссальный консерватизм в этом отношении. Я сейчас прочитаю одну выдержку из его речи, произнесенной на

съезде Советов народного хозяйства в 1920 г. и относящейся как раз к этому вопросу. Вот она:

«...Он (военный опыт прошлого.— М. Ф.) прошел, закономерно развиваясь, от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения армии, и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы...» (Ленин, т. XXV, стр. 18).

Таким образом, товарищи, вы видите, что переход к единоначалию еще в 1920 г. товарищем Лениным не только рассматривался как принципиально единственный правильный подход для постановки работы внутри Красной Армии, но и расценивался как практически наступивший этап военного строительства. Я думаю, товарищи, что из этого командный и политический состав Красной Армии должен сделать вывод о необходимости еще большей решительности и глубокой твердости в проведении в жизнь этой, как выразился товарищ Ленин, «единственно правильной постановки военной работы».

Еще несколько слов, товарищи, по другому вопросу, по вопросу, который сейчас, правда, не имеет такого жгучего значения для Красной Армии, но тем не менее связан с некоторыми запросами текущего дня, — по вопросу о специалистах.

Вопрос о специалистах в старой постановке, как он стоял в Красной Армии в годы борьбы на наших фронтах, сейчас у нас, конечно, не стоит. Он давно уже разрешен жизнью. Но наследие его у нас осталось в другом виде, в другой форме. Я имею в виду вопрос об отношении между партийцами и беспартийными в рядах комсостава нашей Красной Армии. По существу, это есть продолжение старого вопроса о специалистах. Вы знаете, что линия строительства, проводимая Революционным военным советом, заключается в твердом курсе на полное служебное уравнивание этих категорий нашего командного состава. Мы хотим иметь единый, вполне равноправный командный состав, не разделяя его в служебном отношении на партийцев и беспартийных. Этот курс исходит из уверенности в том, что беспартийные силы нашего командования в настоящее время являются безоговорочно и до конца преданными интересам советско-пролетарского государства. Нам необходимо с особой чуткостью и предупредительностью отно-

ситься к тем очень немногочисленным представителям кадров старых специалистов военного дела, которые крепчайшими узами связаны с Красной Армией и с нашим делом. Необходимо в полном объеме использовать их опыт, знания и готовность служить делу революции. А учиться — учиться многому — нам еще нужно дозарезу.

Я хочу напомнить о том, какую борьбу вел товарищ Ленин с теми элементами компартии, которые высказывались против привлечения специалистов. Вот одно из многочисленных его замечаний по этому вопросу.

«Достаточно всевозможных праздных разговоров, теперь настало время перейти к практическому делу, которое может вывести нашу страну из того круга, в который ее замыкают империалисты. На этой точке зрения должны стоять все советские, все кооперативные аппараты. Нам нужно делать дело и дело! Если пролетариат, взяв власть в свои руки, не сумеет воспользоваться своей властью, не сумеет практически поставить вопрос и практически же его разрешить, он потеряет очень многое. Пора оставить тот предрассудок, будто только коммунисты, среди которых, несомненно, есть и весьма хорошие люди, могут проводить определенную работу. Пора оставить этот предрассудок: нам нужны работники дела и дела, и мы должны всех их привлечь к работе.

Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользоваться и воспользоваться в широком, массовом размере, пустив всех их в ход. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас все дело в практической работе, в практических результатах» (Ленин, т. XXIII, стр. 449—450).

Это напоминание, товарищи, о взглядах на этот вопрос товарища Ленина я считаю не лишним в переживаемый нами момент нашего военного строительства. Эти взгляды Ленина говорят о том, что стремление провести всеохватывающую коммунизацию в рядах Красной Армии является ненужной и вредной утопией. Дело не в этом. Суть заключается в том, чтобы мы имели руководство Красной Армией, верное идеям советской государственности, идеям нашей революции, хотя бы отдельные руководители формально и не состояли в рядах партии. Товарищ Ленин напоминает нам, что выполнение той грандиозной задачи переустройства мира на началах социализма, за которую мы взялись, мыслимо лишь при живом участии в этой работе, под руководством партии, широких беспартийных масс.

В этом же вопросе товарищ Ленин хотел еще и еще раз отметить значение научной подготовки, значение науки во всех областях советской работы, в том числе в военном деле. Он в своих выступлениях неоднократно подчеркивал величайшую опасность, угрожающую партии в лице того, что он метко назвал коммунистическим чванством. Он говорил, что многие коммунисты, которых еще не успели вычистить из партии, думают управлять страной, думают готовить коммунизм путем декретов. Он смеялся и издевался над ними и говорил, что подход должен быть совершенно иной. Он неустанно повторял, что нужно знание и знание и что только таким путем мы создадим основы для настоящего коммунистического строительства.

Вот несколько его замечаний, ярко освещающих его взгляды по этому вопросу: «Дюжина наших советских учреждений стоит меньше, чем одна хорошо работающая лаборатория», — говаривал он. Или: «Без новых научных открытий мы коммунизма не построим» и т. д.

Такого рода замечаний можно было бы привести очень много.

В связи с этим я хотел бы напомнить о той заботливости, которую товарищ Ленин проявлял к представителям науки. Как например, трогательна его заботливость к академику Павлову и ряду других лиц, о которых он, несмотря на страшную перегруженность, лично находил время позвонить по телефону, справиться, все ли сделано согласно его указаниям! Его инициативой была создана специальная комиссия по улучшению быта ученых, сыгравшая немалую роль в тяжкие годы нашей разрухи ⁶⁶.

Теперь я останавлиюсь на последнем вопросе — вопросе о дальнейших перспективах пролетарского движения.

Я уже имел случай в начале своей речи отметить позицию товарища Ленина в вопросе о дальнейших перспективах революционного движения в мировом масштабе.

Эту свою мысль товарищ Ленин подтверждал неоднократно позднее. Так, например, в 1921 г., после ликвидации фронтов, когда ставился вопрос о переходе с военных рельсов на рель-

сы культурной и хозяйственной работы, Ленин говорил об этой перспективе так:

«Существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит, а пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен».

Этот коренной вопрос его особенно занимал последние дни и месяцы его жизни. Доказывает это тот факт, что к нему он часто возвращался в своих последних выступлениях. Этому вопросу посвящена одна из самых его последних статей под заглавием «Лучше меньше, да лучше». В этой статье он подвергает анализу ту обстановку, в которой находится наш Советский Союз, выясняет перспективы развития международных отношений и намечает ту стратегическую и тактическую линию, которую нам следует проводить. Цитата, которую я сейчас приведу, очень длинна, но когда вы вспомните, что здесь дело идет о самых последних мыслях Ильича, о его последнем напутствии нам, то вы охотно прослушаете ее. Ильич говорит:

«Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединен-

ной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (Ленин, т. XXVII, стр. 415—416).

Вот те вопросы, которые волновали его в самые последние дни его жизни. Какой же ответ он давал нам на них?

Владимир Ильич, уже умирая, наметил линию нашей стратегии и тактики. Тактическая линия, предписываемая таким положением дел для нашей страны, по его мнению, должна заключаться в следующем:

«...мы должны проявить величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце-концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле

не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» (Ленин, т. XXVII, стр. 416—417).

Итак, по Ленину, линия нашей тактики на этот ближайший период должна быть оборонительной. Мы должны лавировать, выжидать; должны заниматься накоплением сил в ожидании того момента, когда движение стран Востока и пролетарское движение стран Запада создадут новую, благоприятную для нас обстановку. Может ли просуществовать до наступления этого момента наш Советский Союз? На этот вопрос он без колебания отвечает: да, может, при условии проведения пролетариатом правильной политики не только в международной области, но и во внутренних делах. Правильной политикой в его глазах является политика рабоче-крестьянского блока, политика укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством. Он говорит, что с точки зрения классовой и социальной нет никакого основания считать этот блок неосуществимым. Наоборот, есть все основания при правильном подходе к делу, при правильной тактике его закрепить. Вывод, который мы отсюда должны будем сделать, заключается в том, чтобы мы, ведя работу по укреплению внутреннего положения, не оставляли без внимания и вопрос об обороне Союза Советских Социалистических Республик.

После смерти Ленина прошел только год, его предвидения уже начинают оправдываться. Сейчас мы имеем ряд фактов, которые говорят о том, что в отношениях Советского Союза с буржуазным Западом наступает новый перелом. Проявляется он в возрождении тех планов и агрессивных настроений, которые западноевропейский и американский империализм лелеял несколько лет тому назад. Опять мы наблюдаем возрождение идеи организации антисоветского блока, имеем факт развития самой бешеной агитации против Коминтерна и т. д. и т. д.

О чем все это нам говорит? Это говорит о том, что мы приближаемся к тому моменту, когда может исполниться пророчество товарища Ленина об ужасных кровопролитных схватках между рабоче-крестьянской Республикой и западным империализмом. Конечно, было бы нелепо устанавливать какие бы то

ни было сроки, но в общем и целом определенный сдвиг виден совершенно явственно и заметен для всякого мало-мальски внимательного наблюдателя.

Важно отметить, между прочим, что этот сдвиг связан отнюдь не с ослаблением нашей мощи, — наоборот, он как раз связан с ее увеличением, с ее ростом — это совершенно ясно. После неудачи первой попытки разгромить Советское государство западноевропейский империализм делал ставку на наш внутренний распад, на наше разложение; пока надежда эта была, особой опасности для нас не было. Но этого не случилось. Как раз напротив, несмотря на повторные неурожай и отсутствие какой бы то ни было помощи извне, мы определенно становимся на ноги, превращаемся в силу, растущую и крепнущую с каждым годом все больше и больше. Именно это обстоятельство делает международное положение тревожным и неустойчивым, ибо один факт нашего мирного укрепления, нашего хозяйственного и культурного роста, естественно, производит величайшие пертурбации во всех международных отношениях; он представляет величайшую опасность и угрозу для существования всей капиталистической системы. Отсюда — вероятность новых попыток нажима на нас со стороны западноевропейских империалистических держав. Таким образом, сам по себе факт нашего роста является причиной, вызывающей и укрепляющей возможность военного столкновения.

Для нас — военных работников — этот вывод должен иметь особое значение. Когда мы сейчас вспоминаем о жизни, учении и трудах товарища Ленина, необходимо с особой серьезностью отнестись к его последним заветам. Работникам Красной Армии сейчас нужно, более чем когда-либо, сконцентрировать свое внимание на всех недочетах нашей работы и напрячь всю энергию для того, чтобы в кратчайший срок заложить прочные основы военной безопасности Республики. Я полагаю, товарищи, нет никакого основания сомневаться в том, что, следуя заветам товарища Ленина, мы с этой задачей сумеем справиться.

НАКАЗ ЖУРНАЛУ „ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ“⁶⁷

Журнал должен объединить вокруг себя все научно-исследовательские силы для решения вопросов обороны Советского Союза и боевой подготовки армии. Он должен стать органом теоретического руководства военно-научной деятельностью как внутри армии, так и вне ее. Отсюда — связь с гражданской наукой, ее исследовательскими институтами, со всеми промышленными предприятиями и организациями, для научной увязки нашей экономики и политики с военной техникой, стратегией и тактикой. Он должен быть проводником взглядов, вырабатываемых на основе применения к военному делу марксистского метода изучения явлений войны. Чуждое верхоглядства и внешней «марксистской образности», такое изучение должно быть образцом серьезного, действительно научного подхода к делу и тем положить начало созданию пролетарского учения о войне⁶⁸.

Толстым журналам, претендовавшим на роль центральных органов Красной Армии, у нас не везло. Совершенно бесспорен факт, что ни одному из них не удалась задача стать единым центром военно-научной мысли, средоточием идейно-творческих достижений армии и действительным руководящим органом. Живой органической связи с периферией не было, и это являлось главной причиной слабости их влияния и значения в общеармейской жизни.

Это не случайность. Такое положение отражало определенную стадию в общем военно-культурном состоянии нашей армии. В силу своей молодости, недостатка теоретической подготовки и относительно невысокого общего культурного уровня, Красная Армия в прежние годы не могла создать и поддерживать такой журнал. Молодые научные силы, вышедшие из недр революции и гражданской войны, находились еще в процессе роста. Старики в значительной мере отставали от требований жизни и часто не умели отвечать ее запросам.

Изменилось ли что-нибудь сейчас?

Несомненно, Красная Армия быстро идет вперед. Свежие молодые побег развиваются буйным ростом. Слои, способные создать теоретическую базу журнала, ширятся. И ныне

идея создания серьезного органа военной мысли, — журнала, который станет действительно центральным органом армии и флота, вполне осуществима. Журнал «Война и революция» является попыткой ее реализации.

Только этим путем наша молодая военно-научная мысль справится со своими задачами, являющимися одновременно и задачами Советского Союза и его коммунистического мозга — ленинской партии.

Нашему ВНО предстоят трудные, но широкие пути для творческой работы.

„Война и революция“, № 1, 1925 г.

ДАЕШЬ ТЕХНИКУ!

Семь лет существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

С точки зрения обычных масштабов этот срок невелик. Но если к нему подойти не с меркой числа месяцев, дней и недель, а с оценкой размаха глубины, широты и значения пережитых событий, то он вырастает в огромных пропорциях.

Вызванная к жизни могучею волею нового ставшего у власти класса, Красная Армия — эта первая классовая армия трудящихся в мире — успела за эти семь лет завершить огромный круг развития. Зародившись на обломках старой царской армии из отдельных, разрозненных отрядов рабочих и крестьян, она развивается, впитывает в себя и старый боевой опыт прежней армии и новый революционный опыт победоносных трудящихся масс и быстро превращается в грозный, несокрушимый оплот революции.

Одного факта создания Красной Армии, ее героической борьбы и славных побед достаточно, чтобы доказать способность рабочего класса строить новую жизнь.

Вооруженный натиск отечественной и международной реакции бит. Победы Красной Армии открывают Союзу Рабоче-Крестьянских Республик возможность взяться за дело мирного социалистического строительства. Начинается новая эпоха, эпоха мирного труда.

Но эта эпоха неустойчива. Советский Союз вынужден жить и работать, окруженный со всех сторон стеною злобных врагов. Остаться без вооруженной защиты нельзя; ворота советского дома должны охраняться со всей бдительностью и с готовностью в любой момент дать отпор врагу.

Эпоха мирного строительства открывается еще при жизни покойного вождя революции — товарища Ленина. Ему принадлежит лозунг: «сократиться числом, улучшив качество», лозунг, осуществлением которого Красная Армия занята до настоящего времени. От 51½ миллионов Красная Армия спустилась сейчас до цифры в 562 000 человек. Значение этого факта будет понятнее, если мы вспомним, что царь держал в мирное время в три раза больше солдат и что Польша и Румыния вместе, при территории, в двадцать раз меньшей, и при более чем в три раза меньшей численности населения, держат под ружьем столько же солдат, сколько и мы.

Но, несмотря на такое сокращение, мы смело можем сказать, что военная мощь Союза не уменьшилась. Наоборот, в военном отношении мы сейчас намного сильнее, чем были в 1920 г., в момент нашего наивысшего военного напряжения.

Военная организация упорядочена; кадры мирного времени могут легко принять миллионы новых бойцов; работа по боевой подготовке личного состава делает огромные успехи; внутренняя спайка, революционная сознательность и дисциплина крепнут; качество армии неизмеримо выросло. Трудящиеся массы Союза имеют в лице Красной Армии и Флота силу, являющуюся надежным оплотом против внешних опасностей. И все же Красная Армия далеко еще не является тем, чем она может и должна стать.

Наша задача — иметь армию, наличие которой окончательно отбило бы охоту у наших дальних и ближних соседей строить козни и готовить новые нападения на единственную в мире Республику рабочих и крестьян, армию, которая могла бы противостоять даже объединенному капиталистическому миру.

Создание такой армии — не фантазия, не праздная мечта. Опираясь на братский союз рабочего класса и крестьянства,

на их героизм, самопожертвование и революционную стойкость, опираясь на нашу численность и необъятную территорию, мы вполне можем превратить нашу Республику в неприступную крепость, несокрушимый оплот мировой революции.

Путь к этому лежит в вовлечении в дело подготовки обороны страны всего советского рабоче-крестьянского тыла. Организационной формой для этого является система территориально-милиционного строительства, являющегося сейчас основой вооруженной мощи Союза. Наши первые опыты оправдали себя вполне. Широкие массы трудящихся, и в первую очередь крестьянство, усвоили всю выгоду, удобство и целесообразность этой системы. Эти опыты надо закрепить и расширить. Надо добиться того, чтобы территориальные полки во всех отношениях являлись силой, не уступающей по качеству кадровым частям. Это может быть сделано и это будет сделано дружными усилиями партии, Советов, союзов и Красной Армии к следующей, восьмой годовщине Красной Армии.

Но одного числа, дисциплины, доблести и воинской выучки еще недостаточно. Мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову современной техники, армию, которая в этом отношении будет стоять на равной доске, если не выше, с армией любого буржуазного государства.

Надо помнить, что в грядущих военных испытаниях мы будем иметь против себя силу, гораздо более серьезную, чем противники эпохи гражданской войны. Техника Колчака, Деникина, Врангеля, техника белополяков — лишь слабый намек на то, что в будущем выставят против нас наши враги. Этой силе мы должны противопоставить собственную мощь.

«Даешь технику!» — вот лозунг, с которым Красная Армия обращается в седьмую годовщину своего существования к отечественной промышленности, к рабочим, инженерам, техникам, химикам и ученым Советского Союза.

Необеспеченность современной боевой техникой — слабейшее место нашей обороны. Наша военная промышленность

еще далеко не стала на ноги. Ее продукция дорога. По основным предметам производства она в два раза дороже довоенной. Эта продукция оставляет желать многого и в отношении качества. Улучшения в этой области есть; в последнее время мы значительно тронулись вперед. Это значит, что мы в силах иметь и дальнейшие успехи.

Военная промышленность не удовлетворяет требованиям армии на ряд важнейших орудий борьбы: мотора, газа, танка, автомобиля и многого другого отечественного производства в достаточном количестве и надлежащего качества Красная Армия еще не имеет. *Задача наладить это производство — важнейшая и настоятельнейшая часть программы улучшения обороны для предстоящего года.*

Общий подъем промышленности, улучшение государственного бюджета, оживление научной мысли открывают полную возможность этому. Мы должны стать независимыми от заграницы не только в массово-промышленной деятельности, но и в конструктивно-изобретательской работе.

Лишь это даст нам возможность противопоставить технической мощи врага не только живую силу и революционный энтузиазм красных бойцов, но и собственную технику. Только этим путем мы добьемся побед «малой кровью», с наименьшими жертвами. Только этим путем Красная Армия даст Союзу Рабоче-Крестьянских Республик ту мощь, о которую разобьются бешеные волны окружающего нас моря буржуазной злобы, вражды и ненависти.

Да здравствует советская техника!

„Правда“ № 44 (2985), 1925 г.

ПРИКАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА СССР № 139/594

5 февраля 1925 г. Москва.

Волей рабоче-крестьянского правительства, выраженной в постановлении президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик от

26 января 1925 г. я вступил в исполнение обязанностей народного комиссара по военным и морским делам и председателя Революционного военного совета ССР Республик.

Ответственность за оборону Союза Советских Республик предъявляет к руководству Красной Армией и Флотом в настоящий исторический момент исключительные требования.

Оборону Советской земли приходится осуществлять после неслыханно тяжелой утраты, понесенной нами в лице тов. Ленина, величайшего вождя всех трудящихся и подлинного вдохновителя нашей Красной Армии. Тем тверже и непоколебимее Красной Армии надлежит теперь проводить в жизнь великие заветы, начертанные всей его жизнью на красных скрижалях борьбы и победы угнетенного человечества над вековыми поработителями.

Незыблемость, укрепление и расширение союза рабочих и крестьян должны быть поставлены во главу угла обороноспособности Союза Республик. Только благодаря такому союзу Красная Армия и Флот при поддержке рабочих и трудящихся других стран смогли разбить контрреволюционные полчища русских белогвардейцев и иностранных капиталистов. Только на основе дальнейшего роста и упрочения этого союза может быть успешной и в будущем оборона Республики Советов.

Красная Армия и Флот всегда давали наглядный пример кровной спаянности рабочих и крестьян: перед лицом постоянных угроз и опасностей со стороны сильного и технически более совершенного врага рабочие и крестьяне убеждались, что их дело общее и что только идя рука об руку, нога в ногу они смогут осуществить свои классовые интересы. Осуществляемый нами ныне переход к милиционной системе требует еще с большей силой и настойчивостью укрепления братского союза рабочих и крестьян.

Российская коммунистическая партия (большевиков) вместе с коммунистическими партиями других стран является единственной партией, ведущей беспощадную борьбу с международным капиталом за господство и торжество трудящихся, за окончательную победу социализма. Она — передовой авангард пролетариата и трудового крестьянства. Великие цели и задачи, поставленные перед Красной Армией и Флотом, цели-

ком и безоговорочно совпадают с задачами и целями коммунистической партии. Больше того — они выработаны в неустанной борьбе и работе партии. Глубокая, непоколебимая преданность ей, следование ее идеалам, ее дисциплине и стойкости служат неперенным условием крепости Красной Армии и Флота и их боеспособности.

Органами, осуществляющими власть рабочих и крестьян в Союзе Республик, служат советы. Через них трудящиеся организуют свое хозяйство на новых началах, охраняют труд и землю от внутренних и внешних врагов, организуют Красную Армию и Флот, воспитывают, обучают и просвещают трудящихся. Нигде в мире нет такой власти. Советы — надежда рабочих и крестьян всего мира и предмет самой непримиримой ненависти со стороны всех угнетателей. Готовность защищать советскую власть до конца, содействие во всей ее повседневной трудовой работе должны пропитать всю жизнь Красной Армии и Флота. Союз Республик обратил в настоящее время особое внимание на укрепление советов и на усовершенствование советского аппарата на местах — в волости, в селе, на окраинах. Красная Армия и Флот, где огромное большинство состоит из крестьян, должны быть всегда готовы грудью отстоять советскую власть против врагов внешних и внутренних, против помещиков и капиталистов.

Мы можем уверенно смотреть на будущее. Наше славное боевое прошлое является порукой этой уверенности. В своей героической борьбе с внутренней и зарубежной контрреволюцией Красная Армия свой долг исполнила. Революционная воля рабочих и крестьян отбросила за пределы Советского Союза всех посягателей на октябрьские завоевания, хотя в военном отношении мы тогда были неизмеримо слабее наших врагов. Годы мирного строительства укрепили военную мощь Рабоче-Крестьянской Республики. Красная Армия, количественно сжавшись, улучшилась качеством. Несогласованность интересов среди капиталистических государств, необходимость для них стремиться к установлению с нами экономических связей и наше собственное возрождение привели к ряду признаний Советского Союза. Лишь немногие государства упор-

ствуют в своей ненависти к Республике рабочих и крестьян и открыто занимают враждебные нам позиции.

Советский Союз до конца и неуклонно борется за мир. Основная задача нашей международной политики заключается в том, чтобы вывести трудящихся из кровавого военного потока и сделать невозможной всякую войну. Республика Советов прилагала, прилагает и будет прилагать все усилия, чтобы установить мирное сотрудничество стран и народов. Красная Армия и Флот созданы не для того, чтобы выколачивать прибыли и барыши для международных капиталистов. Ее первыми союзниками остаются народы колоний и полуколоний, где международный империализм нагло попирает экономическую, политическую, национальную и духовную самостоятельность сотен миллионов трудящихся.

Но сохранение мира зависит не только от нас. Следует помнить, что в то время, когда рабочие и крестьяне Советского Союза, стремясь идти по пути установления всеобщего мира, все свое внимание, волю и труд направляли на восстановление разрушенного хозяйства, на облегчение и улучшение условий жизни трудящихся, — международный капитал изощрялся в усилении вооружений и изобретении новых средств борьбы.

Самый факт успехов нашего мирного строительства является источником новых опасностей для единственной в мире Рабоче-Крестьянской Республики. В последнее время мы наблюдаем оформление этой опасности в попытках создать против нас враждебные группировки больших и малых держав, с расчетом в удобный момент, задушив опору трудящихся — Советскую Республику, задавить движение пролетариата своих стран и просыпающихся к новой жизни поработанных империализмом колониальных народов. Опасности, угрожающие мирному труду народов Советского Союза, не уменьшились, а усилились.

Если нам придется еще раз вооруженной рукой защищать советскую землю, мы будем иметь против себя могучего и сильного противника. Это обязывает нас быть во всеоружии военного знания и боевой подготовки. Только неослабное внимание, напряженная работа и всесторонняя учеба поставят

войска Красной Армии и Флота на высоту необходимых боевых требований. Только такая работа даст нам возможность в тот момент, когда нас спросят: «готовы ли вы?», спокойно и уверенно ответить: «всегда готовы!».

Красная Армия и Флот, верные стражи Советского Союза, опора трудящихся в новой светлой жизни, руководимые рулем революции — коммунистической партией, идущей под знаменем ленинизма, теснее сомкнут свои ряды и станут непреодолимой преградой всему буржуазному миру.

Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствуют Красная Армия и Красный Флот!

Председатель Реввоенсовета СССР *Михаил Фрунзе*

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. III. Государственное издательство. М.—Л., 1927 г.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБИСПОЛКОМА, ПОСВЯЩЕННОМ 7-й ГОДОВЩИНЕ
СУЩЕСТВОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ, 24 ФЕВРАЛЯ 1925 г.

Товарищи, позвольте мне начать свое слово с приветствия по адресу пролетариата Ленинграда, всех трудящихся его и войск ленинградского и кронштадтского гарнизонов.

История Ленинграда теснейшим образом связана с историей всей нашей революции. Каждая улица, каждый камень на его мостовых являются свидетелями величайших событий и могут многое рассказать нашим грядущим поколениям. Тесная связь Ленинграда с нами, т. е. с нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армией, существовала и продолжает существовать до сих пор, начиная с момента Октябрьского переворота, решившего участь царизма и капитализма, и окончательно закрепившись в течение всей гражданской войны.

С ленинградских фабрик и заводов шли тысячи и сотни тысяч пролетариев, несших во все концы Советского Союза идеи Ленина, идеи революции, организовавшие советскую власть. Они влили дух бодрости и энергии в наши рабоче-крестьянские полки, когда вместе с ними готовились к непо-

средственной схватке с врагом, подошедшим к стенам города. (Я имею в виду те трагические дни, когда армия Юденича стояла у ворот города, когда она готовилась вступить на священные для рабочих и крестьян улицы и водрузить знамя контрреволюции.)

Этого не случилось потому, что красные полки не подпустили врага к стенам этого священного для революции города; но если бы даже это и имело место, то никто из нас не сомневается, что вражеская армия нашла бы здесь себе гибель. Залогом этого являлась та энергия, то мужество, которое проявлял ленинградский пролетариат, та работа, которая проявлялась в сооружении траншей, окопов, переплетений колючей проволокой всех улиц, в превращении вашего города в мощную, неприступную крепость.

Все эти воспоминания связывают Ленинград, его рабочих теснейшими узами с нашей вооруженной рабоче-крестьянской силой. Отсюда мы черпали бодрость и энергию, и мы надеемся, что это будет также и в дальнейшем. Мы надеемся, что в грядущих столкновениях, если таковые будут иметь место, Ленинград с его пролетарским населением будет стоять несокрушимым форпостом на крайнем фланге наших войск.

Я выражаю пожелание, чтобы Ленинград и далее развивал промышленность, увеличивая кадры своего рабочего класса, и продолжал быть крепкой и мощной опорой как в политическом, так и в чисто военном отношении.

Вашему городу, стальному городу Ленина, живому горячему сердцу революции, оплоту и надежде наших Октябрьских заветов — слава и наш братский привет от Красной Армии!

Сегодняшнее наше заседание посвящено 7-й годовщине Красной Армии. Семь лет тому назад волею рабоче-крестьянского правительства было положено начало созданию вооруженной силы рабоче-крестьянского государства на правильных, регулярных началах. Решение это не являлось результатом империалистических тенденций, которые могла бы проявить наша новая рабоче-крестьянская власть. Нет, оно явилось необходимостью дать отпор врагу, врагу внутреннему, внешнему, ополчившемуся на завоевания пролетарской рево-

люции. Эта задача — задача отпора — Красной Армией была выполнена. Возможность взяться за мирный труд, за мирное социалистическое строительство рабочим и крестьянам была завоевана. Уже три с лишним года стало возможным Союзу Рабоче-Крестьянских Республик под охраной красных штыков заниматься мирным трудом.

Красную Армию, несмотря на переход к мирному строительству, мы не уничтожили. Правда, мы ее очень и очень сократили численно, но тем не менее мы попрежнему значительную часть нашего внимания и наших средств уделяем обороне страны и укреплению армии. Это совершенно естественно, иначе и быть не могло, и, конечно, не потому, что мы питаем какие бы то ни было захватнические цели или собираемся нападать на кого-то, но потому, что мы попрежнему со всех сторон окружены кольцом враждебных нам государств, построенных на совершенно иных социальных началах, государств, которые видят в нас своего классового врага, которые чувствуют, что один факт нашего существования является величайшей угрозой для них самих и для их благополучия.

По мере нашего укрепления, по мере роста нашего хозяйства, по мере нашего культурного роста, по мере увеличения нашего внутреннего и международного значения размеры окружающей нас извне опасности не уменьшаются. Наоборот, они увеличиваются, они растут. И это опять-таки совершенно понятно; понятно потому, что в первые времена после ликвидации внешних фронтов буржуазия западноевропейских и других стран верила в возможность сокрушения Советского государства иными средствами и путями, помимо военных. Она считала, что мы не сумеем справиться с задачами хозяйственного строительства после тех внешних потрясений, которые нам причинила война империалистическая и война гражданская. На этом она строила свои расчеты; отсюда исходила ее политика блокады и удушения нас экономическими и политическими средствами, с отказом от непосредственно военного удушения.

Эти расчеты, как это совершенно ясно и очевидно для всех, в настоящее время рушатся. Даже закоренелые наши

враги, те, которые на глазах имели шоры и которые склонны были преувеличивать всевозможные затруднения и осложнения, встречающиеся на путях нашего советского строительства, сейчас вынуждены склониться перед силою фактов, перед логикой событий. Они сейчас вынуждены признать, что Советское государство, вопреки их надеждам и чаяниям, развивается, крепит и усиливает свою экономическую мощь, а вместе с ней военную и политическую.

Поскольку буржуазия будет приходить к этим выводам повсеместно, поскольку она поймет, что мирными путями заставить нас невозможно, постольку для нас создается опасность возврата наших классовых противников на путь прежней борьбы, возврата к прежним методам открытого вооруженного нападения на нас. К этому совершенно объективно ведет логика классовых противоречий, ибо мы и они представляем такого рода государственные объединения, которые построены на исключаящих друг друга основах. Еще Владимир Ильич нам частенько говорил и указывал на то, что о длительном совместном существовании нашего Советского государства, в котором царствует труд, с системой буржуазных государств, где царствует капитал, не может быть и речи; может только идти разговор о большем или меньшем сроке этого совместного существования. Вот то завещание, которое оставил нам еще тов. Ленин.

И мы видим, как теперь, на четвертый год нашей мирной работы, это завещание уже до известной степени начинает сбываться. На почве нашего хозяйственного и политического укрепления начинает усиливаться враждебная советской власти агитация. Мы видим бешеную, яростную кампанию, развиваемую всей буржуазной прессой против Коминтерна, кампанию, которая построена исключительно с той целью, чтобы подорвать Советское государство. Мы, наконец, видим прямые попытки организации антисоветского блока, создания нового объединения государств наподобие того блока, который в свое время был организован английским министром лордом Черчиллем.

Пока что эти попытки сегодня непосредственной вооруженной опасностью нам не угрожают. В этом отношении дело

для мирового капитализма обстоит далеко еще не благополучно, — слишком велики внутренние трения и противоречия, которые не позволяют ему образовать единый вражеский стан, могущий объединить все силы против нас. Но нам не следует обольщать себя фактом неудачи этих попыток в данный момент. Нам следует считаться с ходом объективного развития: сама обстановка должна в дальнейшем привести к повторению этих попыток в той или другой форме — это совершенно неизбежно, ибо факт нашего роста, факт укрепления хозяйственного и политического положения приближает канун гибели, канун крушения буржуазного мира, ибо благодаря одному лишь факту своего существования мы уже являемся могучим источником пропаганды против буржуазного мира. Буржуазия, которой легко было обманывать рабочий класс своих стран 2—3—4 года тому назад, когда она могла сослаться, что вот, мол, к чему приводит пролетарская диктатура — к разрушению хозяйства, — теперь этого сказать не может.

Теперь обстановка изменилась. Несмотря на то, что мы действовали без всякой помощи, действовали в обстановке двух неурожаев, переживали иные тяжелые условия, — мы все же встали на ноги и продолжаем укреплять свое положение.

Товарищи, в противоречии со всем сказанным не стоит и тот факт, что мы теперь имеем колоссальнейшие успехи в области нашей международной политики, что мы признаны почти всеми крупнейшими буржуазными странами. Только недавно мы заключили договор с Японией. Теперь, кроме Северо-Американских Соединенных Штатов, нет ни одного крупного буржуазного государства, которое упорствовало бы в своей позиции непризнания, игнорирования СССР. Не будет преувеличением, если я скажу, что в недалеком будущем и Северо-Американским Соединенным Штатам придется переменить свою позицию. Это неизбежно, к этому толкает вся логика международных отношений. Это естественно и понятно, ибо не признавать нас невозможно, ибо мы с каждым днем являем собой все более и более мощный фактор международных отношений, слишком много весим на весах международной политики. Не считаться с нами, игнорировать нас уже невозмож-

но. До тех пор, пока нет возможности разделаться с нами, задушить нас тем или иным путем, до тех пор, при всей ненависти к нам, правящие круги буржуазных стран вынуждены считаться с нами, формально и официально признавать нас.

Все это заставляет прийти к тому выводу, что сейчас, в день празднования 7-й годовщины Красной Армии, когда наша мысль отвлекается от поглощающей нас целиком повседневной текущей работы, мы не только должны оглянуться на пройденный нами путь, но и должны попытаться заглянуть в будущее. В этот день мы должны сказать, что выход из нашего современного положения, как внутреннего, так и внешнего, — в том, чтобы вопросу обороны Союза Рабоче-Крестьянских Республик уделять гораздо больше внимания, чем это делалось прежде. Никто не может отрицать того факта, что за те годы, когда мы перешли на мирное положение, наше внимание было полностью поглощено лишь вопросами хозяйственного и культурного строительства. Ныне назрел момент, когда мы опять должны направить часть нашего внимания в сторону обороны. Вот, товарищи, первый вывод, который мы вынуждены сделать при анализе современного нашего положения.

В чем должно выразиться это внимание? Ответ на это, товарищи, мы получим, ознакомившись с вопросом обороны Советского государства в данное время. Вы вправе меня спросить, что собой в данный момент представляет Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в чем ее основные недостатки, в чем должна выразиться помощь Советского государства, рабочих и крестьян, всех наших организаций, партийных и профессиональных и т. д. в деле обороны страны? Поэтому я сейчас в общих чертах дам вам характеристику положения нашей Красной Армии.

Мощь Красной Армии, так же как военная мощь любой армии, любого государства, складывается из трех моментов: 1) из духовного момента — настроения вооруженной силы, 2) из момента организационного и 3) из момента технического.

Как же у нас обстоит дело во всех этих отношениях? И прежде всего в первой части — в отношении духа, в отно-

шении настроения Красной Армии? Я беру на себя смелость утверждать, что, несмотря на все те переживания, которые выпали на нашу долю, положение Красной Армии не только не внушает нам никаких опасений, но, наоборот, можно смело сказать, что наша Красная Армия является в этом смысле армией, превышающей армию любого буржуазного государства. Нигде в мире сейчас, в смысле политического настроения, в смысле готовности идти на борьбу, нет такой армии, какая сейчас имеется у Советского государства. Мощь всякой армии, в том числе и нашей, базируется на двух моментах: во-первых, на политическом настроении и, во-вторых, на моментах, связанных с выучкой, с боевой подготовкой.

В первой части — в отношении политического настроения — я могу сказать, что оно целиком определяется социально-классовым составом нашей Красной Армии. За эти годы мирного существования мы проделали большую работу, и в настоящий момент рабоче-крестьянское государство имеет в лице Красной Армии рабоче-крестьянский организм в буквальном смысле слова. Я уже не буду вам говорить о том, что по всему своему переменному составу эта армия безусловно рабоче-крестьянская.

Если мы возьмем основу армий, возьмем командный состав и политический состав, то увидим, что и здесь, в этой части, мы имеем обстановку, могущую вполне нас удовлетворить. В самом деле, за эти годы наша мирная работа, в смысле подбора нашего командного состава с определенным социальным положением, значительно двинулась вперед. Еще в первые годы гражданской войны мы были вынуждены для организации армии привлечь специалистов, охранявших интересы враждебных нам социальных групп. В настоящий момент эта обстановка радикальнейшим образом изменилась, изменилась снизу и до самого верха, включая самые ответственные посты внутри нашей Красной Армии. Среди командного состава мы сейчас имеем 33½% партийных; беспартийная же часть командного состава почти сплошь является рабоче-крестьянской. Чем выше мы поднимаемся, чем на большую ступень нашей военной иерархии мы становимся, тем процент партийных делается выше.

Но, товарищи, та часть беспартийных, которую мы здесь имеем, является той, которая прошла сквозь горнило гражданской войны, которая закалилась в совместной с нами борьбе; про многих беспартийных, которые сейчас состоят в рядах нашей Красной Армии, могу сказать, что хорошо было бы, если бы мы имели побольше таких партийцев, как эти беспартийные. Этим, по-моему, сказано все.

Таким образом, товарищи, наш командный состав сейчас является полностью и целиком стоящим на пролетарской точке зрения, и на этот комсостав рабоче-крестьянское государство имеет право рассчитывать полностью. Наш рабоче-крестьянский состав начинает проникать сейчас даже в такие области, которые, казалось бы, надолго должны были быть мокополией тех, кто еще раньше, в прежних условиях, был подготовлен к занятию этих мест. Я имею в виду преподавание в наших средних и высших школах и в наших академиях. И здесь мы сделали колоссальные успехи, и здесь мы с каждым годом выделяем все больше и больше представителей из рабоче-крестьянских рядов.

В области военной идеологии рабочий класс тоже занимает теперь в Красной Армии руководящие позиции. Можно без особого преувеличения сказать, что в области военного строительства мы очень далеко шагнули вперед, дальше, чем в других областях нашей советской работы. Это отнюдь не объясняется особыми талантами военных работников — это вполне понятно и объяснимо, если мы вспомним, что в первые годы нашей революционной деятельности коммунистическая партия и все Советское государство уделяли военному делу, в силу обстановки, исключительное внимание. Сюда были направлены лучшие наши организаторские силы, здесь действовали десятки тысяч лучших представителей рабочего класса. Поэтому понятно, что наша работа в армии шагнула сравнительно дальше вперед, чем в других областях.

Красная Армия в отношении политико-морального состояния является точным сколком, точным слепком с нашей рабоче-крестьянской страны, и поскольку во всей стране мы видим укрепление материального положения трудящихся масс, поскольку мы видим укрепление духа активности и инициативы,

постольку это отражается и на Красной Армии. Состоя, главным образом, из представителей двух основных наших классов — рабочих и крестьян, — Красная Армия является наилучшим выражением союза рабочего класса с крестьянством. По Красной Армии мы можем судить, насколько этот основной лозунг всей нашей советской деятельности, являющийся базой всей нашей советской работы, находит правильное и полное осуществление, и Красная Армия — лучшее доказательство того, что нет никаких причин, которые могли бы осложнить, помешать, не допустить укрепления смычки рабочего класса с крестьянством.

Так обстоит дело в отношении политико-морального состояния армии.

Другим моментом, определяющим крепкий воинский дух Красной Армии, является степень ее боевой выучки, ибо даже при хорошем политическом настроении, при готовности идти в бой и отдать свою жизнь, мы можем оказаться неспособными одержать победу, если у нас будет плохая выучка. Кроме хорошего политического настроения, требуется умение, требуется боевая выучка.

Как обстоит дело в этом отношении? Я с полной искренностью могу сказать, что еще год тому назад в этой области у нас было далеко не все благополучно, еще год тому назад наши рабоче-крестьянские полки могли уделить очень и очень немного внимания делу своей учебы, делу боевого воспитания. Это объясняется не тем, что командный и политический состав не хотел заниматься своим делом, а очень тяжелыми объективными условиями жизни и работы Красной Армии. Летом минувшего года мы еще ухудшили обстановку некоторыми нашими мероприятиями внутреннего порядка. Я имею в виду то, что мы были вынуждены весной минувшего года пойти на недопризыв 100 000 человек, на создание большого некомплекта.

Ясно, что в этих условиях дело боевой подготовки не могло идти хорошо. Вы спросите: почему же мы шли на эту меру? Ответ тот, что при других условиях нас ожидала бы если не катастрофа, то очень тяжкое положение. Мы не свели бы концов с концами, ибо мы не имели материальных ресур-

сов, не имели достаточных запасов обмундирования и снабжения, чтобы держать под ружьем ту армию, которая была установлена соответствующим правительственным декретом.

И только то, что мы фактически остались на полгода с армией сокращенной, дало нам возможность выйти из положения.

К счастью для нас, не произошло никаких внешних осложнений.

Наш расчет оказался правильным. С осени прошлого года мы вступили в новую обстановку. Мы пополнили наши полки, мы создали, впервые на протяжении всего существования Красной Армии, такие материальные условия, которые позволяют командному и политическому составу не думать постоянно о куске хлеба, а обращать всю свою энергию на дело воспитания красноармейцев. И красноармейцев мы поставили в такие условия, которые позволяют им заниматься учебой так, как этого требуют интересы нашей государственности. Я не скажу, чтобы те ассигнования, которые отпускает нам государство в этом бюджетном году, позволили нам поставить нашу армию и флот в такое положение, чтобы нам не оставалось мечтать ни о чем в дальнейшем. Нам многое еще нужно сделать, и материальное положение командного состава еще не так хорошо, чтобы можно было успокоиться на тех улучшениях, которые мы провели в этом году. Неудовлетворительно и в отношении казарменных условий. Еще не все сделано и в отношении вещевого снабжения. Но все же нами произведен громаднейший сдвиг, и это, товарищи, позволяет Красной Армии заниматься делом учебы, выполняя свое прямое назначение, и закладывает основы того крепкого воинского духа, который нам необходим для успеха в грядущей борьбе.

Вот, товарищи, тот вывод, который нужно сделать в отношении политического настроения и моральной устойчивости Красной Армии. Этот вывод приводит нас к тому сознанию, что в области духа Красная Армия сильна; как рабочий класс, так и крестьянство могут на нее положиться.

Товарищи, наши враги за границей в своих последних попытках организации антисоветского блока в значительной мере рассчитывали на некоторые внутренние затруднения,

имевшие место в наших рядах. Судя по их печати, мы знаем, что они очень большие надежды возлагали на неизбежность внутреннего развала, внутреннего кризиса Красной Армии, связывая это с теми персональными изменениями, которые у нас имели место. Телеграммы, которые печатались в самых распространенных заграничных буржуазных журналах, а также и в нашей белогвардейской зарубежной прессе, сплошь и рядом помещали известия, что в том или ином городе началась открытая вооруженная борьба, что Красная Армия разделилась на два лагеря, что идет борьба на улицах Ленинграда, Москвы, Одессы и т. д.

Если верить этим сообщениям, то мы все должны были бы уже стоять перед полным крушением советской государственности. Мы можем, понятно, только улыбаться такого рода сообщениям. Мы можем сказать нашим врагам, что их расчеты и их надежды являются надеждами лиц, хватающихся, как утопающие, за соломинку. Они не понимают того, что внутренняя мощь всего нашего государства, равно как и мощь Красной Армии, никогда не строилась на отдельных личностях. Они не понимают, что сила наша — в общей, коллективной творческой работе.

Наша сила в том, что у нас у власти стоит рабочий класс, а вместе с рабочим классом идет многомиллионная масса крестьянства. Они не понимают того, что Февральская и Октябрьская революции глубоко всколыхнули нашу народную толщу, подняли ее, пробудили сознание, а это и является залогом того, что наша революция непобедима. Что бы ни делали отдельные личности, отдельные представители, а дело, оставленное нам тов. Лениным, начатое ленинградским пролетариатом, нами будет доведено до полного и победного конца.

Как теперь обстоит дело с другим элементом, определяющим боевую мощь Красной Армии, т. е. с моментом организационным? В этой части, товарищи, за последний год мы сделали довольно крупные успехи. Правда, эти успехи по необходимости являются ограниченными. Как вы знаете, мы имеем 560 000 в составе нашей армии, включая сюда и флот.

Но если вы вспомните, что царь держал под ружьем 1 500 тыс. человек, то для вас будет ясна разница, которая полу-

чилась у нас в деле обороны Советского государства. Вам должно быть ясно, что мы стали слабее, чем в царское время. Это — факт основной, он определяет всю систему организационных мероприятий. При таком слабом кадре мы, разумеется, должны были изыскивать те способы, те пути, которые позволили бы нам и в мирное время иметь такую армию, которая хоть сколько-нибудь обеспечивала бы нашу мобилизацию. Мы стремились создать армию так, чтобы она давала возможность влить в свои ряды тех добавочных борцов, которых мы должны выставить в момент столкновения.

Товарищи, правильны ли те пути, по которым мы шли? Прошедший 1924 год пока окончательного твердого вывода в этом отношении еще не дает, но я не ошибусь, если скажу, что он его уже фактически предрешил. Мы не имели еще опытной проверки, но те факты, которые мы имеем и которые нам дает проделанный опыт, говорят, что пути нашего строительства были правильны. Эти пути заключаются в том, что наряду с регулярными частями мы создали части милиционного типа, перешли на так называемое территориально-милиционное построение.

Значительная часть наших дивизий, в особенности пехоты, строится нами на этой территориально-милиционной основе. У многих из нас, военных работников, когда мы приступали к опыту территориально-милиционного строительства, возникали опасения, насколько этот опыт себя оправдывает и насколько части, формируемые таким путем, окажутся способными к разрешению военных задач. Повторяю, должной проверки мы еще не имеем, да окончательно и не получим до момента настоящего боевого столкновения, но опыт проделанной работы говорит нам о том, что этот путь позволяет нам иметь недурные по своей боевой и политической подготовке части.

Этот опыт говорит нам о том, что — при правильном подходе к делу, при уделении ему внимания не только со стороны военного ведомства, как такового, но и со стороны нашего партийного и советского аппарата — этот путь военного строительства позволит нам полностью обеспечить наше мобилизационное развертывание и в то же время не представит ника-

ких опасностей в других отношениях. Я вам могу сказать, что даже если бы нам пришлось иметь перед собой военную опасность в самом близком будущем, то и при теперешнем численно слабом кадре армии мы способны не в такой уже длительный промежуток времени включить в свои ряды добавочные миллионы бойцов, способны выставить в поле такое количество частей, которое будет вызвано боевой обстановкой. Так что с точки зрения организационной проделанная нами работа очень и очень укрепила и улучшила наше положение в отношении самого кадра и тех частей, которые существуют в мирное время.

За минувшее время нам пришлось проделать большую работу внутренней ломки. Эта работа была необходима как по соображениям финансовым и оперативным, так и по соображениям учета особенностей тех способов борьбы, к которым нам придется прибегать впоследствии, учета тех технических ресурсов, которыми мы будем обладать. Эта работа нами проделана. Она проделана в отношении всех основных родов наших войск, и в основных чертах можно считать ее оконченной.

Разумеется, в дальнейшем нам, вероятно, придется еще вносить некоторые поправки и дополнения. В отношении прохождения военной службы точно так же за последнее время мы имеем целый ряд мероприятий, вносящих ясность и определенность в эту очень важную часть нашей военной жизни. Не все еще здесь закончено и урегулировано. В смысле своей организации, в смысле своего внутреннего уклада, в смысле порядка прохождения службы мы имеем сейчас определенные устойчивые формы, и задача в дальнейшем сведется только к тому, чтобы еще более улучшать положение.

Теперь перехожу к третьему моменту, определяющему нашу военную мощь, — к моменту техники. Здесь я с полной откровенностью должен вам сказать, что положение хуже, чем в названных мною первых двух частях нашей военной работы. Здесь я должен сказать, что мы, конечно, гораздо слабее наших возможных буржуазных противников. Это совершенно понятно при той разрухе, которая была, и при нашей промышленной отсталости. Надеяться, чтобы наша армия

имела в своем распоряжении технику, которая необходима в грядущих боях, технику, могущую поставить нас на один уровень с армиями буржуазных стран, разумеется, мы не можем. Но, товарищи, и в этой части благодаря общему подъему нашего хозяйственного положения, благодаря росту нашей промышленности начинают раскрываться другие, колоссально большие и отрадные перспективы.

До последнего времени мы по части артиллерийского снабжения, по части усовершенствования орудий борьбы, по части борьбы химической, по части авиационного дела чувствовали себя еще довольно слабыми, но за последнее время, за последние годы с каждым месяцем мы видим, как изменяется обстановка. Общее оздоровление хозяйственной системы Советского государства — твердая база, твердая почва для того, чтобы дать могучий толчок к развитию и совершенствованию и нашей военной техники. Это — третий фактор, определяющий нашу военную мощь.

Задачи настоящего года, задачи дальнейшей нашей работы заключаются в том, чтобы этот третий момент нашей военной мощи всячески и всемерно толкать вперед. Эти задачи поняты сейчас и осознаны коммунистической партией, руководящей нашим советским кораблем, осознаны всей толщей рабочего класса, нашими учеными и техниками, нашими химиками и инженерами. Мы должны поставить своей ударной задачей всемерное развитие общей техники и, в частности, техники военной. Мы сейчас очень сильно отстали, но нагнать наших будущих противников можно, данные для этого имеются.

Темп развития промышленности необычайно велик. Факты говорят о том, что все планы, которые строят наши планирующие, регулирующие государственные органы, обгоняются жизнью, они не в силах учесть полностью ту энергию, те запасы сил, которые накопились в рабочем классе и крестьянстве. Несомненно, что мы найдем пути, нащупаем возможности, которые помогут делу советской техники, мощным толчком бросят ее вперед.

Выводы, которые получаются, следующие: уже и сейчас, при том уровне техники, который существует, мы смело мо-

жем идти в столкновение с армиями окружающих нас стран. В отношении этих армий мы крепко стоим на ногах; поэтому нас с этой стороны ни в малейшей степени не пугают угрозы военного нападения. Но если бы дело пошло к столкновению с армиями больших капиталистических стран, как Франция, или союза государств, то мы можем сказать, что к такому столкновению мы еще совсем не подготовлены. Это — задача нашей дальнейшей работы.

Нам следует посмотреть еще раз на сущность наших международных отношений и призадуматься над характером будущей большой войны, которая может быть навязана нашему Советскому Союзу. Я говорю именно о «большой войне», ибо всякие мелкие столкновения с какими-либо отдельными государствами я заранее со счета сбрасываю. Я имею в виду перспективу, о которой я говорил вначале, перспективу нарастающего, совершенно неизбежного столкновения между нами, как представителями пролетарского мира, и буржуазными государствами — представителями мира отживающего. Вот к моменту такого столкновения, в котором столкнутся два противоположных мира, которое может окончиться только полной победой одного и крушением другого, мы и должны готовиться.

Это, может быть, перспектива очень отдаленная. Во всяком случае, что касается нас, то мы отнюдь не ставим своей задачей приближать момент такого столкновения. Нам это невыгодно и не нужно, потому что всякий год нашей мирной работы работает за нас; не нужно потому, что мы — носители нового будущего; не нужно потому, что даже одна только наша мирная работа сама по себе подрывает устои буржуазного мира.

Мы уже теперь видим, что на почве нашей мирной работы растет классовая борьба внутри всех буржуазных стран. Угроза нарастающего движения обостряет чувство злобы и вражды мировой буржуазии к Советскому государству. Но, товарищи, раз дело обстоит так, раз будущие большие столкновения, к которым толкают нас буржуазные страны, неизбежны, раз объективный ход развития должен кончиться победой той или другой стороны, то отсюда получается тот вывод, что на случай такого столкновения мы должны подковать себя на все ноги.

Если мы так ставим вопрос, то, разумеется, каждый рабочий, каждый крестьянин должен понять, что наша Красная Армия, как таковая, с задачей обороны Союза, в полном смысле слова, справиться не может. Эта задача требует дружной, заранее систематически проводимой работы всего нашего советского и партийного аппарата. Сделать так, чтобы мы выставили в поле армию многомиллионную, могущую одним ударом решить судьбу столкновения, мы не можем — ни по финансовым, ни по всяким другим соображениям. Но этого и не нужно.

Особенность нашего Советского государства в том, что мы имеем государственную промышленность, что у нас нет частной собственности. Эти особенности открывают нам, в направлении улучшения обороны, величайшие перспективы. Мы можем сказать, что ни одно буржуазное государство таких возможностей не имеет. Там царствует в производстве частная собственность; там все распылено, все разрознено, и в случае ведения большой войны является необходимым собирание этих разрозненных частичек хозяйственно-экономического аппарата. Надо их сплотить, надо их соединить, надо их организовать. Как показал опыт минувшей империалистической войны, это дело очень сложное, на него ушли целые годы, прежде чем воюющие государства организовали такого рода крепкий тыл.

У нас, товарищи, к нашему счастью, вся эта работа делается в мирных условиях нашего существования, вся эта работа обеспечивается самым характером нашей государственности, нашей экономики, и нужно только эту объективную обстановку дополнить некоторыми усилиями, учитывающими интересы обороны. Нужно повести эту работу так, чтобы, планируя любую область нашего хозяйства, создавая любое наше хозяйственное предприятие, проводя и осуществляя любое культурное мероприятие, наши советские и партийные работники всегда задавали себе вопрос: а как тут надо сделать, чтобы, осуществляя мирные задачи, можно было помогать и делу укрепления нашей обороны? Какую бы область нашей мирной работы мы ни брали, мы всегда можем найти такого рода сочетание условий, которое позволит нам выполнить и ту и другую задачу.

Вот то, что встает перед нами в деле укрепления обороны Советского государства. Мне, как представителю Красной Армии, в день 7-й годовщины Красной Армии хотелось бы, чтобы наши заявления о необходимости укрепления обороны не оказались приуроченными лишь к сегодняшнему дню, а чтобы они претворились в нашу жизнь, в нашу дальнейшую практическую повседневную работу. Если мы, хотя бы на одну десятую, будем делать то, о чем мы сегодня, вероятно, во всех наших городах говорим на торжественных заседаниях, посвященных годовщине Красной Армии, то я могу вас заверить, что дело обороны Советского Союза будет поставлено на самые крепкие, на самые твердые рельсы.

У нас теперь такая обстановка, которая позволяет нам действительно противопоставить себя всему буржуазному миру в целом. Мы имеем колоссальнейшую территорию, мы имеем многочисленное население, мы имеем все данные думать о том, что союз рабочего класса и крестьянства будет и в дальнейшем крепнуть. Исходя из всех этих данных, у нас нет никаких оснований бояться какой-либо вражеской силы. Если бы на нас пошло даже не одно государство, а целый ряд государств, если бы даже им удалось забыть о противоречиях, их разделяющих, если бы им удалось образовать действительно единый антисоветский блок и напасть на нас, то и тогда, товарищи, у нас очень и очень много шансов на то, что это столкновение будет не в их пользу.

Во-первых, мы опираемся на нашу внутреннюю мощь, во-вторых, товарищи, мы имеем сильных союзников и вовне, союзников в лице рабочего класса каждой империалистической страны. Мы имеем союзников в лице сотен миллионов поработанных колониальных народов. Тов. Ленин в своей последней статье «Лучше меньше, да лучше» набросал нам программу нашей международной и внутренней политики. В области внутренней политики он еще и еще раз нам указал на необходимость удешевления нашего советского аппарата, на необходимость укрепления союза рабочего класса и крестьянства, а в области международной политики он призывал готовиться к неизбежным будущим столкновениям, продержаться до того момента, когда внутренние противоре-

чия, раздирающие буржуазно-капиталистический мир, обострятся и когда нам подойдет помощь в лице угнетенных колониальных народов.

Вот то, что завещал нам Ленин. Эти его заветы полностью и целиком подтверждаются всеми фактами и нашей внутренней и нашей международной жизни, имевшими место уже после его смерти. Его завещание мы все обязаны выполнить. Если мы его выполним, если мы всемерно поведем политику мира и в то же время уделим должное внимание вопросам укрепления нашей обороны, то нам не страшны будут никакие грядущие столкновения. Мы не сомневаемся, что нам удастся превратить наш Советский Союз в такого рода крепость, о стены которой разобьются все усилия буржуазного мира. И если настанет решающий момент, то мы убеждены, что победа останется за красными, политыми кровью трудящихся, знаменами.

Что касается Красной Армии, то она приложит всю свою энергию, все свои силы, всю свою мощь, чтобы оправдать доверие рабоче-крестьянского государства и укрепить завоевания Октября.

М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Воениздат, М., 1940 г.

ВНИМАНИЕ ВОЗДУШНОМУ ФЛОТУ

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ДВУХЛЕТИЮ
ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА (ОДВФ), 5 АПРЕЛЯ 1925 г.

Одним из важнейших выводов империалистической войны 1914—1918 гг. является всеобщее убеждение, что в будущих мировых столкновениях если не решающая, то во всяком случае существенная роль будет принадлежать воздухофлоту. В лице всех выдающихся военных авторитетов всего мира воздухофлот в настоящее время имеет самых горячих защитников и сторонников. Очень многие из этих авторитетов доходят до утверждения, что в будущих войнах воздухофлот не только будет играть существенную роль, но, по существу, станет основным, самым главным родом оружия и что воздухофлот будет, таким образом, на будущих театрах военных действий решать исход этих столкновений.

Я лично, товарищи, должен сказать, что при всем своём расположении к воздухофлоту, как важнейшему роду оружия, я все-таки думаю, что такого рода утверждение является, несомненно, преувеличением, и мне кажется, что большую роль в этом преувеличении играют классовые мотивы. Эти мотивы легко усмотреть во всеобщей тенденции, наблюдающейся во всех буржуазных странах, отдавать предпочтение технике. Мы видим, как во всех крупнейших буржуазных странах живой человек начинает уступать место машине, — это не простая случайность, это является отражением тех общественных отношений, которые существуют в буржуазном мире.

Правящие буржуазные группы, по вполне понятным причинам, не могут рассматривать рабочих и крестьян, являющихся главной массой, отображающей вооруженную силу, как надежное политическое орудие. То обострение классовой борьбы, которое имеет место везде и всюду, несомненно, все резче и резче приводит к тому, что эта опора вооруженной мощи каждого буржуазного государства с последующими годами будет становиться все менее и менее надежной. Вот чем, наряду, конечно, и с другими причинами чисто технического порядка, надо объяснить наблюдающийся во всех буржуазных странах, в армиях всех буржуазных стран, уклон в сторону предпочтения живым силам — техники.

Но, товарищи, надо сказать тем не менее, что даже при самой скромной оценке будущей роли воздухофлота его значение все-таки будет решающим, его значение будет на самом деле огромным. Мы можем с полной уверенностью признать, что всякое государство, которое не будет обладать мощным, хорошо организованным, обученным и подготовленным воздухофлотом, неизбежно будет обречено на поражение. Это мнение приобрело сейчас всеобщее признание, и поэтому мы наблюдаем, как последние годы буржуазные страны наперерыв друг перед другом стараются развивать авиатехнику, расширить и укрепить свои воздушные силы.

В этом отношении нам, нашему Советскому Союзу, создавалась несомненная огромная угроза. Это мы уже давно осознали. Как только закончилась наша гражданская война, сейчас же у нас стали раздаваться голоса о необходимости широ-

кого развития наших воздушных сил. Два года тому назад по лицу Советской земли пронесся клич: «Строй советский воздушный флот!», и мы видим, что этот клич встретил самый сочувственный отклик в миллионах трудящихся Советского Союза. Те цифры и те факты, которые сейчас перед вами были оглашены начальником нашего Воздушного военного флота и заместителем председателя ОДВФ т. Барановым, говорят о том, что в этом направлении мы уже имеем довольно значительные успехи.

Из этих справок вы видите, что во всех областях деятельности, которую развернуло ОДВФ, уже имеются значительные достижения. Я могу пополнить указания и справки, данные т. Барановым, еще целым рядом дополнительных сведений. Он забыл, например, упомянуть о том, что за последний год мы стали уже выходить за границы нашей Советской земли, — он забыл упомянуть о наших успехах в идущих с нами государствах Востока.

Эти факты свидетельствуют о том, что наша работа, и в частности работа ОДВФ, уже имеет большие достижения. Эти достижения уже сказываются достаточно сильно в успехах нашей авиационной промышленности. В отношении самолетостроения я могу сообщить, что в настоящее время мы совершенно освободились от зависимости от заграницы. В 1922 г. мы покупали за границей 90% наших самолетов, в 1923 г. — около 50%, а в 1925 г. вся наша потребность в самолетах уже полностью удовлетворяется исключительно нашей отечественной авиапромышленностью.

Это крупный успех, товарищи, но его значение все-таки не следует переоценивать, не следует потому, что задача организации самолетостроения в общем деле развития воздухофлота является наиболее легкой. Самолет, если уже разработана определенная конструкция, построить нетрудно. Самолет можно строить в любой крупной столярной мастерской, дополняя ее соответствующим оборудованием.

Гораздо сложнее и труднее дело обстоит с моторостроением. Но и в этой части мы успех имеем. Нами сконструирован наш советский мотор. Этот мотор выдержал испытание, и теперь мы уже налаживаем его массовое производство.

Это завоевание, уже более существенное, гораздо более серьезное, ибо из тех справок, которые я вам сейчас дам, вы увидите, что в отношении моторов, являющихся основой воздухофлота, мы еще продолжаем очень сильно зависеть от заграничного рынка. В прошлом году мы на наших отечественных заводах производили моторы только в размере 9%, и притом моторы, нас не вполне удовлетворяющие. Все остальное мы покупали за границей. В настоящем году мы и здесь имеем некоторые успехи, правда, не в выполнении прошлых заказов, но в росте цифры заказов в счет производства на будущий год.

В прошлом году мы давали своим заводам 20% из общей суммы наших заказов, в этом году на новый производственный год мы даем своим заводам уже 30%. Как вы видите, некоторые достижения, хотя еще и довольно скромные, мы и в этой области имеем. Это мы должны считать только начальным успехом. Значение этого успеха, повторяю, не следует переоценивать, ибо перед нами в дальнейшем будут еще колоссальные трудности, преодолеть которые возможно лишь путем напряжения всех наших сил, как государственных, так и общественно-организованных.

Основой широкого развития моторостроения является развитие металлургической промышленности. До сих пор в этом отношении у нас дело обстоит не совсем благополучно. Только в последнее время мы в этой области нашего хозяйства наблюдаем определенный сдвиг, и сильный сдвиг к лучшему. Этот сдвиг проявляется все резче и резче с каждым последующим месяцем, и это уже намечает твердую и прочную базу для настоящего, хорошо поставленного, хорошо организованного советского моторостроения.

Здесь перед ОДВФ разворачивается чрезвычайно благодарная, хотя и сложная задача — задача привлечения к делу моторостроения тех технических сил, которыми располагает наш Советский Союз. Уже за предшествующее время ОДВФ сделало немало в этом направлении, но это сделанное представляет собою еще малую часть того, что еще надлежит сделать. Нужно помнить, что в случае мобилизации, войны, в случае военных действий наши потребности как в самолетах

тах, так и в моторах будут огромны. И для учета их надо исходить не из той потребности, какую предъявляет наш Красный воздушный флот в данный момент, а надо исходить из тех требований, которые выявляются в военное время. Вы знаете по опыту прошлой войны, насколько эти потребности чудовищно велики.

Стало быть, задача организации моторостроения должна быть рассчитана на очень широкий размер, на широкий охват. Мы уже имеем организованный трест, ставящий себе определенные цели развития авиационной отечественной промышленности. Но в пределах этого треста нам вряд ли удастся полностью и целиком разрешить проблему моторостроения так, как она должна быть поставлена и разрешена. Несомненно, что сделать это можно, только опираясь на всю нашу тяжелую промышленность, и здесь нашим техникам, нашим инженерам, нашим организаторам нужно будет идти теми путями, которыми идут на Западе, и особенно в Америке, — идти путем установки производства не полностью в одном месте, в одном предприятии, а путем распределения, рассредоточения его по отдельным предприятиям, по отдельным заводам. То предприятие, которое дает уже комплектную машину, должно заниматься лишь сборкой отдельных частей, приготовленных в разных местах. Так мы и должны будем ставить дело и так подходить к вопросу организации моторостроения в необходимых для нас размерах.

Помимо этой работы — содействие самолето- и моторостроению, — ОДВФ преследовало и другие задачи: задачу культурной обработки нашего населения, задачу ликвидации неграмотности в авиационном деле и задачу подготовки тех элементов, опираясь на которые наш воздушный флот, и военный и гражданский, мог бы широко развернуть свои красные крылья. Каждый из вас понимает и знает, что воздухофлот является чрезвычайно сложным и сугубо техническим делом. Здесь вопрос не ограничивается только самолетами и моторами. Здесь мы имеем перед собой целый ряд других технических элементов. Хорошо сработанные, хорошо оборудованные самолеты, и особенно военные самолеты, обладают целым рядом технических установок: там имеется радиосвязь, там

имеются аппараты для фотографирования, аппараты для управления, наконец, аппараты, служащие для специальных боевых целей. Все это придает воздушному флоту сугубо технический характер, и все это требует от обслуживающего состава огромной технической и культурной подготовки.

В случае военных осложнений потребность наша в обученном и подготовленном летном составе и в составе вспомогательном, который подготавливает самолет к действию и его обслуживает, будет огромна; одними своими силами и средствами воздушный флот с этой задачей, разумеется, справиться не сможет, и в этой части перед ОДВФ, при его культурной работе среди населения, разворачиваются задачи колоссального значения. Надо добиться возможности развернуть широкую работу по внедрению в сознание рабочих масс хотя бы первичных элементов авиационной культуры. Особенно это важно для наших промышленных предприятий, для наших крупных механических заводов. Таким путем могут быть подготовлены широкие кадры работников, опираясь на которые наш воздушный флот сумеет разрешить свои — и гражданские и военные — задачи.

Кроме работы по ликвидации авиационной неграмотности, перед ОДВФ разворачиваются и другие задачи. Я имею в виду здесь работу над широким развитием авиаспорта среди городского и сельского населения. Из приведенных ранее справок видно, что в этой части кое-что уже сделано. Имеются сотни спортивных кружков, создано большое количество авиауголков. Но все это является еще ничтожным в сравнении с теми задачами, которые еще впереди. Эту работу по усилению спортивной деятельности и связи с воздушным флотом надо еще во много раз расширить и в то же время надо ее углубить.

Первые наши выступления на поприще авиаспорта являются залогом и дают нам уверенность в том, что в дальнейшие годы мы будем и тут иметь огромные достижения, — вспомните те успехи, которые уже показали наши планерные состязания в Феодосии в прошлом и позапрошлом годах. Несмотря на отсутствие у нас какого-либо опыта в этой области, мы сразу же стали приближаться к мировым рекордам как в

отношении высоты, так и продолжительности полетов. Я уверен, что испытания текущего года и последующих годов дадут еще более мощный толчок этому делу, привлекут еще более широкие массы нашей рабоче-крестьянской молодежи к воздушному спорту и тем самым еще в большей степени обеспечат нам многочисленные кадры любителей авиационного дела, а стало быть, обеспечат и нашу потребность в будущих военных работниках. Таковы общие задачи, которые, по моему мнению, стоят сейчас перед ОДВФ. Перечень их я дополнил бы еще одним указанием на самый характер работы нашего общества.

Предыдущий период деятельности общества носил по преимуществу пропагандистско-агитационный характер, — тогда приходилось еще только раскачивать массы, и раскачивать самым примитивным образом. Работа производилась вширь, и свои результаты она дала. Благодаря этой работе уже создана сейчас атмосфера всеобщего внимания, сочувствия и активной поддержки делу строительства воздушного флота. В этой части основные задачи, поставленные нашему обществу, разрешены. Но эта работа не может считаться прочной, она еще носит черновой характер; ее необходимо углубить, необходимо поставить дело так, чтобы все те миллионы членов, о которых сегодня нам говорили, стали действительно активными, настоящими членами ОДВФ. Сейчас в огромном большинстве случаев их участие в работе общества ограничивается уплатой членских взносов и, может быть, иногда посещением той или иной лекции, устраиваемой приезжим или местным оратором.

Этого для нас мало. Этого рода деятельность нас ни в малейшей степени удовлетворить не может, и такая работа не может считаться прочной. Общество обязано во что бы то ни стало углубить свою работу, поставить ее так, чтобы каждый член при непосредственной практической работе принял участие в творчестве. И если первый период был периодом агитации и пропаганды, то наступающий период в жизни внутри общества должен стать периодом творчества, творческой работы, живой, непосредственной, активной работы всех его членов. Только такой подход обеспечит нам дальнейшие

успехи общества; этот подход обеспечит нам выполнение всех тех задач, которые ставит себе наше общество.

Когда мы создавали ОДВФ, мы считались с международной обстановкой. Вы помните, между прочим, что особенно мощный толчок к развитию ОДВФ был дан предъявленным нам английским правительством ультиматумом. Вы знаете, что сейчас в нашем воздушном флоте, как следствие этого ультиматума, имеется эскадрилья, носящая это название⁶⁹.

Товарищи, мне кажется, что та международная обстановка, в которой живет сейчас Советский Союз, должна заставить нас всех, и в частности наше ОДВФ, продолжать работу с не меньшим нажимом, с не меньшей энергией, чем это было два года тому назад. В самом деле, те сообщения, которые к нам поступают из сопредельных с нами и отдаленных от нас буржуазных стран, говорят о том, что Советский Союз находится перед постоянной внешней опасностью. Достаточно взять хотя бы самые последние известия, чтобы у каждого из нас создалась очень точная и яркая картина того, что Советский Союз продолжает жить под угрозой такой опасности. Возьмите хотя бы известие о последнем совещании представителей генштабов наших ближайших соседей, имевшем место в столице Латвии Риге. Этот факт должен быть каждым из нас расценен надлежащим образом.

Конечно, из этого отнюдь нельзя делать вывод, что в ближайшем будущем Советский Союз станет перед фактом открытого вооруженного нападения, — я далек от этой мысли, я думаю, что такая опасность нам в близком будущем не угрожает; она не угрожает не потому, что правящие буржуазные круги питают к нам особенно благосклонное чувство, а просто потому, что они не в состоянии сейчас организовать нападение на нас. Положение внутри каждой буржуазной страны настолько неустойчиво и настолько шатко, настолько отсутствует у буржуазных правительств уверенность в своем положении, что трудно ожидать в ближайшем будущем организации открытого нападения на нас.

Но в то же время и недооценивать эти факты нельзя. Стоит вспомнить маленький факт из эпохи, предшествовавшей империалистической войне, чтобы понять, насколько эти со-

вещания представителей генеральных штабов могут привести к серьезным последствиям. Я вспоминаю историю военного сотрудничества между Англией и Францией в эпоху перед империалистической войной. Никакого формального союза между Англией и Францией не было, но штабы начали совместную дружественную работу. И вот, когда Германия объявляет войну Франции и когда положение обсуждается в английском парламенте, встает министр иностранных дел лорд Грэй и заявляет: «Ваша воля решать вопрос: воевать или не воевать с Германией. Но, по существу, мы уже ангажировались, наш генеральный штаб с французским штабом работу уже проделал, соответствующий план выработан, и мы не можем идти на попятный».

То же самое может получиться из тех совещаний, которые сейчас происходят недалеко от нашего Советского рубежа; точно так же в один прекрасный день может из этих разговоров получиться организованное совместное выступление против Советского Союза. К этой опасности мы с вами должны быть готовы. Было бы глупо, было бы непростительно для нас, было бы предательством по отношению к интересам нашей революции, к интересам рабочего класса и крестьянства Советского Союза, если бы мы пренебрегли этими фактами и не сделали из них соответствующих выводов.

Вы помните и другой факт из области международных отношений — факт убийства двух коммунистов, Вечорковича и Багинского, у самой советской границы в тот момент, когда они, согласно договору нашего правительства с правительством Польской республики, должны были вступить на советскую землю. Я не думаю, что это убийство организовано польским правительством. Несомненно, если бы польское правительство хотело это сделать, оно нашло бы более удобный путь и создало бы более удобную обстановку для этой цели. Но факт остается фактом. Убийство совершено представителем, агентом официальной польской государственной власти, хотя и небольшим. И несомненным фактом является то, что этот убийца, физическое лицо, совершившее преступление, никогда не совершил бы его, если бы не чувствовал за собой поддержки каких-то сильных официальных кругов. Это несомненно, и этого никто не сумеет оспорить⁷⁰.

О чем же свидетельствуют эти факты? Они говорят о том, что положение дел у наших ближайших соседей, в Польской республике, отнюдь не является таким, чтобы могло позволить нам уделять военному делу второстепенное внимание.

Мы знаем, что там на страницах буржуазной прессы развертывается самая яростная агитация по нашему адресу. Мы знаем, что на этой почве может создаться такая обстановка, которая еще более будет обострять конфликты всякого рода. Вот почему внимание к делу обороны страны и внимание к нашему воздушному флоту, как одному из главных элементов этой обороны, должно не только не ослабевать, но еще более расширяться и углубляться.

Таким образом, задача нашего внутреннего порядка — это расширение и развитие нашей отечественной советской культуры, развитие нашей техники, и задача международного порядка — необходимость укреплять дело обороны Советского Союза. Все это ведет к тому, чтобы ОДВФ еще с большей энергией и большим нажимом продолжало осуществлять свои задачи. И мы в настоящий день, день, посвященный двухлетней годовщине существования и работы ОДВФ, можем пожелать ему дальнейшей успешной работы; мы можем пожелать ему дальнейшего процветания, и вместе с ним, с этим обществом, мы можем и должны обратиться к рабочему классу и крестьянству Советского Союза с громким призывом:

Товарищи, будьте на-чеку!

Товарищи, работайте над укреплением военной мощи рабоче-крестьянского государства!

Товарищи, стройте и укрепляйте советские красные крылья, одно из главных средств обеспечения обороноспособности нашего Союза!

М. В. Ф р у н з е, Избранные произведения. Военгиздат, М., 1940 г.

ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ КОННИЦЫ

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ СОВЕЩАНИЯ КАВАЛЕРИЙСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ РККА
7 АПРЕЛЯ 1925 г.

Товарищи, позвольте мне прежде всего обратиться с приветом к вашему съезду и пожелать ему успеха в той работе, которая ему предстоит. Несмотря на то, что мы уже пять лет

живем и работаем в относительно мирных условиях, мы с вами не можем похвастаться тем, что все вопросы нашего военного строительства мы разрешили. Это относится ко всем родам оружия и, в частности, к вам — красным конникам. Это, разумеется, объясняется не только недочетами в нашей работе, нашей неподготовленностью, хотя, вероятно, некоторую роль играет и это обстоятельство. Но решающее, разумеется, не в этом. Об этом достаточно ярко говорит нам тот факт, что во всех других, иностранных армиях, в армиях буржуазных государств, точно так же полной точности, ясности и определенности в вопросе военного строительства не существует.

Возьмем хотя бы ваш род оружия. Здесь мы почти во всех крупных буржуазных государствах наблюдаем картину движения ощупью, попытки найти новые организационные формы, новые тактические методы, и ничего законченного пока еще нет. В чем же тут заключается главная причина, которая создает такое положение? Я ее вижу в том глубоком перевороте, который во всех областях военного дела создан в результате опыта империалистической войны. Империалистическая война перевернула вверх дном многие из старых положений стратегии и тактики, многое представилось совершенно в новом свете, и это обстоятельство играет главную роль в том, что сейчас военная мысль в любой стране только что нащупывает те пути, по которым должно идти военное строительство.

Вашему съезду придется обсудить и разрешить всю совокупность вопросов, связанных со строительством Красной конницы и с ее боевой подготовкой. Мы должны признать, что в этом отношении у нас многое остается недостаточно ясным, должны признать, что целый ряд вопросов надлежащего разрешения еще не получил, и я думаю, что, вероятно, даже в результате работы вашего съезда мы окончательных итогов нашего кавалерийского опыта подвести не сумеем. Но все же мне думается, что тот довольно длительный опыт мирной работы, который мы проделали, тот успех теоретической подготовки, который точно так же наша Красная Армия вместе с Красной конницей имела за последний год, дает нам право предполагать, что в результате нашего совещания мы полу-

чим нечто определенное, такое, что позволит нам в дальнейшем вести нашу работу не ощупью. Сейчас, перед началом работы вашего съезда, мне хочется сделать некоторые замечания в отношении тех вопросов, которые я считаю наиболее существенными в деле строительства Красной Армии, в частности — Красной конницы.

Самый крупный и серьезный вопрос, на котором вам придется остановить ваше внимание, — это вопрос организационный. Вам придется в рамках того общего перспективного плана, который был утвержден последним пленумом РВС СССР, наметить более детальную картину его осуществления, наметить конкретные формы организации конницы. Здесь вам прежде всего придется столкнуться с вопросом о формах наших кавалерийских соединений. По тому предварительному обмену мнений, который имел место у нас, намечается довольно серьезная ломка, намечается разрыв старых традиционных взглядов на организационные формы кавалерии. Намечается реорганизация довольно существенная, и вам придется очень тщательно и основательно продумать и проработать все то, что с этим связано. Мне кажется, что, несмотря на все возражения, на все оговорки, которые могут возникнуть и возникают, вероятно, у многих из вас в связи с этой задачей, все-таки в основном тот путь, который выковывается, является правильным.

Какие, по моему мнению, данные заставляют нас сейчас этот вопрос поставить перед собой? Эти данные мы должны связывать с вопросом о тех боевых задачах, которые встанут перед нашей Красной конницей в момент мобилизации. Мы должны будем иметь довольно большое время для того, чтобы изготовиться к ведению войны. Наша дислокация, наше пространство, слабость путей сообщения и целый ряд других причин заставляют нас сделать тот вывод, что нам надо будет выиграть довольно большой промежуток времени, чтобы изготовиться к войне. Характер наших действий в этот период может быть различным. Он может быть и оборонительным, он может быть и наступательным. Это — дело будущего, дело обстановки и зависит от того, как мы решим использовать армию прикрытия. Во всяком случае, ясно, что на Красную

конницу выпадает чрезвычайно ответственная роль в обеспечении нашего мобилизационного развертывания и самого проведения мобилизации.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на теперешнее состояние нашей Красной конницы, то мы должны сказать, что положение является абсолютно нетерпимым.

Та организация, которая у нас существует, является, по моему мнению, в значительной степени отзвуком минувшей гражданской войны. Что было характерно для гражданской войны? Характерно то, что мы нашу организацию пехоты и конницы строили в процессе самой борьбы. У нас не было времени перед началом гражданской войны создавать и прорабатывать организацию. Мы вооружались и в то же время занимались формированием. В будущей войне, которую нам придется вести, особенно на первых этапах ее, нам надо будет исходить из другой предпосылки. В лице конницы мы должны иметь в своих руках такое оружие ведения войны, которое действовало бы успешно с первого момента ее объявления. Вот почему нам нельзя ограничиться наличием одних лишь штабов, а по возможности иметь все то количество бойцов, которое отвечало бы потребностям военного времени. Это — одно соображение.

Другое соображение заключается в тех требованиях, какие условия современного боя предъявляют к нашей коннице. Конница должна вести бой не только в конном, но и в пешем строю. Из опыта нашей гражданской войны и из опыта империалистической войны совершенно ясно вытекают такие перспективы для Красной кавалерии. Хотя мы все убеждены в том, что будущая война будет носить маневренный характер, вместе с тем это отнюдь не исключает необходимости и неизбежности стабилизации фронтов в целом ряде пунктов и районов на более или менее длительный промежуток времени, т. е. образования участков, сильно укрепленных. Это необходимо предусмотреть при боевом обучении Красной конницы для того, чтобы она не оказалась бессильной выполнить свое боевое назначение.

В частности, наши наставления и последний кавалерийский устав исходят именно из этого.

Но та организация конницы, которая сейчас существует, если мы с ней выступим в бой, совершенно не отвечает времени. Какую же войну может вести, например, полк трехэскадронного состава с тем оружием, которое имеется? Если мы выбросим из состава части коноводов, то окажется, что пехотной единицы, достаточной для боя, не получится. Теперешняя полковая организация не приспособлена для ведения войны в спешном порядке. Отсюда совершенно необходимо вытекает задача построения такого полка, такой основной тактической единицы, которая могла бы удовлетворять всем требованиям современного боя. Как это можно создать? Идя по пути увеличения количества бойцов, расширяя эскадроны, расширяя полки по числу эскадронов. Только таким путем мы получим тактическую единицу, удовлетворяющую этой задаче.

И, наконец, третье соображение. В условиях той будущей войны, которая рисуется нашей мысли, нашему воображению, для того чтобы конница могла себя чувствовать крепче и тверже, для того чтобы она приобрела свободу маневра, необходимо, чтобы она в своем распоряжении имела постоянно приданные ей части, которые могли бы защищать слабые ее места от противника, усиливать действительное сопротивление конницы. В иностранных государствах, в Англии и во Франции, к этому идут путем придания кавалерии очень сильных технических единиц. Части там движутся на бронированных автомобилях с гусеничным ходом, движутся на автобусах, на танках, и такого рода части дают опору для конницы. Условия нашей техники не таковы, чтобы мы могли рассчитывать таким путем разрешить поставленную задачу. Мы сейчас очень большое внимание уделяем нашей военной промышленности и промышленности общегосударственной. Мы рассчитываем, что это усиленное внимание даст нам необходимые результаты.

Но в настоящее время придаваемые нашей Красной коннице части мы мыслим пока что не в виде сильной, мощной организации, движущейся на автомобилях с гусеничным ходом, а на повозках типа нашей знаменитой тачанки. Такие задачи для нас разрешимы и под силу. Вот третий момент, который определяет характер той войсковой организации, какую мы должны с вами рассмотреть. Повторяю, что здесь

вам придется очень многое продумать. Ваше дело взвесить все и, в конце концов, наметить то решение, которое вы, на основании своего опыта, считаете наиболее целесообразным и с которым мы будем считаться самым серьезным образом. Разрешая эту задачу, товарищи, вы должны будете считаться с теми ограничениями, какие вам кладутся, а именно считаться с количеством едоков, которыми мы располагаем, и количеством финансовых ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении.

В этом отношении я считаю, что в дальнейшем обстановка у нас будет несколько улучшаться. Я думаю, что за счет всяких комбинаций, всяких перегруппировок, за счет некоторых наших частей, например караульных войск, ибо мы обслуживаем до сих пор гражданские учреждения, склады и заводы, нам удастся освободить некоторое количество едоков для строевых частей. Нужно сказать про всю нашу Красную Армию, что она обходится стране довольно дорого. Вам это покажется странным, ибо вы знаете, насколько, по существу, нищенским еще является положение Красной Армии, ее политического и командного состава. Тем не менее факт остается фактом. Наша армия является не такой дешевой армией. Это объясняется в значительной степени тем, что самая структура нашей армии удорожает ее. Самый большой расход нашего военного бюджета падает на заработную плату. Последняя в большей своей части слагается из зарплаты командного и политического состава. Мы должны сказать, что наша армия, хотя она в два с половиной раза меньше царской армии, в отношении комсостава — не меньше. Это понятно и прежде всего связано с тем, что у нас идет почти по всей линии удвоение. В силу специфического характера нашей армии мы имеем политический аппарат, имеем комиссарский состав, что сильно увеличивает общее количество комсостава. Во всяком случае, нужно сказать, что этот характер в основном будет у нас сохраняться и впредь. Мы не можем отказаться от того, чтобы и впредь углублять и расширять нашу политическую работу. Мы считаем политическую работу таким же родом оружия, как нашу артиллерию, конницу и пехоту. В ходе гражданской войны этот род оружия, может быть, будет порой более решительным, чем всякое оружие другого рода. Вот почему

в основном мы сохраняем этот характер. Может быть, нам удастся сделать некоторые сбережения при переходе к единоначалию, но в основном организация остается такой же, и наша армия будет не дешевой армией. В связи с этим нам следует весьма и весьма осторожно относиться ко всяким добавочным, дополнительным расходам, и вопрос организационный нам нужно будет обсуждать под этим углом зрения. Надо будет тщательно рассмотреть существующую войсковую организацию, нужно будет рассмотреть каждого отдельного работника, нельзя ли нам путем некоторых перегруппировок, путем отказа от того, что не является настоящей необходимостью, добиться некоторых сбережений.

В числе других вопросов, которые я считаю чрезвычайно важными в деле нашего строительства, имеется вопрос территориальных формирований. Для вас, как красных конников, этот вопрос пока не имеет большого значения, ибо в области территориального строительства кавалерийские части имели лишь небольшой опыт. Но, товарищи, вы вероятно, знаете, что тот план нашего военного строительства, который мы наметили, включает развертывание ряда кавалерийских территориальных частей. Я хотел бы, чтобы наш съезд, несмотря на то, что территориальные формирования в деле строительства Красной конницы занимают еще очень маленькое место, посвятил этому вопросу достаточно большое внимание, разобрал его, особенно разобрал с точки зрения политической, и наметил сеть практических мероприятий, которые обеспечили бы разрешение территориально-милиционного строительства в отношении Красной конницы.

М. В. Ф р у н з е, Избранные произведения. Воениздат, М., 1940 г.

НАШЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЗАДАЧИ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА

ДОКЛАД НА I ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
СССР 22 МАЯ 1925 г.

Товарищи, вопросы деятельности Военно-научного общества подверглись длительной и разносторонней дискуссии как на страницах нашей военной прессы, так и на ряде окружных и местных совещаний и съездов. В процессе этой дискуссии

многие вопросы, которые нам казались прежде неясными, неопределенными и противоречивыми, сейчас получили достаточно полное и ясное освещение. С другой стороны, по ряду вопросов, по которым среди военных работников имелись разногласия, теперь, благодаря той же дискуссии, мы точно так же достигли достаточно полного взаимного понимания и единомыслия. Этим перед нами открываются широкие пути для живой практической деятельности.

Каковы же эти пути? Каким потребностям, каким запросам обороны должна отвечать деятельность ВНО? Насколько важны эти потребности, и стало быть, насколько важна и необходима и сама работа ВНО? Иначе говоря, какую роль, какое место в системе нашей обороны должно занимать наше Общество?

Если мы попробуем подойти к ответу на этот вопрос на основании предшествующего опыта работы ВНО, то увидим, что основное направление этой работы уже определилось на практике и определилось именно так, как этого требуют интересы нашей обороны.

При создании первых военно-научных обществ, или, вернее, кружков, мы шли навстречу удовлетворению двух основных жгучих потребностей Красной Армии: во-первых, необходимости осмыслить опыт только что минувшей гражданской войны и предшествовавшей ей войны империалистической; во-вторых, облегчить работу по переподготовке и подъему на большую высоту военно-образовательного уровня нашего командного состава.

Вот задачи, необходимость которых была понятна и ясна для всех и каждого и которые требовали немедленного и безотлагательного разрешения. В этих направлениях и стала работать наша военно-научная мысль.

Вы помните, что в развитии этой своей деятельности наши военно-научные общества на первых порах встретили немало препятствий. Препятствия эти заключались, прежде всего, в тяжелых объективных условиях армейской работы, в неустойчивости положения Красной Армии, неурегулированности ряда основных вопросов ее организации, быта и пр. С другой же стороны, деятельность военно-научных обществ упер-

лась в факт больших разномыслий по многим основным вопросам нашего военного строительства и самого характера деятельности Общества. Это разномыслие приобрело особую остроту, между прочим, потому, что стояло в известной связи с социальными группировками в среде нашего командного состава и получило, таким образом, поддержку за счет определенных групповых интересов.

Часть комсостава, которую мы получили в наследство от старой царской армии, склонна была недооценивать опыт гражданской войны, идти по линии взглядов, сформировавшихся еще в недрах старой царской армии, и в подтверждение этих взглядов проявляла склонность базироваться, главным образом, на опыте империалистической и других войн национального характера.

С другой стороны, другая часть наших военных работников, воспитавшаяся и выросшая в недрах самой Красной Армии, связанная социально и политически с рабочим классом и крестьянством, шла иными путями. В противоположность первой группе она склонна была переоценивать опыт гражданской войны, выдвигала на первое место необходимость изучения именно ее опыта и связанных с этим опытом проблем.

В настоящее время, оглядываясь назад, мы можем сказать, что объективная истина в конечном счете была на стороне второй группы, а не первой. При всех своих увлечениях, ошибках и заблуждениях, порой довольно серьезных, эта группа в основном взяла линию безусловно правильную и стоявшую в большем соответствии с интересами страны, с интересами нашего военного строительства. Теперь это очевидно для всех и нужно даже пожалеть о том, что та военно-научная работа, которая стала разворачиваться сейчас же после ликвидации гражданских фронтов, не получила своевременно достаточно полного и широкого размаха. Так, например, мы, несомненно, по этой причине запоздали с разработкой целого ряда вопросов, связанных с теорией гражданской войны. Разработка их имеет отнюдь не только теоретический интерес, но и непосредственно практическое значение как для нашего Советского Союза, так и для революционно-пролетарского движения вообще.

Мы видели и на опыте германских событий 1923 г. и ряда событий, падающих на 1924 г.¹¹, как нуждались наши иностранные товарищи в теоретических и практических уроках нашего опыта. И развитие революционной классовой борьбы в международном масштабе и характер будущих, ожидающих нас столкновений — все это придает особый интерес изучению этого опыта и диктует необходимость скорейшей его обработки.

Другое направление военно-научной деятельности, шедшее по линии поднятия военно-образовательного уровня комсостава, являлось в не меньшей степени жгучим и настоятельным. К 1921 г. огромное большинство нашего комсостава не обладало почти никакой военно-теоретической подготовкой. Процент не имевших военного образования у нас был чрезвычайно высок. Он составлял почти три четверти всего нашего комсостава. Поэтому эта сторона деятельности военно-научных обществ должна была найти и нашла самый широкий отклик в рядах нашего комсостава.

Это движение хотя и шло чисто практическим путем, не исходя из какой-либо предвзятой или разработанной системы представлений о характере нашей обороны, тем не менее в самых существенных пунктах вполне совпадало с требованиями этой последней. Теперь, когда за время пятилетнего промежутка после ликвидации гражданской войны мы получили возможность подвести некоторые итоги нашей практической работы и несколько осмыслить и уточнить наше понимание характера и задач военного строительства, мы видим, что это соответствие имеет место в полном объеме. В самом деле, на чем строится система обороны нашего Союза?

Она строится на трех основных моментах: во-первых, на ясном и точном представлении о характере будущей войны; во-вторых, на правильном и точном учете тех сил и тех средств, которыми будут располагать наши возможные противники; в-третьих, на таком же учете наших собственных ресурсов.

Каков же характер будущей войны?

Та работа, которая проделана нашими ВНО и вообще нашей военной научно-теоретической мыслью, уже сейчас дает

достаточно данных для того, чтобы на этот вопрос дать довольно исчерпывающий ответ. Первым элементом, который определяет собой характер будущей войны, той войны, которую будет вынужден вести СССР, является ее особая социально-классовая природа. Та война, которую мы будем вести, не будет являться войной национальной⁷². Она будет революционно-классовой войной. Это означает, что наша армия будет драться не за интересы нации, взятой в целом, будет драться не за то, чтобы захватить, посягнуть на достояние какого-нибудь другого народа, а за то, чтобы обеспечить завоевания нашей революции от покушений внутренних и внешних классовых врагов пролетариата. Этот момент отражается на всем нашем строительстве. Именно он определяет классовый рабоче-крестьянский характер нашей армии. Он пронизывает всю систему нашей организации, находит свое отражение в методах обучения и воспитания армии и в целом ряде других практических выводов.

Другим моментом, характерным для будущей войны, я считаю ее всеобъемлющий решающий характер. Это не будет столкновение из-за пустяков, могущее найти быстрее разрешение. Нет, это будет война двух различных, исключаящих друг друга общественно-политических и экономических систем. Откуда это вытекает? Из той же классовой природы нашего государства.

Наше государство организовано и политически и экономически совершенно на иных началах, чем окружающий нас буржуазный мир. В основе нашей экономической и политической организации и организации буржуазных государств лежит глубокое, непримиримое противоречие, и это противоречие, раз оно начнет разрешаться военными методами, приведет к острому, глубокому и, по всей вероятности, затяжному столкновению. Последний момент связан с тем, что, во-первых, мы, сам наш Союз, представляем довольно серьезную величину как с точки зрения численности населения, так и с точки зрения экономических ресурсов, а, с другой стороны, мы будем иметь против себя весь или значительную часть буржуазно-капиталистического мира, который в свою очередь может выставить против нас огромные силы. Вот почему, ко-

гда дело дойдет до серьезного столкновения, то вряд ли оно сможет окончиться в короткий промежуток времени нанесением сокрушительного удара.

Третий момент, влияющий решающим образом на характер будущей войны, — это момент технический.

Опыт империалистической войны показал, какую громадную роль будет играть техника на полях сражений. С развитием авиации, химии, радио и пр. открываются в этом отношении самые широкие перспективы. Нам в данный момент трудно даже представить, с чем армии наиболее ушедших вперед по пути технического развития буржуазных стран выйдут на поля будущих битв. Наверное, то оружие, которым они будут обладать, во многом будет значительно отличаться от того, что мы видели в ходе империалистической войны. Война будущего в значительной мере, если не целиком, будет войной машин. Этот факт предъявляет к нам опять-таки целый ряд требований.

Наконец, четвертый момент, который, по моему мнению, будет характерным для будущей войны, — это момент массовости. Я считаю, что раз дело будет идти о разрешении серьезного конфликта, то на сцену будут выброшены все те силы, которыми располагают враждующие стороны. По крайней мере для нас нельзя представить себе будущего столкновения так, что мы его сможем решить небольшими вооруженными силами, не затрагивая широких масс населения и не вовлекая в дело всех ресурсов, которыми обладает государство. Я говорю «по крайней мере для нас», ибо для буржуазных армий допускаю, что факт обострения внутриклассовой борьбы может заставить их идти не путем вооружения масс всего населения, а путем ставки на технику. Признаки этого мы можем наблюдать уже сейчас. Но даже и при этом условии они вместе выставят такие силы, бороться с которыми мы сможем, лишь выдвигая на сцену вооруженную массу.

Вот, товарищи, четыре основных момента, которые, по моему мнению, заставляют нас прийти к определенным выводам относительно характера будущей войны, которую нам с вами придется вести.

В какое же отношение с этим характером войны нам нужно поставить работу нашего ВНО? Какие практические выводы мы должны сделать отсюда в отношении его целей, задач и характера его деятельности?

Если мы остановимся на первом моменте, на моменте классово-революционного характера будущей войны, то нетрудно увидеть, что для деятельности нашего Общества он выдвигает целый ряд практических задач.

Одной из мер, которая должна обеспечить успех Красной Армии в будущем столкновении, является работа по соответствующей политической обработке нашего населения. Эта работа, ее характер, направление и содержание определяются как раз этим революционно-классовым характером будущей войны. Наше ВНО обязано будет повести свою работу так, чтобы для всех самых широких и самых отсталых слоев нашего населения было ясно, что мы ведем оборонительную, законную, справедливую войну, что эта война будет вестись за самые насущные интересы наших трудящихся, что она — не для завоевания, не для порабощения, а для защиты наших завоеваний и для обеспечения нашего мирного труда. Работа пропаганды и внутри армии и вне ее — работа политического воспитания, укрепления нашего тыла в психологическом отношении — должна будет идти, исходя именно из этой оценки характера будущей войны. На этом же должна строиться научно-исследовательская работа ВНО.

Если мы возьмем другой момент — момент ее решающего характера, то опять должны будем сделать и отсюда ряд практических выводов для нашего Общества. Первым и самым важным из них является проведение большой разъяснительной работы по части необходимости заблаговременной подготовки и организации тыла. Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том, что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом, что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что война будет войной смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всесторонняя и тщательная подготовка еще в мирное время. Надо, чтобы все у нас хорошенько продумали и отчетливо

осознали значение того факта, что СССР продолжает оставаться осажденной крепостью. Нам нужно будет разъяснять — и не только разъяснять, а и закрепить практической работой нашего Общества — эти выводы. Нам нужно будет следить за работой соответствующих хозяйственных, культурно-просветительных, спортивных и всяких иных организаций, принимая живое, органическое участие в их работе, прививая руководителям их правильное понимание характера будущей войны и тех требований, какие вытекают из этого в отношении работы этих организаций.

Параллельно с этим нужно вести работу и по воспитанию, по закреплению тех чувств, тех настроений, которые будут определять собою крепость нашего тыла.

Теперешний глава Германской республики, фельдмаршал Гинденбург, в разговоре о вероятном исходе империалистической войны сказал как-то, что «в войне этой победит тот, у кого окажутся крепче нервы»; это правильная оценка и верная мысль. Но крепость нервов определяется крепостью тыла вообще и в первую очередь — устойчивостью его экономики. Поэтому мы и должны будем повести свою работу так, чтобы наш будущий тыл в области как экономики, так и моральной устойчивости был застрахован от всяких случайных потрясений и бурь.

С третьим моментом — моментом техническим — для нашего Военно-научного общества точно так же связан целый ряд практических задач.

Первой из этих задач является работа по укреплению технической мощи нашей армии. Вам всем известно, что наиболее уязвимое наше место лежит здесь, и наша задача — поставить и повести работу так, чтобы этот наш недостаток в ближайшие же годы был если не устранен полностью, то всемерно уменьшен. Как этого добиться? Во-первых, соответствующей пропагандой. Везде и всюду в работе наших военно-научных организаций мы должны освещать роль и значение техники, технических усовершенствований, привлекать к этому вопросу внимание всех учреждений, всех организаций и всей массы трудящегося населения Союза.

С другой стороны, мы должны принимать участие и в практической работе по развитию и усовершенствованию нашей техники. У нас сейчас существует целый ряд научно-исследовательских организаций и кружков. Почти во всех трестах, а также и при ряде отдельных фабрик и заводов имеются конструкторские, научно-технические и прочие ячейки, занятые разработкой вопросов данного производства. Но всякое производство, и в особенности те из них, которые наиболее близко соприкасаются с военным делом, как, например, химия, авиация и т. д., могли бы, преследуя мирные цели, учитывать в то же время и цели обороны. Задача дать такое направление работе наших хозяйственных организаций лежит на нас с вами. Практически этого надо будет добиться тем, что наши военно-научные общества будут организовывать кружки в соответствующих предприятиях и группах предприятий, будут заниматься, будут интересоваться вопросами мирной хозяйственной деятельности, рассматривая их под углом зрения обороны.

Эта работа имеет огромное значение. Я обращаю ваше внимание на нее потому, что мне известно из практики, как страдают интересы обороны, если на эту сторону дела не обращается должного внимания. Мне известно из бесед с целым рядом наших ученых, изобретателей, техников, химиков и пр., что они, не зная требований армии, работают часто не под тем углом, под которым надо и можно было бы вести их работу. Вот эта задача — ввести их в круг наших запросов, наших требований, сказать им, что именно в условиях данного конкретного предприятия, данного производства могло бы пойти на пользу нам, — эта задача лежит на работниках наших военно-научных обществ, наших военно-научных кружков.

Это одна сторона той деятельности, которую мы должны будем развернуть в связи с вопросом о значении техники на полях будущих битв.

Но попутно с этим нам нужно учитывать, что техника будет иметь на полях будущих сражений не только непосредственное значение — в смысле причинения того или иного материального ущерба, но и значение посредственное, побоч-

ное — в смысле морального впечатления. Часто это последнее очень далеко выходит за пределы причинения непосредственно материального ущерба. Сплошь и рядом успех определяется не тем, что физически из рядов противника выводится часть строевой воинской силы, а тем, что этот факт действует угнетающе на психику всей остальной его части, убивая в ней способность к сопротивлению. Мы, по всей вероятности, при столкновении с целым рядом противников будем технически находиться в менее благоприятных условиях⁷³. Мы должны с этим считаться и заранее своей работой как в армии, так и в населении дать правильное понимание действительной роли техники и действительного ее значения. Мы должны будем сказать, что все-таки решающая роль принадлежит не технике, — за техникой всегда находится живой человек, без которого техника мертва.

Та сторона, которая будет обладать подготовленным во всех отношениях людским составом, составом, который имеет правильное представление о роли техники, об ее истинном значении и силе, никогда не будет подавлена техническим превосходством врага. Хотя и слабее вооруженная технически, она будет вполне способна драться, ибо в конечном счете решающее слово все же останется за человеком. По моему мнению, в области оценки материальной техники многими делается слишком большой перегиб. Конечно, недооценивать роль техники крайне опасно, но и позволять доводить себя до гипноза перед ней тоже нельзя. Насколько техника сама по себе еще не является решающим средством, — об этом ярко говорят те события, которые сейчас разворачиваются на наших глазах в Северном Марокко. Там мы имеем столкновение двух сил, из которых на одной стороне — все преимущества технические и даже численное преобладание, а на другой стороне имеется знание местности, большая выносливость, большая выдержанность и, главным образом, крепкая мораль, способность и готовность идти на величайшие лишения и героические жертвы. И вот мы видим, что в этих условиях не всегда перевес оказывается за технически более мощной стороной.

Из этого факта, разумеется, никаких решающих выводов делать нельзя. Следует помнить, что условия войны в Ма-

родко исключительны по своему своеобразию, и опыт отнюдь не может обобщаться и распространяться на другие страны. Но помнить об этом нужно для того, чтобы у нас с вами были правильные перспективы, правильное представление о действительной роли техники.

Мы должны будем дальше наши технические недостатки стараться восполнить и тем, чтобы каждый красноармеец и, по возможности, все население имели представление о тех технических средствах, которые будут применяться, по крайней мере по данным настоящего времени, со стороны противника. Если мы это представление дадим, если каждый будет видеть и знать, что может быть направлено против него, и на практике посмотрит применение этих технических средств, то мы многого достигнем в смысле боевого воспитания и боевого закала личного состава нашей Красной Армии. Вот задача, которая, по моему мнению, разворачивается перед Военно-научным обществом в связи со значением и ролью техники в будущей войне.

Наконец, в связи с последним моментом, моментом массовости армий, которые будут выставлены на поля будущих сражений, перед нашим Обществом опять-таки разворачивается громаднейшая работа.

Здесь мы должны будем, во-первых, внедрить в сознание нашего населения, в сознание работников гражданского аппарата правильное представление о войне с этой стороны. Мы должны убедить их в глубокой ошибке тех, кто думает, что забота об обороне страны и подготовка этой обороны должны лежать только на военном ведомстве и что к этому другие ведомства не имеют никакого отношения. Мы должны всем доказать, что наша Красная Армия мирного времени есть только кадр, только слабый остов той будущей армии, которую мы выставим в военное время и которую образует трудящийся народ нашего Союза в целом; армию военного времени, которая и будет настоящей Красной Армией, составит весь вооруженный советский народ. Повторяю, это представление имеется далеко не у всех, и наша задача — внедрить его глубоко в сознание и умы работников гражданского аппарата.

В связи с этим же вопросом встает вопрос о характере нашего военного строительства. У нас до сих пор приходится слышать порой, правда не слишком часто, разговор о том, что нам лучше было бы ограничиться небольшой, но хорошо вооруженной, хорошо подготовленной кадровой армией, что такая армия с точки зрения выполнения военных задач была бы лучшим орудием, чем та армия, которую мы с вами строим, — армия, представляющая сочетание двух принципов: постоянной кадровой армии и армии милиционной.

Такого рода рассуждения доказывают полное невежество и военную безграмотность их авторов. Если бы нам не угрожала внешняя опасность, если бы нам нашу армию приходилось строить, исходя только из интересов борьбы с возможной внутренней контрреволюцией, то, конечно, такие предложения имели бы смысл. Но если мы посмотрим на наше международное положение, то сейчас же увидим, что нам нужна мощная армия, способная обеспечить Советский Союз от возможной интервенции. А такой может быть армия, охватывающая в конечном итоге все трудовое боеспособное население нашего Союза. Только так ставит перед нами вопрос ход мировой истории. В моем докладе Съезду Советов мне пришлось подробно перечислять все моменты, которые заставляют нас идти именно этим путем нашего строительства. Мне пришлось остановиться и на характеристике нашего международного положения и на содержании нашей военной работы по строительству с точки зрения военно-технической.

Я старался доказать, что международная обстановка складывается для нас так, что мы должны быть готовы к серьезному столкновению и что для этого мы должны готовить не только наш кадровый состав, а все те группы населения, которые должны будут влиться в состав Красной Армии при объявлении мобилизации. И это свое доказательство я строил на целом ряде бьющих в глаза, несомненных фактов. Все вы читаете газеты и видите, что каждый последующий день приносит все новые и новые доказательства того, что эта внешняя опасность стоит перед нами как опасность вполне реальная. Вы знаете, что темп вооружений иностранных

государств не сокращается, а, наоборот, расширяется и углубляется. Противоречия между отдельными странами растут, опасность новых войн надвигается вплотную.

Только на-днях на страницах центрального органа английской Рабочей партии появилось сообщение о том, что организуется новое наступление против Советской России. По этому поводу членами Рабочей партии делается запрос английскому правительству на заседании палаты общин, и ответ, данный правительством, был весьма уклончив и неопределен. Он был таков, что и представители английской Рабочей партии им совершенно не были удовлетворены. Они думают, что совместное выступление буржуазных государств на основе предъявления нам ультимативного требования о разрыве с Коминтерном и изгнании его из Москвы готовится и что это происходит по инициативе английского правительства. Я не знаю, верны ли эти сообщения, но раз даже английская Рабочая партия, которая не отличается ни особой революционностью, ни симпатией к коммунизму, думает так, то нам и подавно надо быть осторожными и считаться с наихудшими возможностями.

Вот почему, товарищи, нам нужно беспощадно разбивать эти иллюзии, этот детский лепет о том, что в современной мировой обстановке нам можно обойтись маленькой, но кадровой армией. Эта кадровая армия при огромном протяжении нашей границы с задачами обороны Союза не справится. Нам нужно иметь армию такой численности, которая могла бы справиться с задачами обороны, а на основе постоянной армии это означало бы иметь армию, численностью во много раз большую, чем мы имеем сейчас. Вот почему тот путь, которым мы идем, является путем единственно правильным, вполне отвечающим интересам нашей обороны, и вот почему в этой части со всеми разговорами надо покончить. Линия нашей работы намечена. Перспективы перед нами ясны. Мы имеем целый ряд трудностей, но мы надеемся их преодолеть, и задача Военно-научного общества будет заключаться в том, чтобы помочь изучать данные практического опыта, отмечать имеющиеся недостатки, прорабатывать их и искать те пути — организационные, вос-

питательные и всякие иные, — которые нам помогут эти недостатки уничтожить и тем закрепить систему нашего военного строительства.

Так, товарищи, представляются мне задачи нашего Военно-научного общества в связи с характером будущей войны и характером той системы обороны, которую мы, исходя из этого представления о войне, сейчас проводим.

Если мы возьмем другую деятельность ВНО, работу внутри Красной Армии, то, мне кажется, здесь нам нужно лишь продолжать линию работы, начатую с первых дней существования военно-научных обществ. Она является правильной и для настоящего времени. Правда, некоторые изменения здесь имеются. Эти изменения я вижу, во-первых, в подходе к проработке военно-теоретических вопросов. Нынешний подход, на мой взгляд, должен в значительной степени измениться в сравнении с тем, что было в 1921—1922 гг. Тогда мы, переходя в новую полосу военной жизни, в новую полосу военного строительства, не имели еще перед собой никаких выводов, никаких заключений, подводивших итоги прежнему нашему военному опыту. Поэтому мы были вынуждены ставить вопросы во всей их принципиальной широте и полноте. Это придавало сильный отвлеченно-теоретический уклон нашим работам и рассуждениям. Мы пытались подвергнуть пересмотру и вопросы стратегии и тактики нашей армии, основы ее организации, воспитания, обучения и проч.

Теперь та работа, которая уже проделана, тот опыт, которым мы располагаем, позволяет нам эту работу во многих отношениях ставить иначе и не только позволяет, но и требует ставить иначе. Со всеми основными моментами военного строительства нами в основном покончено. Общие принципы, основные вехи нами намечены. Больше того, мы заканчиваем сейчас издание большинства наших уставов, что отливает работу армии во вполне законченные и определенные формы. Таким образом, здесь придется только продолжать кабинетную работу над дальнейшей систематизацией нашего опыта и сведением воедино наших представлений о характере будущих операций, о методах разрешения разного рода организационных вопросов и пр., — такая работа будет иметь по необходимо-

сти кабинетно-индивидуальный характер и вряд ли сможет захватить всю толщу нашего Военно-научного общества.

Но научно-исследовательский характер работы должен оставаться и сейчас. Он только несколько изменит свою линию. Вместо того, чтобы заниматься отвлеченно-теоретическими вопросами, надо центр тяжести перенести теперь на изучение непосредственно практической повседневной текущей жизни. Идет ли вопрос об организации, о тактике, о воспитании и пр., — каждый кружок определенного войскового соединения должен, прежде всего, ставить его в плоскости применения к задачам именно этого войскового соединения. Так, например: разбираются вопросы о наступлении или обороне — их надо изучать, прежде всего, в масштабе своего соединения, надо проработать, как их организовать, как обеспечить, как вести в той или иной обстановке. Вот то, что должно усвоить Военно-научное общество в своей массовой научно-исследовательской работе.

На этой стороне дела я останавливаю ваше особое внимание, потому, что вижу в этом основной недостаток в подготовке нашего комсостава. У меня имеется целый ряд фактов, подтверждающих это. Ряд работ Военной академии, военные игры, проводившиеся в дивизиях, корпусах и т. д., обнаруживают, что обычно общий план операции намечается правильно, частные задачи, вытекающие из плана, — тоже, а что касается организации операции, увязки ее отдельных элементов, обеспечения — с точки зрения организации тыла, снабжения, связи — взаимодействия отдельных родов оружия, то здесь наблюдаются большие недочеты. Например, по докладу начальника Военной академии я знаю, что последние работы нашей Военной академии в смысле правильности постановки общих задач и их решения не только удовлетворительны, но и хороши; по крайней мере на 80% они являются вполне удовлетворительными. А если подойдем к делу со второй указанной мною точки зрения — точки зрения осуществления замысла, — то эта удовлетворительность понижается до 40% и даже ниже. Такая же картина имеет место и во всей армии.

Что же это доказывает? Это доказывает то, что по части общей ориентировки, широты политического и военного круго-

зора наш комсостав может считаться достаточно подготовленным. В этом отношении, я думаю, он головой выше комсостава старой царской армии, который, как известно, отличался своим необычайно узким кругозором не только в политической области, но и в специально военной.

Если сравнить в этом отношении наш комсостав с современными армиями буржуазных стран, то я считаю, что и здесь он не только никому не уступит, а окажется выше комсостава любой буржуазной армии. Но если мы будем сравнивать и во втором отношении — в отношении технической подготовки нашего комсостава, в отношении умения увязывать все моменты, связанные с проведением операций, — то я вынужден сказать, что наш комсостав в массе окажется ниже.

Вот тот вывод, который для меня является абсолютно несомненным, и это — большой недостаток в подготовке нашего комсостава. И здесь задача нашего ВНО — поставить свою работу внутри Красной Армии так, чтобы этот недостаток был нами восполнен в самый короткий промежуток времени. Сейчас перед нами начинается период летней подготовки войск, когда мы на практике будем применять все то, что усвоили за время зимы, и на эту сторону дела я обращаю через вас внимание всего комсостава нашей армии.

Поменьше общих рассуждений, побольше работы над деталями и техникой проведения операций!

В частности, я выдвигаю эту же задачу и в отношении работы ВНО нашей академии. На эту сторону дела должно быть обращено сугубое внимание вообще во всех наших высших военных школах, а также в школах нормальных. Практически в отношении Военной академии мною дано указание, чтобы цикл стратегии был сокращен за счет цикла тактики. Нам нужно, чтобы Военная академия дала Красной Армии сейчас таких руководителей, которые позволили бы нам изжить тактическую немоту и помогли бы всему комсоставу Красной Армии подковаться в этом слабом для нас отношении.

Слабо, очень слабо у нас обстоит дело с методикой обучения и воспитания. Мы во многом продолжаем работать постаринке, тогда как жизнь далеко ушла вперед. Проработкой этих вопросов наше Общество окажет большую услугу Красной Армии.

Таким образом, работа по поднятию военно-образовательного уровня нашего комсостава продолжает оставаться не менее серьезной и важной, чем она была в годы, следовавшие непосредственно за гражданской войной.

Я на съезде давал справку о том, что даже сейчас, на пятом году после ликвидации гражданской войны, в рядах Красной Армии мы имеем 9,5% комсостава, который не имеет никакой военно-образовательной подготовки. Конечно, это не так много по сравнению с тем, что было, но все-таки — десятая часть комсостава, это кое-что собой представляет. Стало быть, работа ВНО внутри Красной Армии, направленная на поднятие военно-образовательного уровня комсостава, должна играть огромную роль и должна занимать видное место в нашей военно-научной деятельности.

Несколько слов, товарищи, относительно одного момента, который, может быть, на первых порах не будет иметь широкого применения в практике нашего строительства, но в дальнейшем, безусловно, должен будет его найти. Я имею в виду применение психотехники к практике нашей работы.

При двухгодичном сроке службы для кадрового состава и при нашей терсистеме, где сроки службы еще более сокращены, момент правильного подхода к распределению призывного контингента между разными родами оружия является для нас во многих случаях почти решающим.

Если мы в морской флот, в специальные технические войска, в авиацию будем давать такой контингент, который по своей физической структуре, по своей психологии непригоден для несения службы в этих родах оружия, то тем самым мы весьма и весьма ударим по их боевой мощи.

Вот почему этот вопрос должен занимать соответствующее место в программе работ наших ВНО.

Вы знаете, что в стране, наиболее далеко ушедшей вперед по пути капиталистического развития, в Америке, этот момент во время войны был учтен весьма широко. Американское военное министерство широко поставило в своей армии опыт применения психотехнических методов при отборе личного состава армии и распределении его по родам оружия.

Мне хотелось бы, чтобы наши военно-научные общества, во всяком случае, этого вопроса из поля своего зрения не упустили.

Мы имеем большой период допризывной подготовки, и если бы мы за это время сочетали наши наблюдения за физическим состоянием, за подготовкой допризывников с научными методами психотехнического исследования, то мы облегчили бы вопрос о снабжении каждого рода оружия подходящим для него контингентом. Это особенно важно для авиации, где для каждого летчика требуются прекрасное зрение, слух и целый ряд других качеств, которые не у всякого найдешь. Вот почему этому вопросу наши ВНО должны уделять серьезное внимание.

Последний момент — это момент связи наших ВНО с другими общественными организациями.

Мы имеем их две: Общество друзей воздушного флота и Доброхим. На-днях эти общества сливаются воедино. Соответствующее решение уже принято, и на-днях это слияние будет оформлено.

В процессе предварительной дискуссии по вопросу о задачах ВНО и его организации, между прочим, затрагивался и этот момент — момент организационной и деловой связи с Доброхимом и ОДВФ. Сейчас, конечно, рано ставить вопрос о выработке каких бы то ни было определенных, конкретных форм этой связи, но, мне кажется, совершенно ясно вытекает из характера общих задач военно-научного движения необходимость установления такого рода связи. Пусть эта связь не будет организационная, пусть общества эти существуют раздельно, но условия для совместной работы нужно создавать обязательно.

Военно-научное общество должно явиться по отношению к Доброхиму и ОДВФ тем учреждением, которое дает основные, руководящие идеи, учреждением, которое оказывает идейное влияние на весь характер и на все направление деятельности этих организаций. Оно должно давать, так сказать, заявки военного ведомства; должно давать указания о том, в каком направлении нужно работать, какие, например, требования мы предъявляем по части самолетостроения, по части

моторостроения или в той или иной отрасли химической промышленности. Такого рода связь наши ВНО должны установить и с другими обществами, например «Друзья радио» и т. д.

В области радиодола точно так же идет огромный процесс технического развития, могущего иметь решающее влияние на ход будущих операций.

Вы слышали известия о различных изобретениях, связанных с усовершенствованием радио. Слышали о лучах, при помощи которых можно приостановить действие мотора аэроплана. Сейчас трудно сказать, сколько здесь фантазии, теоретического решения или уже осуществленного на практике. До практического осуществления дело вряд ли дошло. Я упомянул об этом для того, чтобы вы знали, что в любой технической области, в любой области промышленной деятельности сейчас совершается такая огромная, глубокая, грандиозная работа, результаты которой самым мощным образом могут сказаться на ходе будущей войны. Вот почему необходимо установление теснейшей связи со всеми обществами, работающими в той или иной области хозяйственной деятельности. Только такой подход к делу позволит ВНО занять то место, которое принадлежит ему по праву, — место идейного руководителя работы общественных организаций, имеющих или могущих иметь то или иное отношение к вопросам обороны. Оно не должно будет замыкаться в пределах чисто военных узких интересов. Нет, оно должно будет, учитывая характер будущей войны, учитывая характер системы нашей обороны, развешивать широкую работу и вне рядов Красной Армии. Я думаю, что это поможет нам не только установить теснейшую связь Красной Армии с тылом, со всем гражданским аппаратом, но это поможет нам в величайшей степени ускорить процесс ликвидации нашей технической отсталости.

Если мы с этими задачами справимся, если мы ту огромную, колоссальную работу, которая раскрывается перед нашим Военно-научным обществом, сумеем поставить сколько-нибудь правильно, то ВНО займет подобающее ему место в системе нашей обороны. Она сумеет тогда дать ответ на те потребности, которые являются жгучими, настоятельными и разреше-

ние которых мыслимо только при вовлечении в эту работу широких кругов не только военных работников, но вообще нашего трудового населения. Этим я позволяю себе свой доклад закончить и выразить глубокую уверенность в том, что наше ВНО после сегодняшнего совещания станет окончательно на ноги. Приняв те предложения, которые намечены комиссией по созыву съезда и которые я считаю в основном правильными и отвечающими также пожеланиям мест, мы заложим твердую базу, твердый фундамент для нашей деятельности на последующее время.

От души желаю вам и всем работникам нашего единого всесоюзного ВНО успеха в этой трудной, но благодарной, интересной и укрепляющей нашу оборону работе.

„Бюллетень ЦС ВНО СССР“, № 1, 1925 г.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — ОСНОВА НАШЕЙ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ

РЕЧЬ НА VII КОНФЕРЕНЦИИ УПРАВЛЯЮЩИХ ЗАВОДАМИ ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 25 МАЯ 1925 г.

Позвольте мне, прежде всего, передать вам привет от Красной Армии и Красного Флота. Я считаю, что вы вместе с нами образуете единую военную семью. Хотя вы не находитесь непосредственно в рядах Красной Армии и Красного Флота, но успешное укрепление их мощи зависит от вас в большей степени, чем от нас.

Вы знаете, товарищи, что сейчас мы ставим перед вами во весь рост вопрос о необходимости изменения темпа нашей работы, о необходимости скорейшего преодоления всех тех преград, которые стоят на нашем пути; нам нужно в кратчайшее время создать такие условия, которые бы действительно обеспечили укрепление мощи нашего Советского Союза. Вряд ли необходимо останавливаться перед вами долго на тех моментах, которые вынуждают нас к такой острой постановке вопроса. Я сошлюсь только на те многочисленные доклады, которые делались на различных съездах наших советских организаций и, в частности, на последнем нашем Всесоюзном

съезде Советов и которые дают исчерпывающую оценку нашего международного положения и всего мирового положения, взятого в целом.

Из этой оценки мы делаем определенные практические выводы как для работников Красной Армии и Красного Флота в целом, так и для работников военной промышленности. Эти выводы сводятся к тому, что и мы и вы должны сейчас всемерно напрячь наши усилия по военной линии, чтобы дело обороны Союза толкнуть вперед гораздо быстрее, чем оно шло до сих пор. Мы должны предвидеть возможные изменения в международной политике в более худшую для нас сторону, чем было до сих пор.

Та стабилизация, то состояние относительной хозяйственной устойчивости, которое характеризует сейчас мировой капитализм, несомненно, будет использовано капиталом для политического укрепления своей позиции. В каких направлениях будет идти работа по укреплению этой позиции капитала? Прежде всего — в направлении нажима на рабочий класс в своей собственной стране. Мы уже видели подтверждающие это положение факты, мы знаем и видим теперь, что даже в таких странах, как Дания, Норвегия и др., которые всегда отличались уравновешенностью, своим внешним гражданским миром, — и там развивается ожесточенная классовая борьба в заостренной форме. Мы и здесь наблюдаем наступление капитала в самых беспощадных и в самых угрожающих для интересов рабочего класса формах. Этот нажим, несомненно, будет развиваться и дальше.

Другая линия борьбы капитала — это линия его поведения, его политики по отношению к колониальным и полуколониальным народам; уже сейчас мы имеем ряд фактов наступления капитала, заставляющих нас ожидать еще большего усиления этого натиска. Вы знаете о событиях в Северном Марокко, знаете, что там начинается тяжелая борьба между недавно завоевавшими себе свободу жителями испанской зоны Марокко и французской оккупационной армией. Эти факты свидетельствуют, что капитал, почувствовав под собой некоторую устойчивость почвы, переходит в наступление по линии колоний.

Третья линия наступления — это натиск на Советский Союз. Совершенно ясно, что обеспечение или укрепление капиталом своих классовых интересов и позиций в первых двух направлениях невозможно для него до тех пор, пока существует Советский Союз, ибо в одном факте его существования интернациональный пролетариат и народы колоний и полуколоний черпают поддержку для отстаивания своих классовых и национальных интересов. Поэтому состояние относительной устойчивости должно нами расцениваться как все более нарастающая потенциальная угроза для Советского Союза. Я не буду перечислять других фактов, которые с большой убедительностью свидетельствуют о том, что эти опасения не беспочвенны, что они уже ярко подтверждаются на деле рядом мероприятий по осуществлению антисоветского блока, бешено развившейся в иностранной прессе антисоветской пропаганды, морального и иного бойкота Советского Союза и т. д. Чрезвычайно ясно для нас одно — что в тот или другой момент над советским горизонтом могут сгуститься тучи, и мы можем оказаться в таком положении, когда у нас, может быть, не будет другого выхода, как дать отпор натиску капитала, отпор открытой, вооруженной рукой.

Вот в этих условиях наше внимание, естественно, и направляется к усилению обороны Союза. Мы в рядах Красной Армии и Красного Флота ставим сейчас очень остро задачу по поднятию нашей боеспособности. При том внимании, которое уделяется сейчас вопросам обороны и при той поддержке, которая оказывается нашим правительством военному ведомству, мы рассчитываем, что в целом ряде областей военной работы нам удастся сдвинуть положение с мертвой точки и относительно быстро двинуть его вперед. Если я буду брать и оценивать все области нашей военной работы, то относительно тех областей, которые непосредственно связаны с моей деятельностью как председателя Революционного военного совета нашего Союза, я могу высказать полную уверенность, что сдвиг в них, необходимый нашей стране, будет осуществлен. Есть для этого соответствующее настроение, есть необходимый подъем, желание работать, есть энергия, но нужно будет кое-что предпринять, исправить, несколько улучшить

материальное положение нашей Красной Армии, ее быт, несколько подучить командный состав, а обстановка для энергичной и интенсивной работы у нас во всяком случае налично.

Но когда я подхожу к той области военной деятельности, которая связана с вашей работой и касается самого важного элемента нашей обороны — технического, то здесь все мы, военные работники, и в частности я, вынуждены останавливаться в бессилии или в полубессилии. Надо подчеркнуть, что в моменте технической отсталости нашей армии я усматриваю наибольшую опасность для нашего международного положения и для успешности нашей обороны. Когда я сравниваю сейчас состояние нашего вооружения с вооружением буржуазных армий, то вижу, как далеко мы от них отстаем. Возьмем только один пример — нашу артиллерию; в то время как в отношении дальности стрельбы полевая артиллерия всех буржуазных армий сумела уйти довольно далеко вперед, сумела в полтора раза увеличить дальность своей стрельбы (даже больше: французская артиллерия вместо 8 верст в период войны 1914—1918 гг. бьет теперь на 13 верст), — мы еще находимся в старом положении в этом отношении. Поле обстрела, благодаря ряду технических усовершенствований в артиллерии других стран, расширилось, — мы же остаемся при старом положении. Правда, есть надежда, что и мы в отношении дальности стрельбы будем иметь некоторые успехи, но они еще будут далеко не теми, которые достигнуты в других странах.

Вот только один пример, который уже доказывает, насколько серьезным и тяжелым является наше положение в отношении технического оборудования нашей армии. Я мог бы привести десятки и других примеров, доказывающих, что во всех областях техники мы отстали от армий крупнейших буржуазных стран. Нас еще можно сравнивать с армиями наших ближайших западных соседей, но и здесь, благодаря поддержке мирового капитала, техника прогрессирует, довольно быстро движется вперед и может настать момент, когда и здесь мы очутимся в том же невыгодном положении, в каком мы находимся по отношению к армиям крупных стран. Таковы обстоятельства дела в нашей технике ⁷⁴.

Разумеется, оставаться в таком положении мы не можем. И я как руководитель военного ведомства ставлю основной задачей улучшение, усовершенствование нашей военной техники. Нам необходимо здесь дать такой толчок, чтобы армия почувствовала, что в отношении техники вооружения она не будет поставлена по крайней мере в значительно худшие условия, чем армии наших возможных противников. Надо считаться с тем фактом, что значение техники отнюдь не может определяться только размерами материального урона, причиняемого техникой, орудиями истребления. Не количеством человеческой убиты определяется значение ядовитых газов или аэропланов. Оно должно расцениваться путем прибавления к материальному урону того огромного психического урона, который причиняется применением новых, неизвестных нам средств. Размер этого психического урона не поддается учету, и в известных условиях он может во много раз превышать материальный ущерб, который причиняется этими орудиями истребления. Вот почему мы должны поставить армию в такие условия, чтобы она была знакома со всеми новыми орудиями истребления. Если она не может иметь их в полной мере, то она должна их знать, должна быть воспитана в своих настроениях и чувствах с таким расчетом, чтобы не было от этого паники, чтобы не прекращалась боеспособность Красной Армии. Вот почему технические вопросы приобретают значение, выходящее далеко за пределы непосредственных результатов, оказываемых применением этой техники. Повторяю: сейчас, по этим причинам, Революционный военный совет Союза считает одной из самых настоятельных задач работу над дальнейшим усовершенствованием нашей военной техники.

При проведении этой работы мы вынуждены считаться с целым рядом больших препятствий, лежащих на нашем пути. Мы нисколько не закрываем глаза на те трудности, которые лежат и перед нами и перед вами. Мы прекрасно знаем, что, прежде всего, придется считаться с недостатком средств, которые могут быть отпущены государством на эти цели. Вот почему мы вопросы технического усовершенствования должны ставить в реальную плоскость и не должны

задаваться мечтами и фантазиями. В частности, Красная Армия и не мечтает о том, чтобы нам сразу сравняться с буржуазными странами или их обогнать, но она рассчитывает теперь же достичь хотя бы некоторых успехов, которые укрепили бы наше положение в техническом отношении. Мы знаем, что те ресурсы, которыми обладает военная промышленность в смысле оборудования и пр., не так велики, чтобы мы могли предъявлять требования быстрого и радикального успеха. Мы не можем предъявлять требования радикального изменения нашей техники, перевооружения армии, ибо это предъявит такие колоссальные требования к нашему бюджету, что он их выполнить не сможет. Вот почему в работе над техническими усовершенствованиями мы должны исходить из того, что имеем в настоящее время.

Этим я хочу сказать, что вам в научно-исследовательской, изобретательской работе надо, прежде всего, считаться с тем оборудованием, которое есть, с реальными возможностями настоящего момента, с трудностями перевооружения армии и исходить из тех образцов, которыми мы обладаем, внося в них усовершенствования и изменения, которые, может быть, несколько устарели, но которые сделают оружие пригодным для современного боя. Эту линию нам придется проводить в отношении всех видов вооружения. Но независимо от этого в нашей научно-исследовательской конструктивной работе необходимо все-таки создать и такие условия, которые обеспечили бы нам переход и к новым усовершенствованным образцам, — условия, допускающие этот переход при достижении нами других благоприятных условий — в отношении финансирования, материального оборудования и т. п. Словом, надо добиваться и того, чтобы изобретательская деятельность не отставала от буржуазных стран.

Данные к этому у нас имеются. Та работа, которая велась, является хорошей гарантией того, что в этой части исследовательской работы мы как будто не будем иметь особых опасений, что мы можем рассчитывать на довольно серьезные и большие завоевания. Мне бы хотелось, чтобы вы на своих заводах, во всех предприятиях этому моменту — моменту технического усовершенствования наших средств борь-

бы — уделили особое внимание как в плоскости совершенствования существующего оружия, так и в плоскости изобретения новых типов, новых образцов этого вооружения.

Когда мы ставим проблему о перевооружении Красной Армии, хотя бы частично, мы упираемся в первую голову в наши материальные ресурсы, в наши финансовые возможности. Однако может ли военная промышленность рассчитывать на то, что в ближайшем бюджетном году и в последующие годы материальные возможности будут лучше, чем были до сих пор? Мне кажется — может. В каких размерах — сказать нельзя, но, несомненно, мы примем все меры к тому, чтобы эти возможности были расширены. Мы должны даже принять меры к тому, чтобы эти возможности расширялись не только путем увеличения бюджетных ассигнований, но и путем внутренних сбережений. Но я должен сказать, что рассчитывать нам на создание военной промышленности, удовлетворяющей нас и в мирное и в военное время, даже при увеличенных бюджетных ассигнованиях все-таки невозможно.

Это предупреждение далеко не утешительно. Но, несомненно, что соответствующей организацией производства, соответствующим подходом к делу можно добиться ряда улучшений, и вы обязаны это сделать, ибо, повторяю, один путь, путь финансирования со стороны государства, никогда не сможет у нас быть таким, чтобы удовлетворить все наши потребности.

Мне хотелось бы дальше отметить и другую сторону дела, интересующую нас, интересующую тех, кому придется с оружием в руках отстаивать интересы нашего Союза. Я имею в виду качество той продукции, которая выпускается нашими военными заводами. Я знаю, что сейчас в этом отношении у нас дело значительно улучшилось. Я помню 1920—1921 гг., когда Красная Армия почти поголовно жаловалась на качество изделий, выпускаемых нашими военными заводами, когда винтовки, револьверы, патроны, поступавшие в части, сплошь и рядом оказывались мало пригодными для боя. Эти винтовки 1919—1921 гг. пользовались у нас самой скверной репутацией. За последние же годы — должен это отметить

с удовлетворением — военные заводы значительно шагнули вперед, качество продукции улучшается, но все-таки в этой части нам предстоит сделать впереди еще очень и очень многое — продукция наших заводов еще и сейчас вызывает большое неудовольствие.

Вот маленький пример, хотя и мелочный, но который может являться некоторой иллюстрацией существующего положения. Я в этом кармане имею три патрона для нагана. Мне пришлось из него недавно стрелять; я выпустил 21 пулю, и три патрона оказались негодными: два дали осечку, а третий совершенно разорвался. Эти патроны были выработки 1919—1922 гг., некоторые из них были без надписи — не то 1923, не то 1924 г. Этот факт показывает, что в отношении качества у нас даже в этом году дело обстоит не совсем хорошо. Возьму, например, револьвер. Каждый наш красноармеец, каждый наш командир ищет револьвера старых годов, и я лично исключения здесь не составляю. Мне приходилось бывать в очень серьезной боевой обстановке, когда только револьвер, действующий без отказа, может спасти. Я, наученный горьким опытом, всегда считал наган более удачным оружием и предпочитал его браунингу и другому автоматическому оружию. И все-таки качеству нагана производства военного времени мы не особенно доверяли, и каждый командир предпочитал изделия до 1914 г.

Это — маленький факт, но он рисует вам настроение в армии. Может быть, позднейшая продукция в значительной степени изменилась, но требуется еще много времени и масса фактов, чтобы переломить определенное настроение, которое создалось вокруг этого вопроса. Эта атмосфера недоверия, эта психологическая атмосфера имеет колоссальное значение для уверенности бойца. Когда ты знаешь хорошо оружие и вполне в нем уверен, тогда можешь лучше и увереннее командовать, распоряжаться и действовать. В этой части у нас еще недостатки имеются, и на качество выпускаемых военной промышленностью изделий вам, ее работникам, нужно будет обратить самое серьезное внимание.

Еще одна из больших претензий, которую имеет военное ведомство по отношению к военной промышленности, — это

жалоба наших снабжающих органов на недоделы военной промышленности. Военная промышленность еще не справилась со своими задачами в этой области. Правда, жалобы относятся не ко всем предметам, вырабатываемым заводами, но все-таки в части их они имеют основание и силу. С недоделами должно быть совершенно покончено. Те заказы, которые даются, должны сдаваться полностью, в полном объеме. Я позволяю себе рассчитывать на то, что теперь, когда мы чувствуем определенный сдвиг, с этим недостатком в будущем году мы справимся. Предъявляя к вам это требование, товарищи, я прекрасно знаю ваше положение. По своей деятельности и своим обязанностям мне надо быть в курсе состояния наших военных заводов, надо знать, на что они способны, каковы их материальные и иные возможности. Я слушал целый ряд докладов, прочитал много различного материала, характеризующего состояние военной промышленности, и знаю, какие трудности пришлось вам преодолеть, прежде чем вы достигли первых успешных результатов, которые констатировал Революционный военный совет Союза и констатируете и вы. Я знаю, в каком тяжелом положении находится оборудование наших заводов, знаю, что оно расшатано, знаю, что многое не так организовано, как это требуется, и не потому, что не принимались меры, а потому, что затрудняла работу объективная обстановка.

Все это мне прекрасно известно, и вот почему я не могу предъявлять такого рода требования, которые являлись бы необоснованными, которые не отвечали бы нашей наличной возможности. Но то, о чем я говорю, вполне отвечает вашим возможностям, вполне осуществимо. Если только вы, работники военной промышленности, сумеете осознать важность задач, лежащих перед вами, сумеете понять, с какой надеждой обращается сейчас к вам наша Красная Армия, и сумеете эту веру передать составу работников военной промышленности, то мы рассчитываем, что — при всех тяжелых объективных условиях и слабости как материальных, так и финансовых ресурсов — мы все-таки сумеем добиться значительных результатов.

Мне передавали, что сейчас вас волнует вопрос организационный, вопрос о положении всего комплекса тех предприятий

которые образуют ГУВП. Я слышал, что существует целый ряд вариантов, намечающих новую организационную структуру. Мне очень трудно говорить на эту тему, так как я мало знаком с вопросами заводской деятельности, мало знаком вообще со структурой и порядком органов, управляющих нашим хозяйством. Я поэтому не могу взять на себя ответственность выступить с какими-нибудь обоснованными и определенными суждениями по этому вопросу. Но я хотел бы подчеркнуть одно: сейчас мы все должны создать условия, которые обеспечили бы немедленную, непосредственную живую практическую работу. Сейчас нам нужно как можно меньше уделять энергии вопросам организационным, вопросам перегруппировок, переброски и т. д. Нам нужно создать обстановку, которая психологически и фактически обеспечила бы нам выявление максимальной энергии в непосредственной практической деятельности.

Я это привожу из опыта нашей Красной Армии. В силу целого ряда объективных причин Красная Армия переживала целый ряд всевозможных реорганизаций вплоть до предшествующего 1924 г. Никакой устойчивости в Красной Армии до этого не было. Эта неустойчивость создавалась, с одной стороны, общими объективными условиями — отсутствием твердой валюты и т. д.; с другой стороны, больше всего она создавалась постепенным темпом сокращения численного состава Красной Армии. Такой порядок диктовался необходимостью приспособляться к международной обстановке. Мы все должны были следить за тем, можем ли мы сократить ту или иную сотню красноармейцев. Но такой порядок является колоссальным минусом.

Только теперь мы создаем условия, обеспечивающие практическую деятельность. И сейчас в армии в организационном отношении не все благополучно: в целом ряде областей надо было бы произвести порядочную перегруппировку, порядочную перетряску, но мы вынуждены мириться с этими дефектами, терпеть организационные недостатки, прежде чем решаться на новую сколько-нибудь радикальную ломку. Надо дать возможность дольше поработать в известных, может быть несовершенных, организационных формах. Мне кажется,

что это в полной мере может быть применено и к вам, к военной промышленности. Может быть и даже наверное должна быть намечена другая, новая организационная структура, которая обеспечивала бы больше удобств для практической работы, но мы полагаём, что в первую очередь надо обеспечить и дать возможность заняться непосредственным делом, даже при несколько несовершенной организации. Для дела может быть будет лучше это, чем если бы мы затратили нашу энергию на реорганизацию.

Вот почему я считаю, что вопрос реорганизации, который у вас поднимается, поскольку эта реорганизация может создать очень крупную ломку и вызвать состояние психологической неуверенности в завтрашнем дне, должен ставиться с сугубой осторожностью. Лучше несколько обождать, хорошо пораздумать и поработать над тем, как создать новую, более совершенную систему, а затем на эту новую систему переходить, будучи обеспеченными наличием благоприятных для этого условий. Но это дело большое. Собственно, своего мнения я по этому вопросу предложить не могу, так как считаю себя в этом вопросе некомпетентным.

Два слова относительно взаимоотношений военной промышленности и военного ведомства. В предшествовавшее время эти отношения оставляли желать много лучшего. Был целый ряд ненормальностей, и они скверно отражались на работе военного ведомства, Красной Армии и Управления военной промышленности. Я с удовлетворением могу сообщить, что за последнее время нам удалось создать взаимоотношения, если не совсем нормальные, то во всяком случае нас удовлетворяющие, позволяющие Красной Армии и военной промышленности свою работу, общую работу, вести согласованно и дружно.

Я хотел бы, чтобы те взаимоотношения, которые установились, не только сохранились и впредь, но в той части, в которой требуется их улучшить, были исправлены, дополнены и улучшены. То настроение, которое сейчас существует среди военных работников и в вашей среде, эту задачу облегчит, поможет создать необходимую атмосферу содружества и сотрудничества, при которых наши успехи будут еще

более значительны. Тот вопрос, который особенно нас интересовал, вопрос о финансировании, сейчас разрешен окончательно. Мы сейчас находимся по отношению к военной промышленности в положении заказчиков. И сейчас уже наше дело позаботиться о том, чтобы эта новая финансовая обстановка не создавала для вас тяжелого положения.

Вам нужно позаботиться о том, чтобы новые условия финансирования не задерживали нормальной деятельности завода. Если вы сумеете подойти к этому, то я уверен, что эта новая постановка финансирования, обеспечивая все требования и интересы Красной Армии, не отразится отрицательно на интересах военной промышленности, явится новым толчком, новым стимулом, чтобы хозяйственная деятельность заводов развивалась нормально, развивалась более энергичным темпом, чем это было до сих пор. Вот, товарищи, тот круг вопросов, с которыми я хотел обратиться к вам.

Позвольте еще раз передать вам самый горячий братский привет от Красной Армии и Флота. Позвольте рассчитывать на то, что в вашем лице Красная Армия и Красный Флот будут иметь ту помощь, которая так необходима, — помощь, которую окажут все работники военной промышленности: руководители ее — администрация, технические руководители — техники, инженеры и весь состав рабочих наших военно-промышленных предприятий.

Позвольте выразить надежду и уверенность, что, несмотря на тяжелые условия нашей и вашей работы, Красная Армия получит технику, которая необходима ей, и сможет успешно разрешить все задачи, возлагаемые на нее международным положением.

М. В. Фрунзе, Избранные произведения. Воениздат, М., 1940 г.

ЗАДАЧИ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ

К ТЫСЯЧНОМУ НОМЕРУ ГАЗЕТЫ „КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ ЛВО

Важнейшим условием мощи Красной Армии является сознательное отношение к военному делу ее личного состава. Над этой задачей в недрах армии работает целая сеть культурно-просветительных и военно-воспитательных органи-

заций и учреждений. Их общая цель — дать нам умелого бойца, являющегося в то же время сознательным гражданином своей страны. Могучим средством подготовки и воспитания такого воина служит наша военная пресса. Она давно уже стала неотъемлемой частью жизни и работы красной казармы. С ростом ее значения растут и ее обязанности и ответственность. Хорошая красноармейская газета должна умело отражать жизнь казармы, ее работу, успехи этой работы, ее недостатки и пути к их исправлению. Она должна помогать расширению кругозора бойца, углублению его познаний и укреплению его воинского духа.

Нужно ясно и просто разъяснять бойцу наши общие военные и политические задачи, пропагандировать вопросы воинской учебы, ставить и облегчать разрешение вопросов внутренней жизни казармы и широко популяризировать наши уставные требования. Поставить перед сознанием своих читателей четкий образ отличной воинской части и образцового, дисциплинированного, сознательного красноармейца, внушить стремление к достижению этого образца — вот ответственная задача красноармейской газеты.

Эту свою работу наша пресса должна проделывать со всей красноармейской массой и через нее. Широкие кадры военков, сплоченные вокруг редакции и руководимые ею, должны стать лучшими элементами сознательного красноармейского актива, деятельными работниками укрепления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Эта работа должна осуществляться с полным сознанием и учетом того факта, что Красная Армия есть организм, живущий и действующий на основе твердых, установленных государством законоположений. Это требует от военной прессы особой осторожности и чуткости в постановке и обсуждении основных вопросов, регулирующих нашу военную жизнь.

Наряду с этим надо помнить самому и требовать от других соблюдения военной тайны. В этом отношении у нас было и есть немало упущений. Обслуживая красноармейца-кадровика, наши красноармейские газеты не должны упускать из виду и терармейца-переменника и вообще рабочую и крестьянскую массу. Укрепление территориальной системы нашего строи-

тельства теснейшим образом связано с тем вниманием, которое уделит ему наша военная пресса, и зависит, между прочим, от того, насколько умело она свою работу поведет.

Тысячный номер красноармейской газеты Политуправления ЛВО «Красная звезда» говорит о большой работе, проделанной газетой. Желаю ей дальнейших успехов.

„Красная звезда“, № 1000.

КАДРОВАЯ АРМИЯ И МИЛИЦИЯ

Армия — орудие войны. Война в современном классовом обществе является последним и радикальным средством разрешения споров между правящими классами отдельных государств (международные войны) или между борющимися классами внутри каждого из них (войны гражданские). В связи с этим каждое государство, решая сознательно задачу организации своих вооруженных сил, должно иметь определенный ответ на вопросы: 1) какая армия и для каких целей (определяемых международным и внутренним положением) ему нужна и 2) как, на основе учета этих целей, а также природы и характера самого государства, эта армия должна строиться.

Разумеется, характер вооруженной силы зависит не только от социально-политической физиономии государства. Он строго обусловлен общим экономическим и культурным уровнем развития страны, ее национальным богатством, ее мобилизационными и бюджетными возможностями. Характер армии определяется также общим состоянием военного дела, прежде всего в странах вероятных противников. Но при всем том не может быть сомнения, что военная политика в сильнейшей степени зависит от общей политики, что в одной и той же стране, при одном и том же культурном и хозяйственном уровне различные по своей классовой сущности правительства будут по-разному строить армию. Это особенно относится к вопросам организации в самом широком смысле слова. Естественно, что переворот, который вместо старой царской России создал нынешний Союз Советских Социалистических

Республик, должен был найти свое отражение и в области военного дела. Для правильной оценки положения необходимо, сверх того, помнить, что и ранее упоминавшиеся факторы строительства вооруженных сил (бюджетные условия и общий поворот в военном строительстве, как вывод из опыта мировой войны) создавали благоприятную почву для радикального изменения в военной политике нашего государства.

И действительно, та система организации вооруженных сил, которую мы осуществляем сейчас, глубоко отличается от военной организации дореволюционной России. В основе царской военной организации лежал принцип постоянной кадровой армии с длительными сроками службы; мы все шире и шире переходим к системе милиционных формирований с сокращенными сроками и внеказарменным обучением. В царской армии очень строго проводился принцип экстерриториальности укомплектования воинских частей; мы все более и более переходим к системе территориального укомплектования. Царь держал под ружьем в мирное время самую многочисленную в мире армию; мы же ограничиваемся сравнительно очень небольшими кадрами и т. д. и т. п.

Психика людей, их сознание, обычно отстает от живой действительности. Факт такой отсталости имеет место и в области нашего военного мышления. Несмотря на всю глубину происшедшего революционного переворота и проделанную нами переоценку всех ценностей и во всех областях жизни, в том числе и в области идеологии, наследие прошлого, в лице привычных, укоренившихся представлений и мыслей продолжает давать себя чувствовать в достаточной степени. У нас, военных, это особенно ярко сказалось в том настороженном и вначале почти сплошь отрицательном отношении к идее милиционных формирований, которое было характерно для настроений нашего командного состава 2—3 года тому назад, при первых опытах милиционного строительства.

Известно, что лучший учитель — сама жизнь. Опыт работы последних двух лет накопил уже достаточно данных, разбивших многие из прежних предубеждений и предрассудков. Но, к сожалению, мы и сейчас не можем сказать, что основы нашего советского военного строительства полностью и до

конца осознаны всем составом работников армии, не говоря уже о «штатском элементе».

Разумеется, серьезные нововведения в военном деле, играющем решающую в судьбах государства роль, должны проводиться с сугубой осторожностью. Тут вполне уместна поговорка «семь раз отмерь — один раз отрежь». Вот почему, осуществляя переход к новой системе военной организации, мы идем вперед довольно медленно и постоянно оглядываемся на пройденный путь, тщательно изучая данные опыта. Но и при этом медленном темпе мы зашли вперед очень далеко. Уже сейчас в военном деле, в смысле организации, у нас произошел полный переворот. Основой нынешних вооруженных сил Союза являются не кадровые части, а территориально-милиционные формирования. Дальнейшим развитием, укреплением и улучшением последних определяется успех всей нашей военной работы. Между тем очень многими, и порой из числа очень ответственных товарищей, это не вполне понимается. Работа в территориальных частях часто все еще рассматривается, как опыт, т. е. нечто неопределенное, неясное, в смысле военного значения. Кое у кого еще сохранился взгляд, что, мол, суть не в этих формированиях, а в чем-то другом; что расположенные на окраинах наши регулярные кадровые части составляют основу боевой мощи Красной Армии.

В этих уклонах мысли и настроениях для дела обороны таится большая опасность. Нужно всем твердо усвоить, что в деле милиционного строительства за рамки опыта мы уже вышли. Основа военной мощи Союза лежит именно в нем. Вот почему работа в милиционных частях, тщательное наблюдение за их жизнью и деятельностью, систематическая борьба за устранение всех их недочетов и пробелов — являются для нас вопросом жизни и смерти. Вот почему к этим вопросам необходимо еще и еще раз возвращаться, фиксировать на них внимание советского общественного мнения и тем создавать условия, обеспечивающие успех всей работы.

Несмотря на место, занимаемое ныне милиционным формированием в системе наших вооруженных сил, еще и теперь, правда, все реже и реже, приходится слышать сомнения в принципиальной правильности этих путей строительства.

Говорят, что регулярная, кадровая армия, хотя бы и небольшая, для нас была бы лучше и надежнее всех наших милиционных формирований.

Вопрос очень серьезен и заслуживает самого внимательного рассмотрения. Ведь если это сомнение верно, то мы обязаны немедленно ликвидировать все наши милиционные опыты и вернуться на старые, испытанные царизмом и почти всеми остальными буржуазными государствами пути.

К счастью, дело обстоит вовсе не так. Принципиально наш путь строительства предрешен всем ходом и логикой революционной борьбы. Он указан в основе не только в старой программе нашей партии, но и в постановлениях ряда партийных съездов послеоктябрьской эпохи (см. резолюции VIII и IX съездов).

Конечно, и съездовские резолюции для нас не абсолютный догмат. Как марксисты и ленинцы, мы прекрасно помним, что и в военном деле, как и во всем остальном, мы должны учитывать два основных момента.

1) что мы не должны связывать себе руки признанием какой-нибудь одной определенной формы борьбы и определенной формы организации. Нужно подходить к ним с классовой пролетарской оценкой, которая и должна явиться высшим, решающим критерием; применение этого принципа исключает всякий догматизм и схоластику;

2) что мы все общественные явления должны расценивать с точки зрения их развития, их общественной динамики.

Но именно этой точкой зрения целиком проникнуты и те постановления, которые вынесли VIII и IX съезды. Установив определенные перспективы нашего военного строительства, дав им четкую и строгую марксистскую оценку и формулировку, эти резолюции вместе с тем отмечают конкретные условия, при которых должна происходить их реализация.

Так как об этих постановлениях, между прочим, никем впоследствии не отменявшихся, многие, очевидно, успели основательно забыть, то нелишне их припомнить.

Вот ряд выдержек из резолюций VIII съезда РКП(б) по военному вопросу:

«VI. Можно считать теоретически неопровержимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях, близких к их повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельскохозяйственного труда создавало бы самую здоровую основу для армии, роты, батальоны, полки, бригады, дивизии которой совпадали бы с мастерскими заводов, заводами, деревнями, волостями, уездами, губерниями и пр. Такая армия, формирование которой шло бы нога в ногу с хозяйственным подъемом страны и параллельным воспитанием командного состава, стала бы самой непобедимой армией в мире. К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем». (РКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1924 гг.). ГИЗ, Москва, 1924, стр. 185—186).

Отметив дальше роль всеобщего военного обучения в деле подготовки бойца для регулярных частей сражающейся на фронтах Красной Армии, резолюция продолжает:

«X. Но задача всеобщего обучения военному делу ни в каком случае не может ограничиваться указанной вспомогательной, служебной ролью. Всеобщее обучение должно, путем ряда этапов, согласованных с более неотложной и острой работой по формированию регулярных частей, привести нас к созданию действительно милиционной армии» (стр. 186).

«XI. Для указанной цели необходимо, чтобы всеобщее обучение не ограничивалось задачами индивидуального военного обучения, а перешло к формированию сперва хотя бы самых мелких воинских единиц, по возможности не отрывая их составных элементов, т. е. рабочих и крестьян, от нормальной трудовой обстановки. Всеобщее обучение должно перейти к формированию отдельных взводов, рот, в дальнейшем — батальонов и полков, с более отдаленной перспективой формирования целых дивизий, из местных рабочих и крестьян с местным командным составом, с местными запасами вооружения и всего вообще снаряжения» (стр. 186).

И, наконец:

«XIII. Классовая милиционная армия, к которой мы идем, не означает, как ясно из всего предшествующего, импровизированной, т. е. наспех созданной, мало обученной армии, со случайным подбором оружия и полуподготовленным командным составом. Наоборот, подготовка через всеобщее военное обучение должна быть поставлена так, чтобы — в связи с маневрами, стрелковыми упражнениями и военными празднествами — дать в результате более, чем ныне, квалифицированный тип отдельного бойца и целой части. Милиционная армия должна быть армией обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной науки» (стр. 187).

Приведенная выше перспектива военной работы дана в 1919 году, т. е. в самый разгар гражданской войны. Практического значения, кроме определенных указаний для работы всеобуча, она иметь не могла, ибо все силы и средства страны были направлены на усиление и укрепление действующей армии, и вся тыловая организация была полностью поглощена работой на нее. Но от этого отнюдь не уменьшается ее общее принципиальное теоретическое значение.

Приближение к концу гражданской войны и благоприятные изменения в международном положении Советской России к началу 1920 года ставят на очередь вопрос о коренных изменениях в постановке нашего военного дела. IX съезд РКП(б), имевший место в марте — апреле 1920 года, продолжил работу предыдущего съезда и еще точнее и определеннее наметил дальнейшие пути нашего военного строительства. Им была принята специальная резолюция «О переходе к милиционной системе». В ней с исчерпывающей ясностью и определенностью указаны как основная линия развития, так и те условия, при которых эта линия должна осуществляться. Вот важнейшие пункты этой резолюции:

«3. Нынешнему переходному периоду, который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская милиция.

4. Сущность советской милиционной системы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей.

5. В своем территориальном распределении милиционные части (полки, бригады, дивизии) должны быть приурочены к территориальному размещению промышленности так, чтобы промышленные очаги с окружающей их и тяготеющей к ним сельскохозяйственной периферией образовывали основу для милиционных частей.

6. Организационно рабоче-крестьянская милиция должна опираться на вполне подготовленные в военном, техническом и политическом отношении кадры, которые держат на постоянном учете обучаемых ими рабочих и крестьян и способны в любой момент извлечь их из своего милиционного округа, охватить своим аппаратом, поставить под ружье и повести в бой» (там же, стр. 218).

Вся последующая наша работа и протекала целиком и полностью в духе этих указаний, с тем лишь отступлением, что темп нашего фактического развития оказался более медленным, чем это рисовалось авторам резолюций обоих съездов. Эта медленность стоит в связи с применением нами тех двух основных принципов нашей политики, о которых упоминалось выше: отсутствием догматического преклонения перед какими бы то ни было формами организаций, в том числе и милиционными, и историческим методом оценки.

В своей работе мы руководились указаниями того же IX съезда, отметившего, во-первых, необходимость постепенности при переходе к милиционной системе «в соответствии с военным и международно-политическим положением Советской Республики, при неперемennom условии, чтобы обороноспособность последней во всякий момент оставалась на должной высоте, и, во-вторых, необходимость «сохранения во всей организации всех черт диктатуры пролетариата».

Таким образом, принципиально вопрос совершенно ясен. Коммунистическая партия считала и считает, что

«такая армия, т. е. хорошо обученный и вооруженный, социалистически организованный народ, будет самой могущественной армией, какую знал мир. Она будет не только орудием обороны социалистического общежития против возможных нападений со стороны еще сохранившихся империалистических государств, но она позволит оказать решающую поддержку пролетариату этих государств в его борьбе с империализмом» (из резолюции VIII съезда, там же, стр. 189).

Спор может идти не о принципиальной целесообразности перехода к милиционной системе, а лишь о темпе этого перехода. В частности, для настоящего момента уместны вопросы: не лучше ли для ближайшего периода остаться при кадровой системе, как основной, допуская милиционные формирования лишь в виде исключения? Дает ли тот размах в развитии милиционной системы, на который мы пошли, военные и политические гарантии обороноспособности Союза?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, необходимо заметить, что существующая у нас сейчас военная организация не только по своему объему, но и по своим отдельным чертам очень далека от той развитой милиционной системы, о которой идет речь в изложенных выше резолюциях.

В отличие от милиционных армий чистого типа (например, швейцарской⁷⁵), наши милиционные части имеют довольно сильный кадр мирного времени. Так, кадр территориальной дивизии равняется 16% ее штатного состава, рассчитанного по военному времени. Если же мы возьмем наши так называемые кадровые дивизии, то увидим, что там это отношение поднимается на 10—12% (штат мирного времени составляет немного более 25% штата военного времени). Следовательно, кадровая дивизия должна будет при мобилизации включить в свой состав около $\frac{3}{4}$ нового контингента, призванного из запаса. Если мы учтем, во-первых, то, что территориальная дивизия будет иметь переменников, обучавшихся в ее составе в течение 5—8 месяцев⁷⁶, известных командному составу дивизии и органически связанных с частями ее, а во-вторых, то, что в кадровых дивизиях фактическое время обучения, за вычетом работы, связанной с самообслуживанием и пр., составляет тоже немногим более года, то нетрудно убедиться, что разница в боевой подготовке тех и других если и будет, то довольно ничтожная.

Конечно, дело было бы иначе, если бы наши кадровые дивизии были действительно кадровыми, т. е. в штатах мирного времени имели от 50 до 80% состава военного времени. Такой состав имеют части французской армии, образующие так называемую армию прикрытия, стоящую на границах. Такая дивизия при двухгодичном сроке службы будет, несомненно, гораздо сильнее территориальной. Но их пока у нас нет. А если даже нам и удастся получить такое соединение, то это должно произойти либо за счет расформирования других частей, либо за счет дальнейшего сокращения их кадров, т. е., иначе говоря, дальнейшего в этой части перехода к милиционной системе. Вот этим вторым путем мы и идем. На данной ступени развития и оформления организации вооруженных сил основной задачей является не приостановка развертывания территориально-милиционной системы, а — в пределах той общей численности кадров РККА, которую мы можем иметь по состоянию бюджета, — укрепление ее, наряду с созданием необходимого минимального количества настоящих кадровых дивизий с 50—60-процентным составом военного времени.

Создание этих дивизий, очевидно, возможно лишь за счет перевода других частей на положение милиционных.

Можем ли мы обойтись без этой меры и остаться только при кадровых дивизиях усиленного состава?

При нынешней численности Красной Армии эта возможность исключена абсолютно. Это видно из следующего.

Задача современной кадровой армии заключается в том, чтобы, во-первых, явиться прикрытием для мобилизации страны при объявлении войны, во-вторых, иметь численность, позволяющую пропустить через ее ряды полный состав призванных контингентов, и, в-третьих, иметь такое число войсковых соединений, которое позволило бы развернуть потребное по оперативным планам количество боевых единиц.

Если мы учтем, что общее количество призываемого молодняка у нас составляет ежегодно 1 200 000 человек, из которых от 800 до 900 тысяч — вполне годных к военной службе, то сразу же поймем невозможность справиться с задачей их подготовки путем пропуска через ряды войск. При двухлетнем сроке службы нам для этого потребовалась бы армия почти в 2 миллиона человек. При одногодичном сроке службы это число сократилось бы почти вдвое, но переход к одному году службы по всей линии означал бы не что иное, как всеобщее и полное введение милиционной системы, ибо между нынешними 8-ю месяцами службы в частях и 12-ю при таком порядке разницы почти не будет. При наших условиях такой переход пока преждевременен и опасен. Но даже и при наличии его нам все равно понадобится более чем миллионная постоянная армия, которой у нас ведь нет и которую мы и не собираемся создавать.

С армией же теперешней численности (менее 600 000) ни эта, ни третья из упомянутых выше задач (обеспечение потребного числа соединений) неразрешимы, а потому этот путь строительства для нас невозможен. Совершенно очевидно, что первая большая война, которую нам придется вести, потребует от нас напряжения всех сил и средств. Для ведения ее будет далеко не достаточно кадровых дивизий. Придется ставить под ружье миллионы военнообязанных для того, чтобы обеспечить от нападения врага важнейшие участки наших границ.

Нужно, во-первых, эти миллионы заблаговременно обучить, а во-вторых, иметь такую военную организацию, которая легко и безболезненно, без вредной импровизации, включила бы их в свой состав.

В наших условиях, при нашей численности, такую организацию может дать только широкое развитие милиционной системы, как дополнение к небольшой кадровой армии прикрытия.

Кроме армии прикрытия мы должны содержать на регулярно-кадровых основах еще ряд войсковых частей. Мы на долгое время должны отказаться от попыток строить на милиционной основе большинство наших специальных, технических войск (морской и воздушный флот, войска связи, военных сообщений и пр.), а также большую часть нашей конницы. Слабая индустриализация страны не обеспечивает специальных войск подготовленным техническим составом, для подготовки же специалистов из крестьянского молодняка необходимо значительное время.

Таким образом, границы развития милиционной системы получают для ближайшего будущего вполне определенные очертания. В этих пределах мы не только можем, но и должны всемерно развивать и укреплять практику милиционного строительства, ибо иных путей для обеспечения обороноспособности нашего отечества у нас нет.

Но идя этим путем, мы отнюдь не можем закрывать глаза на большое количество трудностей, встающих перед нами. Положительное осуществление милиционной системы, хотя бы и в упомянутых выше суженных пределах, упирается в целый ряд величайших препятствий. Первым и самым важным из них является факт общей отсталости и некультурности нашей страны.

Огромное большинство нашего призывного контингента составляют крестьяне. Значительная часть его (около 20%) поступает в ряды армии неграмотной. Это значит, что служба в армии должна являться для них не только военной школой, но и школой элементарной грамотности. Обучить такой контингент всем требованиям современного боя — дело нелегкое. Совершенно очевидно, что задача эта для территориаль-

ных частей, при их кратком 8-месячном общем сроке службы, разбивающемся, вдобавок, годичными перерывами на отдельные части, становится еще более затруднительной. Хорошего, вполне подготовленного, как следует обученного и воспитанного бойца получить крайне трудно, но все-таки не невозможно. Широкое развитие среди населения спорта, в частности искусства стрельбы, умелая постановка допризывной подготовки, правильная, учитывающая нужды обороны постановка школьного дела и пр. — все это с каждым последующим годом будет создавать все более и более благоприятную обстановку. В частности, необходимо теперь же, в этом же году, путем специального закона обеспечить ликвидацию неграмотности среди допризывной молодежи каждого призыва. На каждый школьный округ должна быть возложена задача учета неграмотной молодежи и организация занятий с ней. Работа эта должна вестись с таким расчетом, чтобы к моменту начала допризывной подготовки занятия по ликвидации неграмотности заканчивались. Из других мер, обеспечивающих усвоение прививаемых переменникам-терармейцам военных познаний, следует особо отметить работу между сборами.

Опасность не только разучиться и позабыть то, что усвоено, но и развоняться за 11-месячный промежуток времени состояния вне части, в условиях обычной повседневной жизни, — эта опасность очень велика. Только та часть, которая это учтет и своевременно примет соответствующие контрмеры, сможет добиться положительных результатов. Судя по донесениям с мест, задача эта почти всеми осознана в мере ее действительного значения, и вопросам организации работы между сборами на зимних дивизионных конференциях и различных терармейских совещаниях уделялось особенное внимание. Имеющийся опыт говорит, что положительных результатов добиться безусловно можно.

Основными задачами работы между сборами в большинстве случаев намечались: 1) ликвидация политической и технической неграмотности; 2) поддержание и укрепление полученных знаний и 3) воспитание чувства принадлежности к части.

Некоторые дивизии на долю внесборного периода отводили более широкие задачи «обучения и воспитания в лице перемен-

ника политически сознательного и в военном отношении подготовленного бойца Красной Армии», т. е. конечные задачи всякой военной подготовки, сводя этим краткосрочные сборы частей лишь к поверке этой подготовки, к ее закреплению и увенчанию.

В связи с этими представлениями и практическая работа между сборами в различных дивизиях протекала различно.

В одних стремились переменников не трогать и всю работу сводили к установлению письменной связи с ними через «дома крестьянина», избы-читальни и пр., ведя эту работу через так называемые комиссии связи.

В других, наоборот, широко развевывалась практика коротких сборов как с целью учебной, так и поверочной, причем, в порядке приказов местных властей, устанавливались регулярные еженедельные занятия.

И то и другое является крайностью, вытекающей из неправильной формулировки самих задач работы между сборами.

Работу между сборами, при всем ее значении, конечно, нельзя рассматривать, как основное средство боевой подготовки части. Она должна считаться одним из основных условий, обеспечивающих создание боеспособной территориальной части. Центр же тяжести должен лежать на времени трехмесячного обучения новобранцев и на краткосрочных ежегодных сборах.

Для того, чтобы ни один день из этого времени не пропал даром, нужна тщательная организационная подготовка. Нужно во что бы то ни стало добиться, во-первых, одновременной и своевременной явки всех призываемых, а во-вторых, обязательного начала занятий с первого же дня призыва.

Важнейшим условием правильной постановки работы между сборами должно быть приближение кадра к переменному составу и согласованность работы кадра с местными гражданскими органами.

Это приближение должно осуществляться в самом реальном виде, путем доведения районирования до ротных участков и создания живых ротных центров. Центры ротных участков должны обязательно совпадать с пунктами обучения допризывников и в дальнейшем должны стать средоточием всей

военно-просветительной и организационной работы в деревне. Перспектива ближайшей пары лет должна заключаться в создании широкой сети учебных пунктов, оборудованных по единому плану и с расчетом на размещение всей массы подлежащих одновременному обучению допризывников. Такое помещение должно стать своего рода деревенским «домом Красной Армии», где должны сосредоточиться все организации, имеющие то или иное отношение к обороне (спортивное общество, кружки Авиахима, радиолюбителей и т. д.).

Выдвижения всего кадра роты в ротный центр не требуется. Достаточно, если там будет постоянно находиться хотя бы один из командиров, подготовляющий организационные мероприятия и руководящий работой военных кружков, спортивных организаций и пр. Весь же кадр должен выезжать периодически для проведения допризывной подготовки, краткосрочных сборов роты и двухнедельного вневойскового обучения переменного состава на втором году службы.

В отношении согласования работы кадра с работой гражданских органов перед нами стоит задача законодательного оформления ответственности этих органов за работу в территориальных частях. Дальнейшим этапом милиционного строительства будет именно такое втягивание всего советского аппарата в работу терчастей. В конечном итоге, каждое административно-гражданское подразделение (волость, район, уезд, округ, губерния) должно будет наравне с военными работниками нести ответственность за состояние и подготовку своей части. Должно быть широко развернуто здоровое соревнование в этой области между отдельными полковыми округами. Реввоенсовет Союза занят сейчас разработкой вопроса о системе поощрений такой работы.

Таковы примерно пути, при помощи которых можно будет сгладить основную трудность в нашей милиционной системе — неграмотность и некультурность населения. Развитие разнообразнейших форм советской общественности на селе будет в дальнейшем создавать все более и более благоприятную базу для закрепления всей системы. Сами же терчасти должны и могут стать надежнейшими рычагами советской общественности и культуры.

Важнейшим недостатком территориально-милиционной системы является равномерность рассредоточения частей по всей территории Союза. При системе кадровой армии с экстерриториальным укомплектованием большая часть войсковых соединений обычно размещается вблизи наиболее вероятных в отношении вражеской угрозы пунктов границ. Этим облегчается их развертывание и концентрация на определенных операционных направлениях. При огромности нашей территории это — очень важная вещь. С точки зрения мобилизационной готовности территориальные части нисколько не уступят кадровым. Но что касается их перевозок в районы сосредоточения, то здесь мы упрямся в препятствия, создаваемые недостаточно развитой сетью наших железных дорог. Насущные интересы обороны требуют обязательного расширения развития железнодорожной сети. Помимо указанного соображения, вообще без хорошо развитых железных дорог невозможно ведение большой современной войны. Стоит вспомнить хотя бы печальной памяти пример с нашим варшавским наступлением 1920 года, когда боевые части Красной Армии, вследствие слабой провозоспособности железных дорог, оказались без подкреплений и без боеприпасов и тем самым были обречены на неизбежное поражение.

Есть и другие недостатки в нашем милиционном строительстве, но и они не имеют характера непреодолимых преград, и дружными энергичными усилиями военного и гражданского ведомств они могут быть вполне благоприятно разрешены. Сюда относится, например, неурегулированность вопроса о питании допризывников, недостаточность платы за обучение командному и политическому составу, слабое комплектование конским составом, неправильности в районировании и т. п. Многие из этих вопросов получили свое общее решение в известной резолюции III съезда Советов о Красной Армии⁷⁷. На почве директив съезда, несомненно, к следующему году положение во многих отношениях удастся улучшить.

Одним из сложнейших вопросов в боевой подготовке территориальных частей является отработка младшего командного состава. Младший комсостав образует ту основу, на которой зиждется все дело дисциплинирования, боевой спайки

и боевой подготовки части. Пребывая постоянно в среде красноармейцев, младший командный состав является единственным проводником всех воспитывающих часть влияний и воздействий сверху. С развитием групповой тактики и усиливающимся тактическим значением мелких войсковых подразделений боевое значение младших начальников вырастает особенно высоко. Поэтому соответствующий подбор личного состава для подготовки младших командиров, их соответствующая современным требованиям подготовка, качественное и количественное усиление запаса младших командиров на случай войны — все это приобретает первостепенное значение в задачах военного строительства.

Отработка младшего комсостава лежит на обязанности полковых школ. Институт полковых школ у нас очень недавнего происхождения. Он насчитывает всего-на-всего год существования. За это время, разумеется, он не мог еще дать подтверждения правильности всех надежд, связывавшихся с его созданием. Только нынешней осенью полковые школы дадут первый выпуск своих питомцев. Этим будет положено твердое начало закреплению всей нашей военной организации и особенно — милиционной системы.

В отношении милиционных частей, где военная подготовка их основана на предварительном трехмесячном обучении новобранцев и затем — на краткосрочных месячных сборах раз в год, успех учебы может быть обеспечен только при условии, что комсостав и переменный состав знают друг друга. В особенности это необходимо для младшего комсостава, который должен играть роль смычки между кадрами и переменным составом.

Работа между сборами, о важности которой в деле закрепления военных навыков говорилось выше, тоже должна найти себе опору в лице переменного младшего командного состава. Отсюда необходимость отработки младшего комсостава для своих частей в своих территориальных полковых школах.

Существующая система укомплектования полковых школ терчастей шла по принципу экстерриториальности. Насколько можно судить на основании инспекционных сведений и донесений округов, результаты такой системы укомплектования

в смысле качества личного состава школ оказались не совсем удовлетворительными. Это понятно, если учесть трудности отбора; встречающиеся при экстерриториальности укомплектования. В пехоту попадает не лучшая часть призывных. Действительную гарантию здесь мог бы дать непосредственный отбор среди призывников своего территориально-полкового округа со стороны командования полка. Такой отбор, подготовленный тщательным изучением допризывников за 2 года работы с ними, дал бы, несомненно, наилучшие результаты. Поэтому и с точки зрения отработки наилучшего по качеству комсостава и с точки зрения наибольшего закрепления милиционной системы в дальнейшем нужно будет решительно идти по пути отказа от экстерриториального принципа при укомплектовании полковых школ терчастей.

Указания на то, что курсанты полковых школ, находясь вблизи своей родины, не смогут со всем рвением заниматься учебой, несерьезны. Гарантией их серьезного отношения к делу должна быть, во-первых, тщательная фильтрация и отбор наилучших во всех отношениях еще при проведении допризывной подготовки с ними, а во-вторых, сознание курсантом того, что по окончании школы он не только будет командиром в своей части, но и человеком, подготовленным для гражданской работы.

Программа полковых школ, в соответствии с этим, нами расширяется. В результате она должна давать нам не только грамотного в военном отношении бойца, но и развитого советского работника для деревни. Именно на этом элементе должна строиться перспектива развития настоящей советской работы в деревне. В этом деле кровно заинтересован и гражданский аппарат. Вот почему и данный уезд или губерния, при такой постановке вопроса, должны будут принять самое близкое участие в поддержке работы этих школ. Через них мы осуществим настоящую смычку с гражданским и партийным аппаратом.

Могут сослаться на опасения социально-политического порядка. Они тоже не при чем. Четыреста человек курсантов, требующихся для всех четырех школ дивизии, легко могут быть выбраны среди нескольких десятков тысяч допризывни-

ков дивизионного округа, охватывающего у нас иногда две губернии.

Но и в этом вопросе, несмотря на всю его принципиальную ясность, мы пошли более осторожным путем. В наступающем году мы делаем опыт такого укомплектования для ряда дивизий, с тем, чтобы на основе его результатов твердо и уверенно двигаться вперед.

Между прочим, в резолюции IX съезда заключается прямое указание по этому вопросу. В ней есть пункт, который прямо говорит о территориальном характере укомплектования курсов комсостава. Вот он.

«В целях указанного обновления кадров, курсы командного состава должны быть территориально распределены в соответствии с хозяйственно-милиционными округами, и через эти курсы должны проходить лучшие представители местных рабочих и крестьян» (там же, стр. 218, п. 10)

Мы видели, что с точки зрения военных гарантий территориально-милиционная система, при всех своих недостатках, является наилучшим выходом из положения в наших условиях. Она дает нам возможность при самом минимальном кадре мирного времени отработать наибольшее число военнообязанных и развернуть максимальное число войсковых соединений. При невозможности содержать многочисленную армию она является единственным средством максимального обеспечения обороноспособности страны. Конечно, если бы перед нами был выбор между 1 1/2 — 2-миллионной кадровой армией и нынешней системой милиции, то с военной точки зрения все данные были бы в пользу первого решения. Но ведь такого выбора у нас нет. А система милиции, в сочетании с кадровыми частями, обеспечение обороны Союза безусловно дает.

Остается другой вопрос — о политических гарантиях.

Не оформляем ли мы в лице территориальных частей ту физическую силу, которая обратится против советской власти или просто в момент испытаний откажется действовать?

На этот вопрос дать убедительный ответ данными опыта мы не можем, ибо войны (если не считать прошлогодней попытки восстания в Грузии⁷⁸, где, к слову сказать, грузинские терчасти проявили себя прекрасно) пока не было. Но следует иметь в виду, что такая постановка вопроса одинаково верна

и по отношению к кадровым дивизиям, ибо одни их кадры без мобилизационного запаса выйти не могут.

По существу же эта постановка вопроса не выдерживает никакой критики.

Мы — государство рабоче-крестьянское, с руководящей ролью рабочих. Вся мощь государства, в том числе и военная, держится на союзе и взаимной поддержке этих классов. Разрыв нашего союза означал бы и разрыв всей советской системы. Ни править государством, ни тем более воевать без крестьян и против крестьян рабочий класс не сможет. И здесь не поможет никакая система, никакие организационные выкрутасы. Это — азбука для всех и каждого и в коммунистической партии и в самых широких массах рабочего класса и крестьянства всех наций нашего Союза. На этом базируется, из этого исходит вся наша советская политика. Мы строим государство на завоевании доверия масс, на укреплении смычки основных сил страны — рабочих и крестьян. Только недавно и коммунистическая партия и весь аппарат власти реализацией лозунга «лицом к деревне» показали, какими путями должно развиваться наше государственное строительство. На этих путях нам нечего опасаться разрыва в лагере трудящихся, нечего бояться и того, что крестьянство не выполнит своего долга перед рабоче-крестьянским отечеством. В час испытаний миллионные рабоче-крестьянские полки несомненно окажутся не хуже кадровых. Нужно лишь быть верными заветам Ильича.

С точки же зрения учета настроений и проверки правильности работы всего нашего советского аппарата милиционные части являются незаменимым средством. Они открывают самую широкую возможность быть постоянно в курсе настроений, мыслей и дум деревни, ее отношения и оценки происходящего.

Вместе с тем они являются наилучшим средством организованного советского влияния на крестьянство, одним из надежных и наиболее прямых путей к закреплению и развитию советской общественности в деревне. Для окончательного обеспечения этой работы необходимо еще более тесное, чем раньше, втягивание в милиционную работу местного советского и партийного аппарата. Это втягивание должно быть закре-

плено в форме установления ответственности соответствующих советских и партийных органов, наряду с военными, за состояние, дисциплину и подготовку территориальных частей. Пусть каждый уезд отвечает за свой полк. Пусть общими усилиями всего уездного аппарата он поставит его на уровень всех современных боевых требований и сделает его красой и гордостью крестьян и рабочих своего уезда и всей страны в целом.

Эта задача — вполне реальная. Маленькая Эстония, с населением в 1 миллион человек, имеет армию в 20 тысяч. Неужели же наши округа и уезды, с населением в 500—600 тысяч, не смогут организовать и воспитать одного полка? Это — чепуха. Надо лишь втянуть их в дело; надо показать, что строительство вооруженных сил Союза может идти успешно только с ними и через них. Задача создания таких взаимоотношений не терпит отлагательства.

Так вопрос о политическом моменте представляется в теоретическом освещении. А что говорят об этом данные имеющегося опыта? Прежде всего — как относится к территориально-милиционной системе само население?

Все данные, которыми мы располагаем, говорят безусловно о положительном отношении крестьянства к службе в терчастях. Это вполне понятно, ибо крестьянин — реалист и великолепно учитывает разницу между двухлетним непрерывным пребыванием в казарме и восьмимесячной службой в территориальной части, распределяющейся притом на целых пять лет. Лучшим доказательством этой оценки является тот факт, что в центральный аппарат военведа до сих пор не поступало ни одного ходатайства об освобождении от службы в переменном составе, тогда как прошения о переводе из кадровых частей в территориальные поступают в большом количестве.

Другим фактом, характерным для отношения населения к терчастям, является явка на сборы. В общем сборы проходят при 100-процентной явке. Деревня в этом отношении идет, между прочим, впереди города. Отмечавшийся выше факт запаздывания на сборы почти исключительно относится к городскому населению. Отношение к службе вполне удовлетворительное. Ворчание на тяготы отмечается исключительно в от-

ношении старших призывных возрастов, уже проходивших прежде в течение ряда лет военную службу в Красной, а иногда даже и в царской армии (младший комсостав) и включенных теперь в состав терчастей. Со стороны же призыва 1923 и 1924 годов, проходящих службу с самого начала в территориальных частях, никаких жалоб нигде не слышится, и, наоборот, как общее правило, отмечается их хорошее настроение и дисциплинированность.

Красная Армия в целом, а территориальные части — в особенности, связаны с населением теснейшими узами. Тем, чем живет, волнуется, интересуется рабочий и крестьянин, в одинаковой степени интересуется и красноармеец. В противоположность буржуазным армиям, наш красноармеец является, в полном смысле слова, гражданином своей страны, активно участвующим во всей ее политической жизни. Нашу военную мощь мы строим не на отрыве его от этой жизни, а наоборот — на углублении и расширении связей с нею.

При этих условиях неудивительно, что всякие колебания и изменения в настроениях страны сейчас же находят отголосок и в настроении армии. Отразились на армии и те переживания нашей деревни, которые были характерны для истекшего года и которые мы окрестили именем «крестьянских настроений». Это имело место одинаково как в отношении милиционных, так и кадровых частей. Бесспорен факт, что территориально-милиционные части много помогли, во-первых, уловить это явление и выяснить его причины, а во-вторых, — путем соответствующих разъяснений и практических мероприятий — дать ему правильный выход.

Вот выписка из материалов Тульского губкома, наглядно подтверждающая положительное действие территориальных сборов на настроение переменников.

«Хочу сказать несколько слов о нашей территориальной дивизии. В сентябре месяце я был там во время сборов. Настроение красноармейцев было отвратительное. После месяца упорной работы партийная организация в корне изменила настроение красноармейцев. В результате получается то, что красноармеец-переменник в деревне является самым лучшим агитатором за советскую власть».

Следует заметить, что в Тульской губернии «крестьянские настроения» проявились с особенной силой. Обычно по всем гу-

берниям отмечалось преобладание бодрого настроения. Те же материалы губкомов отмечают единодушный факт крупных достижений в проведении терсборов 1924 года по сравнению с предыдущим годом. Вот пример этих оценок:

«Подводя итоги проведенных в настоящем году терсборов, необходимо отметить несомненные успехи по сравнению с прошлогодним сбором. Активность красноармейской массы в учебе была достаточно высока. Итог усвоения военных знаний: 15% — хорошо и 60% — удовлетворительно. Таким образом, в военном отношении призванный состав терармейцев элементарно подготовлен к обороне страны» (Нижегородский губком).

«По докладу о состоянии N-ой тердивизии была отмечена большая планомерность в работе, улучшение связи с гражданскими парторганизациями, проведение более организованного очередного сбора терармейцев» (Самарский губком).

«Отношение терармейцев к военному обучению и политработе было добросовестное и сознательное. Во все время обучения с ними заметно было старание как можно больше получить военных знаний и желание твердо усвоить проходимое. Интерес терармейцев отмечен особенно к изучению групповой тактики, стрельбы, химии и политчаса» (Воронежский губком).

Таким образом, и данные опыта вполне подтверждают тот факт, что и в политическом отношении вопрос о терчастях может обстоять вполне благополучно. Линия партии и советской власти по отношению к деревне создает твердую базу для закрепления этих настроений.

Тщательный анализ данных опыта позволил Реввоенсовету Союза еще в прошлом году прийти к следующему выводу в вопросе об оценке терформирований:

«В процессе опыта территориальных формирований и вневойсковой обстановки мы имеем глубокие достижения: с одной стороны, в том отношении, что территориальная система в целом получила свое принципиальное признание в рабоче-крестьянских массах, а с другой — углубление ее дает все основания рассчитывать, что терсистема в соединении с существующими кадровыми частями безусловно в состоянии гарантировать создание боеспособных частей и обеспечение обороноспособности Союза».

Данные опыта последующей работы не только не опровергают этого вывода, но, наоборот, дают новое подтверждение его правильности.

Задача нашей дальнейшей работы должна заключаться в углублении работы, подведения под нее прочной базы в виде крепкой, органической связи с партией и гражданскими организациями и в непосредственном участии и ответственности последних за результаты работы.

Этот путь может разрешить все затруднения и действительно приведет к созданию самой мощной армии в мире, которая будет не только надежным орудием обороны социалистического отечества против врагов, но и решающим моментом в борьбе трудящихся других стран с империализмом.

М. В. Фрунзе, На новых путях, изд. „Военного вестника“, 1925 г.

ОБОРОНА СТРАНЫ И КОМСОМОЛ

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ РАКСМ 17 ИЮНЯ 1925 г.

Дорогие товарищи, позвольте мне передать вашей конференции, а через вас—всей миллионной массе рабоче-крестьянской, организованной в Коммунистический союз, молодежи братский привет от имени Красной Армии и Красного Морского и Воздушного Флота.

Между Красной Армией и Коммунистическим союзом молодежи с самых первых дней его существования была теснейшая идейная и организационная связь. В тяжкие годы гражданской войны эта связь была освящена и закреплена кровью десятков и сотен тысяч молодых рабочих и крестьян, утверждавших с оружием в руках победу коммунистической революции.

С переходом страны к мирному строительству эта связь не исчезла, — она только приняла иные формы. Комсомол продолжал живо интересоваться вопросами нашего военного строительства и принимать в них посильное участие. Комсомол вел не только свою общую работу по культурно-политической подготовке рабоче-крестьянского молодняка, вливающегося затем в ряды Красной Армии и Красного Воздушного и Морского Флота, — он взял на себя целый ряд более частных задач. Так, он взял на себя шефство над нашим морским флотом: взяли на себя шефство и многие отдельные организации комсомола над рядом частей Красной Армии. Вся эта работа сказалась на общем ходе нашего военного строитель-

ства. Несомненно, благодаря той энергии, которая в различных местах, в различных уголках нашего Союза вливалась в наше военное дело членами вашего союза, нам удалось преодолеть немало препятствий.

Особо плодотворную работу, проделанную комсомолом в деле военного строительства, я обязан отметить в отношении нашего морского флота. Положение морского флота нашего Союза было очень трагичным. В то время, как на суше мы продолжали располагать в самые тяжкие годы нашего существования вполне достаточной территорией, могли здесь развертывать свои вооруженные силы, пополнять их, спланировать, воспитывать и обучать—в отношении к морскому флоту дело обстояло иначе. Мы очень большой промежуток времени были вообще отрезаны от морей. Затем мы были загнаны в такие водные пространства, в которых развертывать в достаточных размерах и выращивать надлежащим образом наши морские вооруженные силы мы могли лишь с величайшими затруднениями. Помимо этого, своеобразие работы морского флота еще более обостряло положение и оттягало нашу работу. Несмотря на все эти затруднения, я с удовлетворением могу отметить, что большинство этих затруднений нами преодолено, и в лице нашего морского флота мы сейчас имеем хороший, крепкий вооруженный кулак, могущий быть надежным оплотом Советского Союза.

И этим, повторяю, мы в значительной степени обязаны вам, обязаны тем десяткам тысяч членов союза, которые были влиты вами в морские контингенты и которые сумели создать там и моральный и материальный перелом. На дальнейшее же время мы связываем с вашей работой еще больше ожиданий, еще больше надежд.

Современное мировое положение складывается так, что к вопросам обороны вновь должно приковываться внимание всей советской общественности. По этому вопросу вы слышали специальный подробный доклад, поэтому я не буду останавливаться на всех тех моментах, которые сейчас характеризуют эту международную обстановку. Я ограничусь лишь указанием на тот вывод, который мы с вами обязаны сделать из анализа этого положения. Этот вывод прежде всего за-

ключается в том, что наша международная политика должна быть в настоящее время особенно осторожной, особенно чуткой и гибкой, ставя своей целью предохранить Советский Союз от всякой опасности войны.

Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить наше мирное строительство. Но, проводя эту политику, никто из нас не вправе забывать о том, что положительное ее решение зависит не только от нас, но и от наших противников. А в этом отношении мы не можем себя обольщать уверенностью в том, что эта политика при всех и всяких условиях действительно обеспечит сохранение мира. Целый ряд фактов говорит о том, что мы можем против нашей воли, против нашего желания очутиться перед угрозой вооруженного нападения на нас. Отсюда вторая наша задача: сделать в области нашего военного строительства все возможное для того, чтобы обеспечить надежную оборону страны. В лице мощных вооруженных сил рабоче-крестьянского государства мы будем иметь не только средство отпора в случае нападения на нас, но и наилучший способ гарантии себя от этого нападения. Ибо, поскольку наши противники будут знать, что мы располагаем могучей армией, постольку у них меньше будет охоты пробовать нашу крепость силою своих штыков.

Вот почему я сказал, что вопросы обороны вновь должны стать в центре внимания советской общественности. Мы ждем, в частности, от вас, как одной из самых мощных политических организаций страны, самой внимательной оценки этого вывода. Надо, чтобы вы тщательно взвесили и продумали всю программу практических шагов, из него вытекающих и обеспечивающих еще больше укрепление нашей военной мощи.

В отношении состояния нашей Красной Армии в настоящий момент я могу с удовлетворением отметить ряд очень больших достижений за последнее время. Та кропотливая, мелкая повседневная работа, которая ведется работниками военного ведомства при поддержке и участии всех трудящихся, свои результаты дает. Постепенно, шаг за шагом, мы преодолеваем наши затруднения. Наши полки все больше и больше совершенствуются и все больше и больше начинают удовлетво-

рять тем требованиям, которые предъявляются современным военным искусством. Но, товарищи, надо все-таки признать, что в целом ряде отношений перед нами еще огромная работа. Нам нужно сделать очень многое для того, чтобы быть вполне уверенными в том, что мы со всякой военной задачей, могущей стать перед нами, сумеем справиться. В этой работе по дальнейшему укреплению нашей военной мощи военное ведомство и ЦК нашей партии рассчитывают на содействие и прямое участие вашего союза.

В чем может выразиться помощь союза в деле военного строительства? Какова должна быть его основная задача в отношении военной работы? Это прежде всего — задача дать армии и флоту примерного, образцового бойца в лице каждого члена союза, дать нам такого красноармейца, моряка, воздухофлотца, который в отношении своей дисциплинированности, культурного развития и политической воспитанности служил бы образцом для всей остальной рядовой беспартийной массы.

Вот основное и главнейшее пожелание, предъявляемое к вам Красной Армией и Красным Флотом.

Обращаясь к настоящему положению, я должен отметить, наряду с теми достоинствами, о которых я говорил, с тем положительным колоссальным влиянием, которое комсомол оказал на наши успехи, и ряд теневых сторон.

Я здесь должен отметить, что в лице комсомола мы того идеала моряка и красноармейца, о котором я говорил, до сих пор не имели. Больше того, я должен сказать, что в отношении дисциплинированности члены комсомола не всегда идут впереди рядовых беспартийных масс.

Вот пара фактических справок, которые вам покажут настоящее положение дела. В декабре 1924 года в Балтийском флоте из всех дисциплинарных взысканий на комсомольцев падало 61,1%, в то время как в Красном Флоте комсомол составляет лишь 30%. Вы видите, что процент дисциплинарных взысканий, падающих на комсомольцев, больше, чем для остальных.

В Каспийском флоте на комсомол приходится 44% всех дисциплинарных взысканий. В сухопутной армии несколько

лучше, но все-таки положение далеко от идеала. Например, в одной из наших стрелковых дивизий Украинского военного округа с января по март 1925 года из всех комсомольцев подвергались дисциплинарным взысканиям 32,9%. По Северо-Кавказскому военному округу с января по март подвергались дисциплинарным взысканиям 31%. Такие же примерно цифры имеются по всем остальным округам.

Как видите, цифры не малые: они говорят, что в отношении дисциплинированности члены комсомола в Красной Армии далеко не удовлетворяют тем требованиям, которые партия, комсомол в целом и командование Красной Армии к ним предъявляют.

Для правильности освещения я должен отметить, что огромное большинство этих дисциплинарных проступков не серьезно. Важных случаев нарушения дисциплины, к счастью, очень и очень немного. Это — положительный факт.

В общем и целом мы имеем, несомненно, большой сдвиг в области внутреннего укрепления всех наших частей, но мелкие нарушения очень часты, и с ними тоже надо считаться.

Чем это объясняется? Главным образом двумя основными моментами. Во-первых, — резкостью перехода из условий общегражданской к жизни военной.

Военная организация, это — специфическая организация, требующая от своих членов особой четкости, точности, исполнительности, выдержки, быстроты исполнения всех распоряжений и т. д., и вот в этой части, очевидно, комсомольцы получают в своей гражданской организации ту подготовку, которая недостаточна для требований, предъявляемых условиями армейской работы. Это несоответствие между работой комсомола в гражданских организациях и в организации военной является первой причиной, которая приводит к нарушению дисциплины.

Второй момент связан с общей линией нашей военной работы. Мы только в последнем году — в 1924 году — фактически добились в Красной Армии такой обстановки, при которой мы можем полностью предъявлять требования по части выполнения служебного долга. В 1922—1923 годах положение в армии и флоте было настолько тяжелым в материальном,

служебном и других отношениях, что, надо прямо сказать, мы на многие нарушения служебных требований смотрели сквозь пальцы, после чего, разумеется, развивались разгильдяйство и распушенность.

Наводить твердый внутренний революционный порядок в наших частях, требовать решительного и неуклонного исполнения всех требований уставов мы стали лишь с очень недавних пор. Естественно, что личный состав армии, привыкший к прежней безалаберности и разгильдяйству, не мог сразу приспособиться к этим требованиям. Вот почему нужно было время, чтобы привыкнуть к новой обстановке, втянуться в новые условия службы и работы.

Теперь, к середине 1925 года, мы отмечаем резкое падение всяких нарушений дисциплины, и с каждым дальнейшим месяцем дело становится все более и более удовлетворительным.

Таким образом, вы видите, что ничего особенно страшного в этом нет. Но обратить внимание, и внимание серьезное на эти факты надо.

Тот вывод, который обязан сделать руководящий коллектив комсомола и весь союз в целом, заключается в том, чтобы работа в гражданской организации уделяла больше внимания вопросам культурно-политического воспитания тех комсомольцев, которые должны влиться в ряды Красной Армии и Красного Флота; они должны заблаговременно ознакомиться с теми требованиями, которые предъявляет военная служба, и таким образом подготовиться к новым обязанностям. Эта же работа должна продолжаться и в рядах Красной Армии. Наши армейские комсомольские организации, наши комсомольские группы содействия под руководством политорганов обязаны делать все для того, чтобы мы, наконец, своего идеала достигли, чтобы мы в лице нашего комсомольца действительно получили такого красноармейца, такого военмора, который во всех отношениях будет образцом для рядовой беспартийной красноармейской массы.

По части политического воспитания нашего комсомольского молодняка, служащего сейчас в рядах Красной Армии и Красного Флота, положение также далеко от идеала. В от-

ношении даже тех комсомольцев, которые имеют союзный стаж с 1923 года, надо признать, что в большинстве своем они немногим отличаются от обычной рядовой красноармейской массы. Поэтому перед комсомолом в полном объеме стоит и эта задача — задача политического воспитания тех членов союза, которые будут вливаться в ряды Красной Армии.

Вы, товарищи, должны дать себе ясный отчет в том, что роль комсомола в этом отношении с каждым последующим годом будет становиться все более и более ответственной. В самом деле, раньше роль массового проводника нашего советского и партийного влияния в Красной Армии осуществлялась почти исключительно нашей военно-партийной организацией. Но по мере перехода к мирным условиям, сокращения сроков службы и прочего, ряды партийных организаций в армии делаются все более и более редкими, и центр тяжести все больше и больше передвигается на командно-политический аппарат.

Главная часть партийного состава в наших частях падает уже не на рядовых бойцов, а главным образом на командный, политический и административно-хозяйственный состав. Это совершенно естественно и неизбежно, ибо за короткий срок отбывания военной службы вступление в партию для огромного большинства рядового состава при наших уставных требованиях невозможно. Но это именно выдвигает на первый план роль комсомола. Его значение все больше и больше растет. Вместо партии он становится той организацией, которая является массовым проводником нашего влияния в красноармейскую массу. В настоящий момент в рядах Красной Армии мы имеем свыше 12% комсомольцев. На 560 тысяч человек всего состава Красной Армии и Красного Флота мы сейчас имеем 70 с лишним тысяч комсомольцев. Эта цифра достаточно ярко говорит о месте комсомола в военной работе, во всем военном строительстве. В дальнейшем эта цифра будет только повышаться в связи с ростом комсомола, с одной стороны, а с другой — в связи с дальнейшим прогрессом по части сокращения сроков службы. Это будет приводить к тому, что роль КСМ, как массового проводника нашего влияния, будет

непрестанно увеличиваться. Вот почему работа комсомола и в рядах Красной Армии и вне ее должна исходить из этой оценки своего значения, своей роли, а стало-быть, и той ответственности, которая лежит на союзе в связи с ней. Вот почему вопросу культурной подготовки, вопросу политического воспитания, вопросу большевизации рабоче-крестьянского допризывного молодняка — союз должен уделять особое, исключительное внимание. Это — первый круг задач комсомола в отношении кадровой Красной Армии.

Второй круг задач в его работе связан с нашими территориально-милиционными частями.

Система нашей обороны все больше и больше начинает опираться не на кадровые, а именно на территориально-милиционные части. По отношению ко всему составу армии, по всем родам оружия, мы сейчас уже 50% наших вооруженных сил строим на территориально-милиционной основе. А если мы возьмем основной род оружия — пехоту, то получим целых 75% территориально-милиционных частей. Из этого вы видите, какое огромное место эти формирования занимают в общей системе обороны нашего Советского Союза. Но эта милиционная система поконится прежде всего на правильно поставленной допризывной подготовке.

Допризывная подготовка, на которую падает два года, должна нам дать и для кадровых и для милиционных частей такой переменный состав, который в отношении и политической, и общекультурной, и чисто военной подготовки будет отвечать максимальным требованиям. До сих пор каждый последующий год нам дает все большие и новые улучшения. Но до идеала нам здесь очень и очень далеко. Вот почему Коммунистический союз молодежи должен вопросам своей работы в милиционных частях уделять самое видное место. К сожалению, сейчас по отношению к ряду губерний надо отметить, что эта задача не была осознана комсомольскими организациями в полном объеме. Это видно из того, что во время сборов допризывников в ряде районов комсомольские организации стояли в стороне от работы. Дело должно обстоять так, чтобы на каждом пункте допризывников руководящая организующая и воспитывающая роль принадлежала

комсомолу. Этого во многих случаях не только не было, а вообще комсомол как бы отсутствовал. Этого в дальнейшем быть не должно.

Комсомол должен поставить своей задачей, должен ввести в программу своей работы — как важнейшую из всех задач — самое ближайшее участие в организации, подготовке и проведении сборов как допризывников, так и вообще сборов наших территориальных частей. Комсомол должен взять на себя инициативу создания во всех частях нашего Союза сети военных уголков, военных и спортивных кружков, тех центров военной пропаганды, которые нам подготовят и создадут действительно хорошо удовлетворяющую нас во всех отношениях красноармейскую вооруженную силу.

Повторяю, эта задача практически в целом ряде районов не только не разрешена, но даже и не поставлена. Я надеюсь, что ваша конференция в этом отношении даст надлежащие указания. И те резолюции, в общем очень хорошие и совершенно правильные, которые принял VI съезд комсомола, получают, наконец, свое конкретное, практическое разрешение.

Наряду с этой воспитательной и пропагандистской работой я хотел бы обратить ваше внимание и на ту роль, которую должен сыграть комсомол в отношении боевой подготовки нашего рабоче-крестьянского молодняка. При тех кратких сроках обучения, которые сейчас имеют место в территориальных частях, нам очень трудно выполнить во время прохождения службы в них все требования военного дела. Помочь нам должна правильно поставленная работа еще до вступления в территориально-милиционные части и в промежутках между их сборами. Я обращаю особое внимание всех наших комсомольских организаций на необходимость широкого развития и укрепления спортивной работы и в частности — широкого развития и широкой постановки стрелкового дела.

Нам надо добиться того, чтобы до вступления в ряды Красной Армии наш рабоче-крестьянский молодняк хорошо знал винтовку, хорошо умел с ней обращаться и хорошо умел стрелять. Интерес к этому делу есть, и я выражаю пожелание, чтобы вы при всех учебных пунктах, во всех тех уголках, где только имеется комсомольская организация, создавали

стрелковые кружки и двигали вперед стрелковое дело. С своей стороны, армия широко идет навстречу этому. И мы, при совместной и дружной работе, сумеем добиться того, что наш рабоче-крестьянский молодежь будет поголовно обучен стрелковому делу, и тем самым будет разрешен важнейший из элементов боевой подготовки нашей Красной Армии.

Дальнейшая задача Союза молодежи заключается в том, чтобы содействовать общей линии, проводимой нами сейчас в деле нашей обороны. Эта линия сводится к тому, чтобы теперь же, в мирное время, в меру возможности осуществить все те требования, которые вытекают из характера будущей войны.

Будущая война явится для нашего Союза решающим испытанием, ибо основными и глубокими являются те интересы, которые будут брошены на чашу весов. Нам нельзя рассчитывать на то, что война, которую нам придется вести, будет легкой войной, что она может быть кончена без больших усилий, без больших жертв. Эта возможность почти исключается. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы заблаговременно подготовить все те средства, которые обеспечат нашу победу в этом столкновении.

Эти средства заключаются, во-первых, в том, чтобы иметь массовую вооруженную силу, чтобы выставить на поле будущего сражения миллионы бойцов, хорошо подготовленных и обученных. Во-вторых,— в том, чтобы эти миллионы бойцов обладали всеми необходимыми материалами и техническими средствами. В-третьих,— в том, чтобы они были одеты и обуты; и, в-четвертых,— в том, чтобы вся страна, весь тыл были надлежащим образом организованы и подготовлены для обслуживания всей этой многомиллионной массы бойцов.

В условиях современной войны эти вопросы организации тыла, вопросы его подготовки приобретают особое значение. И мы, исходя из этих представлений о характере будущей войны, действуем так, чтобы сейчас, еще в мирное время, в наших гражданских организациях, имеющих то или иное отношение к военному делу, работа ставилась не только на основе учета своих текущих хозяйственных и прочих потребностей, но и на основе учета требований обороны. Возьмем, на-

пример, наши школы и вузы. Они могут и должны нам дать добавочный командно-политический состав. При нашем теперешнем кадровом составе, при реальной кадровой армии в 560 000 человек, мы всего нужного нам во время войны состава не получим,— этой потребности может удовлетворить только соответствующая организация всего гражданского учебного аппарата. И я в этом отношении выражаю пожелание, чтобы комсомол взял на себя, совместно с нами, инициативу военизации тыла, инициативу военизации всей сети наших учебных заведений. Для этого необходима прежде всего военизация самого комсомола. Военизация всего тыла, начатая с военизации комсомола, является одной из самых настоятельных задач, выдвигаемых перед нами современной международной обстановкой и требованиями обороны.

Вот те практические пожелания, которые мне хотелось передать вам от имени Красной Армии, морского и воздушного флота. Я еще хотел бы только напомнить об одном нашем пожелании. Оно сводится к тому, чтобы при призыве 1903 года в ряды Красной Армии и Красного Флота нам было дано побольше ответственных работников комсомола.

Я просил бы, чтобы и сам ЦК комсомола, имеющий в своих рядах работников, подлежащих призыву, направил нам их на рядовую красноармейскую работу. Это будет являться очень важным фактором и для поднятия престижа комсомола и для улучшения всей его работы внутри армии.

Вот те пожелания, осуществление которых, по моему глубокому убеждению, поможет нам сделать дальнейший крупный шаг в деле укрепления боевой мощи Союза. Эти пожелания вполне в пределах ваших возможностей. Я не сомневаюсь, что они вами будут приняты и проведены и тем обеспечат нам в час испытаний вывод в поле такой мощной силы, о которую разобьются все усилия наших противников. Я надеюсь, что комсомол, в полном сознании той ответственности, которая на нем лежит, поможет Красной Армии и ее руководству выполнить свой долг перед революцией, перед нашей страной и перед трудящимися всего мира.

НАМ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Союз Советских Республик — государство по преимуществу сухопутное. Поэтому основой вооруженной мощи его должна являться и является сухопутная Красная Армия. Но одной ее недостаточно. У нас есть, во-первых, немалая по своему протяжению морская граница, успешная и целесообразная оборона которой возможна только при наличии морской вооруженной силы.

Во-вторых, что имеет особое значение, в самой черте морской границы у нас есть Ленинград.

Ленинград — город революции и живое пролетарское сердце ее, Ленинград — средоточие нашей науки и техники, важнейший центр нашей промышленности с десятками заводов и фабрик и сотнями тысяч рабочих.

Потеря его, хотя бы на время, будет сильнейшим ударом по рабоче-крестьянской Республике, ударом по ее хозяйству, ее морям и, наконец, ее обороне. Мы должны решить: *город Ленина никогда, ни при каких условиях и никем не должен быть занят хотя бы на самый короткий срок.*

Кто может и должен выполнить эту почетную задачу по обороне Ленинграда?

Красный советский Балтийский флот! Только он, опираясь на техническую мощь и революционный энтузиазм красной столицы Севера, будет в состоянии решить ее наиболее решительно, точно и экономно.

Поэтому мы строим и построим сильный Балтийский флот. Ядро его у нас уже есть. Наша походная эскадра — неплохое начало. Республика позаботится, чтобы это начало увенчалось еще лучшим концом.

«Лучше меньше, да лучше», — говорил наш покойный Ильич. Помня об этом, не будем особенно гнаться за числом. Надо сначала привести в полный порядок то, что у нас есть. Надо ударить по подготовке, слаженности, выучке, умению. Надо добиться того, чтобы суда наличного флота представляли не ряд отдельных, органически не связанных между собой единиц, а живое единое целое, действующее как цель-

ная, исправная, хорошо налаженная машина в руках своего командира-флотоводца.

Достигли ли мы этого умения? Далеко еще нет. *Так будем же дружно работать, будем все, как один человек, от рядового до командующего, стараться над достижением этой выучки.* Этим будет сделан первый и самый важный шаг к созданию сильного Красного Флота. А дальше у нас пойдет, как по маслу.

„Красная звезда“, № 149, 3 июля 1925 г.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАТОРЫ И МАРОККО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марокко всегда было одним из больных мест мирового империализма. На протяжении двух последних десятилетий события, вспыхивавшие в этом небольшом уголке северо-западной Африки, не раз уже грозили зажечь пламя мирового пожара. Эту свою роль Марокко не утратило и сейчас. Как раз напротив — положение там стало еще более сложным и острым, а потому и более опасным для системы мирового капиталистического равновесия.

Неожиданный и потрясающий по своим размерам разгром испанских войск риффанцами, организация в результате этого разгрома на территории испанской зоны «свободного государства» Рифф во главе с талантливым вождем Абд-Эль-Керимом, волнения во французской зоне и начало франко-риффской войны, новые обострения в связи с этим в лагере империалистических держав, широкий отголосок риффанских побед во всем мусульманском мире и пр., — все это с особенной силой притягивает всеобщее внимание к марокканским событиям. Значение их далеко выходит за пределы самого Марокко и даже всей Северной Африки. Здесь важнейший узел мировых капиталистических противоречий. Здесь вместе с тем пункт, где под грохот ору-

жия, по существу, решается судьба колониального могущества всех западноевропейских стран и в первую очередь судьба африканской колониальной империи Франции.

Помимо общеполитического значения, война в Марокко представляет немалый и чисто военный интерес.

Здесь впервые после окончания мировой войны мы имеем перед собой опыт военных операций, проводимых в довольно широком масштабе и с применением всех новейших технических средств. При всей своей узости, односторонности и ограниченности опыт этот может дать немало полезного материала для суждения о характере будущих массовых военных операций современных армий. Роль «живой силы» и «техники», относительное значение отдельных родов оружия, вопросы маневренности и позиционности, война и политика и т. д. получают в свете этого опыта ряд новых конкретных данных, облегчающих их разработку.

Из указанного ясно, какой обширный и разносторонний материал может дать нашей военной мысли изучение опыта марокканской войны. К сожалению, наша военная литература особого интереса к этому делу не проявила. Это несомненная ошибка. Войной в Марокко надо и стоит интересоваться.

Цель настоящих очерков — дать некоторый материал по этому вопросу. Первые пять из них были написаны осенью минувшего года под свежим впечатлением разгрома испанской армии в конце лета 1924 г. К сожалению, по ряду причин они не были тогда напечатаны. Позднее же они просто были мною позабыты. Только теперь, когда марокканские события вновь привлекают внимание всего мира, я вспомнил о них и решил опубликовать, дополнив их еще двумя главами, относящимися к позднейшим событиям и написанными в июле текущего года.

I

Борьба Марокко с европейцами до начала XX столетия

Борьба марокканцев с европейцами не является новостью последних лет. Уже издавна, с момента создания и укрепления в Западной Европе торгового капитала и возникновения первых национальных государств, европейские культуртре-

геры появляются на территории Марокко и начинают свою цивилизаторскую работу. Две главные причины толкали их сюда: во-первых, чрезвычайно выгодное стратегическое положение страны, расположенной у одного из важнейших узлов мировой торговли, и, во-вторых, ее огромные естественные богатства.

Марокко, особенно в береговой своей части (так называемая «Телль»), отличается изумительным плодородием почвы, великолепными пастбищами и климатом, вполне благоприятным для европейцев. Это — та «отдаленная Мавритания», которая в свое время была одной из самых богатых житниц Римской империи.

Помимо этого, страна обладает значительными богатствами металлов и минералов. Здесь крупные залежи железной, свинцовой и медной руды, каменной соли, марганца и фосфатов, и если по ряду причин разработка их пока сравнительно незначительна, то будущие перспективы широки. Наконец, здесь большие леса ценных древесных пород.

Неудивительно поэтому, что Марокко уже издавна стало объектом захватнических стремлений со стороны его северных европейских соседей и не раз подвергалось нашествию неприятельских армий.

Такие попытки начались еще с XV столетия. Сперва португальцы, а в следующем столетии и испанцы, окрыленные успехами в борьбе с маврами, предпринимают ряд экспедиций для завоевания Марокко.

Первоначально эти набеги, благодаря внутренним междоусобицам и религиозным распрям в стране, увенчиваются успехом. Португальцы к началу XVI столетия успевают построить опорные пункты по всему Атлантическому побережью Марокко. Испанцы почти одновременно укрепляются на берегах Средиземного моря.

Эти экспедиции сопровождалась невероятными жестокостями и насилиями над покоренными туземными племенами. Это было не только в практике, но и в «принципах» той «христианнейшей» эпохи европейского цивилизаторства. Однако вскоре туземное население начинает борьбу с пришлыми хищниками.

Население Марокко неоднородно. Главную его массу — не менее двух третей — составляют аборигены страны — берберы, или, как их называют, «кабилы». Это племена той же национальности, что населяют в большинстве две другие французские колонии — Алжир и Тунис. Вторую по численности группу образуют арабы — потомки завоевателей страны, давших ей единую религию и единый литературный язык. Затем идут мавры (потомки беженцев из Испании), негры, евреи. Европейцы — сравнительно небольшое количество — живут, главным образом, на побережье и по большим городам. Общая численность населения современного Марокко точно не установлена — в среднем считается около 6 млн. человек.

Берберы и арабы — природные воины. Скромные в потребностях, сильные и выносливые, с детства приучающиеся владеть оружием, необычайно храбрые и предприимчивые, они представляют великолепный боевой материал. Если бы не внутренние раздоры, связанные с сохранившимся в неприкосновенности и доныне первобытно-родовым патриархальным строем, то эти племена, сплотившись, представляли бы несокрушимую силу. И эту потенциальную силу не раз пришлось испытать на себе алчным конквистадорам.

Первыми испытали ее португальцы. Ряд крупных поражений, понесенных последними в начале XVI в., завершился в 1578 г. разгромом целого экспедиционного корпуса, рискнувшего, под начальством самого короля, углубиться в страну. В ожесточенном бою у города Эль-Ксар-Эль-Кебира португальцы были разбиты наголову, причем погиб и сам король. Этот удар парализовал окончательно наступательную энергию португальцев. Шаг за шагом они оставляют захваченные позиции и, утомленные продолжительной, дорогой стоящей, но безуспешной борьбой, в 1769 г. покидают свою последнюю колонию на западном берегу Африки — форт Мацаган. Таким образом, борьба марокканцев с их первым историческим врагом оканчивается полным успехом.

Судьба испанцев была немногим счастливее. Все многочисленные экспедиции, предпринимавшиеся ими на протяжении четырех столетий, не только не принесли Испании ни

славы, ни выгоды, но отразились самым гибельным образом на благосостоянии самой метрополии. К началу нынешнего столетия испанцам удалось удержать за собой только несколько опорных пунктов на средиземноморском побережье (Сеута, Мелилья, Альхусемас, Велесдель-Гамера) без всякого «хинтерланда». Территория независимых племен началась сейчас же за чертой этих городских поселений.

Таким образом, и из этой борьбы Марокко выходит победителем.

Какими же причинами объясняется такая безуспешность усилий двух могущественнейших держав тогдашней Европы?

Их три. Первая — колониальный характер войны для Португалии и Испании. Вторая — энергия и упорство сопротивления со стороны многомиллионного и храброго населения. И третья — природные условия страны.

Рассматривая операции в Марокко как одно из своих многочисленных колониальных предприятий, обычно не вызывавших больших финансовых и военных усилий, пиренейские завоеватели с этим же масштабом подходили к Марокко. В связи с этим их борьба носила скорее характер разбойничьих набегов, чем планомерных, систематических военных операций масштаба настоящей большой войны. Между тем силы противника, опиравшегося на исключительно выгодные для обороны природные условия страны, далеко превосходили те ресурсы, которыми располагали завоеватели.

Поверхность Марокко в большей своей части чрезвычайно гориста. Почти вся страна заполнена возвышенностями огромной горной системы — Атласа, тянущегося в направлении с северо-востока на юго-запад (от границы Алжира до устья р. Сус) и являющегося на протяжении почти тысячи верст основной ее осью. Цепь Большого Атласа с его снеговыми вершинами до 12 тыс. футов высоты сопровождается двумя горными массивами меньшей величины: на юге (к Сахаре) — Малым Атласом, со средней высотой около 6 500 футов, и на севере — Средним Атласом, идущим вдоль главной цепи почти параллельно морскому берегу и упирающимся в Средиземное море у устья самой большой реки Марокко — Мулуя. Средняя высота этого хребта достигает 10 тыс. футов,

Наконец, самая северная часть Марокко, как раз входящая в сферу испанского влияния, занята возвышенностями, составляющими так называемую Риффскую горную цепь. Этот дикий горный район, населенный воинственными берберами, и представляет ту неприступную цитадель, о которую разбивались четырехсотлетние завоевательные усилия испанцев...

Завоевание Марокко — задача до крайности трудная. Для решения ее требуется колоссальная выдержка, настойчивость, определенный план и система борьбы и, конечно, большая затрата людских и материальных ресурсов. Наскоком и техническим превосходством, как это европейским цивилизаторам удавалось с большинством их колониальных предприятий, тут ничего не поделаешь.

Такой планомерности и выдержки не оказалось ни у португальцев, ни у испанцев, результатом чего явилось полное крушение их завоевательных планов. Было нужно появление другой исторической силы, чтобы результаты борьбы изменились. Эта сила и выступила на сцену в начале XX столетия в лице империализма «Третьей республики».

С этого момента начинается новая историческая фаза борьбы многострадального Марокко за свою независимость — фаза, несравненно более трудная и опасная, ибо отсталая, живущая в первобытных условиях страна подвергается на этот раз нападению противника, обладающего неисчислимыми материальными средствами, располагающего всей мощью современной гражданской и военной техники. Новый враг опирается на крепкий, хорошо организованный тыл, способен на длительную, систематическую борьбу и потому опасен вдвойне. Исход как будто бы уже предрешен. Так бы, конечно, и было, если бы одновременно с этим не сказывалось действие и других сил. Это, во-первых, отсутствие единства в международном капиталистическом лагере и, во-вторых, выступление на сцену нового могучего фактора в лице мирового пролетарского движения. Действие этих сил сказывается на общем ходе событий и может в дальнейшем придать им самое неожиданное для империалистов направление

Марокко в начале XX столетия. Начало борьбы с французами. Уграта независимости

(Схема 1)

Первые военные столкновения марокканцев с французами относятся к 1844 г. Поводом к ним послужила поддержка, оказанная Марокко алжирскому эмиру Абд-Эль-Кадеру, боровшемуся с французами за независимость своей страны*.

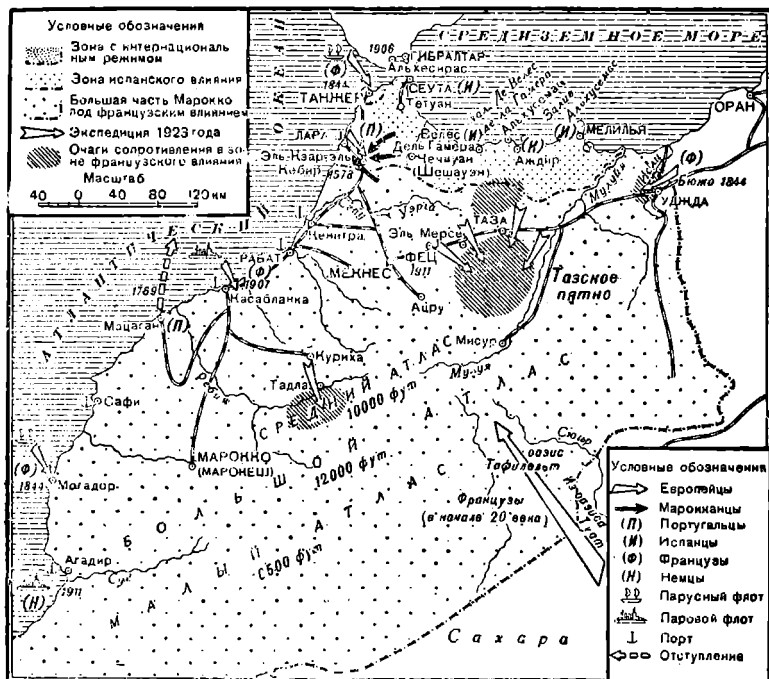

Схема 1. Историческая карта захвата Марокко и распределения влияния в нем между Францией и Испанией

* Абд-Эль-Кадер — один из крупнейших мусульманских деятелей прошлого столетия. Ему удалось объединить под своей властью все разрозненные кабилские племена Алжирии и в течение почти 20 лет с успехом сопротивляться сильнейшему противнику. Под его начальством алжирские кабилы не раз наносили жестокие поражения французским войскам. История Абд-Эль-Кадера удивительно напоминает историю его земляка Абд-Эль-Керима, явившегося в наши дни продолжателем его дела.

Для наказания марокканцев французское правительство организовало военную экспедицию. Значительные французские силы под командой маршала Бюжо вторглись в пределы Марокко со стороны Алжирии и на р. Исли 14 августа разбили нестройные полчища берберов. В то же время французский флот подверг бомбардировке важнейшие марокканские гавани — Танжер и Могадор. Далее вплоть до 1851 г. происходили лишь мелкие столкновения.

На этот раз Франция никаких приобретений за счет Марокко не делала — у нее было достаточно хлопот и с Алжиром. Но, утвердившись в последнем, французский империализм не замедлил обратить свои взоры на соседнюю территорию богатого султаната, захват которой не представлял, казалось, больших затруднений, обещая в то же время массу экономических выгод.

Со второй половины XIX столетия Франция, пользуясь пограничными инцидентами и слабостью власти в стране, систематически распространяется в глубь Марокко, захватывая или подчиняя своему влиянию один район за другим. К началу нынешнего столетия, заняв ряд оазисов северо-западной Сахары (Туат, Тафилельт и др.), непосредственно прилегающих к Марокко, французы охватили последний своими владениями с востока и юга. Одновременно с военным нажимом французы методически работали над укреплением своего экономического и политического влияния внутри страны. Глава власти, марокканский султан, бессильный в борьбе с многочисленными народными выступлениями, нередко устраивавшимися на деньги и по наущению той же Франции, вынужден был обращаться к ней же за помощью. Этим путем к началу нынешнего столетия Франции удалось довольно основательно прибрать к рукам центральную власть Марокко в лице его безвольного султана Абдул-Азиса.

Но эти успехи французского империализма не замедлили вызвать вмешательство ряда других держав, желавших погреть руки у чужого костра. Главными конкурентами явились Англия и Германия. Начинается склока и драка международных хищников из-за не принадлежащего им добра.

С Англией вопрос разрешается соглашением 8 апреля 1904 г., причем ставкой со стороны Франции явился Египет, не принадлежавший ей, как и Марокко.

Признав за Великобританией право распоряжаться и грабить Египет, Франция в обмен получила такое же «право» по отношению к Марокко.

Но тут выступила на сцену Германия. Она отказалась признать англо-французское соглашение и настояла на пересмотре вопроса, в результате чего была созвана Альхесирасская конференция 1906 г. Здесь была подтверждена формальная независимость Марокко и вместе с тем политическое и экономическое равноправие всех заинтересованных в вопросе держав. Однако на деле от этого соглашения вскоре ничего не осталось, так как Франция, получившая совместно с Испанией право наблюдения за выполнением Альхесирасского договора, использовала его настолько ловко, что очень быстро прибрала к рукам большую часть страны. Повод к этому дали события, развернувшиеся в это время внутри самого Марокко.

Известия о сделке, состоявшейся в Альхесирасе между претендентами на господство в стране, скоро широко распространились среди населения и вызвали сильнейшее возмущение против правительства султана, пошедшего на позорную сделку с грабителями. Как обычно бывает в таких случаях, народ сам взялся за дело и свергнул султана Абдул-Азиса, бывшего безвольным орудием французской политики. Престол переходит к брату султана Мулай-Гафиду, стоявшему во главе оппозиции. Но народ оказался снова обманутым: новое правительство, зависевшее от иностранного капитала и жившее за счет тех же подачек, пошло, как и старое, по пути предательства национальных интересов страны и признало Альхесирасский трактат.

Подлое поведение правительства вызвало новый взрыв народного гнева, направленного против Мулай-Гафида и его «покровителей». В ряде городов вспыхивают восстания. Многие племена целиком берутся за оружие. Иностранцы подвергаются нападениям.

Все это дает Франции широкую возможность использовать предоставленные ей Альхесирасской конференцией полнейшие права для укрепления своих собственных позиций в стране.

В 1907 г. французы занимают порт Касабланку и в течение последующих двух лет значительно расширяют оккупационную зону всё под тем же предлогом ограждения безопасности европейцев.

Вспыхнувшее в начале 1911 г. всеобщее восстание марокканских племен и провозглашение в г. Мекнесе нового султана Мулай-Эль-Цина, брата царствующего Мулай-Гафида, ввергает страну в состояние полной анархии и открывает для французской предприимчивости новые широкие горизонты.

Эту возможность половить рыбу в мутной воде французы использовали очень умело и энергично. В результате ряда походов, боевых столкновений, а больше всего — подкупов главарей, восстание затихает, в руках же французов оказывается огромная часть Марокко вместе с окончательно продавшимся французскому капиталу султаном и его армией. Правительство «Третьей республики» уже торжествовало победу — целая страна со всеми своими богатствами попадала в руки победителя и сулила неисчислимые барыши.

Но торжество оказалось непродолжительным. Ему вскоре был нанесен удар сразу с двух сторон. С одной стороны, победителю опять предъявила счет Германия, а с другой — марокканцы показали, что они отнюдь не собираются хоронить свою независимость.

В августе 1911 г. в марокканском порту Агадир появляется и бросает якорь немецкая канонерка «Пантера». Одновременно с этим испанцы занимают ряд пунктов в северном Марокко.

Этот «прыжок пантеры», как фигурально выражалась тогда буржуазная пресса, был ударом грома среди казавшегося ясным неба империалистического равновесия. В воздухе запахло порохом. Вся Европа пришла в движение. Все сильнее и сильнее стало раздаваться вызывающее бряцание оружием по ту и другую сторону Рейна. Французский хищник, вцепившийся в тело своей жертвы, злобно и вместе со страхом

встретил появление соперника. Добычу отдать было жалко, но и вступить в бой казалось рискованным.

В результате — уступки и новая сделка рабовладельцев за счет марокканцев и негров далекого Конго. Франция получает протекторат над большей частью Марокко в обмен за уступленные Германии части французского Конго⁷⁹.

Северное Марокко с городами Тетуан, Лараш и др. образует зону испанского влияния.

Портовый город Танжер с небольшой прилегающей к нему территорией образует третью зону с особым интернациональным режимом, под номинальной властью султана.

Это было 11 ноября 1911 г. В этот день заправили буржуазного мира формально упразднили независимость Марокко. Марокканское правительство с этим легко примирилось. Но не так поступил народ.

В апреле 1912 г., сейчас же после обнародования договора о протекторате, население, оскорбленное в своих национальных и религиозных чувствах, почти поголовно хватается за оружие. На этот раз движение началось с самой столицы страны — г. Феса, причем инициаторами восстания явились «собственные войска» султана. Так было положено начало ожесточенной народной войне, ряду кровавых карательных экспедиций, кошмарных погромов и насилий, составляющих историю современного Марокко.

III

Марокко — протекторат. Утверждение французского господства. Военные операции

(Схемы 1 и 2)

Со времени окончательного подчинения Марокко иностранному капиталу прошло 15 лет, считая началом этого подчинения фактическую оккупацию большей части территории французами в 1909 г.

Срок — немалый. За это время могли уже полностью проявиться те «благодетения», которыми западная цивилизация хотела, правда, против воли опекаемых — осыпать нера-

зумных детей Востока. В чём же выразились «дары» новой культуры?

Прежде всего — в страшнейшем опустошении и разорении страны. Все эти 15 лет ушли на открытую, ни на один год не прекращавшуюся борьбу с различными непокорными племенами. Методы, посредством которых проводилась эта

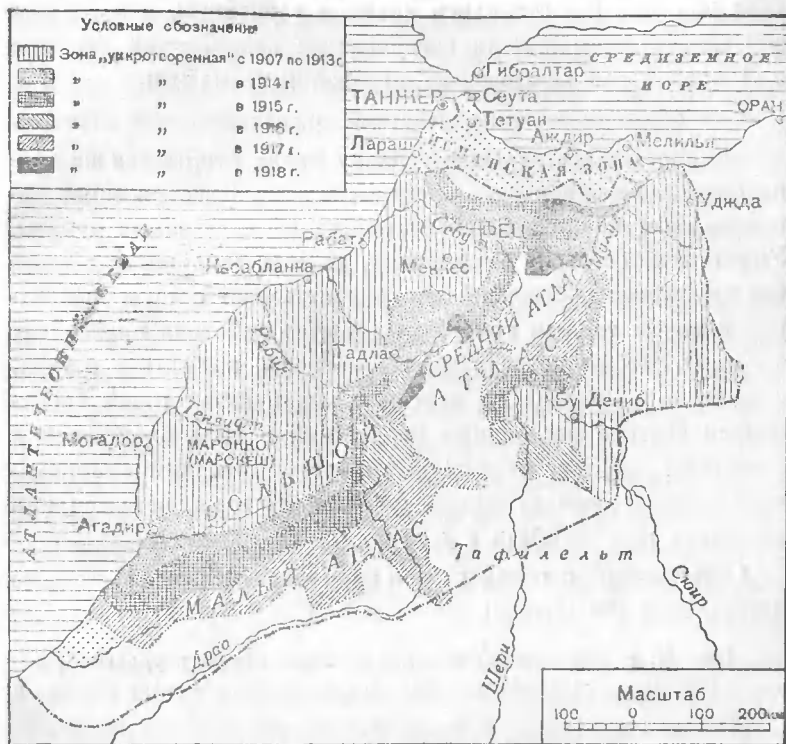

Схема 2. Постепенный захват французами Марокко (1907—1918 гг.)

борьба, превращали ряд районов в безлюдные пустыни, обрекая жителей на голод и вымирание. О сущности этих методов можно судить по следующим официальным справкам.

Официальное французское наставление для боевых действий экспедиционных отрядов гласит:

«Все репрессии должны проводиться немедленно и сурово. Нельзя останавливаться перед сожжением деревень и посевов, так как опыт показал, что великодушные истолковываются как слабость и побуждают марокканцев к новым нападениям».

Эта директива точно определяет характер французских операций в Марокко. Там происходило медленное, систематическое истребление всех, кто не желал подчиниться власти пришлых поработителей. Метод борьбы, усвоенный французами, сводился к постепенному, планомерному и прочному закреплению за собой важнейших политических и экономических центров, где ставились крупные горизонты, и к системе ежегодных, периодически совершаемых карательных экспедиций против так называемых «непокорных» племен.

Вот обычная картина действий экспедиционных отрядов.

По заранее составленному плану отряд вторгается на территорию «непокорного» племени; преодолевает военное сопротивление повстанцев и захватывает их населенные пункты. Уничтожив, согласно инструкции, посеиы, жилища и вообще все имущество побежденных, отряд оттесняет остатки последних к диким горным тущомам (обычно действия происходят в горах). Чтобы не дать им возможности выбраться оттуда, у выходов и вообще во всех узловых пунктах путей сооружается система постоянных укреплений в виде блокаузов и отдельных фортов, снабженных соответствующими гарнизоны. Несчастным туземцам, загнанным в горы, остается или сдаваться или погибать с голоду.

Ожесточение с обеих сторон — невероятнейшее. В том же наставлении мы читаем:

«Они (т. е. марокканцы) никогда не берут пленных, уродуют раненых и мертвых, — следовательно, всегда надо подбирать своих раненых и убитых».

Здесь идет война на истребление. И такая война идет непрерывно с начала французской оккупации вплоть до последних дней. Правда, французский диктатор в Марокко маршал Лиотэ не раз для успокоения французских рантье объявлял, что к такому-то сроку страна будет усмирена, окончательно превратится в «*Maroc utile*» («полезное Марокко») и начнет давать долгожданные проценты. Но пророчества почтенного маршала оказались не совсем удачными. Вплоть до последней вспышки ожесточенной войны с риффанцами военные операции во французской части Марокко

не прекращались, не давая в то же время решающих результатов.

Еще в 1920 г. Лиотэ представил правительству и парламенту программу «пацификации» Марокко, обещая осуществить ее в трехгодичный срок. Таким образом, 1923 год являлся конечным сроком покорения последних не признавших еще власти Франции марокканских племен. Программа эта осталась невыполненной, хотя известных результатов в деле укрепления своего положения французы все же добились.

Наибольшую опасность для французского владычества представляла горная центральная часть Марокко к югу от городов Фецца и Таза, известная у французов под названием «Tache de Taza» («Тазское пятно»).

Занимая всю восточную половину массива Среднего Атласа, между средним течением р. Мулуя и меридианом г. Мекнеса, это «пятно» представляло большую стратегическую опасность, так как непосредственно угрожало сообщению Марокко с Алжиром по единственной железнодорожной магистрали Фец — Таза — Уджа — Оран — Алжир. В то же время это был наименее доступный для французов район, заполненный горными плато и изрезанный дикими глубокими ущельями, — настоящая цитадель центрального Марокко.

Трудности увеличивались еще потому, что одному из вождей — «марабу» (святому) Моханд-Улд-Белькамсе-Азруалу — удалось объединить под своей властью ряд воинственных племен центрального Марокко (бени-уарен, аит-чегушан, мармуша, бениалагам и др.). Эти племена, гордые тем, что никогда не признавали над собой ничьей власти, избрали военных вождей, заключили тесный союз и энергично стали готовиться к последней и решительной борьбе за свободу.

Другими неприятными для французов «пятнами» на карте Марокко являлись области р. Уэрги (приток Себу) в северной, сопредельной с испанской зоной, части Марокко и район Тадла (области Марокеша).

В обоих этих районах, тоже довольно значительных по территории, малодоступных и населенных такими же воинственными племенами, многолетняя борьба до сих пор не дала решающих результатов. Особую опасность представляли Таза и Уэрга в силу соседства с вечно мятежным и гордым своими победами над испанцами «Риффом».

Это — главные центры сопротивления. Помимо них, почти по всей территории горного Марокко имеется ряд пунктов, далеко еще не «умиротворенных» и требующих неуклонного наблюдения.

Весной 1923 г. директивой французского генерального резидента в Марокко (маршала Лиотэ) экспедиционным войскам было предписано:

«Действуя твердо и решительно, используя все свободные силы и средства Марокко, уничтожить большой остров непокорных, именуемый «Tache de Taza» и тем окончательно обеспечить главную железнодорожную артерию Фец — Таза — Уджада, соединяющую Марокко с Алжиром».

Попутно была поставлена задача по покорению и двух других упомянутых выше районов. Директива, между прочим, упоминала, что в связи с твердым решением правительства уменьшить в 1924 г. численность французского экспедиционного корпуса в Марокко поставленные задачи должны быть выполнены во что бы то ни стало.

Подготовка к операциям была начата задолго и была тщательно разработана. Были не только собраны все более или менее свободные силы Марокко, но привлечены и алжирские гарнизоны. В результате создалась маневренная армия численностью до 30 тыс. бойцов, снабженная многочисленной артиллерией (75- и 65-мм), кавалерией, мощной техникой (авиация, танки) и многочисленными вспомогательными туземными отрядами. Из этого числа свыше 20 тыс. солдат плюс 3 тыс. местных партизан, разделенные на четыре отряда, были направлены с разных сторон на «Пятно Тазы».

Против этих огромных сил марокканцы могли выставить в общей сложности не более 7—8 тыс. бойцов, вооруженных разнокалиберными винтовками. Если добавить, что, кроме оружия и боеприпасов, добываемых у противника, мароккан-

цы не имели других средств военного снабжения, то соотношение сил станет еще более поразительным. Но взамен этого у них были знание местности, ловкость маскировки, необычайная меткость стрельбы, безумная храбрость и готовность умереть за свою свободу.

Высокая мораль, опирающаяся на природу, против численности и мощной техники! Величины, на первый взгляд, совершенно несоизмеримые. Но, как увидим дальше, техника и численность все-таки не могли полностью решить дело. Операции начались в апреле одновременно в районах Тадлы и Тазы.

В районе Тадлы, после многих предварительных схваток, главные силы берберов были разбиты в боях на р. Дрене, и французы заняли к концу мая пункты, господствующие над убежищами повстанцев. Исход главного боя, как видно из французского официального донесения, решила техника:

«Несмотря на чрезвычайные трудности местности, покрытой высокими горами, изрезанной крутыми ущельями, среди лесистых утесов, занятых искусными стрелками противника, наши войска достигли всех поставленных целей и опрокинули врага, изумленного отвагой нашего наступления. Скашиваемые нашей артиллерией и пулеметами, бомбардируемые авиацией, которая в продолжение 12 часов не переставала господствовать в воздухе, отряды Аит-Могенда и Абд-Эль-Ули тщетно старались задержать наше продвижение. Противник был отброшен к югу в глубокие горы с очень большими потерями».

Однако надо иметь в виду, что успех еще не заканчивает задачи. Начинается как раз наиболее трудная ее часть — закрепление занятых пунктов и затем отвод главных сил французов. Это будет сигналом для новых атак противника. И до тех пор, пока последний не изъявит покорности и не сложит оружия, район не может считаться умирным.

Что же касается главного — таэского — направления, то здесь для французов обстановка сложилась гораздо менее удачно.

Операции, начатые в мае, продолжались до самой глубокой осени, сопровождаясь почти непрерывными столкновениями. Многие из этих боев по своему упорству и размерам введенных в дело сил вполне походили на настоящие сраже-

ния большой войны. Так, например, в бою при Исука-Бу-Камудже (9 июня) со стороны французов принимало непосредственное участие 14 тыс. регулярных бойцов и 2 тыс. партизан против 5 тыс. туземцев, занимавших сильные оборонительные позиции. В результате упорного 14-часового боя французы одержали победу, но с большими потерями — 64 убитых и 194 раненых.

В другой битве, при Эль-Мерсе (24 июня), считающейся у французов за «самое горячее дело», когда-либо имевшее место в Марокко, потери французских войск были: 61 убитый (в том числе 5 офицеров) и 178 раненых.

Потери берберов, по данным французов, в обоих случаях были в несколько раз больше.

И такого рода сражения за все время экспедиции были довольно обычным явлением.

В отношении действий различных родов оружия надо отметить исключительную роль, которую играла авиация и отчасти бронемашин. Авиация, по свидетельству французов, оказывала неоценимые услуги, «поддерживая связь между отдельными колоннами, служа вернейшим средством разведки и в то же время непрестанно расстреливая противника из пулеметов в бою».

Несмотря на ряд крупных тактических успехов, достигнутых французами, все же намеченная задача ими не была выполнена. Почти все непокорные племена, оттесненные в глухие горы, продолжали сопротивление и не собирались капитулировать. На долю гарнизонов сети вновь созданных укреплений выпадает труднейшая задача: выдерживать отчаянные атаки противника, которые неизбежны с уходом «летучих колонн»⁸⁰. Французское командование и само не склонно было переоценивать достигнутые результаты; это видно хотя бы из следующей характеристики положения в Марокко, данной военным обозревателем газеты «La France Militaire»⁸¹ в номере от 11 марта 1924 г.

«Пятно Тазы не исчезло, но заметно уменьшилось. Говоря правду — подчинившихся очень мало; впрочем, зима позволяет рассчитывать на более серьезные результаты, ибо все эти затраченные нами усилия дали возможность занять большую часть культурных земель и зимних кочевий

главных непокорных племен. Однако вблизи нашей новой линии фронта еще существуют «карманы», которые надо очистить, долины, которые надо занять, и островки, которые надо снести. И если захотят и дальше проводить эти простые исправления фронта, то так или иначе здесь потребуются не простые полицейские меры, но настоящие военные действия с большими материальными средствами и количеством бойцов не менее 8 батальонов».

В другой статье, посвященной военным перспективам на 1924 г., мы находим еще более меланхолические строки:

«Следует задаться вопросом, не будет ли благоразумнее при настоящем положении дел в Марокко, столь обездоленном, по нашему мнению, даже чересчур обездоленном в силах, на время совершенно «стабилизироваться», по крайней мере на южном фронте — в районе Среднего Атласа, и дать непокорным, уже чувствующим себя плохо, «поостыть в нищете». При помощи умной и активной политики нам, может быть, в течение 2—3 следующих лет и удастся их подчинить, хотя бы «собирая по каплям» и не рискуя случайностями войны, которой мы уже знаем цену. Наконец, уменьшение наших кредитов и наших свободных ресурсов, повидимому, нам даже и не позволит вести эти дорогостоящие операции». («La France Militaire» 20 мая 1924 г.).

Полное признание неудачи кампании 1923 г. и далеко не радужная оценка дальнейших перспектив! Даже для богатой Франции становятся не под силу «эти дорогостоящие операции»!

Такое положение во французской части Марокко продолжает существовать и по сей час. Оно «стабилизировалось», но не так, как хотел маршал Лиотэ, — не на основе полной покорности страны, а на почве отказа оккупантов от фактического занятия ряда территорий. Такая «стабилизация» не очень надежна, и при малейшем толчке все может опрокинуться вверх дном. Толчки же эти очень и очень возможны. Откуда они могут последовать, скажем несколько позже.

При всем изложенном выше нельзя отрицать, что известных и относительно крупных успехов французы все же добились

IV

Основные причины французских успехов. Дальнейшие перспективы французского господства в Марокко

Чем же объясняются эти успехи и затем — каковы дальнейшие перспективы французского империализма в Марокко?

Основных причин французских успехов четыре: неорганизованность сопротивления, войско, деньги и умелая политика завоевателей. Первая из них является главнейшей. Если бы при своих высоких качествах население Марокко боролось сколько-нибудь сплоченно, то успехи французов не могли бы быть столь значительными. Не говоря уже о предательстве «верхов», даже те силы, которые вели борьбу, никогда не выступали организованно. Здесь сказался результат патриархально-родового уклада большинства населения страны. Отдельные племена вели борьбу на свой страх и риск, мало заботясь о соседях. Благодаря этому французам в каждый данный момент приходилось иметь дело с небольшими сравнительно враждебными силами, что до чрезвычайности упрощало задачу.

Что касается войск, то мы уже говорили о тех значительных войсковых силах, которые французское командование использовало в операциях 1923 г., а это только часть войск, которыми располагают в Марокко французы.

По своему составу все эти войска разделяются на три группы:

1. *Французские — регулярные.* Они состоят из белых частей (французы и иностранные легионеры) и туземцев Африки (сенегальцы, алжирцы, марокканцы). Общая численность войск: пехоты 89 батальонов*, т. е. почти 7 полных дивизий; конницы — 24 эскадрона; артиллерии (полевой и горной) — 26 батарей. К этой же группе относятся все технические войска: инженерные, связь, авиация, бронечасты, которыми марокканская армия снабжена в изобилии.

2. *Вспомогательные марокканские войска.* Эту группу составляют формирования из местных туземцев, носящие самые разнообразные наименования: гумы, магзены, мегалла⁸².

Эти войска в большей своей части были составлены из элементов марокканской армии, расформированной французами после ее восстания в 1912 г.⁸³. Затем сюда же входят отряды, сформированные отдельными вождями племен и

* В 1924 г. сокращена до 52 батальонов. Общая численность всех вооруженных сил французов в Марокко к началу 1924 г. определялась в 65 тыс. человек.

просто авантюристами из туземцев, поступившими на французскую военную службу.

По своей организации эти войска представляют величайшую пестроту, начиная от иррегулярных, чисто партизанского типа, бесформенных отрядов и кончая организованными вполне по-военному, с командным составом из европейцев.

Общая численность вспомогательных войск, находившихся официально на французском военном бюджете, составляла в 1922 г. 15 892 человека. Фактически, особенно в моменты операций, их было гораздо больше. Вообще численность их всегда колебалась. В 1923 г. была проведена полная реорганизация этих частей на основе превращения их в регулярные войсковые соединения; пехота образовывала полки «марокканских стрелков», а конница — полки «марокканских спагов». Укомплектование — по вольному найму.

3. *Третью группу составляют части «черной султанской гвардии».* В нее входят: 6 полков пехоты, 2 полка кавалерии, 2 горные батареи, 3 роты саперных войск и 1 рота связи.

Гвардия находится на особом положении и несет специальную службу при дворе султана. Численность ее доходит до 10 тыс. человек.

Таким образом, общая численность вооруженных сил, находящихся в распоряжении французского империализма в Марокко, представляет внушительную величину — до 75 тыс. человек. По своим боевым качествам это — одно из лучших войск Французской республики. Состоя в огромном большинстве из уроженцев Африки, солдат по профессии, они представляют наилучший материал для боевых действий в этом крае, отличающемся такими особенностями.

В отношении марокканских контингентов может возникнуть сомнение в пригодности их для борьбы с собственными земляками. Французы это, конечно, учитывают и принимают свои меры предосторожности. Они в туземные формирования вкрапливают белые части. Строго проводится правило, чтобы при операциях на каждые три батальона туземцев придавался один батальон европейцев для парирования «возможных случайностей». Этот батальон обычно остается в резерве; вся тяжесть боя и все потери ложатся, главным

образом, на туземцев. Технические войска почти сплошь состоят из европейцев.

Наконец, надо отметить, что при феодально-патриархальном строе, характерном для большинства марокканских племен, национальное чувство последних не отличается особым развитием. Французская политика, направленная на подкуп наиболее влиятельных групп туземного населения, тоже дает свои результаты. Особенно умело используют французы племенную и религиозную рознь туземцев. В этом отношении чрезвычайно яркий и характерный пример представляют марокканские «партизаны». Партизаны эти не образуют каких-либо постоянных войсковых единиц. Партизан — это член известного племени, занятый обычно, как и все его единоверцы, мирным трудом и ничем особым не отличающийся от них. Он — только владелец лошади и винтовки и идет в «баруд» (бой) под предводительством своего «кайда» (начальника племени). Однако факт владения лошадью и винтовкой дает ему известный вес среди своих единоплеменников; он это понимает и чувствует некоторую гордость. Среди покоренных племен французы набирают подходящих «молодчиков», дают им винтовки и патроны, но взамен этого обязывают участвовать в операциях против враждебных французам племен. Кого с кем и как сравить, французы уже знают. Партизанские отряды формируются только на время той или иной операции, иногда даже только на отдельный период ее; вербовка, инструктирование, наблюдение за отрядами и управление ими в бою возлагаются на офицеров «бюро разведки» соответствующего района.

Задачи, возлагаемые на партизан, — это, главным образом, «атака врасплох», набеги и налеты на поселки «непокорных», конвоирование продовольственных и санитарных обозов, прикрытие рабочих отрядов, совместные действия с войсковыми «летучими колоннами» при наступательных действиях. Но при выполнении всех этих задач всегда имеется «поддержка» (на всякий случай!) в виде той или иной постоянной войсковой единицы. Достаточно яркую и вполне откровенную характеристику всех этих «операций» дает французский капитан Тарри в своем очерке «Примене-

ние партизан в Марокко» («Revue de cavalerie»⁸⁴, март — апрель 1923 г.). Вот она:

«Набеги — это тот род операций, который больше всего нравится нашим партизанам, так как они всегда рассчитывают на добычу при удачном исходе дела. Пригнать в свой дуар (поселок) быков, баранов, овец противника, привезти разное «добро», награбленное в самих палатках «непокорных», если Аллах был милостив, ведь это — триумфальный въезд среди радостных криков женщин, это — пирушка на несколько дней, что, конечно, не может не нравиться публике, живущей обычно нищенски. Накормиться доотвала за счет своего врага — разве это не высшее удовлетворение для марокканца, а может быть, и для того, кто его...»

Бравый капитан, увлекшийся своей ролью живописателя партизанских подвигов, так и не договаривает, кто это таинственный «кто его». Но в этом нет и надобности. «Кто его» — это те сотни лейтенантов и капитанов Тарри, которые формируют эти отряды бандитов и руководят их «героическими подвигами» в вышеизложенном стиле. Какой яркий образчик французского культуртрегерства дан этим, взятым из жизни и отвратительно-гнусным в своей искренней правдивости, рассказом капитана!

Но последуем дальше за ним в его рассказе:

«Наше продвижение в район «непокорных» выражается в занятии стратегических пунктов и, в особенности, участков, необходимых для экономической жизни враждебных нам племен, — пахоты, пастбищ, водоемов, рынков и т. п. Когда мятежники, оттесненные в горы, теряют свои последние клочки пашни и пастбищ, они должны уже сдаться; при затягивании сопротивления они рискуют погибнуть от холода и голода. Вот почему они и отваживаются бродить у самых наших постов и чуть не под дулами пушек собирать клочки травы, необходимой для корма спасенных быков и овец; тут-то и удобный случай нашим партизанам ударить внезапно на зарвавшегося противника...»

К этому описанию добавлять нечего. Оно говорит само за себя без всяких комментариев. А вот картинка и самой «операции»:

«Разведка обнаруживает, что противник пасет скот недалеко от французских постов и что охрана немногочисленна. Представляется удобный случай наказать оплошного врага и захватить большую добычу. В «деле» принимают участие вспомогательные силы ближайших постов — конные и пешие гумы, магзены... Офицерам-разведчикам отдается распоряжение

мобилизовать партизан. Партизан собирают, снабжают оружием и патронами и держат готовыми выступить по первому сигналу. Офицеры-разведчики и туземные начальники, ориентированные заранее о противнике и о его стадах, подлежащих захвату, занимают исходные пункты. Начальник, руководящий операцией, назначает определенный день и, если данные разведки не изменяются и обстановка остается благоприятной, отдает короткий приказ по телефону начать наступление. Начинают обычно через час после восхода солнца, т. е. в то время, когда скот выгоняют из поселков на пастбища. Партизаны с магнами идут в голове, конные и пешие гумы, служащие поддержкой для первых, держатся сзади. Тщательно применяясь к местности, подкрадываются к стадам, не замеченные охраной. Партизаны разделяются на две группы: одна должна опрокинуть и уничтожить сторожевое охранение противника, другая — быстро угоняет захваченный скот. Момент атаки. Как сокол на зайца, наши партизаны с винтовками в руках бросаются на добычу. Пастухи, застигнутые врасплох, спасаются бегством или гибнут под пулями. Атакующая группа проносится вперед и занимает гребень, ближайший к поселкам противника; в это время вторая группа во весь опор угоняет в тыл захваченный скот. От быстроты действий и зависит весь успех налета. При первых же выстрелах и криках пастухов со всех сторон сбегаются толпы врагов и бросаются в бой с яростью и отчаянием людей, видящих, как «христианские собаки» захватывают их последнее достояние. Однако надо действовать быстро и поскорее свертываться со всей добычей, пока еще не сцепился противник. Как только стадо и партизаны бешеным аллюром проходят линию поддержки, созданную гумами, победа выиграна. Поставные пушки начинают работать, чтобы успокоить и облагородить преследователей. . . Партизаны уже начинают думать о своей доле добычи, которая для них, конечно, сохраняется. И вот триумфальное возвращение к своему племени, желанный момент, когда можно делить трофеи, пировать и обжираться мясом».

Такой же характер носят действия этих «партизан» и при совместной работе с «летучими группами».

«Можно сказать, что очень часто партизаны наносили жестокие удары противнику, и именно благодаря их боевой способности наши регулярные войска несли не столь большие потери. . .»

О потерях партизан тот же Тарри пишет:

«У них есть некоторые потери, но их кровь не пропадает даром, — нет надобности доказывать, что она сэкономила кровь наших регулярных войск, беречь которые — первейший наш интерес».

Таким образом, надо сказать, что марокканская армия до сих пор была не плохим орудием в руках французских империалистов, и ей, по справедливости, должна быть приписана

первая заслуга в деле закабаления своих собственных братьев.

Но одна армия, конечно, не могла бы много сделать, если бы попутно ее борьба не облегчалась рядом экономических и политических мероприятий, направленных к ослаблению противника. За французским капиталом надо признать настойчивость и железную волю в проведении плана завоевания страны. На это дело были брошены огромные средства, затрачены колоссальные усилия. И результаты этого, несомненно, сказались в создании известного перелома в настроении значительных кругов населения. С одной стороны, действует подавляющая военная мощь врага, с другой — происходит своеобразная «смычка» французского капитала с местными социальными верхами на почве осуществляемых им административных и экономических мероприятий.

Франция богата опытом управления в колониях. У ее администраторов выработались проверенные опытом навыки, которые с успехом применяются не одно десятилетие в колониях и, в частности, в Марокко.

Основной французский принцип — не уничтожать существующего в колониях местного национального аппарата власти. Существовавший на юге Марокко феодальный строй внешне оставлен французами в неприкосновенности, так же как и начальствующие лица (шейхи и кайды) отдельных племен. Конечно, условием такой «терпимости» со стороны французов является полная и абсолютная покорность французским чиновникам. При этом условии местным феодалам обеспечено пользование всеми ранее им принадлежавшими благами. Но малейшая оппозиция лишает местного князька или начальника его привилегированного положения и обрекает на всякие бедствия. Из семи великих кайдов (крупных феодалов) южной части Марокко трое за оппозицию были смещены, зато оставшиеся четыре не нахвалятся новым порядком вещей. Таким образом, население непосредственно сталкивается, главным образом, со своими «веками освященными» администраторами, и мундир иностранного чиновника почти не мозолит туземцам глаза. Принцип этого сохранен

французами доверху, и султан Мулай-Юзеф продолжает благополучно «править» и в наши дни. Само собою разумеется, что вся местная власть — пешки, но декорум соблюден, и нужный эффект получается.

Второй принцип французов — уменьшение активности (в смысле свободолюбивых стремлений) населения путем солидного налогового пресса, подогнанного, однако, под соответствующие статьи корана.

Когда племя после сопротивления изъявляет покорность, прежде всего на него налагают штраф, по выплате которого начинается взимание «законного» налога — «тербита», причем весьма характерно, что первые годы племя платит лишь незначительную часть нормального налога ($\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$). Из года в год тяжесть налога повышается и достигает, наконец, нормы. Таким образом, кабала, в которую попадает население, менее для него заметна. Весьма существенным моментом является то, что местные начальники племен — кайды и шейхи — не получают определенного жалованья, и заинтересовываются излишками налоговых поступлений. Это, конечно, великолепный способ довести до предела старания этих сборщиков податей.

Третий принцип французов — тщательное разоружение населения. Скорострельные ружья совершенно не оставляются туземцам. Старинные (часто кремневые) ружья иметь разрешается, но норма — 1 ружье на селение.

И, наконец, четвертое — это прикомандирование к кайдам офицеров разведывательной службы — своего рода комиссаров, дабы иметь глаза и уши в гуще местного населения.

Совокупность изложенных четырех правил составляет в общих чертах французскую систему управления — систему, направленную к полному экономическому обескровлению населения и подрыву его способности сопротивления хозяевам страны — французам.

Но наряду с умелым администрированием французский капитал развивает довольно энергичную экономическую деятельность, которая, в свою очередь, является немаловажным звеном в общей цепи условий, обеспечивающих его

укрепление в стране. В первую голову усилия французского капитала направлялись на улучшение путей сообщения.

Без хороших дорог, в частности без железных дорог, совершенно немыслимо ведение сколько-нибудь серьезных военных операций, особенно при больших расстояниях. Поэтому французы параллельно с военным продвижением в глубь страны занялись прокладкой и железных дорог. Первоначальная конструкция последних отличалась большой простотой и преследовала исключительно военные цели. Это были полевые узкоколейки. По мере «пацификации» соответствующего участка и дорога получала более постоянный характер и переходила на нормальную колею. В связи с этим железнодорожная сеть Марокко до настоящего времени еще носит двойственный характер — дорог чисто военных и дорог общего пользования.

К железнодорожному строительству французы приступили в 1912 г. К 1921 г. Марокко уже имело в эксплуатации сеть протяжением 2 775 км; кроме того, до 500 км было частью в постройке, частью в проекте.

Все крупные города и порты (Фец, Мекнес, Рабат, Каса-бланка, Марокеш и др.) соединены железнодорожной колеей. Сообщение с Алжиром происходит по магистрали Фец — Та-за — Ужда — Оран. Одновременно с железными дорогами была создана еще более широкая сеть шоссейных и грунтовых дорог, а также широко разветвленная телеграфная сеть.

Так как до постройки Алжирской железной дороги связь с метрополией осуществлялась исключительно морским путем, то французы, конечно, обратили серьезное внимание на оборудование портов.

Естественные условия марокканского берега в этом отношении крайне неблагоприятны: береговая линия мало изрезана, и хороших бухт нет. Приходится создавать их искусственно. Для всего атлантического побережья Марокко главным портовым городом является Казабланка; здесь были произведены огромные строительные работы, и в настоящее время создан отлично оборудованный порт. Подобные же работы производятся и частью закончены в Рабате, Агадире, Сафи, Кенитре.

Жизнь портовых городов развивается энергично; количество приходящих судов с каждым годом все увеличивается; растёт население, развиваются торговля и производства.

Из промышленных предприятий в первую очередь развиваются те, которые связаны с сельским хозяйством; сюда, прежде всего, относится мельничное дело, успевшее широко развернуться в ряде хлебных центров Марокко. Начинает развиваться лесное дело. Быстро идет процесс индустриализации производства оливкового масла, — та область промышленной деятельности, которая может считаться национальной. В связи со строительной лихорадкой растут заводы строительных материалов — кирпичные, цементные, лесопильные и т. п. Заводы работают полным ходом, в предприятия вложены солидные французские капиталы. Из минеральной промышленности получили широкое развитие добыча и переработка фосфатов, — успешно функционирует «Office Chérifien des Phosphates».

Горная промышленность пока еще в зачаточном состоянии — развитию ее препятствуют, с одной стороны, довольно жесткие правила об изысканиях и разработках, с другой — почти не прекращающиеся военные действия. Удобный момент для «вложения капитала» еще не настал. Но у капиталистов тоже существует своя стратегия и тактика: выжидая в одном направлении, они решительно и упорно наступают в других. Достаточно показательна, например, деятельность «Compagnie Marocaine» — анонимного общества французских коммерсантов в Марокко.

«После своего создания (1902 г.), относящегося ко времени, когда Марокканский шерифиат⁸⁵ еще не был протекторатом Франции, это общество продолжало непрерывно развиваться и не переставало оказывать самое широкое содействие распространению французского влияния и делу колонизации. Благодаря сети своих агентов по всем городам, благодаря опытному и знакомому с местными условиями персоналу, закрепленному положению и связям с крупными финансовыми группами метрополии это общество занимает первое место в коммерческой и промышленной жизни Марокко. Нет почти ни одного крупного предприятия, где бы «С. М.» не принимала участия»*.

* «Le Maroc», приложение к журналу «La Vie Technique et Industrielle».

Работы по устройству портов, постройке и эксплуатации железных дорог (нормальной колеи) — все это так или иначе связано с деятельностью «Марокканской компании». Точно так же компания эта прибирает к рукам и земельные культурные участки; в районе Касабланки, Рабата, Кенитры, Мацагана, Сафи... — всюду имеет она земельную собственность.

Французские культуртрегеры настойчиво занялись превращением старого Марокко в «*Magos utile*». Торговля в Марокко быстро растет: со 150 млн. франков в 1912 г. она дошла более чем до 386 млн. в 1918 г. Доля самой Франции выросла за это время с 43 до 70%. Преобладание Франции в тоннаже примерно такое же. В 1917 г. из 1580 судов, с тоннажем в 1¼ млн. тонн, вошедших в марокканские порты, 895, с тоннажем в 865 тыс., пришло под французским флагом. Пропорция французских судов, посещающих марокканские порты, возросла за 5 лет с 39 до 70%.

Одного этого было бы достаточно, чтобы перевернуть вверх дном весь исторически сложившийся жизненный уклад страны, чтобы придать этому перевороту болезненно-мучительный характер. На деле эта ломка старого быта совершается в еще более ужасных формах. В Марокко орудует капитал-завоеватель, капитал-хищник. К экономическому действию его присоединяются и меры чисто насильнического, грабительского характера. Происходит открытое военное подавление всего противящегося новому строю жизни. Старые основы хозяйства, его элементы, само население уничтожаются вооруженной рукой. В результате страна переживает настоящую социальную катастрофу. Наряду с зародышами развивающегося капитализма, наряду с первыми проявлениями накопления капитала в лице фабрик, заводов, железных дорог, чистеньких и нарядных европейских городов на каждом шагу встречаются картины невероятнейшей нищеты и упадка. Улицы всех городов Марокко покрыты тысячами нищих, одетых в лохмотья и влачащих самое жалкое существование. Число безработных и нищих растет с каждым новым успехом французского оружия. Получается самая дикая, самая возму-

тительная картина массовой пролетаризации, вернее — пауперизации страны.

Вместе с тем все резче и резче выявляется и другой, уже отмечавшийся выше момент.

Французский капитал заключил блок с большинством марокканских феодалов и нарождающейся туземной буржуазии. Только это предательство национальных интересов социальными верхами страны, начиная с султана, могло обеспечить французам столь быстрое их укрепление. Мы уже видели, что фактическая тяжесть ведения войны лежит на самих же марокканцах, продаваемых их вождями на службу иностранному капиталу.

Факт этот имеет решающее значение в дальнейших судьбах социально-политического развития страны.

В борьбе за свое национальное освобождение трудящиеся массы Марокко должны впредь рассчитывать на себя да на помощь трудящихся других стран и в первую очередь на рабочих своей поработительницы — Франции.

Социально-экономические отношения складываются необычайно благоприятно для широкого развития массового движения трудящихся Марокко.

Долг коммунистической партии Франции — притти на помощь измученным, теряющим перспективы и приходящим в отчаяние новым рабам французского капитала; сказать им, что их дело еще не погибло, позвать на штурм твердынь капитализма и этим открыть им путь к новой жизни. Так, несомненно, и будет.

Недавно французская коммунистическая партия послала приветствие Абд-Эль-Кериму — вождю племен, борющихся в северном Марокко против испанцев, по случаю его новых побед. Наши французские товарищи идут верным путем.

Только в союзе с миллионами колониальных рабов, организованных под руководством своих старших европейских товарищей, пролетариат стран торжествующего капитализма сбросит цепи с себя и со своих цветных братьев.

Испанское Марокко

(Схемы 3 и 4)

Все Марокко, как мы уже говорили, разделено на три отдельные части. Хотя по размерам своей территории и по количеству населения две другие зоны — испанская и танжерская — стоят далеко позади французской, даже взятые вместе, тем не менее значение их в международной политике чрезвычайно велико. Именно здесь, в этой неширокой полоске земли, охватывающей с запада и востока Гибралтарский пролив, и находится один из важнейших узлов мировых капиталистических противоречий. Здесь постоянно тлеют угли того костра, который может в любой момент вновь поджечь всю Европу.

В самом деле, стратегическое значение обеих этих зон, и в частности Танжера, одной из лучших гаваней атлантического побережья, расположенного в то же время у самого входа в Гибралтарский пролив, необычайно велико. Это давным-давно понято англичанами, утвердившимися еще в позапрошлом столетии на Гибралтарской скале⁸⁶.

Тот, кто будет владеть Танжером, будет хозяином и в проливе. В его руках будет возможность контроля над двумя великими водными путями, ведущими из Европы в Азию и Африку: через Гибралтар и вдоль западноафриканского побережья. Особенно прочным было бы положение той державы, которая, кроме Танжера, владела бы и остальным Марокко или даже только испанской зоной. Именно в этом ключ к разгадке того решения, которое в 1912 г. не только раздробило Марокко на две главные части, но и выделило самостоятельную «Танжерскую зону» под особым международным контролем.

Искусственность и непрочность такого решения достаточно очевидны. Несмотря на ряд добавочных соглашений, положение попрежнему остается неустойчивым и чреватое самыми неожиданными последствиями. В настоящее время, в связи с осложнениями в испанской части Марокко, положение это особенно обострилось.

В отличие от французов, успевших за это время основательно наложить лапы на свою часть добычи, испанцы своими делами похвалиться не могут. Правда, в начале XX века энергия их, весьма поостывшая за прошлые неудачные годы, снова вспыхивает при виде французских успехов, угрожающих окончательно ликвидировать «исторические» права Испании в этой стране*. Но это была именно вспышка. Испанский империализм при всех своих каннибальских наклонностях был рахитичным и чахлым хищником, годным лишь на роль подголоска у какого-нибудь другого крупного разбойника. В 1906 и 1911 гг. роль последнего выполняла Германия, с большой выгодой для себя охранявшая эти знаменитые «испанские права». Теперь эта роль перешла к Англии, с нескрываемой враждебностью следящей за успехами французов в Марокко.

Сама Испания со своим насквозь прогнившим, благодаря вековому преступному хозяйничанью попов, дворян и алчных чиновников, государственным организмом абсолютно неспособна к проведению настойчивой и серьезной колониальной политики, требующей огромных расходов. Между тем грабительские инстинкты испанских грандов не дают им покоя, чужой пример раздражающе заразителен, и испанцы снова пробуют взяться за «дело». Но, к величайшему их огорчению, результаты и на этот раз получились попрежнему крайне плачевные.

На протяжении последнего пятнадцатилетия испанская часть Марокко трехкратно была ареной ожесточенных боев и поражений испанцев.

Первым по счету является восстание кабилы Риффа в 1908 г.

Поводом к восстанию послужила разработка открытых в 20 км от Мелильи свинцовых рудников и проведение сюда железной дороги от порта.

Бесцеремонная и хищническая эксплуатация рабочих-туземцев, практиковавшаяся испанскими предпринимателями,

* «Право» испанцев на жестокие колотушки со стороны марокканских кабилы тоже стало историческим и, повидимому, таковым и останется.

не замедлила вызвать решительный отпор со стороны гордых и воинственных берберов, бедных, но не привыкших сносить рабское обращение. Надо сказать, между прочим, что работы производились под присмотром местных каидов, получавших соответствующее жалованье от испанской компании, и представителя самого султана. «Смычка иностранного капитала с туземными верхами» налицо. Но ей не суждено было закрепиться. Риффандцы берутся за оружие, представитель султана прогоняется, имущество компании подвергается уничтожению. Начинается длительная борьба.

Несмотря на то, что театр военных действий ограничивался ничтожным клочком территории в непосредственной близости от Мелильи, испанцам пришлось ввести в дело далеко не малые силы. После ряда неудач пришлось посылать все новые и новые подкрепления, и к концу 1909 г. численность действующих здесь войск была доведена до 46 тыс. солдат и 1 768 офицеров.

Тем не менее операции шли неудачно, и войска несли большие потери. В одном из сражений, 27 июля 1909 г., вблизи ставшего знаменитым в летописях испанско-марокканской борьбы горного хребта Гуругу одна из испанских колонн (полковника Пинто) потерпела полный разгром, потеряв 250 убитыми и 800 ранеными. После напряженных усилий и огромных жертв испанцам в 1910 г. удается расширить зону своего фактического влияния в районе Мелильи. Борьба временно затихает.

В 1921 г. война вспыхивает вновь, причем главным районом военных действий является тот же самый хребет Гуругу, ставший в руках марокканцев неприступной цитаделью.

На этот раз борьба для испанцев приняла еще более тяжелый характер. Им пришлось иметь против себя не одни сравнительно слабые силы ближайших местных племен, но весь центральный Рифф, во главе которого стал Абд-Эль-Керим, сделавшийся вскоре известным не только во всем Марокко, но и далеко за его пределами.

Этот прекрасный организатор и талантливый военный вождь сумел в короткое время подчинить своей власти почти все племена центрального Риффа и создать на его террито-

рии настоящее новое государство. Все значение этого факта скоро пришлось испытать на себе незадачливым испанским колонизаторам. Испанские войска терпят одну неудачу за другой, но, опираясь на все новые и новые подкрепления, упорно продолжают выполнение поставленной им задачи по расширению восточного (мелильского) сектора своих владений.

Одновременно с этим шли операции и в западной части испанской зоны (район Сеута — Тетуан — Чечауан — Лараш). Испанское главнокомандование в лице генерала Беренгера старалось во всем следовать методам своих южных соседей из французского Марокко и методически проводило план окончательного покорения западной зоны.

Согласно стратегическому плану генерала Беренгера в первую очередь должны были быть сокрушены воинственные племена горной части западной зоны. Только после победы над ними и окончательного и прочного закрепления испанцев в этой полосе должны были начаться операции против центрального Риффа, причем операции эти можно было бы тогда вести сразу по трем направлениям: с моря, с востока и с запада. Но этим планам генерала Беренгера не суждено было сбыться. В то время как в западной зоне испанцы медленно, но систематически продвигались вперед и одержали ряд значительных успехов, в восточной зоне их ожидала полная катастрофа.

Командующий войсками восточного сектора генерал Сильвестр решил покончить кампанию одним ударом и во главе 15-тысячного корпуса направился в глубь Риффа. Операция была проведена в достаточной степени неумело, поход не был обеспечен соответствующей организацией тыла и снабжения, и в результате экспедиционный корпус потерпел страшный разгром под Аннуалем. В этом бою большая часть корпуса погибла, остальная же часть попала в плен к риффанцам. Им же достались огромные военные трофеи, позволившие сразу же выставить в поле новые тысячи бойцов.

Аннуальская катастрофа явилась поворотным пунктом в ходе всех операций. Испанцам приходилось заботиться уже не о завоевании Риффа, а об удержании старых своих гра-

ниц. Даже эта скромная задача была страшно тяжела, ибо аннуальская победа высоко подняла дух риффанцев и окончательно закрепила объединение риффских племен во главе с Абд-Эль-Керимом. Все усилия испанцев сломить военную мощь Абд-Эль-Керима были безрезультатны, и в 1923 г. им пришлось пойти на соглашение, в общем установившее в восточной части зоны прежние положение в границах 1912 г.

В августе нынешнего года борьба вспыхивает вновь с удвоенной силой, но на этот раз захватывает, главным образом, западную половину испанских владений (район Тетуан — Лараш — Чечауан), считавшуюся доселе относительно благополучной. Район этот до последнего времени не входил в сферу влияния Абд-Эль-Керима и имел собственного вождя Рэссули, о котором несколько слов ниже.

Центром испанского влияния в этой части Марокко и главным административным пунктом является г. Тетуан, расположенный южнее г. Сеуты. С атлантическим побережьем, наиболее богатым и культурным во всей области, и, в частности, с плодородной долиной р. Лукоса Тетуан был связан через укрепление Шешауэн линией фортов и блокаузов по долине р. Лау. Эта линия укреплений прикрывала дорогу с востока. В этом районе Чечауан — Тетуан и развернулись кровавые события последних месяцев.

Судя по всему, выступление марокканцев произошло в значительной степени неожиданно и застало испанские войска неподготовленными и разбросанными по лагерным стоянкам. В результате испанцы понесли огромные потери как в людях, так и в снаряжении и, повидимому, сыграли роль хороших интендантов для своих противников.

Положение испанских войск крайне тяжелое. Без получения новых крупных подкреплений из метрополии им грозит опасность быть окончательно сброшенными в море. Во французской газете «Le Temps»⁸⁷ от 10 сентября с. г. в статье, озаглавленной «Тяжелое положение в испанском Марокко», сообщалось:

«Положение испанских войск в Марокко становится все опаснее и опаснее. Риффанцы угрожают им почти у самых стен Тетуана. Железная

дорога от Сеуты на Тетуан, а также телеграфные и телефонные линии прерваны. Испанцы стараются укрепить линию маленькой речки Уэд-Мартен, протекающей почти под стенами Тетуана».

Положение Чечауана стало критическим с первых же дней. Под яростным напором повстанцев испанцы оставили оборонительные позиции под Чечауаном, и остатки войск заперлись в городе, который вскоре и был окружен противником. Гражданское население было эвакуировано еще в конце августа.

Около того времени был уже принят план отвода на север (к Сук-Эль-Арба) всех войск чечауанского сектора. Но наступление риффанцев помешало выполнению этого плана, и гарнизон Чечауана остался отрезанным. Подвоз подкреплений из метрополии и новый план наступательных действий показывают, что испанцы волей-неволей втянулись в настоящую большую войну. Выше мы уже отмечали, что нынешний район военных действий до этого времени считался испанцами более или менее спокойным, но это было просто ошибочное убеждение «усмирителей», переоценивших свои скромные победы и пацифистскую политику. Чтобы легче уяснить обстановку развернувшейся здесь борьбы, необходимо немного заглянуть в прошлое.

Когда Испания в 1911 г., после французского похода на Фец, решила постепенно занять свою «зону влияния», она выбрала исходными пунктами и базами этой операции Мелилью на востоке, Сеуту и Лараш — на западе.

В западном секторе все «обстояло благополучно», пока испанцам приходилось иметь дело с жителями прибрежной равнинной полосы. Но продвижение сразу же запнулось, как только пришлось соприкоснуться с горными племенами. В 30—40 км от побережья начинался гористый район, населенный племенами анджера на севере (в треугольнике Сеута — Танжер — Тетуан) и джебала на юге, до пограничной с французской зоной р. Лукоса. Власть над джебала захватил в цепкие руки «потомок пророка» — Рэссули, прославившийся смелыми набегами на Танжерский район. Несмотря на присутствие испанских войск, джебала беспрестанно нападали на подчинившиеся испанцам прибрежные племена. Вско-

ре началась мировая война; испанское правительство не рискнуло «углубляться» в марокканский вопрос и решило пойти на соглашение с Рэссули: дать ему титул «верховного правителя гор», дать оружие и боеприпасы, назначить приличествующее жалование и через посредство этого Рэссули попытаться наложить узду на беспокойных джебала и таким образом, по примеру французов, закрепить свое влияние на местные племена через головы их каидов.

Но подражание вышло очень неудачным. Рэссули не отказался от предлагаемых благ, но, с одной стороны, он, при всем своем «высоком происхождении», не пользовался особым авторитетом, с другой — был «сам себе на уме». Во время войны, как уверяют французы, Рэссули получал субсидии от германцев и занимался антифранцузской и антииспанской пропагандой. Испанцы, правда, поняли игру Рэссули, но во время войны не могли ничего предпринять. В конце 1918 г. в Марокко был назначен новый испанский правительственный комиссар, уже упомянутый нами генерал Беренгер.

Горячий поклонник генерала Лиотэ, Беренгер взял за образец французскую политику сотрудничества с туземными верхами, применения летучих колонн, системы постов, использования туземных марокканских отрядов и наметил себе план методического захвата страны.

В начале 1919 г. Беренгер оттеснил противника в горы и восстановил сообщение Тетуана с Ларашем через Фондак. В 1920 г. — в целях блокады джебала — испанцами был взят Чечауан.

В 1921 г. намечалась заключительная операция, должна была привести к захвату «мятежника» и разгрому его «банды». Боевые действия, начатые в апреле, продолжались до июня. Рэссули, теснимый со всех сторон, был близок к полному поражению, как вдруг аннуальская катастрофа совершенно изменила всю обстановку.

Беренгеру поневоле пришлось оставить свои операции в Тетуанском районе и поспешить на помощь к Мелилье. Пришлось исправлять положение. К концу лета 1921 г. Беренгер восстановил границы Мелильского округа и в 1922 г. возоб-

новил наступление на Рэссули. Летучие колонны продвигались успешно, была взята Тазарута — резиденция Рэссули, который с горстью приверженцев бежал в горы. Скоро и последнее убежище Рэссули было открыто и оцеплено. В этот момент Беренгер был отставлен от должности, и Рэссули снова вздохнул свободно. Сменивший Беренгера генерал Бюргет, по характеристике известного военного корреспондента в Марокко Реджинальда Канна, «пустой путаник и болтун», сразу же заявил, что благодаря ему теперь можно будет пройти пешком всю испанскую зону от Мелильи до Лараша более спокойно и безопасно, чем от Пуэрта-дель-Соль * до Мадрида. Чтобы достигнуть таких результатов, он ограничился тем, что стал все делать наоборот: помирился с Рэссули, вернул ему все его «права и привилегии» и начал снова наступать на Рифф со стороны Мелильи.

Затем последовали новые смены. Наконец, выступает на сцену Примо-де-Ривера.

Новый глава правительства прежде был противником «марокканской авантюры» и был сторонником полного оставления «зоны влияния» «Надо желать, чтобы наша отдаленная Африка была еще подальше, чем теперь», — говорил он в 1917 г. в Кадиксе. Но когда Примо-де-Ривера очутился во главе директории, он уже должен был кое с чем считаться и осторожней высказывать свои взгляды. Вначале он колебался принять какое-либо определенное решение и предоставил делам идти так, как он их застал, назначил правительственным комиссаром Марокко генерала Эзпуру — бесцветную личность — и понудил его возобновить договор с Рэссули.

Наконец, после долгих размышлений Примо-де-Ривера решил постепенно сокращать фронт и отводить войска на более глубокие позиции, не указывая, однако, где эти рубежи и будет ли свертывание временным или окончательным. Подобное решение вызвало сильное недовольство среди военных кругов, считавших это унижением достоинства державы и полным признанием бессилия после таких колоссальных за-

* Предместье Мадрида.

трат и средств и энергии. Во время июльской поездки в Марокко генералу пришлось наслушаться по своему адресу от офицеров оккупационной армии немало «крылатых словечек». Вскоре, едва только началось свертывание некоторых испанских постов, внезапно разразилась буря. Все племена, жившие в районе Тетуана и Чечауана, взялись за оружие, прервали сообщение между этими городами, осадили их гарнизоны и атаковали испанские укрепленные линии на р. Лау и к западу от Чечауана с отмеченными выше результатами.

Понятно, какое волнение вызвали в Испании эти известия из Марокко. Генеральская диктатура, возглавляемая Примо-де-Ривера, и без того не имевшая под собой твердой почвы, совсем зашаталась. Политическое положение в Испании угрожающе обострилось. Король Альфонс и Примо-де-Ривера, бывшие в это время в поездке по стране, спешно вернулись в Мадрид. Ввиду панического характера сведений, поступавших из Марокко, диктатор вынужден был преодолеть свое «отвращение к марокканскому вопросу» и счел нужным отправиться в Тетуан с несколькими другими членами директории. Поездка эта привела генерала к очень печальным выводам относительно состояния и настроения войск и конечных перспектив борьбы. В прокламации к войскам, выпущенной генералом и имевшей целью поднять мужество бойцов, имеется ряд признаний, мало лестных для национального самолюбия.

Характерны, например, строки:

«Известно, что испанские солдаты более многочисленны и гораздо лучше вооружены и снабжены, чем мавры. Не подобает им отдавать свои ружья и пулеметы в руки врага, который обратит это оружие против нас же. Лучше умереть со славой, чем стать пленником врага. Солдаты должны питать доверие к своим вождям, которые их скоро приведут к победе».

Свое красноречивое воззвание генерал заканчивает торжественным обещанием оставаться в Тетуане до близкого торжества войск экспедиционного корпуса.

Однако войска этим воззванием, повидимому, не очень-то были расстроганы. Но и правительство, говоря о необходимости восстановления положения в Марокко, не скрывает труд-

ностей выполнения этой задачи. Оценка положения видна из следующего воззвания (в сентябре) директории к испанскому населению:

«Сейчас дело не в изучении марокканской проблемы, вопроса о протекторате или о составлении новых планов оккупации. Суть дела — во всеобщем восстании туземного населения, ставящем в опасность все занимаемые нашими войсками позиции. Это — настоящая война, и на нее надо ответить такой же войной, и не на словах и не ради приличия, но в целях самосохранения, с чувством полной солидарности. При таком положении не должно быть терпимо никакое слово, никакое сообщение, могущее вредно подействовать на моральное настроение солдат или подорвать авторитет правительства».

Вряд ли этими фразами директории удастся поддержать свой авторитет. Дела же ее совсем плохи. Правильно пишут французы:

«Крупные неудачи в Марокко ставят директорию в еще более тяжелое положение потому, что она является детищем переворота и держится только диктатурой. Чтобы оправдать свое существование, директории нужен успех; она не может держаться, если в своих предприятиях не будет успевать лучше, чем ее предшественники. Для всех ясно, что генерал Примо-де-Ривера поставил свою последнюю карту на Тетуан; нет ничего удивительного, что генерал бросил все и отправился туда сам, чтобы ценой всех усилий предотвратить гибельный ход событий».

Но роковым образом директория попадает в тупик. Несколько месяцев назад горячо дебатировался вопрос о необходимости эвакуации части Марокко, сам Примо-де-Ривера был сторонником такого решения. Но слишком много говорили, когда надо было действовать! Теперь же Испания даже при желании не может эвакуировать Марокко. Напротив, теперь Марокко само притягивает все силы метрополии на африканскую землю.

«Испанское правительство не может теперь оставить Марокко и даже, по жестокой иронии, должно само переместиться туда. Теперь первый министр должен управлять Испанией из Сеуты или Тетуана» (ген. Кюньяк).

Так или иначе, директории приходится считаться с фактом войны. И эта война требует новых и новых жертв. Но народ настолько измучен тем, что в обиходе принято называть «марокканским кошмаром», что отказывается дальше

бросать и людей и деньги в эту бездонную пропасть, не видя ни малейшего результата этих жертв; напротив, чем дольше продолжается война, чем больше тратится миллионов, чем больше посылается солдат, тем все как будто больше отдалается умиротворение.

Попытка держаться в отношении местных племен «французской политики» потерпела фиаско. Когда в июле этого года Примо-де-Ривера посетил Марокко, он повидался и с Рэсули. Последний показал генералу 8 тыс. горцев, своих приверженцев, вооруженных маузерами от испанского правительства. На требование передать эти отряды в распоряжение испанского правительства Рэсули отвечал различными отговорками, затем, правда, дал, но только всего 700—800 человек, и сразу же стал просить из Тетуана поддержки для своей борьбы с племенем сумата. Одним словом, стало ясно, что на Рэсули рассчитывать не приходится. Вот почему численность испанских войск в западном секторе в августе и была доведена до 75 тыс. человек. В сентябре, по подсчетам французов, общая численность испанских войск по всей зоне — от Лараша до Мелильи — определялась в 120 тыс. человек. Из метрополии продолжают подбрасывать подкрепления, но все же испанцам, повидимому, не удастся достигнуть больших результатов. О борьбе со всем Риффом испанцам не приходится и мечтать, и фраза в прокламации Примо-де-Ривера: «Что же касается риффанцев, которые подстрекнули к восстанию джебала, то Испания пойдет наказать их в собственных владениях», едва ли и самому генералу может казаться серьезной.

Сейчас можно только пытаться восстановить положение в Тетуан-Чечауанском районе и на р. Лау. Первые наступательные попытки испанцев кончились полной неудачей. Например, 6 сентября из Тетуана была выслана летучая колонна для освобождения отрядов у Бухарраца и на перевале Аферчу. В первый же день марша колонна эта была атакована противником у Мезгара, понесла значительные потери и не могла двинуться ни вперед, ни назад. Такое положение вынудило начальство вступить с кайдами племени бени-идер в пе

реговоры о выпуске гарнизона Бухарраца. После долгой торговли кайды согласились на это за выкуп в 150 тыс. пезет.

Другая колонна (2 тыс. человек), посланная на Сокко-Эль-Кемис (на территории племени бени-арос) с задачей содействовать эвакуации позиций у Тазарута, была тоже окружена противником. Не имея возможности получить своевременно помощь, начальник колонны тоже пробовал пойти на переговоры с повстанцами, причем посредником явился Рэссули. Здесь испанцев ожидал новый удар. Переговоры ясно показали, что Рэссули опять изменил Испании. Незадолго перед этим он просил разрешения укрыться от своих врагов в Арзиле; теперь же, когда испанцы оказались в критическом положении, он объявил командованию, что отряд может вернуться в Лараш на следующих условиях: сдать свое оружие, уплатить крупный выкуп и разрешить Бен-Али (племяннику Рэссули), назначенному испанцами кайдом племен бени-арос и сумата и бывшему в это время в Сокко-Эль-Кемисе, беспрепятственно вернуться к Рэссули в Тазаруту! Теперь не оставалось уже никаких сомнений в том, что восстание племен джебала было организовано самим Рэссули, который решил воспользоваться поражениями испанцев в долине р. Лау, чтобы захватить власть над территорией между Тетуаном и Ларашем. До последнего момента Рэссули ловко скрывал свою действительную игру, чем и толкнул генерала Риквельме в ловушку, подстроенную у Сокко-Эль-Кемиса. Только ценой тяжелых потерь в материальной части и людском составе своего отряда генералу Риквельме удалось пробиться к своей базе.

Таким образом, испанцам теперь приходится рассчитывать только на свои собственные силы.

В конце сентября было начато новое наступление. Генерал Эзпуру отдал следующий приказ:

«Теперь, когда боевые колонны вполне сформированы и снабжены всем необходимым, начинаются операции, которые позволят выручить наши войска. Отрядам тетуанского и ларашского секторов начать, по собственной инициативе, наступление против вражеских банд и овладеть позициями, каждому в районе своих действий. Не ограничиваться вялой обороной и защитой своих флангов, но смело и настойчиво искать против-

ника. Считаясь с безусловной достаточностью сил и средств для настоящей операции, не терять ни минуты для отмщения чести оружия и выручки отрядов, находящихся в тяжелом положении».

Конец приказа-воззвания содержит обещание наградить тех, кто исполнит свой долг, и наказать всех проявивших слабость.

«L e T e m p s» от 26 сентября сего года об этой операции пишет:

«Небезынтересно рассмотреть, при каких условиях испанская армия начинает снова те операции, которые она уже проделывала в 1919 г. под управлением генерала Беренгера. Инициатива тогда принадлежала испанскому командованию, теперь же — наоборот. В 1919 г. Беренгер был свободен в движениях. Он мог в полной мере подготовить успех военных действий и соответствующими политическими мероприятиями. В настоящее время условия совершенно другие: необходимо спешить, чтобы оказать во-время помощь чечауанскому гарнизону, положение которого критическое; нужно, чтобы и президент директории мог при посредстве военных успехов возможно скорее восстановить свой авторитет, потерянный в Мадриде. Таким образом, это наступление имеет два неразрывно связанных объекта — Чечауан и Мадрид. Примо-де-Ривера должен одним ударом сразить марокканцев и своих испанских противников, которые, по игре судьбы, в большинстве военные».

Наступление в настоящее время предпринимается от Тетуана и Лараша. У Тетуана сформирована армия до 50 тыс. человек. Часть ее должна сдерживать племена (анджера и уад-рас), живущие к северу и западу от города. Главные силы этой армии, уже достигшие массива Бени-Гозмар, занимают в настоящее время 7—8 км к югу от Тетуана — фронт, который протягивается от Бен-Каррика до побережья. Но позиции здесь не сплошные. Отряды повстанцев постоянно прорываются в тыл и затрудняют снабжение войск в долине р. Мартэна. До Чечауана отсюда 60 км, но ни клочка ровного места: все — узкие долины, извилистые овраги, над которыми с востока господствует хребет Бени-Гассан, а с запада — отроги Бени-Ратен.

В 1919 г. генерал Беренгер учитывал огромность усилий, которые нужны для преодоления этих местных преград, в стократ увеличивающих силу противника. И он шел, в зависимости от обстановки, и военным и политическим этапами. Когда он предпринял поход на Чечауан, Бени-Ратен был уже

занят испанскими силами; племена, населявшие Бени-Гозмар и Бени-Гассан, были союзниками. На этот раз все эти племена взялись за оружие и готовы терзать тетуанскую армию, отступить перед ее колоннами, чтобы проскальзывать между ними и в тыл атаковать обозы и парки...

Ларашская армия должна двигаться вверх по р. Лукосу, через территорию эль-шериф, живущих к востоку от Эль-Кзар. Затем армия должна будет с боем проходить горы Бени-Иссеф и Бени-Сикар; это как раз те места, где в 1920 г. была остановлена при своем походе на Чечауан армия генерала Баррера, шедшего на соединение с Беренгером. Далее армии предстоит преодолеть барьер Гезан, спуститься в Айма и достигнуть Дра-Эль-Азефа, западного фланга внешней оборонительной линии Чечауана. Операция эта легче, чем выпадающая на долю тетуанской армии, но все же представляет большие трудности, особенно если племена сумата и бени-арос, восставшие против Рэсули, двинутся на юг, что весьма вероятно.

Регулярных и подробных сообщений о ходе военных действий, к сожалению, не имеется. Но и по отрывочным данным уже ясно, что наступление испанцев с первых же дней потеряло связанность, разбилось на ряд случайных боев и было парализовано жестокими контрударами противника. Например, «Le Temps» от 4 октября сообщает:

«По данным из верного источника, в настоящее время уже можно обрисовать главные эпизоды марша из Чечауан. Упорное сопротивление марокканцев перед ущельем Дар-Рэд, являющимся подступом к высотам Бени-Гассан, вынудило испанцев оставить позицию, занятую после перехода Горгесского плато; колонна генерала Кастро-Жирона стянулась к своей тыловой дороге, чтобы соединиться с колоннами, действовавшими справа. Горцы на Бени-Гассане остались на прежних позициях и как бы позволили тетуанской армии беспрепятственно продвинуться вперед к своей цели. Но когда испанцы прошли полдороги, горцы ударили на обозы. Большой транспорт, предназначавшийся для снабжения Чечауана, был разгромлен и потерял 40 грузовиков. Таким образом, коммуникация остается необеспеченной, как и в дни, предшествовавшие окружению (6 сентября) Чечауана.

Марокканцы маневрируют со своей обычной быстротой и наносят удары в различные точки этой военной дороги, трудно охраняемой при ее извилистом начертании. Говорят, что такое неустойчивое положение

должно дать еще новый аргумент сторонникам оставления Чечауана, но эта проблема эвакуации остается трудно решимой. Пока существует полное основание сомневаться в осуществимости подобного предприятия. Сможет ли еще Чечауан держаться и сможет ли гарнизон отойти без риска жестоких боев?

События в районе Бени-Арос еще более осложнили и без того тяжелое положение. Утверждают, что позиции на перевале Аферну, прикрывающем доступ к Бени-Аросу с севера, окончательно пали после атак, которым они подвергались в течение последних недель.

Попытка эвакуации передовых позиций у Тазаруты (резиденция Рассули) привела испанцев к ряду неудачных боев. Эти позиции остаются осажденными уже более месяца, и снабжение их всякий раз стоит таких больших жертв, что командование решило покинуть их. Но, чтобы прикрыть отход гарнизонов, сюда надо выслать крупные силы. Борьба здесь упорна, без вести пропавших насчитывают уже сотни, среди них 5 подполковников.

Ларашская армия генерала Риквельме лишена возможности продолжать операцию из-за понесенных крупных потерь и в пехоте и в артиллерии; возобновить действия она сможет не раньше, чем получит пополнение, которое ей надеются дать за счет тетуанской группы».

В позднейших сообщениях, 15—22 октября, нового ничего нет; говорится только о «постепенном продвижении» испанцев и о соприкосновениях с противником, занимающим район Чечауана. Только едва ли испанскому оружию суждено видеть успех.

Но даже и деблокада Чечауана не будет еще означать полной победы, ни тем более умиротворения Марокко. Это только прелюдия борьбы. Главный враг остается неуязвимым и грозит со стороны Риффа.

По английским сообщениям от 20 сентября, вождь марокканских повстанцев Абд-Эль-Керим, власть которого теперь признана почти всеми племенами в западной части испанской зоны, недавно созывал специальное совещание своих военачальников для обсуждения вопроса о переговорах с Испанией. Абд-Эль-Керим будто бы намерен предложить Испании ограничиться прибрежными городами и организовать плебисцит о будущем режиме Тетуанского округа. С другой стороны, телеграмма из Парижа от 19 сентября сообщает:

«Испанские правительственные круги опровергают через мадридского корреспондента «Журналь»⁸⁸ слухи о том, что Испания обратилась к вождю испанских повстанцев Абд-Эль-Кериму с предложением мира,

и утверждают, что никакое соглашение невозможно без восстановления прежнего положения в Марокко».

Сообщение о желании директории начать переговоры с Абд-Эль-Керимом исходило из Лондона. Танжерский корреспондент газеты «Таймс»⁸⁹ сообщил и условия, которые риффанцы будто бы намерены предъявить испанцам:

1) Эвакуация Тетуана и всей территории, занятой испанцами до заключения франко-испанского договора (таким образом, за Испанией остались бы только Сеута, Мелилья и острова Альхусемас и Велес-дель-Гамера).

2) Полная и абсолютная независимость риффских племен и признание этой независимости Испанией.

3) Вознаграждение убытков, нанесенных за последние 12 лет, и выкуп военнопленных испанцев, находящихся в руках риффанцев.

4) Право изгонять и арестовывать тех начальников племен, которые сражались на стороне испанцев.

5) Должно быть образовано конституционное правительство во главе с султаном. Это правительство берет на себя обязательство соблюдать все коммерческие и другие договоры.

Приводя эти строки, газета «La France Militaire» (20 сентября) добавляет:

«Один из наиболее видных испанских военных авторитетов опровергает эту новость. Он напоминает, что в 1923 г. генерал Кастро-Жирона в бухте Альхусемас имел беседу с четырьмя риффскими предводителями, делегированными Абд-Эль-Керимом для переговоров о мире с восставшими племенами. Племена бени-уриагель тогда признали права и обязательства протектората, и соглашение это было одобрено сторонниками Абд-Эль-Керима, хотя тот и говорил, что он имеет достаточно людей и оружия, чтобы повторить аннуальский погром. Вэдор говорит, заявляет этот испанский авторитет, чтобы испанские предложения могли приближаться к тем, какие были в 1923 г. Чтобы покончить с этим вопросом, я скажу, что африканская армия никогда не потерпит подобного унижения, и осажденные гарнизоны скорее позволят себя уничтожить до последнего человека, нежели сдадутся врагу. Подобные переговоры в настоящее время невозможны, потому что мы, прежде всего, не изменим нашим международным обязательствам, а затем потому, что мы не желаем у себя революции. Конечно, переговоры о мире будут, но не раньше, чем мы станем всецело господами положения».

Конечно, революция для испанских генералов — вещь очень нежелательная. Но если единственный способ избежать ее усматривается в надежде «стать господами положения» в Марокко, то надо признать эти дела очень печальными.

Положение испанцев продолжает оставаться крайне затруднительным. Если и правда, что такого предложения ими не делалось, то можно не сомневаться, что дело все же кончится им. Другого выхода для Испании сейчас нет. Фраза «восстановление прежнего положения» — пустые слова. Восстановить положение — это значит выбить повстанцев из всех занятых ими районов. Для этого надо организовать большую наступательную операцию, вернее даже — целую кампанию.

Может ли выполнить это армия, которая только что потеряла свои позиции, армия, имеющая перед собой многочисленного врага, лучше организованного, лучше вооруженного (благодаря захваченному оружию), окрыленного своими успехами?

Конечно, не может.

Фронт является отражением тыла. Тыл же испанцев уже сдал. Страна истощена и не может нести непомерных расходов по умиротворению своей колонии. Испанское министерство финансов на днях опубликовало данные за квартал апрель — июнь 1924 г. Доходы за этот период исчислены в 228 млн. фр., расходы же достигают 606 млн. Таким образом, дефицит только за четверть года равен 378 млн. Военное министерство поглотило 114 млн., да военные действия в Марокко потребовали дополнительно 24 млн., т. е. в общем свыше одной трети всех госрасходов. За последние же месяцы, с началом боевых операций, расходы значительно увеличились; уже к сентябрю военные действия поглотили 173 млн. франков, т. е. вдвое больше, чем за предыдущий квартал. Сколько же потребует «восстановление положения»? Это тоже достаточно сильный стимул для испанцев серьезно задуматься над вопросами о переговорах.

Но решение вопроса об испанских владениях зависит не только от борющихся сторон. То положение, которое создается

в Риффе, глубоко задевает интересы ряда других держав, и последние не замедлят вмешаться в дело.

Имеется интересное сообщение из Рима, что Англия уже выступила с предложением разрешить испано-марокканский конфликт путем предоставления широкой автономии для племен территории Риффа, с сохранением формального суверенитета Испании.

С точки зрения английского империализма это, конечно, будет самым прекрасным решением вопроса: с одной стороны, будут соблюдены приличия в отношении Испании (сохранение формального суверенитета), с другой — обеспечены интересы английских финансистов, ведущих дела с Абд-Эль-Керимом, и является возможность закрепить в этой зоне английское влияние.*

Но согласятся ли на это другие партнеры — Франция и Испания? Едва ли.

Для французского Марокко независимый Рифф будет крайне опасным соседом — бочкой с порохом, постоянно угрожающей взрывом. В связи с событиями в испанском Марокко уже неоднократно вспыхивали волнения и в сопредельной части французской зоны. И французы уже принимают соответствующие меры.

«Война в испанском Марокко, — пишет генерал Кюньяк, — может найти сильный отзвук в соседней французской зоне. В этой стране война — вещь заразительная. Как только в каком-нибудь уголке разгорается перестрелка, кругом сейчас же начинают свертывать палатки и

* Однако здесь заслуживает внимания следующее сообщение, помещенное в газете «Le Temps» от 14 октября с. г.: «Из Танжера телеграфируют, что Абд-Эль-Керим на днях опубликовал свое первое официальное сообщение, в котором категорически отрицает правильность появившейся в некоторых европейских газетах заметки, что он (Абд-Эль-Керим) завязал сношения с франко-английским синдикатом и что последний ссудил ему 350 000 ф. ст. для покупки военного имущества и для энергичного продолжения борьбы с испанцами. Абд-Эль-Керим утверждает, что все военное имущество, находящееся сейчас в его распоряжении, — исключительно то, что взято в боях у испанцев.

Вождь риффанцев также опровергает и утверждение английской прессы, что в его армии в качестве инструкторов служат европейские офицеры. «Единственные европейцы, находящиеся в горах Риффа, — говорит он, — это военнопленные испанцы, с которыми здесь обходятся хорошо».

седлать лошадей. Волнения риффских племен могут создать и для нас серьезные затруднения в этой полосе, где границы так плохо очерчены и где самые территории племен недостаточно точно определены».

Французское командование в Марокко это учло, и маршал Лиотэ успел собрать на северном фронте значительные силы, чтобы парировать всякие случайности и поддерживать спокойствие и порядок во французской зоне. К северу от дороги Фец — Таза — Таурирт организованы две летучие колонны. На западе группа генерала Коломба наблюдает за племенами в сторону Чечауана, где все кипит, как в котле. Надо заметить, что французские войска здесь расположены всего в переходе от Чечауана. На востоке, в районе между Тазой и средним течением р. Мулуя (к югу от Мелильи), расположена группа полковника Камбэ. Границы здесь тоже очерчены путанно, здесь всегда существовала известная шекотливость положения, так как дорога Таза — Уджа — единственная коммуникация с Алжиром — не имеет с севера достаточного прикрывающего пространства.

«Не нам обсуждать вопрос о вмешательстве французских войск в борьбу риффанцев и испанцев, — продолжает генерал Кюньяк, — мы здесь можем только отметить, что вмешательство это возможно и легко осуществимо. Недавние нарушения воюющими риффанцами наших границ — вполне достаточный повод итти наказать этих повстанцев, которые в такой же мере, как для испанцев, и наши враги. Известный нажим, даже косвенный, в некоторых точках фронта, несомненно, мог бы повлечь деблокаду Чечауана. Испания, безусловно, была бы нам очень благодарна, если бы мы оказали ей помощь в этот критический для нее момент. Франция, конечно, не имеет никакого желания увеличивать свои марокканские владения, и так достаточно большие, но возможны некоторые выравнивания границ, выгодные для обеих наций. Например, вполне ясно, что в восточной части испанской зоны р. Мулуя является мало подходящей разграничительной линией и что последняя должна быть перенесена на гребень высот по левому берегу реки; это даст возможность включить племена, не дробя их, в ту или иную зону влияния. В Марокко, как и везде, даже более, реки являются местами контакта и обмена между населением, но никак не нормальными разграничительными линиями; хорошие границы здесь только горные цепи («Au Maroc espagnol», «La France Militaire» от 21 сентября 1924 г.)».

В конце сентября, когда положение испанцев в Марокко было наиболее критическим, французский генерал Фонвилль

писал («L'Espagne et le Maroc», «La France Militaire» от 28 сентября 1924 г.):

«Нельзя сказать, что испанский протекторат в Марокко пришел к концу, потому что испанцы, отступив к побережью, все-таки сохраняют свои права на оставленную территорию и не лишены возможности позже вернуться опять к политике «углубления». Правда, они на более или менее продолжительный период времени утрачивают свое господство над внутренним районом, не могут проводить свою прежнюю политику и обуздать мятежные племена, живущие грабежом. Все это заставляет нас не забывать, что французское Марокко граничит с испанским. Мы имеем ряд постов по окраине Риффа и должны ожидать, что эти посты подвергнутся более или менее настойчивым покушениям со стороны племен испанской зоны, ободренных отступлением солдат короля Альфонса XIII. Однако договоры воспрепятствуют нам доступ в эту зону. Что же мы так и должны будем топтаться на месте? Неужели мы никогда не будем иметь права преследовать нападающих? Тогда они будут без конца возобновлять свои налеты. Подобное положение для нас невыносимо. Волнения среди племен испанской зоны не только будут продолжаться бесконечно, но будут все время представлять самый опасный очаг заразы и для нашей собственной зоны. Нам нужно право интервенции. Соглашение на этот счет между Францией, Испанией и Англией не представляется невозможным. Англия тоже желает сказать свое слово в марокканских делах».

Одним словом, начались разговоры о новой дележке. Только французский империализм не так легко пойдет на уступки, как испанский. Как указывалось выше, и положение у него гораздо прочнее, да и ресурсов побольше, чем у полунищей Испании. За свою добычу он будет драться жестоко.

Но английским предложением обеспокоена и Италия. Итальянская буржуазная печать с напряженным вниманием и волнением следит за ходом событий в Марокко и настаивает на необходимости для Италии своих прав в испанском Марокко.

Таким образом, у испанцев уже нашлись три наследника, не считая самих марокканцев.

Дальнейшие события покажут, какой оборот примет эта дележка. Во всяком случае, над европейским горизонтом начинают сгущаться тучи. Недавние друзья могут очень и очень крупно поссориться. Тем лучше для марокканцев.

Если Абд-Эль-Кериму удастся и впредь сохранить сплоченность берберских племен и намечающуюся передышку уме-

ло использовать для укрепления аппарата власти нового государства, если эта власть сумеет на деле сохранить свою независимость от иностранного капитала, — то Рифф действительно может стать ядром будущего свободного, национально возрожденного и единого Марокко. Общие перспективы борьбы колониальных народов этому вполне благоприятствуют. В лице же рабочих Франции и Испании бойцы за независимость Марокко будут иметь горячих сторонников и верных помощников. Об этом достаточно красноречиво говорит тот привет, который послал Абд-Эль-Кериму Центральный комитет Французской коммунистической партии.

Да здравствует братский союз народов Марокко с трудящимися всего мира!

VI

Итоги испано-риффской войны 1924 г. Свободное государство Рифф. Причины поражения испанцев

Испано-риффская война, начавшаяся столь несчастливо для испанского оружия летом 1924 г., закончилась. Закончилась беспрецедентным поражением испанцев, потерей ими двух третей оккупированной за последние десять лет территории и отходом почти по всей линии на позиции 1912 г.

Штаб испанского главнокомандования старается представить этот отход в виде заранее предрешенной и планомерно проведенной операции, давшей будто бы испанской армии ряд тактических и стратегических преимуществ и укрепившей ее положение.

Конечно, «при плохой игре надо делать хорошую мину», как говорит французская пословица. Но результаты игры так очевидно плохи, а «хорошая мина» получается такой кислой в освещении самой же испанской правительственной прессы, что ею никого не введешь в заблуждение.

По самым скромным подсчетам, даваемым французской и английской печатью, этот «блестяще выполненный отступательный марш» обошелся более чем в 20 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести и 7 тыс. пленными. Нечего добавлять, что при таких потерях совершенно неиз-

бежно оставление противнику значительного материального имущества, что, впрочем, не отрицается и самими испанцами.

Наибольшие потери понесли испанцы при своих попытках деблокировать Чечауан, осажденный повстанцами, и позднее, при эвакуации этого пункта. Так, например, по данным «Таймса», один только бой в долине р. Лау на подступах к Чечауану стоил испанцам 29 офицеров, 770 солдат, нескольких орудий, 12 пулеметов и пр.

Для того чтобы пройти расстояние в 50—60 км от Тетуана до Чечауана, испанцам потребовалось две недели ежедневных упорных боев, связанных с большими потерями.

Освобождение Чечауана, состоявшееся в конце сентября, мало отразилось на общем ходе операций. Восстание продолжало разрастаться, отдельные укрепления и посты подвергались осаде, и вскоре испанцам стало ясно, что Чечауан, их главный опорный пункт в центре западной зоны, удерживаться ими в этих условиях не может. Главной квартирой принимается то самое решение, которое Примо-де-Риверой выдано за «преднамеренное и планомерное осуществленное решение».

«Преднамеренность» видна из сказанного, а что касается «планомерности осуществления», то она достаточно ярко характеризуется тем, что почти весь пятнадцатитысячный гарнизон Чечауана был при отступлении уничтожен кабилами в районе Дар-Якоба, к северу от Чечауана.

Такая же участь постигла гарнизоны целого ряда других пунктов. Во многих случаях для спасения гарнизонов испанское командование пошло на прямую капитуляцию. Такие капитуляции на официальном языке получили специальное название «политических приемов во избежание пролития крови». Так, например, было с гарнизоном укрепления Бухарацца, к юго-западу от Тетуана. После крушения попыток освободить гарнизон силой оружия испанскому командованию ничего больше не осталось, как прибегнуть к этому самому «политическому приему». Кабилы, державшие крепость в осаде, потребовали за выпуск гарнизона выкуп в несколько сот тысяч пезет золотом, выдачи оружия и всей материальной части.

Высшее командование в Тетуане не могло примириться с мыслью, что солдаты бухаррацкого гарнизона после длительной, мужественно выдержанной осады отойдут без оружия. И вот приходят к такому соглашению: оружие гарнизон сохраняет, но победителям выдается такое же число новых винтовок.

Легко представить себе, какое впечатление на войска и на противника производили подобные факты!

Столь же обоснованным является и утверждение испанского командования о большей прочности новой военной линии и о приобретенных путем отхода стратегических и тактических преимуществах.

Чтобы получить ясное представление о полной нелепости этих утверждений, стоит лишь взглянуть на карту прежних и нынешних военных границ западной полосы испанской зоны.

Испанские посты этой полосы распространялись в глубь страны по трем направлениям:

- 1) от Тетуана на Чечауан с двумя ответвлениями — в долину Лау и на Бухаррац;
- 2) через территорию племени бени-арос, от Мегареса и в глубь горного массива Джебала;
- 3) по долине р. Лукоса, вдоль границы с французской зоной.

В настоящее время большая часть этих укрепленных линий отдана противнику, и взамен испанцами организована новая линия укреплений, имеющая целью прикрыть шоссейную дорогу Тетуан — Танжер и строящуюся железную дорогу Танжер — Лараш — Эль-Кзар. В общем протяжение этой линии немногим меньше старой линии постов, и оборона ее потребует выделения в качестве гарнизонов немалого числа войск. Таким образом, важнейшее преимущество, на которое рассчитывало испанское командование, а именно — выделение избыточных войск в виде свободных маневренных групп, многого ни в коем случае дать не может.

Что же касается условий самой обороны, то они стали отнюдь не легче. В руках испанцев остается узенькая приморская полоса земли, без всякого тыла, и удерживать ее будет крайне трудно.

Наконец, что особенно важно, надо считаться с теми политическими и военными последствиями, которые создались в связи с поражением испанцев на противной стороне.

Первым и самым серьезным из них является создание и оформление свободного государства Рифф, охватывающего всю остальную часть территории испанской зоны.

Начало прочному политическому и военному объединению риффских племен было положено аннуальским разгромом генерала Сильвестра. Абд-Эль-Керим, победитель генерала Сильвестра, сразу же вырос в глазах всех риффских племен на недостижимую высоту. Получив в свои руки огромное количество трофейного оружия и 4 млн. пезет за выкуп пленных, он приобрел такую силу, которая позволила ему ставить задачи гораздо более широкого масштаба. Район его операций с этих пор уже не ограничивается областью Мелильи, а захватывает и западную полосу испанской зоны. Восстание племени гомара летом 1924 г., послужившее началом всеобщего восстания кабилских племен западной полосы, было организовано братом Абд-Эль-Керима, бывшим студентом-горняком Мадридского политехникума.

«Маленький Магомет», как звали этого студента в Мадриде, выполнил свое задание блестяще. Он не только сумел организовать крупное наступление в долине р. Лау, но и использовал недовольство племен джебала притязаниями Рэсули для поднятия общего восстания.

В ходе дальнейших событий влияние Абд-Эль-Керима прочно устанавливается и здесь. Рэсули, попытавшийся оказать ему сопротивление, терпит поражение и, оставленный всеми приверженцами, со всеми своими богатствами и огромными запасами военного имущества и оружия попадает в плен к Абд-Эль-Кериму. Окончательным итогом испанского отхода явилось объединение под властью Абд-Эль-Керима не только племен самого Риффа, но и всей западной половины испанского Марокко. Это значит, что под его руководством образовалось централизованное мусульманское государство, располагающее более чем 20 тыс. кв. км территории с полу-миллионом жителей. Это факт огромнейшего значения. Отныне претендентам на Марокко придется иметь дело не с

отдельными разрозненными племенами, а с организованным политическим целым. Блестящие победы кабиллов послужили мощным толчком к пробуждению и развитию у них национального чувства. Авторитет и личное влияние Абд-Эль-Керима колоссальны. Все, что известно нам о внутренней жизни Риффского государства, говорит об огромных достигнутых им результатах по уничтожению племенной розни, преодолению местных партикуляристских стремлений и созданию единой крепкой централизованной власти.

Не следует забывать дальше, что эта власть в конечном итоге войны получила в свое распоряжение огромные военные и технические ресурсы и имеет возможность противопоставить завоевателям порядочную вооруженную силу. Сам Абд-Эль-Керим в одной из своих прокламаций определяет ее в 50 тыс. воинов.

Таким образом, обстановка, создававшаяся в Марокко в результате испанского поражения, изменяется в корне. Опасность грозит не только последним остаткам бывшего испанского величия в Марокко, но и французам. Отголоски побед риффанцев широким эхом разнеслись по всему мусульманскому миру, всюду пробуждая подъем национальных чувств и надежду на победу над иностранными поработителями. В первую очередь с этими новыми обстоятельствами придется считаться французам. Волнения среди племен, соседних с Риффом, уже начались. Волна их может прокатиться по всему Марокко, и тогда может затрещать здание колониального могущества не только Испании, но и Франции. Марокко становится основным звеном в цепи национально-освободительных войн народов Востока. Если это звено выдержит испытание, то неизбежно крушение и всей цепи колониального рабства. Поэтому мы будем являться в самом близком будущем свидетелями новой ожесточенной борьбы, которая решительно охватит Марокко. Начало ей уже положено теми кровавыми битвами, которые уже в течение двух месяцев развертываются на границах французской и испанской зон.

Чтобы судить о вероятном исходе этих новых грядущих столкновений и дальнейших перспективах национально-освободительного движения марокканцев, следует остановиться

на более детальном анализе причин последнего разгрома испанцев. Такой анализ, несомненно, поможет разобраться во всей сложности марокканской обстановки и даст необходимые путеводные нити для суждения о будущем.

Кампания 1924 г. закончилась разгромом 150-тысячной испанской армии 3—4 десятками тысяч плохо вооруженных «бандитов».

Какой поразительный факт! На стороне испанцев огромное численное превосходство, неизмеримо лучшая техника, совершенная военная организация, и в результате — поражение. Факт этот настолько интересен и на первый взгляд кажется таким загадочным, что требует более подробного освещения.

В чем же кроются причины этого беспримерного поражения? Одной из самых главных причин является выше уже отмечавшаяся слабость основного испанского тыла.

Государство истощено. Народ в своей массе от войны устал и, видя лишь одни непрерывные неудачи, относится к ней с нескрываемой враждебностью. Война непопулярна не только в народных низах, но и среди значительной части правящих классов. Хозяйственная роль Марокко в экономике метрополии ничтожна. Поэтому-то в Испании марокканский вопрос зовется «марокканским кошмаром», и сам всемогущий диктатор Примо-де-Ривера был до захвата им власти антимарокканцем, что сыграло немалую роль в его популярности в первое время его диктатуры. Только поставщики армии и фабриканты военного снаряжения, кроме, конечно, военных офицерских кругов, заинтересованы в дальнейшем продолжении войны. При этих условиях трудно ожидать от испанских солдат какого бы то ни было воодушевления и готовности подставлять свои лбы под марокканские пули. Это вполне объясняет появление таких документов, как упоминавшееся выше воззвание Примо-де-Ривера к армии, стыдившее солдат за сдачу почти безоружному врагу. При таком настроении народа вести победоносную войну невозможно. И чем скорее поймут это испанские заправилы, тем будет лучше для них. Политикой узколобого упорства они верно идут по

пути подготовки внутреннего революционного взрыва. По многим признакам — он не за горами.

Другой причиной испанского поражения следует считать неудачную и неумелую административно-гражданскую политику испанских колониальных властей и полное отсутствие хозяйственно-творческой инициативы. В противоположность французам, сумевшим овладеть реальной властью в стране путем использования и сохранения старого туземного административного аппарата, испанцы, по существу, не имели никакой определенной системы. Все эти годы они метались между методами управления, заимствованными у французов, и своими собственными, доморощенными средствами военнополитического нажима. Результаты получились крайне плачевные: ни в народных низах, ни в туземных социальных верхах испанцы не сумели создать никакой опоры.

За все годы своего владычества испанцы не создали между собой и туземным населением никаких общих экономических интересов и не дали стране ничего в смысле развития ее производительных сил. В то время как французы успели развернуть колоссальную экономическую деятельность и создали таким образом почву для своей смычки с туземными верхами, испанцы не дали стране ничего, кроме сети военных постов и связывавшей их между собой сети военных дорог. Недаром сам Абд-Эль-Керим в своих агитационных выступлениях неоднократно подчеркивает эту положительную сторону французской работы в Марокко. В газете «Le Temps» от 24 декабря 1924 г. в статье Реджинальда Канна мы находим следующую любопытную выдержку из одной его прокламации:

«Французы, — говорит он, — это замечательный народ. Они оказали Марокко большие услуги, обеспечив спокойствие, дав блага цивилизации — дороги, я тоже восстанавливаю порядок. Я буду иметь столицу такую же большую, железнодорожную колею, автомобили, телефоны, телеграф и пр. В Риффе как Лондон, и такой же надежный порт, как Касабланка. Зачем просить у иностранцев то, что вам может дать марокканец? Время французов прошло. Пусть они уступят нам место добровольно, иначе мы их выгоним вон».

Характерное признание некоторых положительных сторон французского хозяйничанья!

Ничего подобного про испанцев никто в Марокко сказать не может. От начала и до конца они оставались кучкой пришельцев-завоевателей, абсолютно чуждых и враждебных стране. На почве вышеизложенных фактов ясно, что никакой твердой, последовательной политики, ни военной, ни гражданской, испанцы вести не могли. Персональным отражением этого являлась та чехарда высших чиновников — правителей края, которая имела место все время. Почти каждый год Марокко видело нового верховного комиссара. Так, с 1921 г. их сменилось четыре: генерал Беренгер, Бюргет, маркиз Эзпуру и, наконец, сам Примо-де-Ривера. Каждое новое лицо означало новую политическую линию, новую ломку установившейся практики и новые методы в ведении военных операций. При таких условиях тут не только чахлая испанская милитаризм, но и более здоровый не нагулял бы себе румяных щек.

Особенно вредно и прямо губительно сказалась эта смена руководящих верхов в области военной политики. Выше уже отмечался случай с генералом Бюргетом, сменившим генерала Беренгера и принявшимся, выражаясь словами одного из персонажей Глеба Успенского, все делать «совершенно напротив» своему предшественнику.

Самая военная организация испанцев страдала рядом существенных недостатков. Испания вела войну при помощи своих регулярных войск, подвергавшихся в своем повременном составе частой смене при ежегодных призывах. Такие войска для ведения колониальной войны мало пригодны. Профессиональных войск, хорошо знакомых с театром военных действий и привычных к его условиям, вроде французских иностранных легионов⁹⁰ и полков французской африканской пехоты и конницы, у испанцев не было. Правда, в 1920 г. они тоже решили создать иностранные легионы, но этой задачи не успели довести до конца.

Наряду с этим следует отметить недостаточную укомплектованность действующих частей бойцами. Тыловой аппарат представляет непомерно разбухшую величину, число же бойцов очень ограничено. Этот недостаток еще более усугубляется своеобразными условиями марокканской войны. Разделение армии на маленькие гарнизоны, разбросанные по всей

стране, с трудностью их снабжения вело к еще большему увеличению административно-хозяйственного аппарата за счет боевого элемента. Таким образом, хотя общая численность испанской армии в Марокко выражалась сногшибательной цифрой в 150 тыс. человек (к концу 1924 г.), фактическое число бойцов вряд ли превышало 60—70 тыс. человек.

Неудачей следует признать и всю систему военного укрепления, которая была принята испанским командованием. Система эта заключалась в создании вдоль важнейших дорог и в важнейших в стране, в тактическом отношении, пунктах бесчисленного количества укрепленных «постов», «блокаузов», «сторожевых башен» и т. п.

Главнейшими отрицательными сторонами этой системы являлись:

1. Отвлечение больших количеств войск для занятия этих пунктов гарнизонами. На эти цели уходила большая часть всей оккупационной армии.

2. Неподвижное сидение за оградой постов и проволочных заграждений разлагающе действовало на моральное состояние гарнизона, убивая дух предприимчивости и ведя к подчинению воле противника.

3. Необходимость отвлечения крупных сил для прикрытия операций по снабжению этих укреплений продовольствием и огнеприпасами. Для выполнения этих задач приходилось расходовать все остальные части, находившиеся в распоряжении командования, и благодаря этому лишать его последних свободных маневренных ресурсов.

В результате всего этого инициатива целиком и полностью переходила в руки противника. В общем получалась такая картина: часть испанской армии распылена по всей стране и сидит неподвижно в блокадах за проволокой; другая часть непрерывно занята походами по снабжению неподвижных гарнизонов, т. е. тоже лишена возможности маневрировать. Риффанцы же, не будучи связаны действиями испанцев, могли сосредоточивать силы в любом пункте и бить противника на выбор, по частям. Будучи великолепными стрелками и отличными, мужественными и хладнокровными бойцами, они в этой мелкой партизанской войне могли причинять испан-

дам огромные потери и в конце концов вынуждали их к отступлению.

Ошибочность этой системы была признана и самими испанцами. Так, генерал Примо-де-Ривера в интервью, данном им в Тетуане специальному корреспонденту газеты «Journal», сказал:

«Что в действительности случилось, это — то, что, несмотря на наш многовековой опыт в Африке, была допущена крупная ошибка в нашей системе оккупации. В течение немногих лет мы покрыли эту страну, где так труден вопрос коммуникации, массой мелких постов. Можете представить себе, что мы имели от одного края зоны до другого почти 400 блокгаузов или укрепленных пунктов с гарнизонами от 10 до 100 человек. Эти посты поглощали в общем свыше 20 тыс. человек. А так как большинство этих постов было расположено на высоких пунктах, то вопрос снабжения их водой представлял огромные затруднения. Как скоро противник получал возможность перехватить водопроводы, самые лучшие гарнизоны через две недели уже должны были сдаваться».

Наконец, нельзя было не отметить и природных — географических и климатических — условий театра военных действий. В большей своей части это горная, сильно пересеченная страна с плохими дорогами, узкими ущельями и великолепными местами для всякого рода засад и внезапных нападений. Вдобавок ко всему прочему местность очень бедна водой и отличается почти полным отсутствием фуража. Все приходится запасать на стоянках при основных базах и везти с собой. Принимая во внимание отмечавшуюся выше непригодность регулярных испанских войск к этим условиям, в частности их непригодность к горной войне, немудрено было ожидать ряда крупнейших неприятностей. Отличное знание риффанцами местности, их поразительная выносливость и умеренность в пище и питье делали их страшными противниками и открывали им возможность проведения ряда блестящих операций. Техника в этих условиях теряла немало в своем значении. На первое место выдвигался сам боец со своими индивидуальными качествами.

Перечисленные причины делают понятными и капитуляцию отдельных постов укреплений и большие потери испанцев при их попытках снабдить тот или иной пост припасами или освободить его от осады. При всей своей технической

мощи испанская армия была лишена маневренной наступательной способности. В этом был ее главнейший недостаток, заранее обрекавший ее на поражение. Тот, кто выпускает инициативу из рук, подвергается риску поражения даже при слабом противнике. Риффанцы же в данных условиях места и времени слабыми отнюдь считаться не могут. Их основной недостаток — отсутствие вооружения — был с лихвой возмещен богатыми трофеями, доставшимися им в руки от самих же испанцев. Частью же он, видимо, устранялся и путем контрабанды. Миллионы пезет, полученных Абд-Эль-Керимом за пленных, вероятно, прежде всего, нашли свое употребление в этом направлении. Судя по тем заботам, которые Испания и Франция уделяют сейчас вопросу об установлении фактической блокады риффского побережья, этот источник снабжения был не из маловажных.

В отношении дальнейших перспектив борьбы риффанцев одним из основных моментов следует считать вопрос о снабжении боеприпасами, главным образом патронами. Винтовок у них достаточно. Немало есть и другого оружия. Пока хватает и патронов. Но их запасы быстро иссякнут. С их исчезновением и самое сопротивление станет крайне трудным, если не невозможным. Впереди у них долгий крестный путь тяжелой борьбы, страданий и жертв. Шансов на победу немало. Чтобы увеличить их еще больше, надо разрешить проблему снаряжения патронов местными средствами. Задача переснаряжения патронов не так сложна, и, надо думать, риффанцы с ней справятся.

Я уже говорил о том коренном изменении обстановки, которое произошло в связи с фактом объединения всего испанского Марокко во главе с Абд-Эль-Керимом. В военной области это обстоятельство тоже создает целый переворот.

До сих пор испанцы имели дело почти исключительно с отдельными разрозненными племенами. Организованной регулярной армии, сражающейся в любом пункте страны, у риффанцев не было. Большая часть их бойцов сражалась только на территории своего племени или близ нее. Как только неприятель отходил за пределы этой территории, бойцы данного племени возвращались в свои поселки. Это, разу-

меется, значительно ослабляло ударную силу повстанческих войск, делая их способными только на выполнение ограниченных целей и облегчая, таким образом, положение противника.

Объединение власти в руках Абд-Эль-Керима и создание централизованного государства, наряду с ростом национальных чувств кабилы, ведет и к централизации военного руководства. В этом отношении Абд-Эль-Керимом принимались и принимаются решительные меры. Им строится новая организация вооруженных сил Риффа и твердой рукой осуществляется принцип единого руководства ими. Все это вместе взятое немалого увеличивает силу сопротивления риффанцев и делает задачу их покорения крайне трудной даже для такой мощной империалистической державы, как Франция. Результаты первых вооруженных столкновений Абд-Эль-Керима с французами вполне подтверждают этот вывод. Подробнее остановимся на этом дальше.

VII

Франко-риффская война

(Схемы 4 и 5)

Неизбежным результатом поражения испанцев и создания в северном Марокко независимого государства кабилы с центром в Риффе должно было быть распространение военных действий и на французском Марокко. Блестящие победы Абд-Эль-Керима над испанцами прокатились громким эхом по всему мусульманскому Востоку. Эти победы, одержанные над армией большого европейского государства, — армией, обладающей всей мощью современной техники и организованной согласно последним требованиям военного искусства, — дают неслыханной силы толчок национально-освободительному движению всех колониальных народов. Во всем мусульманском мире имя Абд-Эль-Керима окружено ореолом и является символом расцветающих надежд на грядущее освобождение от ига империалистов.

Разгром испанцев является фактом мирового значения. Он означает не только крушение колониальной мощи Испа-

нии, но и начало краха всей империалистической политики колониальных держав. За ходом военных операций в Марокко следило и следит с огромным интересом население всех остальных североафриканских колоний европейцев: французского Марокко, Алжира, Туниса, Триполи ⁹¹ и Египта ⁹². Не меньшим вниманием пользуются эти события и среди мусульманских народов в передней Азии и Аравии. Совершенно очевидно, что создание государства Риффа является таким примером, который будет действовать чрезвычайно заразительно; сохранение и преуспевание его абсолютно не совместимо с сохранением империалистического господства во всех других странах.

В первую очередь и в наибольших размерах эта опасность угрожает сейчас африканской колониальной империи Франции.

Наивно думать, что французы смогут обеспечить режим мирной капиталистической эксплуатации в Марокко, имея под боком независимый Рифф. Одно исключает другое. Если независимый Рифф окрепнет, то это будет означать неизбежное крушение французов во всем Марокко.

Но этим дело не ограничится. Население всей северной Африки однородно в национальном отношении. Поражение Франции в Марокко сейчас же поведет к подрыву ее положения и в Алжире и в Тунисе, а стало быть, и во всей африканской империи Франции ⁹³, осью которой, ее становым хребтом являются указанные колонии.

Может ли примириться с этим капиталистическая Франция? Ни в коем случае. Судьба французской буржуазии теснейшим и неразрывным образом связана с судьбой ее африканских владений. Последние являются и местом вложения огромнейших капиталов, и источниками всевозможного сырья, и резервуарами живого человеческого материала для поддержания империалистической политики, не находящей уже достаточных ресурсов в своей собственной стране. При этих условиях совершенно ясно, что основной задачей современной французской политики в Марокко будет стремление сокрушить Абд-Эль-Керима и ликвидировать Рифф как свободное, независимое государство.

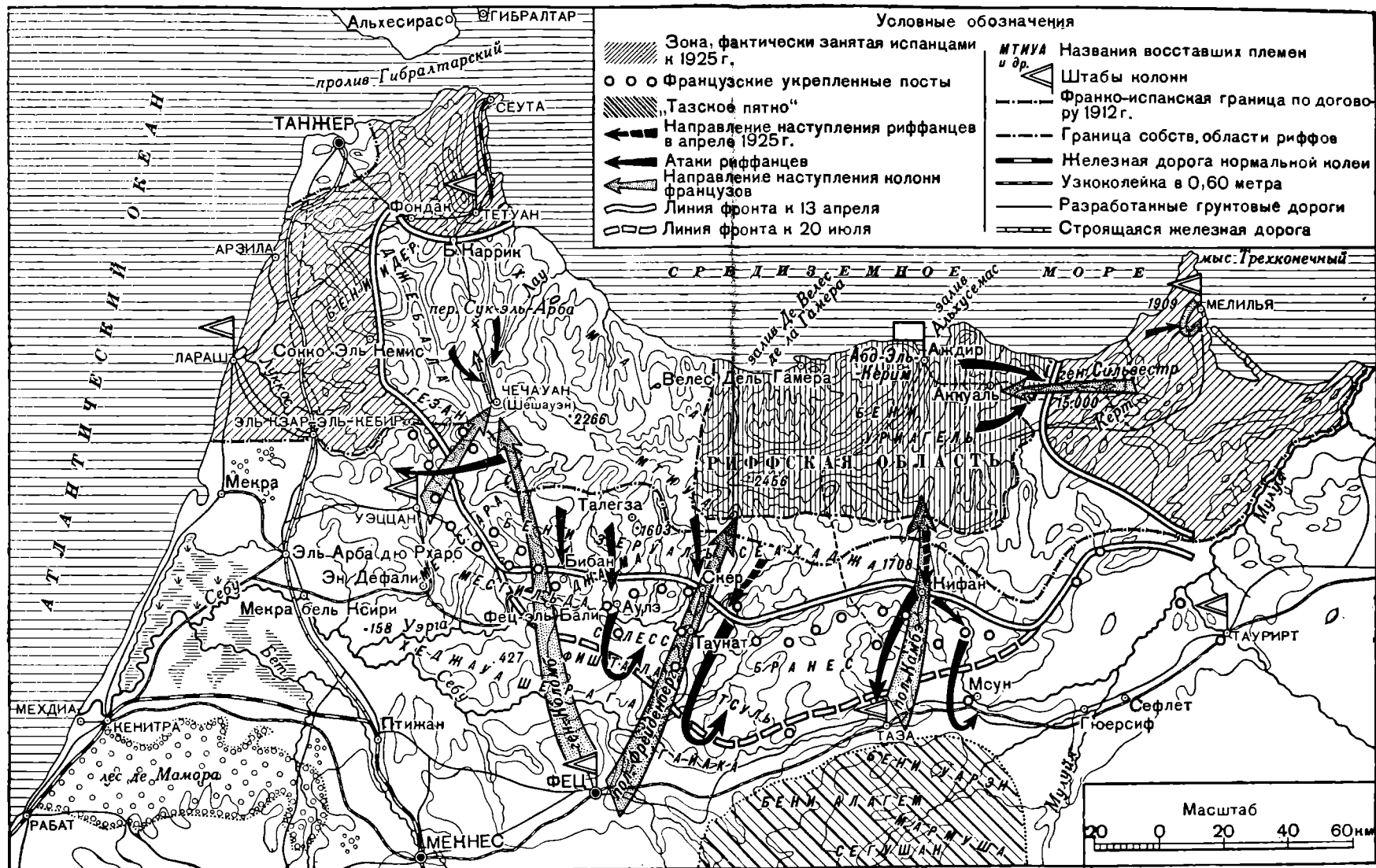

Схема 4. Франко-риффская война

Заявление французского премьера Пенлеве в палате депутатов: «Франция не преследует в Марокко захватных целей. Речь идет только о защите французской зоны» — вынужденное лицемерие.

Война Франции с Риффом была абсолютной неизбежностью. Эта война и началась в апреле текущего года и длится уже почти четыре месяца. Интересно отметить, что при возникновении этой войны, точно так же как это было в 1914 г., во Франции немало чернил было пролито над решением вопроса, кого следует считать непосредственным виновником войны, нападающей стороной.

На этот вопрос вся правительственная пресса, включая и социалистов, отвечает утверждением, что виновником войны Франция ни в коем случае считаться не может, что война началась вторжением риффанцев на территорию французского протектората и что, следовательно, в этом целиком повинен Абд-Эль-Керим.

Смысл этих утверждений ясен. Они преследуют цель обмана французского общественного мнения относительно истинных причин конфликта и создания, таким образом, настроения, благоприятного для ведения войны. В этом обмане приняла участие и французская социалистическая партия, хватаясь за теорию «непосредственных виновников», для оправдания своей империалистической позиции в этом вопросе. В противном случае ей грозила бы опасность окончательно подорвать свой кредит в рабочих кругах Франции, враждебно настроенных против ведения колониальных авантюр.

Этот пример еще раз доказывает, что теория «непосредственных виновников» является средством одурачивания народных масс и осуществления империалистических замыслов.

Если в данном случае взять вопрос по существу, то для непредубежденного человека, казалось бы, этот вопрос просто странно даже ставить.

Можно ли всерьез говорить, что в борьбе марокканских племен с испанцами и французами последние оборонялись, а первые были виновниками войны? Всякий, не порвавший це-

ликом и полностью с социализмом, с пролетарской точки зрения не может не видеть в самой постановке такого вопроса величайшей подлости, лицемерия и полной капитуляции перед классовыми интересами буржуазии.

Но в данном случае, даже с точки зрения вышеуказанной теории, враждебная инициатива все-таки, несомненно, принадлежала французам. Попробуем восстановить фактический ход событий.

Немедленно после того, как стала выясняться невозможность для Испании удержаться в своей зоне, французское командование в Марокко, в лице маршала Лиотэ, начало проведение в жизнь ряда мероприятий по подготовке боевых действий с риффанцами.

Еще осенью прошлого года маршал Лиотэ едет во Францию, чтобы путем непосредственного воздействия убедить правительство в неизбежности войны и в необходимости немедленного значительного усиления французской оккупационной армии в Марокко. При своем возвращении из Франции Лиотэ в беседе с танжерским корреспондентом «Times» заявил о необходимости для Франции проведения «некоторых операций по очищению от риффских контингентов полосы территории, пограничной с испанской зоной».

Что это за территория и какое положение дела было в ней до начала франко-риффских столкновений?

Это — узенькая, километров в 20—30, полоска земли вдоль так называемой франко-испанской пограничной линии, захватывающей, между прочим, район небольшой реки Уэрги. Полоса эта никогда не занималась ни французами, ни испанцами. Никакой пограничной линии не существовало, и ее никто и не пытался проводить. Таким образом, даже самый вопрос о формальной принадлежности того или иного участка к территории французской или испанской зон является совершенно неопределенным. Что же касается фактического положения дел, то племена этой территории уже давно связаны с Риффом, и, в частности, долина Уэрги, отличающаяся своим плодородием, была житницей последнего.

Осенью того же 1924 г. эти операции частично были проведены, и французы создали, примерно на расстоянии 20 км к северу от долины Уэрги, линию укрепленных постов, отрезавших риффанцам доступ в долину. Этим самым племена Риффа фактически обрекались на голодную смерть.

Мы располагаем сведениями и о тех взглядах, которых держался глава риффов Абд-Эль-Керим по этому вопросу. В английской газете «Times» от 11 ноября приводится корреспонденция из Танжера, освещающая этот вопрос с точки зрения риффов. Вот выдержки из нее:

«Абд-Эль-Керим заявляет, что район долины верхней Уэрги (северо-восточнее Феца), занятый недавно войсками французского протектората, был в момент этого занятия в полном и непосредственном подчинении ему, Абд-Эль-Кериму, и что, следовательно, это выдвижение французских войск на север явилось враждебным актом и представляет собой вторжение на территорию риффских владений. Он считает, что граница французского протектората не распространяется к северу от того района, который французы фактически заняли к началу его (Абд-Эль-Керима. — М. Ф.) победоносного наступления на испанцев. Тогда оставалась, как и теперь, широкая полоса территории, не занятая ни испанцами, ни французами. Как будет считаться эта территория — принадлежащей к испанской или французской зоне, — для него совершенно безразлично, и этот вопрос касается только Франции и Испании. Риффское правительство никогда не признавало дробления Марокко на зоны влияния. Здесь есть только одно практическое доказательство законности: это — фактическая оккупация. Абд-Эль-Керим довольствуется тем, что занимает этот пограничный район, а в какую зону он попадает и кто ее считает своей — испанцы или французы или те и другие вместе, — пусть они этим и интересуются. Он отказывается разыскивать отметки и французской и испанской разграничительной линии в этом районе. Его войска, заявляет он, занимают в настоящее время эту не занимавшуюся никем раньше территорию, и он поэтому имеет законнейшую власть над населяющими ее племенами».

Корреспонденция дальше говорит о желании Абд-Эль-Керима урегулировать вопрос с французами, не прибегая к силе оружия, и вместе с тем о его твердой решимости защищать спорные территории всеми силами, если войска протектората будут пытаться их занять.

«Абд-Эль-Керим высказывает сожаление, что ему приходится вступить в раздоры с французским протекторатом. При всем желании жить с последним в дружеских отношениях, он не может позволить французским властям, основывающим свои претензии на договоре, который рифф-

ское правительство отказалось признать, захватывать территорию, фактически занятую силами риффов и состоящую в подчинении риффского правительства».

Вряд ли тут могут возникнуть какие бы то ни было сомнения в абсолютной, и формальной и фактической, правильности — с какой угодно точки зрения — позиции риффанцев. Вся их «вина» заключается в том, что, согласно морали известной крыловской басни, «французскому волку хочется кушать». Но, к его несчастью, риффский «ягненок» оказался не очень похожим на своего сородича из крыловской басни, и над ним, прежде чем проглотить, придется поломать немало зубов.

Итак, военные действия начались осенью 1924 г. вторжением французских войск в принадлежавшую фактически риффанцам долину верхней Уэрги и сооружением здесь укрепленной крепостной линии.

Ответом на это со стороны риффанцев был переход в наступление на территорию французского протектората в апреле 1925 г.

Это наступление развернулось сразу в двух направлениях: на столицу марокканского протектората и резиденцию султана — Фец и на г. Тазу, расположенный на железнодорожной магистрали, соединяющей Фец с Алжиром. Наступление это, проведенное с величайшей стремительностью и энергией, привело к прорыву французской укрепленной линии, взятию риффанцами некоторых мелких постов, блокаде всех остальных и ряду мелких стычек с отдельными французскими отрядами, причинивших последним немало потерь. Принимая во внимание заблаговременную длительную подготовку французов и сосредоточение ими в угрожаемом районе значительных сил, успехи риффанцев надо признать довольно крупными. Значение их нельзя измерять количеством взятых у французов трофеев. В этом отношении, конечно, эти операции не могут идти в сравнение с победами риффов над испанцами. Но политические и стратегические последствия этого прорыва оказались колоссальными.

В результате его, во-первых, сразу были сведены на-нет все усилия французов по закреплению их влияния среди племен пограничной полосы. Все эти племена, сильнейшими из

которых являются гезаубени-зеруаль и сенхаджа, моментально подняли восстание, взялись за оружие и своими контингентами сильно подкрепили риффанцев. Фактически главная тяжесть ведения дальнейших операций легла именно на них.

Но инсургенция⁹¹ районом этих племен не ограничилась. Брожение с молниеносной быстротой стало распространяться в глубь французского протектората, охватывая одно племя за другим. Особую опасность для французов представляет положение дел в районе Тазы. В одном из предшествующих очерков была приведена история борьбы французов по уничтожению так называемого «Тазского пятна». Как мы видели, эта борьба осталась далеко не решенной. Правда, французам удалось закрепиться в этом районе и разоружить большую часть непокорных племен. Но их гарнизоны в этой стране чувствуют себя, как на вулкане. Достаточно искры, чтобы вулкан начал действовать, и тогда почва кругом заколеблется, и заколеблется не на малых расстояниях. Ведь там, дальше к югу, к горам Среднего Атласа, горючего материала тоже довольно. Нечего говорить, что успехи риффанцев моментально разнеслись стоустой молвой далеко по стране, сея элементы брожения и недовольства и подготавливая почву для дальнейших успехов Абд-Эль-Керима. Все это прекрасно учитывается французами. Они понимают, что им нужен незамедлительный и решающий успех, иначе безвозвратно падет их престиж, а с ним вместе и господство над страной. Поэтому, стянув подкрепления, они пробуют взять инициативу в свои руки и в свою очередь переходят в наступление.

Наступление было организовано одновременно по трем направлениям, тремя отдельно действующими колоннами. На центральном, фецком, участке действовала колонна полковника Фрейденберга, вдоль дороги Фец — Таунат; вправо от нее, на тазском направлении, — группа полковника Камбэ и влево, вдоль другой дороги из Феца на северо-запад к Фец-Эль-Бали, — группа генерала Коломба.

Решающая роль была возложена на левофланговую колонну, целью операций которой была поставлена задача по овладению горным массивом Бибаном, являвшимся ключом позиций риффанцев во всем районе Уэрги. Остальные две

колонны должны были играть второстепенную роль, оттягивая на себя силы противника и преследуя цели местного значения (освобождение от блокады постов, снабжение их и пр.).

Операция началась в первой половине мая и первоначально дала французам некоторые тактические успехи. Большинство постов было деблокировано и подкреплено. В частности, колонна генерала Коломба после ожесточенных боев овладела 13 мая 1925 г. г. Бибаном.

Но основная задача, преследовавшаяся наступлением, — нанести решительное поражение риффанцам и восстановить положение в приграничной полосе, — достигнута не была. Энергия риффанцев отнюдь не была парализована, племена покорности не изъявили, и осада большинства постов возобновилась сейчас же после отхода в тыл маневренных групп. Больше того, в конце того же мая риффанцы вновь переходят в бешеное наступление.

Центр тяжести своего давления на этот раз они направляют на Тазу. Одновременно ими производится ряд яростных атак на французские укрепления Бибана и организуется вторжение на территорию французского протектората дальше к западу, в районе к северу от Уэцдана. В итоге новых ударов риффанцев все результаты майского наступления французов — и тактические и моральные — ликвидируются; территория, занятая риффанцами, расширяется, повстанческое движение среди пограничных племен неудержимо растет. Отдельные отряды риффанцев приближаются на 20—30 км к самому Фецу. В городе — паническое настроение. Резиденция султана переносится дальше в тыл, в Рабат.

Нажим риффанцев, почти не ослабевая, продолжается всю первую половину июня. Ими, помимо политических завоеваний и оккупации новых территорий, на этот раз одерживается и ряд серьезных тактических успехов. Линия французской обороны сламывается окончательно. Уже в конце мая французами очищается 6 «чересчур выдвинутых вперед», по их словам, постов. В течение июня ими оставляется еще ряд постов, и, таким образом, Абд-Эль-Керим оказывается полным властелином не только спорной полосы земли, но и ряда новых районов.

В настроениях и французского командования и самого правительства понесенные неудачи создают резкий перелом. Положение в Марокко ими начинает расцениваться как чрезвычайно серьезное. Ряд статей как военной, так и гражданской прессы признает наличие ошибки, заключавшейся в недооценке противника.

«Особенно важно не рассматривать этого дела (наступления риффанцев в апреле и мае. — *М. Ф.*) как мимолетное вторжение, как рейд без больших последствий, о котором можно забыть по миновании непосредственной опасности. Дело идет о настоящей войне, в которой мы имеем дело с решительным и способным вождем, престиж и могущество которого выросли гигантски за последние шесть месяцев» («*Le Temps*» от 23 мая 1925 г.).

«Дело теперь идет не о наказании отдельных банд грабителей, но о настоящих военных операциях. Нужно, чтобы общественное мнение не ударялось в панику при наших неудачах. . .», — вторит ему генерал Рокероль, военный обозреватель газеты «*La France Militaire*» (25 мая 1925 г.).

«Одним из первых выводов, вытекающих из наступления Абд-Эль-Керима, должно быть констатирование роли факта наличия у него военных средств гораздо больших, чем это предполагалось», — заявляет генерал Фонвилль, главный редактор центрального военного органа.

Результаты второго наступления риффанцев были настолько серьезны, что сам глава французского правительства и одновременно военный министр г. Пенлеве спешно вылетел на аэроплане в Марокко. О серьезности положения говорит и ряд спешно предпринимаемых французами мероприятий по укреплению их положения.

В Касабланке, главной морской базе французов, кипит лихорадочная военная деятельность. В порт ежедневно приходят десятки пароходов с амуницией, боевыми припасами, продовольствием и многочисленными подкреплениями, идущими со всех концов: из самой метрополии, Алжира, Туниса, Мадагаскара⁹⁵ и т. д. В числе посылаемых подкреплений имеются все роды оружия: пехота, конница, артиллерия и технические войска. Любопытно отметить, что среди артиллерийских частей имеются наряду с полевой артиллерией (гаубичной и 75-мм) многочисленные части тяжелой артиллерии. Особенное внимание обращается на усиление авиации, оказывающей, по признанию французов, ценнейшие услуги

и во многих случаях в условиях настоящей войны являющейся прямо незаменимым средством борьбы.

Резкое ухудшение обстановки заставило французов провести также ряд организационных мероприятий, облегчающих руководство операциями и наблюдение за поддержанием порядка в тылу.

Руководство действиями трех вышеупомянутых групп, к которым с начала июня присоединилась четвертая — в районе Уэццана, было объединено в руках специального командования. На эту роль был выдвинут генерал Доган, бывший во время империалистической войны командиром марокканской дивизии и начальником штаба X армии. За собой маршал Лиотэ оставил лишь общее руководство и наблюдение, сосредоточив свое внимание на вопросах тыла. Но скоро и этого оказалось недостаточно.

В конце июня риффанцы вновь усиливают свой натиск, сосредоточивая свое главное внимание попрежнему на районе Тазы. Одновременно ими производится сильный удар на противоположном фланге французского расположения — в районе Уэццана. Атаки в районе Бибана и Тауната (фецкое направление) — в центре французского расположения — продолжают с прежней силой.

В результате положение французов, считавшееся ими к концу июня совершенно устойчивым, вновь сильно колеблется. Бои идут непосредственно под городами Тазой и Уэццаном. Гражданское население из них эвакуируется. Железнодорожная магистраль Фец — Уджа оказывается под прямой угрозой перерыва. Брожение охватывает все большее и большее количество племен территории французского Марокко. Тревога французского командования и самого правительства усиливается. Отчет официальной парламентской комиссии, обследовавшей положение на марокканском фронте и вернувшейся оттуда в Париж в начале июля, дает следующую картину развития повстанческого движения бывших «дружественных» или просто нейтральных племен:

«18 апреля первые племена, поднявшие восстание, были бенизеруал, бени-уригель (откуда родом сам Абд-Эль-Керим), джайя, меграуа. В мае восстали: сенхаджа, мтиуа, местара, гезауа. В июне поднялись уже в тылу

французских войск следующие племена: слесс, гайана, месгильда, хеджаа. В июле восстали племена тсуль, бранес, фиштала, шерага — перед воротами самого г. Феца. Идет брожение в глубоком тылу, в Среднем Атласе».

Наглядным доказательством опасности положения является решение французов о создании настоящего, вполне организованного в масштабе большой войны фронтового управления. Район операций вдоль всей пограничной линии, начиная от Атлантического океана и до Средиземного моря, выделяется в специальную военную зону, целиком подчиненную военному командованию. Неограниченная власть фронта распространяется и далеко в глубь страны, кончаясь в непосредственной близости от Мекнеса и Рабата. Назначается новый командующий фронтом генерал Нолэн.

Вслед за этим намечается и другое решение — об отделении военных функций от гражданских, прежде объединявшихся в лице маршала Лиотэ. Согласно новому решению за ним должна быть сохранена лишь должность генерального комиссара и французского резидента в Марокко. Командные же функции переданы маршалу Петэну (бывший главнокомандующий армиями французского фронта), который, таким образом, должен стать верховным главнокомандующим для всего Марокко. Ходят слухи вообще об отозвании Лиотэ из Марокко. В конечном счете после длительных колебаний это решение не было приведено в исполнение. Реорганизация французского командования в Марокко ограничилась созданием «северного фронта» во главе с генералом Нолэном и оставлением за маршалом Лиотэ функций верховного главнокомандования над всеми морскими и сухопутными силами Марокко. Роль маршала Петэна, официально посылаемого как «советника по военным делам», равно и положение Лиотэ, выходят довольно неопределенными и двусмысленными.

Нужно было иметь какие-то очень серьезные основания для того, чтобы принимать решение об отстранении маршала Лиотэ, человека, в течение 12 лет непрерывно и успешно руководившего всей французской политикой в Марокко. По единодушному признанию всех — и друзей и врагов, — Лиотэ

был наиболее яркой фигурой из числа всех французских «пресконсулов». Смещение его и начало, таким образом, в Марокко управленческой «чехарды» служат очень плохим предзнаменованием для судеб французской власти в Марокко.

Одновременно с этими решениями продолжается усиленным темпом отправка на фронт подкреплений. Во французской прессе появились слухи о предстоящем призыве двух возрастов запаса. Хотя официальное сообщение правительства их и опровергло, но вряд ли французам обойтись без этой меры. Резервы постоянной армии ограничены. Только некоторые части в своем кадровом составе имеют достаточное количество бойцов. Большинство же состоит из кадра, не могущего быть использованным в своем настоящем виде как боевая сила. Гарнизоны Алжира, Туниса и даже Мадагаскара уже израсходованы. Затронута и «армия прикрытия»⁹⁶, стоящая на восточной границе Франции. Остается рейнская оккупационная армия.

Нет сомнения, что принятое на днях⁹⁷ французским правительством решение об эвакуации Рура стоит не в малой связи с событиями в Марокко. У французов нехватает действующих резервов. Их они могут взять только из рейнской армии. Вот чем можно объяснить их уступчивость в вопросе о Руре⁹⁸. Это тоже не очень хорошее предзнаменование для французского империализма. Вслед за Руром может наступить очередь и Рейнской области. Война в Марокко грозит сильно ослабить французскую «вахту на Рейне».

Итак, результаты четырехмесячных операций пока решительно неблагоприятны французам. Они не только не смогли нанести решающего удара противнику, но даже не смогли восстановить занятой ими линии обороны. По сообщению «Frankfurter Zeitung»⁹⁹, базирующейся на данных из Мадрида, положение французов к концу июля оставалось крайне напряженным. Марокканцами к этому времени было взято, большей частью приступом, около 60 укрепленных пунктов, и создана была серьезная угроза другим французским позициям. Политически положение французов в Марокко уже жестоко скомпрометировано. Страх, внушавшийся прежними

успехами их оружия, рассеивается, о чем свидетельствует массовый переход племен на сторону риффанцев. Несмотря на непрерывный поток подкреплений, доведших общую численность марокканской армии до 150 тыс. человек, французы и теперь вряд ли способны на какое-нибудь серьезное наступление.

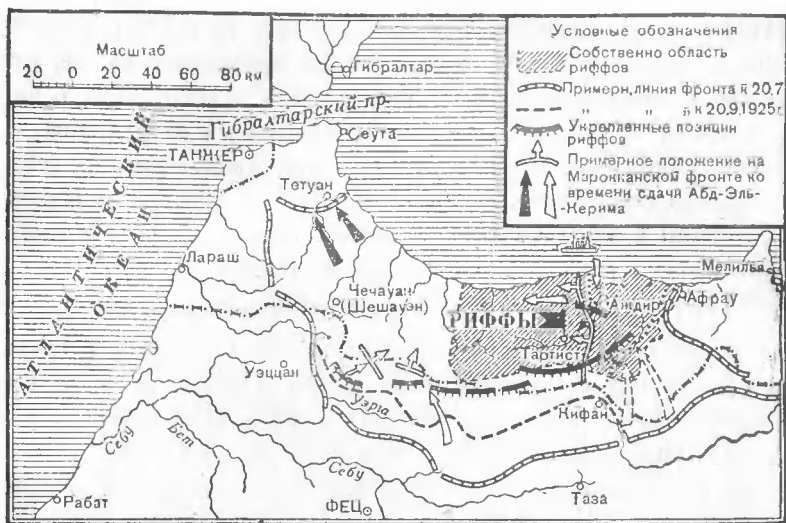

Схема 5. Положение на марокканском фронте на 20 июня 1925 г.

Свободных для маневров сил у них попрежнему немного, и фактически все их операции до сих пор сводятся к тому же, что погубило испанскую армию и что сурово осуждалось самими французами, а именно — к распылению сил по отдельным укрепленным пунктам, пассивному отсиживанию за их оградой и к действиям по снабжению их продовольствием и боеприпасами. Инициатива целиком и полностью остается за противником.

С такой тактикой далеко не уедешь. Если французам не удастся покончить с ней и обеспечить возможность ведения активных операций свободно действующими маневренными отрядами, то можно заранее сказать, что дело их пропало. Вопрос только во времени. В их положении пассивная тактика

равносильна самоубийству. Время будет работать не за них, а против них. Все выгоды положения будут на стороне их противника, неизмеримо слабейшего технически, но сильного свободой своих действий и усиливающегося с каждым днем за счет перехода на его сторону новых бойцов.

В самом деле, силы риффанцев за эти четыре месяца не только не уменьшились вследствие потерь на полях сражений, но значительно увеличились. С ними происходит то же, что было с нашими красными дивизиями в гражданскую войну во время победных наступлений: подвигаясь вперед, они не только не таяли в числе, а, наоборот, усиливались за счет ресурсов занимаемых ими новых областей. Так же и с рифф-фанцами: с занятием всякого нового района сила их отрядов увеличивается за счет притока новых бойцов.

Не лучше обстоит дело у французов и со стратегией.

Судя по всем данным, план глубокого вторжения в глубь Риффа у них сочувствия не встречает. Правда, на пути его осуществления имеются препятствия не только военного порядка, но и политического. Вступление на территорию испанской зоны не может быть произведено без согласия Испании, и вообще оно грозит целым рядом международных осложнений, опасение которых тяжелой гирей висит на руках французского командования.

С другой стороны, подобный план, единственно целесообразный и абсолютно необходимый с точки зрения благоприятного для французского капитала решения марокканской проблемы, встретил бы сильное сопротивление внутри самой Франции не только в лице коммунистов, но и большинства социалистов, а возможно и части радикалов.

Таковы причины, вынуждающие французское командование топтаться на месте и наблюдать, как обстановка складывается для него все хуже и хуже.

Но помимо политических условий, выполнение наступательного плана крайне трудно для французов и по чисто военным соображениям.

Одна сторона политических препятствий — противодействие других держав, и в первую очередь Испании, — может

быть устранена путем соответствующих соглашений. Так, переговоры с Испанией на эту тему ведутся уже давно; 12 июля между Испанией и Францией подписано соглашение, видимо, частично этот вопрос урегулировавшее. Путем террора правительству, быть может, удастся временно задушить и внутреннюю опасность. Может ли в этом случае маршал Петэн организовать успешно широкую наступательную операцию?

Ответить на этот вопрос утвердительно можно лишь при допущении целого ряда «если».

Первым из них является выделение свободной для наступления силы не менее чем в 100—120 тыс. бойцов. Считая, что для поддержания порядка в тылу при нынешних условиях понадобится не менее 75—80 тыс. человек, выходит, что французы должны сосредоточить в Марокко армию минимум в 200 тыс. бойцов без тылов. По нашему глубокому убеждению, только такой численности армия может рассчитывать на решительный успех в борьбе с Риффом. Это исчисление мы базируем на учете тех сил, которые способен выставить в поле Абд-Эль-Керим, и на тщательном анализе географических, климатических и политических условий театра военных действий.

Какими же силами располагает Абд-Эль-Керим?

Никакими точными данными на этот счет мы не располагаем. Но косвенные указания у нас есть, и, дополнив их расчетами, основанными на учете важнейших военных ресурсов государства риффанцев, мы можем получить более или менее близкое к действительности представление о вооруженных силах Риффа.

Мы уже упоминали, что в одной из своих прокламаций сам Абд-Эль-Керим определил силу своей армии в 50 тыс. бойцов. Мы думаем, что эта цифра почти в точности совпадает с действительностью.

Население территории Риффа составляет не меньше 500 тыс. человек. С новыми районами, оккупированными на французской территории, эта цифра должна подняться еще на 200—300 тыс. человек.

Военная организация риффанцев представляет собой милицию в самом чистом виде. Все способные носить оружие являются бойцами, образуя военные отряды «гарка» в пределах своих поселков (дуаров) и племени. При этих условиях общее количество бойцов, которое может выставить Риф (без вновь завоеванных областей) при максимальном напряжении, будет равно 60—70 тыс., считая по одному бойцу на 7—8 человек всего населения *. Принимая во внимание молодость государства, недостаточно окрепшее чувство государственной дисциплины среди отдельных племен и пр., будет правильнее эту цифру уменьшить еще тысяч на 20. Тогда мы придем к той самой цифре, которую дает Абд-Эль-Керим.

На этой цифре правильно остановиться и потому, что риффанцы располагают ограниченным количеством оружия. Нет сомнения, что на всех, способных носить оружие, имеющих в стране запасов его нехватит. На основании подсчетов, производившихся испанцами, в распоряжении Абд-Эль-Керима может быть приблизительно около 40—50 тыс. скорострельных винтовок, главным образом трофейных и отчасти закупленных и ввезенных контрабандным путем. Занятие новых районов увеличивает силы риффанцев, но на ряду с этим необходимо известный процент сбросить на потери, которые, по утверждению французов, являются довольно значительными. Таким образом, цифра в 50—60 тыс. человек, по всей вероятности, представляет максимум того, что может вывести одновременно в поле Абд-Эль-Керим.

Но одна численность говорит еще очень мало. Что же представляет собой эта военная масса в отношении своей организации, боевой подготовки, тактики и дисциплины?

Выше мы отметили, что в организационном отношении вся эта масса бойцов представляет типичную милиционную армию, известный период времени находящуюся под ружьем, а остальное время занятую своим мирным трудом. Но, повидимому, не все вооруженные силы риффанцев состоят из

* Такой процент бойцов во время империалистической войны дала Сербия, проявившая наибольшее военное напряжение из всех воевавших тогда государств.

милиционных формирований. По испанским источникам, подтвержденными и французами, Абд-Эль-Керим располагает известным количеством регулярных, профессиональных войск. Испанцы определяют их численность в 15 тыс. Мы думаем, что эта цифра преувеличена. При тех скудных материальных ресурсах, которыми располагает страна, вряд ли она может быть выше 7—8 тыс. человек. Часть их, очевидно, составляет основную опору Абд-Эль-Керима в виде определенной компактной массы; другая же часть, разбитая на мелкие группы, служит кадром для милиционных отрядов (гарка).

В статье «*La situation sur Ouergha*» мы находим следующие указания относительно способов мобилизации этих отрядов:

«Абд-Эль-Кериму удалось создать среди подвластных ему племен пограничной полосы очень удачную систему военной организации, базирующейся, с одной стороны, на привычках туземцев, а с другой — на современной европейской технике. Это устроено следующим образом. Он покрыл линию фронта рядом постов командования — «мегакма», связанных с тылом дорогами, пригодными для движения легковых автомобилей, и телефонной связью. Начальник поста, непосредственно подчиненный ему (Абд-Эль-Кериму. — М. Ф.), находится постоянно на посту с небольшим гарнизоном из регулярных войск, рабочей командой, часто состоящей из пленных, и отделением гонцов. На посту же находится склад оружия и амуниции. Достаточно телефонного звонка, чтобы привести в движение машину. Гонцы рассеиваются по всем направлениям и бьют тревогу. Бойцы округа стекаются в «магакма», снабжаются патронами, а в случае нужды оружием. Гарка почти мгновенно готова вступить в бой» («*Le Temps*» от 23 мая 1925 г.).

Все эти отряды являются пешими. Таким образом, вся военная мощь риффанцев покоится на пехоте. О других родах оружия точных данных нет. Правда, и испанская и французская пресса очень много распространяется на тему о наличии у Абд-Эль-Керима артиллерии и даже авиации. Пушки, а, вероятно, также и несколько аэропланов, захваченных у испанцев, у риффанцев, несомненно, есть. Так, по самым скромным подсчетам, ими было взято у испанцев не менее 50 орудий. Но это, конечно, артиллерии еще не создает. Трудность добывания снарядов еще более усложняет положение, и применение артиллерии в бою может носить со стороны риффанцев лишь случайный, спорадический харак-

тер. Официальные французские донесения целиком это подтверждают. Случаи введения риффанцами в бой пушек были очень редки и ограничивались стрельбой по отдельным осаждавшимся ими постам. Разумеется, ни о какой научной стрельбе не может быть и речи. По единогласному свидетельству участников боев, риффанские артиллеристы плохи и умеют стрелять только прямой наводкой.

Вот свидетельство об этом непосредственного участника военных действий, капитана Дюбунова, командовавшего французским постом Д-Аулэ, в течение 22 дней выдерживавшего осаду:

«Мы имели против себя 3 пушки. Сначала это было очень стеснительно, ибо мы не имели никакого отдыха. Ночью нельзя было спать в ожидании приступов, а днем исправлять повреждения в ограде. К счастью, нам помогла авиация. Можно сказать, что мы удержались только благодаря ей. Она, в конце концов, установила постоянное дежурство над постом и заставила замолчать пушки противника. Всякий раз, как приближался аэроплан, я мог отсылать своих людей спать.

Качество стрельбы риффанских артиллеристов неважное. Стреляют только прямой наводкой. Правда, у них был наблюдательный пункт и была даже проведена телефонная связь, но все это было крайне примитивно и только вызывало наш смех».

До последнего времени не отмечалось присутствия в лагере риффанцев и конницы. Район Риффа, бедный конскими средствами, не благоприятствует развитию этого рода оружия. Но в последних числах июня на западном участке фронта, в районе Уэццана, официальные французские донесения отметили наличие и накопление конных отрядов противника. Очевидно, захват новых районов, более богатых пастбищами, дал возможность Абд-Эль-Кериму приступить к созданию и этого рода войск, могущих иметь в силу своей подвижности огромное значение в той маневренной войне, которая там разворачивается. Но большого развития в силу целого ряда причин конница получить все же не может, и вся тяжесть борьбы в дальнейшем, так же как и прежде, будет лежать на пехоте.

Риффанская пехота по своим боевым качествам, искусству стрельбы, выносливости и исключительной приспособленности к условиям горной войны давно уже зарекомендовала себя

с наилучшей стороны. Испанцы испытали на себе силу ее ударов. Теперь в этом приходится убеждаться и французам. Их первоначальное слегка пренебрежительное отношение к противнику быстро сменилось чувством удивления и уважения к его доблести и прямым страхом перед ним. Рассценивая боевые качества риффанской пехоты, французы даже ударились в другую крайность. Они приписывают ей и то, чем она, несомненно, не обладает. Так, в последних статьях и донесениях пестрят сообщения о необычайно развитом среди риффанцев инженерном искусстве. Будто бы риффанские стрелки умеют создавать оборудованные по последним требованиям инженерного дела системы укрепленных позиций, с узлами обороны, ходами сообщения, бетонированными блиндажами и пр. и пр. Руководство этим делом приписывается немецким офицерам и... вездесущим большевикам!

Уже одно это обстоятельство заставляет относиться очень критически к рассказам «очевидцев» относительно виденных ими риффанских позиций, «укрепленных согласно последнему слову науки и военной техники...»

В известных случаях, несомненно, риффанцы (причем это, вероятно, относится, главным образом, к регулярным отрядам) прибегают и к окопной войне (например при осадах фортов). Но условия местности и самой войны с ее ярко выраженным маневренным характером вряд ли делают необходимым сколько-нибудь широкое применение риффанцами методов окопной войны. Обилие естественных укрытий и складок позволяет и без искусственных сооружений иметь достаточную защиту от огня противника. Сила риффанцев не в этом. Она кроется в их величайшей подвижности, меткой стрельбе, искусстве маскировки, удивительной физической выносливости и безумной храбрости. Вот что делает из них страшного врага, не останавливающегося перед превосходством техники противника и умеющего и при этом условии одерживать блестящие победы.

Другая и, пожалуй, еще более важная причина их успехов заключается в том, что они имеют многочисленных открытых, полукрытых и скрытых сторонников по ту сторону фронта.

Значительная часть вооруженных сил французов в Марокко состоит, как мы это уже не раз отмечали, из туземных контингентов. При том обороте, который сейчас принимает франко-риффская война, выливающаяся в настоящую национальную войну со стороны марокканцев, все эти гумы, магзены, мегалла, партизаны и пр. надежной опорой для французов быть не могут. Французская пресса очень скупа на известия о настроении туземных войск. Но и в ней прорываются сообщения, указывающие на то, что здесь дело обстоит вовсе не благополучно.

В иностранной прессе, особенно в немецкой, мы находим ряд сообщений, рисующих картину полного разложения этих контингентов и отмечающих многочисленные случаи перехода целых отрядов со всеми запасами снаряжения и вооружения, полученными от тех же французов, на сторону противника.

Ярким подтверждением этого является корреспонденция из Парижа, напечатанная в «Известиях» от 24 июля 1925 г. Мы читаем там следующие строки, посвященные характеристике положения в Марокко:

«Кровавая марокканская авантюра развивается и принимает все более грандиозные размеры. *Весь Марокко восстал.* Обычная тактика марокканских авантюристов — вооружать многочисленные марокканские племена против своих собственных расовых братьев — сыграла роль бумеранга и послужила на гибель марокканских завоевателей. Вооруженные французским оружием, марокканские племена борются теперь этим же оружием против самих французов под предводительством своего военного вождя Абд-Эль-Керима».

Если даже считать, что в этой оценке краски несколько сгущены, то все же картина получается для французов совсем печальная, если не безнадежная.

При этих условиях даваемая нами цифра бойцов в 200 тыс. человек вовсе не может считаться преувеличенной для осуществления задачи перехода к активным действиям и организации наступления на Рифф.

Франко-риффский фронт по своему протяжению составляет линию более чем в 300 км, считая от Атлантического океана и до границ Алжира. При такой длине фронта и отсутствии обеспеченного тыла даже двухсоттысячная армия должна считаться скорее преуменьшенной, чем преувеличенной.

ной. Распространение повстанческого движения в глубь страны сделает и ее недостаточной.

Может ли Франция выставить такую армию? Вообще говоря, конечно, может. Но при использовании ресурсов только постоянной армии следует ответить определенно: нет.

Картина военных сил нынешней Франции видна из следующей таблички, составленной на основании данных французского военного министерства:

Род оружия	Кадры (в тыс. чел.)	Запас (в тыс. чел.)
Пехота	380	2 776
Кавалерия	55	616
Артиллерия	104	944
Инженерные войска	39	280
Авиация	40	200
Интендантства и пр.	57	464
Командный состав (вневойсковых соединений)	10	—
Военные школы	10	—
Итого	695	5 280

При исчислении запаса принимается в расчет мобилизация двадцати классов.

Из общего числа 695 тыс. постоянной армии одна треть находится в колониях и фактически сейчас полностью использована для операций в Марокко. Из других двух третей можно взять кое-что только из рейнской армии, содержащейся в усиленном составе. Из остальных войск можно вырывать только отдельные группы бойцов, разрушая тем самым части, из которых они берутся, и не получая в то же время цельных, сколоченных единиц. Несмотря ни на что, это все-таки делается, что видно из заявлений французских командиров в Марокко, отмечающих широкое развитие практики создания импровизированных отрядов, надерганных из разных частей (рота из одного полка, две роты — из другого, батарея —

неизвестно откуда и т. д.), и жалующихся на боевую непригодность их.

Из этого ясно, что наличных кадровых войск для победоносной войны нехватит. Без мобилизации 2—3 призывных возрастов не обойтись или, в противном случае, марокканской армии придется ограничиваться пассивной стратегией — стратегией «измора противника в его горах», которая, видимо, усвоена сейчас французским командованием и которая, в конце концов, должна кончиться неизбежным крахом.

Выход из положения мог бы быть дан заключением политического и военного соглашения с Испанией, обеспечивающего полное объединение и согласование операций франко-испанских войск в войне с Риффом. Такое соглашение действительно сразу бы значительно ухудшило положение риффанцев как политически, так и стратегически. Свобода маневрирования их была бы сильно стеснена и тем самым ослаблено значение наиболее сильной стороны их тактики — полной инициативы действий.

С другой стороны, объединение франко-испанских операций на основе хотя бы общего стратегического замысла создает очень выгодную обстановку для проведения наступательных планов широкого масштаба. Риффанцы оказываются в этом случае охваченными со всех сторон, включая и морское побережье* и при условии одновременного наступления противника организация сопротивления встретит большие трудности. Уже в настоящее время Франция и Испания вместе могли бы выделить для активных операций не менее 200 тыс. бойцов.

Все эти соображения прекрасно учитываются той и другой стороной, и мы видим, что весь июнь и июль были отмечены оживленными дипломатическими переговорами между Испанией и Францией.

* На риффанском побережье, в его центральной части, испанцы сохранили в своих руках очень сильную позицию в бухте Альхусемас, на кратчайшем пути к столице Риффа — Аждиру. В этой бухте у них есть крепость на острове того же имени, позволяющая в любое время осуществить десантную операцию.

По последним газетным сообщениям, эти переговоры закончились в конце июля подписанием военно-политического соглашения. Каковы точные условия этого соглашения, пока неизвестно. В опубликованном после закрытия конференции, происходившей в Мадриде под председательством испанского генерала Жордана, официальном сообщении приводятся лишь следующие два пункта соглашения:

1. Обе стороны взаимно обязуются не заключать сепаратного мира с Риффом.

2. Обе стороны предоставляют друг другу право преследования противника на своих территориях и право воздушного сообщения через них.

Наконец, из информации, данной представителям прессы генералом Жорданом, видно, что состоялось также какое-то соглашение по вопросу о разграничении французской и испанской зон. В основу его положен договор 1912 г.

Что же касается совместных военных операций, то об этом никаких сколько-нибудь точных сведений нет. Судя по разочарованному тону буржуазной французской прессы, в этой части, очевидно, соглашение не состоялось. По сообщениям немецкой печати, Испания взяла на себя обязательство усилить блокаду риффского побережья, но отказывается начать новую военную кампанию под тем предлогом, что таковая «в случае неудачи может поколебать династию».

Как бы то ни было, заключенное соглашение и при тех суженных рамках, в которых установлено сотрудничество, значительно ухудшает положение Абд-Эль-Керима. Благодаря ему утрачиваются те выгоды, которые явились результатом неопределенности политического положения. Война для риффанцев должна продолжаться на оба фронта без надежды на заключение сепаратного соглашения с одной из враждебных сторон¹⁰⁰.

Но даже и в этих условиях борьба для риффанцев вовсе не представляется безнадежной. До тех пор, пока не будет заключено полного военного соглашения, фактически объединяющего франко-испанскую армию, военное положение риффанцев изменится не много по сравнению с настоящим. Для

одних французов задача покорения Риффа почти неосуществима. И если бы даже им удалось собрать силы, достаточные для широкой наступательной кампании, проведение ее явится для них делом чрезвычайно трудным и, прежде всего, потребует огромных материальных расходов. Это совершенно неизбежно при тех условиях, которые создаются особенностями театра военных действий, и при той тактике, которая усвоена французским командованием.

Наступательные действия французских войск должны будут развертываться по двум основным операционным направлениям: 1) на Чечауан, являющийся стратегическим ключом западной полосы испанской зоны, и 2) на Аждир, ставку Абд-Эль-Керима и государственный центр Риффа; базами для наступления в первом направлении будут Уэццан и Фец, для второго — Фец и Таза.

Географически базы отстоят недалеко от районов, являющихся возможной целью операций (от Уэццана до Чечауана всего два перехода, от Тазы до Аждира — около шести), но естественные трудности движения так велики, что все выгоды этой близости улетучиваются. Даже при отсутствии всякого сопротивления противника французским армиям было бы крайне трудно организовать такой поход. При наличии же храбро сопротивляющегося врага движение это должно быть весьма медленным. Особенно труден был бы поход от Феца и Тазы на Аждир, в глубь Риффа. Самым серьезным и важным из естественных препятствий является бездорожье.

К северу от Уэццана, Феца и Тазы грунтовые дороги, да и те скверные, существуют только на небольших расстояниях, не превышающих 50—60 км от этих пунктов.

От Феца таких дорог две: одна ведет на северо-восток и кончается у Тауната, в долине Уэрги, а другая — на северо-запад к Фец-Эль-Бали. От Тазы есть только одна дорога — на Кифан.

Дальше к северу местность является совершенно бездорожной, и движение возможно только по отдельным горным тропам и дорогам, непригодным для движения колесного транспорта.

Почти весь путь от долины Уэрги в глубь Риффа занят отрогами риффского горного массива, достигающего 6½ тыс. футов высоты.

Местность в большей своей части пустынная, не имеющая не только никаких местных продовольственных и фуражных ресурсов, но даже и воды. Принимая во внимание далее изнурительную тропическую жару, отсутствие растительности и неприспособленность к климату европейских солдат, нам станут вполне понятны те трудности, которые встали бы перед французским командованием при попытках перейти к решительным наступательным действиям.

Но ничего физически невозможного в организации такой операции, конечно, нет. Военная история знает много примеров операций, которые по естественным трудностям ничем не уступали, а часто превосходили ту, о которой идет речь. Но успех в них достигался исключительными боевыми качествами выполнявших их войск.

Обладают ли всеми этими качествами современные французские войска в Марокко?

Внимательное наблюдение за действиями их до настоящего времени, а также изучение применяемых французским командованием тактических приемов приводит нас к сомнению в их способности справиться быстро и решительно с лежащими перед ними задачами.

Здесь мы вовсе не имеем в виду индивидуальных боевых качеств рядового французского солдата. Он ничуть не утратил присущих ему свойств высокой воинской доблести. Мужество, храбрость и стойкость маленьких гарнизонов многочисленных французских постов, подвергнувшихся осаде кабилами, являются достаточным доказательством этого. Правда, в этих свойствах в последнее время замечается все более и более зияющая брешь, создаваемая непопулярностью этой войны во французском народе. Это фактор очень большого значения. Его мы коснемся ниже. В данном же случае, выражая сомнение в способности французской армии справиться с задачей, мы имеем в виду вовсе не эти индивидуальные свойства бойцов, а ту тактику, которая применяется фран-

цузским командованием и которая пустила глубокие корни во французской армии.

На страницах центрального французского военного органа «La France Militaire» в номере от 25 мая 1925 г. мы читаем следующие строки, посвященные тактике французских войск в Марокко и принадлежащие перу известного военного писателя — генерала Кюньяка:

«Война в Марокко в 1925 г. во многих отношениях напоминает войну 1918 г. и, быть может, будет прообразом для кампаний будущего. На основании немногих известных нам данных о первых сражениях уже видно преимущественное значение артиллерии и авиации. Артиллерия завоевывает пространство, пехота его занимает. Авиация разведывает неприятеля, авиация преследует его...»

Лаконические сообщения с фронта Уэрги дают нам фразы из наставлений 1918 г., сохраняющие силу и для будущих наставлений. Можно быть уверенным, в том, что французские командиры не бросят ни одного батальона в атаку на риффские траншеи без предварительной основательной подготовки» (артиллерией. — М. Ф.).

Генерал очень доволен тождеством марокканских операций с операциями 1918 г. В этом тождестве он видит как доказательство непогрешимости тактических методов 1918 г., крепко усвоенных французами и сохраняющих, по его мнению, всю свою силу и для Марокко и вообще для всякой войны будущего, так и полную гарантию успеха операций.

С этой оценкой почтенного генерала согласиться никак нельзя.

Он прав, отмечая тождество тактических приемов французских войск в Марокко с приемами войны 1914—1918 гг. Но перед ним, повидимому, даже не возникает вопроса о соответствии этой тактики условиям конкретной боевой обстановки в Марокко. Для него, раз войска действуют согласно принципам войны 1918 г., все, стало быть, обстоит благополучно, и верный успех обеспечен.

На этом примере ярко видно, насколько французская военная мысль срослась с идеями позиционной войны. В этом вопросе генерал Кюньяк вовсе не одинок. За редкими исключениями, так мыслит и пишет огромное большинство военных писателей Франции. И эти мысли нашли свое отражение как

в наставлениях и уставах эпохи после империалистической войны, так и в самой организации французской армии. И при всем том мы берем на себя смелость заявить, что во всем этом имеется изрядная доля схоластики и безжизненного доктринерства.

Война 1914—1918 гг. была по преимуществу войной позиционной. В соответствии с этим она стала войной материалов, борьбой техники. Виды и количества введенных в дело технических средств борьбы, боеприпасов и пр. выражаются в умопомрачительных цифрах. Естественно, что военная мысль послевоенной эпохи не может не идти в рамках, созданных этими факторами. С ними обязан считаться всякий, кто хочет объективно подойти к проблемам войны будущего. Но «считаться» — не значит «быть в плену». Вовсе не все фактические, организационные и административные идеи, выработавшиеся на основании опыта империалистической войны, сохраняют свое значение и для будущего. Ниоткуда не следует, что войны будущего будут носить обязательно характер позиционных войн, копируя образцы 1914—1918 гг. Все будет зависеть от «обстоятельств, места и времени», учесть которые заранее полностью никак нельзя. Поэтому настраиваться на «сугубо позиционный» лад было бы так же опасно, как и противоположная крайность. Войска в мирное время должны быть организованы и воспитаны так, чтобы уметь разрешать задачи и обороны и наступления. Но в первую очередь они должны быть подготовлены к задачам активно-наступательного характера, ибо это наиболее ответственная, важная и психологически наиболее трудная часть боевых задач вообще. Войска, воспитанные на той идее, что «никакая атака невозможна без предварительной сильной артиллерийской подготовки», хорошими войсками быть не могут. Конечно, плох тот командир, который не использует полностью всех технических средств, находящихся в его распоряжении, для обеспечения успеха и уменьшения потерь. Но еще хуже командир и солдат, способные наступать только после сильной артиллерийской подготовки.

Современные операции в Марокко дают достаточно материала, подтверждающего правильность нашей оценки.

В противоположность мнению генерала Кюньяка, тактическое тождество французских операций в Марокко с операциями войны 1914—1918 гг. служит для нас не указанием «благополучия», а, наоборот, доказательством слабости и тактического упадка французской армии.

Прямое подражание образцам 1918 г. обязательно там, где боевая обстановка это допускает. Но следование им везде и всегда и при всяких условиях может привести лишь к печальным последствиям.

Соответствует ли обстановка современной войны в Марокко обстановке войны 1914—1918 гг.?

Вот вопрос, который следовало бы поставить и разрешить генералу Кюньяку и иже с ним, прежде чем делать успокоительные для себя выводы на основании факта точного применения инструкций 1918 г.

Но, повторяю, у современных французских военных обозревателей мы не видим и следов такой постановки вопроса. Это говорит вовсе не в пользу их теоретической глубины.

Слепое подражание образцам 1918 г. ничего, кроме конфуза и колоссальнейших материальных затрат, дать в Марокко не может. Перед французами не неподвижная линия фронта, организованная зарывшимся в землю противником и опирающаяся на сильную технику. Перед ними нет ни техники, ни неподвижного, склонного к «позиционному отсиживанию» врага и вообще нет никакой определенной линии фронта. Война носит сугубо выраженный маневренный характер. При этом противник крайне редко прибегает к одновременным действиям сколько-нибудь значительными массами на одном определенном участке. Преимущественный способ его операций — партизанская война малых отрядов, основанная на быстроте, смелости, внезапности и решительности их действий. И только в исключительных случаях, при наличии особо выгодных тактических целей, эти отряды объединяются и дают подобие правильного сражения.

Казалось бы, что маневренная война против такого противника требует такой же быстроты и смелости от французов. В соединении с неизмеримо лучшей техникой они обеспечат победу.

Однако у французов мы этого не видим. Их перегруженные техникой и многочисленными обозами войска тяжелой массой, давящей и сметающей огнем многочисленной артиллерии все на своем пути, медленно катятся вперед и при первом мало-мальски серьезном отпоре зарываются в землю.

Израсходовав снаряды и теряя, таким образом, свою главную опору в лице артиллерии, такие отряды становятся совершенно беспомощными и без поддержки извне могут стать легкой добычей инициативного и решительного врага. История испано-риффской войны, как мы видели, богата рядом случаев подобного рода. Видимо, такие истории случались уже и с французами.

Пока все активные операции французов сводились, главным образом, к снабжению при посредстве подвижных колонн отдельных осажденных риффанцами постов. С точки зрения расстояний, дорог, знакомства с местностью и пр., это создавало значительное преимущество. И тем не менее мы видим, каких огромных усилий и потерь стоят французам эти операции. Обычно ни одна из них не проходит безнаказанно. Какой бы силы отряды ни были, они обязательно подвергаются нападениям риффанцев, преимущественно при обратном отходе отрядов.

Характерным примером сражения такого типа является бой 31 мая у Бибана колонны полковника Ферраля, отступавшего к своей базе у Фец-Эль-Бали после снабжения и обновления гарнизонов французских укреплений на Бибане.

Отряд Ферраля имел в своем составе два пехотных полка и многочисленную артиллерию. Атакованный на отступательном марше противником, бывшим по численности гораздо более слабым, отряд тем не менее был вынужден остановиться, окопаться и дать бой по всем правилам «наставлений 1918 г.»

Главная роль выпала на долю артиллерии, затем авиации, сбросившей около 7 тыс. бомб, и, наконец, конницы, прибывшей в количестве одного полка «спаги» на помощь с тыла. Отряд пробился, но потерял при этом, по официальным французским данным, 150 человек убитыми и 300 ранеными.

Цифра потерь очень почтенная. Если считаться с потерями как с решающим моментом при принятии тактической ставки

на технику, а не на живую силу, то и с этой точки зрения можно подвергнуть большому сомнению целесообразность применения французской тактики — войны материалами — для Марокко. Не говоря уже о колоссальной трате народных средств, вызываемой этой тактикой, она вовсе не дает гарантии меньших потерь. Этого никто еще не доказал. Наоборот, создаваемый ею затяжной характер операций может, в конечном счете, дать гораздо большую цифру потерь, чем смелая наступательная тактика, основанная на действиях активных масс живой силы.

По официальным данным, французские потери в Марокко уже к 1 июля достигли цифры в 4 тыс. человек. При этом, повидимому, учитываются только потери регулярных французских войск. Что же касается местных туземных вспомогательных контингентов, на долю которых падают наиболее тяжелые удары, то ими французские буржуа мало интересуются.

Таким образом, мы видим, что техника далеко не обеспечивает бескровных успехов. Если дело пойдет и дальше так, как сейчас, то вряд ли французские генералы смогут оправдывать свою тактику ссылкой на желание «сберечь живые силы бедной человеческим материалом прекрасной Франции».

Так обстоит дело теперь, при операциях, так сказать, местного значения, где постоянно сохраняется теснейшая связь с базами. Ну, а что ожидает французские войска при попытках движения дальше в глубь страны?

Мы выше пытались показать, что целью французской стратегии может и должно являться полное уничтожение независимости Риффа и военное сокрушение Абд-Эль-Керима. Всякое другое решение в лучшем случае может быть только оттяжкой до новой войны. Поэтому план организации такого наступления рано или поздно должен встать перед французским командованием¹⁰¹. Как же тогда думает оно обеспечить действия своих войск в гористой, бездорожной, безлюдной, пустынной местности? Если действовать согласно образцам 1918 г., то придется израсходовать предварительно сотни миллионов франков только на одно оборудование тыла. Войска будут продвигаться вперед медленнее черепашьего шага, закрепляясь каждый раз на определенных рубежах в ожида-

нии постройки дорог, обеспечивающих подвоз продовольственных материалов и огнеприпасов. Сколько же времени, средств и человеческих жизней будет загублено, прежде чем маршал Лиотэ вступит победоносно в Аждир?

Но ведь в этом случае война еще не окончится. Она примет со стороны Риффа, может быть менее организованный характер, но продолжаться будет. В этом нет никаких сомнений для тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей и природой такой национальной борьбы. Стало быть, новые сотни миллионов денег, новые горы человеческих трупов. Таковы вероятные перспективы дальнейших операций в Марокко.

Могут спросить: возможна ли для французов какая-либо иная тактика, обещающая более быстрые и решительные успехи?

На этот вопрос следует, прежде всего, ответить, что в основном суть дела, конечно, не в тактике. Та или иная форма тактики — дело не решающее. Характер марокканской войны таков, что она при всяких условиях будет войной затяжной.

Но при всем том мы считаем, что тактика, более отвечающая условиям и характеру боевой обстановки, возможна. Главным элементом ее был бы отказ от ставки всегда и везде на технику. «Война материалами» к Марокко неприменима. Техника должна иметь служебную, подчиненную роль. Решающее значение должно перейти к живой силе — к французскому солдату. Организация войск должна быть пересмотрена в сторону разгрузки частей от всего лишнего имущества, в том числе от чрезмерной техники. Словом, надо иметь смелость отказаться от целого ряда положений, ставших для французов догмой. Смогут ли они решиться на это, сказать трудно.

Между прочим, изложенный нами взгляд целиком подтверждается опытом самих же французов по предшествующим операциям в Марокко. Войска, действовавшие в Марокко в период с 1909 до 1924 г., сами, по почину низовых командиров и вопреки рассуждениям многоученых генералов-кюньяков, начали свою разгрузку от лишней в данных условиях техники. Так, автору этих строк приходилось не раз встре-

чать в описаниях действий французских подвижных отрядов указания на то, что при выступлении в поход половина обычно положенных по штату пулеметов оставлялась частями на их войсковых базах, а за этот счет увеличивалось количество винтовок и одновременно достигалось облегчение обоза. Если мы припомним, что пехотный полк французской армии имеет в своем составе 108 ручных пулеметов, 48 станковых, 6 минометов и 3 тридцатимиллиметровых орудия, то эта мера для нас станет вполне понятной. Такая техническая нагрузка в марокканских условиях просто вредна.

Эта же линия должна быть усвоена и в отношении артиллерии. Нелепа мысль снабжать артиллерию в Марокко боеприпасами в таком количестве, чтобы она «завоевала территорию», а пехота ее только «занимала».

Что значит «завоевать территорию» в марокканских условиях? Это значит очистить от противника горные трущобы, ущелья, целые хребты и т. д. и т. д. Это ведь не сплошная линия траншей, занятая многочисленным противником, а огромные площади с мелкими группками стрелков, великолесно защищенных естественными укрытиями. Может ли артиллерия «завоевать» такую территорию? Предоставим решать этот вопрос генералам кюньякам. Мы ограничимся лишь указанием еще раз на то, какую страшную опасность для мощи армии представляет неправильный уклон в ее воспитании. Хороший солдат, идя в бой, должен быть всегда готов к смерти. Так надо его воспитывать в мирное время.

Из всех технических средств борьбы, зарекомендовавших себя безусловно с положительной стороны, следует отметить авиацию. Этот род оружия бесспорно оказывает самые выдающиеся услуги французам. Его функции — самые разнообразные. Авиация не только разведывает противника и принимает участие, и участие порой решающее, в самых боях, — она часто является единственным средством связи с окруженными противником гарнизонами и единственным их средством снабжения. Авиация несет в широких размерах и санитарную службу, вывозя раненых с передовых позиций в тыл. Сплошь и рядом только благодаря авиации сопротивление отдельных французских постов могло быть сколько-нибудь упорным.

Таковы услуги, оказываемые авиацией. Эта роль ее является лишним доказательством необходимости всемерных усилий к развитию и укреплению этого рода войск и у нас.

Итак, решающая роль в дальнейших операциях должна будет принадлежать французскому солдату.

Выше мы отметили, что в его настроениях замечается перелом. Повидимому, французскую армию постигает та же болезнь, что выпала на долю испанской армии. Французский солдат и матрос все более и более неохотно идут на войну. Многочисленные факты подтверждают это.

В середине июля во французской прессе было напечатано сообщение о волнениях на судах французской эскадры, отправленной к берегам Марокко. Морское министерство выступило с официальным опровержением этих слухов, объявив их вымыслом «врагов отечества и злонамеренных коммунистов». Тем не менее «*Echo de Paris*»—орган, который никак нельзя заподозрить в симпатии к коммунизму или «бошам», признает, что «на судах «*Courbet*» и «*Strassbourg*» действительно имели место некоторые акты неповиновения». Выражается газета очень мягко, но смысл событий этим не смягчается.

История Марти и Бадина¹⁰², повидимому, имеет тенденцию повториться.

Настроение армии определяется настроением тыла.

Мы видели, какую роль в испано-риффской войне сыграло неустойчивое положение в Испании. Сейчас мы можем отметить, что некоторые колебания чувствуются и во французском тылу.

Настроение рабочего класса определенно против марокканских авантюр. Это настроение вылилось в создании специального «Комитета действий против войны», явившегося результатом работ ряда беспартийных рабочих конгрессов. На этих конгрессах рабочие делегаты страстно и решительно требовали прекращения военных действий в Марокко и немедленного заключения мира с Абд-Эль-Керимом.

Это настроение рабочих отражается и на политике французской социалистической партии, являвшейся до сих пор прочной опорой нынешнего правительства «левого блока». Боясь утраты всякого влияния в рабочих кругах, социалисты

вынуждены, хотя в самой «верноподданнической» форме, критиковать действия правительства. В связи с этим, а также и по ряду других вопросов внутри «левого блока» назревает очередной кризис. Устойчивости, твердости и решительности в политике правительства нет. Делая реверансы и направо — в сторону черносотенного «национального блока», и налево — в сторону социалистов, правительство Пенлеве вряд ли способно разрешить благополучно для себя и для французской буржуазии марокканскую проблему.

В последнее время в угоду «пуанкарпистам» правительством начата кампания репрессий против коммунистов. Коммунистам, открыто и решительно выступавшим против войны, вменяется в вину разложение армии. В организациях партии производятся обыски, литература конфискуется, поставлен вопрос об аресте наиболее видных коммунистических депутатов. Этими полицейскими мерами правительство Пенлеве рассчитывает задавить начинающееся в стране революционное брожение. Удастся ли эта политика, покажет недалекое будущее. Во всяком случае, если события в Марокко примут «перманентный» характер, страна вряд ли избежит революционных потрясений. Те затраты, которые вызывает война, станут непосильными и для более богатой, чем Испания, Франции. Ее финансовое положение не блестяще и без этих расходов. Лозунг «кончать марокканскую историю» скоро может охватить всю страну.

Такова внутренняя политическая обстановка, при которой французам приходится решать их задачи в Марокко.

Излишне доказывать, что при таких условиях желательное решение отодвигается все более в туманную даль. Оставаться при теперешнем положении нельзя и по финансовым, и по общемарокканским, и по внутренне-политическим соображениям. Но, с другой стороны, рискованно решиться и на большую наступательную операцию. Отсюда — поиски союзника в лице разбитой Испании и заискивания перед Англией. Отсюда же — попытки найти какое-нибудь третье решение задачи.

Это третье решение возможно в форме того или иного соглашения с Абд-Эль-Керимом. В результате Мадридской

конференции, по слухам, постановлено предложить Абд-Эль-Кериму от имени Франции и Испании мир. О точных условиях мира никаких сообщений не делалось. Повидимому, и Франция и Испания непрочь были бы пойти на сделку с Абд-Эль-Керимом при обязательном условии отказа его от независимости Риффа. Но на эти условия не может пойти вождь риффанцев, не отказываясь от всего своего прошлого. Сделка с ним мыслима лишь в том случае, если он окажется предателем кабийского национального движения и захочет, по примеру Рэсули, заняться обдѣлыванием своих «личных делишек». Никаких признаков и намеков на это до сих пор не было и нет. Наоборот, все, что нам известно о личности, политике и действиях Абд-Эль-Керима, говорит решительно против подобных предположений. Это отнюдь не тип мелкого авантюриста, вроде Рэсули и ряда других «великих кайдов» и «шейхов» Марокко, продававших себя и своих подданных за французское и испанское золото. Абд-Эль-Керим — не только прекрасный полководец, умелый организатор и отличный администратор. Это человек с широким политическим кругозором, умеющий разбираться и прекрасно использовать всякие тонкости и противоречия международной политики¹⁰³.

Опубликованная английской и французской печатью программа мирных условий, на почве которой он считает возможным заключение прочного мира, свидетельствует еще раз о его политической проницательности, деловом реализме, большой осведомленности и большом государственном уме. Программа эта сводится к следующим пунктам:

«1. Риффское государство должно быть признано и гарантировано Лигой наций на том же основании, как и Афганистан. Абд-Эль-Керим получает титул эмира.

2. Марокканский султан будет признан риффанцами в качестве сюзерена (верховного вождя).

3. Все племена джебала войдут в состав Риффского государства; южная граница государства пройдет по северному берегу Уэрги. В состав территории Джебала, отходящей к Риффскому государству, должны быть включены города: Лараш, Арзила и Тетуан.

4. За Испанией сохраняются Сеута и Мелилья с их укреплениями и железными рудниками (рудники «Ора» в 15 км к югу от Мелильи).

5. Риффанцам разрешается содержать армию с ограниченной численностью, размеры которой устанавливаются специальными экспертами. Однако оружие и снаряжение, превышающие установленную норму, остаются у риффанцев. Франция и Испания должны с согласия Лиги наций предоставить Риффу небольшой заем для содействия экономическому развитию страны; этим странам, при условии займа, будут предоставлены льготы по части торговли и сооружения железных дорог».

Изложенная программа является базой для будущих мирных переговоров. Для немедленного прекращения военных действий Абд-Эль-Керим выставил другие, гораздо более скромные требования. Они заключаются в следующем:

1. Отмена экономической блокады Риффа.

2. Разрешение ввоза в области, занятые риффанцами, медикаментов и допущение врачей.

3. Признание риффанцев воюющей стороной.

Характерно выставление двух последних пунктов. До сих пор «гуманные цивилизаторы» не пропускали в страну ни медикаментов, ни врачей и не признавали риффанцев воюющей стороной. С ними обращались, как с мятежниками против законной власти, и расправлялись, как с обыкновенными разбойниками.

Со своей стороны, вождь риффанцев брал на себя обязательство: отпустить немедленно одну треть взятых им французских и испанских пленных без выкупа (до сих пор испанцы платили выкуп) и отозвать своих политических эmissаров с территории французского протектората.

Как ни скромны предварительные и окончательные программные требования Абд-Эль-Керима, можно сказать наверное, что основой для заключения мира они явиться не могут. Нами неоднократно указывалось, что признание Францией фактической независимости Риффа будет началом конца ее власти во всем Марокко. Поэтому этот пункт требований риффанцев будет решительно отвергнут.

Только в одном случае можно ожидать со стороны французского империализма известной готовности пойти на уступки и здесь. Это в случае дальнейшего широкого общественного движения против войны внутри самой Франции. При всех других условиях он (империализм. — М. Ф.) не станет подвергать риску результаты своей двадцатилетней захватнической политики в Марокко и захочет вооруженным путем схватить за горло риффанцев и поставить их на колени.

Если ему удастся обеспечить себе вооруженную помощь своего испанского собрата, то он, несомненно, предпочтет путь войны мирным переговорам. Мы думаем, что этот путь объективно является сейчас наиболее вероятным. Те события, которые до сих пор имели место в Марокко, являются только прелюдией к операциям большого масштаба.

Эти операции, по всей вероятности, будут иметь своим первоначальным объектом Чечауан — центр западной части испанской зоны. К этому пункту ведут с трех сторон (от Тетуана, Лараша и Арзилы) хорошо разработанные дороги, отлично знакомые испанцам; не составит также особых трудностей и наступление со стороны Уэццана из французской зоны.

При условии военного соглашения с испанцами операция эта могла бы быть предпринята немедленно, ибо уже сейчас французы со своими 150 тыс. человек плюс 100 тыс. испанцев могли бы выделить достаточно сил для экспедиционного отряда. Самым трудным будет не занятие Чечауана, как такового, а прочное закрепление всего его района, т. е. покорение и подчинение племен джебала. Испанский опыт в этом отношении сулит не особенно радужные перспективы.

Несравненно бóльшие трудности представит поход в глубь самого Риффа. Даже при условии одновременного удара с четырех сторон — Альхусемаса, Мелильи, Чечауана, Тазы — эта операция потребует огромных усилий, времени и финансовых затрат. Будет ли это по силам французскому капиталу — будет прежде всего и больше всего зависеть от положения его внутри самой Франции.

Хотя положение риффанцев в случае такого наступления будет крайне тяжелым, но не безнадежным. Времена сейчас не те. То, что международному империализму удавалось легко

20—30 лет назад, теперь связано с огромными затруднениями. Колесо человеческой истории повертывается. Порабощенные национальности одна за другой пробуждаются к самостоятельной национальной жизни и с успехом ведут борьбу за свою независимость. Последнее пятилетие ознаменовано рядом частичных поражений мировых империалистических держав. Афганистан, Иран, Турция, Аравия, Египет — вот далеко не полный перечень стран, где развитие национальной идеи привело к резкому ослаблению позиций международных хищников. Крот истории роет не за империализм; а этот крот роет хорошо.

Вот почему перспективы риффанцев, несмотря как будто на полную несоизмеримость сил той и другой стороны, не могут считаться безнадежными. При подавляющей технике французов борьба с ними на ровной местности для риффанцев, конечно, будет невозможной. Но дело будет обстоять иначе, когда французы ввяжутся в горную войну. Здесь их техника как по условиям местности, так и по причине затруднительности правильной работы тыла потеряет в большой степени свое значение.

И наоборот, риффанцы в родной обстановке своих горных теснин усилятся, и военные шансы, таким образом, будут выравниваться. Политические же шансы чем дальше, тем больше будут склоняться в их сторону.

В эту же сторону будет давить положение дел во всем французском тылу.

Уже сейчас французская печать отмечает случаи нападений на французские военные склады в самом глубоком тылу, например в порту Казабланка. С обострением и углублением борьбы этот тыл будет становиться все менее и менее прочным и безопасным. Действующая французская армия со своими громоздкими и неповоротливыми тылами может оказаться в очень скверном положении.

Трудящиеся всего мира с глубоким сочувствием и надеждой на успех правого дела будут наблюдать героическую борьбу марокканцев за их независимость и свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья «Россия и Дальний Восток» была написана с целью мобилизации внимания рабочих и крестьян Иваново-Вознесенского промышленного района к задачам защиты страны от нашествия интервентов и белогвардейцев. Высадка 9 марта 1918 г. в Мурманске англо-французских, а затем и американских войск, японский десант во Владивостоке 4 апреля и последовавшая там же на следующий день высадка англичан были началом открытого вооруженного вмешательства иностранных держав, во главе с американским империализмом, в дела Советской России.

К англо-японским войскам во Владивостоке вскоре присоединились и американские войска.

Советское правительство придавало событиям на Дальнем Востоке очень большое значение. В. И. Ленин и И. В. Сталин в телеграмме Владивостокскому Совету 7 апреля 1918 г. указывали: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил» (В. И. Ленин, Из эпохи гражданской войны. Партиздат, 1934, стр. 32).

Эта телеграмма и другие указания В. И. Ленина и И. В. Сталина явились боевой программой действий дальневосточных и сибирских партийных и советских организаций в деле отпора японо-американским захватчикам. — 55.

² 16 марта 1918 г. Япония, стремясь опередить других захватчиков, в частности США, созывает в Пекине совещание с целью выработать конкретный план захвата и раздела Советской Сибири. В совещании участвовали: представитель русских капиталистов Путилов, бывший ми-

нистр временного правительства Гучков, белогвардейские адмиралы и генералы — Колчак, Семенов, Хорват и др.

Подготовка интервенции способствовала оживлению деятельности всех белогвардейских элементов. На деньги, получаемые от США, Японии, Англии и Франции, они создали в Харбине контрреволюционную организацию под названием «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания». — 55.

³ 4-я армия являлась правофланговой армией Восточного фронта. Ее задачей было обеспечить пути, ведущие с юга и юго-востока на участок Волги Саратов — Сызрань. Целью боевых действий армии являлось овладение Уральской областью и ликвидация уральского белоказачества.

Оперативная обстановка на южном крыле Восточного фронта к моменту вступления М. В. Фрунзе в командование 4-й армией была такова: 24 января 1919 г. 4-я армия овладела Уральском; 1-я армия за два дня до этого овладела Оренбургом, 5-я армия продвигалась к Уфе.

Противник в полосе действий 4-й армии закрепился в 20 км южнее и юго-восточнее г. Уральска — в районе Цапово, Лбищенск. Фронт 4-й армии проходил южнее Александров Гай, южнее Круглоозерной, Уральск, Кандык. — 64.

⁴ В ноябре-декабре 1918 г. украинский народ с помощью Красной Армии изгнал немецких оккупантов со своей земли. В декабре 1918 г. была образована Украинская Социалистическая Советская Республика.

Белорусский народ с помощью Красной Армии 10 декабря того же года освободил от немцев свою столицу — город Минск. 1 января 1919 г. манифестом Временного рабоче-крестьянского правительства была провозглашена Белорусская Социалистическая Советская Республика.

В Литве и Латвии советская власть была установлена 16 и 17 декабря 1918 г. — 65.

⁵ Наступление колчаковских войск на Восточном фронте, начатое неожиданно 4 марта 1919 г., в начале апреля приняло угрожающие размеры.

5-я армия Восточного фронта, застигнутая врасплох и не готовая к отражению превосходящих сил противника, вынуждена была отходить. Создалась реальная угроза выхода противника на Волгу, что было чревато усложнением и без того тяжелой для Советской страны обстановки.

7 апреля командование фронтом вызвало М. В. Фрунзе, командовавшего в это время Южной группой Восточного фронта, и предложило ему возглавить все четыре армии Южного крыла фронта (4-я, Туркестанская, 1-я и 5-я).

Учитывая сложившуюся обстановку, М. В. Фрунзе дал согласие принять на себя командование с условием предоставления ему необходимой оперативной самостоятельности.

10 апреля Восточный фронт был разделен на две группы — Северную и Южную с подчинением последней М. В. Фрунзе, который немедленно приступил к организации контрнаступления.

План контрнаступления изложен М. В. Фрунзе в его приказе от 10 апреля 1919 г., в котором основной замысел сформулирован так: «...удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу».

Для осуществления этого замысла М. В. Фрунзе считал необходимым, нанося противнику удар в наиболее опасном для него направлении, не только вырвать инициативу из рук врага, но и разгромить его.

Тщательно подготавливая операцию в материальном отношении, М. В. Фрунзе совместно с членом Реввоенсовета Южной группы В. В. Куйбышевым провел огромную работу и по обеспечению высокого политико-морального состояния войск.

Пока шла подготовка к контрнаступлению (и в частности перегруппировка войск на значительные расстояния), наступление колчаковских армий продолжало развиваться, и враг все ближе подходил к Волге.

В соответствии с новой обстановкой Фрунзе пришлось внести в свой план контрнаступления ряд изменений, которые хотя и не меняли основной идеи плана, но все же существенно меняли его содержание. В частности, по требованию командующего фронтом из состава ударной группы М. В. Фрунзе вынужден был передать две бригады 25-й стрелковой дивизии на усиление 5-й армии.

Все эти изменения, нашедшие отражение в новом приказе от 19 апреля, в основном сводились к изменению соотношения сил между ударной группой и 5-й армией в пользу последней и в ущерб ударной группе.

Начало контрнаступления Фрунзе считал необходимым приурочить к концу апреля.

Первым этапом контрнаступления явилась так называемая Бугурусланская операция, круто изменившая в нашу пользу всю обстановку на фронте и закончившаяся общим отходом противника и занятием нами Бугуруслана (4 мая) и Бугульмы (13 мая). В результате Бугульминской и последовавшими за нею Белебеевской и Уфимской операций главные силы Колчака были разгромлены. — 70.

⁶ Изменение приказа № 021, в частности замена начальника ударной группы, было вызвано тем, что командующий 1-й армией проявил нездоровые сомнения в возможности успеха контрнаступления. Учитывая это, М. В. Фрунзе поставил во главе ударной группы командующего Туркестанской армией, что было целесообразно также и в оперативном отношении, так как почти все силы Туркестанской армии были включены в ударную группу.

Поскольку фактически Туркестанская армия перестала действовать на своем прежнем — Оренбургском — направлении, задача обеспечения последнего поручалась 1-й армии. — 71.

⁷ Приказ № 022 уточняет план контрнаступления в связи с изменившейся обстановкой. В приказе подчеркивается замысел М. В. Фрунзе разгромить противника по частям. Идея операции изложена в публи-

куемом в настоящем сборнике докладе М. В. Фрунзе командующему фронтом за № 01182 (см. стр. 75). — 72.

⁸ Телеграммой № 01364 командование Восточного фронта требовало от командующего Южной группой представить план операции. — 75.

⁹ Приказом № 025 перед войсками Южной группы ставились задачи в связи с проведением второго этапа Бугурусланской операции. К этому времени были получены сведения о начавшемся сосредоточении в районе Белебея колчаковского резерва — Волжского корпуса Каппеля, спешно и по частям выдвигавшегося в район боевых действий. Учитывая угрозу появления корпуса Каппеля, М. В. Фрунзе донес об этом в штаб фронта и потребовал усилить Южную группу одной бригадой, но получил отказ, в результате чего Южной группе в выполнении поставленных перед нею задач пришлось рассчитывать только на наличные силы.

На втором этапе операции М. В. Фрунзе преследовал ту же цель, что и на первом этапе, — полный разгром противника. Разрабатывая план второго этапа операции, М. В. Фрунзе заметно перемещает направление главного удара Южной группы на восток, к Белебею. Целью этого перемещения было отрезать противнику все пути отхода на Бугульму, что при надежном обеспечении со стороны Белебея позволяло уничтожить противника по частям.

Командование фронтом, состоявшее из ставленников Троцкого, своими преступными приказами и на сей раз помешало полностью осуществить разработанный М. В. Фрунзе план. Враг был разбит, но не уничтожен. Ему все же удалось отвести значительную часть своих войск к Белебею. Чтобы добиться окончательной победы, надо было, не давая врагу опомниться, продолжать наступление. Теперь центр тяжести борьбы переносился на разгром резерва Колчака — корпуса Каппеля. — 78.

¹⁰ В связи с тактикой внезапных налетов, применявшейся противником осенью и зимой 1919 г., М. В. Фрунзе потребовал от подчиненных ему войск не только укрепления занимаемых пунктов, но и усиления охраны штабов особо надежными отрядами (распоряжение № 03432 от 22 сентября 1919 г.), умелого применения против налетов вражеской конницы ручных гранат (распоряжение № 03589/оп. от 7 октября 1919 г.), а также принятия мер по охране тылов (распоряжение № 3605 от 9 октября 1919 г.). — 90.

¹¹ Начальник 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаев и военный комиссар дивизии тов. Батурин погибли в ночь на 5 сентября 1919 г. в г. Абищенске при налете отряда уральских белоказаков на штаб дивизии. В. И. Чапаев, будучи ранен, утонул, переплывая р. Урал. — 90.

¹² В конце октября 1919 г. фронт 4-й армии, выполнившей поставленную В. И. Лениным задачу по ликвидации уральских белоказаков, проходил от района Чижинских форпостов до района Генварцевское, где примыкал к правому флангу 1-й армии. Прорывы белоказачьей кон-

ницы в тылы армии, имевшие место в сентябре и октябре и сильно осложнявшие боевую деятельность, прекратились в результате ряда решительных мер, предпринятых М. В. Фрунзе (см. примеч. 10). Однако ликвидация прорывов противника и ряд других обстоятельств задержали наступление армии против белоказаков. Приступая теперь к решающей операции против них, М. В. Фрунзе сгруппировал на стыке 1-й и 4-й армий ударную группу (Илецкую) и приказал командующему 4-й армией создать такую же группу на правом фланге армии. — 93.

¹³ Кизиль-Куга — район степи к юго-востоку от Джамбейтинской Ставки. — 98.

¹⁴ 1-я армия в это время фактически разделилась на две части: одна находилась в Туркестане (ее-то М. В. Фрунзе и именует 1-й Туркестанской армией), другая — в районе Оренбурга, Уральска. — 99.

¹⁵ Н-ская армия — 4-я армия. — 99.

¹⁶ Штакор Илецкого — штаб Илецкого корпуса уральских белоказарков. — 99.

¹⁷ Басмачество — антисоветский бандитизм в Средней Азии, организованный и поддерживавшийся английскими интервентами с целью свержения советской власти. Местные контрреволюционные элементы (феодалы, знать, муллы, баи), стоявшие во главе басмачества, были тесно связаны с белогвардейскими элементами.

Вследствие перегибов местных органов советской власти, к басмачеству в период 1918—1920 гг. примыкали и некоторые слои трудового населения; с ликвидацией перегибов басмачество потеряло их поддержку и было в основном ликвидировано. Отдельные шайки басмачей существовали до 1930 г. — 101.

¹⁸ Вооруженные силы бухарского эмира к 20 августа 1920 г. состояли из регулярной армии и иррегулярных войск. Регулярная армия в количестве 8745 штыков и 7580 сабель при 23 легких орудиях и 12 пулеметах почти целиком была сосредоточена в г. Старая Бухара (столица Бухары) и его ближайших окрестностях. Иррегулярное ополчение феодалов (беков) в количестве до 27000 сабель и штыков при 32 орудиях располагалось в различных пунктах. Наиболее крупные отряды сосредоточились в районах Хатырчи, Кермине и Зиаэтдин, Китаб и Шахри-сябз. Последний отряд прикрывал пути через перевал Тахта-Карача на Самарканд.

Командование Туркфронта с крайним напряжением могло выделить в помощь бухарскому народу 6—7 тысяч штыков, 2500—2700 сабель, 32 легких и 5 тяжелых орудий, 8 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов и 11 самолетов. — 109.

¹⁹ Операция началась в указанные М. В. Фрунзе сроки. Каганская группа, где были сосредоточены основные силы Красной Армии, наносила главный удар по столице эмира бухарского в направлении восточных, Каршинских ворот. Вспомогательным было направление на юго-западные, Каракульские ворота. Наступление развивалось медленно.

Ожесточенное сопротивление регулярной армии эмира на подготовленных к обороне подступах к городу, а затем на городской стене, тяжелые метеорологические условия затрудняли выполнение боевых задач. Тем не менее в результате двухдневных (29 и 30 августа) боев войска М. В. Фрунзе подошли к городской стене и приступили к подготовке штурма через Каршинские и Самаркандские ворота, разрушая их огнем артиллерии, пробивая бреши в стене.

Другие группы войск М. В. Фрунзе к этому времени успешно выполнили свои задачи. Бухарские революционные войска, которым Красная Армия оказывала помощь, разгромили силы эмира в Чарджуе, Кара-Куле и заняли в ряде пунктов переправы через реку Аму-Дарья. Катта-Курганская группа войск М. В. Фрунзе овладела Хатырчи и Знаэтдином. Самаркандская группа захватила Карши, Китаб и преследовала войска шахирсыбского бека на юго-восток.

М. В. Фрунзе немедленно принял меры по усилению Каганской группы, по перегруппировке войск и поставил им дополнительные задачи, которыми предусматривался охват города с запада и северо-востока. 1 сентября Старая Бухара была взята штурмом, успеху которого содействовала бухарская беднота. Эмир еще 31 августа бежал из города и скрылся за границей. Операция завершилась ликвидацией остатков войск эмира в различных пунктах страны. Трудящиеся Бухары навсегда освободились от деспотии и вступили в братскую семью советских народов. — 110.

²⁰ 21 сентября 1920 г. Реввоенсовет Республики по указанию ЦК ВКП(б) постановил сформировать Южный фронт в составе 2-й конной, 13-й и 6-й армий. Командующим фронтом был назначен М. В. Фрунзе. — 112.

²¹ Начальник связи Южного фронта. — 134.

²² Под названием «Реорганизация Рабоче-Крестьянской Красной Армии» М. В. Фрунзе совместно с С. И. Гусевым опубликовал тезисы, предложенные ими X съезду РКП(б) в качестве проекта резолюции по военному вопросу (X съезд РКП(б). Протоколы. Партиздат, 1933, документ № 29).

Тезисы были опубликованы в одноименной брошюре С. И. Гусева. В сборнике печатается та часть тезисов, которая написана М. В. Фрунзе. — 136.

²³ Говоря о том, что первые же столкновения германской армии с ее противниками подтвердили правильность положений германской доктрины, М. В. Фрунзе имеет в виду соответствие немецкой военной доктрины той агрессивной политике, которую проводила Германия, о чем сам Фрунзе говорит на предыдущей странице. Соответствие между захватнической политикой Германии и ее военной доктриной помогло немецким империалистам наиболее полно мобилизовать силы страны для ведения войны. Однако доктрина немцев была порочной по своему существу: она недооценивала силы противника и преувеличивала значение

момента внезапности и другие факторы, которые носят временный характер.

Немецкая военная мысль не учитывала должным образом моральных и экономических возможностей как своей страны, так и в лагере противника. Эти коренные пороки немецкой военной доктрины, приведшие Германию к поражению в первой мировой войне, наиболее полно обнаружались в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Они и были одной из важнейших причин полного краха немецкой военной доктрины и полного разгрома гитлеровской Германии Советской Армией, которая, руководствуясь сталинской военной наукой, одна нанесла решающее поражение Германии и ее сателлитам. — 145.

²⁴ Тюрени (1611—1675) — крупнейший французский полководец, маршал. Начал службу рядовым солдатом в армии Нидерландов. В 1634 г. перешел на службу во французскую армию, в которой быстро выдвинулся на командные посты. Принимал участие в 30-летней (1618—1648) и ряде последующих войн, в которых одержал несколько крупных побед. — 146.

²⁵ Высказывание М. В. Фрунзе правильно в отношении ряда высших руководителей царской армии, преклонявшихся перед иностранными военными авторитетами и копировавшими их, а в ряде случаев являвшихся просто шпионами иностранных государств. Такое положение возникло в результате зависимости русского царизма от иностранного капитала и в результате продажности государственного аппарата, в том числе и военного.

Передовая часть командного состава русской армии воспитывалась на военном наследстве Петра I, Румянцева, Суворова и Кутузова. Например, для русского командного состава было характерным стремление решать боевые задачи наступательными действиями, применяя широкий маневр, не отказываясь, когда это было целесообразно, от позиционных методов борьбы, а также признание решающей роли в современном бою человека, использующего военную технику. — 148.

²⁶ О сосуществовании двух систем товарищ Сталин в беседе с Гавриилом Стассеном заявил, что «он, И. В. Сталин, стоит на точке зрения Ленина о возможности и желательности сотрудничать между двумя экономическими системами». При этом товарищ Сталин указал, что «Надо проводить различие между возможностью сотрудничать и желанием сотрудничать. Всегда существует возможность сотрудничества, но не всегда имеется желание сотрудничать. Если одна сторона не желает сотрудничать, то результатом будет конфликт, война» («Правда» от 8 мая 1947 г.). — 150.

²⁷ «Ключи от святых мест» — лозунг, которым царизм маскировал свои захватнические притязания на Константинополь, Босфорский и Дарданелльский проливы.

Палестина и Константинополь — «святые места» христиан — были захвачены турками в XV веке, после разгрома ими Византийской империи. — 151.

²⁸ Идея реванша возникла во Франции после поражения ее в войне 1870—1871 гг. и захвата Пруссией французских провинций Эльзасс и Лотарингии.

Идея реванша всячески разжигалась во французском народе буржуазией, готовившейся к новой войне с Германией.

После поражения Германии в войне 1914—1918 гг. Эльзас и Лотарингия были возвращены Франции.

Захватнические аппетиты французских империалистов с новой силой дали себя знать после разгрома Германии Советским Союзом в Великой Отечественной войне. Поддерживая раскольнические действия США и Англии, направленные на расчленение Германии и превращение ее западной части в плацдарм для нападения на СССР, французские империалисты надеются урвать для себя новые, теперь уже собственно немецкие территории. — 151.

²⁹ Садовая (Садова) — деревня близ города Градец-Кралевски (Северная Чехия). 3 июля 1866 г. у Садовой произошло решающее сражение австро-прусской войны. Прусская армия пыталась окружить равную ей по численности австрийскую армию. Окружение не удалось, хотя австрийская армия понесла тяжелое поражение.

Седан — город в северо-восточной Франции. В районе Седана в конце августа 1870 г. была окружена и полностью пленена прусскими войсками 100-тысячная армия французов, что решило исход франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Разгром французов пруссаками был поворотным моментом во франко-прусской войне. Цели национального объединения, к которому стремилась Пруссия, были в основном завершены. Война, которую продолжала Пруссия, теперь с ее стороны приняла захватнический характер.

Изречение «Честь победы под Садовой и Седаном принадлежит германскому школьному учителю» высказано Бисмарком — первым канцлером объединившейся в результате указанных войн Германии. — 152.

³⁰ М. В. Фрунзе исходил из предположения, что столкновение произойдет в ближайшем будущем. К этому давали повод военные приготовления Польши, Румынии и Финляндии, оживление в стане петлюровцев, подготовка к действиям со стороны террористов-савинковцев, переговоры Англии с Людендорфом и другие события и факты.

Опасения М. В. Фрунзе в известной степени оправдались. В октябре 1921 г. на Дальнем Востоке японские интервенты активизировали боевые действия против советских войск. Финская белогвардейщина затеяла авантюру в Карелии. 27 октября банды петлюровца Тютюника при поддержке западных держав нарушили границу Украины. В результате действий Советской Армии все эти попытки покушения на независимость Советской России были ликвидированы. — 155.

³¹ Крепости — стратегически важные пункты, оборудованные различного рода средствами долговременной обороны (крепостные стены, рвы и т. д.). Как показал опыт первой мировой войны, при современных

технических средствах борьбы крепости не могут выдержать длительной осады, если они не связаны с сильной полевой обороной. Поэтому после первой мировой войны вместо отдельных крепостей стали строить укрепленные районы, выбирая для этого стратегически важные полосы местности. Укрепленные районы оборудуются системой долговременных оборонительных сооружений различного типа и мощными инженерными заграждениями. Укрепленные районы выполняют свои задачи в тесном взаимодействии с полевой обороной. — 156.

³² В начале 1919 г. в городах и крупных фабрично-заводских центрах для борьбы с контрреволюцией начали создаваться на территориальных началах части (отряды) особого назначения (ЧОН). До августа 1921 г. руководство этими частями находилось в руках соответствующих губернских и городских комитетов РКП(б). С августа 1921 г. отряды особого назначения были подчинены начальнику частей особого назначения, штаб которого был подчинен РВС Республики. В 1925 г. руководство ЧОН перешло к Главному Управлению РККА. С ликвидацией очагов антисоветских мятежей и бандитизма необходимость в частях особого назначения отпала, и они были расформированы. — 164.

³³ Здесь М. В. Фрунзе подчеркивает, что идеология рабочего класса составляет основу советской военной науки. Это его утверждение целиком направлено против троцкистов и военных специалистов из бывших царских офицеров, боровшихся против развития сталинской военной науки и пытавшихся навязать нашей армии в качестве основы ее мировоззрения реакционные взгляды буржуазных мыслителей.

Ожесточенность этой идеологической борьбы партии против троцкистов видна из настоящего доклада М. В. Фрунзе и его же доклада на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б). — 180.

³⁴ Победа в гражданской войне «была достигнута на основе новых принципов стратегии, оперативного искусства и тактики, знаменовавших собой рождение нового, советского военного искусства», являющегося составной частью сталинской военной науки, которая «кроме вопросов военного искусства, обнимает вопросы экономических и моральных возможностей страны» (Н. А. Бу л г а н и н, Тридцать лет Советских Вооруженных Сил. Госполитиздат, 1948, стр. 6, 12). — 185.

³⁵ Крайне тяжелая обстановка на Восточном фронте сложилась в это время не только в результате неожиданного наступления Колчака, но прежде всего вследствие предательского поведения Троцкого, прибывшего в Симбирск и настаивавшего на отводе войск Восточного фронта за Волгу.

Только благодаря вмешательству ЦК РКП(б) М. В. Фрунзе, назначенный командующим Южной группой, сумел осуществить свой план контрнаступления, приведший к разгрому главных сил Колчака. — 192.

³⁶ «Три года в главной французской квартире» или точнее «Три года в главном штабе французской армии» — название двухтомной книги французского военного журналиста Жана де Пьерфе (Jean de Pierrefeu, Trois ans au Grande Quartier Général, Paris, 1920, в. I—II). Автор непосред-

ственно наблюдал жизнь французского штаба во время первой мировой войны. Упомянутое М. В. Фрунзе место книги относится ко II тому, стр. 158—159. — 193.

³⁷ Немецкое наступление 21 марта 1918 г. было предпринято с целью нанести решительное поражение англо-французским армиям до подхода американских войск. Наступление оказалось внезапным для англо-французского командования. Направление главного удара было выбрано немцами с расчетом выйти на коммуникации англо-французских войск в районе Амьена и на побережье (к Кале и Булони). В течение двухнедельных боев немцы достигли тактических успехов, но оказались неспособными развить их дальше.

27 мая немецкое командование приступило к осуществлению новой наступательной операции в районе Суассон, Реймс, но и в этом наступлении достигло только тактических успехов.

Германское наступление на Западном фронте было значительно ослаблено отвлечением крупных сил на Восток в связи с широко развернувшейся борьбой против немецких захватчиков на оккупированной ими территории. — 193.

³⁸ «Единая военная доктрина и Красная Армия». — 198.

³⁹ «Русский инвалид» — официальная газета военного министерства. Издавалась в период 1814—1917 гг. в Петербурге (Петрограде).

«Разведчик» — военный и литературный журнал, издававшийся в период 1888—1917 гг. в Петербурге частным издательством Березовского.

Оба органа тщательно контролировались царской цензурой. — 210.

⁴⁰ «Военное дело» — военно-научный и литературный журнал. Издавался в период с июня 1918 г. по конец 1920 г. в Москве. Редакция журнала фактически представляла собой центр, объединявший враждебно настроенных к советской власти военных специалистов, бывших работников Генерального штаба царской армии. На страницах журнала против враждебных идей, проповедывавшихся редакцией журнала, выступили с рядом статей слушатели Военной Академии (ныне Академии им. М. В. Фрунзе). — 214.

⁴¹ Священный союз был заключен 26 сентября 1815 г. между русским и австрийским императорами и прусским королем для борьбы с революционным движением в Европе и для закрепления результатов дележа Европы, произведенного на Венском конгрессе (октябрь 1814 г. — июнь 1815 г.). К Священному союзу вскоре примкнули почти все европейские монархи.

В период 1815—1822 гг. Священный союз был решающей силой политической реакции в Европе. В последующие годы его влияние упало. В результате революционных движений двадцатых годов XIX века и особенно 1830 года, а также вследствие обострения взаимоотношений между основными членами Священного союза последний был еще более ослаблен и фактически перестал существовать. — 214.

⁴² М. В. Фрунзе в данном случае подчеркивает марксистское положение о том, что развитие материальных условий жизни общества определяет и прогресс военного искусства.

Гражданская война показала, что советский строй вызвал к жизни новые формы организации войск и способы их вождения, возникло новое, советское военное искусство. Однако в то время развитие советского военного искусства упиралось в ограниченные возможности нашей экономики.

М. В. Фрунзе высказал мысль о том, что подлинных высот советское военное искусство достигнет с построением социализма, и в войнах, которые вынуждено будет вести тогда наше государство, проявятся во всю ширь преимущества советского военного искусства и его принципиальные отличия от буржуазного военного искусства. Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровских захватчиков полностью подтвердила эти мысли М. В. Фрунзе. — 215.

⁴³ М. В. Фрунзе имеет в виду то, что шовинистические настроения, всячески подогреваемые империалистической буржуазией в каждом из воюющих лагерей, обеспечивали фронту поддержку со стороны тыла. Однако эта поддержка была явлением временным. Революционный выход России из войны 1914—1918 гг. вызвал среди немецких солдат тягу к миру. В ноябре 1918 г. в Германии разразилась революция, свержшая Вильгельма и его правительство. Антивоенные настроения быстро распространялись и в армиях Антанты, особенно во французской. — 216.

⁴⁴ О мартовском и майском наступлениях см. примеч. 37.

15 июля 1918 г. германские войска перешли в наступление в районе Реймса. Переоценив свои силы и недооценив силы противника, немецкая военщина предполагала этим ударом принудить англо-французов к миру. Однако командование союзников было осведомлено о плане немецкого наступления и быстро ликвидировало эту авантюру. 18 июля французы нанесли контрудар и вырвали у немцев оперативную инициативу. — 218.

⁴⁵ См. примеч. 36. — 218.

⁴⁶ В четвертом выпуске академии было: командиров корпусов и выше — 1,5%, начальников дивизий и им равных — 20%, командиров полков — 35%, ниже должности командира полка — 22,5%. Среди них членов партии имелось — 84,7%, кандидатов в члены партии — 6,8%, беспартийных 8,5%. По партийному стажу: вступивших в партию до октября 1917 г. — 12,3%, с октября 1917 г. — 14,2%, с 1918 г. — 25,5%, с 1919 г. — 23,8%, после 1919 г. — 9,6%. — 244.

⁴⁷ Фрунзе имел в виду откомандирование отдельных слушателей и целых курсов Академии на фронт. Слушатели Академии были на всех решающих фронтах гражданской войны, а также участвовали в подавлении контрреволюционных восстаний в Кронштадте и Тамбовской губернии, занимая в армии крупные командные и штабные должности.

За активное участие слушателей в борьбе против многочисленных врагов советской власти Академия 9 января 1922 г. была награждена орденом Красного Знамени.

4-й выпуск слушателей Академии являлся первым выпуском командиров, закончивших полный курс обучения в мирных условиях. — 248.

⁴⁸ Имеются в виду попытки реакционера Цанкова, в то время премьер-министра Болгарии, организовать блок балканских стран для борьбы с «коммунистической опасностью», а также переговоры между странами Антанты на Лондонской конференции 16 июля—16 августа 1924 г., в период обсуждения плана Дауэса. Эти переговоры касались таких политических вопросов, которые вместе с экономическими мероприятиями по выполнению плана Дауэса предусматривали превращение СССР в аграрный придаток Западной Европы. В связи с этим предполагалось всемерное форсирование развития тяжелой и военной промышленности Германии за счет широкого привлечения иностранного, преимущественно американского, капитала. — 252.

⁴⁹ В основе понятия «стратегия истощения», употребляемого М. В. Фрунзе, лежит мысль о том, что современная война между сильными противниками не может быть закончена одним сражением, в короткий срок. Она неизбежно превращается в длительное состязание, требующее всестороннего напряжения всех сил народа и государства. Победа может быть достигнута только активными боевыми действиями, большую роль в которых играет маневр. В ходе этих действий должна быть уничтожена армия противника, подорваны экономические и моральные основы его сопротивления.

Это понятие М. В. Фрунзе не имеет ничего общего с надуманной «стратегией измора» Дельбрюка. Последний под «стратегией измора» понимал такие действия полководцев, в результате которых путем маневрирования достигается захват территории противника без уничтожения его живой силы и боевой техники. Дельбрюк считал эту выдуманную им «стратегию», якобы применявшуюся в войнах прошлого, не соответствующей условиям войны 1914—1918 гг.; тем самым он оправдывал авантюристскую теорию «молниеносной войны», которой руководствовался германский генеральный штаб.

В наши дни Дельбрюк возвеличивается англо-американцами как военный авторитет. — 254.

⁵⁰ Имеется в виду антисоветский блок, сколачивавшийся реакционными кругами Англии. Осенью 1924 г. с приходом к власти партии консерваторов и отменой договора с Советским Союзом, подписанного кабинетом Макдональда 8 августа 1924 г., отношения между СССР и Англией резко обострились. В этом были повинны не только консерваторы, но и лейбористский премьер-министр Макдональд, первым начавший травлю СССР при помощи сфабрикованной белогвардейцами фальшивки — так называемого «письма Коминтерна». Новый консервативный кабинет, сменивший лейбористское правительство Макдональда, продолжил его линию на ухудшение отношений с СССР и в ноте от

20 ноября 1924 г. отказался от ратификации англо-советского договора. Во всей этой истории характерно единство тактики консерваторов и лейбористов по отношению к первому в мире социалистическому государству. — 257.

⁵¹ Чусоснабарм — Чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Оборона по снабжению Красной Армии и флота. Управление Чусоснабарма было учреждено декретом ВЦИК 3 июля 1919 г.

Задачей Чусоснабарма было объединение всего дела снабжения Красной Армии (за исключением снабжения ее продовольствием), поднятие производительности заводов, работающих на оборону, и быстрое и правильное распределение продукции этих предприятий.

Чусоснабарму подчинялись фронтовые и местные органы снабжения армии и флота.

Чусоснабарм был упразднен 16 августа 1921 г. — 261.

⁵² Опродкомармы — местные органы Главного Управления по снабжению Красной Армии и флота продовольствием (Главснабпродарм), учрежденного при Народном Комиссариате продовольствия 10 августа 1919 г. Задача Главснабпродарма заключалась в объединении всего дела снабжения армии и флота продовольствием и предметами первой необходимости. Опродкомармы работали независимо от военного ведомства и объединяли в губерниях и областях все дело заготовок и распределения продовольствия.

4 января 1922 г. снабжение армии и флота продовольствием было передано непосредственно военному ведомству. — 261.

⁵³ Настоящая статья представляет собою обработанную М. В. Фрунзе стенограмму его доклада на совещании руководящих политических работников армии 17 ноября в Москве. Статья была помещена в сборнике статей и речей М. В. Фрунзе «На новых путях», изд. «Военным Вестником» в 1925 г. — 266.

⁵⁴ Пятилетняя программа развития национального военного строительства, разработанная в 1924 г. М. В. Фрунзе и утвержденная правительством, исходила из решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.

XII съезд указал на необходимость усиления воспитательной работы в Красной Армии «в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза и... организации национальных войсковых частей» (ВКП(б) в резолюциях, изд. 6-е, т. I, стр. 496).

Программа указывала общую численность национальных формирований (кадр и территориальный состав раздельно) и предусматривала национальные стрелковые и кавалерийские территориальные соединения, части, военные школы. Республики и области, где шло формирование, перечисляются М. В. Фрунзе в тексте. — 278.

⁵⁵ Данное положение М. В. Фрунзе учитывало слабость нашей промышленности, не производившей тогда крупных боевых кораблей.

В наши дни военная мысль решает вопросы обеспечения советских интересов на море, опираясь на неизмеримо возросшую экономическую мощь социалистического государства.

Общее положение советской военной науки о том, что решение конечных целей войны достигается наступлением, обеспеченным материальными и моральными возможностями и должным образом организованным, целиком относится и к развитию военно-морских сил СССР.— 287.

⁶⁵ «Табу» — священный запрет, налагаемый у первобытных народов на какое-нибудь действие, предмет или слово. — 289.

⁶⁷ Термидор — название месяца французского календаря эпохи буржуазной революции 1789 года.

9 термидора (27 июля) 1794 г. во Франции был совершён контрреволюционный переворот. В результате этого переворота якобинское правительство Робеспьера было свергнуто. В стране установилась диктатура крупной буржуазии, которая начала жестокий белый террор. Нараставший разгул реакции привел к установлению консульства Наполеона, а затем к восстановлению монархии.

Слово «термидор» стало нарицательным для обозначения контрреволюционного переворота.

М. В. Фрунзе выступает против гнусных попыток врагов партии и советской власти сравнивать развитие нашей революции с ходом событий буржуазной французской революции, попыток обвинить ЦК партии и Советское правительство в том, что их политика ведет к термидорианскому перерождению. — 296.

⁵⁸ Клаузевиц Карл (1780—1831) — прусский генерал, идеолог и авторитет немецкой военщины. На трудах Клаузевица воспитались Мольтке, Людендорф, Шлиффен, Кейтель и др. носители полностью обанкротившейся в войне с Советским Союзом немецкой военной идеологии.

Идеалист и реакционер, Клаузевиц считал, что все зависит только от разума полководца, который управляет ходом войны. Клаузевиц совершенно игнорировал влияние на войну экономики и техники, в частности военной.

В работах Клаузевица стихийно отразилось правильное с точки зрения марксизма положение о том, что война есть продолжение политики насильственными средствами и что отступление при известных неблагоприятных условиях является такой же законной формой борьбы, как и наступление.

Ленин, подходя политически к трудам Клаузевица, интересовался и выделял в них вопросы, которые демонстрируют связь войны с политикой.

Исчерпывающая характеристика Клаузевица дана в ответах тов. Сталина на письмо тов. Разина.

Указав, что советские военные деятели обязаны раскритиковать военную доктрину Клаузевица, И. В. Сталин писал: «Что касается, в частности, Клаузевица, то он, конечно, устарел, как военный авторитет. Клаузевиц был, собственно, представителем мануфактурного периода войны. Но теперь у нас машинный период войны. Несомненно, что ма-

шинный период требует новых военных идеологов. Смешно брать теперь уроки у Клаузевица» (журнал «Военная мысль» № 1, 1947 г., стр. 6).— 305.

⁵⁹ Во французской военной академии в Париже был установлен двухгодичный срок обучения. Условия приема были следующие: годичный стаж строевой службы и двухгодичный стаж службы в штабе армии или армейского корпуса, среднее военное и общее образование, блестящая аттестация. Принимались офицеры в возрасте от 28 до 38 лет. Программа обучения предусматривала общую тактику, тактику родов войск, военно-исторические предметы и иностранные языки.

В Великобритании академия генштаба имела также двухгодичный курс обучения и следующие условия приема: 3-летний строевой стаж, блестящая аттестация, среднее военное и общее образование. Программа была аналогична французской.

Японская военная академия с 4-летним сроком обучения, включая обязательную стажировку в течение года в должности командира роты, готовила кадры для генштаба. В академию принимались офицеры в чине поручика, капитана и майора. Военная академия или школа усовершенствования по своему роду войск была условием продвижения офицеров по службе. Учебные дисциплины были аналогичны французской и британской академиям.— 305.

⁶⁰ М. В. Фрунзе имел в виду современные войны империалистических держав, ведущиеся в интересах магнатов финансового капитала. Эти войны ведутся в захватнических целях и не совпадают с интересами нации в целом.

Национальная война в наши дни — это война народов колоний и зависимых стран за освобождение от гнета иностранных империалистов.

Примером могут служить войны корейского и индонезийского народов и народов Вьетнама против американских, английских, голландских, французских и других империалистов. В Китае война Народно-Освободительной Армии также являлась войной национальной, ибо борьба с предательской кликой Чан Кай-ши есть борьба против американского и английского колониального угнетения.

Национально-освободительные войны, при наличии Советского Союза и при возросшем влиянии коммунистических партий в зависимых и колониальных странах, являются важнейшим революционным фактором. Национально-освободительное движение против империалистических хищников, феодалов и крупной буржуазии, идущей с ними в блоке, развертывается под гегемонией пролетариата.— 308.

⁶¹ В 1920 г. IX съездом РКП(б) в резолюции «О переходе к миллионной системе». — 319.

⁶² Классическое определение ленинизма И. В. Сталин дал в апреле 1924 г. в своих лекциях «Об основах ленинизма»:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс

и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развёртывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 71). — 322.

⁶³ М. В. Фрунзе употребляет слово интуиция в смысле глубокого научного предвидения, в смысле способности руководителя или полководца понять определяющие закономерности событий и быстро принять смелые решения, обеспечивающие успех. — 323.

⁶⁴ Характеристика этапов развития революции дана с исчерпывающей глубиной И. В. Сталиным в его работе «Об основах ленинизма»:

«Первый этап. 1903 год — февраль 1917 года. Цель — свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — крестьянство. Направление основного удара: изоляция либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путём соглашения с царизмом. План расположения сил: союз рабочего класса с крестьянством...»

Второй этап. Март 1917 года — октябрь 1917 года. Цель — свалить империализм в России и выйти из империалистической войны. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — беднейшее крестьянство. Пролетариат соседних стран, как вероятный резерв. Затянувшаяся война и кризис империализма, как благоприятный момент. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путём соглашения с империализмом. План расположения сил: союз пролетариата с беднейшим крестьянством...»

Третий этап. Начался он после Октябрьского переворота. Цель — упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя её как опорный пункт для свержения империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала, представляющих основную опору политики соглашения с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 152—153). — 324.

⁶⁵ М. В. Фрунзе говорит в данном случае о предательской политике троцкистов, бухаринцев и «левых» коммунистов в период заключе-

ния Брестского мира. Как теперь установлено, эти вырожденки организовали контрреволюционный заговор, целью которого было: сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев, поставить под удар неокрепшую еще советскую власть и ликвидировать ее. Свои преступные действия эти предатели маскировали фразами о «революционной войне», договорившись при этом до возможности утраты Советской власти, так как, в случае заключения мира, она якобы становится формальной. В. И. Ленин назвал это заявление «странным и чудовищным».

Вопреки всем этим проискам агентов международного империализма ЦК партии во главе с В. И. Лениным и И. В. Сталиным добился заключения необходимого для Советской республики мира.

«Деятельность» подлой банды троцкистско-бухаринских шпионов и убийц, слуг иностранного капитала была полностью разоблачена на процессах ленинградского и московского троцкистских центров в 1935 г. и «право-троцкистского блока» в 1938 г. — 334.

⁶⁶ Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) была образована по непосредственному указанию В. И. Ленина декретом Совета Народных Комиссаров 10 ноября 1921 г. Создание Комиссии мотивировалось необходимостью обеспечить ученым возможность спокойной и планомерной научной работы. В круг деятельности Комиссии входила продовольственная и медицинская помощь, улучшение жилищных условий, охрана прав ученых и т. д.

В 1930 г. ЦЕКУБУ была реорганизована в Комиссию содействия ученым. — 345.

⁶⁷ «Война и революция» — ежемесячный центральный военный журнал, орган Народного Комиссариата по военным и морским делам. Начал выходить с января 1925 г. вместо издававшегося ранее журнала «Военная мысль и революция». В создании журнала «Война и революция» принял живейшее участие М. В. Фрунзе, который возглавил его редакцию и дал наказ, ставший программой деятельности журнала. М. В. Фрунзе тесно связал журнал с Военно-научным обществом, возложив на последнее задачу превращения журнала в руководящий теоретический орган военно-научной мысли армии и флота. С 1926 г. журнал «Война и революция» являлся органом Общества Содействия Обороне (ОСО). Прекращен изданием 1 января 1936 г. — 350.

⁶⁸ Основы новой, подлинно советской военной науки разработаны И. В. Сталиным. Разработка эта, начатая товарищем Сталиным еще в годы гражданской войны, наиболее полное развитие получила в годы Великой Отечественной войны. Книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» является настоящей сокровищницей советской военной науки. — 350.

⁶⁹ Нота (ультиматум) Керзона — нота британского правительства, составленная министром иностранных дел Керзоном и врученная Советскому правительству английским представителем в Москве Ходжсоном 8 мая 1923 г.

В цепи провокаций против Советского Союза, осуществлявшихся в то время, «ультиматуму Керзона» принадлежит видное место. Сущность его сводилась к следующему.

Британское правительство требовало отзыва советских полпредов в Иране и Афганистане якобы за нарушение ими пункта англо-советского торгового соглашения 1921 г., по которому Советская Россия обязывалась воздерживаться от антибританской пропаганды в Азии.

«Ультиматум Керзона» требовал денежного возмещения за репрессирование советскими властями в 1920 г. английских шпионов Девисона и Стен Гардинг, освобождения английских тральщиков, задержанных советскими властями за нарушение установленной 12-мильной зоны вдоль Мурманского побережья, а также отказа от 12-мильной и установления 3-мильной зоны береговых вод.

Наконец, «ультиматум Керзона» требовал, чтобы Советское правительство взяло обратно две ноты НКВД от 31 марта и 4 апреля 1923 г., в которых давался отпор английским попыткам вмешательства во внутренние дела СССР под предлогом борьбы с так называемыми религиозными преследованиями в связи с осуждением советским судом польского шпиона ксендза Будкевича.

Нота устанавливала 10-дневный срок для удовлетворения всех этих требований, угрожая в противном случае разрывом англо-советского торгового соглашения 1921 года и сопровождалась демонстрацией вооруженных сил Англии.

Для изоляции СССР Англия пыталась установить контакт с Францией, Германией и другими странами. Однако в результате обострившихся в связи с оккупацией Рура франко-германских и англо-французских противоречий эти попытки успеха не имели.

«Ультиматум Керзона» вызвал возмущение трудящихся Советского Союза, выразивших готовность полностью поддержать Советское правительство. На средства, собранные трудящимися, было создано несколько авиаэскадрилий, первая из которых называлась «Ультиматум».

Отвстом на «ультиматум Керзона» были также массовые демонстрации во всех странах, в том числе в Англии, проходившие под лозунгом «Руки прочь от Советской России» и заставившие правительства других стран воздержаться от поддержки авантюры Керзона.

Керзону пришлось дважды менять срок ультиматума и в конце концов пойти на компромиссное соглашение, по которому Советское правительство полностью отстояло свою точку зрения в крупных вопросах, уступив в вопросах второстепенных. — 382.

⁷⁰ Вечоркович и Багинский, офицеры польской армии, коммунисты, были приговорены польским буржуазным правительством к долголетию в каторге по сфабрикованному польской охранкой обвинению в шпионаже. В результате соглашения между советским и польским правительствами Вечоркович и Багинский подлежали обмену на польского разведчика ксендза Усаса, но по пути к советской границе 30 марта 1925 г. были убиты. — 383.

⁷¹ В январе 1923 г., под предлогом гарантии выполнения Германией поставок по репарациям, франко-бельгийские войска заняли Рур и Рейнскую область. Это нарушило хозяйственную жизнь Германии, резко сократило производство, увеличило безработицу и дороговизну и вызвало серьезное ухудшение жизни трудящихся масс. Жестокий финансовый кризис привел к инфляции, которую германские капиталисты использовали для ограбления народа, получая колоссальные прибыли.

По всей Германии развернулось массовое стачечное движение, голодные бунты. В ряде городов и поселков рабочие стали организовывать вооруженные отряды. Движение рабочих увлекло за собой мелкую буржуазию города и крестьян.

Правительство, действовавшее по указаниям и при поддержке оккупантов, ввело осадное положение и приняло ряд других чрезвычайных мер для ликвидации начинавшейся революции. Социал-демократические рабочие стали массами покидать социал-демократическую партию, представители которой были в правительстве, и переходить на сторону коммунистов. Вопрос о вооруженном восстании и захвате власти рабочим классом встал в порядок дня.

Во главе революционных масс шел пролетариат Рура, Саксонии, Тюрингии, Гамбурга. В Саксонии и Тюрингии образовались социал-демократические правительства, в которые вошли и изменники марксизма, германские троцкисты, возглавлявшиеся Брандлером и Тальгеймером. Вместо того, чтобы добиваться вооружения пролетариата и разоружения буржуазии, брандлеровцы своими действиями дезорганизовывали рабочих, срывали их вооруженную борьбу, сводили все дело к парламентским реформам. «Рабочие правительства» Саксонии и Тюрингии, в которые входили брандлеровцы, ничего не сделали для вооружения рабочих, ничего не предприняли против контрреволюционной буржуазии.

Только в Гамбурге под руководством Э. Тельмана рабочие вели неравную вооруженную борьбу на баррикадах. Их борьба резко выделялась на общем фоне развертывавшихся событий.

Капитулянтская политика брандлеровцев, их сотрудничество с лидерами социал-демократии привели к поражению рабочего класса Германии в революционных боях 1923 года. — 393.

⁷² См. примеч. 58. В данном случае М. В. Фрунзе подчеркивал, что в будущей войне народы Советского Союза будут защищать свое социалистическое отечество, свою свободу и независимость. — 394.

⁷³ Это высказывание М. В. Фрунзе относится к периоду перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства и по отношению к этому периоду было правильным.

В результате революционных преобразований, осуществленных за годы сталинских пятилеток, наша страна создала все необходимые материальные условия для ведения войны с сильным противником. Советская Армия и Военно-Морской Флот получили от промышленности первоклассную боевую технику. — 399.

⁷⁴ Созданные за годы сталинских пятилеток мощная социалистическая промышленность и социалистическое сельское хозяйство позволили партии и Советскому правительству развернуть производство военной техники и необходимого вооружения. Уже в 1939 г., в речи на XVIII съезде ВКП(б), К. Е. Ворошилов заявил о превосходстве нашего стрелкового корпуса над стрелковыми корпусами немецкой и французской армий по огневой мощи.

Во время Великой Отечественной войны наше государство не только снабжало фронт в достаточном количестве боевой техникой, но и накапливало необходимые для окончательной победы резервы, причем по качеству советское вооружение превосходило немецкое. — 412.

⁷⁵ До последнего времени вооруженные силы Швейцарии строились на милиционном принципе. Постоянной армии не было. Войска собирались только на краткие учебные сборы или по мобилизации. Для обеспечения учебной и мобилизационной работы имелся постоянный офицерский состав. По закону о военной службе от 1907 г. все мужское население страны в возрасте от 20 до 48 лет (офицеры до 52 лет) являлось военнообязанным.

Территория Швейцарии делилась на 8 территориальных дивизионных округов — по 2—4 кантона в каждом. В границах каждого терокруга располагались ландверные (в возрасте от 33 до 41 года) и ландштурменные (в возрасте от 41 до 48 лет) части и по одной дивизии первой очереди (от 20- до 32-летнего возраста). Ежегодно лица, достигшие предельного для данной военной категории возраста, переводились в следующую категорию.

Подготовка бойца слагалась из: 1) физической подготовки молодежи; 2) военной (допризывной) подготовки с 16 до 19 лет, главным образом в области стрелкового дела; 3) «школы новобранца» и 4) повторных сборов.

Физическая подготовка молодежи проводилась в народных школах под руководством министерства просвещения, военная подготовка — под руководством и по плану военного министерства. Стрелковая подготовка осуществлялась стрелковыми союзами, подчиненными назначенному командующим терокругом стрелковому офицеру.

Военнообязанные войск 1-й очереди в первый год службы проходили «школу новобранца» (для разных родов войск от 60 до 90 дней), а по окончании «школы новобранца» — ежегодно повторные сборы.

После перехода в ландвер военнослужащие раз в 4 года проходили краткосрочные повторные сборы.

В ландвере и войсках 1-й очереди подготовка пехотинца продолжалась в общем 214 дней.

После первой мировой войны Швейцария провела ряд мероприятий, направленных к усовершенствованию ее военной системы, в частности, был установлен определенный кадр войск. Развернув их, Швейцария к началу широких операций второй мировой войны в Европе имела

армию, численность которой вместе с ландвером и ландштурмом определялась в 500—600 тыс. чел. (12—15% населения).

Боеспособность швейцарской армии, состоящей из преобладающих в стране наций — немцев, французов и итальянцев, боевым опытом не проверена. — 429.

⁷⁶ Закон «Об обязательной военной службе» 1924 г. предусматривал для красноармейцев территориальной части ежегодные сборы в течение 5 лет: первый год — три месяца и за последующие четыре года — пять-восемь месяцев (в зависимости от рода войск), но в каждом году не свыше двух месяцев.

Остальное время военнообязанный считался находящимся в отпуску и мог привлекаться на сборы на срок не свыше недели в год. — 429.

⁷⁷ Постановление III Всесоюзного съезда Советов принято по докладу М. В. Фрунзе «Красная Армия и оборона Советского Союза», сделанному им съезду (Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. Москва, 1939, стр. 81). — 435.

⁷⁸ Контрреволюционные восстания в Грузии 28 августа 1924 г. были организованы остатками разгромленных буржуазно-националистических партий и эмигрантским меньшевистским «правительством» Н. Жордания по указанию и при финансовой поддержке империалистических государств и лидеров II Интернационала. Восстания были ликвидированы на другой же день при активном содействии грузинских рабочих и трудящегося крестьянства. — 438.

⁷⁹ Французское Конго (Французская Экваториальная Африка) — колония Франции, занимающая пространство от устья р. Конго до Триполитании и Судана и состоящая из четырех земель: Габона, Среднего Конго, Убанги-Шари и Чад. Площадь — 2487 кв. км (в 4,5 раза больше всей метрополии). Население по данным 1946 г. насчитывало 4003,7 тыс. чел. и состояло из племен суданских негров, негров банту и др. Европейцев было всего 8300 человек, преимущественно французов. Местное население в результате массового применения принудительного труда и крайней нищеты неуклонно сокращается.

Естественные богатства Французского Конго — ценные породы леса, каучук. Главный город — Браззавиль (24 тыс. жителей). В соответствии с упоминаемой М. В. Фрунзе сделкой (4 ноября 1911 г.) к германской колонии Камеруну была присоединена незначительная часть Французского Конго. — 466.

⁸⁰ «Летучими колоннами» французы называли отряды (обычно состоявшие из всех родов войск и сопровождавшиеся самолетами), назначением которых было снабжение продовольствием и боеприпасами гарнизонов французских постов (блокгаузов), разбросанных по территории колонии. В случае восстания местных племен посты эти оказывались в осаде. — 472.

⁸¹ «Ла Франс Милитер» — ежедневная военная газета, офицеров французского военного министерства. — 472

⁸² Гумы, магзены, мегалла — иррегулярные вспомогательные формирования французской армии из местных племен. Использовались для несения полицейской службы в пределах своего административного округа и для конвоирования караванов. Иногда привлекались на подавление восстаний и для усиления карательных отрядов регулярной армии. По выполнении задачи распускались по домам. Офицерский состав — французы, в некоторых случаях — туземцы. — 474.

⁸³ Марокканская армия до 1912 г. состояла из малообученных и плохо вооруженных постоянных отрядов («гарка») и призывавшейся по приказу султана иррегулярной милиции. — 474.

⁸⁴ «*Revue de Cavalerie*» («Кавалерийское обозрение») — французский военный журнал. Специальный орган, рассматривавший вопросы боевого использования конницы, с резко выраженным военно-кастовым духом. — 477.

⁸⁵ По религиозному преданию, царствующие в Марокко султаны происходят от Али, дяди пророка Магомета, в силу чего династия называется династией шерифов (потомков пророка), а Марокко — страной шерифов, или шерифиатом. — 482.

⁸⁶ Гибралтар (английская колония и военно-морская база) — крепость на южном берегу Испании. Гибралтар был захвачен Англией во время «войны за испанское наследство» (1704 г.) и имеет важное стратегическое значение как ключ к Средиземному морю на западе и как одна из баз для английского военного воздействия на южное побережье Европы и Северную Африку. — 485.

⁸⁷ «Тан» («*Le Temps*») — ежедневная французская газета, игравшая крупную роль в политической жизни страны. Издавалась в Париже с 1861 по 1943 гг. и являлась рупором министерства иностранных дел. Фактическим хозяином «Тан» была крупнейшая монополия французской тяжелой металлургии Комите де Форж, которой принадлежало большинство акций газетной компании. — 490.

⁸⁸ «Журналь» («*Journal*») — большая ежедневная французская газета. Издавалась до 1940 г. в Париже, с 1940 г. — в Лиможе. Некоторое время играла роль органа французского министерства иностранных дел, но принадлежала и издавалась на средства Комите де Форж. Прекращена изданием в 1945 г. — 500.

⁸⁹ «Таймс» («*Times*») — одна из наиболее реакционных консервативных газет Англии. Основана в 1785 г. Имеет обширный информационный аппарат. Почти весь капитал акционерной компании по изданию газеты принадлежит Дж. Уолтер и Дж. Астор, являющимся крупными финансовыми дельцами и пайщиками железнодорожных компаний, химических и металлургических концернов. К СССР крайне враждебна. — 501.

⁹⁰ Французский иностранный легион был создан в 1831 г. и предназначался для борьбы с национально-освободительным движением и восстаниями в колониях. Однако силы легиона применялись и в метрополии (при подавлении Парижской Коммуны и в первую мировую войну

1914—1918 гг.). В легион принимаются иностранцы и французы в возрасте от 18 до 40 лет без различия национальностей (даже если они являются подданными государства, находящегося в состоянии войны с Францией), причем никаких документов, удостоверяющих личность, при поступлении в легион не требуется. В результате такого комплектования легион пополняется главным образом уголовными преступниками. В настоящее время легион служит убежищем для гитлеровцев, где их сохраняют для новых военных авантур. — 513.

⁹¹ Триполи и Киренаика — части итальянской колонии Ливии, оккупированной в настоящее время английскими войсками.

Территория Ливии в границах, установленных франко-итальянским соглашением от 12 сентября 1919 г., составляет 1760 кв. км с населением в 866 тыс. чел. (главным образом арабские племена).

В результате поражения фашистской Италии во второй мировой войне, судьба народов Ливии, как и всех бывших итальянских колоний, должна быть решена демократическим путем в рамках Организации Объединенных Наций. Этот путь предусматривает укрепление международного мира и безопасности, а также политический, экономический и социальный прогресс населения бывших колоний. Борьба СССР и стран новой демократии за этот путь встречает бешеное сопротивление США, Англии и Франции, стремящихся к империалистическому разделу ранее принадлежавших Италии колониальных владений.

Ливия имеет большое стратегическое значение для господства в бассейне Средиземного моря и в Африке, которое Англия пытается обеспечить за собой путем создания и развития военных баз на территории Ливии. — 518.

⁹² Египет — в настоящее время формально самостоятельное государство в северо-восточной Африке. В состав Египта входит также находящийся в Азии Синайский полуостров. В 1882 г. Египет был оккупирован английскими войсками и с тех пор находился под политическим, экономическим и военным контролем Англии, вложившей в экономику Египта значительные капиталы и создавшей там ряд военно-морских баз.

Вторая мировая война значительно подорвала позиции Англии в Египте. Методы ее колониального господства встретили серьезное сопротивление национальных сил Египта, которые резко выступили против неравноправного договора Англии с правительством Египта, заключенного в 1946 г. По этому договору английские войска фактически оставались в Египте полными хозяевами.

Господство англичан в Египте встречает сильное противодействие и со стороны американского капитала. Империалисты США усиленно проникают во все сферы экономической жизни Египта. Рост национального сопротивления и усиление англо-американских противоречий в Египте являются важнейшими факторами современной политической жизни страны.

Территория Египта имеет исключительно важное стратегическое значение для обеспечения господства в бассейне Средиземного моря и на

Ближнем Востоке. Через него проходит кратчайший морской путь из Европы в Азию. Кроме того, Египет является важным поставщиком хлопка. — 518.

⁹³ «Африканская империя Франции» образовалась в результате колониальных захватов, которые начались в конце XVIII и начале XIX вв. и были завершены переделом мира после первой мировой войны.

Из рук Лиги Наций, в результате сделок с Англией, Франция получила часть бывших немецких колоний Того (по мандату 20 июля 1922 г.) и Камерун (по мандату 20 августа 1922 г.).

Состав территории и население африканских владений характеризует следующая таблица:

Наименование колоний	Главный город	Площадь (в тыс. кв. км)	Население (в тыс.)	Плотность населения (на 1 кв. км)
Алжир	Алжир	2204,9	8930	4
Тунис	Тунис	155,8	2730	17,5
Марокко	Рабат	398,6	8993	25,1
Французская Западная Африка	Дакар	4702	15937	3,4
Французская экваториальная Африка	Браззавиль	2487	4003,7	1,42
Мадагаскар	Тананарива	592	ок. 400	6,7
Остров Реюньон	Сен-Дени	2,5	210	96
Сомали	Джибути	21,7	44,8	2,3
Того (подопечная территория)	Ломе	57	919	16,1
Камерун (подопечная территория)	Яунде	422	2609	6,1
Итого . . .		11043,5	48406,5	17,9

После второй мировой войны Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций под нажимом США, Англии и Франции одобрила проекты соглашений об опеке Франции над народами Того и Камеруна, ничем фактически не изменив существующего там жестокого колониального режима.

Делегация СССР решительно протестовала против империалистического решения вопроса о судьбе бывших подмандатных территорий, требуя обеспечения прогрессивного развития для народов подопечных территорий с целью быстрее обеспечения им самоуправления или независимости. — 518.

⁹⁴ Инсургенция — вооруженное восстание против существующей политической власти. Задачей инсургенции является национальное объединение страны или установление ее независимости (например, гаррибальдийское движение в Италии). — 523.

⁹⁵ Мадагаскар — большой остров в Индийском океане, в 400 км к юго-востоку от Африки, колония Франции.

Основное население Мадагаскара состоит из народностей малайского и негритянского происхождения. Занятие населения — земледелие (рис, маниок, бататы, кофе, ваниль и др.) и пастбищное скотоводство.

Недра острова богаты полезными ископаемыми (золото, графит, драгоценные камни и др.). Леса обладают большими запасами ценных древесных пород.

Мадагаскар — важный военно-стратегический опорный пункт Франции в Индийском океане. — 526.

⁹⁶ Армия прикрытия предназначается для обеспечения нормального хода мобилизации в стране в первые дни после начала войны. Армия прикрытия располагается недалеко от границы на направлении вероятных действий противника и содержится по штатам, близким к штатам военного времени. — 528.

⁹⁷ По условиям плана Дауэса, подписанного 16 августа 1924 г., французское правительство в том же месяце вынуждено было начать эвакуацию своих войск из Рура и закончить ее в течение года. — 529.

⁹⁸ Уступчивость Франции в вопросе о Руре означала ее политическое поражение в борьбе против США и Англии. Эта уступчивость выразилась в том, что Франция согласилась на вывод французских войск из Рура и тем самым теряла возможность силой влиять на выполнение Германией репарационных платежей, установленных Версальским миром. Кроме того, с окончанием оккупации Франция потеряла значительные финансовые средства, поступавшие от самовольного взимания пошлин и налогов, а также дополнительные материальные ресурсы в виде каменного угля, средств транспорта и некоторых других источников дохода. Эвакуация французских войск из Рура закончилась 31 июля 1925 г. — 529.

⁹⁹ «Франкфуртер Цейтунг» — широко распространенная немецкая политическая и экономическая газета, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне с 1856 г. До захвата власти фашистами была органом партии немецких либералов, стоявших на позициях буржуазно-демократической Веймарской конституции, но полностью контролировалась химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри». Печатаала антисоветские материалы. После захвата власти Гитлером «Франкфуртер Цейтунг» стала органом оголтелой фашистской пропаганды. Прекратила существование в 1943 г. — 529.

¹⁰⁰ Сотрудничество и оперативное взаимодействие французской и испанской армии было наиболее полно осуществлено в конце лета 1925 г. Десантная операция испанцев в бухте Себадилья (7 сентября 1925 г.), завершившаяся взятием столицы риффов Аждира (1 октября 1925 г.), обеспечивалась одновременным наступлением французов в районе Феца и Тазы. В свою очередь наступление генерала Буашю, начатое 30 сентября на восточном стыке с испанской армией, развивалось при содействии испанской конницы. — 539.

¹⁰¹ Решительного наступления летом и осенью 1925 г., а также зимой 1926 г. французы не предпринимали. Трудности организации раз-

грома риффов и шансы на успех для французов разработаны М. В. Фрунзе в его работе. — 546.

¹⁰² 18 декабря 1918 г., осуществляя открытую интервенцию в Советскую Россию, французские империалисты под прикрытием мощного флота высадили в Одессе свои войска, а затем захватили и севастопольский порт. Весной 1919 г. в Черное море были введены новые морские силы (всего более ста кораблей). Интервенты действовали в контакте с Деникиным и грузинскими меньшевиками, оказывая им поддержку.

Андрэ Марти, механик миноносца «Протей», выходец из рабочих, произведенный в годы войны в офицеры, возглавил борьбу французских моряков против интервенции и подготовил вооруженное восстание на кораблях эскадры. Восстание французских моряков явилось одним из многих фактов поддержки иностранных пролетариев, оказанной трудящимся Советской России в их борьбе с интервентами.

Одним из помощников Марти был унтер-офицер Луи Бадина, впоследствии отошедший от революции.

Командованию эскадрой удалось подослать в группу Марти шпиона; восстание было раскрыто в самом начале (16 апреля 1919 г.) и подавлено. Однако работа Марти дала свои результаты: революционные настроения во французском флоте, находившемся в Черном море, продолжали усиливаться, 20 апреля состоялась совместная демонстрация французских матросов и севастопольского населения. Матросы несли красные флаги и пели «Интернационал», раздавались требования: «Прекратить войну с русскими». Демонстрация была расстреляна войсками. В Одессе французские солдаты организовали братание с населением. Восстание нашло отклик на кораблях, находившихся в портах Франции (Брест, Рошфор), на Дальнем Востоке (Владивосток) и в гарнизонах ряда городов Франции (Лион, Тулуза).

Выступления революционных матросов заставили командование французской эскадры в течение апреля-мая 1919 г. вывести ее из советских вод.

За организацию восстания, оказавшего действенную помощь Советской России, А. Марти был приговорен французским правительством к 20 годам каторги, но под давлением широких масс народа через четыре года был освобожден. В настоящее время А. Марти — член Политбюро коммунистической партии Франции. — 549.

¹⁰³ Война в Марокко продолжалась до конца мая 1926 г. Осенью 1925 г. и весной следующего года французам удалось расколоть союз риффских племен, разжечь между ними междоусобную войну и значительно ослабить силы сопротивления. Используя это обстоятельство, франко-испанские войска осуществили ряд частных операций, блокировали Рифф и 8 мая 1926 г. перешли в общее наступление. Франко-испанские завоеватели встретили упорное противодействие марокканских войск, продолжавших сопротивление, и продвигались весьма медленно. Однако в рядах риффов нарастало недовольство Абд-Эль-Керимом, не сумевшим противостоять настроениям сепаратизма. Авторитет его быстро

падал. Племена одно за другим стали подчиняться французам. В такой обстановке Абд-Эль-Керим пытался обеспечить себе почетные условия сдачи, направив французскому и испанскому командованию соответствующие письма. Письма остались без ответа.

27 мая 1926 г. Абд-Эль-Керим был окружен с горстью оставшихся с ним бойцов и пленен. Его бывшие военачальники перешли на службу к французам и испанцам. Сам Абд-Эль-Керим был перевезен во Францию, заключен в тюрьму, а затем сослан на остров Реюньон. — 557.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Ко всем членам партии, ко всем рабочим и крестьянам	31
Речь товарища Сталина на похоронах М. В. Фрунзе (3 ноября 1925 г.)	33
К. Е. Ворошилов. — М. В. Фрунзе — друг и вождь Красной Армии	35
Над свежей могилой (Из речи Дм. Фурманова на смерть Фрунзе в Школе ВЦИК)	42
Из послужного списка М. В. Фрунзе	45
Автобиография М. В. Фрунзе	50

1918 год

Россия и Дальний Восток	55

1919 — 1920 гг.

Красная Армия и ее задачи	58
Восточный фронт. Приказы, телеграммы, доклады (январь — июль 1919 г.)	64
Туркестанский фронт. Приказы, директивы, телеграммы, доклады (август 1919 г. — август 1920 г.)	88
Южный фронт. Приказы, директивы, радиogramмы, обращения, телеграммы (сентябрь — ноябрь 1920 г.)	112

1921 год

Реорганизация Красной Армии	136
Единая военная доктрина и Красная Армия	137
Берегите же революцию	160
Врангель	165

1922 год

	Стр.
Четвертая годовщина	173
Военно-политическое воспитание Красной Армии	174
Основные военные задачи момента (Из доклада и заключительного слова)	208
Памяти Перекопа и Чонгара	223

1923 год

Красная Армия прежде и теперь	237

1924 год

Привет ПУРу	242
Задачи академиков в армии	244
Фронт и тыл в войне будущего	253
Даешь коня!	264
Итоги и перспективы военного строительства	266
Шестилетие Военной академии	288
Вопросы высшего военного образования	299

1925 год

Учительство на помощь Красной Армии	316
Ленин и Красная Армия	321
Наказ журналу «Война и революция»	350
Даешь технику!	351
Приказ Революционного Военного Совета СССР	354
Больше внимания нашей Красной Армии!	358
Внимание Воздушному флоту	375
Вопросы строительства Красной конницы	384
Наше военное строительство и задачи Военно-научного общества	390
Военная промышленность — основа нашей обороноспособности	409
Задачи красноармейской печати	420
Кадровая армия и милиция	422
Оборона страны и комсомол	443
Нам нужен сильный Балтийский флот	454
Европейские цивилизаторы и Марокко	456
Примечания	555

Под наблюдением *Н. С. Филиппова* и *В. Ф. Морозова*

Художник *И. Ф. Рербер*

Технический редактор *И. Ф. Кузьмин*

Корректор *В. И. Аркушенко*

Г-52036. Подписано к печати с матриц 31.1.51 г. Изд. № 7/5227

Формат бумаги $60 \times 92\frac{1}{16}$ доля — 18,25 бум. л. = 36,5 печ. л. + 2 вкл. —

$\frac{3}{16}$ бум. л. = $\frac{3}{8}$ печ. л.

Уч.-изд. л. 30,47.

Зак. № 2047

Цена 16 руб.

2-я типография имени К. Е. Ворошилова Управления Военного
Издательства Военного Министерства Союза ССР

